

БЭТМЭН / БЭТМЭН ВОЗВРАЩАЕТСЯ / БЭТМЭН: ПО СЛЕДУ СПЕКТРА

БГ

БЭТМЭН

БЭТМЭН · БЭТМЭН ВОЗВРАЩАЕТСЯ · БЭТМЭН: ПО СЛЕДУ СПЕКТРА

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

КРЕЙГ ШОУ ГАРДНЕР

БЭТМЭН

☆

БЭТМЭН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

☆

САЙМОН ХОУК

БЭТМЭН: ПО СЛЕДУ СПЕКТРА

«ЭРИКА»
МОСКВА
1993

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

В книге три романа:

«БЭТМЭН» Крэйга Шоу Гарднера;

«БЭТМЭН ВОЗВРАЩАЕТСЯ» Крэйга Шоу Гарднера;

«БЭТМЭН: ПО СЛЕДУ СПЕКТРА» Саймона Хоука.

Главарь местной мафии Джокер правит городом Готэмом: жители дрожат от страха, промышленность парализована, полиция бессильна, муниципалитет тщетно пытается навести порядок. Кажется, город обречен... Но на помощь жителям Готэм-Сити приходит Бэтмэн, или Человек-Летучая мышь — герой, с детства знакомый миллионам американцев, а теперь и не только им...

(Одноименный фильм удостоен премии «Оскар».)

Продолжение истории о похождениях легендарного Бэтмэна. Из смрадных лабиринтов канализации в город Готэм выползла шайка отвратительных размалеванных бандитов во главе с жирным и уродливым Пингвином... Классическое противостояние «добро-зло» в данном случае осложняется присутствием еще и третьего загадочного персонажа — обворожительной и таинственной Женщины-Кошки...

Спектр — лучший среди террористов и наемных убийц, гордящийся своим искусством убивать. Он словно призрак врывается в жизнь Готэм-Сити, чтобы потрясти беззащитных горожан ужасными сценами насилия и смерти. Но ему противостоит все тот же Бэтмэн. Два непримеримых соперника сталкиваются в жестокой схватке, цена которой — тысячи человеческих жизней...

Эта книга из выпускаемой в 1993 году серии «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА». В серию вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой самых популярных и кассовых кино- и видеофильмов.

В серии более 15-и томов. Книги выгодно отличает превосходное исполнение — единство стиля при разнообразии красочного художественного оформления.

По вопросам приобретения книг серии оптовых покупателей просим обращаться по адресу:

129090, г. Москва, ул. Гиляровского, 29
(проезд — метро «Проспект Мира»).
тел. (095) 288-39-77, 342-61-61.

Настоящая книга издана в соглашении с издательством «WARNER BOOKS, Inc., New York».

Всемирные эксклюзивные права на перевод, издание и тиражирование в любом виде, а также распространение данной книги и входящих в нее произведений на русском языке принадлежат издательству «ЭРИКА».

Перепечатка произведений, полная или частичная, запрещена. Всякое коммерческое использование может быть осуществлено исключительно с ведома издателя.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом.
Использование данного знака без согласования с издательством — преследуется по закону.

ISBN 5-85775-012-1

© В. Суриков, оформление, 1993г.
© В. Суриков, знак серии, 1993г.
© «ЭРИКА», перевод «Бэтмэн», «Бэтмэн возвращается», «Бэтмэн: по следу Спектра», 1993г.
© 1989 by DC Comics, Inc. («Batman»).
© 1992 by DC Comics, Inc. («Batman RETURNS»).
© 1991 by DC Comics, Inc. («Batman: to stalk a Specter»).

КРЕЙГ ШОУ ГАРДНЕР

БЭТМЭН

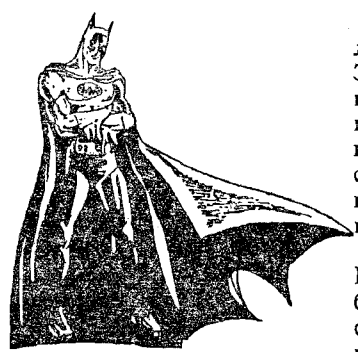
Роман Крэйга Шоу Гарднера по сюжету Сэма Хэмма, сценарию Сэма Хэмма и Уоррена Скаарена и образу, созданному художником Бобом Кейном.

Перевод с английского — *К.И. Панас.*

Бесстрашный и таинственный борец с преступностью встречает сильного противника.

Пролог

На город опустилась ночь. Было душно, влажно и очень шумно. Звуки музыки смешивались с гудками автомобилей, откуда-то доносились крики и смех. Как обычно, после захода солнца улицы стали особенно оживленными. Из всех щелей, словно тараканы, выползал разный ночной люд.

Правда, было не совсем темно. Кое-где горели фонари, и их света было достаточно для проституток, сутенеров или для мошенников, приглашающих простаков сыграть в «Три карты» и весело потешающихся потом над очередной жертвой. То там, то сям можно было видеть скорчившуюся в углу фигуру наркомана или алкоголика, временно умиротворенного принятой дозой. Еще светлее было у татуировальных кабинетов, питейных и иных ночных заведений, сквозь немытые окна которых просачивался тусклый свет неоновых ламп. И все это, словно посылая сверху свое благословение, освещала большая луна. Стояло полнолуние — время, когда, по старинному поверью люди, сходят с ума.

Добро пожаловать в Готэм-Сити!

Таков был этот ночной город, полный отверженных и уличного мусора, огромный и неуправляемый. Здесь проститутки и сутенеры, карманники и наркоманы знали друг друга по именам. Здесь властвовали мрак и грязь.

Здесь жили по своим законам. Это была одна большая, вполне счастливая семья, но только не для чужаков.

Трое очень хорошо одетых — особенно для такого места — людей: отец, мать и их двенадцатилетний сын, малыш Джимми, спускались по грязной улице. Они старались не смотреть по сторонам, чем еще больше привлекали к себе внимание. В руках у них были программки. Они возвращались из театра, но отбились от основной массы театралов и заблудились.

За ними с удивлением наблюдали обитатели улиц, оглядывая с головы до ног и потешаясь над поспешностью, с которой они торопились покинуть квартал. Какой-то пропойца преградил им дорогу. Мать схватила отца за рукав:

— Ради бога, Гарольд, пожалуйста, возьми такси.

Гарольд бросил на жену раздраженный, даже сердитый взгляд.

— Я как раз собираюсь это сделать, — и с криком: «Такси!» — он замахал обеими руками.

Мимо пронеслась одна машина, потом еще две. Никто из водителей не хотел останавливаться в этом районе.

Малыш Джимми достал из заднего кармана карту, развернул ее и нахмурился.

— Мы неправильно идем, — заявил он. За их спинами раздался смех.

— Убери это! — приказал отец, стараясь говорить тихо, чтобы не привлекать внимание. — Иначе нас примут за туристов.

Он подвел жену и сына к двум полицейским. Те стояли, прислонившись к патрульной машине, припаркованной у витрины ночного магазина. Они весело болтали с проституткой лет четырнадцати и не удостоили семейство своим вниманием. Малолетняя проститутка взглянула на них и одарила паренька улыбкой. Джимми улыбнулся ей в ответ.

Мать резко оттащила его в сторону и возмущенно посмотрела на мужа. Казалось, она кинется на него с кулаками.

— Здесь мы такси не поймаем, — сказал Гарольд. — Попробуем-ка выйти на Седьмую улицу.

Они завернули за угол, но малыш Джимми вдруг остановился и махнул рукой назад.

— Седьмая улица в другой стороне!

— Я лучше знаю, где мы находимся, — заявил отец, шагая в темноте. В этой части улицы света совсем не было. Жена и сын быстро шли за ним, обходя брошенные здесь машины, которые освещал лишь яркий свет луны.

— Эй, мистер! — раздался в темноте голос. — Не хотите ли дать мне доллар?

У одной из разбитых машин сидел парень лет девятнадцати-двадцати с угреватым лицом. На его рваной рубашке красовалась надпись: «Я люблю Готэм-Сити».

Они продолжали шагать, сделав вид, что ничего не слышат.

— Мистер! — заорал парень, который любил Готэм-Сити. — Как насчет доллара?

Шатаясь, он поднялся на ноги и заорал еще громче:

— Ты что, глухой? Или не понимаешь по-английски?

Семья быстро перешла на другую сторону переулка. Бродяга остался стоять, глядя им вслед и пошатываясь, словно раскачиваемый несуществующим ветром. Отец с трудом удержался, чтобы не оглянуться назад и убедиться, что опасность миновала. Он не заметил скрытого темнотой человека с револьвером в руках. Резким движением тот ударил им отца по шее.

Отец упал. Мать обхватила Джимми руками. Они отпрянули к кирпичной стене, не в силах произнести от страха ни звука. А через улицу к ним бежал парень, любивший Готэм-Сити, чтобы помочь своему приятелю с револьвером, который уже тянулся к карманам жертвы. Мать попробовала закричать, но из ее горла вырвался какой-то неопределенный сдавленный звук. Парень с револьвером сразу перестал шарить в карманах и направил револьвер на Джимми.

— Пожалейте паренька, дамочка, — сказал он мягким, рассудительным тоном. — Не надо кричать.

Женщина подавила вопль. Слезы хлынули у нее из глаз. Она так крепко прижала к себе сына, будто только это давало ей возможность сохранить разум. Джимми тоже онемел и застыл, как каменный, завороженно глядя на направленное на него дуло.

Наконец приятели нашли то, что им было нужно, и убежали довольные.

Женщина не сводила глаз со своего мужа, распростертого на дороге. Он был недвижим. Она даже не была уверена, жив ли он.

Не в силах больше сдерживаться, она громко закричала.

Добро пожаловать в Готэм-Сити!

Ее крик разнесся по переулку. Вместе со звуками музыки, чьим-то смехом и наполнявшими улицы автомобильными гудками он поднялся над брошенными машинами, обшарпанными кирпичными стенами к башням старого городского собора, бывшего некогда духовным центром великой метрополии, а теперь превращенного в развалины. Каменные гаргульи смотрели вниз с башен собора; — по преданию, они не давали злым духам проникнуть внутрь. Гаргульи были лишь молчаливыми, за-

стывшими свидетельницами совершавшегося у них на глазах зла. Но вдруг одна из них пошевелилась.

Добро пожаловать в Готэм-Сити!

Тем временем приятели, назовем их Эдди и Ник, один — в рубашке с надписью «Я люблю Готэм-Сити», а другой — с револьвером в руках, торопились к облюбованному ими укромному месту на крыше шестиэтажного дома, чтобы рассмотреть свою добычу. Ник открыл бумажник и увидел кредитные карточки.

— Ол райт! «Американ Экспресс», — он кинул карточку Эдди. — Без нее порядочные люди не выходят из дома.

Он стал считать деньги.

Тем временем поднялся ночной ветер, сметавший песок с крыш. Эдди посмотрел наверх. Вдруг он услышал звук, похожий на лязганье металла о металл, и взглянул на Ника.

— Пора сматываться, парень. Не нравится мне это.

Ник засмеялся:

— Ты что, высоты боишься?

— Да нет, — Эдди продолжал озираться, хотя кругом была сплошная темнота. — Только после того, что случилось с Джонни Гобсом...

Ник разозлился.

— Ну и что с того, что Джонни Гобс упал с крыши и разбился? Невелика потеря.

Однако Эдди считал, что все было не так просто.

— Нет, парень. Я-то я слышал совсем другое.

Он помедлил минуту, словно раздумывая, стоит ли говорить то, что он собирался сказать, и в конце концов решился.

— Я слышал, что на него напал Бэтмэн, Человек-летучая мышь.

— Бэтмэн? — Ник отвернулся от приятеля, подчеркивая всем своим видом, что сообщение не стоило даже того, чтобы над ним посмеяться. — Ты разыгрываешь меня, Эдди?

Но Эдди отрицательно помотал головой.

— С пятого этажа он полетел прямо вниз. В теле совсем не было крови.

— Да, ни капли, — подтвердил Ник. — Зато в крови была вся мостовая.

Внезапно он резко обернулся и уставился в темноту. На этот раз он тоже услышал странный звук.

Ник взглянул на Эдди.

— Да заткнись ты! — рявкнул он. — И слушай меня. Никакого такого Бэтмэна не существует.

Эдди же весь трясся от страха.

— Незачем было угрожать этому мальчонке. Не нужно было.

— Может, ты откажешься от своей доли? — заорал Ник. — Ну, тогда заткнись! Заткнись!

Но и он замолчал, потому что звук повторился. Только теперь он изменился и раздавался ближе, так что оба грабителя поняли, что это скрипел песок под чьими-то ногами.

Они обернулись, чтобы посмотреть, кто это был. Пораженный увиденным, Эдди попытался что-то сказать, но вместо этого из его горла вырвался странный булькающий звук. Что-то черное — чернее, чем сама ночь, — появилось на краю крыши и направилось прямо к ним. Возможно, это был человек. Он медленно и величественно распростер нечто, напоминавшее руки с прикрепленными к ним сделанными из кожи крыльями. На груди, в центре желтого овала, который, казалось, излучал свет, была изображена черная летучая мышь.

Ник вытащил револьвер и бросился на землю. Он дважды выстрелил в изображение летучей мыши. Это были меткие выстрелы. Он не мог промахнуться с такого расстояния. Пули попали в черную фигуру, она дернулась и с грохотом упала на крышу.

— Нужно смываться отсюда, — прошептал Ник и повернулся, чтобы взять бумажник.

В этот момент Эдди снова издал странный звук, будучи не в силах закричать от ужаса. Ник обернулся. Человек-летучая мышь снова как ни в чем не бывало направлялся в их сторону.

Деньги выпали из рук Ника и разлетелись, подгоняемые ветром.

Пора было удирать. Медленно, где бегом, где ползком, Ник стал передвигаться по крыше. Кто-то преградил ему дорогу у пожарного выхода. Снова он, Человек-летучая мышь!

Ну нет, он не даст себя поймать! И Ник стал стрелять, еще и еще, но револьвер ходил в его руках ходуном.

На этот раз пули вообще не достигали цели. Человек-летучая мышь продолжал шагать вперед. Первым на его пути оказался Эдди. Сжавшись в комок, он лежал на крыше, не в состоянии что-либо предпринять, и умирал со страху. Человек-летучая мышь приблизился к нему. Ударом ноги он оторвал Эдди от земли и бросил прямо на каменный дымоход. Эдди ударился о крышу и отключился.

Бэтмэн даже не остановился. Он продолжал идти.

Ник прыгнул, подвернув при этом ногу, и побежал к пожарному выходу, но вдруг...

Человек-летучая мышь сделал движение рукой, бросив что-то. Ник упал. Ноги, опутанные проволокой или веревкой, отказывались повиноваться. Ник заорал. Он должен уйти во что бы то ни стало! Опираясь на остававшиеся свободными руки, обдирая в кровь локти, он тащил свое тело на самый верх крыши. Боли Ник не чувствовал, он помнил только о Бэтмэне.

Все же ему удалось забраться на гребень крыши. Бэтмэн стоял сзади, не пытаясь схватить его, но и не уходя. Все пути к отступлению были отрезаны. И ни одного уголка, чтобы спрятаться. Впереди — край крыши, позади — Бэтмэн.

Ник потерял уже всякую надежду на спасение и был готов наделать в штаны, как этот слабак Эдди, но вдруг вспомнил о револьвере. Никто не сможет его одолеть, пока у него есть оружие. Он поднял показавшийся ему тяжелее обычного револьвер; руки дрожали. Он выстрелил, потом еще и еще, не в силах открыть глаза, чтобы прицелиться.

— Клик, — щелкнул затвор. Патронник был пуст.

«Клик-клик-клик», — отозвалось внутри, и Ник почувствовал, как близка смерть.

Две руки схватили его за рубашку и подняли в воздух.

— Не убивай меня, — прошептал Ник. — Не убивай.

Он открыл глаза. Бэтмэн стоял на краю крышу и держал Ника над бездной.

Внезапно Бэтмэн заговорил:

— Ты нарушил закон, поганое отродье.

Ник глянул вниз — шесть этажей отделяли его от земли, и стоявшие там автомобили казались отсюда крошечными. Он решился взглянуть в лицо Бэтмэна, и его страх отразился в двух зеркалах, находившихся на месте глаз.

Ник старался не обращать внимания на шум в ушах, на то, что его ноги болтались в пустоте. Какое это имело значение? Он все равно умрет. Но прежде чем уйти из этого мира, он должен кое-что сказать этому Бэтмэну.

— Нарушил закон? — Ник попробовал засмеяться, но смех получился похожим на кашель. — Ночь принадлежит не только тебе.

Бэтмэн усмехнулся.

— Ты окажешь мне услугу, если передашь своим дружкам, — неожиданно он широко улыбнулся, так что стали видны его зубы, — что ночь — это я.

Ник закричал — ему показалось, что Бэтмэн собирается разжать руки и бросить его вниз. Но, раскрутив Ника в воздухе, тот с силой швырнул его на крышу соседнего дома.

Он успел увидеть только, как, подойдя к краю, Бэтмэн шагнул в пустоту.

Что это было? Несмотря на страх, Ник не мог преодолеть любопытства. Он должен узнать, куда делся Бэтмэн. Ник подполз к краю крыши и посмотрел вниз.

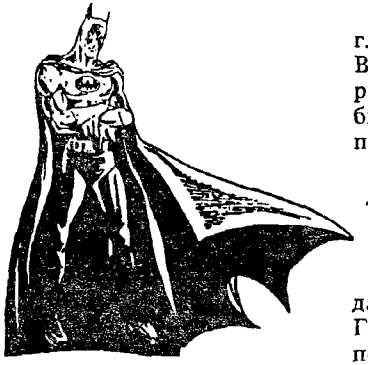
Там никого не было. Бэтмэн исчез.

И тогда Ник закричал.

Добро пожаловать в Готэм-Сити! В новый город Готэм.

Вас приветствует Бэтмэн!

1

Комиссар полиции Гордон разглядывал толпу наверху. Вместительный зал клуба демократической партии Готэм-Сити был переполнен. Огромный транспарант победно гласил:

ПОЗДРАВЛЯЕМ!
ДАЕШЬ НОВЫЙ ГОТЭМ-СИТИ!
ХАРВИ ДЕНТ — ОКРУЖНОЙ ПРОКУРОР!

Лозунг вполне отвечал надеждам Гордона. Новый Готэм-Сити? Гордон полагал, что Дент сможет повести дела по-новому. На своем веку он повидал многих предшественников Дента — таких же блестящих, полных энтузиазма мечтателей, страстно стремившихся укротить этого дикого зверя, именуемого Готэм-Сити. Как правило, город, получая очередного реформатора, оставался прежним. Реформаторы приходили и уходили — слишком много искушений, слишком много политики. Да и у самого Гордона руки были не столь чисты, как хотелось бы. Но он еще не сходил со сцены, пережив всех остальных, и при благоприятном стечении обстоятельств мог еще сделать что-то хорошее.

Он повернул голову, чтобы лучше рассмотреть сидящих за столом. Предполагалось, что там находились все самые известные деятели — сторонники преобразований: Браун, Эстевес, О'Нил, Кливленд. Гордон, однако, заметил, что второе от скипера кресло, предназначавшееся для Брюса Уэйна, было пусто. Это несколько удивило комиссара: Уэйн, как и все они, многое сделал для того, чтобы добиться избрания Дента.

Хотя газеты представляли его читателям как «плейбоя-миллионера», город был многим обязан Брюсу Уэйну. Если бы нашлось еще несколько таких же плейбоев-миллионеров, они очень быстро изменили бы Готэм-Сити. Должно быть, нечто очень важное помешало Уэйну прийти. Возможно, думал Гордон, с досадой глядя на жалкие куски мяса в своей тарелке, Уэйна испугала перспектива очередного обеда с жестким, как резина, ростбифом.

Приняв приветливое выражение лица, он снова взглянул наверх. За годы службы он научился сохранять на лице улыбку

независимо от качества обеда. К тому же сегодня была причина для хорошего настроения.

Денту удалось добиться перевеса голосов над своим соперником, который, как, наконец, поняли избиратели, последние двадцать лет был послушным орудием мафии. Результаты голосования означали, что за Гордоном и городскими властями теперь стояло достаточное число избирателей, чтобы изменить положение. Возможно, правда и справедливость наконец-то восторжествуют и хотя бы часть преступников окажется за решеткой.

Могло быть и так, но могло быть и по-другому. Покосившись влево, Гордон вздохнул. Его тяготила обязанность присутствовать на таких вот официальных обедах, в программу которых неизменно входила речь господина мэра.

Мэр города Борг поднялся из-за стола важный, как индюк, словно избрание Дента было его личной заслугой. Гордон знал, что в обязанности мэра входило всего лишь представление Дента собравшимся, но Борг был способен растянуть эту процедуру минут на двадцать.

Борг начал говорить, и толпа затихла. Гордон слушал его вполуха. Боже правый, думал он, неужели Борг не слышит, какую чепуху несет? Между тем мэр разглагольствовал о «нашем прекрасном городе», об «этом замечательном цветке восточной части страны». Он благодарил тех, кто его поддержал, назвав многих по имени. Лишь после этого Борг перешел к презентации Дента, и Гордон весь обратился в слух.

Борг глубоко вздохнул, что, очевидно,должно было придать его словам большую выразительность, но вместо этого навело на мысль о том, что он слишком много курит.

— В нашей стране, — продолжал Борг, — название города, в котором мы живем, ассоциируется с преступностью. Она захватила улицы нашего города, и полицейские бессильны что-либо сделать. Как мэр я обещаю вам искоренить коррупцию в самих ее истоках.

Он снова набрал в легкие воздух и поднял вверх пухлый указательный палец.

— Ты слышишь, «Хозяин», Карл Гриссом? Наш новый окружной прокурор воплотит это в жизнь. Я тебе обещаю!

Харви Дент встал, и все присутствующие тоже поднялись с мест, аплодируя и приветствуя его. Эта часть населения Готэм-Сити действительно жаждала перемен.

Дент попросил тишины, все мгновенно успокоились и уселись на свои места, приготовившись слушать речь нового окружного прокурора.

Он был высок и строен, и костюм сидел на нем как влитой. Свет мягко золотил кожу его лица. Гордон понимал, что

внешний облик Дента-лидера — еще одна удача. Он будет хорошо смотреться на телеэкране, намного лучше, чем пожилой, грузный и обрюзгший комиссар полиции.

Дент заговорил, и его голос звучал так ясно, что был слышен и без микрофона.

— Я не люблю говорить много, скажу только самое главное. Так же мы собираемся и действовать. Я говорил сегодня с комиссаром полиции Гордоном.

Раздались негромкие аплодисменты. Может, они предназначались полицейскому комиссару? Гордон вежливо улыбнулся. Как добры они сегодня, подумал он.

— Он борется с фирмами, подозреваемыми в связи с мафией, — продолжал Дент. — В течение недели мы раскроем их махинации. — Он помолчал, обведя глазами толпу. — И прольем свет закона на это осиное гнездо!

Зал взорвался аплодисментами. Радости Гордона не было предела. Ему предстояла настоящая работа! Это вам не бесполезное присутствие на скучных официальных обедах. Публика обычно не замечает комиссара полиции. Непривычное для него внимание смущало Гордона.

Черт побери! Порой ему хотелось удрать от всего этого, как сделал Уэйн. Он мог поклясться, что отравился этим резиновым ростбифом. Он приветливо улыбнулся Денту и подумал с надеждой: хоть бы не разболелся желудок, ведь надо ознакомиться с остальной частью плана нового окружного прокурора, который, как надеялся Гордон, несмотря на все удары судьбы, они смогут воплотить в жизнь.

Господи, сколько хлама!

Джек Нейпир с отсутствующим видом перебирал свою счастливую колоду карт. Просто удивительно, как, имея такие большие деньги, разумеется, добываемые не трудом манекенщицы, а складывавшиеся из тех подношений, что делал ей Хозяин — Карл Гриссом, Алисия ухитрилась набить свои аппартаменты таким барахлом! Взять, к примеру, этот овальный кофейный столик — какой-то постюгославский модерн или что-то вроде этого. Возможно, для других — классная вещь, но для него — лишь ненужный хлам. Правда, он вполне годится для того, чтобы положить на него ноги. А эти фотографии с ее изображениями, на которых она выступает как манекенщица? Ну да они хоть закрывают стены наподобие обоев.

Джек сам говорил: раз она спит с ним, значит у нее хороший вкус на мужчин. Плохо только, что в других вещах вкус ей явно изменяет.

Джек сдал самому себе карты и взглянул на экран, где появился тот самый зануда, который только что победил на выборах.

Кто же этот парень? Минуту назад женщина-диктор назвала его имя. Бенд? Бент? А, вот: Дент. Нельзя сказать, что в нем было нечто особенное. Он говорил, как говорили все остальные политические деятели, которых когда-либо слышал Джек. Однако он должен быть признать: выглядел парень потрясно.

Нейпир снял с верха колоды четырех валетов; каждая карта была пробита пулей.

— Все вместе мы сможем сделать город безопасным для порядочных людей, — говорил Дент.

— Порядочным людям не место в этом городе, — сказал Джек, обращаясь к телеэкрану. — Им лучше жить где-нибудь еще.

Алисия впорхнула в комнату. Может, у нее действительно не было вкуса, но выглядела она замечательно, особенно в этом сильно обнажавшем ее черном неглиже. Она задрала на столик ноги и схватила номер журнала «Вог» с собственной фотографией на обложке. «Надо же, оказывается, мои ботинки были прямо на ее лице». Он недовольно заметил на одном из своих начищенных до блеска черных ботинок небольшую царапину. Как это он не уследил!

Глядя на экран, Алисия расчесывала свои прямые светлые волосы.

— Дорогой, послушай-ка, он ведь выступает против Карла.

Джек щелкнул колодой, словно отмахиваясь от сказанного ею.

— Не беспокойся. Если этот шут вздумает тронуть Гриссома, я его тут же прикончу.

Алисия растянулась с ним рядом, ее пеньюар раскрылся еще больше. Она схватила его галстук и закрутила вокруг шеи.

— А если Гриссом узнает о нас, он убьет тебя.

Джек перевел взгляд с экрана на зеркало, висевшее над туалетным столиком. Черт побери, как к лицу ему этот галстук! Да уж, у него-то отменный вкус. Это врожденное качество: либо оно у тебя есть, либо его нет и никогда уже не будет.

— Не льсти себе, ангелочек, — пробормотал он, наконец, обратив на нее свой взгляд. — Он — утомленный жизнью старик. Он не в состоянии без меня удержать в руках этот город. Джек снова глянул на себя в зеркало. — А потом — он же ничего о нас не знает.

Нажав кнопку дистанционного управления, он выключил телевизор.

Когда он встал, Алисия спросила:

— Ты не расстроился, Джек?

Джек улыбнулся, чтобы успокоить ее. Он взглянул на часы. Пора уходить. Взяв свое пальто с кушетки и остановившись перед туалетным столиком, Джек провел рукой по темной

ворсистой ткани, поправил волосы. Да-а, ничего не скажешь. Старина Джек в своем лучшем виде!

— Ты выглядишь прекрасно, — словно подтвердила она его мысли.

Джек улыбнулся своему отражению в зеркале.

— А я и не сомневаюсь в этом.

Отражение ответило ему улыбкой.

Александр Нокс боялся громко дышать.

Он бежал вниз по переулку, чтобы быстрее попасть к месту преступления. Неожиданно он услышал, как за углом лейтенант Экхардт рассказывал о нем судебному медику. Да-да, Экхардт действительно говорил о нем. Но, когда Нокс показался, круглолицый начальник караульной службы тут же проглотил язык.

Иногда, думал Нокс, можно стать лучшим репортером города только благодаря тому, что на какую-то минуту опередишь остальных.

Вот что он услышал.

— Знаешь, тот парень говорит, будто он видел... — начал врач.

— Постой, я попробую догадаться сам, — прервал его Экхардт. — Какое-то огромное, сверхъестественное существо, похожее на летучую мышь?

— Да, именно так, — взволнованно говорил его собеседник. — Так что же все-таки они видели там, наверху?

Экхардт прервал его.

— Оба были в стельку пьяны.

— И все же здесь много непонятного, лейтенант, — сказал врач.

— О, господи, — вдруг пробормотал Экхардт, переходя на шепот. — Нокс здесь!

Вот черт. Торопясь все разузнать, Нокс вошел в переулок чуть раньше, чем следовало. Ну да теперь ничего не поделаешь, раз уж он обнаружил себя, надо суметь воспользоваться этим как можно лучше — и он, широко улыбаясь, направился к Экхардту.

— Привет, джентльмены! Я слышал о новом нападении Летучей мыши.

Экхардт поморщился. Нокс улыбнулся еще шире.

— Это уже восьмой случай, причем меньше чем за месяц. Я даже слышал, что комиссар начал расследование.

— Извини, Нокс, — возразил Экхардт, и его лицо приняло непроницаемое выражение, — если ты имеешь в виду тех двоих, то они просто поскользнулись на банановой кожуре.

Двоих? Ах, так значит, негодяев было двое! Порой Экхардт сообщает важные подробности, даже не подозревая об этом.

Нокс соображал, как бы устроить дело таким образом, чтобы задать пару вопросов свидетелям.

В этот момент показались двое полицейских... Они тащили за собой одного из парней. На какое-то мгновение Нокс подумал, что Экхардт, возможно, говорит правду. Парень действительно выглядел так, будто сильно наклюкался. Одежда на нем была разорвана во многих местах, так что под ней виднелась кожа, покрытая темными пятнами засохшей крови. Волосы тоже перемазаны кровью. Но — это было поразительно — парень смеялся.

— Да говорю же вам, летучая мышь. Огромная летучая мышь! — он хихикал, дергался и крутил головой, обращаясь то к Экхардту и Ноксу, то к сопровождавшим его полицейским. — Он хотел, чтобы я оказал ему услугу.

Но полицейские уже поволокли парня дальше, так и не дав рассказать, в чем состояла эта услуга. Нокс посмотрел на Экхардта с ехидной улыбкой: он получил ответ на самый главный вопрос.

Тем временем Экхардт решил дать волю своему раздражению.

— Не советую писать о такой чепухе в газете, Нокс. Это погубит твою и без того плохую репутацию.

Но Нокс уже знал, что переиграл этого жирного ублюдка. Подумать только: свидетель, видевший Человека-летучую мышь!

Ноксу этого показалось мало, и он решил пойти дальше.

— Лейтенант, городские воры перепуганы насмерть! Они рассказывают, будто он пьет кровь. Они говорят, что его невозможно убить!

— Я вижу, что у тебя в голове одно дерьмо, Нокс, — рявкнул Экхардт и с негодованием отвернулся. — И как только ты можешь такое пересказывать?

Итак, даже после всего того, что он узнал, его продолжают дурачить? Ну нет, Нокс так легко на отступится.

— Скажите, лейтенант, разве водится в Готэме летучая мышь ростом в шесть футов?

Экхардт, не оглядываясь, пошел прочь.

Нокс крикнул ему вслед:

— А если это так, может, он находится на содержании у полиции?

Экхардт, тяжело ступая, завернул за угол.

— Если это так, — продолжал Нокс, — не скажете ли, сколько он получает, за вычетом налогов?

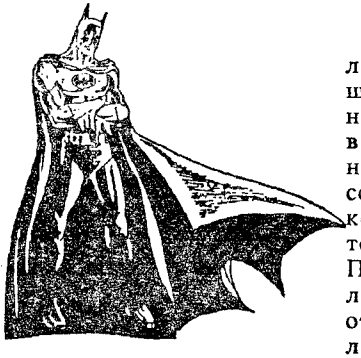
Ответа не последовало. Да Нокс и не ждал никакого ответа. Секунду он размышлял, не пойти ли за лейтенантом, но решил, что и для карьеры, и для здоровья лучше не делать этого. Не стоит быть слишком назойливым.

Кроме того, он ведь добился того, чего хотел. Был ли тот весельчак пьян или нет, но он видел Человека-летучую мышь. Нокса особенно интриговало то, что полиция по каким-то причинам не хотела, чтобы случай получил огласку. Но Экхардт и его собратья должны понять, что такая позиция еще сильнее заставит Элли Нокса стремиться разузнать правду.

Кто же все-таки был этот парень, появлявшийся в облике мыши? Бывший полицейский? Преступник? Один из членов «Комитета бдительности»? Или же просто какой-нибудь чокнутый? С равным успехом это могло быть и первое, и второе, и третье. Нокс должен найти разгадку и все, что разузнает, опубликовать в «Готэм Глоб».

Когда это произойдет, Человек-летучая мышь станет самой грандиозной сенсацией в стране. И то, что сейчас скрывает полиция, будет напечатано аршинными буквами на первой полосе.

2

Ах, вот и наш толстяк. Направляясь к ним своей раскачивающейся походкой, он явно нервничал и озирался вокруг. Известный всему Готэму, неопрятный и небритый, он нес свое тело, сотрясавшееся при ходьбе в слишком тесном для него костюме, который, казалось, вот-вот лопнет. Почему Экхардт не может последить за собой? Джек Нейпир откинулся на складной верх своего лимузина. Боб Хокинз, его первый помощник и телохранитель, занимался обычным делом — поправлял зеркало, чистил дверную ручку, — но был готов в случае необходимости действовать.

Джек привстал, протянул лейтенанту сверток с сэндвичами.

— Вот тебе легкий завтрак, Экхардт.

Полицейский открыл пакет и с удивлением уставился на сэндвич: хлеб был начинен стодолларовыми бумажками. Засовывая его в пиджак, полицейский окинул взглядом улицу.

— Ты бы еще объявил об этом по радио, Нейпир, — лейтенант казался раздраженным. Должно быть, встал с левой ноги.

Но это не причина, чтобы так разговаривать с ним. Нейпир подумал, что пришло время поставить на место этого Гриссомова лизоблюда.

— Помолчи-ка и послушай, — приказал Джек. — Харви Дент упорно разнюхивает что-то об одной из ваших фирм.

Лейтенант разозлился еще больше.

— Это моя территория, Джек, — отрезал он, направляясь к лимузину. — Если возникла какая-то проблема...

Но Джек и так слишком долго слушал толстяка. Он сгреб Экхардта за шиворот.

— Экхардт, — сказал он очень просто и откровенно, — твои проблемы — это наши проблемы.

Полицейский вырвался из рук Джека.

— Я работаю на Гриссома, а не на разных психов.

— Что ты говоришь, Экхардт! — изобразив удивление, ответил Джек. — Подумай лучше о будущем.

— Ты имеешь в виду, — усмехнулся полицейский, — свое шоу? Он пренебрежительно махнул своей ручищей. — У тебя нет будущего, Джек. Ты всего лишь шут гороховый, и Гриссом это знает.

Джек ударил Экхардта по физиономии, потом, развернувшись, следующим ударом вмазал полицейского в кирпичную стену. Ошеломленный внезапностью нападения, Экхардт обмяк. На ссекунду Джек даже пожалел о своем поступке. Но, в конце концов, толстяк сам на это напросился.

Лицо Экхардта стало красным, как у Деда Мороза. Он сгреб Джека за воротник и вынул револьвер.

Увидев оружие, Джек уставился на него, потом на пальцы толстяка у своего горла.

— Испортишь костюм, — сказал он небрежным тоном.

Экхардт с трудом перевел дыхание. Он хмуро взглянул на Нейпира, выпустил из руки его ворот и опустил оружие.

Джек улыбнулся. Какой все же замечательный человек этот толстяк!

— Ну вот, видишь? — добавил он шутливо. — Можешь ведь принять верное решение, если захочешь.

Джек начал хохотать. Краска отхлынула от лица Экхардта, и это еще больше развеселило Нейпира. Бог мой, толстяк по-настоящему раскипятился! Джек направился к распахнутой дверце машины. Не в состоянии больше смотреть на полицейского, он хохотал так, что слезы текли по лицу. Садясь в машину, он оглянулся в последний раз.

И что-то заставило Джека прекратить веселье.

Он увидел, что Экхардт улыбался — но почему? Джек не стал раздумывать над этим, не слышал он и последних слов Экхардта: «...и где ты проводишь свои ночи, красавчик».

На осеннем ветру развевался красно-желто-черный транспарант:

«ПРАЗДНОВАНИЕ ДВУХСОТЛЕТИЯ ГОТЭМ-СИТИ».

Борг нетерпеливо махнул рукой Денту и Гордону, приглашая их следовать за собой.

Когда у Борга появлялась личная заинтересованность в чем-то, он становился на редкость энергичным, а юбилейные торжества воспринимались им именно как личное дело. Они уже посетили одного из поставщиков рекламных платформ и компанию по изготовлению костюмов, убедившись, что к торжественному дню все будет готово. Теперь мэр прихватил их с собой, чтобы осмотреть близившееся к концу строительство парадной трибуны на городской площади.

Гордону казалось, что они болтаются по городу уже несколько часов. Вот сегодня, думал он, Дент на деле узнает, что это значит — работать на благо Готэма.

— И мне наплевать на то, сколько будет стоить этот фестиваль! — кричал им мэр, оборачиваясь на ходу. — Я хочу, чтобы был настоящий парад, хот-доги, воздушные шары и прочая мишура. Мы должны достойно отметить двухсотлетний юбилей. И всенародно!

Дент сделал робкую попытку противопоставить всему этому хоть немного здравого смысла.

— Как бы нам не пришлось отметить его на скамье подсудимых по делу о растрате, — осторожно возразил он мэру. — Поступления от налогов уменьшаются, и если праздник не принесет доходов, вы распроститесь со своим рейтингом. У нас уже триста пятьдесят тысяч убытка, а еще не видно ни одного воздушного шара!

— Я возьму на себя финансирование праздника, — продолжал упорствовать мэр, вновь повышая голос. Гордону иногда казалось, что Борг чувствовал себя уверенным только тогда, когда кричал, возмещая громкостью голоса недостаток логики.

— Да я знаю целую группу богатых старух, каждая из которых готова заплатить по тысяче долларов только за то, чтобы посетить Уэйн Манор! — не переставал хвастаться мэр. — Нужно только заполнить эту площадь народом, детьми, собаками, целыми семьями — и к вам вернутся ваши деньги!

— Думаю, что многие не придут, господин мэр, — произнес Гордон, пытаясь поддержать Дента. — Они боятся.

— Им нечего будет бояться, когда в этом особняке вы покажете им Гриссома, — не сдавался Борг. — Я ведь обещал, верно?

Гордон вздохнул и с сомнением покачал головой. Да, конечно, мэр это обещал. Он взглянул на Дента. Новый окружной прокурор беспомощно пожал плечами. Они прибавили шаг,

чтобы не отстать от Борга, уже взбиравшегося по ступенькам недостроенной парадной трибуны.

Ноксу это не понравилось. Все репортеры сгрудились вокруг стола карикатуриста Боба в углу комнаты, где помещался отдел городской хроники. Хуже всего было то, что все они заулыбались при виде Нокса. Ноксу был хорошо известен смысл такой улыбки в предвкушении добычи — волки всегда нападают стаей.

— Ну, ну, — радостно воскликнул Макфи. — Расскажи-ка о Дракуле! А когда ты в последний раз видел снежного человека?

— Они похоронили твою историю о Бэтмэне, — с ухмылкой сообщил Томпсон.

— Да, они хоронят всю эту чепуху, — подтвердил Макфи.

Пусть себе упражняются, Нокс вовсе не собирался позволить этим ничтожествам из газеты «Готэм Глоб» разделаться с ним. Улыбаясь в ответ, он крикнул: — Здесь пахнет Пулитцеровской премией. Запаситесь терпением!

— Эй, Нокс! — с притворной улыбкой позвал его карикатурист. — У меня есть кое-что для тебя!

В руках Боб держал рисунок, изображавший Человека-летучую мышь: страшная крысиная физиономия с торчащими клыками увенчивала человеческую фигуру в пиджачной паре. Внизу была надпись: «Вы не встречали этого человека?»

Да, Томпсон, Макфи и остальные полагали, что никогда еще в их службе новостей не происходило ничего более забавного. Но Нокс не переставал улыбаться. Пусть-ка они попробуют раздобыть что-нибудь более оригинальное.

— Неплохо, ребята, — ответил он. — Разве что немного заострить клыки?

Повернувшись к ним спиной, Элли Нокс направился к своему офису, шепча:

— Что за пустомели.

Нокс застыл на пороге. Кто-то уже был в комнате. Женщина. Он мог видеть ее в окошко офиса — и что он увидел!

Собственно, видна была только пара ног. Но какие это были ноги! Ради таких ног любой настоящий мужчина мог пойти на преступление! Нокс сделал еще шаг, чтобы увидеть ее всю целиком. Совсем неплохо. Положив эти самые свои ноги на стол, она откинулась на спинку вращающегося кресла, держа в руках номер «Глоб». Великолепная фигура, красивое платье, прекрасные светлые волосы.

Нокс вошел в офис, будучи не в состоянии унять сердцебиение.

— Привет, ножки! — сказал он.

Она вскинула голову, и сдвинувшаяся назад шляпа открыла

улыбающееся ему лицо, которое вполне гармонировало со всем остальным.

— Я изучаю ваш материал, — произнесла она.

— А я — вас, — радостно сообщил Нокс. Он увидел большую фотокамеру, занимавшую угол стола. На ней стояли инициалы: «В.В.».

Хозяйка ног поднялась и протянула руку. Нокс пожал ее. Рукопожатие было достаточно твердым и небезразличным.

— Привет, я — Вики Вейл.

Ноксу откуда-то было знакомо это имя. Он напряг память.

— Вики Вейл... Вики Вейл... Постой-ка... — он щелкнул пальцами. — «Вог», «Космо»... я видел ваши работы в области моды. Послушайте, вы ведь не затем сюда пришли, чтобы снять меня в обнаженном виде?

Он помедлил.

— В этом случае вам понадобились бы мощные объективы.

— Да, я работала в этих журналах, — ответила Вики прямо и деловито, словно не слышала дерзких слов, — но и в Корто Мальтезе тоже.

В Корто Мальтезе? Нокс задумался. В зоне военных действий? Это никак не вязалось со стоявшей перед ним хорошенькой женщиной. Она порылась в кейсе и вытащила небольшую папку с фотографиями — на них были изображены военные эпизоды. Нокс быстро просмотрел снимки. Прячущиеся партизаны, взорванный «джип», солдаты правительственных войск, поджигающие крестьянские дома, сложенные штабелями тела людей. Материал был сделан превосходно. Вики не боялась находиться в непосредственной близости от происходящего. Ее фотографии показывали лицо войны и были способны потрясти любого.

— Да-а, — протянул он с восхищением, — для девушки это слишком жестокие сцены.

Он снова посмотрел на нее.

— Но что вы делаете здесь?

Вики подняла бровь:

— Я приехала, чтобы познакомиться с животным миром Готэма.

Нокс не понял.

— Животным миром? С чем же например?

— Например, с летучими мышами, — она указала на разбросанные по столу Нокса бумаги: заметки, размышления, забракованные страницы, даже неловко сделанные наброски, и все это — на одну тему — Человек-летучая мышь.

Это было невозможно. Нашелся кто-то, поверивший ему? Он с удивлением посмотрел на Вики.

— Кто вас прислал?

— Никто, — ответила она с улыбкой. — Я прочла вашу заметку, где и нашла то, что меня очень интересует.

Интересует? Да нет, подумал Нокс. Это было бы слишком простым объяснением.

— И что же вы решили? — продолжал он.

— Фотография парня в костюме летучей мыши, ловящего преступников, идет? — она стала делать рукой движения, будто что-то писала. — А вот и заголовок: «Бэтмэн уничтожает преступность в Готэм-Сити!» Мои фотографии. Ваш текст. Этот материал потянет на Пулитцеровскую премию.

Да. Он и сам все время думал об этом. Не сказал ли он только что то же самое парням из отдела городской хроники? Нокс засмеялся.

— Вы настоящая телепатка! Но дело в том, что кроме вас мне никто не верит.

Его радость исчезла, когда он вспомнил о реальном положении дел.

— Мне нужно нечто конкретное: у Гордона заведено досье на эту тему, но я не могу застать его даже по телефону.

— У Гордона? — Вики заговорщически подмигнула Ноксу. — Но ведь он будет на благотворительном обеде у Брюса Уэйна!

Нокс утвердительно кивнул, но был несколько озадачен.

— Я не думаю, что попаду в число приглашенных. — Он поднял глаза к потолку. Как же поговорить с Гордоном насчет Бэтмэна? Какой толк в том, что Нокс знал правду, если он никого не мог убедить?

Но что это? Вики поднесла к самому его носу какой-то небольшой белый предмет. Он был очень похож на пригласительный билет в особняк Уэйна — Уэйн Манор.

Нокс чуть не закричал от радости и подмигнул ей в ответ; журналистка спрятала приглашение в сумочку.

— Мисс Вейл, давайте мы с вами где-нибудь встретимся, — попросил он.

Длинные ресницы затрепетали, и она отрицательно покачала головой.

— Вы мне поможете? — спросила девушка.

— Да, — произнес он с готовностью. — А вы выйдете за меня замуж?

— Возможно, — весело ответила она. — Но не храпите ли вы во сне?

— Я научусь, — пообещал он смеясь.

Карл Гриссом любил все красивое. Например, этот офис на крыше, из которого открывается прекрасный вид на Готэм-Сити. Или эта манекенщица, блондиночка Алисия, которая умеет так изящно повиснуть на его руке. Вот почему он скупал

лучшие таланты в городе — от бухгалтеров до политических деятелей и вышибал. Это были люди, которым он доверял иди держал в полной от себя зависимости. Однако уже очень, очень давно он не собирал всех их вместе.

Но именно за это он платил всем своим талантам — от элегантных мужчин в белых рубашках и галстуках, до парней, которые выглядели так, будто только что участвовали в уличной драке. Он пригласил сюда лучших из них для того, чтобы они придумали, как поступить с новым политическим выскочкой, Харви Дентом. Вопрос о том, кто будет определять политику в Готэм-Сити, давно беспокоил Гриссома. Мэр был глуп, поэтому Гриссом решил оставить Борга на службе. Комиссар Гордон мог бы стать причиной некоторого беспокойства, но половина его лейтенантов находилась на содержании у Гриссома. Что касается Дента, он не давал себя купить и был достаточно умен, чтобы собрать совершенно новую команду честных помощников. Так что Гриссому предстояло найти новый способ заставить Дента отвязаться от него. Зачем ему эта головная боль? За то он и платит дюжине молодцов, чтобы у них болела голова о его делах.

— Все видели это? — крикнул Гриссом, помахивая номером газеты «Глоб». Почти всю первую страницу занимала фотография Харви Дента.

Все обернулись на голос шефа — все, кроме Джека Нейпира, продолжавшего, как обычно, сдавать самому себе колоду карт.

Гриссом взглянул на Люса, одного из «белорубашечников», имевшего как юридический, так и финансовый опыт, и обратился к нему:

— Подумать только, этот сукин сын хочет доказать, что мы связаны с «Эксис Кемикэл». Какой ущерб грозит нам в этом случае?

Люс, казалось, с трудом подыскивал слова для ответа.

— Если он докажет нашу связь с «Эксис Кемикэл», мы погибли, — он помолчал, откашлялся. — Нужно немедленно действовать.

Джек Нейпир заговорил, не поднимая глаз от карт.

— Нужно проникнуть в здание, почистить офисы, расправиться с документами. Можно назвать это «промышленным шпионажем».

Гриссом усмехнулся. Этого он и ждал.

— Умно придумано, Джек. То, что надо. — Он секунду помедлил, словно раздумывая. — Я хочу, чтобы ты лично возглавил эту операцию.

Джек впервые оторвал глаза от карт.

— Я?

Он вытащил одну из карт. Гриссом заметил, что это был не

валет. На этот раз Нейпир открыл джокера, лицо которого было прострелено.

Тишину нарушил шум персонального лифта Гриссома. Раскрылись металлические двери, и из них вышла Алисия с таким множеством покупок, что она с трудом удерживала их в руках. Как всегда, подумал Гриссом, она счастлива, когда ее отпускают за покупками. По крайней мере, он считал так до последнего времени.

— Хелло, дорогая, — откликнул ее Гриссом. Улыбка не сходила с его лица. — Подожди, пожалуйста, в другой комнате.

Алисия согласно кивнула головой из-за горы своих покупок. Исчезая в проеме двери, ведущей в жилые комнаты Гриссома, она бросила взгляд на Джека Нейпира.

Все верно, подумал Гриссом.

— Благодарю вас, джентльмены, — бросил он внезапно. — На сегодня все.

Все, кроме одного человека, вышли из комнаты. Джек Нейпир стоял у своего кресла, перед которым на столе лежали разложенные карты.

— Карл, — спросил Нейпир, — не мог бы ты послать туда кого-нибудь другого? Там такая вонь...

— Джек, — повторил Гриссом, — это важное дело, и мне нужен человек, которому я доверяю. Ты моя правая рука.

Он улыбнулся и показал на стол.

— Смотри, не забудь свою счастливую колоду.

Джек кивнул и сгреб карты. Гриссом, продолжая улыбаться, направился к двери.

— Дружище, — сказал он мягко, — потерпи, твое счастье скоро переменится.

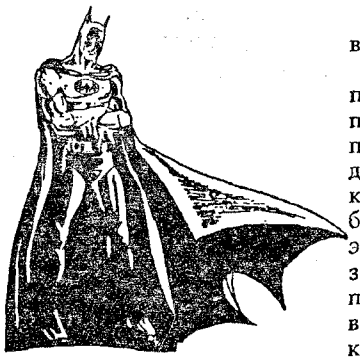
Открылась боковая дверь. Алисия вошла, демонстрируя первую из своих многочисленных покупок. Она так делала всегда.

С ней Гриссом разделается позже. Он поднял телефонную трубку.

— Соедините меня с лейтенантом Экхардтом.

Этому надо было бы немного увеличить вознаграждение, конечно, после того, как он сообщит, что Нейпир мертв.

3

Уэйн Манор был поистине великолепен.

Правда, на Вики он не сразу произвел впечатление. Благодаря профессии фотографа ей приходилось бывать в замках и дворцах, встречаться с королями и королевами. Уэйн Манор нельзя было в полной мере причислить к этому разряду знаменитых зданий, хотя он был очень велик и потрясающе меблирован. И все же в этом здании с высокими потолками и резными панелями красного дерева было нечто, говорящее о его истории и предназначении. Уэйн Манор, конечно, — не Букингемский дворец, но в чем-то близок ему, если только на американской земле можно воссоздать свойственное этому ансамблю ощущение царственности.

Вики почувствовала, что Элли Нокса такое окружение смущает. Он старался не отставать, когда они вошли в нарядный коридор, ведущий к галерее. Когда же они добрались до зала, он буквально прирос к месту и, разинув рот, глазел по сторонам.

Однако, спустя какое-то время, Нокс почувствовал себя свободнее и стал передвигаться один. Правда, в своем по случаю купленном костюме из синтетики он выделялся среди окружающих, в большинстве своем одетых в смокинги. Но не могла же она постоянно о нем заботиться! У него была своя работа, у нее — своя, и в данный момент ее задача состояла в том, чтобы встретиться с Брюсом Уэйном. Она хотела выяснить мотивы филантропической деятельности плейбоя-миллионера. У нее вдруг возникла мысль о том, что, помимо Человека-летучей мыши, она может раскопать здесь еще какую-нибудь историю.

Если бы она встретила Брюса Уэйна! Интересно, а каким образом получили приглашение остальные гости?

Она обратила внимание на то, что один из слуг подошел к темноволосому молодому господину в смокинге и протянул для подписи какую-то бумагу. Наверное, это было важное лицо. К тому же господин обладал приятной внешностью. Он подписал бумагу, и слуга удалился.

Мужчина в смокинге остался стоять с ручкой в руке. Он огляделся вокруг, ища, куда бы ее положить, и, вероятно, уже наметил для этой цели цветочный горшок, когда к нему незаметно приблизился худощавый седоволосый элегантный мужчина, в котором Вики узнала одного тз тех, кто встречал гостей у входа в Уэйн Манор. Он на ходу, ловко и незаметно, с улыбкой принял из рук молодого господина этот пишущий инструмент.

Вики направилась в сторону танцевального зала и казино.

Полдюжины рулеток и столько же карточных столов были расставлены в огромном помещении, напоминающем своими размерами некоторые концертные залы, в которых приходилось бывать Вики. Сверху свисали небольшие, удачно оформленные лозунги, гласившие: «Праздник состоится!». В зале было столько народа, что трудно было пройти, а огромные зеркала на стенах многократно отражали шумное веселье, из-за чего помещение и вовсе казалось безграничным.

Зрелище было совершенно потрясающее. Здесь присутствовала вся могущественная, богато разодетая элита Готэма, проигрывающая свои деньги в благотворительных целях. Вики смотрела на множество драгоценностей, сверкавших в свете огромных хрустальных люстр, и снова ей вспомнилось великолепие королевских дворцов.

Она опять увидела Элли Нокса, который продолжал рассматривать потолки. Тот элегантный мужчина, который встречал их у входа, шел по залу; на этот раз в руках у него был поднос с бокалами шампанского. Проходя мимо Элли, он остановился и тоже посмотрел на потолок.

— Могу ли я вам помочь, сэр?

— Знаете ли вы, — сказал Нокс в ответ, — что если разделить пополам вашу ванну, то это будет как раз моя квартира?

— У нас довольно большая ванная комната, сэр, — согласился джентльмен.

— Нет, вы меня не поняли, — поправил его Нокс, — я имел в виду не ванную комнату, а саму ванну.

Говоря это, Элли взял с подноса бокал шампанского. Джентльмен вежливо ему поклонился и двинулся дальше. Он быстро и уверенно шел через толпу. Когда он дошел до Вики, его поднос был наполовину пуст.

Она вдруг догадалась, что это был дворецкий, если только еще существовала такая должность. Ведь в этом и заключались обязанности дворецкого: открывать двери, разносить шампанское. И такой дом, как Уэйн Манор, просто обязан иметь такого слугу, разве нет?

Тем временем дворецкий — или кто он там — наклонился вперед, потянувшись за пустыми бокалами, чтобы поставить их на поднос. Однако он не рассчитал тяжести бокалов, и они

стали скользить по подносу вниз. Вики быстро подхватила два бокала, не дав им опрокинуться. Дворецкий поправил остальные.

— Все в порядке? — спросила Вики, устанавливая на подносе пойманные бокалы.

— Да, благодарю вас, — ответил дворецкий, улыбнувшись ей тепло и искренне. Вики отметила, что среди богатства и великолепия это была лучшая улыбка за весь вечер.

Однако она не приблизилась к своей цели: ведь ей так и не удалось встретиться с Брюсом Уэйном. Тем временем дворецкий незаметно удалился — очевидно, его ждали другие обязанности. Вновь промелькнул приятный молодой человек в смокинге. Когда он проходил рядом, она повернулась к нему, найдя вполне приличный повод заговорить с ним.

— Извините. Не могли бы вы сказать, кто из этих людей Брюс Уэйн?

Мужчина в смокинге выглядел озадаченным.

— Я... я не уверен.

Вики улыбнулась ему.

— Благодарю вас.

— Да, да, — пробормотал он.

Казалось, Элли повезло больше, чем ей. Ему удалось перехватить комиссара Гордона у карточных столов. Вики подошла к ним, извинившись. Это могло быть интересно.

— Комиссар Гордон, — начал Элли, — миссис Гордон. Вы сегодня чудесно выглядите.

Покончив таким образом с любезностями, он повернулся к комиссару.

— Знаете ли вы, что ходят дурацкие слухи, будто начато следствие по делу о Бэтмэне? Так это или нет?

Для пущей наглядности Нокс изобразил летучую мышь, пошевелив пальцами за головой. Гордон застонал от досады.

— Нокс, — ответил он, стараясь говорить как можно более спокойно, — повторяю вам в десятый раз: нет никакого такого Человека—летучей мыши. Если бы он был, его бы нашли и арестовали!

— Так найдите его. Арестуйте, — согласился Нокс. — Я постоянно слышу от вас одно и то же. Комиссар, будьте со мной откровенны.

Харви Дент положил руку на плечо Гордона. Вики была так поглощена разговором комиссара и Элли, что даже не заметила, когда подошел прокурор.

— Как дела, Джим?

Но прежде чем Гордон успел что-нибудь ответить, Нокс набросился на новую жертву.

— Мистер Дент, комиссар Гордон и я как раз разговаривали о крылатых мстителях. Каково ваше мнение?

Дент пристально посмотрел на репортера. Он — не Гордон и не даст себя замучить. Его ответ был вполне серьезным и в то же время обтекаемым:

— Мистер Нокс, в нашем городе хватает по-настоящему трудных проблем, поэтому мы не занимаемся привидениями.

Итак, все бесполезно. Ноксу тоже не повезло. Вики уже стала подумывать, что эта ночь, проведенная в высшем обществе, не принесет им ничего нового.

В этот момент появился полицейский. Он сделал Гордону знак рукой, и тот вышел с ним из комнаты. Нокс взглянул на Вики, она — на него, и, не сговариваясь, оба пошли в ту сторону, куда направился Гордон. В конце концов, ночь еще не кончилась и вполне могла преподнести какой—нибудь сюрприз.

Куда же направился Гордон?

Вики и Элли миновали одну дверь и оказались еще перед тремя. Все три были закрыты. Одна вела в туалет, другая — на лестничную площадку. Они открыли среднюю и очутились в коридоре, где находилось еще несколько дверей.

Через минуту-другую они поняли, что безнадежно заблудились. В конце концов, Нокс наугад толкнул какую-то дверь, и они оказались в комнате, где никого не было. Но зато здесь было много других вещей.

— Итак, мы попали на оружейный склад, — саркастически усмехнулся Нокс и присвистнул. — Посмотри-ка на эти штучки. Кому все это принадлежит?

Казалось, здесь были собраны все известные человеку виды оружия. На стенах развешены палаши. В стеклянных витринах можно было найти все — от духовых ружей до ручных гранат.

Вдруг дверь в комнату отворилась. Элли был слишком поглощен изучением оружия, но Вики оглянулась. Перед ней стоял тот самый приятный господин в смокинге; в руках он держал бокал шампанского и улыбался несколько смущенной улыбкой. Итак, не одни они заблудились здесь. Она улыбнулась в ответ.

В нем было что-то от маленького потерявшегося мальчика, и это показалось Вики привлекательным. Ей не хотелось, чтобы он ушел, ибо, когда они в последний раз столкнулись, у нее появилось ощущение, что она чем-то спугнула его. Она решила заговорить с Элли, чтобы таким образом вовлечь в беседу и незнакомца.

— Странно, — обратилась Вики к Ноксу. — Он участвует в благотворительности и в то же время коллекционирует такое.

— Возможно, это для развлечения, — ответил Нокс.

— Я думаю, что это... — Вики задумалась на минуту, — крупное вложение средств.

В ответ Элли грустно усмехнулся:

— Э-Э, чем больше у них доходов, тем меньше они чего-то стоят сами.

Вики покачала головой, прикинув размеры коллекции в одной только этой комнате.

— В таком случае, этот человек должен представлять собой наименьшую ценность в Америке.

Нокс показал на длинный кинжал слегка изогнутой формы в серебряных, украшенных искусной отделкой ножнах.

— Из какой это страны?

— Из Японии, — услышали они голос за спиной.

Вики и Нокс одновременно обернулись. Говорил приятный господин в смокинге.

— Откуда вам это известно? — поинтересовался Нокс.

Господин улыбнулся.

— Потому что я купил его в Японии.

Но Элли Нокс не отставал. Ответ не удовлетворил его.

— Можно спросить, кто вы?

— О-о, конечно, — произнес господин в смокинге. — Я — Брюс Уэйн.

Брюс Уэйн, пронеслось в голове у Вики, но он ведь...но она...

Нокс быстро пересек комнату.

— Элли Нокс.

Мужчины пожали друг другу руки.

— Я читал ваши заметки, — сказал Брюс. — Мне нравится, как вы работаете.

— Прекрасно, — ответил Нокс, стараясь не упустить случай. — Можете выдать мне премию.

Брюс усмехнулся, потом перевел взгляд на Вики. Итак, представление состоится именно здесь. Она подала руку.

— Вики Вейл.

У него было приятное, твердое рукопожатие.

— Брюс Уэйн.

Она недоверчиво взглянула на него.

— Теперь вы в этом уверены?

Он снова улыбнулся. Вики поняла, что с такой улыбкой можно выйти из любого положения.

— Я видел ваши фотографии, сделанные в Корто Мальтезе, — сказал он. — У вас потрясающе острый глаз.

— Некоторые уверяют, что у нее их два, — сострил Элли и встал между ними.

Ох, уж эти мне мужские территориальные претензии, подумала Вики. Должно быть, Элли видел в их встрече нечто большее, чем просто сотрудничество двух репортеров.

— Это удивительный дом, — сказала она, чтобы переменить тему. — Мне бы хотелось как-нибудь поснимать здесь.

Кто-то постучал в дверь. Вошел надменного вида человек в

красной форменной одежде. Вики и Нокс переглянулись: сколько же слуг у Брюса Уэйна?

— Мистер Уэйн, — начал слуга, вероятно, — распорядитель вин, — нам нужно открыть пять ящиков шампанского. Вы разрешите?

— Да, конечно, — сказал Брюс с тем же рассеянным видом, на который она обратила внимание еще при первой встрече. — Откройте шесть.

Слуга повернулся и вышел из комнаты. Брюс Уэйн прикрыл веки, будто пытаясь вспомнить, где находится, затем снова обратился к Вики.

— Вы пробудете в Готэме еще какое-то время?

— Да, наверное, — ответила Вики. — Меня заинтриговала история Элли — эта гигантская летучая мышь.

В открытую дверь заглянули нарядные мужчина и женщина. Они помахали рукой и пожелали мистеру Уэйну доброй ночи, прощебетав что-то насчет чудесно проведенного вечера. Брюс вежливо ответил, глядя на них так, будто не понимал, кто это. Однако, когда он назвал мужчину и женщину по имени, его лицо приняло необычно сосредоточенное выражение. Богатая пара помахала в последний раз и благополучно удалилась.

Брюс снова посмотрел на Вики.

— Это полегче, чем война в Корто Мальтезе?

Вики не сразу вспомнила, о чем они только что беседовали. Ах, да. Летучая мышь.

— А как вы добываете средства к существованию? — спросила она ехидно в ответ.

У двери раздалось чье-то покашливание. Вики взглянула — это был дворецкий.

— Сэр, — обратился он к Уэйну. — Комиссара Гордона вызвали, и он ушел.

— Спасибо, Альфред, — сказал Брюс, не глядя на него.

— Гм, — произнес Альфред и добавил многозначительно: — Сэр, очень неожиданно.

— О, — произнес Брюс, — спасибо, Альфред.

На его лице, когда он повернулся к Вики, снова появилось смущенное выражение.

— Надеюсь, вы меня извините.

Он смотрел ей прямо в глаза. Она ответила таким же взглядом. Оба поняли, что эта встреча — не последняя.

— Конечно, — произнесла она.

Он отвел взгляд. Вики прикрыла глаза. Словно вдруг оборвалась соединившая их на мгновение нить; она продолжила осмотр зала.

Брюс поставил бокал на край стола и направился к двери.

— Сюда, сэр.

Брюс бросил быстрый взгляд на дворецкого.

— Благодарю, Альфред. Да, нужно вынести еще вина, и, кроме того, одна дама, миссис Дейли, интересовалась меню.

Он направился через всю комнату к дальней двери, еще раз обратившись к дворецкому:

— Да, Альфред, выдай мистеру Ноксу вознаграждение.

Он подмигнул Ноксу, повернулся и быстро направился к выходу. Альфред взял бокал мистера Уэйна и легко нагнал его.

Нокс уставился на закрывшуюся дверь.

— Приятно было поговорить с вами, Брюс... — он взглянул на Вики. — Ну и странные люди эти богатые. Помолчав секунду, он окликнул ее:

— Эй, Вики!

Она спохватилась, что еще смотрит на дверь, за которой исчез Брюс Уэйн.

— Извини, я...

Вики пыталась собраться с мыслями.

— Да, он не-про-стой, — выдавила, наконец, она, растягивая слоги, словно так легче было понять необъяснимое.

— Нет, именно странные, — настаивал Нокс. Вики поняла, что это, наверное, была своего рода ревность.

— М-м-м, — протянула она вместо ответа.

— Ах, конечно, — Нокс не скрывал своего недовольства. — Впрочем, ты — не единственная его поклонница в этом доме. Посмотри, как любит себя этот человек, этот самовлюбленный нарцисс: в каждой комнате зеркала.

Это было действительно так. Огромные зеркала шли вдоль стен большого танцевального зала. В комнате, где они находились, напротив двух зеркал было расположено еще одно, и каждое из них — шириной восемь футов, а высотой от пола до потолка.

— Брюс Уэйн, — добавил Элли с сарказмом. — Ему следовало бы называться Брюс Нарцисс.

Если бы вы знали, мистер Нокс, что Брюс Уэйн наблюдает за вами в эту минуту с помощью телеустановки! Ультрасовременная телекамера бесшумно фиксировало все, что происходило в оружейном зале. Она была скрыта за большим, в рост человека, стеклом, которое выглядело, как зеркало. Это был лишь один из трех десятков мониторов, предназначенных для видеозаписи всего, что происходило в Уэйн Маноре и вблизи него. Уэйн поторопился уйти потому, что один из мониторов потребовал его внимания.

Брюс перематывал пленку, и гости на ней двигались в обратном направлении. Ага, вот то, что ему нужно. Он нажал кнопку.

На экране возник полицейский, говорящий комиссару Гордону:

— ...Анонимная информация. Нейпир проводит чистку в «Эксис Кемикэл».

— О, Господи, — Гордон был взволнован и обеспокоен. — Если бы мы могли его схватить, то покончили бы с Гриссомом! Почему мне никто не доложил об этом? Кто отвечает за...

— Экхардт, сэр.

Гордон побледнел.

— Боже мой.

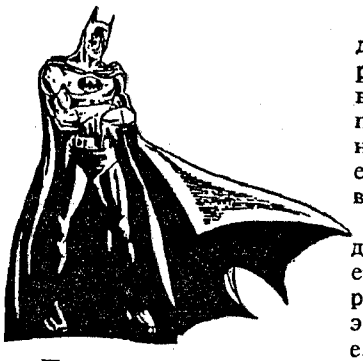
Он схватил свое пальто.

Экран опустел.

Брюс Уэйн улыбнулся. Это была важная информация. Он встал. Необходимо срочно ехать в Бэткейв.

Пора действовать.

Джеку не нравилось это задание. Ему не поручали такую работу уже несколько лет. Парни взламывали помещения, проникали в них, брали, что нужно. Им платили за это и знали: если их поймают, они возьмут вину на себя.

Но Джек работал на Гриссома и должен быть делать то, что скажет ему Хозяин. Он еще не был готов к решительному шагу. Но что-то в этом поручении заставляло всерьез задуматься о таком шаге.

Пока же все шло чудесно. Его ребята подъехали на машинах без номеров и совершенно бесшумно сняли охрану. Вывести из строя сигнализацию было делом нескольких секунд; сейф находился именно там, где указал им Гриссом. Парень с автогеном вот-вот его откроет. И все же Джеку было не по себе.

Отчасти, объяснить это можно было просто. Хотя Джек постоянно имел дело с химией, он не любил запахов. Здесь, даже закрывая нос и рот шелковым платком, он чувствовал, как ядовитые испарения проникают в его легкие. Но было и еще что-то, что трудно определить. Это непонятное чувство овладело им с той минуты, когда в кабинете Гриссома вместо валета ему выпал джокер.

Взломщик сейфов погасил свою горелку и рукой в асбестовой рукавице открыл дверцу.

— Пусто, — сообщил он.

Джек выругался. Он подозревал, что так и будет.

В этот момент сработала сигнализация. Заревела сирена.

— Смываемся, ребята! — крикнул он своим подручным. — Нужно скорее выбраться отсюда!

Он бросился вон из кабинета, находившегося двумя этажами выше очистительной фабрики. Дело обстояло хуже, чем он думал. Внизу были солдаты, и Джек видел, что они вооружены до зубов.

— Не двигаться! — донеслось снизу. Джек увидел там и полицейских. Их было человек двенадцать, и, очевидно, еще больше — снаружи. Полицейские, должно быть, появились здесь до сигнала тревоги, получив особую информацию от самых высокопоставленных лиц в организации Гриссома. Джек догадывался также, что некоторые из полицейских, наверное, получили совершенно определенные инструкции. Он очень хорошо знал, как действовал Гриссом. Ведь сколько раз сам Джек выполнял подобные приказы Хозяина!

Если Джек Нейпир как можно скорее не выберется отсюда, он погиб. Он оказался в ловко подстроенной ловушке. Если Гриссом хочет от кого-то избавиться, будьте уверены, это будет сделано как надо.

Двое подручных Джека открыли огонь. Полицейские поспешили укрыться, однако через секунду тоже начали стрелять, и пули из более чем десятка ружей засвистели под потолком и между трубами.

Половина его ребят вернулась в офис, что было равносильно самоубийству: оттуда выхода не было. Единственный путь к спасению — узкие рабочие мостки. Джек крикнул остальным, чтобы следовали за ним, и побежал.

Пули летели вдогонку, застревая в бесчисленных трубах. Из образовавшихся отверстий вытекала жидкость, соединяясь в потоки неестественно ярких цветов — зеленого, красного, фиолетового и коричневого, — которые обрушивались на мостки. Что это за вещества, какой вред они способны причинить человеку? Джек бежал под ядовитыми струями, стараясь не поскользнуться на мокром металле. Он надеялся, что, оказавшись в безопасном месте, сможет смыть с себя химикалии и они не успеют навредить ему.

В нескольких дюймах от его руки просвистела пуля, рикошетом отскочившая от металлического ограждения.

— Да, подумал Джек, если только что-нибудь не причинит ему еще большего вреда.

Он был готов на все, даже на то, чтобы лично застрелить Экхардта.

Комиссар Гордон кивнул одному из своих парней. Их у него

было пятьдесят, самых лучших — он должен быть уверен, что работа будет выполнена как надо. Лейтенант нажал на кнопку.

Им повезло. Электричество еще не было отключено. Издавая металлический скрежет, огромная дверь из рифленой стали поднялась, обнажив грузовой склад компании «Эксис Кемикэл». По другую сторону двери тоже стояли полицейские, в замешательстве смотревшие на вновь прибывших. Их возглавлял Экхардт. Комиссар ждал, какое объяснение лейтенант придумает на этот раз.

— Какого черта! Что здесь происходит? — зарычал Гордон.

Он вышел вперед, чтобы люди узнали его и случайно не начали перестрелку. Экхардт, возможно, подкуплен, но большинство остальных — обыкновенные полицейские, старающиеся честно выполнять свою работу.

На этот раз Экхардт зашел слишком далеко. Конечно, они бы и так его поймали. Уже было начато внутреннее расследование в отношении некоторых служащих полиции, подозреваемых в получении денег от Хозяина — Гриссома; имя Экхардта открывало этот список. Но время шло, а ему все не удавалось предъявить обвинение. Теперь, думал Гордон, они могут сделать это в считанные минуты.

Гордон быстро пробирался сквозь толпу. Разыгрывая возмущение, Экхардт уставился на него, но в его глазах был страх.

Комиссар хотел точно знать, что замышлял Экхардт. Согласно полученным от осведомителя сведениям, Нейпиру устроили западню. Гриссом, должно быть, хотел, по некоторым соображениям, убрать Нейпира с дороги и использовал для этой цели Экхардта и полицию Готэма. Какова бы ни была подоплека дела, Нейпир становился важной фигурой в борьбе Гордона и окружного прокурора против Гриссома и его людей.

Комиссар направился к Экхардту, и тот закричал в испуге:

— Господи, что вы хотите со мной сделать? Вы меня расстреляете?

Но Гордон был сыт по горло этим Экхардтом.

— Ты, что-то путаешь, парень, я — не Карл Гриссом, — сказал он.

Лицо Экхардта было искажено страхом. Он походил на перепуганного кролика, повстречавшегося с волком.

Обратившись к одному из полицейских, Гордон отдал приказ:

— Джек Нейпир должен быть взят живым. Зарубите себе на носу: каждый, кто откроет огонь по Джеку Нейпиру, будет иметь дело со мной!

Он оглянулся. Экхардт исчез.

Вы предпочитаете действовать таким образом, лейтенант, подумал Гордон, но вам придется заплатить за все. Дент и Борг должны осуществить свою мечту и создать новый Готэм-Сити.

Комиссар вынул револьвер и вошел на территорию фабрики.

Джек, будь умным. Джек, будь быстрым.

Слова этой детской присказки вдруг пронеслись в голове, чуть не заставив его рассмеяться. Он пробежал последнюю серию металлических лестниц и, удивляясь тому, что еще жив, приземлился на цементном полу помещения «Эксис Камикэл».

Ему всегда нравились короткие стишки и поговорки. Среди них были и такие, которые он повторял, когда приходилось убивать.

Вы когда-нибудь танцевали...

Кто-то с криком бежал через помещение. Они снова его засекли.

Ты еще не выкарабкался, старина Джек!

Нейпир огляделся. Пора немного развлечься.

... танцевали ли с дьяволом...

На химической фабрике было множество возможностей поразвлечься. Некоторые из развлечений таили в себе смертельную опасность. На бегу Джек то переводил переключатель, то крутил циферблат; огромные машины с грохотом взрывались. Джек больше не слышал топота своих ног. Он даже не слышал свиста пущенных ему вслед пуль. Все тонуло в ужасном грохоте.

...с дьяволом в бледном...

Джек завернул за угол и остановился, чтобы перевести переключатели. От взрывов пол заходил ходуном. Казалось, все здание разваливается на части. Джек подумал, что, наверное, все эти машины никогда прежде не действовали одновременно. Гигантские баки с химикатами вертелись над головой, и их содержимое выливалось в еще большие емкости.

... бледном свете луны?

Рычали машины, кипела и пузырилась кислота, кричали люди, свистели пули — все это напоминало преисподню. Джеку даже нравился весь этот хаос. Ведь он помогал ему скрыться. А когда Джек окажется на свободе, ему будет наплевать на все.

Итак, Гриссом обводит вокруг пальца полицию. Полиция старается достать Джека. Но вместо этого Джек достает Гриссома. Нейпир ухмыльнулся при мысли о том, как все хорошо получается. Вот такие занятные шуточки.

Вы когда-нибудь танцевали с дьяволом в бледном свете луны?

Грохот машин, пули, крики, дым. Он еще не на свободе. НО если свободы не будет, он никогда не станет равным Гриссому. А это несправедливо.

В таком случае, решил Джек, шутки в сторону. Начинается серьезная, долгая игра.

Гордону показалось, что он попал в ад. Отдаваясь эхом, в похожем на пещеру помещении трещали выстрелы, перемешавшиеся с криками то ли страха, то ли боли. Воздух был насыщен дымом и кислотными испарениями. Огромное пространство освещалось прожекторами на расстоянии пятидесяти футов от пола. Лампы светили на высоко расположенные трубы и машины, но внизу царил полумрак. Администрация «Эксис Кемикэл» заботилась только об освещении для ночных сторожей, не подозревая, что здесь будут проходить военные действия.

Высоко наверху кто-то вскрикнул. Гордон увидел фигуру, неуклюже соскальзывающую с поручней; из ослабевших пальцев выпал, издав резкий металлический звук, револьвер. Там находились и другие люди. Гордон заметил выхваченные светом прожекторов еще два силуэта, бежавшие прочь от мертвого товарища. Он не мог видеть стрелявшего, но предполагал, что это кто-то из его людей.

Гордон заметил какое-то движение еще выше, увидел сверкнувший на поверхности металла свет, желтую вспышку в темноте. Послышался лязг металла, похожий на стук ботинок по металлическим мосткам. Наверху был кто-то еще, и он прятался в полумраке.

Те двое, должно быть, видели его лучше, чем Гордон. Они явно не питали к вновь прибывшему дружеских чувств. Один из боевиков побежал в обратном направлении. Другой прицелился в пришельца.

Но и тот тоже не бездействовал; он поднял оружие, выстрелил — но не пулей. Гордон мог поклясться, что это было нечто вроде короткого копья. Оно зацепилось за куртку стрелка, заставив его крутиться вокруг своей оси. Ухватившись за перила, он выпустил револьвер из рук, не удержался и с криком полетел с мостков. Однако на высоте тридцати футов он завис в воздухе, так как застрявший в куртке багор был привязан к веревке, которая тянулась с мостков. Там виднелась ярко освещенная человеческая фигура.

— О, Господи, — выдохнул Гордон. Теперь он отчетливо видел пришельца. Это был человек в костюме летучей мыши.

Джеку казалось, что он бежит уже целую вечность. Где-то должен быть запасный выход, и в его поисках Нейпир бросился в дальний конец фабричного этажа.

Прямо перед ним вдруг заработал мотор, и стала подниматься огромная стальная дверь. Возможно, этим путем он и выйдет отсюда?

Но как только дверь поднялась на уровень груди, он отказался от этой мысли: по ту сторону двери он увидел двенадцать

пар ног. Полицейские! Позади него послышались выстрелы. Куда же податься теперь?

Джек спешил подняться по лестнице. Если нельзя выйти через дверь, может быть, найдется окно? Но полицейские, не отставшие от него, были слишком близко.

И тогда Джек заметил пожарный топор. Он устроит еще одно развлечение. На стоящем у лестницы ржавом баке была надпись: «Осторожно! Яд!»

Да, подумал Джек. Это будет очень занятно. Размахнувшись, он изо всех сил ударил по баку топором. Ядовитое вещество стало растекаться по полу.

Полицейские спасались бегством, в спешке налетая друг на друга. Джек бросил топор на землю, еще с минуту помедлил, глядя на то, как густая жидкость разъедала деревянную ручку, а потом забрался на лестницу и стал недосягаем для пуль, спрятавшись за двумя такими же металлическими баками.

Вдруг он услышал еще один звук, не похожий на выстрелы и грохот машин, очень сильный, свистящий — звук несущейся воды. Джек догадался, что находится у шлюзных ворот, на том самом месте, где «Эксис Кемикэл» сливала свои замечательные отходы производства, превратившие Ист Ривер в то, чем она является сейчас. Он посмотрел в ту сторону, откуда доносился шум, и увидел открытое окно.

Лестница на этом конце мостков находилась в тени. Но, чтобы добраться до окна, ему предстояло пройти под двумя прожекторами, став на какое-то время живой мишенью. Однако другого выхода Джек не видел. Если все это было шуткой, настало время ее кульминации. И он побежал.

Добрался до окна. Не раздалось ни единого выстрела. Должно быть, сработали все шутихи Джека. Ему осталось только взобраться на заграждение и потом...

Кто-то схватил его. Руки в черных перчатках сжали его в цепких объятиях, потянулись к горлу. Этот негодяй пытался провести захват.

— Господи Иисусе! — закричал Джек, стараясь высвободиться. — Кто это?

— Держи его! — раздался голос снизу.

— Это еще что? — Джек был в отчаянии. Ведь он почти выбрался! Он поглядел вниз и увидел, что кричал старый друг Боб, направивший ружье на полицейского комиссара. Добрый старина Боб!

— Отпусти его, или я прикончу Гордона, — заявил Боб. Старина Боб всегда находил нужные слова.

Джек видел стоящего внизу Экхардта. Ну конечно! Кому еще мог Гриссом поручить эту грязную работу? Ладно, как только он выберется из этой истории, у них с толстяком будет небольшая разборка.

Джек почувствовал, что обхватившие его руки ослабевают. Он выпрямился, расправил куртку, провел рукой по волосам. Затем взглянул на нападавшего. То, что он увидел, было похоже на бред.

Перед ним стоял человек шести футов роста, атлетического сложения, одетый в костюм летучей мыши. Джек подумал ,что он мог быть профессиональным борцом. Бэтмен отступил немного назад, словно для того, чтобы отдышаться, но при этом не сводил с Джека глаз.

Джек усмехнулся.

— Какой на тебе миленький костюмчик, — заметил он.

Ответа не последовало. Конечно, чего еще можно ожидать от человека в костюме летучей мыши?

— Джек! — позвал Боб. —Давай выбирайся оттуда.

Джек увидел, что на мостках лежит револьвер тридцать восьмого калибра. Ему была знакома эта проблема: люди беспорядочно разбрасывали оружие. И в этот момент он увидел Экхардта, собравшегося уходить.

Джек схватил револьвер.

— Экхардт! — закричал он. — Подумай о будущем!

И выстрелил. Только один раз. Экхардт растянулся на полу; он был мертв. Джек всегда мастерски проделывал такие штуки. Теперь он наставил револьвер на Гордона.

Но тут человек в костюме летучей мыши сделал движение головой. Джек взглянул на него. На лице у Летучей мыши, казалось, застыл вопрос — вопрос или сомнение. Джек улыбнулся. Хоть на тебе и миленький наряд, никто не смеет становиться Джеку Нейпиру поперек дороги.

Он выстрелил в упор в Летучую мышь. Однако Бэтмэн остался невредим. Он что-то сделал со своей накидкой, выставив ее вперед. Пуля отскочила от проклятого костюма, рикошетом попав прямо в Джека.

Он почувствовал резкую боль в щеке. Не осознавая, что деласт, Джек поднес к ней руку. Пальцы оказались в крови. Раненый, он стал падать, перегнувшись через перила. Нет! Одной рукой он ухватился за край мостков.

Джек посмотрел вниз. На фабричном этаже находился чан шириной в двадцать футов, в котором что-то кипело и пузырилось. Он должен подтянуться. Но на это сил не хватало. Шум воды был здесь особенно сильным. Должно быть, неподалеку находились ворота шлюза. По лицу Джека струилась кровь.

Пальцы соскользнули с ограждения, но он сумел ухватиться за расположенную под ним трубу, круглую и скользкую. Человек в костюме летучей мыши спустился вниз, встал на колени и схватил Джека за руку.

Джек выпустил трубу из рук, но Бэтмэн удержал его. Захват был не слишком сильным; Джек чувствовал, что пальцы человека, покрытые материей, соскальзывают. Он попытался достать своей рукой кисть Бэтмэна, но на это не хватило сил. Даже залитыми кровью ноздрями он чувствовал запахи, шедшие снизу. Ничего больше сделать он не мог. Неужели таков конец шутки?

Он почувствовал, как слабеют руки, как Бэтмэн разжимает пальцы...

С диким, нечеловеческим криком Джек стремительно полетел вниз.

Нейпир погрузился в отвратительную кипящую массу. Эхо дикого крика разнеслось вокруг.

Гордон содрогнулся. Никому, даже Джеку Нейпиру, не пожелал бы он такой смерти.

— Черт побери! — закричал он. — Мы с ним покончили!

Однако реакция его подчиненных была не столь эмоциональной. Когда Нейпир погиб, они принялись охотиться за Бэтмэном. Два полицейских встали по обоим концам мостков, устроив ему таким образом ловушку.

— Да, думал Гордон, сегодня они славно поработали.

— Караульте его здесь, — приказал он.

Бэтмэн поднял руки. Кольцо полицейских вокруг него сжималось.

Вдруг он бросил какой-то предмет, ударившийся о стену.

Раздался взрыв, сопровождаемый ярким, как фейерверк, пламенем.

Гордон закрыл глаза. Полицейские наверху тоже на какую-то секунду перестали что—либо видеть. Когда зрение вернулось к ним, там, где только что находился Бэтмэн, стоял столб белого дыма.

— Смотрите! — вдруг закричал кто-то. Они увидели в рассеивающемся дыму крюк и канат, прикрепляемые кем-то к верхнему окну.

Началась стрельба, но Бэтмэн быстро взбирался по канату; в полумраке его почти не было видно.

Полицейские наконец перестали стрелять в темноту. Бэтмэну удалось уйти.

— Кто это был? — спросил кто-то.

— Я не знаю, — ответил Гордон. — И пока мы не выясним это, держите язык за зубами.

Его люди в конце концов овладели ситуацией. Оставшиеся гангстеры сдались. Надо же, он видел Бэтмэна! И все же эта ночь принесла Гордону гораздо больше вопросов, чем ответов, поскольку Экхардт и Нейпир погибли.

Гордон был уверен лишь в одном: он обязательно снова встретится с Бэтмэном.

Сначала у него пылало лицо.

Теперь горело все тело. Он пытался вспомнить, что произошло. Где он? Что надо делать?

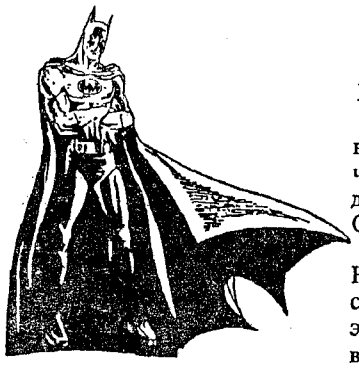
Когда Джек упал в чан, какая-то непомерная сила внезапно вытолкнула его оттуда вместе со столбом жидкости и на секунду он завис в воздухе. Потом его протащило за шлюзные ворота и швырнуло футов на сорок в Ист Ривер. Если ему повезло, и он не сгорел заживо, то сейчас вполне мог утонуть.

Вдруг он почувствовал, что сжимает в руке какой-то небольшой и твердый четырехугольный предмет. Лицо заливала вода, жгла нестерпимая боль, но, сделав последнее усилие, при свете луны он мог разглядеть, что это была его счастливая колода карт.

Потом течение стало уносить карты одну за другой — сначала пикового туза, пробитого пулей точно по центру, затем еще одного туза, девятку, десятку и всех четырех валетов. Не в силах их удержать, он ловил ртом воздух, чувствуя, как из руки выскользнула последняя карта из счастливой колоды.

Это был джокер.

5

БЭТМЕН ПРЕДОТВРАТИЛ ВООРУЖЕННОЕ ОГРАБЛЕНИЕ! ДЖЕК НЕЙПИР МЕРТВ! КТО ЭТОТ МСТИТЕЛЬ В МАСКЕ?

Александр Нокс никогда не видел ничего более приятного, чем эти заголовки. Теперь-то Гордону придется рассказать правду. Он набрал нужный номер.

— Да, комиссар, — говорил Нокс в трубку. — Если Бэтмэна не существует, кто же тогда бросил этого Нейпира в кислоту? — Он взял в свободную руку микрофон. — Подождите минуту, я хочу записать это на магнитофон.

В трубке что-то щелкнуло, затем пошли гудки. Гордон прекратил разговор. Нокс ухмыльнулся. Вы можете попытаться спастись бегством, комиссар, но вы не в состоянии спрятаться от ведущего расследование репортера-аса. Рано или поздно вам придется ответить на все вопросы.

Нокс обернулся. Пока он дозванивался до Гордона, в комнату вошла Вики. Она развесила фотографии на доске объявлений, которая от этого стала похожа на карту. В дверь заглянул карикатурист Боб, улыбнулся Ноксу и добавил собственный подарок: рисунок, изображавший Бэтмена, положившего руку на плечо несколько испуганного Нокса. Шутники, подумал Нокс. Слишком много шутников.

Он положил трубку.

— Дорогая Вики Вейл! — обратился он к девушке, тыча себя пальцем в грудь. — Позвольте представить вам Нострадамуса!

Вики улыбнулась и покачала головой.

— Лучше взгляни-ка на это, Элли.

Нокс встал и подошел к ней, чтобы лучше рассмотреть доску объявлений. Вики составила нечто похожее на карту аэрофотосъемки.

Она показала на желтые булавки, воткнутые в разных местах.

— Вот это центр города, а здесь — «Эксис Кемикэл». Отсюда все хорошо просматривается.

Нокс восхищенно помотал головой.

— И это сделала ты? Потрясающе!

Вики протестующе пожала своими милыми плечиками.

— Возможно, у Бэтмэна есть что-нибудь вроде такой карты полета.

— Ну конечно! — восторженно откликнулся Нокс. — Сегодня вечером мы постараемся его выследить.

Но Вики проговорила, смущенно улыбаясь:

— Может быть, завтра? Сегодня у меня свидание с Брюсом Уэйном. Извини.

Нокс не мог с этим смириться.

— С Брюсом Уэйном? — переспросил он. Наверное, это получилось громче, чем следовало. — Свидание — это когда двое встречаются, чтобы хорошо провести время вдвоем. Свидание же, по Брюсу Уэйну, — это, когда он один идет в ресторан и любуется своим отражением в зеркалах.

Он снова взглянул на Вики, лицо которой было так близко. Нокс вдруг замолчал. Бог мой, какие огромные голубые глаза, какие губы! Ее лицо еще больше приблизилось к нему. Он закрыл глаза... и она поцеловала его в лоб.

Он открыл глаза, еще продолжая улыбаться.

— С тобой ужасно приятно, — сказал она весело, — но, все же, извини.

И вышла.

Брюс Уэйн? Нокс задумался. Что она в нем нашла? Чем он лучше Элли Нокса? У него есть деньги и роскошный особняк, деньги и светское воспитание, деньги и высокие связи плюс еще

много денег. А теперь он хочет увести еще и девушку? Это несправедливо!

Ну, репортеры-асы знают, что делать в случае несправедливости. Просто нужно пролить свет на частную жизнь некоторых лиц. Он снял трубку телефона.

— Соедините меня со справочным отделом.

— Одну минуту.

— Справочный отдел, — ответил скучный голос.

— Прошу вас, — сказал Нокс, едва сдерживая волнение. — Подберите мне все о Брюсе Уэйне.

На свое веку Вики пришлось немало поездить по свету и видеть много прекрасных мест, однако нигде она так приятно не проводила время, как здесь. Они скакали верхом по полям, простиравшимся за Уэйн Манор. Стоял один из тех дней позднего лета, когда уже начинают дуть легкие осенние ветры. Склонявшееся к закату солнце окрашивало все вокруг в золотые и багровые тона. Когда вдали показались конюшни, она поймала себя на том, что ей жаль возвращаться. Бывают моменты, думала она, которые хочется продлить до бесконечности.

Брюс сидел в седле, правя жеребцом темной, с небольшими белыми вкраплениями масти. Они приближались к конному двору. Вики не отставала от него, сидя на спокойной, но довольно резвой рыжей лошадке. Спрыгнув на землю, она взглянула на Брюса.

— А вы неплохо держитесь в седле.

Он недоверчиво поднял бровь, проводя щеткой по крупу коня.

— Лошади меня любят. Я постоянно поддерживаю форму. Может быть, оттого они ко мне так и относятся. Видели бы вы мое тело: сплошные синяки.

Вики не могла удержаться от смеха.

— Может быть, устроим осмотр?

Брюс отложил щетку и повернулся к ней.

— Что ж, можно прямо сейчас! — быстро отреагировал он.

Вики поняла, что разговор принял слишком щекотливый оборот.

— Я просто пошутила, — сказала она.

Он усмехнулся:

— А вы решили, что я спасую?

Брюс направился к дому, потом остановился и подождал, пока она не поравнялась с ним.

Вики взглянула на своего спутника. В багровом отсвете заходящего солнца он выглядел особенно эффектно. В вас, несомненно, что-то есть, Брюс Уэйн. Вы стараетесь быть твердым, почти непроницаемым, но на самом деле очень, очень уязвимы.

Вики подумала о том, как всерьез он воспринял ее нечаянный намек. Такое случалось у нее с мужчинами и прежде. Но у Брюса, в его «прямо сейчас», не было ничего от нелепой сексуальной атаки, которая могла последовать, окажись Вики в такой же ситуации, например, с Элли Ноксом. Ответ Брюса прозвучал так, словно в нем сработал защитный механизм, как если бы он хотел что-то скрыть.

Остаток пути до особняка они шли молча. Брюс ввел ее в просторный дворик за домом и предложил сесть в кресло, стоявшее у белого столика. Тихо вошел Альфред с бутылкой шампанского. Он коротко улыбнулся Вики. Она ответила ему улыбкой. Затем дворецкий ушел.

Брюс долго возился с шампанским. Очевидно, эту работу в большинстве случаев он поручал другим. Наконец, пробка хлопнула, и Брюсу удалось-таки разлить большую часть шампанского по бокалам.

Неожиданно они услышали сдержанный кашель.

— Историческое общество напоминает вам, что вы приглашены на банкет, — сообщил Альфред. — Могу ли я сказать, что вы придете?

— Да, разумеется, — ответил Брюс с несколько рассеянным видом.

Дворецкий повернулся, чтобы уйти.

— Альфред, — остановил его Брюс, — какое общество?

— Историческое.

— Ах да, конечно, — словно спохватился Брюс — его растерянности как не бывало.

Альфред вежливо улыбнулся и исчез в доме.

Вики посмотрела на Брюса.

— Ваш Альфред просто великолепен.

— Я без него не способен найти носков, — согласился с ней Брюс. — Он в нашей семье с самого моего рождения.

Брюс допил шампанское и зевнул.

Заметив это, Вики насмешливо произнесла:

— Наверное, я вас задерживаю?

Он смутился.

— Извините. В настоящее время мне приходится бывать в разных местах.

— И у кого же, например? — не отставала она.

Казалось, вопрос взволновал его.

— Да нет, это всего лишь дела. Хочу быть с вами откровенным. Я смертельно надоел сам себе, — он повел рукой с бокалом в ее сторону, словно собираясь произнести тост. — Расскажите мне о себе.

Вики задумалась, слегка покачивая в руках бокал с шампанским. Что ему рассказать?

— Я фоторепортер, — начала она. — Мне нравится это занятие. Без фотокамеры я чувствую себя неодетой.

Брюс усмехнулся.

— В таком случае мы постараемся не лишать вас ее.

Она тоже рассмеялась в ответ.

— Продолжайте же, — попросил он.

— Я попробовала себя в качестве манекенщицы. Все было хорошо какое-то время... Не знаю... Все меняется.

Что-то в сидящем напротив мужчине — может быть, его настойчивость — заставляло ее рассказывать о своих переживаниях, которые, возможно, она не смогла бы объяснить самой себе.

— Сколько вам лет? — спросила она его.

— Недавно исполнилось тридцать пять.

Примерно так она и думала. Вики продолжала:

— Возможно, с вами тоже случалось такое: в одно прекрасное утро вы вдруг просыпаетесь и говорите себе: «Ага, я знаю, кто я».

Она пригубила шампанское.

— Я вижу все через объектив своей камеры. Причем абсолютно все. Не только длинные ноги и нарядные юбки, но... все вообще. Вы понимаете?

— Не вполне, — ответил он.

— Что ж, — пожав плечами, сказала она и поставила бокал. — Я просто несколько увлеклась.

— Вам многое приходилось видеть? — спросил он.

— Множество отелей. Немного страха. Немного любви при свете голубой луны.

— Немного страха, — повторил медленно Брюс, обдумывая каждое слово. — Немного любви.

— Все это далеко, — мягко добавила она. — Мне так и не удалось оказаться в нужное время в нужном месте.

Брюс не ответил. Он любовался окружающим пейзажем в последних лучах заходящего солнца.

До сих пор, подумала Вики, они говорили только о ней.

— А вы скрытный человек, мистер Уэйн, — решилась она наконец. — Мне почему-то кажется, что здесь, — она показала рукой на особняк, — происходит много интересного.

Он быстро взглянул на нее.

— О, ничего особенного, уверяю вас.

— Теперь ваша очередь, — попросила она тихо. — Расскажите, о чем вы думаете.

Он помедлил, прежде чем начать.

— Я просто думал, как прекрасны вы были в седле... и как приятно, когда кто-то замечает... разные вещи.

Как просто он это сказал, подумала Вики. В груди у нее потеплело.

— Вы знаете... — произнесла она с улыбкой. — У меня очень острый глаз.

Она протянула ему руку через стол.

— Два глаза, — уточнил он смеясь.

Брюс взял ее руку в свою. Они смотрели на заходящее солнце, которое, казалось, никак не хотело уйти.

Она выпила немного больше шампанского, чем следовало. Чтобы не упасть, пришлось облокотиться на его руку. И как это некоторые женщины после выпивки способны передвигаться на высоких каблуках?

Он проводил ее до прихожей. Это была скромная комната, правда, в ней могла уместиться целиком редакция «Готэм Глоб». Все здесь было красиво и далеко от реальности.

На лестнице она покачнулась.

— Я чувствую себя где-нибудь в Париже тридцатых годов, — она тихонько засмеялась. — Разве это справедливо? Я почти пьяна, а вы даже...

Она снова чуть не потеряла равновесие, но Брюс вовремя удержал ее. Наверное, он вызовет такси и отправит ее домой. Он ведь джентльмен. Для Вики это было постоянной проблемой. Она всегда влюблялась в джентльменов.

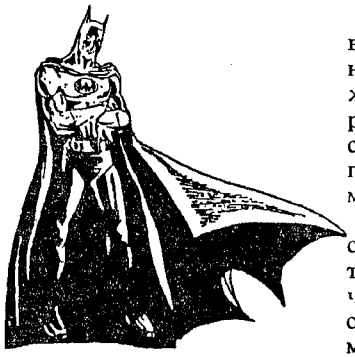
— Дело в том, что достаточно двух глотков — и я теряю контроль над собой, — объяснил он.

Она взглянула на Брюса, чувствуя себя уверенно в его руках.

— Отчего вы так боитесь потерять контроль над собой? — прошептала она.

Они, наконец, поцеловались.

6

Бинты мешали Джеку что-либо видеть. Впрочем, он и не хотел ни на что глядеть в этой дыре. В своей жизни он вдоволь насмотрелся на разбитые окна, начитался непристойных надписей. Ему хотелось поскорее выбраться отсюда. Это место не годилось даже для крыс.

Доктор Дэвис возился со своими допотопными инструментами. Он всегда делал вид, что чем-то занят. Это легче, чем общаться с пациентами. Тем не менее, как-то он извлек из Джека две пули, и, как ни странно, и доктор, и пациент остались живы. Коновал вроде Дэвиса бывает как нельзя более кстати, когда приходится скрываться от полиции.

Наконец, доктор повернулся к нему. Натянутая улыбка на его лице сопровождалась нервным тиком.

— Ну-ка, посмотрим, как у нас дела.

Медленно, медленнее, чем было надо, он стал срезать бинты и, наконец, вытащил последний марлевый тампон.

Взглянув на Джека, Дэвис отшатнулся. Улыбка сошла с его лица. Он задыхался, а глаза расширились, словно от испуга.

Джеку выражение его лица не понравилось.

— Дайте зеркало, — потребовал он.

Доктор не двигался, продолжая стоять с приоткрытым ртом.

— Зеркало! — приказал Джек.

Доктор прокашлялся, быстро взял небольшое зеркальце с соседнего стола и подал Нейпиру. Рука Дэвиса так дрожала, что Джек не сразу смог взять у него зеркало. Он поднес зеркало к своему лицу.

— О, Боже!

Зеркало выскользнуло из его рук, упало на пол и разбилось. Послышались негромкие рыдания, и Джек не сразу понял, что они вырывались из его собственного горла.

— Видите ли, мистер Нейпир, были повреждены нервные окончания, — поспешил с объяснениями Дэвис.

Джек захохотал.

От неожиданности доктор отшатнулся, задев стоявший за

ним стол с инструментами, которые задребезжали от сотрясения.

— Вот видите, с чем мне приходится работать, — сказал он.

Джек захохотал еще громче. Доктор закрыл лицо руками, боясь на него взглянуть.

— Я уверен, — бормотал Дэвис, — что с помощью соответствующей пластической операции...

Джек не мог больше слушать его. Громко хлопнув дверью, он вышел из кабинета. Он все хохотал и хохотал, и его смех эхом отдавался в помещении.

Он был неправ тогда. Игра не окончена.

Она только начинается.

Ну и денек. Он слишком стар для этого.

Гриссом решил было принять душ, но почувствовал себя очень усталым: от телефонных звонков, от этой беготни, договоров и споров. Трудно, когда теряешь своего первого помощника. Придется произвести перестановку в организации.

Гриссом выключил воду и взял полотенце. Да, плохо получилось с Джеком, но он должен был знать, что бывает, когда переходишь всякие границы. Карл Гриссом не стал бы тем, что он есть сегодня, если бы был этаким добреньким дядюшкой.

Он услышал, как открылась дверь лифта; кто-то вошел в соседнюю комнату и тяжело опустился в кресло. Наверное, Алисия, возвратившаяся после очередного похода за покупками. Если бы это был кто-то еще, позвонили бы из охраны.

— Это ты, дорогая? — позвал Гриссом.

Она не отозвалась. Наверное, разглядывает покупки. Он обмотался полотенцем и, взяв другое, поменьше, чтобы высушить волосы, прошел в соседнюю комнату.

Алисии в ее кресле не было. Гриссом оглядел комнату. Кто-то сидел за его столом. На нем было пальто, шарф и высокая шляпа-цилиндр. Это была не Алисия.

— Что за черт, кто это?

— Это я, — сухо ответила фигура. — Твоя дорогая.

Гриссом узнал этот голос.

— Джек? — возможно, человек и кивнул утвердительно, но Гриссом не был в этом уверен: слишком много одежды было на пришельце. Но ведь ему сказали, что Джека застрелили и он упал в чан с кислотой. Разве мог он выжить после всего этого? И что ему нужно?

Гриссом решил, что надо заметать следы.

— Слава Богу, ты жив, — сказал он так искренне, как только мог. — Я слышал, что ты...

— Сгорел, — прервал язвительно Джек. — Тебе это рассказали?

Джек поднялся. Гриссом старательно обдумывал, как поступить, чтобы овладеть ситуацией. Он никогда ничего не выпускал из-под контроля. Теперь же это случилось — ведь Джек, наверняка, вооружен.

— Ты меня подставил! — Джек выплевывал слова ему в лицо. — Из-за юбки! Ты, должно быть, спятил!

Нет, Джек, думал Гриссом, я вовсе не сошел с ума. Он чувствовал, как быстро билось сердце. Такое волнение вредно для человека в его возрасте. Он незаметно продвигался к своему столу. Если бы только добраться до ящика...

— Не двигайся, — приказал Джек.

Гриссом остановился, глядя на направленное на него дуло револьвера. На этот раз Джек не шутил.

— Твоя жизнь не будет стоить и ломаного гроша, — бросил ему Гриссом.

— Я уже один раз умер, — сухо ответил Джек. — Это освобождает от всего. Пора и тебе подумать о подобном лечении.

Джек поднял револьвер, прицелившись прямо в сердце Гриссома, который не мог примириться с мыслью о смерти. Джек должен прислушаться к разуму. Гриссому удавалось выходить даже из худших переделок.

— Джек, послушай. Я возьму тебя в долю.

Револьвер не двигался.

— Ты сказал «Джек»? Джек умер, дружище. Можешь звать меня Джокером.

Затем Джокер снял шляпу и пальто. Гриссом предпочел бы, чтобы он не раздевался. Перед ним был кто-то, совсем не похожий на Джека Нейпира. Кожа его была белее снега, а волосы — цвета искусственной травы. Но самым страшным был рот. Должно быть, в результате происшедшего ярко-красные губы застыли в не сходившей с лица жуткой неестественной улыбке.

— Как видишь, — снова заговорил Джек, — я стал гораздо счастливее.

Он захихикал, как сумасшедший. Когда он раздевался, его револьвер изменил положение, уставившись дулом в потолок. Гриссом знал, что это его последний шанс.

Хихиканье перешло в дикий хохот, когда Гриссом бросился к ящику стола. Хохот стал безжалостным; Джокер направил револьвер на Гриссома и выстрелил. Потом еще и еще раз.

Брюссу Уэйну не спалось.

Влюбиться в самый неподходящий момент!

Он смотрел на молодую женщину, лежащую рядом с ним на огромной, как королевское ложе, кровати. Это была замечательная женщина: умная, образованная и очень красивая. Ее волосы разметались на подушке, переливаясь в лунном свете.

С закрытыми глазами, слегка приоткрытыми во сне губами она выглядела удивительно безмятежной, даже невинной. Сон делает нас похожими на детей, подумал он. Вики напоминала картину одного из художников-прерафаэлитов и в свете луны была еще прекраснее, чем освещенная солнцем.

Почему судьба распорядилась так, что именно теперь она вошла в его жизнь? И это — после громадной, уже проделанной работы, после его решения отказаться от всего на свете. Наверное, думал Брюс, это и есть ответ. Возможно, режим, на который он обрек себя, поставленная цель, дело, за которое он взялся, — все это было слишком тяжелой ношей для одного человека. В конце концов, у каждого есть определенные потребности. Если стараться их подавить, они всегда так или иначе возьмут свое.

Ему необходима сейчас Вики Вейл.

Дедушкины часы в холле пробили четыре утра. Брюс взглянул на свои, ручные. На них тоже было четыре. Он осторожно встал с кровати.

Она была так прекрасна.

Но у него были неотложные дела.

Он подошел к окну и посмотрел на луну.

Танцевали ли вы с дьяволом в бледном свете луны?

Очень плохо, что он не успел сказать этих слов Гриссому, выпустив в него всю обойму. Ну да ладно. Для него начинается новая жизнь, он больше не Джек, а Джокер.

Джокер сидел, не зажигая света. Так он не видел тело Гриссома, распростертое в углу. Нужно, чтобы кто-нибудь, кому он доверял, убрал его, — одна из обычных проблем руководителей преступного мира. Все это скучные мелочи.

Но кабинет, который достался ему, хорош, ничего не скажешь: у Хозяина был вкус на некоторые вещи. Какой замечательный вид открывается из него на расположенный внизу сверкающий огнями город. А вверху его собственный, персональный ночник — луна, кстати, скоро снова полнолуние.

Джокер удовлетворенно вздохнул.

Готэм-Сити. Это слово всегда вызывает улыбку на моем лице.

Он бросил взгляд на стол и увидел заголовок газеты «Готэм Глоб», набранный такими крупными буквами, что он прочитал его при лунном свете:

КРЫЛАТОЕ СУЩЕСТВО БОРЕТСЯ С ПРЕСТУПНЫМ МИРОМ ГОТЭМА!

Очень мило со стороны Гриссома оставить ему эту газету, правда, она немного запачкана кровью, но прочитать вполне можно. Он взял газету и стал напевать победный мотив.

— Осторожнее, Бэтмэн, — рассмеялся он. — Подожди, пока я не принялся за них.

Этот мужчина, наверное, готов спать целую вечность? И почему он встал с кровати и перешел на софу?

Вики была уже почти одета, Брюс же перевернулся в постели и пробормотал что-то бессвязное.

Он перевернулся еще раз, когда она проходила мимо. Один глаз с трудом открылся и уставился на нее.

— Брюс, — сказала Вики мягко. — Я опаздываю, но у меня есть план.

Он протер глаза и сел. Как быстро он проснулся, подумала Вики.

— Завтра я сделаю для нас ленч, — сказала она, — и покажу часть моих фотографий. Она вынула из сумки расческу и провела ею по волосам. — Ты придешь?

Брюс потянулся и улыбнулся ей, но вскоре улыбка на его лице сменилась озабоченностью.

— Конечно. Ах, нет, я... я не могу.

Она перестала расчесывать волосы и снова посмотрела на Брюса.

— Почему? Что-нибудь случилось?

Он энергично замотал головой, словно отмахиваясь от мух.

— Нет, у меня действительно важная встреча.

Она отложила расческу.

— Хорошо... встретимся позже.

— Нет, дело в том, что я... я должен на несколько дней уехать из города.

Вики нахмурилась. Каждый последующий его ответ звучал менее уверенно, чем предыдущий.

— Хорошо, тогда после твоего возвращения, — проговорила она наконец, закрыла сумочку и заставила себя улыбнуться. В конце концов, они всего лишь провели вместе ночь.

— Ну, я должна идти, — сказала Вики веселым голосом. — Пока.

Она легонько поцеловала его в щеку и направилась к двери.

— До свидания, — спокойно ответил Брюс. — Увидимся.

Она вышла из комнаты.

Альфред встретил ее в конце коридора и открыл перед ней дверь.

— Рад был вас видеть, мисс Вейл.

— Спасибо. — Вики улыбнулась. — Я надеюсь снова вас увидеть после вашего возвращения.

— Возвращения, мэм? — Важность Альфреда смягчала его явное недоумение. — Но мы никуда не уезжаем.

— О, — проговорила Вики, и ее веселости как не бывало. — Но это не важно. До свидания.

Она вышла на улицу и пошла прочь от Уэйн Манора, от своей единственной ночи в нем. Такова плата за мечту, если твой герой — плейбой-миллионер.

Впервые после тех далеких дней он оказался в апартаментах Алисии. Все в них осталось по-прежнему. Но у Джокера возникла мысль произвести здесь некоторые изменения.

Она вошла в дом, не заметив его, и долго занималась в соседней комнате своими пакетами и коробками. Вот она! Он стоял в дверях.

— Дорогая, — позвал он ее.

Она обернулась, уронила свои коробки и закричала.

Разве так встречают любовника? А ведь это он, в домашней куртке и комнатных туфлях, сидит за бутылкой сухого мартини с вечерней газетой в руках и ждет возвращения домой своей Алисии.

Ну, хорошо, возможно, короткая беседа растопит лед.

— Ты не поверишь, — с усмешкой сказал Джокер, — что случилось со мной сегодня.

Алисия упала на пол без чувств.

Да, подумал Джокер, наверное, здесь придется провести определенную работу.

Это должно было случиться! Все славные вожаки банды Гриссома собрались в большом зале с Джокером во главе стола.

— Итак, это должно было случиться, джентльмены, — сказал в заключение Джокер. — До того, как Гриссом объявится, я — исполняющий обязанности президента. И я заявляю, что мы начинаем празднование юбилея Готэм-Сити и расправимся с этим городом как следует.

Парни Гриссома перешептывались. Джокер надеялся, что они оценят его усилия. В конце концов, ему пришлось многое принести в жертву, чтобы провести это собрание. Во-первых, он с трудом достал грим телесного цвета, который был достаточно густым, чтобы скрыть смертельную бледность его лица, а также черную краску, чтобы выкрасить зеленые волосы. Все это было нужно для того, чтобы на очень важной встрече он снова выглядел как Джек Нейпир. Конечно, он ничего не мог поделать со своей новой очаровательной гримасой, но разве широкая улыбка не делает жизнь такой приятной?

Джокер вежливо ждал решения гангстеров. Конечно, среди них были подобные этому зануде бухгалтеру Люсу, который казался запуганным с момента своего появления в комнате. Но были и другие, вроде сидевшего подальше Винни Рикорсо, который отличался самостоятельностью и мог поинтересоваться причиной такого решения Джокера.

Джокер тихонько вздохнул. И почему только в жизни много таких, как Винни Рикорсо?

— Почему нет никаких известий от Гриссома? — словно подслушав его мысли, спросил Рикорсо.

Кармин Ротелли сидел на другом конце стола. Ротелли всегда отличался смелостью, особенно когда кто-нибудь проявлял смелость первым.

— Откуда у тебя эта дурацкая улыбка? — спросил Ротелли.

— Это потому, что жизнь ко мне добра, — ответил Джокер.

Но Ротелли этого было мало.

— Что если мы скажем тебе «нет»? — не отставал он.

Однако Джокер предусмотрел и это. Руководитель всегда должен быть готов к таким случайностям.

— Никто не собирается воевать, Кармин, — Джокер был спокоен. — Если мы не сможем договориться, то просто обменяемся рукопожатием, вот и все.

— Правда? — спросил, сомневаясь, Ротелли.

— Конечно, — подтвердил Джокер. Пора продемонстрировать, как это делается. Он протянул руку.

Ротелли встал и протянул свою. Какая жалость, что Джокер не предупредил Ротелли об игрушке в его руке.

Заряд в сорок тысяч вольт обрушился на Ротелли, и его тело, обмякнув, упало обратно в кресло. Остатки рукавов и ворота рубашки еще продолжали дымиться.

Джокер пользовался только лучшими взрывными устройствами.

Двери зала распахнулись, и в него строем вошли головорезы из личной охраны Джокера. Они были гораздо лучше одеты, чем гангстеры, находившиеся в комнате. Их нарядные костюмы были сшиты по моделям, выполненным самим Джокером.

Смеясь, он сказал, обращаясь к старому приятелю Бобу, ставшему его правой рукой:

— Кармин чуток перегрелся.

— Ты сумасшедший, — не выдержал Рикорсо. Похоже, он тоже хочет их оставить?

Джокер был совершенно расстроен.

— Разве ты не слышал о целебных свойствах смеха?

И он снова захохотал.

— А теперь марш отсюда! — сказал он, обращаясь к людям Гриссома. — И подумайте о том, что я сказал.

Подручные Джокера выпроводили всех из зала. Взяв номер «Глоб», Джокер помахал Бобу, чтобы тот остался.

— Боб, — приказал он, — ты должен взять фотоаппарат и следовать за этим репортером Ноксом. Выясни, что ему известно о Бэтмэне. Учись использовать других людей.

— Да, сэр, — ответил Боб. Дружище Боб, он всегда говорит то, что нужно.

Боб вышел. Разошлись и все остальные, оставив Джокера наедине с обуглившимся трупом Ротелли. Вот теперь самое время поговорить.

Он повернулся к телу Ротелли.

— Твои приятели — не такие плохие парни. Что ты скажешь на то, чтобы дать им пару дней на размышление?

Он помолчал. Должен же он дать Ротелли возможность ответить!

— Ты что, не согласен?

Нет? Джокер не верил своим ушам.

— Ты считаешь, что с ними нужно покончить сразу?

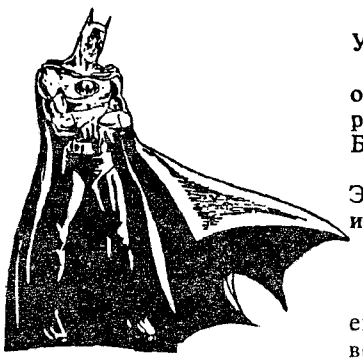
Ладно, пусть будет по-твоему.

— О'кей.

Джокер покачал головой.

— Ты злой и жалкий ублюдок, Ротелли. Я рад, что ты мертв.

7

Это должно быть где-то здесь. Уаксмен... Уорнер... Уотсон...

Кто-то тронул Вики за плечо, и она увидела перед собой скоросшиватель с надписью «Уэйн, Брюс».

Перед ней стоял улыбающийся Элли Нокс. Она выхватила папку из его рук.

— Я как раз ее и ищу.

Папка была очень тонкой.

— А я-то думал, что мы работаем вместе, — Нокс покачал головой. — Я теряю доверие к тебе. Ты ведь бываешь в обществе этого странного типа.

Она открыла папку. Там почти ничего не было. Во всяком случае, заметки типа «Брюс Уэйн посещает создателей Общественного фонда» или «Брюс Уэйн вручает средства новому сиротскому приюту» не могли рассказать о том, что ей было нужно.

Слова Нокса разозлили ее. Довольно!

— Будь любезен, занимайся своей работой и не вмешивайся в мои дела.

— Я только хотел, чтобы ты не забывала про свою работу, — извиняющимся тоном промолвил Нокс.

— Я и не забываю!

Господи, никогда еще Вики не была такой злой.

— И я тоже, — не успокаивался Нокс, — я должен защищать своего товарища по работе. Видите ли, он собирает японское оружие! Наверное, с не меньшим успехом он коллекционирует и свои успехи у женщин!

Вики стукнула кулаком по папке.

— Откуда у тебя подобные сведения, Нокс? В этой папке нет ничего, кроме пустой рекламы. Ни фотографий. Ни историй. Ничего. И это очень подозрительно! Откуда у него деньги? Чем он занимается целый день? Кто он такой?

Она сердито швырнула папку на пол и вылетела из комнаты.

— Да кому все это нужно? — крикнул ей вдогонку Нокс.

Это нужно ей, — стукнув дверью, поняла Вики. Для нее это было очень, очень важно.

Она будет ждать столько, сколько нужно. Вики припарковала машину на расстоянии одного квартала от Уэйн Манора. Рано или поздно что-то должно проясниться. У нее было точно такое же чувство, как и тогда, когда она работала в Корто Мальтезе.

Кто такой Брюс Уэйн? Будь она менее расстроена, впервые увидев эту папку в редакции «Глоб», она поняла бы, что что-то там не так. Но тогда она просто запихнула ее обратно. Вполне возможно, что Элли Нокс оставил какие-то материалы для себя.

Только связавшись с другими коллегами — спортивным обозревателем (когда-то у них был школный роман) из конкурирующей газеты «Готэм Геральд» и женщиной-телекомментатором, с которой она подружилась, еще работая манекенщицей, — она поняла, что в отсутствии сведений в данном случае нет ничего необычного. Это делается в целях конспирации.

Архив редакции газеты «Геральд» был таким же скудным и малоинформативным, как и в «Глоб». В нем преобладали новости и светская хроника. Странно, что и там, и здесь совершенно отсутствовали фотографии. Правда, еще была сфера интересов телевидения. Но и в архивах телестудий она не обнаружила видеозаписи с Брюсом Уэйном, хотя ее подруга уверяла, что помнит, как передавала хронику целого ряда событий, участником которых он был.

Но можете ли вы представить себе плейбоя-миллионера, ежедневно общающегося с богатыми и знатными людьми, который никогда не фотографируется? Нет, такое просто невозможно. Для этого необходимо сознательно устранять все возможности быть сфотографированным. И даже если преуспеть в этом, всегда найдется кто-нибудь, вроде той же Вики, кто

снимет вас скрытой камерой, когда вы меньше всего этого ожидаете. И что тогда вы будете делать?

Разумеется, если у вас столько денег, сколько у Брюса Уэйна, размышляла она, всегда можно выкупить снимки у какого-нибудь работника газеты или телевидения, нуждающегося в дополнительном заработке. Но зачем ему это?

Наверное, прав был Элли Нокс, когда назвал Уэйна странным типом. Чем больше пыталась Вики что-нибудь о нем разузнать, тем меньше она понимала что-либо, но чувствовала, что коснулась какой-то тайны, которая могла потянуть за собой и ее.

Кто такой Брюс Уэйн? Если она начала это расследование, возможно из оскорбленной гордости, то сейчас профессиональное чутье поможет ей найти путь к истине.

Не на такую напал. Что бы ни скрывал Брюс Уэйн, это недолго останется тайной.

Ее мысли прервало появление на территории Уэйн Манора какого-то человека, одетого в длинное черное пальто. Он шел от дома к калитке. Вики думала, что это какой-нибудь местный работник, пока не навела на него телеобъектив.

Это был Брюс, и одет он был совсем не так, как одеваются плейбои-миллионеры; сейчас он был похож на простого рабочего. Он остановился, надел темные очки и направился в сторону центра города. Под мышкой у него был какой-то длинный сверток.

Вот еще одна загадка, подумала Вики. Но и ее она разгадает. Она вышла из машины, захватив с собой свой незаменимый телеобъектив. Вики тихо закрыла дверцу машины — даже на таком расстоянии надо соблюдать осторожность — и быстро зашагала в том же направлении, что и Брюс Уэйн.

Она следовала за ним в течение получаса.

Через десять минут они вышли за пределы богатого квартала, в котором находился Уэйн Манор, и очутились в той части города, где преобладали двух- и трехэтажные дома представителей среднего класса с характерными маленькими лужайками перед ними, а затем — в районе высоких многоквартирных домов. Еще десять минут — и они оказались среди полного запустения: многие дома были заброшены, повсюду были выбиты стекла, на пустырях и в закоулках громоздились груды мусора. Раньше она и представить себе не могла, как близко расположен Уэйн Манор к этим кварталам. Такова особенность больших городов: вы живете на богатой улице, а за углом могут селиться бедняки.

Она шла примерно на расстоянии трех домов от Брюса, приноравливаясь к его шагу, стараясь держаться на рассто-

нии, но и не упуская из виду. Он шел, не оглядываясь, и, казалось, был полностью погружен в свои мысли.

В заброшенных кварталах некоторые из местных обитателей окликали ее: свистели, пытались назначить свидание, делали и иные, не столь вежливые предложения. Молодой женщине не полагается ходить одной в этой части города. Но она не думала об опасности. Правда, у нее могли отобрать камеру; надо спрятать ее. Она не думала, что ей могут причинить зло среди белого дня, при прохожих. В худшем случае она сумеет защитить себя, чему научилась еще в Корто Мальтезе.

Ее больше беспокоило то, что Брюс может услышать насмешки и обернется. Но он продолжал шагать, поглощенный собой.

Перед тем как войти в переулок, Брюс обернулся. Вики прибавила скорость, боясь потерять его из виду. Она узнала это место. Они были рядом с Седьмой авеню, не так далеко от центра города.

Она остановилась на углу и сделала шаг назад. Переулок кончался тупиком, упираясь в высокую кирпичную стену. Некоторое время Брюс стоял, разглядывая ее, потом взглянул на небо, потом — в дальний угол переулка. Перешагивая через рваные пакеты с мусором и мятые коробки, он направился к этому углу, отбросив ногой несколько мешавших пройти консервных банок.

Вики подняла камеру вверх. Ей надо было захватить объективом более крупный план.

Брюс развернул сверток, что-то вынул из него, потом немного повернулся — и Вики увидала у него в руках две розы на длинных стеблях.

Вики щелкнула затвором объектива.

Брюс встал на колени, обратившись лицом прямо в угол, и положил на грязный разбитый асфальт две розы — одну рядом с другой — словно совершал жертвоприношение. Одной рукой он прикрыл глаза.

Вики еще раз щелкнула затвором.

Уэйн встал, отбросил в сторону жестянку. Он возвращается! Она еле успела укрыться в тени мусоровоза.

Брюс не видел ее. Он все еще находился во власти переживаний, приведших его сюда. Он свернул за угол и пошел вниз по Бродстрит, направляясь к площади. Вики продолжала следовать за ним.

Неожиданно за Брюсом увязался уличный мим. Он был в странном костюме с выкрашенным белой краской лицом. Вики он не понравился. Мим изображал одну из типичных сценок — хождение по воображаемой стене. У него это не очень хорошо получалось. Впрочем, она никогда не обращала внимания на уличных клоунов.

Увидев впереди, на ступеньках мэрии, взволнованную толпу, Брюс в нерешительности замедлил шаг.

Вики пробралась вперед, чтобы все увидеть и выяснить, что происходит, не спуская в то же время глаз с предмета своего наблюдения.

Люди в толпе постоянно перемещались, так что она могла наблюдать за тем, что делалось в центре. Там стоял один из главарей местных гангстеров по имени Рикорсо — Вики его узнала. Его сопровождали двое накачанных телохранителей и элегантный господин с вкрадчивыми манерами — должно быть, адвокат. Как она поняла, большую часть толпы составляли журналисты, среди которых был и Элли Нокс.

Она посмотрела на то место, где секунду назад стоял Брюс, но он исчез.

— Итак, вы это подтверждаете? — спрашивал какой-то репортер. — Гриссом передал вам все свои дела?

Прежде чем ответить, Рикорсо бросил взгляд на своего адвоката.

— Мистер Гриссом просил меня оказать ему личную услугу и взять руководство делами на себя до его возвращения.

— Бо-же мой! — скандируя, произнес Нокс. — Какой щедрый подарок! Вы, наверное, были с ним очень близки. Не играли ли вы с ним вместе, будучи детьми?

На лице Рикорсо появилась глупая ухмылка; вокруг рассмеялись.

— Пахнет непросохшими чернилами, ребята, — добавил Нокс. — Я уверен, вы можете все это доказать. Глупо задавать вопросы, не правда ли? Конечно же, вы это докажете!

Вики оглянулась. Лишь на какую-то секунду она потеряла Брюса из виду, а теперь не могла его найти на этой шумной площади. Зато на ней появилось несколько уличных клоунов-мимов — шесть, по меньшей мере. Они взбирались на воображаемые звезды, шли навстречу ветру — в общем, проделывали обычные свои номера. Вики даже подумала, что, возможно, это было какое-то шоу.

Она направилась к Ноксу. Рядом с ним стояли другие фотографы. Элли кивнул ей. Она услышала голос адвоката.

— У нас есть свидетели, — говорил он официальным, монотонным голосом. — Подпись Гриссома не вызывает никаких сомнений.

— Да, не вызывает! — перекрыл вопросы репортеров пронзительный голос. — Я сам видел его! Я был там!

С этими словами через толпу репортеров протолкался еще один человек в костюме мима с лицом, нарисованным мелом. От собратьев его отличали кроваво-красные губы.

— Я все видел, — повторил вновь пришедший мим. — Он

поднял раненую руку и подписал документ собственной кровью. Вот этой ручкой!

Он достал из кармана бутафорскую ручку размером не меньше четырех футов, потом улыбнулся Рикорсо и снял в знак приветствия цилиндр, под которым оказались зеленого цвета волосы.

— Хелло, Винни, — пропищал он. — Это я, твой дядюшка Бинго! Пожалуй, пора расплатиться!

С этими словами он воткнул стальной наконечник огромной ручки прямо в шею Рикорсо. Рикорсо упал, схватившись рукой за проткнувший его горло предмет.

Кто-то вскрикнул. Другие мимы вытащили автоматы из своих балахонов и стали стрелять в воздух. Репортеры разбежались кто куда.

Вики пригнулась за припаркованным автомобилем. Повторяется то, что она видела в Корто Мальтезе. Нокс спрятался сзади. Она осторожно выглянула, чтобы посмотреть, что происходит на площади. Там, посреди всего этого бедлама абсолютно невозмутимо, словно в трансе стоял Брюс Уэйн.

Вики махала ему рукой из всех сил.

— Брюс! Пригнитесь!

Брюс словно не слышал ее. Он зашагал, сначала медленно, потом все убыстряя шаги, прямо к миму, совершившему кровавую расправу.

Мим же шел в другую сторону и хохотал не переставая. Внезапно прямо перед ним остановился автомобиль. Мим спокойно открыл дверцу и сел внутрь. Машина умчалась прочь.

Остальные клоуны бросились к другим машинам и через секунду тоже укатили. Красные сигнальные огни растаяли вдали. Кругом стояла тишина, которую прерывали чьи-то рыдания.

Вики выбежала из своего укрытия.

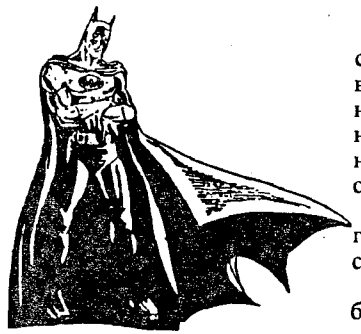
— Брюс! — позвала она.

Сначала он, казалось, не слышал ее. Она подбежала ближе. Наконец, он обернулся. По его лицу струился пот, глаза были похожи на две глубокие впадины, словно он больше месяца не спал. Но что особенно поражало в его лице — это выражение печали и отчаяния, делавшее его похожим на маленького мальчика, потерявшего все, что у него было.

— Прости меня, Вики, — прошептал он, повернулся и убежал, скрывшись в толпе.

— Брюс! — еще раз позвала она. Но он исчез.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ!

Мэр Борг и новый член городской администрации Харви Дент выглядели сконфуженными. Конечно, они пытались все скрыть, но эта репортерша из «Последних новостей» поднесла к лицу мэра свой микрофон.

— Не сорвала ли эта война гангстеров план празднования двухсотлетия города?

— Праздник состоится, — пробасил мэр. — Полиция покончит с гангстерами.

Хорошо. Спасибо, мэр. Всегда приятно получить дельный ответ.

— Мистер Дент, — продолжала журналистка, — существует предположение, что таинственный Бэтмэн, убивающий преступников, выполняет приказы мафии. Ваше мнение?

Что такое?

Телевизионный экран зашатался от бешеного удара Джокера.

— Бэтмэн? Опять этот Бэтмэн! Да в каком мире мы живем, если кто-то в костюме летучей мыши занимает мое эфирное время? — Он вытащил гигантскую боксерскую перчатку из того, что недавно было эраном телевизора. — Этот город заслуживает наказания!

Швырнув боксерскую амуницию на пол, он пулей вылетел из кабинета. Только что вошедший Боб озабоченно последовал за ним на этаж, где находились только что отремонтированные после всех событий помещения компании «Эксис Кемикэл».

Джокер остановился рядом с двумя научными сотрудниками, которым он хорошо платил. Шум машин заставлял его кричать.

— Мы уже отправили миллион этих штук?

— Да, сэр, — хором ответили ученые.

— Отправьте их все, — кричал Джокер. — Я в ударе!

Ученые бросили свои папки и бросились выполнять приказание.

Джокер шел дальше, за ним следовал Боб. Джокер распахнул дверь секретной комнаты. Окна в ней отсутствовали,

поэтому здесь был очень спертый воздух. Это — святая святых «Эксис Кемикэл».

Да, но во что он ее превратил!

Стены были покрыты изображениями военных сцен — самыми лучшими фотографиями из самых лучших толстых журналов. Но наиболее замечательное в этой комнате находилось на столе, где стопками лежали папки с надписями: «ФБР», «КГБ», «ЦРУ». Самая любимая папка Джокера находилась на самом верху. На ней было написано:

«НЕРВНО-ПАРАЛИТИЧЕСКИЙ ГАЗ — РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИСПЫТАНИЙ»

Поперек папки шли надписи: «Прекращено в 1977 году» и «Строго секретно». Но самое-самое лучшее было внутри: сделанные на глянцевой бумаге снимки размером восемь на десять, изображавшие мертвых солдат. Поразительной особенностью снимков было то, что запекшиеся губы мертвецов были сложены в странную улыбку.

— Проигрывать вредно, Боб, — заметил Джокер задумчиво. — Так много дел, и так мало для этого времени.

Боб быстро шагнул к нему.

— Вот фотографии.

Джокер поднял брови, рассматривая снимки, полученные от Боба. Его взгляд задержался на изображении человека в полиэстеровом пиджаке.

— Кто этот хлыщ?

Боб взглянул ему через плечо.

— Это Нокс.

— У него плохой галстук, — вынес свой приговор Джокер. — Не хватает вкуса.

Он взял следующую фотографию.

У него отвалилась челюсть.

Он с трудом перевел дух.

Сердце его екнуло.

— Остановить станок! Кто это такая?

— Ее зовут Вики Вейл, — ответил Боб. — Фотограф, работает с Ноксом.

Джокер облизал толстые губы. Нужно подробнее рассмотреть фотографию.

— У этой женщины есть стиль! Приятная кошечка, способная возбудить любого мужчину!

Он достал ножницы из одного из своих многочисленных карманов и, насвистывая веселенький мотив, вырезал лицо на фотографии. Он старался вырезать с запасом, с учетом окантовки. Что еще надо сделать? Ах, да! Он знал, что. Джокер достал карандаши и стал закрашивать края.

— Она встречается с неким Уэйном, — доложил ему Боб.

— Ей придется поменять его на кого-нибудь получше! — Джокер подмигнул лежащей перед ним фотографии.

— Черт возьми! Ох, черт, — сказал он, проводя по ней языком. — Не умещается!

Наконец, он сделал рамку — приятное сочетание желтого с синим, — быстро наклеил обратную сторону на подложку и повесил портрет Вики на стену, на почетное место.

— Знаешь, Бобби, я собираюсь завести новую девочку! — Он полюбовался творением своих рук, потом щелкнул пальцами.

— Телефонную книгу! Я им устрою заварушку!

Как там ее, Вики Вейл? Он с трудом оторвал глаза от фотографии, чтобы найти номер телефона. Она выглядела замечательно посреди всех этих военных сцен — а теперь война должна была охватить весь Готэм!

Набирая номер, Джокер мурлыкал от удовольствия. Он никогда еще не чувствовал себя таким счастливым!

Пора идти домой. Больше ему ничего не оставалось делать.

Альфред, видевший, как Брюс прошел к себе в кабинет, направился навстречу быстрой и легкой походкой. Он взял у Брюса плащ и подал ему невесть откуда взявшееся влажное горячее полотенце. Брюс давно уже перестал удивляться тому, как все это ловко у него получалось. Он молча вытер руки.

— Звонила мисс Вейл, — доложил Альфред. — Она была чем-то озабочена.

С минуту он помолчал, затем добавил таким конфиденциальным тоном, какого Брюс никогда не слышал:

— Я заметил, что, когда она здесь, становится как-то легко.

Брюс бросил на своего дворецкого пристальный взгляд. Он никогда не слышал от Альфреда подобных слов.

— Почему бы вам на ней не жениться, Альфред?

— Я имел в виду совсем другое, сэр, — ответил Альфред, сохраняя невозмутимое выражение лица.

Брюс бессильно пожал плечами.

— Альфред, я не имею на это права.

Альфред кивнул с понимающим видом. Они задумали все это так давно! Оба они знали, что им предстоит. Сейчас в жизни Брюса для женщины не было времени.

— Нейпир жив, — продолжал Брюс, — он возглавил людей Гриссома. Мне удалось получить в полиции все данные о нем.

— Да, сэр, — произнес Альфред на этот раз своим обычным деловитым тоном. Ему предстояло отправиться в их подземелье, в Бэткейв, чтобы ознакомиться с новой информацией. Когда дворецкий проходил мимо него, Брюс вздохнул. Это был печальный вздох сожаления о том, что невозможно.

— Как она хороша, не правда ли?

Альфред грустно улыбнулся в ответ.

Вики рассматривала сделанные ею фотографии Брюса Уэйна. Когда Брюс исчез, она осталась на площади, чтобы заснять происходящее. В конце концов, это была ее работа. Она сама проявила пленку и отпечатала в первую очередь те кадры, где был снят Брюс с розами, надеясь, что они подскажут ответ на мучившие ее вопросы.

Она взяла в руки фотографию, сделанную в том переулке, где Брюс, опустившись на колени, казалось, совершал какой-то обряд. В таком состоянии она видела его еще только раз, на площади, когда посреди всей этой стрельбы он стоял, будто был не один, а вел неслышимый диалог с кем-то или чем-то, что находилось в ином времени и пространстве.

Внезапно ее осенило, что тот, кто назвал себя Джокером, возможно, тоже имеет отношение ко всему этому. Не случайно Брюса чем-то притягивал к себе тот уличный мим-маньяк с зелеными волосами. Сначала она не знала имени этого клоуна, но потом изрешеченные пулями тела остальных членов банды Винни Рикорсо появились на ступенях муниципалитета, перевязанные широкими красными лентами с надписью: «Подарок городу Готэму от Джокера».

Так. Сперва Бэтмэн, а теперь еще этот гангстер. Похоже, в Готэме многие ищут популярности. Но какую роль во всей этой истории играет Брюс Уэйн?

Наверняка здесь что-то связано с тем переулком.

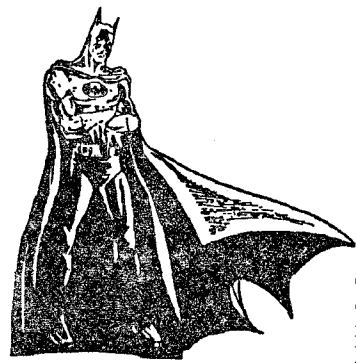
Она набрала номер телефона. На другом конце провода ей ответил Нокс.

— Элли, — сказала она быстро, не давая ему возможности продемонстрировать свое остроумие, — не можешь ли ты навести для меня одну справку? Тогда разузнай, пожалуйста, не случалось ли что-нибудь необычное в переулке между улицами Перл и Филипс? Пока.

Она повесила трубку и снова обратилась к лежавшим перед ней трем фотографиям: вот Брюс с цветами, вот он стоит на коленях, вот швыряет ногой консервную банку.

— Что с вами происходит, мистер Уэйн? — произнесла она вслух.

9

Заранее предвкушая удовольствие, Джокер уселся перед телевизором.

— А теперь на ваших экранах — передача «Последние новости» и ее ведущие Бекки Нарита и Питер Макелрой.

Камера показала крупным планом улыбающееся лицо Бекки.

— Добрый вечер, — начала она. — Вчера мир моды был потрясен внезапной смертью двух манекенщиц — Кенди Уокер и Аманды Килер. Трагедию объясняют внезапным приступом аллергии, хотя компетентные органы не исключают возможности злоупотребления наркотиками. Питер!

В кадре появился улыбающийся Питер.

— Продолжается работа над программой празднования двухсотлетия города, в рамках которого состоится объявленное мэром города Боргом торжественное открытие статуи основателя Готэм-Сити Джона Готэма.

Из-за экрана протянулась рука, положившая записку на стол Питера. Он стал ее читать, и улыбка постепенно сходила с его лица.

— Только что получены новые сведения. Три таинственные смерти в салоне красоты.

Его прервал неожиданный смех Бекки. Питер с упреком взглянул на коллегу.

— Бекки. Это жестоко, Бекки!

За экраном что-то с грохотом упало, заставив Питера вскочить со своего места. Кто-то включил вторую камеру, так что на экранах своих телевизоров зрители могли видеть все, что происходило с Бекки. Она раскачивалась в своем кресле, лицо ее конвульсивно подергивалось, строя самые невероятные гримасы. Камера то наезжала, то откатывалась, словно оператор не знал, снимать все это или нет.

Со всех сторон сбежались служащие, стараясь чем-нибудь помочь бедной Бекки. Она подпрыгивала в своем кресле, раскидывала руки и ноги в разные стороны, порой задевая неосторожно приблизившихся к ней коллег. Это было похоже на представление, но особенно удался финал. Она стала

кружиться, делая пируэты, как балерина, причем — что удивительно в таком состоянии — движения Бекки были полны изящества.

При этом она не переставала хохотать.

Внезапно Бекки резко остановилась. По инерции она сделала великолепный двойной кульбит через стол комментатора с разложенными на нем газетами. И тут же перестала смеяться. Точнее, она перестала что-либо делать вообще. Ее тело сковала смерть.

Камера показала лицо Бекки. На нем застыла счастливая улыбка.

— К черту камеру! — кричал в истерике Питер. — К черту же!

Изображение исчезло.

Все это просто замечательно. Джокер включил другую программу. Тут было еще занятнее.

Станция Джокера перекрывала не только теленовости, но и любой другой канал в Готэм-Сити.

На экране теперь был яркий мультипликационный клип, изображавший манекенщиц Кенди и Аманду за несколько часов до внезапной смерти. Они весело приветствовали зрителей. При этом — как здорово это было сделано! — их рты двигались, складываясь в страшную, неестественно широкую улыбку.

Зазвучала веселая мелодия:

Солнце радостно смотрит вниз,
И ты от счастья улыбнись!

Потом их губы снова зашевелились, произнеся раздвоившимся голосом Бетти Буп:

— Любите Джокера!

Вот это да! Джокер удовлетворенно вздохнул. Разве ж это не искусство?

Но дальше должно быть еще интереснее.

Теперь в кадре был супермаркет и его самый расторопный продавец — Джокер. Он вез тележку по проходу. Потом схватил с полки какую-то яркую упаковку и бросил ее прямо в телекамеру.

— Новый продукт фирмы «Джокер»! — кричал он голосом зазывалы. — Только у нас соус «СМЕХЛЕКС»! Добро пожаловать на нашу дегустацию для гурманов! Она проводится вслепую!

Картинка на экране сменилась. Теперь на нем появился связанный, с завязанными глазами и с кляпом во рту человек, бессильно барахтавшийся в кресле. В нижней части экрана появилась надпись:

«ЭТО НЕ АКТЕР.»

— О-о-о, — снова заворковал Джокер. — Посмотрите на него. Он явно чем-то недоволен. Ведь он покупает изделия фирмы «Х»! Но вот другой покупатель...

Камера отъехала назад, чтобы показать, что дегустатор поневоле находится там не один. Рядом с ним лежал труп с завязанными глазами и самой счастливой улыбкой на губах!

— ...пользующийся новым продуктом фирмы «Джокер». Вы видите, что он просто тащится от удовольствия, — закончил Джокер.

Камера вновь показала Джокера-торговца. Теперь он сидел, развалясь, рядом с мультипликационным изображением одной из манекенщиц, прошедших у него обработку. Какое изысканное сочетание: белая, как мел, кожа и великолепные зеленые волосы!

— Какой необыкновенный цвет лица! — заговорил Джокер. — Только посмотрите на эти ярко-красные губы! А какой естественный цвет у волос! Пожалуй, только ваш гробовщик способен оценить все это по-настоящему!

Теперь на экране возникли десятки фургонов, развозящих товары с обозначенными на них названиями и торговыми знаками самых замечательных продуктов, которыми так славится Америка и которые сделали ее великой нацией.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, — снова раздался голос нашего торговца. — Верно. Вы думаете: где же можно купить эти чудесные товары? Это дело, ребята. Считайте, что вы их уже купили.

И в кадре вновь появилось столь необычное, выразительное лицо нашего торговца. Он многозначительно подмигнул зрителям.

— Итак, если вы это уже сделали, — добавил он весело, — не забудьте про счастливое выражение лица!

Веселые голоса за кадром запели:

— Фирма «Джокер» меняет лицо Готэма!

Джокер выключил телевизор. Потрясающее шоу! Он представил себе всех жителей Готэма — молодых женщин, которые, собираясь на свидание, не решаются пользоваться косметикой; молодых людей, избегающих употреблять дезодоранты и кремы для бритья; целые семьи, переставшие доверять своим врачам.

Это был его, Джокера, звездный час! Он создал величайшее из когда-либо показанных в Готэме шоу, которое будет длиться вечно!

Или, по крайней мере, до тех пор, пока останется в живых хоть один человек.

Ну что, Бэтмэн, а ты способен совершить что-либо подобное?

Брюс Уэйн выключил телевизор. Передача Джокера за-

кончилась. Изображение на экране исчезло. Случилось то, что он и предвидел. Теперь он во что бы то ни стало и как можно быстрее должен найти какое-нибудь средство для предотвращения катастрофы.

В комнату вошел Альфред, держа в руках вырезку из старой газеты.

Брюс прочитал вслух:

— Вооруженное нападение пятнадцатилетнего подростка. — Он взглянул на Альфреда.

— Чудесный мальчик!

Он продолжил чтение:

— Результаты психологического теста: большие интеллектуальные способности, неустойчивость психики, способности к наукам, особенно к химии, и искусствам, — затем задумчиво повторил: — К химии?

Он хлопнул ладонью по фотографии Джека Нейпира и снова взглянул на своего дворецкого.

— Пойдем-ка по магазинам, Альфред.

На первой странице газеты «Глоб» аршинными буквами был напечатан заголовок:

«ПАНИКА В ГОТЭМ-СИТИ! ОТРАВЛЕННЫЕ ПРОДУКТЫ УНЕСЛИ ТРИДЦАТЬ ЖИЗНЕЙ! КТО ЖЕ ТАКОЙ ЭТОТ ТАИНСТВЕННЫЙ ДЖОКЕР?»

На экране телевизора показалась дикторша. У нее был не слишком хороший цвет лица. Ай-яй-яй, какие у нас мешки под глазами!

— Еще шесть смертей, — говорила она, — и никакой разгадки смертоносного оружия Джокера.

Камера показала диктора с огромным уродливым нарывом на носу.

— Схема та же, — добавил он. — Парфюмерия и косметика: одеколон, полоскание для рта, дезодорант.

Камера вновь вернулась к дикторше. Боже мой, сейчас она выглядела еще хуже: волосы завились в мелкие кудряшки, а брови начисто отсутствовали, лицо было все в морщинах и казалось лицом пожилой женщины.

— Или еще хуже, — сказала она, — может вовсе не быть никакой схемы. Изучается весь ассортимент магазинов Готэма в поисках товаров-убийц.

Товаров-убийц? Боже ж ты мой, эти телевизионщики определенно умеют выбирать слова, даже если они выглядят, как смертельно больные люди. Джокер хлопнул в ладоши. С каждым днем его шоу становится все занятнее и занятнее!

Гордон не верил своим ушам, когда мэр вызвал его к себе. Подумать только: Готэм стал зоной бедствия!

Харви Дент еще говорил по телефону. Но мэр уже начал свою речь.

— Мы проведем этот праздник, даже если мне придется самому взять в руки ружье, чтобы охранять публику!

Дент повесил трубку. Мэр продолжал:

— Слышали ли вы, что я сказал, Дент? Праздник состоится! Вы должны немедленно выяснить, чем этот сумасшедший нас травит! Вам понятно?

Дент бросил на Гордона взгляд, означавший что-то вроде: «если-ты-его-не-убьешь-это-сделаю-я».

— Мы над этим работаем, — ответил он.

Брюс Уэйн расхаживал по своему музею оружия. Смазывавший ружье Альфред остановил его.

— Да, сэр. Вы видели записку мисс Вейл? Она встретится с вами в музее на десять минут позже, чем было назначено.

Какой музей и при чем тут мисс Вейл?

— Я... у меня с ней не назначено никакой встречи.

Альфред покачал головой так выразительно, как умел только один он.

Должно быть, Брюс просто забыл об этой встрече. Весь вчерашний вечер и половину сегодняшнего дня он не думал ни о чем, кроме этой страшной задачи по химии. Не слишком ли много внимания уделяет он Джеку Нейпиру? Но как можно так говорить, если кто-то собирается покончить со всеми жителями Готэма?

И все же у него есть право на личную жизнь. Видимо, он назначил Вики встречу в музее. Она опоздает на десять минут? Но он, наверное, придет еще позже.

Интересно, знает ли Альфред, на какое время у них было назначено это свидание?

Какой же он, Джокер, молодец!

Он уже покрасил волосы в приятный черный цвет. Теперь предстояло покрыть белое, как мел, лицо макияжем телесного цвета. Не стоит сразу слишком пугать Вики, тем более, что ему непросто было заманить ее в ловушку. Сначала он позвонил ей по телефону, представившись дворецким этого Брюса Уэйна, а потом заставил Алисию слегка протрезветь и, выдав себя за Вики, позвонить настоящему дворецкому, чтобы перенести встречу на другое время. Наверное, не было необходимости приглашать самого Уэйна, но Джокер не мог отказать себе в таком удовольствии. И потом, почему бы ему не прикончить этого плейбоя-миллионера и не устранить таким образом соперника?

Он накладывал последние штрихи макияжа и улыбался

своим мыслям. Конечно, с гримом много возни, но на первом свидании нужно хорошо выглядеть.

— Джек? — заплетающимся языком позвала Алисия, прервав его занятие. — Куда ты собрался?

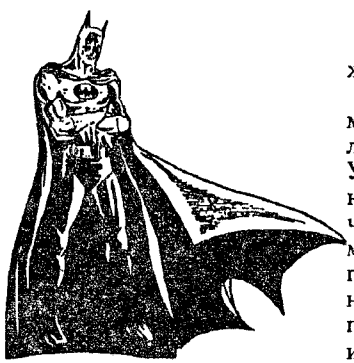
Пошатываясь, она вошла в комнату. Ее лицо было закрыто белой фарфоровой маской, которую она последнее время не снимала. Фу, до чего она докатилась! Никакие увещевания не доходят до ее бедного одурманенного мозга. Джокер покачал головой. Вот до чего доводит слишком роскошная жизнь.

Он стоял перед зеркалом, восхищаясь своим замечательным лицом. Не забыл ли он какую-нибудь деталь, способную произвести эффект? Ах да, этот необыкновенный цветок — он прикрепил его к лацкану пиджака. Алисия, спотыкаясь, отступила на шаг.

— Я иду в музей Флегельхейма, — объявил он. — Немного искусства папочке не повредит.

Джокер с трудом оторвался от зеркала. Пора идти. Не стоит заставлять мисс Вейл ждать слишком долго, особенно сейчас, когда он так великолепен.

10

Вики взглянула на часы. Она ждала уже двадцать минут!

Раздражение росло с каждым мгновением. Как могла она согласиться на встречу с Брюсом Уэйном, который и на глаза-то ей не показывается? Как получилось, что Брюс неожиданно занял в ее мыслях столь важное место? Они провели вместе всего одну ночь, у них не было никаких обязательств по отношению друг к другу, за исключением одного, которое, возможно, существовало только в ее воображении.

Она не знала, что и думать. С того дня, когда две манекенщицы умерли прямо у нее на глазах... Все это напомнило ей Корто Мальтезе — мир насилия и неожиданных смертей, мир, в котором нельзя доверять никому и ничему. Она оказалась в эпицентре новой войны, где правит бал некий Джокер. Разница лишь в том, что на этот раз война началась не с разрыва ручной гранаты или выстрела наемного убийцы, она началась с поставленного Джокером жуткого спектакля о гибели двух женщин, которых он заставил смеяться до смерти.

Вики задумчиво уставилась на стакан с заказанным напитком, стоявший на нежно-голубой скатерти. Ей нравилось кафе, расположенное на галерее, откуда открывался вид на музей. Но все в этом музее казалось нереальным, заставляя еще больше ощутить незащищенность находившегося за его пределами города, похожего на разбитую машину, которая вот-вот взорвется.

Она решила, что причиной такого настроения был Корто Мальтезе. Тот, кто побывал в зоне военных действий, навсегда перестает доверять покою повседневной жизни. Последние два года Вики буквально ходила по краю. Однако сейчас она, должно быть, сама того не сознавая, переступила черту.

Вики чувствовала, что вся эта история начинает ее затягивать. Ей захотелось поговорить с кем-нибудь. Она подумала о Брюсе. За внешней рассеянностью в Брюсе угадывалась внутренняя сила. Вначале ее удивило желание поделиться с Брюсом своими переживаниями. Они оказались глубже, чем она думала, и касались не только Джокера и Готэм-Сити. Возможно, Брюс не разделяет ее мыслей, но она должна это выяснить.

Вики снова взглянула на часы. Прошла всего пара минут. Она посидит здесь еще немного. Брюс обязательно придет. В конце концов, ведь это он заказал столик в музейном кафе. Официант провел ее прямо сюда, добавив, что мистер Уэйн должен подойти.

Все-таки интересно, зачем Брюс пригласил ее сюда. А может, этот заказ для Брюса сделал Альфред? Ей очень нравился старый дворецкий, и казалось, что он тоже испытывает к ней определенную симпатию. Раньше с ней никогда не случалось такого. Уж не выступает ли он в роли свахи? Если так, то что думает обо всем этом мистер Уэйн? Может быть, он опаздывает именно поэтому? А может, она что-то не так поняла и он вовсе не собирался приходить? Почему только она сразу не встала и не ушла? Вики опять посмотрела на часы и уговорила себя подождать еще минуту.

Вики пригубила свой джин с тоником и увидела, что к ней направлялся официант. В руках у него был сверток.

— Мисс Вейл, это только что просили вам передать, — проговорил официант, повернулся на каблуках и исчез.

В руках у нее оказался маленький сверток в коричневой бумаге с надписью карандашом, где, кроме ее имени, большими красными буквами было написано слово «СРОЧНО».

Она разорвала бумагу. Внутри находилась белая коробочка, к которой была прикреплена записка, также написанная карандашом:

«ДОРОГАЯ В.ВЕЙЛ!
НАДЕНЬТЕ ЭТО
ПРЯМО СЕЙЧАС.»

Вики открыла коробочку и достала оттуда красный с зеленым предмет. Это была миниатюрная газозащитная маска.

Неожиданно послышался странный свистящий звук. Из вентиляторов, расположенных в конце зала, повалил густой дым. Один за другим стали падать на пол официанты, роняя подносы с едой. Сидящий за соседним столиком молодой человек выпустил из рук вилку, уткнулся лицом в свой салат и затих.

Вики быстро надела маску.

Минуту спустя она осталась единственным человеком в кафе, не потерявшим сознания. Вокруг нее лежали люди, не менее сотни: одни — прямо на своих столиках, другие — в неестественных позах на полу. Несколько человек упали друг на друга у дверей — видно, они раньше остальных поняли, что происходит, и пытались спастись бегством — увы, напрасно. Все они оставались недвижимы.

Вики очень надеялась, что они, по крайней мере, живы.

Дальняя дверь музея внезапно широко распахнулась. Хотела того Вики или нет, но к ней пожаловали гости.

Они проникли в музей, сняв с петель двери с помощью небольшой пластиковой бомбы. Вообще-то, в этом не было никакой необходимости: музей был открыт и войти в него можно было обычным путем. Но тогда не получилось бы никакого спектакля, а Джокер был великим постановщиком.

Джокер шел впереди. На нем по такому случаю был большой берет, какие носят художники. За ним шли его парни, неся шампанское, стаканы и, конечно же, огромный радиоприемник, из которого доносилось: бум ча-ча-ча-ча-ча-ча, бум ча-ча-ча-ча-ча-ча.

Джокер подошел к ближайшей картине и стал ее рассматривать.

— Эй, все сюда! — скомандовал он. — Давайте-ка займемся расширением своего кругозора.

Все последовали его примеру. Каждый подошел к облюбованной им картине.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча.

Джокер благоговейно вздыхал, разглядывая произведения искусства. Конечно, условия осмотра были далеки от идеальных. Нет, музыка и шампанское были великолепны, но приходилось обходить тела, лежавшие на полу. Вполне можно было споткнуться или подвернуть лодыжку. Наверное, искусство действительно требует жертв.

Ага, а вот и знакомая картина. Джокер узнал ее: «Голубой мальчик» Гейнсборо — прекрасный портрет, изображающий в полный рост юношу в голубой одежде. Какая изысканность линий! Какое тонкое чувство цвета! Это близко к совершенству.

Джокер обвел тростью контур портрета. В нем проснулась жажда творчества. Он нажал кнопку на рукояке своей трости, и из нее выскочила бритва. Он только слегка подправит картину. Высунув от старания язык, Джокер вырезал на лице Голубого мальчика широкую улыбку, повторявшую его собственную. Готово! Вот теперь намного лучше! Джокер улыбнулся своей свите. Искусство способно приносить редкое удовлетворение.

Его парни восприняли поступок Джокера, как сигнал к своему собственному творчеству, и быстро заработали ножами и краской из пульверизаторов, придавая всем этим старомодным полотнам Мане, Ренуара и Дега вполне современный вид.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча, — ритм подхлестывал их.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. С музыкой дело шло быстрее. Не случайно он постоянно рекомендовал своим ребятам напевать что-нибудь во время работы.

Джокер опустил ряд картин пониже, чтобы парням было удобнее. Что у нас здесь? А, «Крик» Эдварда Мунка. Черно-белая фигура, на лице — крик страдания, боли и безумия. Жалкое существо, пугающее силой проявления чувств, словно вобрало в себя страдание, боль и безумие целого мира.

Вдруг он заметил, как кто-то занес над картиной кинжал. Он оглянулся и увидел Боба, собиравшегося тоже принять участие в коллективном творчестве. Джокер предостерегающе поднял палец.

— Мне это нравится, — сказал он. — Оставь ее.

Боб ухмыльнулся, понимающе кивнул головой и прошел дальше, остановившись, чтобы выпустить струю краски из пульверизатора на картину Джексона Поллока. Это лишено смысла, ну да пусть Боб позабавится!

У Джокера были другие дела. Его ждали в кафе на верхнем этаже.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча.

Вики чувствовала, что ловушка вокруг нее все больше сжимается.

Джокер с десятком своих молодцов рассеялись по музею и принялись портить картины. Вики подумала было спастись бегством, но, ворвавшись в музей, прислужники Джокера сразу же перекрыли главный выход и все запасные.

К тому же Джокер уже заметил ее. Приветливо помахав рукой, он подошел к ней. Его лицо уже не было белым, как у привидения, но на нем по-прежнему застыла неестественная

улыбка. Он явно был в хорошем настроении, что еще больше заставило Вики почувствовать, что она в ловушке.

Джокер придвинул стул и, показав на маску, сказал:

— Думаю, таперь ее можно снять.

Помедлив, она сняла с лица маску, и Джокер щелкнул пальцами. Двое из его головорезов кинулись к ним: один с двумя подсвечниками в руках, другой — с огромным переносным радиоприемником.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. Бум ча-ча-...

Джокер нажал на клавишу и переключился на другую станцию. Теперь вместо ритмов диско зазвучал струнный оркестр. Из внутреннего кармана двубортного пиджака он вынул серебряную зажигалку, щелкнул — и из нее вырвался большой язык пламени. Он зажег свечи. Все это напоминало искусную пародию на романтику.

— Вы красивая, — произнес Джокер вкрадчиво.

Сидя напротив, Вики молча смотрела на него. Что можно ответить этому сумасшедшему?

— Спасибо, — наконец произнесла она.

— Правда, на несколько старомодный лад, — продолжал Джокер. — Уверен, что сегодня нам удастся сделать из вас что-то большее.

Он придвинул свое кресло ближе. Вики с трудом удержалась от того, чтобы не отодвинуться. О, Боже! Должен же быть выход из этой ситуации? Наверное, надо было бы попытаться найти к этому человеку какой-то подход.

Джокер обратил внимание на черную папку у ее кресла.

— Это ваша папка?! — воскликнул он с каким-то восторгом.

— Д-да, — еле выговорила Вики, пораженная его непонятным энтузиазмом. — Я жду друга, который хотел посмотреть мои работы.

Джокер схватил папку и порывистым движением расстегнул молнию, вывалив содержимое на стол. Сверху оказались фотографии манекенщиц.

— Чепуха, — объявил он.

Он перевернул пластиковые заготовки журнальных обложек и пленки, на которых были запечатлены разные знаменитости.

— Чепуха, — повторил Джокер.

Он стал листать пленки быстрее. Замелькали фотографии государственных деятелей, события светской хроники, живописные пейзажи.

— Чепуха, чепуха, че-пу-ха, — твердил он одно и то же.

Вдруг Джокер задержался на одном снимке.

— Вот хорошая работа!

Вики увидела, что он держал в руках фотографии, сделанные в Корто Мальтезе.

— Черепа, — с восхищением произнес он. — Трупы. Все у вас выглядит так живо. — Он оскалился в усмешке, взглянув на Вики. — Не знаю, искусство ли это, но мне нравится.

Вики, не зная, что ответить, промолчала.

— Знаете, дорогуша, я решил поделиться с вами своими мыслями, — начал Джокер бархатным голосом. — Однажды, находясь в своей ванной, я вдруг понял, что стану великим. Вы, конечно, знаете, что большинство людей много внимания уделяют своей внешности. — Он неодобрительно покачал головой. — Для меня с этим покончено. — Он возвысил голос, подчеркивая, что наконец добрался до самого главного. — Теперь я занимаюсь тем, о чем другие только мечтают. Я творю такое искусство, которое завершается смертью!

Он торжествующе поднял вверх руки.

— Вы поняли? Я — первый в мире настоящий художник, создающий убийства!

Этот сумасшедший перешел все границы. Вики с ужасом смотрела на него.

— Чего же вы хотите? — спросила она.

— Я хочу, чтобы на долларе был мой портрет! — воскликнул он с тем же пылом.

Вики откинулась на спинку кресла.

— Похвальная цель. Надеюсь, вы шутите?

Взбешенный Джокер показал ей на свое лицо.

— Разве я похож на шутника? — заревел он.

Но тут же внезапно охватившая его ярость утихла, и он снова улыбнулся Вики.

— Послушайте, — сказал он, и в его голосе вновь зазвучали бархатные нотки, — не стоит обращать внимание на этих жалких людишек. Мы ведь художники! Позвольте показать вам созданную мной небольшую вещицу.

Он подозвал одного из своих парней.

— Боб, приведи сюда Алисию.

Тот кинулся исполнять приказание, а Джокер вновь обратился к Вики:

— Я предлагаю вам запечатлеть мой труд в фотографиях, — заявил он. — Мы с вами займем место в авангарде искусства.

Если бы не было так страшно, все это позабавило бы Вики. Но перед ней был настоящий сумасшедший, и говорил он абсолютно искренне.

— Джек, — раздался за ее спиной женский голос.

Вики обернулась. Один из прислужников Джокера подводил к ним женщину в белом, лицо которой было закрыто фарфоровой кукольной маской. Она не слишком твердо держалась на ногах, и ее спутник не только вел ее, но и поддерживал, чтобы она не упала.

— Ты сказал, что я могу посмотреть на то, как ты будешь

усовершенствовать картины, — произнесла вошедшая. Она говорила медленно и неуверенно, глотала слова, явно находясь в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Джокер сверкнул глазами.

— О-ох. У меня возникли проблемы!

Вики не смогла удержаться от того, чтобы не задать вопрос: слишком сильна была в ней репортерская жилка. И, страшась ответа, она все-таки спросила:

— Почему у нее маска на лице?

— Просто она — пока еще не законченное произведение искусства, а только набросок, — скромно ответил Джокер. — Алисия! Подойди сюда, садись. Покажи-ка этой леди, почему у тебя на лице маска.

Охранник пододвинул кресло, и Алисия села в него. Дрожащими пальцами она стала медленно снимать маску.

— Видите ли, мисс Вейл, — продолжал Джокер, —Алисия создается в полном соответствии с моей новой философией. Она будет, как и я, живым произведением искусства.

Наконец Алисия сняла маску.

Боже, какой это был ужас!

Не в силах сдержаться, Вики вскочила с кресла. Кресло с грохотом упало, а она, спотыкаясь, попятилась назад.

— Конечно, я не Пикассо, — продолжал Джокер с прежней скромностью. — Ну как, нравится?

Продолжая отступать назад, Вики уронила еще одно кресло. Нравится? Как ни пыталась, она не смогла заставить себя еще раз взглянуть на Алисию. Левая сторона лица у бедняжки была совершенно нормальной. Но правая! Кожа срослась с обнаженной мышцей, выпиравшей поверх остальных тканей и кости. Сколько же пришлось Джокеру поработать над лицом Алисии, чтобы так его изуродовать?

Джокер улыбнулся Вики своей улыбкой сумасшедшего — простодушно и откровенно. Что она могла ему сказать? Как ей выбраться отсюда?

— Ох, это необыкновенно, — сумела она выдавить из себя. — Но что я могу для вас сделать?

Джокер широко раскинул руки.

— Спеть, — произнес он нараспев.

Потом он прошелся, притопывая, по полу.

— Потанцевать, — добавил он, смеясь, и импровизировал танец, держа руки так, словно обнимал воображаемую партнершу.

— И еще сюда бы голову Бэтмэна на копье, — закончил он весело. — Кстати, что вам о нем известно?

И он изобразил руками нечто вроде крыльев летучей мыши.

Вики покачала головой.

— Я ничего не знаю о Бэтмэне.

— В самом деле? — произнес Джокер равнодушным тоном, словно не ждал другого ответа.

— Ну, хорошо. А что вы думаете насчет того, чтобы мы с вами... в общем... вы и я... — захихикал он.

Это было слишком! С таким типом, как Джокер, не хватит никакого терпения.

— Да вы ненормальный! — бросила она ему в лицо, привстав с кресла.

— Я? Ненормальный? — Он широко раскинул руки, словно приглашая ее в свои объятия. — А ну-ка, идите сюда. Давайте-ка немного вас подгримируем. — Он обошел вокруг стола, подходя к ней. — Посмотрите, какой цветочек.

Джокер поднес руку к большому красному искусственному цветку на лацкане пиджака.

— Нет! — закричала она, отпрянув в сторону и чуть не опрокинув стол. Струя светлой жидкости, выпущенная из красного цветка, не задев Вики, попала в колонну за ее спиной. Колонна задымилась и зашипела в том месте, куда попала жидкость. Это была кислота!

Джокер усмехнулся. Он сделал еще шаг ей навстречу, продолжая протягивать цветок и теперь, когда она уже знала о его истинном назначении. Он убьет ее — или, что еще хуже, сделает из нее такую вот Алисию. Вики кинулась прочь. Она наткнулась на тележку официанта. Джокер шагал за ней.

Ей надо было как-то удержать его на расстоянии. Вики схватила с тележки кувшин и бросила его в Джокера. Кувшин пролетел мимо, обдав его водой.

— Нет! — завизжал гангстер, закрыв лицо руками. — Нет!

Он согнулся вдвое. Коричневая краска с лица стекала по пальцам, обнажив белоснежную кожу.

— Я таю! — он упал на колени. — Я таю! — Он корчился на полу. — О, Господи, я таю!

Вики перепугалась и не сразу сообразила, что Джокер повторял слова из сказки о злой ведьме.

— Помогите мне! — хрипел он, раскачиваясь.

Неужели она действительно причинила ему такую боль? Вики невольно шагнула навстречу.

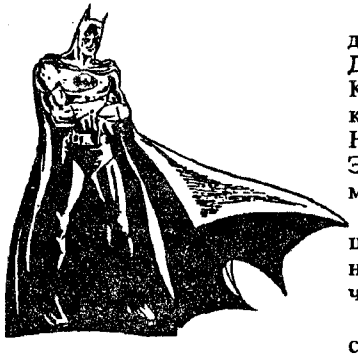
Внезапно он прыгнул вперед.

— У-у, — завизжал он.

Он набросился на нее. Вики не могла двинуться с места. Все, что она видела, — это красный цветок и неестественная широкая ухмылка на лице Джокера.

Вдруг наверху раздался звон разбитого стекла.

11

Все шло хорошо, пока не раздался этот чертов звук, подумал Джокер. Он посмотрел наверх. Кто-то появился на стеклянной крыше и стал спускаться вниз. Нет, поправил сам себя Джокер. Это был не кто-то. Это был Бэтмэн.

Он оказался всего лишь в двадцати футах от Джокера и обрушил на него кулак, к которому было что-то прикреплено.

Неужели Бэтмэн убьет его? Он слишком молод, чтобы умирать. Джокер подумал было о бегстве, но этот парень пригвоздит его своим летающим копьем, прежде чем он сделает один шаг. Матерь божья! Неужели маленькому Рико пришел конец?

Бэтмэн выстрелил. Метательный снаряд разделился на две части, каждая из которых вонзилась в стену по обе стороны от Джокера. Джокер понял, что они были прикреплены к тросам, а еще один трос соединял самого Бэтмэна с отверстием в стеклянной крыше.

Бэтмэн схватил Вики и подвесил ее к тросам, предназначавшимся на случай опасности для него самого; они протянулись с балкона прямо к двери с надписью «Выход».

Но Джокер уже пришел в себя.

— Вот это игрушка! — воскликнул он. — И где только берут такие замечательные игрушки?

Он посмотрел на своих парней, пораженных всем происходящим не меньше его.

— Да не стойте же вы, как истуканы! — заорал он. — Догоните и расспросите его!

Они убежали. Джокер вздохнул. Почему всегда он один должен обо всем думать?

Вики не сразу поняла, что спасена. Бэтмэн поддерживал ее, и через секунду они были уже на площади. Оказавшись на земле, он жестом показал ей на переулок и сам последовал туда же, бросив назад небольшой диск. Мгновенно пространство наполнилось дымом.

— Скорее в машину! — крикнул он.

В машину? В переулке было припарковано несколько машин.

В какую? Ах, да, — догадалась она. Среди множества машин выделялся черный, как вороново крыло, блестевший, как зеркало, спортивный автомобиль, колеса которого были украшены в центре изображениями летучей мыши, — настоящий Бэтмобиль.

Капот машины почти бесшумно сдвинулся вперед, открыв места шофера и пассажира, представлявшие собой отдельные отсеки. Вики забралась в пассажирскую кабину.

— Зажигание! — приказал Бэтмэн.

Перед ним зажглась приборная доска, снабженная десятком различныных циферблатов и указателей. На табло загорелась надпись «Воспроизведение звука». Между сидениями находилась еще одна контрольная доска со множеством лампочек, кнопок и переключателей.

— Есть зажигание, — ответил голос робота.

Заработал двигатель, и Бэтмэн впрыгнул на свое место. Двери опустились. Бетмен велел Вики пристегнуться ремнем.

Визжа тормозами, Бэтмобиль пронесся вниз по переулку, прямо ко входу, через который они только что прорвались. Сейчас там было полно бандитов Джокера, кашляющих и задыхающихся. Увидев машину, они разбежались. Вики посмотрела назад: бандиты забирались в машины и автофургон. Справа от себя она увидела зажегшуюся в машине лампочку и догадалась, что это сигнал поворота. Взглянув на светящийся спидометр, Вики увидела, что автомобиль прошел поворот на скорости пятьдесят миль в час.

Они направлялись в центр Готэма. Вики с удивлением обнаружила, что был еще ранний вечер, — солнце только что село. Улицы были запружены автомобилями, на тротуарах и перекрестках — полно пешеходов. Люди бросались в стороны от преследовавшего Бэтмобиль фургона, вилявшего на дороге.

Бэтмэн еще сильнее погнал машину. Уже во второй раз Вики увидела мигающий сигнал правого поворота. Они, наверное, делали теперь девяносто миль. Разве может автомобиль, даже обладающий такой аэродинамикой, справиться с поворотом на подобной скорости? Бэтмэн щелкнул одним из переключателей. Из машины выскочил трос, снабженный на конце острым шипом, и воткнулся в кирпичную стену над тротуаром. С его помощью машина благополучно свернула за угол. Бэтмэн нажал на кнопку — трос убрался внутрь. Спидометр по-прежнему показывал девяносто миль.

— О, черт! — закричал вдруг Бэтмэн.

Они оказались в тупике. Впереди оставалось всего около ста ярдов. Он изо всех сил нажал на тормоза и на какие-то кнопки.

Колеса внизу остановились, а корпус Бэтмобиля поднялся и развернулся на сто восемьдесят градусов.

Бэтмэн нажал на акселератор, и они снова помчались, но уже из переулка, по направлению к площади. Впереди замерцали оранжевые огни — как догадалась Вики, это была строительная площадка, где велись сверхурочные ночные работы по подготовке трибун к параду, столь дорогому для сердца мэра города господина Борга. Огромный кран стоял на перекрестке, перегородив обе улицы. И они мчались прямо на него!

Бэтмэн снова выпустил тормозное устройство, собираясь повернуть налево. Но места для поворота было недостаточно, машина накренилась в сторону тротуара, а он изо всех сил нажал на тормоза. Они остановились всего в нескольких дюймах от фонарного столба.

К Бэтмобилю бежали пешеходы и рабочие со стройки, чтобы узнать, в чем дело. Вики увидела в заднее стекло, как фургон и обе машины догоняли их. Она взглянула на Бэтмэна. Должен же быть какой-то выход?

— А нельзя ли... — начала было она.

Он отрицательно покачал головой.

— Слишком много народу. — Он нажал другую кнопку и дверцы с шумом поднялись вверх. Бэтмэн выпрыгнул из машины.

— Выходим! Щиты! — приказал он, как только Вики выбралась, последовав его примеру.

— Есть щиты! — повторил голос робота.

Темные стальные плиты быстро сомкнулись над кабиной, колесами, выхлопной системой, создав что-то вроде непроницаемого черного кокона.

У Вики не было времени удивляться всему этому. Бэтмэн уже тащил ее за собой на строительную площадку. Позади загудела полицейская сирена. Это хорошо, подумала она. Может быть, полицейские задержат бандитов Джокера. Она забыла о том, что полиция могла схватить и Бэтмэна.

Меньше чем за минуту они пробежали всю строительную площадку и понеслись по другой улице, следя за тем, чтобы не столкнуться с удивленными прохожими.

Сбоку выскочил очень знакомый автомобиль. Вики узнала четырех находящихся в нем парней Джокера. Тот, что сидел на месте шофера, сказал что-то в переговорное устройство. Автомобиль развернулся и полетел прямо на них.

Теперь Бэтмэн и Вики бежали в другом направлении. Бандиты открыли огонь, вдребезги разбилась витрина магазина.

Девчушка лет пяти-шести в поношенном пальтишке деловито прогуливала свою куклу. Она была так погружена в это занятие, что не замечала ни пуль, ни бегущих людей.

Когда Бэтмэн поравнялся с ней, она взглянула на него, широко раскрыла глаза и подняла вверх свою куклу, чтобы человек в маске лучше разглядел ее «дочку».

— Это праздник всех святых? — спросила она.

Бэтмэн улыбнулся, жестом показав Вики, чтобы она бежала за ним в переулок. Она уже почти догнала Бэтмэна, когда сзади послышался визг тормозов. Сердце у нее заныло: люди Джокера продолжали преследование.

Они помчались по переулку, но он тоже оканчивался тупиком, и на этот раз у них не было сверхмощной машины.

Бэтмэн посмотрел наверх. Вики проследила за его взглядом. Там, на высоте пятого этажа, были узкие мостки переходов. Бэтмэн перевел взгляд на Вики. Через сделанные в капюшоне прорези для глаз на нее глядели два темных омута.

— Какой у вас вес? — вдруг резко спросил он.

Вики застыла от неожиданности. Даже в наше время и в нашем обществе женщине нечасто приходится слышать подобные вопросы.

— О, — заикаясь ответила она, — сто восемь фунтов.

Он слегка склонил голову набок, быстро производя в уме какие-то расчеты. В начале переулка снова появилась машина с бандитами. На этот раз они ехали в обратном направлении. Гангстеры остановились, блокировав, таким образом, выход из переулка, и выскочили из машины.

Вики снова посмотрела на Бэтмэна. У него в руках было что-то вроде арбалета, имевшего очертания летучей мыши. От него шел тонкий нейлоновый трос. Бэтмэн выстрелил вверх, и выпущенный из арбалета дротик воткнулся в мостки.

Бэтмэн приподнял Вики.

— Держитесь!

Он прицепил что-то к своему поясу, и через мгновение оба взлетели вверх, словно пойманные на удочку рыбы. Мимо уха Вики со злобным свистом пролетела пуля, но они благополучно поднялись на высоту одного этажа, потом другого. Затем их движение замедлилось.

Они остановились на высоте третьего этажа. Вики догадалась, что механизм был рассчитан лишь на вес Бэтмэна. Девушка испытывала двойное чувство: собственной вины и страха. Они стали теперь живой мишенью. И почему она не сказала Бэтмэну, сколько весит на самом деле!

Бэтмэн так же беспомощно болтался рядом. Вики посмотрела вниз и вскрикнула. Бандиты прицелились в них из своих мощных автоматов, но теперь негодяи не торопились, ожидая, когда, покрутившись в воздухе, они остановятся и в них можно будет попасть без труда.

— Что бы ни случилось, — хрипло прошептал Бэтмэн, — не выпускайте трос!

Он что-то отцепил от своего пояса и прикрепил к ремню Вики. Потом разжал руки.

Вики резко взлетела вверх и закричала. Она увидела, как внизу, на высоте двух этажей падал в развевающейся накидке Бэтмэн. Она снова закричала, на этот раз потому, что ударилась спиной о мостки, но раскачивающийся трос смягчил удар, и она поняла, что с ней все в порядке.

Снизу донесся страшный грохот. Вики увидела, что Бэтмен приземлился на груду консервных банок. Бандиты бросились к нему. Еще не успев подняться на ноги, он вмазал двоих в стену. Но один бандит, выхватив из кучи мусора кусок свинцовой трубы, подбежал к нему сзади и ударил по голове.

Бэтмэн упал.

Эти мерзавцы подходили все ближе. Вики была бессильна чем-нибудь ему помочь. Трос больше не раскачивался. Она выбралась на мостки, а потом на крышу. Но что она могла сделать без оружия?

При ней была только ее камера, которую, несмотря на все происшедшее, удалось сохранить. Может быть, ее содержимое когда-нибудь окажется полезным. Она расстегнула молнию футляра и посмотрела вниз.

Старший из бандитов выстрелил два раза в упор, прямо в желто-черный знак на груди Бэтмэна.

Вики перегнулась через край. Неужели она опоздала?

Бандиты остановились.

— Странно, совсем нет крови, — заметил один из них.

— Господи Иисусе, — с испугом сказал другой. — Кто он такой ? Проверь его бумажник.

— Постойте, — остановил их третий. Он опустился на корточки перед телом и стал ощупывать костюм Бэтмана.

— Что там? — спросил последний головорез.

— Что-то похожее на доспехи, — сказал присевший на корточки.

— В конце концов, он — человек, — произнес тот, кто стрелял. К нему вернулась уверенность. — Снимите с него маску.

Бронежилет? Услышав это, Вики поняла одно: он был еще жив. Она подумала, как бы отвлечь внимание бандитов и в то же время получить, возможно, сенсационный материал для «Глоб».

Они сняли с него маску, но его лица не было видно, потому что оно находилось в тени.

— Расступитесь! Мне не видно его лица! — приказал главный бандит.

И в этот момент Вики нажала на вспышку.

Бандиты остолбенели.

— О, черт! — заорал один из них, придя в себя. — Это женщина!

Пуля раскрошила цементную стену в трех дюймах от ее лица. Она снова нажала на вспышку, сделав на этот раз и снимок. Она знала, что таким образом обнаружила себя, но не могла поступить иначе.

Бандиты разом подняли оружие и выстрелили почти одновременно.

Вспышки наверху прекратились.

— Ты попал в нее? — спросил чей-то голос.

— Думаю, да, — ответил другой.

Бэтмэн открыл глаза и увидел четыре направленных на него дула. Неожиданно правой рукой он схватил ближайшего к нему бандита и загородился им, как щитом, от огня трех остальных.

Затем Бэтмэн вскочил на ноги и подбросил его вверх. Тело упало на одного из бандитов. Тот свалился на мусорный ящик, ударившись головой о стену, и затих.

А Бэтмэн уже занимался третьим негодяем. Он схватил его за горло, а затем сильно ударил в живот стальным носком ботинка.

Теперь ему предстояло расправиться с последним оставшимся в живых подонком. Прежде чем покончить с ним, Бэтмэн снова надел маску.

Последний бандит держал в руах оружие, но руки у него тряслись, и он никак не мог прицелиться. Бэтмэн усмехнулся. Бандит заорал и бросился бежать.

Бэтмэн заметил, что вспышки наверху возобновились. Вики Вейл снимала все происходящее на пленку.

Это ему не понравилось.

Бэтмэн в какие-то секунды расправился со всей нечистью. Теперь он посмотрел наверх, ища Вики глазами.

Она отступила от края крыши — так, чтобы он не мог ее видеть. Он наверняка понял, что она фотографировала все, включая и те моменты, когда он был без маски. Обидно было бы лишиться таких кадров. Она быстро перемотала пленку и разрядила камеру. Куда бы положить пленку, как сохранить? Возможности ее в этом отношении были ограничены. Она запихнула пленку под блузку и побежала по крыше к двери, находившейся в дальней стороне здания. Может быть, она не должна была так поступать, ведь Бэтмэн спас ей жизнь. К тому же в нем было что-то очень ей знакомое, хотя, в то же время, и непонятное. Она поймала себя на мысли, что хочет сохранить эти снимки не столько для газеты, сколько для самой себя. Она

должна увидеть его лицо. Проявив пленку, она узнает, кто такой Бэтмэн на самом деле.

Вики исчезла. Он должен немедленно ее отыскать. Теперь у него появился еще один повод для беспокойства.

Бэтмэн вышел из переулка и через два квартала увидел Бэтмобиль, окруженный плотным кольцом полицейских и любопытных. Двое полицейских буквально лежали на нем, стараясь понять, как проникнуть внутрь. В дальнем конце улицы стоял огромный тягач, с помощью которого Бэтмобиль собирались увезти.

Бэтмэн тяжело вздохнул. Так, теперь еще и это. Ну, конечно, если он хотел спокойной жизни, ему следовало выбрать другую дорогу.

Бэтмэн включил одну из программ на своем поясе. Когда выскочил миниатюрный радиопередатчик, он нажал кнопку переговорного устройства.

— Щиты сняты, — ответил робот.

Стальные плиты были убраны в двери, колеса завертелись.

— Зажигание, — сказал Бэтмэн.

— Есть зажигание, — ответила машина.

Тем временем один из полицейских, лазивших по капоту, старался заглянуть внутрь неосвещенной кабины.

— Там кто-то есть! — вдруг закричал он.

Взревели турбинные двигатели — и Бэтмобиль снялся с места, сначала медленно, дав возможность полицейским убраться с крыши, а толпе рассеяться, затем все быстрее. Сделав второй поворот, Бэтмэн на несколько минут доверил управление машиной роботу. Убедившись, что полицейские от него отстали, он удачно сманеврировал, и Бэтмобиль помчался вперед.

У него было дело, не терпящее отлагательства.

Снизу доносился рев сирен. Вики выглянула из-за выступа и увидела мчащийся по улице Бэтмобиль. Обогнув группу напуганных пешеходов, он едва избежал столкновения с автобусом и двумя такси. Ладно, по крайней мере, она теперь знает, что Бэтмэна здесь нет, и можно подумать о том, как спуститься вниз.

Первая дверь, в которую толкнулась Вики, оказалась заперта. Обычная история для большого города, подумала она. Но эта крыша сообщалась с другой, нужно было только сделать небольшой прыжок, а с помощью выброшенного кем-то старого стула она сумела, поднявшись на пять футов, попасть на третью крышу, где имелся пожарный выход, идущий до самого низа. Обрадованная этим открытием, она стала спускаться.

Сирены затихли. Судя по произведенному ими шуму, можно было подумать, что за Бэтмэном охотятся не менее двадцати полицейских машин. Она посмотрела вниз. На улице не было ни души.

Наконец, она спустилась до самого низа пожарной лестницы, которая не доходила до земли примерно пять футов. Опять надо было прыгать. Хорошо, что на ней удобные туфли, подумала Вики. Повесив камеру на плечо, она ухватилась за нижнюю ступеньку лестницы и спрыгнула на тротуар. Теперь надо было выбраться отсюда. Она осмотрелась. Вокруг было подозрительно тихо. Не хотелось бы ей сейчас снова встретиться с бандитами Джокера, да и с Бэтмэном тоже.

Прибавив шаг, Вики обернулась назад, чтобы сообразить, где находится, и... столкнулась носом к носу с Бэтмэном. Ошеломленная, она уставилась на лицо в маске.

— И вы даже не хотите сказать мне «спасибо»? — спросил он.

Спасибо, подумала она. Ах да, ведь он спас ей жизнь! Вики вдруг перешла в наступление — может, потому, что знала о правоте Бэтмэна.

— Я думаю, что это вы должны меня благодарить, — возразила она. — Вы же были на пороге смерти.

Бэтмэн смотрел на нее сверху вниз. Закрытое маской, его лицо казалось бесстрастным.

— А ведь вы весите больше, чем сто восемь фунтов, — это было единственное, что он произнес в ответ.

До их слуха вновь донесся вой сирен. На этот раз они приближались очень быстро. Бэтмэн положил руки ей на плечи.

— Вам лучше пойти со мной, — сказал он мягко.

Она и сама так думала. Сирены гудели уже в одном-двух кварталах от них. Ей не хотелось провести остаток дня, давая показания в полиции.

— Куда мы идем? — спросила она его.

Вместо ответа Бэтмэн схватил ее за руку, и они свернули за угол. Он вывел ее по переулку на улицу.

Навстречу с гудением несся Бэтмобиль. Нужно скорее уйти с дороги!

Вместо этого Бэтмэн пошел прямо на машину.

— Стоп! — приказал он.

Завизжали тормоза. Бэтмэн крепко держал ее за руку, чтобы она не убежала... Когда она открыла глаза, то увидела, что машина остановилась в трех футах от кончиков ее туфель.

Бэтмэн жестом указал ей на место пассажира, сам же сел за руль. Она прыгнула в машину, когда сирены гудели уже за углом. Теперь она могла видеть мигающие позади огни полицейских машин. Их было не меньше четырех, ближайшая — на расстоянии половины квартала.

Дверцы сомкнулись у них над головами, и Бэтмэн нажал на акселератор. Заревел мотор. Вики могла поклясться, что видела, как вырвалось пламя из выхлопной трубы. Набирая скорость, автомобиль тронулся по широкой авеню.

Бэтмэн сказал, чтобы она пристегнула ремень.

Она выполнила его распоряжение, не сводя глаз со спидометра: они шли со скоростью сто сорок миль в час. Вики оглянулась назад.

На большом расстоянии от них виднелись огни фар единственной машины. Через минуту не стало видно и ее. Им удалось уйти от погони.

Они выехали за пределы города. На пустынном участке дороги, по обе стороны которой росли высокие древние сосны, Бэтмэн снизил скорость. Он щелкнул переключателем, и Вики с удивлением обнаружила, что окно, находившееся с ее стороны, стало непрозрачным. Она не могла понять, где они находились и куда направлялись, и догадалась, что это входило в намерения Бэтмэна.

— Это похищение?! — заявила она ему.

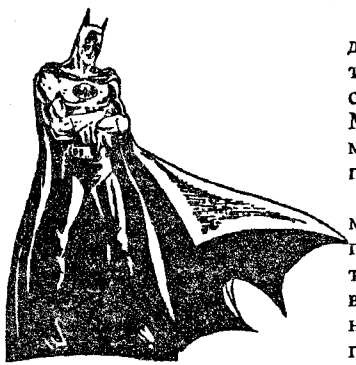
— Что-то вроде этого, — согласился Бэтмэн. Он включил яркий, ослепивший ее свет. Она прищурилась, стараясь привыкнуть к такому освещению, а когда открыла глаза, обратила внимание на то, что теперь окно вновь обрело свою прозрачность. Но сейчас это было ни к чему, потому что они неслись прямо на отвесную скалу.

Вики посмотрела на Бэтмэна. Теперь ее глаза привыкли к освещению. Она увидела, что он улыбаясь, нажимает на газ.

И они понеслись навстречу отвесной скале.

Вики завизжала от страха.

12

Скала куда-то исчезла. Вики догадалась, что это был какой-то трюк — возможно, изображение, созданное с помощью зеркал. Машина вовсе не мчалась на каменную глыбу, а въезжала в гигантскую пещеру.

Когда Бэтмэн остановил машину, Вики огляделась. Расположенные над головой прожектора освещали пещеру. Кое-где виднелись стены из грубо отесанного камня, в других местах путь проходил в полной темноте. Пещера была такой громадной, что прожектора освещали лишь небольшую ее часть. Остальное пространство тонуло во мраке.

Там, где было больше света, она могла рассмотреть отдельные предметы. У дальней стены сверху расположился целый склад компьютеров, рядом находились токарный станок, пила, ряды различных инструментов — настоящий магазин бытовой техники. Ниже стоял стол с колбами, мензурками и горелкой Бенсена. Это было, как она поняла, оборудование для химических анализов. Вики подумала, что не удивилась бы, найдя здесь, у Бэтмэна, какую-нибудь подпольную лабораторию.

Она выбралась из машины, Бэтмэн — тоже, но с другой стороны. Осторожно продвигаясь в глубь пещеры, Вики старалась все рассмотреть. Бэтмэн шел за ней на расстоянии. Вики сделала шаг ему навстречу и ступила в круг света.

— Осторожнее, — предупредил он. Вики посмотрела назад и направо — туда, куда хотела пойти. Еще шаг — и она провалилась бы в яму, которая была такой глубокой, что свет не достигал дна. Она столкнула вниз камешек, лежавший с краю. До них не донеслось никакого звука. Яма оказалась бездонной. Она подняла глаза и увидела, что над этой бездонной ямой висят гимнастические кольца.

— Добро пожаловать в Бэткейв — пещеру Бэтмэна, — сказал он.

Сверху до нее донеслись незнакомые звуки — пронзительные крики каких-то животных. Она посмотрела в самую высь и там, над гимнастическими кольцами, увидела тени от крыльев

на освещенных местах пещерного свода. Она вздрогнула, поняв, что это.

— Летучие мыши, — тихо произнесла она. — Какие они страшные.

— Это-то и важно, — согласился Бэтмэн. Он подошел к стене с компьютерами, среди которых стояла маленькая клетка для птиц. Поскольку она находилась в тени, Вики не заметила ее раньше. Вики подошла к ней вслед за Бэтмэном и поняла, что в клетке находилась не птица, а маленькая летучая мышь с перебитым крылом, перевязанным и уложенным в лубок.

Бэтмэн легонько постучал по клетке.

— Летучие мыши очень живучи.

Он подошел к столу, заваленному бумагами. Идя за ним, она старалась держаться подальше от той клетки. Позади Бэтмэна находилась вешалка с одеждой: там было много костюмов Летучей мыши. Она заинтересовалась ими: материя была какой-то странной на ощупь и представляла собой соединение натуральных волокон и чего-то эластичного, похожего на резину. Тонкая, она тем не менее была плотной и тяжелой, как если бы в нее были вплетены стальные нити.

— Из какого материала они сделаны? — спросила Вики, когда Бэтмэн оторвался от своих бумаг.

Он покачал головой.

— У него нет названия.

Не слишком-то он разговорчив. Она никак не могла понять, зачем он привел ее сюда.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — спросила девушка, быстро подойдя к нему. Ей хотелось разглядеть его лицо: тогда она смогла бы больше о нем узнать, хотел он этого или нет.

Заметив это, он отошел в сторону, словно растворившись в темноте.

— Это вы что-то собираетесь со мной сделать, — ответил Бэтмэн.

Что он имел в виду? Бэтмэн подошел к лабораторному столу. Она находилась рядом и теперь могла рассмотреть не только колбы и мензурки. Там же был большой выбор косметики, дезодоранты, шампуни. Вдруг застучал принтер находившегося слева от Бэтмэна компьютера. Вики взглянула на экран монитора, на котором появился какой-то бесконечный список.

— Что это такое?

Бэтмэн повернулся к ней. Его руки, лежавшие на столе, были освещены, но лицо оставалось в тени.

— Полиция пошла по ложному следу, — неожиданно сказал он. — Они ищут только один реактив. А их гораздо больше. Джокер превратил в яд сотни исходных химических веществ.

Исходных веществ? Вики взглянула на всю эту косметику и парфюмерию, что лежала перед ней, и попыталась понять, о чем он говорит.

— Но... когда все партии продуктов будут отравлены? Мы все погибнем?

Он покачал головой.

— Нет. Дело в том, что каждый продукт содержит лишь один компонент. Яд действует, только когда они соединяются вместе. — Он взял со стола баночку. — Состав для волос не ядовит сам по себе. Но... вместе с туалетной водой и губной помадой он становится токсичным, хотя в каждом из компонентов яд обнаружить невозможно.

Неужели такое возможно? Да это просто готовый материал для газеты! Оказывается, Бэтмэн был способен не только убивать бандитов. Но Вики понимала, что все было не так просто. Если она хочет сделать настоящий материал, нужно познакомиться с его методами, убедиться, что это не только предположения.

— Как вам удалось это установить? — спросила она.

Он не ответил и опять ушел в темноту. Может быть, подумала она, это не такой уж интересный материал.

Бэтмэн вынырнул из тьмы и протянул ей конверт.

— Опубликуйте это.

Она заглянула внутрь. Там было множество листков бумаги с химическими формулами и списками отравленных продуктов. Документы выглядели вполне убедительно, но она вспомнила ходившие в редакции слухи о Бэтмэне и о том, чего он добивается. Что если научный редактор газеты « Глоб », просмотрев бумаги, скажет, что это чушь? Она не хотела обещать того, чего не могла выполнить.

— У меня могут возникнуть сложности с этим, — проговорила она наконец. — Многие думают, что вы работаете вместе с Джокером.

Его реакция была мгновенной и резкой.

— Очень вас прошу, не льстите моему врагу. Он просто сумасшедший.

Вики оторвала взгляд от бумаг.

— Но то же самое можно услышать и о вас.

Бэтмэн ответил не сразу, словно эта мысль поразила его.

— И кто же это говорит? — спросил он наконец; голос его при этом звучал мягче, чем раньше.

— Ну хорошо, давайте начистоту, — пошла на откровенность Вики. — Ведь вы на самом деле — не вполне обычный человек, не отвечающий общепринятым нормам. Ведь так?

На этот раз ответ Бэтмэна был более уверенным.

— Ненормален мир, а не я.

Разговаривая с ней, он отступил назад. Мрак окутал его фигуру.

Вики старалась подавить вновь охватившую ее дрожь. С каждой минутой необычность ситуации становилась все более очевидной. Что же на самом деле ей было известно о Бэтмэне?

— Зачем вы привезли меня сюда? — спросила она, надеясь, что он не заметит, как дрожит ее голос.

Он пошевелился в темноте. Теперь его голос раздался у нее за спиной.

— Эту информацию необходимо донести до людей.

— Но вы могли бы отправить ее почтой, — резко возразила она.

Он снова медлил с ответом. Вики огляделась по сторонам, стараясь понять, где он, но никакого движения, никакого звука не уловила. Кругом были сплошная темнота и тишина. Возможно, она вообще осталась одна здесь, в этой бесконечной пещере.

— Вы правы, — вдруг услышала она прямо над ухом.

От неожиданности у Вики перехватило дыхание. Он стоял прямо перед ней.

— Да, можно было бы и почтой. Но есть еще кое-что.

Вики так задыхалась, что не смогла сразу ответить.

— Ч-что? — наконец выдавила она из себя.

Он шагнул к ней. Она механически отступила, оглянулась назад и увидела, что находится почти на самом краю пропасти. Как это вышло? Может, это Бэтмэн незаметно подталкивал ее к яме, чтобы она навсегда осталась здесь?

Вики посмотрела назад. Бэтмэн стоял совсем рядом с ней. Она нервно теребила рукой шелк блузки.

— Что вам от меня нужно? — ее голос прозвучал неожиданно слабо.

Вдруг Бэтмэн накрыл ее своей накидкой. Она оказалась в ловушке, не могла дышать, хотела закричать. Его руки обвились вокруг нее. Очень странно: хотя она по-прежнему испытывала страх, но вдруг почувствовала что-то очень знакомое, даже успокаивающее в этом обьятии.

Он высвободил одну руку и поднес к ее лицу свою перчатку, источающую острый запах. Она почувствовала, что ее глаза слипаются. Отяжелели ресницы. Наверное, это уже снотворное! Страх вновь надвигался, но в еще большей степени она ощущала усталость; силы покинули ее. Бэтмэн, пещера, темнота, вспышки света — все куда-то провалилось.

Последнее, что она слышала, был шум хлопающих крыльев. Крыльев летучей мыши.

Вики открыла глаза. Солнечный свет бил в окна. Она была в своей квартире, в своей кровати.

Как она здесь оказалась? Неужели Бэтмэн, Джокер, пещера Бэткейв — все это ей приснилось?

Она сбросила с себя простыню и увидела, что лежит прямо в одежде — той самой, в какой была вчера.

Итак, все это происходило на самом деле. Наверное, ее принес сюда Бэтмэн.

Вдруг она вспомнила о чем-то очень важном, о том, что она спрятала, не желая, чтобы он это нашел.

Вики села и пошарила под блузкой рукой. Там ничего не было.

— Пленка! — ее охватило такое отчаяние, что она чуть не выругалась. — Он взял мою пленку!

Что тут можно было поделать? Она безучастно уставилась в пол, глядя на игру солнечных зайчиков.

Зазвонил телефон.

Вики протянула к нему руку, чувствуя, как неуверенны еще ее движения: она не вполне пришла в себя после снотворного. Она сняла трубку.

— Хел-хелло! — получилось у нее.

— Вики? — Она услышала в трубке голос Элли Нокса, в котором слышалось беспокойство. Неудивительно, ведь она так странно сказала это «хел-хелло». — С тобой все в порядке? Можно я зайду к тебе сейчас?

— Нет, — ответила Вики, не раздумывая.

Вдруг она заметила что-то на столике возле кровати.

— Подожди, Элли.

Это был конверт, переданный ей Бэтмэном.

— Элли, — спросила она, взглянув на будильник — если я тебе сию секунду принесу материал, ты успеешь вставить его в вечерний выпуск?

— С большим трудом, — ответил Нокс. — Что-нибудь срочное?

Еще какое, подумала Вики.

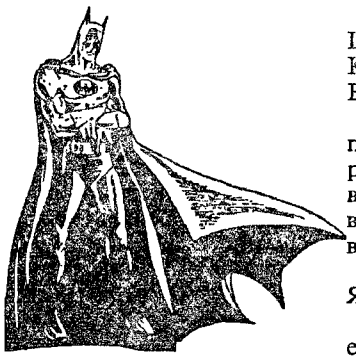
— Да, срочное, — твердо сказала она.

— Насколько это срочно? — настаивал Нокс.

Но она уже повесила трубку. Лучше отнести ему материал, чем провести остаток дня в пустой болтовне.

— Очень срочно, — ответила она вслух самой себе.

13

БИТВА ДВУХ СУМАСШЕДШИХ! — кричал заголовок. ДЖОКЕР и БЭТМЕН СТОЛКНУЛИСЬ В МУЗЕЕ ФЛЕГЕЛЬХЕЙМА!

Битва сумасшедших? Джокер подумал: какая замечательная реклама. Но когда ему принесли вечерний выпуск « Глоб », заголовок «Битва сумасшедших» сопровождался еще одним:

БЭТМЕН РАЗГАДАЛ СЕКРЕТ ЯДА ДЖОКЕРА!

Гражданам города рекомендуется избегать следующих изделий!

По телевизору передавали «Последние новости».

— Исключите следующие комбинации, — торжественно вещал Питер Макелрой. — Дезодоранты и детскую пудру, аэрозоль для волос и освежители воздуха.

Он прочитал весь список, привел все так тщательно разработанные и проверенные Джокером комбинации и даже пару сочетаний, о которых тот сам не подозревал.

— В переживающий вынужденный пост Готэм-Сити прибывают безопасные продукты, — продолжал диктор. — Все гадают, кто такой Бэтмэн: друг или враг?

Джокер взревел от возмущения. Он был взбешен. Эти идиоты из « Последних новостей» вечно все испортят. После того, как Джокер разработал свой мудрый план, часами проектируя самые красивые смерти, эти болваны из телевидения, видите ли, думают о Бэтмэне!

— Теперь у меня есть враг! — кричал он своей свите, прибежавшей на крик в его комнату. — И этот враг — Бэтмэн.

Он схватил обрез, сделанный из дробовика, и разнес экран телевизора на мелкие кусочки. Кто-то из прислужников выказал удивление по этому поводу, но разве они не знают, что много смотреть телевизор вредно?

Джокер вскочил с кресла и вышел из комнаты. Резко распахнув дверь, он ворвался в помещение фабрики.

Боб, верный старина Боб, который всегда был под рукой, поспешил за ним.

— Боб, ты ведь очень силен, — сказал ему Джокер, все больше зажигаясь какой-то новой идеей. — Надо покончить с этим Бэтмэном!

Он сделал руками жест, словно душил кого-то.

— У меня чешутся руки!

Он уже не мог смотреть на эти карты. Слишком долго он обходился без сна и бодрствовал только благодаря работе и кофе. В передвижениях Джокера, вероятно, есть определенная схема, которая должна вывести Брюса на его секретную фабрику. Если бы только он смог как следует сосредоточиться, чтобы попробовать соединить все вместе!

Альфред поставил перед ним чашку свежезаваренного кофе и отступил назад, но не ушел, а, кашлянув, дал понять, что ему нужно поговорить с Брюсом.

— Сэр, — начал дворецкий. — Снова звонила мисс Вейл. Конечно, я не знаю ваших планов в ее отношении, но думаю, что ваши теперешние действия могут лишь укрепить ее решимость. Она очень упорна.

Брюс вздохнул. Альфред как всегда прав.

— Я это знаю, Альфред, — ответил он, отпустив дворецкого.

Брюс снова взглянул на карты. Может быть, следовало на некоторое время дать отдохнуть своему подсознанию? Возможно, потом ему удастся разгадать схему.

Кроме того, его беспокоила еще одна вещь.

Он создал себе имидж «плейбоя-миллионера» и удачно использовал его для маскировки. Но он не мог позволить, чтобы такая маскировка причинила вред ничего не подозревающему об этом человеку. И конечно же, меньше всего он хотел принести зло Вики Вейл.

Брюс, как и Бэтмэн, не любил откладывать дела в долгий ящик.

Кто бы это мог быть?

Вики спокойно подошла к двери и посмотрела в глазок.

Меньше всего на свете она ожидала увидеть этого человека.

За дверью стоял Брюс Уэйн.

Она повернула замок и приоткрыла дверь, желая убедиться, что это действительно он.

— Вот это да, — сказала Вики, сумев внешне сохранить спокойствие. — Надеюсь, вы не привидение?

Брюс усмехнулся своей смущенной, почти детской улыбкой.

— Вы ведь изучили меня всего насквозь, — возразил он. В правой руке он держал розу, а на плече висела огромная сумка.

Вики широко открыла дверь — она была неравнодушна к розам — взяла цветок и пригласила его войти.

Взглянув на розу, она вдруг вспомнила другой цветок — тот

красный искусственный цветок, в котором таилась смерть. Так много произошло всего за последние два дня! Она совершенно не знала, что и как об этом думать. Как тогда, на войне, подумала она снова. Вики взглянула на Брюса. Он нервно улыбнулся.

— Так... — начал он, но, казалось, не находил слов, чтобы продолжить разговор.

Вики нарушила молчание. Она должна была сказать ему все, что о нем думает.

— Послушайте, вы меня просто поражаете своим поведением.

— Д-да, — неуверенно ответил Брюс. — Я знаю. Поэтому и пришел. Я...

— Вы солгали мне, сказав, что уедете из города, — прервала его Вики. Она разошлась так, что не могла остановиться. Она должна все выяснить!

— Вы не отвечаете на мои тефонные звонки, — продолжала она и вспомнила о том, как он вел себя в тот день на площади. — Потом я видела, как вы шли прямо под пули, словно собирались совершить самоубийство.

— Видите ли, я... — Брюс еще больше волновался, чем вначале. — Тогда я словно отключился на мгновение. Просто меня кое-что поразило тогда.

Он посмотрел на свои руки, как будто мог найти в них ответ.

— Поразило?! — воскликнула Вики. — Да вы были просто в невменяемом состоянии!

Брюс наконец снова поднял глаза.

— Вы должны понять, что речь идет о...

Он остановился, словно подыскивая слова.

— О преступлении, — закончив наконец фразу, он протянул к ней руку. — Я... я люблю... этот город.

Вики снова почувствовала в нем подкупающую искренность, которая привлекла ее в ту ночь. Но все же она не позволит ему уйти от объснения.

— Ах, вот как? Смотрите-ка, он вернулся — нежный, внимательный молодой человек. Порой кажется, что вы — не один, а два разных человека. Объясните, Брюс, что происходит?

Он стоял, глядя в окно и кусая нижнюю губу. Когда он снова повернулся, то был взволнован не меньше, чем тогда, на городской площади. Его взгляд был прям и смел, и она надеялась, что это была решимость исправить положение.

Стук в дверь нарушил их молчание.

Ну и ну, подумала Вики. Мужчина, который ей нравится, наконец-то готов открыться — и именно в этот момент ее квартира превращается в какой-то проходной двор. Она улыбнулась Брюсу и пожала плечами, потом вместе с ним подошла к двери и посмотрела в глазок.

Там стоял посыльный.

— Кто там? — спросила она.

— Посылка для мисс Вейл, — монотонно пробубнил тот.

Что это могло быть? Что-нибудь еще от Брюса? Если бы это было так, то посылка прибыла бы до его прихода. С другой стороны, лучше поздно, чем никогда.

Она открыла дверь и расписалась в квитанции. Лишь после этого посыльный вручил ей коробку, завернутую в коричневую бумагу, на которой был написан адрес карандашом — очень похоже на записку, полученную тогда в музее от Джокера.

— Брюс, — позвала она, — мне страшно.

Брюс взял у нее сверток. Сняв с плеча сумку, он прошел на кухню. Вики пошла было за ним, но он не пустил ее туда.

— Закройте дверь, — приказал он, — на всякий случай.

— Будьте осторожны, не рискуйте.

И она оставила Брюса в кухне наедине с таинственным свертком.

Что за мерзавец мог послать такое ни в чем не повинной женщине?

Он знал ответ на этот вопрос. Никто другой, кроме этого безумца, не был способен отправить по почте бомбу, а может быть, что-то еще более опасное. Он полез в свою сумку. Сейчас ему понадобится его специальный пояс.

Он открыл третье отделение слева от застежки. Там находился ультразвуковой сканер — небольшой компактный прибор, похожий на стетоскоп. Брюс провел сканером по свертку.

— Ну и как? — спросила Вики через дверь.

Сканер не реагировал.

— Ничего не слышно, — ответил он.

Он вытащил из пояса небольшую газозащитную маску и надел ее. Теперь ему понадобится нож. Отыскав его в посудном ящике, он осторожно разрезал коричневую обертку.

Вики постучала в дверь. От неожиданного стука он отпрянул назад и тут же понял, что звук шел не из свертка.

— Что-то случилось? С вами все в порядке? — спросила его Вики через дверь.

Он только вздохнул и вновь подступил к свертку, собираясь окончательно снять обертку.

И тут последовал взрыв.

За дверью раздался громкий хлопок.

— Брюс, — крикнула она изо всех сил, — у вас все в порядке?

Ответа не было.

— Брюс, я иду к вам!

Она открыла дверь кухни.

Брюс стоял, молча уставившись на сверток. Из коробки торчала укрепленная на пружине рука в перчатке, державшая букет искусственных цветов.

— Очень романтично, — произнес он.

Он осторожно засунул руку в цветы и достал оттуда большую белую карточку, на которой было что-то вытиснено красными буквами. Он подал ее Вики, и она прочла вслух:

Красные розы,
Синие фиалки —
Мертвые цветы,
Так умрешь и ты.

Вики подняла глаза на Брюса.

— В ту нашу встречу, — сказала она едва слышно, — он предварил запиской свое появление.

Брюс глазами показал ей на дверь. Вики поняла, что он прав: надо немедленно уходить. Она повернулась, чтобы выйти из кухни.

В этот момент входная дверь открылась от сильного удара и появился Джокер со всей своей шайкой. Улыбаясь, он спросил у Вики:

— Не соскучилась?

И резко остановился, увидев Брюса.

— О, да что я вижу, мисс Вейл, я не один в вашем курятнике?

Он шагнул навстречу Брюсу, быстро вытащил из кармана револьвер, поднял его необыкновено длинное дуло и обвел им контуры лица Брюса.

— Я кое о чем хочу спросить тебя, дружище, — вкрадчивым голосом промурлыкал Джокер. — Танцевал ли ты когда-нибудь с дьяволом в бледном свете луны?

Брюс хмуро поглядел на Джокера. Не затевает ли тот что-нибудь, подумала Вики; против целой банды он не выстоит.

— Что такое? — наконец спросил Брюс.

— Я всегда задаю этот вопрос моим жертвам, — объяснил Джокер, — прежде чем раскроить их физиономию.

Он захохотал, довольный своим остроумием.

— Мне очень нравиться, как он звучит.

Остальные бандиты тоже засмеялись.

Вики поняла, что Брюс что-то задумал, и проследила за его взглядом.

На кухонном столике лежало что-то вроде пояса для инструментов. Где-то она его видела раньше.

Слишком занятый своим спектаклем, Джокер ничего вокруг не замечал.

— Вики, — захныкал он, — пусть тебя не обманывает мой довольный и счастливый вид. На самом деле я очень несчастлив. Ты обедала со мной ! Говорила об искусстве! Я чувствовал себя мужчиной, рядом с которым находилась красивая женщина. И вдруг совершенно неожиданно, без всяких извинений, ты испарилась с этим... трюкачом!

Он шагнул к ней, прижал руки к сердцу и продекламировал:

Хоть постоянно я смеюсь
И на лице улыбка,
В моей душе одна лишь грусть.
Поплачь со мной, голубка.

Он взял Вики за подбородок.

Брюс бросился к ним.

Один из бандитов Джокера встретил его мощным ударом. Брюс отшатнулся назад, наткнулся на кухонный стол и упал.

Джокер наставил свой револьвер на Брюса.

Нет! Вики должна как-то помешать ему.

Он взвел курок.

Раздался хлопок — из ружья выскочил красно-желтый флажок. Бандиты захохотали. Между тем Брюс неподвижно лежал в углу. Вики решила, что ошиблась насчет пояса — она не могла его видеть раньше.

Джокер взял ее за руку.

— Вот что. Сделайте несколько снимков. Ваши фотографии должны увековечить меня, — он подталкивал ее к двери. — Вам это тоже принесет пользу.

Один из членов шайки подал Вики ее фотоаппарат и жакет.

За окном раздался чей-то крик. Вики выглянула на улицу: прямо на тротуар въехал полицейский броневик. Из машины, шатаясь и держась за горло, выбрались двое полицейских. Женщина внизу вскрикнула еще раз и убежала.

Вики догадалась, в чем дело. Она обернулась к Джокеру.

— Что с этими полицейскими?

Джокер тоже выглянул в окно.

— Похоже, что они пересматривают свою роль в наведении общественного порядка.

Двое бандитов вытолкали Вики из кухни. Изо всех сил вытягивая шею, она старалась увидеть, что там происходит. Но ее вытащили из квартиры. Дверь закрылась.

Джокер не последовал за своими головорезами. Он закрыл дверь, оставшись наедине с Брюсом.

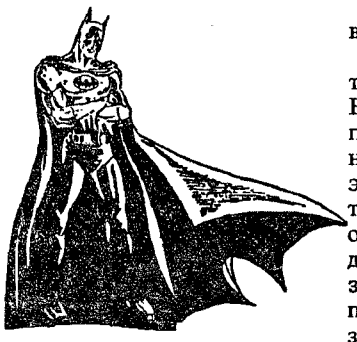
Вот удача: они все отвернулись! Он быстро запихнул свой пояс в сумку.

Послышались шаги. Подняв глаза, он увидел застывшее в омерзительной улыбке лицо Джокера.

— Послушай, Брюс, — сказал Джокер доверительным тоном, — никогда не уводи чужую бабу. Понял?

На этот раз пуля была настоящей.

14

Жизнь — сплошная череда взлетов и падений.

В прессе опубликовали материал о Бэтмэне. Бэтмэн увел Вики Вейл у него, у Джокера, из-под носа. Но теперь Вики снова у него в руках, причем произошло это именно так, как он хотел. К тому же удалось избавится от одного из ее поклонников. Правда, надо признать, Брюс Уэйн оказался ужасно легкой добычей и почти не оказал сопротивления, заслужив пулю, которая пригвоздила его к стене. Ему еще повезло: умер быстрой смертью.

Гангстер вышел из квартиры, аккуратно закрыл за собой дверь и быстро сбежал вниз по лестнице. Его парни уже затолкали Вики в фургон. Джокер вскочил в него последним.

— На площадь! — крикнул он.

Удивительно, как повышает тонус совершенное тобой убийство. Джокер захохотал. С этого дня для всего Готэма — никаких падений, одни взлеты !

Брюс с трудом открыл глаза. Он находился без сознания примерно минуту.

Он сел и осмотрел бок. Крови нигде не было видно, не было и отверстия от пули. А на сумке, в трех дюймах от молнии, — дыра. Должно быть, пуля здесь и вышла.

Он открыл сумку.

Пуля пробила пояс, расплющив ультразвуковой сканер. Это не так важно, в Бэткейве есть чем его заменить. Благодаря сканеру, он и осталс жив.

Да, он был жив. Пуля Джокера застряла в его замечательном поясе; некоторые сказали бы, что это — редкое везение, но он считал это простой справедливостью. Его руки ощупывали пояс и, наконец, нашли циферблат. Номер был набран быстро. Зажглась красная лампочка, раздался сигнал — связь была установлена. Но воспользоваться ею у Брюса уже не оставалось времени.

Он поднялся на ноги. Да, но в таком виде он не может преследовать Джокера. Возможно, он найдет у Вики что-нибудь, что ему пригодится? Он бросился в спальню, обшарил полки в ванной и, наконец, отыскал то, что нужно: черную лыжную маску.

Он вышел из квартиры Вики и стал подниматься на крышу.

Фургон мчался чересчур быстро. Как можно обнимать красивую женщину, если вас нещадно трясет на сиденье?

Он наклонился к Бобу — верному Бобу — и, схватив его за плечо, крикнул прямо в ухо:

— Потише ты, ненормальный!

Старина Боб, кажется, был не в себе, да и Джокер чувствовал себя неважно. Здесь, в центре города, их преследовал какой-то рок. Черт, он мог поклясться, что, когда он в последний раз взглянул в заднее стекло, кто-то в костюме и черной лыжной маске завис над перекрестком. Или весь Готэм сошел с ума?

Джокер предпочел бы, чтобы это было именно так.

Боб — верный старина Боб — снизил скорость до сорокапятидесяти миль в час, это была разумная скорость для магистралей Готэма. И, в конце концов, Джокер смог пристроить свою ухоженную руку на нежной коленочке мисс Вейл. Она попробовала отодвинуться, но в фургоне было слишком тесно. Надо взять на вооружение этот метод, подумал Джокер весело, — загонять предмет своего внимания в угол.

— Я очень чувствителен, — рассказывал он с печальным видом. Он знал, что это вызывает сочуствие у женщин. — Недавно в моей жизни произошла трагения. Позавчера Алисия...

Здесь его голос выразительно прервался, и Джокер увидел, что это произвело определенный эффект.

— Да, Алисия выбросилась из окна. Она не смогла принять мою новую эстетику.

Он подал Вики фарфоровую маску Алисии и, показывая на обезобразившую ее трещину, произнес:

— Нельзя же приготовить яичницу, не разбив яиц.

Вики охватил ужас. Джокер же думал о том, что, как только они выйдут из машины, он сможет завести ее в какое-нибудь более укромное местечко.

Он усмехнулся. Подумать только, его приняли за романтического влюбленного!

Фургон Джокера находился внизу, то и дело сбавляя скорость из-за большого скопления машин. С помощью своего не-

заменимого пояса, быстро перебегая по крышам, Бэтмэн не упускал фургон из виду. Иногда он настигал бандитов.

На пути фургона оказался конный полицейский. Его лошадь развернулась: полицейский почему-то не мог держаться в седле; он раскачивался взад и вперед, словно потерял ориентацию.

Во время погони Бэтмэн видел еще нескольких полицейских в подобном состоянии. Конечно, это дело рук Джокера. А что этот тип способен натворить, если ему удастся вывести из строя всех «бравых молодчиков», так называют полицейских в Готэме?

После того, как Бэтмэн раскрыл планы Джокера, ему было о чем беспокоиться. Тем временем фургон этих подонков мчался по относительно свободному от машин участку дороги, и разрыв между ними и Бэтмэном увеличивался. А рядом был конный полицейский, который мог вот-вот упасть и разбиться.

Оставалось только одно.

Бэтмэн спикировал на спину лошади. Полицейский медленно, не выказывая никакого удивления, словно это была для него обычная картина, повернулся к нему. Он грустно улыбнулся и, держась за горло, покачал головой. Его глаза закрылись. Потом полицейский, продолжая улыбаться, стал валиться набок. Он чуть не упал с лошади, но Бэтмэн поймал его и опустил на тротуар. Больше он ничем не мог помочь человеку, впавшему в беспамятство.

Тем временем на его поясе, который был повязан на уровне груди, замигал красный свет. Это хорошо. Теперь все пойдет, как надо.

Он погнал лошадь вперед. Нужно было во что бы то ни стало нагнать фургон.

Наконец, впереди показался фургон Джокера. Чтобы нагнать его, Бэтмэну надо было проскакать верхом почти весь путь до площади. Неожиданно фургон затормозил, зловеще скрипнув тормозами: он наткнулся на ограждение.

Откуда здесь ограждение? Ах, да, он совсем забыл. Ведь сегодня день большого парада, устроенного мэром города по случаю двухсотлетия Готэма. Возможно, это каким-то образом связано с планами Джокера ?

Лошадь поднялась на дыбы. Сзади завизжали тормоза. Оглянувшись, он увидел желтый «фольксваген». Прекрасно. Как всегда, Альфред точен.

Он спешился и быстро забрался в машину, усевшись на пассажирском сиденье. Альфред передал ему костюм, и он тут же стал переодеваться. Конечно, в тесной машине было очень неудобно, но он проделывал такие вещи не один десяток раз.

— Альфред, — сказал он, сняв маску, — надо подобрать документы о моей семье. Я хочу кое-что проверить.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Альфред. — А вы, пожалуйста, будьте поосторожней.

Он согласно кивнул головой и вылез из «фольксвагена», одетый так как было надо сейчас, — в костюм Бэтмэна.

Он снова вскочил на лошадь и помчался вперед.

Школьный оркестр исполнял поздравительную песенку «С днем рождения». Конечно, она звучала не очень слаженно, но это было не так важно, потому что музыку заглушали хлопавшие на ветру красные, белые и синие флаги. Затем мер, торжественно возвышавшийся на парадной трибуне вместе с другими столпами местной власти — Дентом и Гордоном, — начал торжественную речь в своей, только ему свойственной манере.

— С днем рождения, город Готэм! У каждого города есть отец, но ни у кого не было такого замечательного отца, каким был Джон Т. Готэм!

Итак, все получалось просто великолепно! У них оставалось время выйти из фургона и присоединиться к участникам праздника. Между тем мэр уже перечислял достоинства Готэм-Сити. Джокер распорядился, чтобы верный старина Боб вывел из машины и Вики. После неудобств, которые ей пришлось испытать, он не хотел лишать ее такого развлечения.

Джокер с приятелями с трудом проталкивались через толпу. Тем временем мэр взмахнул своей пухлой ручкой в сторону задрапированного памятника, установленного близ трибуны.

— Позвольте торжественно открыть этот памятник, — продолжал напыщенно говорить мэр, — посвященный человеку, который воплощает в себе прошлое, настоящее и будущее нашего великого города!

Можно ли представить себе что-либо более замечательное? Джокера так и подмывало устроить какой-нибудь шум, но он не хотел нарушать торжественность церемонии.

Мэр потянул за веревку. Драпировка, закрывавшая статую, упала, и она предстала перед присутствующими.

Что такое? Представьте себе удивление Джокера, когда он увидел, что это был вовсе не Джон Т. Готэм. Нет, скульптура изображала нечто более приятное — хотя, конечно, Джокер не знал, как выглядел Джон Т. и, более того, вовсе не желал знать особенно, когда перед ним стояла такая прекрасная статуя. Это было великолепное, выдержанное в изумительном стиле постмодернистской неореалистически-экспрессионистской готики изображение Джокера собственной персоной с двумя великолепными автоматами «узи» в руках. Какое чувство стиля! Какая изысканность! Это было настоящее

произведение искусства, действительно способное дойти до каждого.

Джокер был горд вдвойне; ведь он был, к тому же, и автором скульптуры.

Он обернулся к Вики. Боб — верный старина Боб — заставил ее приготовить камеру.

— Начинай же снимать, крошка! — закричал Джокер, забираясь на подмостки. — Я делаю историю!

— Прошу прощения! — он сделал извиняющийся жест, обращаясь к публике и вставая рядом с мэром. — Никаких автографов.

Странно, но мэр, казалось, вовсе не был рад его появлению. Возможно, оттого, что Джокер подменил статую. А может, его расстроило то, что у Джокера в руках был настоящий « узи», нацеленный мэру в живот. Но как ни огорчался по этому поводу мер, он никак не хотел отдавать Джокеру микрофон. Пришлось тому сделать это вопреки желанию Борга.

— П-позвать полицию! — только и произнес, заикаясь, обычно столь разговорчивый мэр. Джокер поспешил ему на помощь.

— Какую полицию? — спросил он сладким голосом, показав рукой на полицейского, который без сознания упал на остальных, столь же неподвижно лежавших на траве или у подножия статуи. Мэр остолбенел, глядя расширенными от ужаса глазами на всю эту полицию, устроившую сиесту в рабочее время! Бедняга Борг! Он, казалось, совсем лишился дара речи.

Но кто-то должен заменить его! Тысячи, а, может быть, и десятки тысяч горожан пришли сюда на праздник, и Джокер не хотел, чтобы им было скучно. Черт побери! Если они разойдутся, то не увидят парада!

Возвышаясь над толпой — его толпой — Джокер улыбнулся. Как сказал их дорогой мэр, открывая эту великолепную статую, он, Джокер, был прошлым, настоящим и — наверняка — будущим Готэма, хотят они того или нет! Настало время его триумфа !

Да, но радость лишь тогда бывает полной, когда есть с кем ею поделиться. И он сказал в микрофон:

— Слушайте меня, дорогие готэмцы! В качестве нового отца-основателя этого чудесного города я объявляю торжества по-настоящему открытыми!

Он поднял автомат в воздух и выпустил несколько очередей в честь праздника. Один из укрепленных вверху флагов упал, изрешеченный пулями. Ох уж этот неловкий Джокер. Дай ему в руки оружие — и вот что получится!

Джокер рассмеялся, и смеялся он громко и долго. Это были лучшие минуты его жизни!

Однако толпа почему-то заволновалась. Люди кричали:

— Успокойтесь! Подождите! Это будет позже!

Они показывали пальцами на крышу здания в дальнем конце площади. Причем тут крыша? Ваш герой — вот он, здесь, перед вами.

Но что это со свистом пролетело по воздуху, захлестнув, словно лассо, голову статуи? Похоже на южноамериканское бола, припомнил Джокер, — два шара, соединенных веревкой. Только сейчас из шаров слышался свистящий звук, а сие означало, что это были бомбы!

Люди с криком разбегались. Подумать только, это случилось в момент его торжества! Джокер понял, кому он всем этим обязан, еще до того, как увидел его на крыше.

Бэтмэн.

Черт возьми, парень знал, как испортить ему веселье!

И тут сработали бомбы. Раздался мощный взрыв. Когда дым рассеялся... Все увидели, что у статуи Джокера не было головы.

— Мое лицо, — прошептал Джокер, — его опять изуродовали.

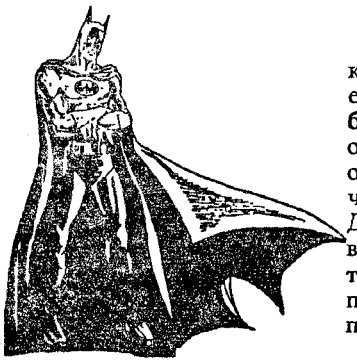
Но он должен был согласиться, что игрушки Бэтмэна сработали неплохо. Это произвело на него впечатление.

Парни Джокера открыли по Бэтмэну огонь. Но пули, казалось, не достигали цели. Бэтмэн, как он обычно это делал, выпустил два троса и с их помощью спустился на землю. Он раскидал в стороны набросившихся было на него парней Джокера и устремился к вожаку.

Вот тут Джокер и решил, что пришло время пустить в ход план «Б». Спектакль не удался, пора перейти к другим мерам: угрозам, насилию, убийствам — в общем, к традиционным приемам преступного мира.

И Джокер схватил мэра.

15

Бэтмэн тоже был здесь!

Вики захотелось громко крикнуть. Она бы так и сделала, если бы не была окружена бандитами Джокера. До сих пор она сохраняла присутствие духа в ожидании подходящего момента, чтобы спастись бегством, пока Джокер ее не убил или изуродовал. Но за ее действиями внимательно следили. И до сих пор не представлялось случая что-либо предпринять.

Бэтмэн выпустил два троса прямо в траву на площади и спустился всего в двенадцати футах от того места, где собрались парни Джокера. Они пытались остановить его выстрелами, потом пробовали схватить и расправиться с ним. Но Бэтмэн пролетел мимо, словно там никого не было.

Вот тогда Джокер схватил мэра. Он приставил револьвер к его виску.

— Черт возьми! — весело крикнул он. — у меня тут есть кое-что для тебя, Бэтмэн. Отгадай, что это: румяное, с кровью, но совсем без мозгов!

Бэтмэн не отвечал. Он шагнул вперед по направлению к Джокеру. Борг обливался холодным потом и лопотал что-то бессвязное. Джокер плотнее прижал дуло к его голове.

Казалось, Бэтмэн не обращал на него никакого внимания. Он вспрыгнул на подмостки и продолжал приближаться. Джокер развернул мэра так, чтобы следить за передвижениями противника.

— А я и не знал, что летучие мыши летают днем! — крикнул он.

Бэтмэн остановился. Он стоял лицом к Джокеру, мышцы его напряглись и ходили ходуном; казалось, он вот-вот взорвется.

— Они летают, когда клоуны-убийцы покидают арену, — ответил он. — Отпусти мэра.

— Ой, а можно, я оставлю его у себя? Я буду его кормить и заботиться о нем ! Честно!

Но Бэтмэн, казалось, не замечал его издевательского тона.

— Что тебе нужно от города? — спросил он.

Какое-то мгновение Джокер смотрел вверх, словно не находя, что ответить.

— Я хочу новый велосипед... — начал он медленно, продолжая паясничать. — Я хочу побывать во Флориде... Я хочу...

Это было слишком. Слишком долго Вики стояла здесь как беспомощный наблюдатель. Но кое-что она могла сделать, тем более, что Джокер даже просил ее об этом.

Она подняла свой фотоаппарат.

— Я сниму это, ладно, Джокер?

Продолжая удерживать мэра, Джокер развернулся, чтобы принять позу для исторического снимка. Вики сделала самую большую выдержку, какую могла.

Бэтмэн щелкнул пальцами.

— Джокер!

Он обернулся. Бэтмэн находился от него меньше чем в трех футах. За то мгновение, пока Вики делала снимок, Бэтмэн успел пересечь трибуну. Он помахал перед его носом рукой в перчатке с зажатой в ней игральной картой.

Это был джокер.

Джокер уставился на карту. В следующее мгновение Бэтмэн нанес маньяку сильный удар в лицо. Джокер отшатнулся назад, и, воспользовавшись этим, мэр убежал. Через минуту Джокер оправился и пошел прочь, изображая, будто не шатается, а танцует. Его подручные рассеялись в толпе. Наконец, отойдя на безопасное расстояние, он остановился и крикнул Бэтмэну:

— Теперь мы квиты! Я ухожу! У тебя свои игрушки, у меня — свои!

Он взобрался на пьедестал статуи и мгновенно оказался окутанным разноцветными клубами дыма, который многочисленными свечами поднялся вверх, к небу. Бэтмэн бросился было к нему, но остановился на полпути. Как догадалась Вики, он понял, что, прежде чем дойдет до Джокера, тот успеет исчезнуть.

Вместо этого Бэтмэн направился в угол площади, где Джокер оставил свой фургон. Но, прежде чем он спустился с трибуны, бандиты погрузились и тронулись с места.

Вики снова подняла свою камеру, чтобы снять Бэтмэна крупным планом.

— Спасибо, — сказал он ей.

— Мы с вами просто в расчете, — ответила Вики. — И я вам ничем не обязана.

— Пусть будет так, — произнес Бэтмэн безразличным тоном.

Она не могла догадаться, что он хотел этим сказать. Невозможно прочитать чувства человека, лицо которого скрыто маской.

И все же, наверное, не стоило ей говорить, что они «в расчете». Она чувствовала себя виновной в том, что сделала, когда он спас ее в первый раз. Но она думала не только об этом. Кто же все-таки был Бэтмэн на самом деле?

Она задумалась лишь на какую-то долю секунды, но в этом момент Бэтмэн, схватившись за трос, исчез наверху. Вики быстро сфотографировала его удаляющуюся фигуру.

В конце концов, это была ее работа.

— И вы не обнаружили пленки в фотокамере?

Ох, ей и без Нокса было плохо, а тут еще он сыпал ей соль на рану. В конце концов, она была без сознания. Наверное, это были необыкновенные снимки — никому раньше не удавалось снять Бэтмэна крупным планом — ведь никто и не видел его так близко. Подумать только, так дать себя провести мог только начинающий репортер! Как она могла ему это объяснить?

— Этот тип передал ее мне, — начала было она. — А я не проверила.

Могла ли она рассказать Элли о том, как была потрясена вначале наглыми приставаниями Джокера, а потом холодным поведением Бэтмэна? Она решила, что не стоит.

— Ох, Элли, наверное, я ее потеряла, — сказала она, чтобы ничего не объяснять, тяжело уселась на край стола и уставилась на свои туфли.

Элли стало ее жалко, он прекратил расспросы и ободряюще похлопал Вики по плечу.

— Я разузнал кое-что о переулке, который тебя интересует, — сказал он мягко.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Твой друг, этот Брюс, показал себя довольно смелым человеком, — добавил он, словно извиняясь.

Просто замечательно. Это было все, что ей нужно.

— Есть еще что-нибудь? — спросила она без особого энтузиазма.

Он подвел ее к аппарату для просмотра микрофильмов. Вики встала за его спиной, глядя, как он вращал рукоятку, отыскивая нужную страницу.

— О'кей, — сказал он наконец. — Вот отсюда.

Он отошел в сторону.

— Наведи фокус.

Вики уставилась на экран. На этот раз Нокс действительно нашел нечто важное. На экране была первая полоса номера «Готэм Глоб», вышедшего более двадцати лет тому назад.

Через всю страницу крупными буквами проходила шапка:

УБИТ ТОМАС УЭЙН!

Известный доктор и его жена ограблены и убиты.

Бандит не тронул ребенка.

Под заголовком была фотография: двое полицейских склонились над распростертыми телами. Позади них — санитары с носилками. С краю — маленький мальчик лет десяти, обвивший руками еще одного полицейского. Вики догадалась: мальчик — Брюс Уэйн. Ее поразило выражение его лица, полное горя и отчаяния, будто он заглянул в преисподнюю. Такое же лицо было у Брюса тогда, на площади.

Она узнала и полицейского, на котором повис мальчик. Конечно, сейчас у него седые волосы, он прибавил в весе несколько фунтов, но нет никаких сомнений в том, что это комиссар Гордон в молодости.

— Ничего себе снимочек, да? — голос Нокса вывел ее из задумчивости.

— Ах, боже мой. — Она была очень взволнована. — Его родители погибли в том переулке. Вот почему он ходил туда.

Она взглянула на Нокса и вновь обратилась к снимку, не в силах оторваться от испуганного лица ребенка.

— Это был день, когда их убили.

— Д-да, — согласился Нокс, глядя на экран из-за ее спины. — Бедный мальчик, все произошло у него на глазах.

— Элли, — заговорила она снова, — такое же выражение я видела на его лице и в тот день, когда на городской площади появился Джокер.

Но почему, спрашивала она себя. Вспомнил ли он тогда случайно тот страшный день? Или за этим стояло нечто большее?

— Можно представить, как это повлияло на мальчика, — сказал Нокс. В его голосе слышалось искреннее сочувствие.

Конечно же, она могла себе это представить, но не собиралась пока говорить обо всем Ноксу. То, что она узнала о Брюсе, многое объясняло в его поведении. Она вспомнила этот странный пояс на кухонном столе. И то, как, вернувшись домой с площади, обрадовалась, не увидев там его тела.

Но с тех пор она ничего о нем не знала — ни записки, ни телефонного звонка, ни сведений, что с ним все в порядке, ни вопросов о том, как она поживает. Чем это можно было объяснить?

Она поняла, что та фотография могла рассказать о Брюсе больше, чем он сам. Она вспомнила, как они беседовали тогда в Уэйн Манор о том, что у каждого должна быть настоящая цель в жизни.

— Элли, — медленно проговорила она, стараясь выглядеть равнодушной, — не сказано ли в той заметке, сколько лет было его отцу, когда... его убили?

Нокс утвердительно кивнул.

— Да, я записал и это тоже. Он был молод — только что исполнилось тридцать пять лет.

Тридцать пять? И Брюсу тридцать пять. Она больше не сомневалась. Это должно было случиться.

Она схватила плащ и фотокамеру.

— Мне необходимо уйти.

— О'кей! — приветливо улыбнулся ей Нокс и помахал рукой. — Только не путай свои чувства с работой!

Бедный Элли. Он все еще ведет себя, как отвергнутый поклонник. Но он уже опоздал.

А Вики очень надеялась, что для Брюса еще не было слишком поздно.

Брюс внезапно проснулся.

Он уснул прямо на карте Готэм-Сити. Он разглядывал ее, надеясь, что как-то сможет отыскать Джокера в лабиринте улиц и домов. Он оторвал глаза от карты. Тридцать видеомониторов смотрели на него, показывая тридцать пустых комнат. За спиной послышался шорох. Оглянувшись, он увидел, как Альфред тихо складывает его накидку. Это означало, что дворецкий принес то, что он просил.

— Документы о моих родителях? — спросил Брюс.

Альфред торжественно кивнул на лежавшую на углу стола папку. Хотя Брюс еще не до конца проснулся, он заметил, что дворецкий был особенно встревожен.

— Вы что-то хотите мне сказать, Альфред?

— Я уже стар, — ответил дворецкий. — И не хочу провести остаток моих дней, оплакивая своих друзей. Или их сыновей.

Брюс знал, что слова Альфреда были справедливы. Но сейчас уже поздно менять направление действий, определенное, вероятно, еще в день гибели его родителей. Оно составляло единственное оправдание существования Бэтмэна, и Бэтмэн должен выполнить свое предназначение.

Брюс попросил Альфреда принести ему кофе и открыл папку.

На ступенях здания мэрии Готэма состоялась пресс-конференция. Это было знаменательно уже само по себе. Комиссар Гордон был уверен, что еще вчера мэр Борг проводил бы ее на новых парадных трибунах, возведенных на городской площади. Мэр надеялся, что эти трибуны и связанный с ними праздник положат начало возрождению всего лучшего в их городе.

Но Джокер разрушил все планы. Его преступные действия, наоборот, превратили эти трибуны в символ преступления и анархии — что приносило Готэму зло. И, хотя Бэтмэн вспугнул его, Джокер, в определенном смысле, мог говорить о своей победе.

На следующий день трибуны были снесены.

Борг прокашлялся и заговорил. Микрофоны далеко разносили его голос.

— Праздник двухсотлетия города откладывается на неопределенное время.

Это было все, что он смог сказать. Берг отошел в сторону, уступая место, центральное место, новому спикеру администрации Готэма Харви Денту. Комиссар Гордон не мог и предполагать, что доживет до того дня, когда мэр потеряет дар речи и не сможет рассказать о том, что с равным успехом можно было бы назвать и славой, и трагедией Готэма. Возрождение города было не чем иным, как личной мечтой мэра, которая должна была увековечить его имя в памяти потомков и в исторических трудах. Провал этих планов означал крах всей его политической карьеры. Впервые за все время пребывания в администрации Борга Гордону было по-настоящему жаль его.

Между тем Дент говорил:

— Мы энергично боремся с терроризмом в любой его форме. Но на этот раз токсин был обнаружен в кофе на полицейских пунктах. Учитывая, что две трети полиции выведены из строя, мы просто не можем обеспечить общественную безопасность.

Дент сделал паузу. Кто-то выбежал из машины телекомпании и стал кричать на операторов. Гордон взглянул на мэра. Борг занервничал. Комиссар сбежал по ступеням трибуны вниз, чтобы выяснить, в чем дело. Он подошел к группе инженеров, собравшихся вокруг монитора.

— Что тут происходит?

— Посмотрите сами, — ответил высокий лысеющий человек. — Этот монитор передает материал местных станций, но он идет лишь на половине экрана.

Гордон посмотрел на монитор. Экран был разделен пополам. Левая часть показывала происходящее перед мэрией, тогда как правая была пустой — обычный, зернистый, «снежный» фон. Вдруг из этого «снега» материализовалась фигура человека, сидящего в кресле.

Гордон узнал фигуру в кресле, только когда поправили фокус. Это был Джокер.

Это я, Джокер.

Джокер дружески улыбнулся. Несмотря на странное сочетание смертельной бледности кожи и пылающего красного тона губ, его лицо, в целом, выглядело почти нормально.

— Только что, ребята, вы тут рассказывали о кое-каких вещах. Некоторые из них, должен признать, были справедливы по отношению к этому злодею — Хозяину Гриссому. Он был террористом и вором. Но, с другой стороны, он прекрасно играл в бридж. Как бы то ни было, он умер и оставил меня вместо себя.

Джокер помолчал и придвинулся к камере.

— Теперь я хочу сказать следующее: может быть, я излишне театрален, может быть, несколько груб. Но я не убийца. Я — артист.

Он придвинулся еще ближе, и его улыбка заполнила весь экран.

— А мне нравится веселиться! Итак, ребята, я объявляю перемирие! — камера отъехала назад, чтобы показать, как он в приветственном жесте раскинул руки. — Праздник начинается!

Его объявление сопровождалось аплодисментами, записанными на пленку.

— У меня есть небольшой подарок для Готэма! — продолжал Джокер, и голос его дрожал от возбуждения. — В полночь я выброшу в толпу миллион долларов.

Он снова взмахнул руками, но теперь это был жест смирения.

— У меня их много, поэтому обо мне не беспокойтесь, — добавил он.

Мэр на своей половине экрана взял в руки микрофон.

— Мы не готовы обсуждать какие-либо сделки, — начал он.

— Люди, вы меня слышите? — прервал его Джокер. — Двадцать миллионов долларов!

Джокер заложил большие пальцы рук за лацканы своего двубортного пиджака.

— К тому же вас ждет потрясающее зрелище! — продолжал он. — Это будет замечательный поединок: в одном углу — я, в другом человек, установивший в городе настоящий террор.

Он сделал эффектную паузу, изображая на лице притворный страх.

— Это Бэтмэн!

На левой стороне экрана камера показала беспокойно переглядывающихся Борга и Дента.

Джокер снова влез в кадр.

— Ты слышишь меня, Бэтмэн? — спросил он театральным шепотом. — Только ты и я. Один на один ! Я снял свою маску. Посмотрим, осмелишься ли ты снять свою!

Брюс выключил телевизор. С него довольно. Он вновь вернулся к досье родителей из полицейского архива. Сверху на папке стоял большой синий штамп с надписью «НЕ РАСКРЫТО».

Но теперь она уже не соответствовала действительности.

На самом верху в папке лежала газетная статья и детская фотография Брюса.

Он вспомнил тот день. Где-то неподалеку играло радио. Стояла жаркая летняя погода. Из окна второго этажа доносился женский смех. Вместе с отцом и матерью они спускались по

улицам Готэма. Это был праздничный вечер. Всей семьей они отправились в театр. По этому случаю Брюсу было позволено не ложиться спать в обычное для него время. Был такой чудесный вечер, что отец предложил пройтись немного пешком, а уж потом поймать такси.

За ними послышались чьи-то быстрые шаги. Он вспомнил мамин приглушенный голос:

— Том, кто-то идет за нами!

Они почему-то побежали. Но в переулке их остановили.

Он вспомнил лица. Это были два подростка. У одного из них был револьвер. Он потянулся к жемчужному ожерелью на шее матери. Отец схватил его за руку.

Раздался выстрел.

Он вспомнил, как упал отец. Как закричала мать.

Прогремел второй выстрел. Он вспомнил, словно это было недавно, яркую вспышку из револьвера, осветившую на мгновение темный переулок. И увидел, как падает его мать.

В тот вечер были убиты его мать и отец.

Он продолжал вспоминать.

Парень, у которого не было оружия, убежал. Другой же навел дуло револьвера в упор на Брюса.

— Скажи мне, пацан, — начал он.

Брюс запомнил и то, что было дальше.

Юный бандит шагнул вперед, и при свете луны Брюс мог разглядеть его лицо. Оно улыбалось. Брюс хорошо запомнил и эту улыбку, шутовскую улыбку джокера.

Парень продолжил:

— Танцевал ли ты с дьяволом в бледном свете луны?

Смеясь, юный Джек Нейпир нажал на курок.

Выстрела не последовало.

В темноте кто-то крикнул:

— Идем!

То был голос его дружка.

— Скорее! — торопил тот же голос.

Джек Нейпир медленно пошел прочь. Он смеялся, не переставая.

Брюс запомнил и этот смех.

Альфред открыл Вики дверь.

Брюс был у себя, он заснул прямо в кресле. Наверное, ему снилось что-то очень страшное, потому что голова его металась из стороны в сторону, а лицо покрылось потом. Иногда откуда-то из груди вырывался тихий стон. Вики решила его разбудить. Она шагнула к креслу.

Его глаза тут же широко открылись.

— Это был он! — сказал Брюс отчетливо.

Вики подошла к нему.

— Что с вами?

Он смотрел на нее, моргая ничего не понимающими глазами, еще не очнувшись ото сна.

— К-как вы здесь оказались? — невнятно пробормотал он.

— С помощью Альфреда, — ответила Вики. Дворецкий подтвердил ее слова кивком головы и вышел из комнаты. Когда она шла сюда, все казалось ей таким простым. Ради Брюса, ради них обоих необходимо обо всем поговорить.

Именно сейчас — иначе все останется так, как было.

— Я ведь не сошла еще с ума, — начала она, — и вижу, что ни для вас, ни для меня это не была просто проведенная вместе ночь. Мы нашли друг друга. Разве я не права ?

Может быть, она зря торопила события?

Брюс спокойно закрыл лежавшую перед ним папку с синим штампом «НЕ РАСКРЫТО » и теперь молча смотрел не нее, откинувшись на спинку кресла.

— Вы ведь собирались мне что-то сказать, когда пришли ко мне, но потом неожиданно появился Джокер? — спросила она, немного смущенная его пристальным взглядом. — Что вы хотели мне сказать?

Брюс отвел глаза. Но нет, она не позволит ему уйти от ответа, особенно сейчас, после всего случившегося. Неужели он не может понять?

— Почему вы не доверитесь мне? — спросила она.

Брюс быстро и одновременно плавно поднялся с кресла. Он смотрел ей прямо в глаза. Может быть, подумала Вики, он все-таки что-то понял?

— Но я уже и так вам доверился, — возразил он.

Господи, да что же он имеет в виду? То же, что и я, или что-нибудь другое? — подумала Вики. Готовясь к разговору, она продумала, казалось, все свои аргументы и его возможные возражения.

Единственное, к чему она не была готова, было то, что он только что сказал.

— Я не знаю, что и думать, — призналась она.

— Вы же говорили, что мечтали о таком месте, где могли бы жить, занимаясь своим делом. — Он широким жестом показал на пространство вокруг себя. — Вот это место.

Она не поняла, имеет ли он в виду весь Уэйн Манор или что-то еще.

И это сказал Брюс? Но такая открытость для него необычна. Она тоже должна быть с ним откровенной.

— Я полюбила вас и ежедневно думала о вас с тех пор, как мы встретились, — сказала она. — Но я не уверена, тот ли вы человек, которого я знаю.

Таким образом, она все же заговорила о втором «я» Брюса, хотя и не назвала его имени — Бэтмэн.

Но Брюс понял, что она имеет в виду.

— Здесь я ничем не могу вам помочь. — Он шагнул к ней, потом снова остановился. — Я пытался отказаться от этого. Но не получилось. — Еле заметная улыбка тронула его губы. — Я ношу маску Летучей мыши. Вы фотографируете. Мир несовершенен.

— Он и не должен быть совершенен, — быстро возразила Вики, почувствовав, что не стоит сейчас говорить о Бэтмэне. — Я просто должна знать, можем ли мы любить друг друга ?

Брюс стоял и смотрел на нее. Вдруг Вики осознала, что все это время они разговаривали, не приближаясь и не прикасаясь друг к другу.

Может быть, боялись, что иначе все станет слишком обыденным?

Тем временем вместо ответа на свой вопрос она услышала:

— Он собирается осуществить свой план сегодня ночью. — И она поняла, что даже сейчас он продолжает думать о Джокере. — Мне тоже пора на свое дежурство.

Он улыбнулся ей и ушел, растворившись в сумерках кабинета. Она услышала, как открылась и захлопнулась входная дверь.

Она осталась одна.

Что же это было?

Ей припомнилось замечание Брюса об этом не слишком совершенном мире. Она была фотографом и своими снимками как бы продлевала жизнь. В какой-то мере она оказывала и влияние на жизнь — тем, что выбирала для своих снимков.

Брюс делал примерно то же самое — занимался сохранением жизни. Он принимал другой облик для того, чтобы исправлять окружающий мир, мир насилия, — этот выбор он, наверное, сделал из-за того, что случилось с ним много лет назад.

Она больше не беспокоилась за Брюса. Нет, конечно, она за него волновалась, особенно, когда ему предстояла встреча с таким маньяком, как Джокер, но, поняв, почему он стал Бэтмэном, она надеялась, что ему удастся выполнить все, что он задумал.

Она сделала глоток из отставленного стакана.

Только возвращайся, Брюс. Теперь, когда они нашли друг друга, двое одержимых в этом сумасшедшем мире, может быть, он будет к ним более благосклонным.

И, может быть, они даже научатся жить вместе в этом слишком обыденном мире.

Итак, Джокер — это Джек Нейпир.

Бэтмэн никак не мог вспомнить, когда именно он это понял. То ли, когда изучал карты и полицейские архивы, то ли, когда работал в Бэткейве, или же это ему приснилось, когда он дре-

мал в своем кабинете. Он действительно в последнее время жил, словно в полусне. Теперь, когда он нашел ответ на мучивший его вопрос, все встало на свои места. Сонливости как не бывало, усталость прошла, он больше не чувствовал былой слабости.

Спустилась ночь. Летучие мыши охотятся по ночам.

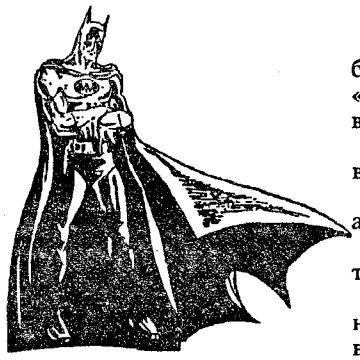
Он натянул перчатки, надел ботинки, накидку, капюшон и, наконец, пояс — блестящий желтый овал вокруг изображения летучей мыши.

Джокер вызвал его на поединок.

Сегодня ночью он примет вызов.

Он сел в машину и отправился в компанию «Эксис Кемикэл».

16

Ждать пришлось долго.

Наконец, тяжелый панелевоз без номеров направился к воротам «Эксис Кемикэл». Кажется, он вознагражден за терпение.

Ворота открылись. Грузовик въехал на территорию компании.

Он включил фары и нажал на акселератор.

Бэтмобиль с ревом выскочил из темноты.

Служащий в униформе, вероятно сторож, пытался было закрыть ворота. Но Бэтмобиль проложил себе дорогу, сметя шлагбаум, и сторож едва успел увернуться от колес.

— Бэтмэн! — заорал он.

Приятно, когда тебя узнают.

Сторож выхватил револьвер и выстрелил по машине, но пули отскакивали от стального корпуса.

Он затормозил перед широкими дверьми главного входа. Нажал на кнопку боевой готовности, приводящую в действие мощные пулеметы. Наконец, последняя, красная кнопка — и... стальные двери не выдержали пулеметного огня.

Он увидел, как убегает от ворот сторож.

Еще щелчок переключателя — и пулеметы убраны в корпус

машины. Он бросил взревевший Бэтмобиль в образовавшийся в дверях проем.

Более десятка парней кинулись кто куда, ища укрытия, а затем открыли по Бэтмобилю пулеметный огонь. Кругом свистели пули, летели снаряды. На бронированном ветровом стекле появились трещины. Если еще несколько пуль достигнут цели, оно может разлететься на куски.

Он выпустил щиты.

Между тем охрана продолжала стрелять. Но он не обращал на них никакого внимания. Теперь пули не могли причинить машине никакого вреда.

Бэтмэн еще раз щелкнул переключателем.

Над колесами появились руки-роботы, в каждой из которой было по пластиковой бомбе. Вытянувшись до отказа, они разложили свой груз.

Он перевел рычаг. На циферблате вспыхнула красная цифра 15.

Потом цифры побежали: 14—13—12—11—10—9—8—7—6...

Он затаил дыхание.

На дисплее появилось единственное слово: «ВЗОРВАТЬ».

Последовал взрыв — и в ночное небо поднялся огненный шар.

Он немного подождал, пока перестанут сыпаться обломки, и вновь погнал Бэтмобиль к воротам через груды развалин. Стояла кромешная тьма. Он вышел из машины и провел рукой по ее корпусу. На смотровом стекле было несколько царапин, но на самой машине он не заметил ни одной. Он включил кнопки дистанционного управления на своем ремне — и заработал двигатель Бэтмобиля.

Вдруг громкий пыхтящий звук прорезал тишину — с одного из уцелевших зданий поднялся вертолет. Заработало более десятка прожекторов. Они искали Бэтмэна. Раздалась пулеметная очередь. Перепрыгнув через Бэтмобиль, он укрылся за стальными воротами.

Наверху застрекотал вертолет. Сквозь грохот пулеметных очередей до него донесся голос Джокера, говорившего в микрофон:

— Я отправляюсь на праздник. И тебе советую это сделать. Потому что, пока ты там не покажешься, я буду убивать по тысяче человек в час.

Он захохотал. Вертолет взял курс на праздничные огни в центре города.

Опять этот смех.

Танцевали ли вы?

Смех, который Бэтмэн слышал когда-то.

Танцевали ли вы с дьяволом?

Смех, который он слышал и во сне.

Танцевали ли вы с дьяволом в свете луны?

Смех, который — он поклялся в том самому себе — он никогда не услышит снова.

Как обычно, дежурство в эту ночь на товарном складе Готэма проходило спокойно. Единственный на весь склад сторож мирно читал сенсационные сообщения какой-то бульварной газетенки.

«ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ С КАРЛИКАМИ ПРИЗЕМЛИЛИСЬ В РОССИИ! ПРИЗРАК ЭЛВИСА ПРЕСЛИ ПОТЕРЯЛ ШЕСТЬДЕСЯТ ФУНТОВ ВЕСА С ПОМОЩЬЮ ЧУДОДЕЙСТВЕННОЙ ДИЕТЫ!»

Да разве он не знает, что в жизни такого не бывает?

Он и не думал, что реальная жизнь куда богаче приключениями.

Один из бандитов подкрался к ничего не подозревающему сторожу и ударил по голове. Остальные во главе с Джокером двинулись дальше.

Включив свет, парни принялись за работу. Они запустили генераторы, забрались в кабины передвижных праздничных платформ и стали быстро наполнять газом гигантские воздушные шары.

Нет, это будет не обычный скучный парад. Он пройдет по Бродавеню в полночь. Несколько часов Джокер передавал рекламу по телевизору: все на парад! Приходите — и вы заработаете несколько долларов в придачу! И, хотя праздник назначен на ночное время, он был уверен, что придет масса народу. Люди падки на дармовщинку.

Правда, он забыл упомянуть о некоторых других дивидендах , которыми также собирался одарить людей. Ох уж этот Джокер, какой же он забывчивый! Ну, да ладно. Он был уверен, что людишки почувствуют себя счастливыми всего через несколько минут после того, как разойдутся, радуясь подаркам.

На полную мощность заработали генераторы, включившие огромные прожектора. Двери склада распахнулись — и мощные грузовики выехали на Бродавеню, таща за собой прожектора, платформы и гигантские воздушные шары. Для себя Джокер облюбовал платформу с возвышением, оформленным в виде трона, над которой развевались транспаранты с огромной цифрой «200».

Последние грузовики вышли из ворот. Джокер приветственно махал им рукой. Это будет самый замечательный из всех парадов! И он еще только начинается.

— Я готовлюсь управлять миром! — закричал Джокер.

И снова захохотал.

Вдоль Бродавеню в ожидании полночного парада и обещанных долларов выстроились сначала сотни, а затем и тысячи горожан. И Джокер не собирался их разочаровывать.

Вначале прибыли прожектора: что за парад, если его нельзя как следует видеть. По бокам прожекторов были установлены огромные стереофонические установки, передававшие рок-музыку.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча.

Вначале чувствовавшие себя несколько скованно, горожане начали понемногу осваиваться, стали танцевать и веселиться. Показалась парадная колонна, и все с удивлением уставились на возглавлявшую ее гигантскую, в пятьдесят футов высотой, надувную фигуру клоуна с довольной ухмылкой на физиономии. Когда везущий ее грузовик развернулся, толпа ахнула при виде платформы, представляющей публике исторических персонажей, включая Джона Т. Готэма, и украшенной красивыми флагами и полотнищами с надписью: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ГОТЭМ-СИТИ!»

Какая прекрасная идея, подумал Джокер, проводить юбилейный парад ночью, когда в городе начинается настоящая жизнь!

Но впереди предстояло еще много интересного. Проехали десятки платформ, представлявшие различные эпизоды из жизни этого замечательного города. И снова множество гигантских воздушных шаров и надувных фигур.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча.

Граждане города Готэма веселились вовсю. То ли еще будет!

В этот момент в толпу посыпались деньги. Воздух наполнился тысячами долларовых бумажек.

Люди были вне себя от изумления. Откуда это?

А-а, вот откуда! Посмотрите-ка повнимательнее, граждане, вон на ту, первую платформу! Там, посреди исторических персонажей, включая Джона Готэма, возвышался трон. И на этом троне сидел Джокер в окружении своих лучших парней. Боб — добрый старина Боб — вручал Джокеру пачки долларов. Джокер бросал их, стараясь попасть в струю специально поставленного огромного вентилятора, раскидывавшую деньги во все стороны.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча.

Зеленые бумажки летели по воздуху. До сознания людей не сразу дошло, что на них падали настоящие деньги. Поняв это, они пришли в невероятное возбуждение.

А теперь послушайте: гремящая в усилителях музыка сопровождалась еще и вокалом. Это Джокеру захотелось петь.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча.

Все было просто превосходно! Теперь ему не хватало только одного. Его так и подмывало задать кому-нибудь вопрос.

Танцевали ли вы с дьяволом в бледном свете луны?
На этот раз он задаст его всему городу Готэму!

— Пожалуйста! — зазывал в микрофон Джокер. — Подходите! Наполняйте ваши голодные кошельки!

Вики Вейл не поверила глазам, увидев, что происходит на улицах, прилегающих к площади. Даже во время сражения в Корто Мальтезе она не видела подобного кошмара. Толпа все прибывала, люди буквально лезли на плечи друг другу, топча упавших и протягивая руки за сыпавшимися на них деньгами.

Она старалась держаться сзади, подальше от свалки. Прижавшись спиной к какому-то зданию, Вики пыталась сделать хорошие снимки для «Глоб». Она вспомнила, как совсем недавно с ужасом думала о Джокере, собиравшемся развязать войну. А теперь война была здесь, перед глазами, но сражались друг с другом жители Готэма.

За спиной раздались автомобильные гудки. Неужели Джокер продолжает ее преследовать? Она быстро обернулась, готовая бежать и скрыться в толпе.

— Вики! — это был всего-навсего Элли Нокс, окликнувший ее из своего автомобиля.

Она нырнула на сиденье рядом с ним. Элли посмотрел на нее.

— Как ты думаешь, Бэтмэн появится здесь?

Вики обвела глазами картину творившегося у них на глазах невероятного хаоса.

— Он непременно будет здесь, — ответила она.

Нокс с сомнением покачал головой, усмехнулся, словно речь шла о сопернике на беговой дорожке, затем тронул машину с места и медленно поехал через толпу.

Было уже далеко за полночь. Большая часть города, над которым он пролетал, погрузилась во тьму. Но в центре светилось яркое пятно.

Он спускался на своем Бэтвинге, искусно маневрируя между небоскребами. Он собирался приземлиться на Брод-авеню.

Очевидно, именно там и поджидает его Джокер.

Машина Нокса прокладывала себе путь через толпу к хвосту парадной процессии. Высунувшись из окна, Вики снимала все это безумие.

— Посмотри! — вдруг крикнул Нокс.

Вики увидела, как одна из платформ наехала на тротуар, врезалась в фонарный столб и волочила его за собой, пока не остановилась. Но, не обращая на это внимания, масса людей участвовала в свалке у платформы, сражаясь за долларовые бумажки.

Вики стала фотографировать эту сцену прямо через ветровое стекло.

— Поехали обратно, — скомандовала она.

Нокс попытался отъехать в сторону, но выбраться из такой толпы было трудно.

Элли присвистнул.

— О, черт, как скверно.

Вики попробовала открыть дверцу машины, но она была прижата людьми и не поддавалась. Та-ак. Если теперь не выбраться наружу, в лучшем случае придется просидеть в машине неизвестно сколько времени, в худшем — она будет раздавлена толпой.

— Девушке вредно находиться в таком месте, — закричал Элли, когда она, наконец, сумела выскочить из машины. Толпа людей чуть не смяла ее, и Вики пришлось прижаться к капоту, чтобы пропустить их. Она поглядела на поврежденную платформу, на гигантский подпрыгивающий и раскачивающийся воздушный шар над толпой. Быстро сделав несколько снимков, она полезла в сумку за телеобъективом.

Быстро сменив объектив, Вики направила фотокамеру вверх, чтобы снять шар крупным планом. Вдруг в свете прожекторов она заметила еще что-то зеленое, похожее на дым. Он тянулся от одного из металлических цилиндров, прикрепленных к шару снизу — вероятно, он разбился, когда платформа въехала на тротуар.

Дым, подумала она. Или газ. Тяжелое зеленое облако медленно опускалось вниз.

Вики посмотрела на парней Джокера, стоявших на платформе. Они тоже заметили облако и быстро надели противогазы. Итак, она оказалась права! Но не всем на платформе удалось избежать опасности. Она снова посмотрела в телеобъектив и увидела, что двое из находившихся там людей хватают ртом воздух. Один из них упал на платформу, его рот исказился в гримасе смеха.

Итак, это был газ, изготовленный из тех же химических веществ, которые Джокер использовал для своей диверсии с продуктами и косметикой. Как он тогда его называл? Кажется... да, верно: «Смехлекс»!

Смертоносное зеленое облако зависло над платформой и стало медленно растекаться, двигаясь в сторону Вики.

— В этих шарах ядовитый газ! — крикнула она Ноксу. — Он всех убьет!

Элли, перегнувшись, быстро открыл дверцу и протянул ей руку. Кое-кто в толпе тоже догадался, что происходит. Началась паника, люди напирали на тех, кто еще продолжал охотиться за летящими банкнотами.

— Скорее влезай! — крикнул он, стараясь перекричать дикий шум, стоявший вокруг. — Захлопни дверь!

И в этот момент, перекрывая рев толпы, сверху донеслись звуки, напоминающие гул реактивного двигателя. Она посмотрела на небо. Из-за луны показались неясные очертания самолета. Он был черного цвета.

Вики высунула голову из машины.

— Нужно как-нибудь отвязать эти шары! — Она с трудом перевела дыхание. Стараясь преодолеть страх, она постепенно овладела собой. — Мне кажется, там Бэтмэн. Мы должны предупредить его!

Нокс схватил Вики и втолкнул ее в машину. Она упала на сиденье, Элли захлопнул дверцу.

— Не вздумай выходить, — приказал он.

Открыв дверцу со своей стороны, он выпрыгнул из машины.

— Элли! — закричала Вики. Что он делает? Он же может погибнуть!

Нокс бросился к платформе, лавируя между теми, кто еще продолжал схватку за банкноты, и теми, кто пострадал от газа. Люди Джокера оттаскивали тела с дороги. Никто из них не заметил, как Нокс прыгнул на платформу, очутившись между моделями мэрии и собора Готэм-Сити. Он добрался до конца платформы и стал отвязывать канат, которым шар крепился к подставке. Это удалось сделать лишь с третьей попытки. Шар стал подниматься, унося с собой смертоносный газ.

В эту минуту парни Джокера заметили его. Пробираясь к следующему шару, Нокс сумел увернуться от града выпущенных по нему пуль. Но тут кто-то выстрелил сзади, и он упал.

Вики не могла больше оставаться безучастным свидетелем. Вероятно, выпущенные в Нокса пулиподняли процент адреналина в ее крови. Никто не должен умирать, если она рядом. Она быстро пересела за руль и нажала акселератор.

Машина резко остановилась у самой платформы. Нокс был жив. Он с трудом поднялся на ноги, но силы оставили его и он рухнул прямо на капот своего автомобиля.

К счастью, в эти секунды никто не успел по ним выстрелить.

Однако передышка была недолгой. Пули полетели отовсюду. Сначала они разнесли заднее стекло. Следующим было боковое стекло со стороны пассажирского сиденья.

Вики успела свернуть за угол, но машина получила какое-то серьезное повреждение и мотор заглох. Она поставила беспомощную машину на тротуар; здание собора закрывало их. Они довольно далеко продвинулись за угол, так что не видели платформы, и, что было еще более важно, бандиты тоже не могли их видеть.

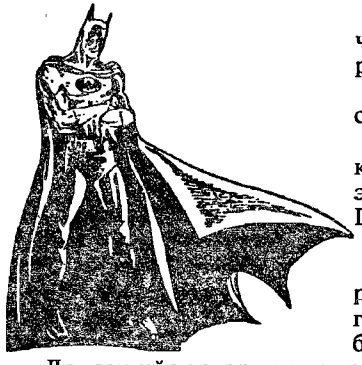
Нокс застонал, когда она стащила его с капота. Он попробовал передвигаться самостоятельно и обойтись без ее помощи, но ноги у него заплетались. По лбу текла кровь.

Тяжело дыша, с залитым кровью лицом Нокс взглянул на нее и попытался улыбнуться.

— Ты молодец, Элли, — сказала ему Вики ободряющим тоном, продолжая тем временем беспокойно озираться вокруг, — но хватит подвигов на сегодня.

Нокс ей не ответил. Обернувшись, она увидела, что он был без сознания.

17

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча, неслось из репродуктора.

Джокер швырнул в толпу еще одну пачку долларов.

— Вы правы, друзья мои! — кричал он в микрофон. — Кому на этом свете вы можете доверять? Правильно, мне!

Он бросил еще пачку банкнот.

— Потому что я здесь, с вами и раздаю вам настоящие деньги. А где находится этот Бэтмэн? Небось, стирает дома свои колготки!

Донесшийся сверху гул прервал его смех. Он поднял голову. Там, освещенный мечущимися лучами прожекторов, появился какой-то летательный аппарат, похожий на частный реактивный самолет. Он был черного цвета, а своими контурами напоминал очертания летучей мыши!

Какие же красивые игрушки у этого Бэтмэна! Джокер принялся прыгать и махать руками.

— Ах! — кричал он в микрофон. — Это крылатое воинство летит в ночи на свидание со мной!

Он засмеялся еще громче и бросил последнюю пачку банкнот в огромную, бурлившую у его ног толпу обожателей. Ну да теперь пора заняться настоящим делом.

— Боб! — позвал он своего преданного помощника. Доброго старину Боба. — Противогаз!

Боб подал ему старинный противогаз, выкрашенный в цвета Джокера: красный, желтый и зеленый.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча.

— Эй! — вдруг донесся до них снизу сердитый голос. — Что это такое?

Ах, вот в чем дело. Парень, стоявший у платформы, рассматривал свои руки, измазанные зеленой краской, которая сходила с банкнот. Может быть, он недоволен тем, что банкноты оказались деньгами, изготовленными любящим пошутить гангстером, и на месте всем надоевшего портрета Джорджа Вашингтона на бумажке в один доллар красовалась физиономия самого Джокера?

Недовольный парень продолжал кричать и возмущаться. Он стал бросать подозрительные банкноты обратно на платформу. Что ему нужно? Ах, видите ли, он хочет, чтобы их обменяли на настоящие зелененькие! Как же, держи карман шире, Джокер, возможно, и сумасшедший, но не дурак! Никто никогда денег не выбрасывает — уж это-то Джокер знал точно.

Да это настоящий смутьян! Вот, глядите-ка, добился своего: теперь и другие люди стали разглядывать свои деньги и расстраиваться! В толпе раздались крики: «Мошенник!», «Это фальшивые деньги!», — но их заглушали звуки рок-н-ролла.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча-ча.

Ну что поделаешь с такими людьми?

Джокер знает, что с ними делать: он всех их убьет. Он снова взял в руки микрофон.

— Наступает момент, когда я освобожу вас, ничтожные людишки, от непосильной для вас ноши — от ваших неудач и бесполезных жизней. Но, как говорит мой хирург, мастер пластических операций, если уж расстраиваться, то с улыбкой!

Джокер нагнулся к своему трону и вытащил установку дистанционного управления. Он нажал красную кнопку — и из десятков канистр в соединенные с ними воздушные шары пошел ядовитый зеленый газ, отчего шары и надувные фигуры стали быстро увеличиваться в объеме, грозя лопнуть каждую минуту. Когда же это случится, по всему городу распространится замечательный газ «смехлекс» — его вполне достаточно, чтобы отравить половину Готэм-Сити.

Ай-яй-яй, сказал себе Джокер. Он же совсем не подумал о том, что делать с другой половиной.

Отовсюду стали доноситься крики. Наконец-то кое-что стало доходить до их скудных умишек. Они все умрут, и умрут на особый лад, с чудесной, фирменной улыбкой «смехлекс» на устах. Никто уже не обращал внимания на продолжавшие падать деньги. Все думали только о том, как спастись, и в панике покидали площадь.

Неудобно, конечно, смеяться в противогазе, но Джокер хохотал до слез.

Бэтмэн никогда не заметил бы утечки газа из шаров, если бы

один из них не отвязался. Попав в своего рода аэродинамическую трубу между небоскребами Готэм-Сити, он беспорядочно болтался и крутился в воздухе, так что могло показаться, будто он раскланивается с Бэтмэном.

Приблизившись к нему на Бэтвинге, Бэтмэн заметил, что под ним подвешено что-то похожее на бомбу с зеленым шлейфом, и увидел, как головорезы Джокера надели противогазы.

Он понял, что это газ, и даже вспомнил его название: «смехлекс». Не сумев отправить на тот свет весь Готэм с помощью отравленных продуктов, Джокер, видимо, решил сделать это иным, еще более страшным способом и приказал наполнить шары и надувные фигуры газом, прекрасно зная, что в соединении с гелием «смехлекс» особенно опасен. Но газ убьет людей, только когда опустится вниз, на толпу. Надо было немедленно действовать. Проделав на своем самолете узкую петлю, Бэтмэн опустился на Брод-авеню, зависнув над улицей на высоте тридцати футов.

С помощью компьютера он получил всю необходимую информацию, а затем нажал на два включателя пульта управления, определив нужный угол действия крыльев с острыми, как бритва, краями, и открыв люк для захвата тросов с шарами.

Джокер не хотел верить своим глазам.

Самолет Бэтмэна обрезал все тросы, соединявшие шары и надувные фигуры с платформами, а затем потащил за собой всю эту разноцветную карнавальную связку, при виде которой никому бы и в голову не пришло заподозрить их столь зловещее предназначение. Да что он собирается с ними делать? Неужели хочет отправить за океан?

— Мои шары! — завопил Джокер. — Это мои шары!

Бэтмэн продолжал делать свое дело.

Ха! Некоторые парни слишком далеко заходят со своими игрушками, решил Джокер.

Сейчас он врежется.

Это была первая мысль, когда он увидел возвышающиеся перед ним развалины собора. Собирая шары, он совсем забыл об опасности, и теперь на него быстро надвигалась Брод-авеню.

Он резко поднял нос машины. Бэтвинг моментально взмыл вверх, но собор продолжал стремительно приближаться. Одно из крыльев может задеть полуразрушенную башню — и тогда... Он бросил Бэтвинг вправо, и послушная машина с диким ревом свернула в сторону. Бэтмэну удалось разминуться с собором всего в нескольких дюймах от него.

Однако маневр не прошел для Бэтмэна даром. Его буквально вдавило в кресло. Он боролся с перегрузкой, чувствуя резкое давление воздуха, доходившее сейчас до ста фунтов на квад-

ратный дюйм. Он стонал от боли, но все же ему удалось дотянуться до пульта управления и нажать на переключатель, чтобы отпустить шары.

После того как он освободился от груза, ему не составило большого труда поднять самолет вверх и повернуть к городу. Шары все еще поднимались вверх, но стали медленно перемещаться в сторону океана. Они не успеют причинить вреда; он уже передал береговой охране сообщение об опасности. Бэтмэн взял курс на Брод-авеню.

Он смертельно устал и нуждался хоть в небольшой передышке, но сейчас каждая секунда по злой воле Джокера могла унести еще несколько безвинных жизней.

Пора положить этому конец.

Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча. Бум ча-ча-ча-ча-ча-ча.

Музыка продолжала греметь, разносясь по внезапно опустевшей Брод-авеню. Все разбежались.

Джокер сорвал противогаз и швырнул его на платформу. Он был взбешен.

— Он украл мои шары! — визжал он.

Никто не решился что-либо ответить.

— Почему никто не предупредил меня, что у него есть эта штука?

Все продолжали молчать. Это окончательно вывело его из себя.

Он взял у Боба револьвер и выстрелил. Прямо в Боба. В своего лучшего помощника, верного Боба.

Это немного улучшило настроение.

Боб скатился с платформы на выстланную деньгами улицу. Он был мертв. Добрый старина Боб.

Джокер положил револьвер в пиджак. Никто и ничто не заставит его отступить. Парни молча наблюдали за ним. Сейчас он объявит им свой приказ.

— Вы, шельмецы, мы начинаем войну! — заорал он.

Джокер выключил музыку.

Над Брод-авеню повисла непривычная тишина, в которой был отчетливо слышен отдаленный рев двигателей реактивного самолета.

Вот он уже показался в конце Брод-авеню. Сейчас он будет прямо над Джокером и всем этим скопищем подонков.

Бэтмэн щелкнул переключателями, чтобы привести в боевую готовность вооружение. Негромкий голос робота доложил:

— Прожектор.

— Лазерное оружие.

— Пулемет.

— Самонаводящиеся ракеты.

Этого было достаточно, во всяком случае, — для первого

захода на цель. Еще несколько щелчков переключателем — и обеспечен контроль за безопасностью полета.

Пришел черед Джокера расплатиться за все.

Самолет Бэтмэна снижался прямо на них. Но он выглядел сейчас несколько иначе. Внизу, под фюзеляжем, виднелись орудия и ракеты.

Парни кинулись врассыпную.

— Кого испугались, вы, подонки! — заорал им вслед Джокер. — Что это с вами случилось?

Однако парни даже не обернулись. Куда только девалась их былая преданность! И это после того, как он преподал им такой хороший урок на примере Боба! Джокер очень не любил, когда его уроки не приносили результатов.

Самолет пролетел прямо у него над головой, он увидел яркую вспышку света.

Джокер рассмеялся, выбежал прямо навстречу снижающемуся самолету и стал что-то отплясывать.

— Иди ко мне, иди ко мне ближе, — кричал он во всю глотку, — проклятый ты сукин сын!

Итак, он прилетел на праздничный парад.

Или на то, что от него осталось. Неподвижно застыли прожектора, опустели празднично убранные платформы и грузовики. Все разошлись.

Он надел очки прицеливания и в увеличительные стекла увидел посреди улицы одинокую фигуру, подпрыгивающую и машущую самолету.

Это был Джокер. Он простер руки в издевательски-приветственном жесте.

— Ты этого хотел, — сказал Бэтмэн. — Получай!

— Огонь, — почти шепотом отдал он команду. Остальное сделает компьютер.

Пули, снаряды, ракеты наполнили воем Брод-авеню, устремившись к заданным целям. Бэтмэн должен был убедиться, что Джокер нигде не припрятал еще какого-нибудь сюрприза, поэтому все оборудование парадного кортежа подлежало уничтожению.

Когда рассеялась пыль, посреди всего этого разрушения он увидел Джокера, который как ни в чем не бывало вальсировал на мостовой. Он оставался невредим. Пока.

Джокер забавлялся.

Опять раздались выстрелы. Вон взлетела на воздух платформа, здесь — грузовик, а этот выстрел — неудачный: попадание в здание.

Одна из пуль летела прямо в Джокера. Но он оказался быстрее!

Вдребезги разлетелось стекло прожектора, осыпавшись великолепным стеклянным дождем. Джокеру никогда еще не приходилось видеть столь прекрасной картины разрушения. Надо было поручить все Бэтмэну. Вот как бывает в жизни.

Но, как всегда бывает, хорошему скоро приходит конец.

Джокер вынул еще один свой револьвер с особым, длинным, дулом. Когда самолет зашел на следующий круг, он тщательно прицелился.

Взвел курок.

Прогремел выстрел.

Джокер взглянул вверх, лежа на земле, опрокинутый силой отдачи. Это был замечательный револьвер, но лягался, ну прямо, как осел.

В очко!

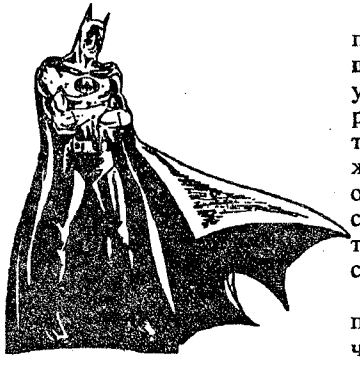
Он поразил лучшую в своей жизни цель!

Левое крыло Бэтвинга загорелось, повалил черный дым. Самолет закачался из стороны в сторону и стал стремительно падать вниз. Джокер отпрянул в сторону, потому что самолет пронесся в двенадцати футах над улицей. Он падал прямо на ступени собора.

Там он и взорвался.

Какое-то мгновение стояла тишина, а потом раздался смех Джокера.

18

Взгляду комиссара Гордона предстала картина полного разрушения. Он с трудом узнавал этот участок Брод-авеню. Разбиты витрины и прожектора, улицы и тротуары заполнены грудами искореженного металла. Впереди улица обрывалась у края образовавшегося там кратера. Неужели эти ребята пользовались оружием самонаведения?

За Гордоном тянулось с десяток полицейских автомашин. Видя, во что превратилась Брод-авеню, он приказал им остановиться. Придется пройти этот участок улицы пешком.

В груде камней и металла обнаружили тела погибших. Но их, к счастью, было немного. Наверное, потому, подумал Гордон, что удалось быстро остановить распространение газа.

Последние события окончательно выбили из колеи мэра Борга. Он ни с кем ничего не обсуждал, лишь время от времени бормотал что-то несвязное о «гибели Готэм-Сити». После его отставки полицейской службой, да и всем городом стал руководить практически единовластно Харви Дент. Сегодня Гордон пришел сюда по собственной инициативе, чтобы посмотреть, чем может помочь.

Они оказались бессильными перед планами Джокера. Его отравленный кофе поразил более девяноста процентов полицейских. К счастью, все остались живы, но почти две тысячи были госпитализированы. И все воры и мошенники города знали и использовали в своих целях тот факт, что в Готэм-Сити продолжала нести службу лишь десятая часть полицейских. Невероятно подскочило число краж и грабежей — оставшиеся на своих постах полицейские выезжали лишь на чрезвычайные вызовы. Дент обратился к губернатору штата с просьбой прислать отряд Национальной гвардии, но его ждали только на следующее утро.

Правда, несколько человек добровольно несли дежурство во время ночного парада, но поведение толпы перешло все границы, и Гордон приказал своим людям не вмешиваться до прибытия подкрепления.

Теперь с ним пришли резервисты.

Гордон осматривал свое войско. Всего четырнадцать машин и двадцать шесть мужчин и женщин — практически все, что осталось от полиции Готэма. Гордон знал некоторых из них по имени, других не видел, наверное, с момента окончания полицейской академии. Они готовы сделать все, что в их силах, чтобы сохранить жизнь Готэм-Сити.

С оружием наготове они перегородили улицу. Гордон выстроил их в виде буквы «V» и, поставив по бокам полицейских, вооруженных лучше других, повел отряд в зону боевых действий.

— Томас, мне кажется, кто-то идет за нами.

Голос его матери. Они только что вышли из театра. Почему он никак не вспомнит названия спектакля?

Топот бегущих ног. Его отец и мать, такие большие, почему-то бегут, таща его за собой вниз по улице.

Но они не могли спастись. Потому что бежали. Он знал это теперь. Должен ли он был сказать матери и отцу, чтобы они не бежали? Разве они сами не знали этого?

Но они побежали — и им навстречу вышел человек с револь-

вером в руке. Это был подросток, всего на несколько лет старше него самого. Но он был вооружен и чувствовал себя взрослым.

Подросток посмотрел на них. Брюс запомнил его улыбку. Он видел ее много раз. Лицо подростка было раскрашено, на нем был грим клоуна: выбеленная кожа, кроваво-красные губы и зеленые волосы. Он не был похож на обычных клоунов. Конечно, это не имело никакого значения. Не нужно было бежать, вот в чем дело.

Почему этого не поняли родители? Прежде чем он успел сказать им об этом, последовало два выстрела; две вспышки пламени сразили его мать и отца, обратив их в прах.

Клоун стал смеяться, но Брюс знал, что он его не боится.

— Танцевали ли вы с дьяволом в бледном свете луны? — спросил клоун.

Брюс и теперь не чувствовал страха. Он не побежал. Наоборот, он шагнул навстречу клоуну.

Танец вот-вот начнется.

Но вдруг все потемнело.

Что случилось с добрыми гражданами?

Джокер просто весело смеялся, когда из боковых улиц и полуразрушенных домов появились эти люди. Они совсем обнаглели. Видите ли, они разозлились на него! Разве им не было известно, что хозяином праздника был Джокер? Черт их возьми, да радовались бы, что остались в живых!

Мысль об этом снова заставила его рассмеяться.

Однако они ведут себя совсем не вежливо! Подумать только: стали бросать в него что попало. Неблагодарные! Хорошо же. Прежде чем уничтожить своих сограждан, он еще поразвлечет их напоследок.

Брошенный кем-то кирпич задел его плечо. Он посмотрел на толпу и увидел, что она увеличилась, а среди вновь прибывших некоторые были в полицейской форме. Может быть, стоит сменить обстановку? Надо же ему, в конце концов, узнать, что случилось с Бэтмэном. Он был уверен, что с Бэтмэном все кончено.

Джокер достал один из своих револьверов и выстрелил в воздух. Те, кто кидал в него кирпичи, повели себя благоразумно и даже немного отступили назад. Вот так-то лучше. Он повернулся и заторопился к самолету Бэтмэна.

Итак, самолет Бэтмэна взорвался.

Успокойся, Джокер. Что-то ты сегодня расчувствовался. Что поделаешь: не разбив яиц, не приготовишь яичницу.

Сначала, когда самолет Бэтмэна упал, он представлял собой исковерканный остов. Теперь же это была пылающая груда искореженного металла. Он понял, что финальный разговор с

Бэтмэном по душам не состоится. Ему придется выбрать для этой цели другого собеседника.

Двигаясь в ритме рока вокруг самолета, догорающего на ступенях собора, он взобрался по ним и остановился, чтобы достать из пальто переносную рацию.

— Башня собора, — сказал он в микрофон. — Становится слишком многолюдно. Будь через пять минут.

Прорывающийся через помехи голос ответил:

— Слушаюсь, хозяин.

Он взглянул вверх, на башню собора.

О, бог ты мой. От башни остался жалкий «леденец на палочке».

— Нет, лучше через десять, — снова заговорил он в микрофон.

Летчик подтвердил получение приказа.

В него снова полетели кирпичи и камни. Он видел, что полицейские подходят все ближе. Близилась развязка. Он толкнул заржавевшую дверь и вошел в собор. Через минуту он будет далеко от своих сограждан и полиции, вернее, того, что от нее осталось, и навсегда забудет об этом злощастном инциденте.

Вики выходила из укрытия, когда до нее донесся гулкий взрыв.

Она недолго осматривала раны, полученные Ноксом. Репортеру повезло. Пуля слегка задела плечо, стекло порезало лоб, но больше повреждений не было. Кровотечение уже прекратилось. Слава Богу, раны не были опасными для жизни. Вероятно, он потерял сознание от шока. Нужно доставить его в больницу, чтобы промыть и перевязать раны. Но прежде ей необходимо было сделать одну вещь.

Она видела, как самолет Бэтмэна упал на ступени собора.

Она должна была узнать, что случилось с Брюсом.

Остов самолета представлял собой груду обгоревшего искореженного металла. Кое-где еще горело пламя. В такой ситуации невозможно остаться в живых. Она стояла на ступенях собора, еще не придя в себя после сегодняшних событий. Если бы только он был жив... Надо раскидать горящие обломки, вытащить то, что осталось от самолета. Но глядя на бесформенную груду металла, Вики чувствовала беспомощность и отчаяние.

Вдруг... или ей показалось? Глыба искореженного остова зашевелилась. Сдвинутая с места, загрохотала вниз по ступенькам помятая металлическая плита.

Среди обломков самолета стоял Бэтмэн.

Брюс жив! Она побежала по ступенькам к исковерканному фюзеляжу.

— Вы целы? — крикнула ему Вики.

Он не ответил. Его костюм висел клочьями. Из-под маски текла кровь. Он молча смотрел на собор.

— Я выведу вас отсюда! — продолжала Вики. Нужно увести его подальше от обломков, а то взорвется еще что-нибудь, или вернется Джокер, или случится что-то другое. О-о, Брюс жив!

С улицы донесся рев сирен. Двум бронемашинам удалось проехать через завалы на улице.

Бэтмэн показал ей на зацепившийся за его накидку металлический обломок.

— Уберите это! — прохрипел он.

Вики отшвырнула обломок. Бэтмэн перешагнул через остатки кабины и стал подниматься по ступенькам вверх, не взглянув больше на нее.

Когда он проходил мимо, она посмотрела в его лицо — знакомое лицо, которое она, тем не менее, вовсе не узнавала. В нем было два человека. Он сам говорил ей об этом, но впервые она увидела разницу между ними лишь сейчас. Из этих двоих она знала только одного — мягкого и внимательного человека. Другой — таинственный мститель, спустившийся словно с небес, суровый и целеустремленный, — был для нее чужим, и иногда казалось, что в нем больше от машины, чем от человека.

Сейчас она видела перед собой чужого. В нем не было ничего от Брюса Уэйна.

Теперь это был только Бэтмэн.

Томас, кто-то идет за нами.

Он рванул дверь в собор.

Джокера там не было. Наверное, находится в другой части собора. Или в башне.

Томас, кто-то идет.

Он закрыл за собой дверь. Увидев толстый дубовый брус, вставил его в металлические скобы с внутренней стороны двери, чтобы никто не мог их потревожить.

Кто-то идет за нами. Не нужно было им бежать.

Он прислушался. Не было слышно ни звука. Джокер где-то притаился.

Он шагнул вперед, на груду камней. Внизу была ступенька, которую он не заметил. Потеряв равновесие, он тяжело упал на деревянную скамью. Скамья свалилась, задев стоящую перед ней, а та — следующую, как в домино. Все это произвело сильный шум. Да, сюрприза не получится.

Джокер выскочил, как только упала первая скамья. Он взобрался наверх со скоростью падающей звезды.

— Соскучился по мне? — раздался сзади его голос. — Ха-ха!

Идет за нами. Не нужно было бежать сейчас.

Бэтмэн продолжал взбираться по ступеням. Ему трудно было шагать, трудно дышать. Во время аварии он, видимо, повредил бок, да еще — падение через скамейку. Скорее всего, сломаны ребра. Он надеялся, что, по крайней мере, нет внутреннего кровотечения. В противном случае ему ничто не поможет.

Ничто не могло бы помочь. Не нужно бежать. Там, наверху, человек. Человек с револьвером.

Бэтмэн начал взбираться по лестнице.

Комиссар Гордон и полицейские поднялись на ступени собора. Никто не оказал им никакого противодействия. Вероятно, у Джокера были свои дела. Как и у Бэтмэна.

Комиссар был свидетелем разыгравшейся драмы. Он видел, как разбился самолет Бэтмэна, как стрелял в воздух Джокер, чтобы напугать толпу и скрыться, как взорвался самолет, и как из-под его обломков выбрался Бэтмэн.

Он знал, что оба — Бэтмэн и Джокер — вошли в собор, и думал о том, что происходило сейчас между ними среди руин. Какая-то часть его существа приказывала отозвать своих людей и позволить Бэтмэну разделать Джокера как надо. К тому же в глубине души Гордон хотел быть на месте Бэтмэна.

Но у комиссара Гордона была своя работа. Даже если чутье не обманывало его, он должен следовать закону, у Бэтмэна же были свои методы. А подобные вещи не должны иметь места, особенно, в таком большом городе, как Готэм.

Возможно, на какое-то время закон и порядок покинули Готэм-Сити. Но теперь они возвращены и будут неукоснительно соблюдаться.

Дверь собора не поддавалась. Она была заперта изнутри.

Гордон приказал взломать дверь.

Да, никому не удержать настоящего борца с преступностью. Джокер лишь на мгновение удивился, когда увидел, как этотряженый псих встал на ноги и заковылял. Но того, кто выбрался однажды из котла с кипящим месивом, трудно чем-то удивить. В конце концов, может, им обоим хочется поговорить по душам. Так-то оно так, но Джокер должен поторопиться.

Через пять минут за ним прилетит вертолет, а ему еще карабкаться и карабкаться.

Он слышал, как далеко внизу медленно и тяжело поднимался Бэтмэн. В хорошем настроении, весело пританцовывая, Джокер направился к башне.

Он считал ступеньки: сто шестьдесят два, сто шестьдесят три, сто шестьдесят четыре.

Похоже, у него появились крылья на ногах.

Он не должен убегать. Там человек с револьвером.

Наверное, у него были сломаны не только ребра. Силы медленно уходили. Он чувствовал, что повредил правое колено. Приходилось осторожно ступать на ногу, чтобы не перетруждать его. Что-то было не в порядке и с левой рукой. Стараясь распрямить пальцы, он чуть не закричал от боли.

Там человек с револьвером. Он запомнил его улыбку.

Он снова чуть не застонал, но заставил себя сдержаться. Ему не хотелось доставлять Джокеру удовольствие. Джокер не должен был знать, как ему плохо и где он находится.

Он запомнил его улыбку.

Он поднял ногу на следующую ступеньку — и тут же ощутил острую боль, очевидно, сломанные ребра вонзились в бок. Но останавливаться было нельзя. Где-то наверху его поджидал Джокер.

Впереди было еще много таких ступенек.

Пятьсот шестьдесят два, пятьсот шестьдесят три, пятьсот шестьдесят четыре...

Над головой показался люк. Последняя ступенька — и, считай, билет отсюда у него в кармане. Еще одно доказательство того, что всего можно добиться, если сохранять оптимизм.

До Джокера донесся шум снизу — топот ног, громкие голоса. Он наклонился над лестничным пролетом и далеко внизу увидел казавшиеся отсюда крошечными фигурки в синих мундирах и фуражках. Такие игрушечные полицейчики.

Джокер догадывался, конечно, что если дать им возможность, они совсем скоро станут большими и настоящими. Вот они уже взбираются по лестнице. Он знал и то, что они умеют стрелять, арестовывать, допрашивать и проделывать другие полицейские штучки. Но всего этого удастся избежать, если он успеет удрать отсюда.

Пятьсот шестьдесят восемь, пятьсот шестьдесят девять, пятьсот семьдесят, пятьсот семьдесят один. Наконец-то! Он открыл люк и оказался в залитой лунным светом колокольне — маленьком помещении с расположенными по окружности щелевидными окнами, пропускающими звук, но не дающими дождю проникнуть внутрь. Две двери вели из колокольни: одна — на галерею обхода, другая — на крышу, расположенную немного ниже и представлявшую собой прекрасную площадку для вертолета.

Перед тем как уйти, Джокер на минуту остановился. Его заинтересовал большой колокол, подвешенный к крюку посередине балки. Два других крюка по бокам от него были пустыми. Где же сами колокола?

Обернувшись, он чуть не споткнулся о них. Оба колокола стояли у самого края — так недолго и до небольшого несчастного случая!

Джокер захихикал.

Танцевали ли вы с дьяволом в бледном свете луны?

Ну и тяжелые же штучки эти колокола! Хорошо еще, что он не расстается со своим любимым красным цветком. Кислотой он брызнул на крепление одного из колоколов. Освобожденная от привязи махина рухнула вниз, круша на своем пути прогнившее дерево.

Джокер оглушительно захохотал. Это занятнее, чем игра в крикет!

Гордон едва успел увести людей в безопасное место.

Долго не стихал страшный гул. Колокол катился по лестнице, ломая ступени, вырывая куски кладки. Он раскрошил лестничный марш длиной в шесть футов.

Колокол нанес башне большие разрушения. Может быть, они и преодолели бы шестифутовый провал и еще два, поменьше, но уцелевшая часть лестницы была слишком непрочной.

Взобраться наверх было невозможно. Джокеру и Бэтмэну придется биться один на один.

При условии, подумал Гордон, если оба еще живы.

Томас. Томас. Томас.

Он слышал, как билось в груди сердце. Он едва упел увернуться от падавшего колокола.

Томас, кто-то идет за нами. Нельзя убегать. Человек с револьвером.

Он был почти на самом верху лестницы. Если бы только не эта боль. Глаза закрывались.

Нельзя убегать. Человек с револьвером.

Он с трудом открыл глаза и сделал шаг по лестнице. Один, потом другой, третий. Немного передохнул у окна. Предстояло преодолеть последние ступени, которые вели к закрытому люку. Оставалось совсем немного.

Человек с револьвером. Он запомнил его улыбку.

Последним усилием воли он заставил себя добраться до люка. Толкнул дверь. Она не поддавалась. Еще раз — все напрасно. Не хватает сил.

Он снова закрыл глаза.

Он запомнил его улыбку. Танцевали ли вы с дьяволом...

— ... в бледном свете луны?

Джокера всегда успокаивали эти слова. И сейчас ему захотелось произнести их вслух. Он должен кого-нибудь убить этим колоколом.

Внизу, за люком, послышался какой-то шум.

Он не мог удержаться, чтобы не посмотреть, кто там. Уж такой он любопытный, этот Джокер!

Он подтащил к люку второй колокол и открыл люк.

Внизу никого не было.

Ну и ладно! Счастливого пути!

— Он звонит по Летучей мыши! — кричал Джокер, хохоча во все горло.

Плохо только, что нет никого, кто мог бы разделить с ним радость. Кстати, куда запропастился этот парень с вертолетом? Разве он не знает, как одиноко чувствуешь себя в разрушенной колокольне?

Наверху послышался какой-то шорох. Один-единственный раз. Джокер взглянул наверх. Над стропилами царил непроглядный мрак — очевидно, туда никогда не проникал дневной свет.

— Эй, кто там, еще какая-нибудь летучая мышка? Ты кто, папочка или мамочка?

Он забавлялся.

Однако его смех был прерван голосом, гулко раздававшимся в тишине.

— Мои родители погибли. И ты помнишь, как это произошло, не так ли, Джек?

Джокер обернулся: на галерее обхода стоял Бэтмэн.

Все-таки, наверное, этот парень и вправду был сверхъестественным существом! Откуда он там взялся?

И тут Джокер увидел идущий от пояса Бэтмэна трос.

— Ах, вот что: ты взобрался снаружи по канату! — Он продолжал забавляться. — Эй ты, обезьяна! Да ты только посмотри на себя, дерьмо ты эдакое! — Он хлопнул себя по колену. — В магазине, где ты покупал этот костюмчик, сошли бы с ума от того, что ты с ним сделал!

Бэтмэн, не отвечая, медленно наступал на Джокера.

Неожиданно он улыбнулся.

— Да, — сказал он тихо. — И они попросили меня принести им твою физиономию для реставрации. Потому что я собираюсь порвать ее в клочья.

Джокер не верил своим ушам. Он угрожает ему? И это после всего того, что они сделали друг для друга?

— Ты псих! — заорал Джокер. — Это ты бросил меня в тот чан. Ты изуродовал меня!

Не переставая улыбаться, Бэтмэн утвердительно кивнул головой.

— Да, это так. Но еще раньше ты изуродовал мою жизнь..

Джокер удивился.

— О чем ты говоришь? — спросил он. — Я говорю, что ты уделал меня, а ты хочешь сказать, что это я тебя уделал? Что за вздор ты несешь? — Он погрозил ему пальцем. — Ты просто сумасшедший!

Бэтмэн только улыбнулся в ответ.

Своим спокойствием этот парень-Летучая мышь начинал действовать ему на нервы. Джокер готов сорваться и убежать подальше, а он даже не думает отступать. И еще улыбается. А это уже не смешно.

Казалось, Бэтмэн подслушал ее мысли.

— Ну что, посмотрим — кто кого, Джек? — спросил он спокойным тоном.

— Джек? — удивился снова Джокер, отступая в сторону и чувствуя, что еще больше начинает нервничать. — Джек вышел из игры. Он доверил мне управлять его телом.

— Хорошо, в таком случае, когда ты его увидишь, — сказал Бэтмэн, подвигаясь к нему, — передай, что я собираюсь послать его ко всем чертям.

С этими словами Бэтмэн прыгнул на него. Но Джокер, раскачав огромный колокол, толкнул его прямо на Бэтмэна.

Бэтмэн удачно увернулся и с помощью своего троса вылетел через дверь из колокольни.

Зная, что Бэтмэн ранен и ожидая легкой добычи, Джокер обежал вокруг колокола, чтобы увидеть поверженного врага.

Бэтмэна там не было.

Послышался шум вертолета. Он взял в руки рацию.

— Быстрее! Я жду на крыше!

Надо скорее отсюда сматываться.

Но в этот момент он услышал за своей спиной голос.

И этот голос спросил его:

— Танцевали ли вы с дьяволом в бледном свете луны?

Бэтмэн схватил Джокера и прижал его к стене. Он долго ждал момента, когда, наконец, сможет сказать эти слова тому, кто этого заслужил. Свободной рукой он быстро защелкнул на запястьях Джокера наручники, соединенные с замком на его руке.

— Вот так, — добавил Бэтмэн. — У тебя появилась хорошая возможность самому ответить на этот вопрос.

Джокер отчаянно сопротивлялся, но, поняв, что это напрасно, решил действовать иначе.

Он развернулся и сорвал с лацкана своего пиджака красный пластмассовый цветок, быстро выпустив из него тонкую струю на наручники. Металл зашипел.

Джокер легко не сдастся. Бэтмэн скрутил его свободной рукой.

Собравшись с силами, Джокер ударил его с близкого расстояния.

Бэтмэн ответил мощным ударом в челюсть.

Падая, Джокер неожиданно сильно рванул наручники. Разъеденный кислотой металл не выдержал — и Джокер освободился.

Он помчался к окну колокольни и стал вытаскивать тяже-

лую деревянную балку. Размахивая ею, Джокер перешел в наступление.

Бэтмэн попробовал уклониться в сторону, но его подвело раненое колено. Балка тяжело рухнула на него сверху. Джокер поднял ее и ударил во второй раз.

Бэтмэну послышался какой-то далекий звук. Сначала он подумал, что снова слышит голос матери, но звук доносился откуда-то сверху и слышался все ближе и ближе. Он узнал этот звук.

Он быстро откатился в сторону, увернувшись таким образом от третьего удара и успев нажать на кнопку звукового сигнала на своем поясе.

Тяжелая балка снова опустилась на него. На этот раз Джокер не промахнулся.

Наконец-то вертолет прибыл! Джокер увидел, как над башней, меж двух гаргулий, завис веревочный трап. Какие симпатичные эти гаргульи. Джокер чувствовал в них что-то близкое себе.

Ступив с башни на крышу, он ухватился за лестницу. Огляделся вокруг, словно посылая прощальный привет всему, что здесь оставлял.

Но в этот момент сверху, перекрывая шум вертолета, до него донесся громкий звук. Этот пронзительный, похожий на визг звук, казалось, исходил из самой преисподней. На него надвигалось облако. Оно летело, свистело, хлопало крыльями.

Летучие мыши. Сотни летучих мышей. Спускаясь с колокольни, они кружили над ним. Он пробовал от них отбиваться, но они были повсюду. Вынужденный выпустить лестницу из рук, он стал прокладывать себе дорогу обратно, в сторону башни. Должна же быть какая-то возможность избавиться от этой напасти!

Наконец-то! Стая мышей вдруг словно расступилась перед ним. Он шагнул в освободившееся пространство, но на пути выросла какая-то фигура. Это был Бэтмэн.

Бэтмэн схватил его за лацканы пиджака и отшвырнул подальше от спасительного веревочного трапа. Джокер тяжело ударился об угол башни, а в следующий момент оказался сжатым в мощных объятиях противника. Рядом Джокер увидел голову гаргульи. Бэтмэн изо всех сил бросил его на чудовище. Выветрившийся камень скульптуры обрушился.

Джокер пролетел по крыше, ошеломленный сильным ударом. Но и у Бэтмэна этот удар отнял все силы. Гангстеру удалось высвободиться.

Он взглянул наверх. Бэтмэн тоже пришел в себя и снова двинулся на него. Укрыться Джокеру было негде. Добраться до трапа он не сможет.

Джокер почувствовал, что пришел конец. Он встретил человека, принявшего его правила и готового на смертельную схватку.

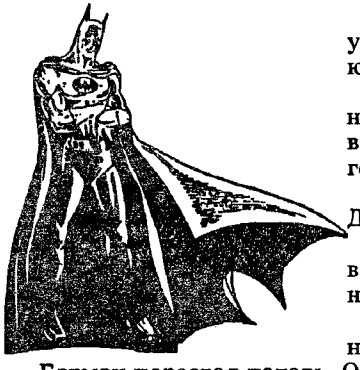
Но первое правило Джокера состояло в том, что выигрывает всегда он. Если ему предстоит последнее путешествие, он захватит туда с собой и Бэтмэна.

Собрав остатки сил, он прыгнул на Бэтмэна, увлекая его за собой.

— Последний танец мы станцуем вместе! — кричал он, когда они падали вниз.

Он дико хохотал.

19

Они неслись прямо навстречу улице. Через секунду они разобьются.

Бэтмэн быстро метнул спрятанный в рукаве трос с крюком, мгновенно выпустившим свои шипы, готовые вонзиться в крышу.

Он высвободился из объятий Джокера, который все хохотал.

Джокер продолжал падать вниз. Бэтмэн развернул свою накидку.

Крюк вонзился у подножия одной из гаргулий.

Бэтмэн перестал падать. Он повис в воздухе.

Джокер не переставал смеяться до самой земли.

Пока, наконец, не остановился.

Бэтмэн издал победный клич.

И мертвым Джокер продолжал улыбаться. Только теперь улыбка была не зловещей, а по детски-глуповатой.

Вики несколько раз сфотографировала мертвеца. Такие кадры могли претендовать на Пулитцеровскую премию.

— Бэтмэн упал! — вдруг крикнул кто-то. — Вон там.

Брюс? Упал? Вики помчалась на голос. Толпа плотным кольцом окружила человека на земле. Он лежал лицом вниз, закрытый накидкой с головой. Через толпу любопытных пробирался комиссар Гордон. Вики быстро шла за ним.

— Переверните его! — раздались крики. — Наконец-то мы узнаем, кто он такой!

Вики подошла к групе зевак, когда его стали переворачивать... Наверное, нужно его сфотографировать. Если она не попытается сделать снимок, это может вызвать ненужные вопросы. Гордон опустился перед лежащим на колени, отогнав любопытных.

Когда Гордон откинул накидку, человек застонал.

Вспышка фотокамеры осветила его лицо. Это был не Брюс Уэйн. Это был Александр Нокс.

Он зажмурился от яркой вспышки света.

— Как ты думаешь, успею я подготовить вечерний выпуск? — спросил Нокс.

Насколько Гордон мог вспомнить, еще ни одной пресс-конференции он не ожидал с таким нетерпением.

— Итак, — начал Дент, обращаясь к представителям прессы, — комиссар Гордон и я должны сделать для вас заявление.

Он подождал, пока собравшиеся перед мэрией журналисты не успокоились.

— Во-первых, необходимо развеять одно недоразумение. Репортер газеты «Глоб» Александр Нокс — вовсе не Бэтмэн.

Журналисты рассмеялись. Стоявший рядом с Гордоном и Дентом Нокс поднес руку к забинтованной голове, комически отдавая честь, и сухо заметил:

— С другой стороны, Бэтмэн — это не Александр Нокс.

Затем слово взял Гордон. Он был краток.

— Наши полицейские уже поправились, и хотя многие из них навсегда отказались от кофе, все приступили к своим обязанностям.

Собравшиеся вновь рассмеялись. Наконец-то, подумал Гордон, он присутствует на мероприятии, которое доставляет удовольствие и ему, и всему Готэм-Сити.

О чем это говорит? О том, что необходимо сохранять веру в лучшее. Он всегда говорил самому себе, что еще немного — и он, возможно, убедится в том, что его работа может приносить удовлетворение.

Элли Нокс неожиданно заметил среди стоявших рядом с ним на возвышении хорошо знакомое ему милое лицо.

— Вики? — удивился он. — Разве ты тоже освещаешь эту пресс-конференцию?

Она с улыбкой взглянула на него.

— Нет, — ответила она мягко, — я собираюсь на некоторое время уехать.

Она приблизилась и поцеловала его — по-настоящему.

Впервые в жизни, насколько помнил Нокс, он чуть не лишился дара речи.

— Ничего себе прогулочка, а, Элли? — сказала Вики весело и повернулась, чтобы уйти. — Заходи!

— Подожди! — крикнул Нокс. Она не могла так уйти. Особенно после этого поцелуя. — А как насчет нас с тобой?

Вики уже почти вышла на улицу. Наверное, подумал Нокс, тут нужен какой-нибудь очень сильный аргумент.

— А как же Пулитцеровская премия? — сделал он еще одну попытку остановить ее.

Она действительно остановилась.

— Разрешаю тебе получить ее вместо меня!

И тут же зашагала снова.

Он спрыгнул со ступеней мэрии, поморщившись от боли. Рана давала о себе знать.

— А как насчет фотографии Бэтмэна? — в отчаянии крикнул он.

— Если он захочет, чтобы я его сфотографировала, он знает, где меня найти.

Она свернула за угол и исчезла из виду. Так закончилась еще одна глава из жизни блестящего репортера Александра Нокса; завершилась, не успев начаться, еще одна его любовь. Это было бы для него сильным ударом, если бы не надо было спешить, чтобы подготовить вечерний выпуск.

Он оглянулся назад. Харви Дент вновь подошел к микрофону.

— Сегодня утром мы получили записку от Бэтмэна, — начал Дент, вынимая из кармана сложенный лист бумаги. Он прочитал:

— «Готэм-Сити приходит в себя после случившегося в нем преступления. Но если силы зла поднимутся вновь, чтобы омрачить жизнь города, позовите меня».

Если силы зла поднимутся снова, чтобы омрачить..? Звучит несколько высокопарно. Нокс усмехнулся. Но, похоже, это будет замечательный материал. Читатели такое любят.

— Есть вопрос! — крикнул он из толпы, где чувствовал себя гораздо лучше, чем там, на возвышении. — Как мы сможем его найти?

— Он оставил нам условный знак, — ответил Гордон. Пройдя в дальний конец площадки, где был установлен прожектор, Гордон включил его. Яркий луч, упавший на стену собора, высветил изображение летучей мыши в желтом круге.

Да, думал Нокс. Это тоже должно понравиться публике. Вики Вэйл, возможно, ушла из его жизни, но Бэтмэн остался.

Он добьется Пулитцеровской премии.

День клонился к вечеру. Вики медленно шла по городу, который чувствовал себя в большей безопасности, чем прежде. Два мальчика выбежали из переулка. У обоих за спинами раз-

вевались накидки, сделанные из стареньких одеял. Они чуть не столкнулись с ней.

— Извините, мэм, — сказал один из них. — Мы играем в Бэтмэна.

Она задумчиво проследила за ними взглядом. Так приятно видеть беззаботно играющих детей.

Сверху донесся звук тяжелых шагов по крыше. Она подняла голову. Там стоял Бэтмэн.

Около затормозила машина. Сидящий за рулем лимузина Альфред махнул рукой.

— Я подумал, что у вас есть повод выпить шампанского, мэм, — сказал дворецкий.

Вики снова посмотреле наверх. Бэтмэна там уже не было.

Она села в машину. В ведерке со льдом стояла открытая для нее бутылка.

— Мистер Уэйн просил передать, что он немного задержится, — сообщил Альфред.

Вики налила шампанское в стакан.

— Да, я знаю, — ответила она.

Солнце спустилось над Готэмом, и они выключили сигнал Летучей мыши. Теперь это был спокойный город. На улицах смеялись люди, играла музыка — жизнь шла своим чередом. А сверху за происходящим молча наблюдали гаргульи на крыше старого собора. Существовало старинное поверье, что они защищают от злых сил.

Одна из гаргулий пошевелилась.

Я — Бэтмэн.

КРЕЙГ ШОУ ГАРДНЕР

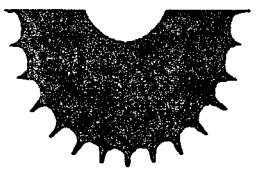
БЭТМЭН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

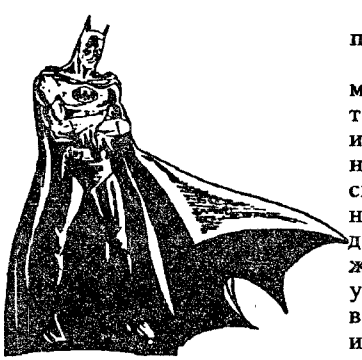
Роман Крэйга Шоу Гарднера по сюжету Дэниэля Вотерса и Сэма Хэмма, сценарию Дэниэля Вотерса и образу, созданному художником Бобом Кейном.

Перевод с английского — *В. Чиколини.*

Редактор — *А. Цветков.*

ПРОЛОГ

В Готем-Сити нынче небезопасно.

Город переполнен до краев, шумен и замусорен. Я имею в виду не только полиэтиленовые обертки из-под гамбургеров, использованные булавки и сброшенные в реку смертельные химикаты, но и разный сброд, отбросы общества. Бродяги, пьяницы и наркоманы, жулики, мелкие воришки и убийцы. Парни, которые вцепятся вам в глотку, если вы забредете на их улицу, и пристрелят — если позовете на помощь. И иногда, в шумной, обремененной заботами толпе, даже не отличишь подонка от добропорядочного соседа.

В Готем-Сити нынче небезопасно. Почему никто не может его вычистить? Если бы только город был таким, как раньше, когда на лицах сияли улыбки и все верили в Американскую Мечту и вес доллара. Назад в пятидесятые, когда каждый знал свое место, а свои проблемы держал при себе!

Давайте вернемся в те далекие счастливые дни в начале пятидесятых. И в самое счастливое время года — в Рождество.

Правда, наша история начнется несколькими месяцами ранее в большом доме на большой улице, где живут большие люди с большими деньгами. Сегодня мужчина и женщина, о

которых пойдет речь, станут во много раз счастливее — у них родится ребенок!

Но и у богатых не все гладко.

Будущий отец меряет шагами холл второго этаже, достаточно широкий, чтобы разместить целых три семьи из пригорода. Он нервно курит. Из комнаты рядом доносятся стоны роженицы. С минуты на минуту ребенок появится на свет.

Но вот стенания прекратились. Вокруг ни звука, лишь гнетущая тишина. А через мгновение послышался новый голос. Но в этом голосе угадывается нечто липкое и чавкающее — то, чего не должно быть в детском крике.

Дверь отворилась. Из комнаты пошатываясь, как будто она только что стала свидетелем чего-то столь ужасного, что еще не постигла собственных эмоций, вышла мертвенно-бледная акушерка. Она с трудом сообразила, как ставить одну ногу поперед другой, и медленно побрела вниз по лестнице. Следом появился доктор с белым как мел лицом, будто, сотни раз констатировав смерть, он наконец увидел нечто страшнее.

Отец больше не мог выносить этого. Мимо посеревшего доктора он рванулся в комнату, где находились его жена и младенец.

На секунду вновь воцарилась тишина. А затем пронзительный вопль отца пронесся по дому.

* * *

Но я обещал вам Рождество. И теперь мы переносимся на полгода вперед. Дом украсили, не жалея средств: огоньками, мишурой и, конечно же, высокой красивой декоративной елкой. Радио весело наигрывает рождественскую мелодию, а отец с матерью ставят на стол рождественский пирог. Малютка тоже здесь, в детском манеже, который в действительности больше похож на клетку: зато и с ребенком ничего не случится. Малыш любуется разноцветными огоньками, а радио напевает:

Он знает, когда вы спите...

Но что это там движется перед малышом? А, это тихо крадется непослушный домашний кот. Впрочем, недостаточно быстро, чтобы мальчик его не заметил.

Он знает, когда вы проснетесь...

Карапуз попытался схватить кота, но тот исчез. Лишь мяукнул на прощание: впредь он никогда не будет надоедать крошке-охотнику.

Он знает, когда вам плохо и хорошо...

Малютка весело щебечет. Взрослые уже управились с пирогом и, может, съедят чего-нибудь еще.

Но никому не удается держать ребенка подолгу взаперти.

Поэтому, чуть позже, родители решили с ним немного прогуляться.

Какая чудесная зимняя ночь! Порой упадет несколько снежинок, но беспокоиться не о чем. Если на минуту замереть и не хрустеть снегом, слышно, как где-то поют рождественские гимны.

В парке им повстречалась другая пара, чей укутанный «сверток счастья» тихо посапывал в коляске. Поравнявшись, они пожелали друг другу веселого Рождества. Отец и мать натянуто улыбнулись. Но как только посторонние перестали их видеть, улыбки тут же слетели с их лиц. Они катили свою коляску со зловещим упорством. Но взгляните на нее: это большое плетеное чудовище с кожаными ремнями, крепко оплетающими малыша. Похоже, все это ради того, чтобы удержать случайные взгляды и закутанные в шарфы и шали любопытные носы, подальше от дитя. Отец и мать шли все дальше и дальше, пока не поднялись на старый, словно сошедший со страниц романа, мост, нависший над ревущим потоком. Они бросили взгляд по сторонам, но был уже поздний час и они были одни. Без лишних слов они подняли коляску и швырнули ее вниз, в клокочущую стремнину.

Коляска падала сквозь морозный воздух в быстро бегущие воды, которые унесут ее прочь, сквозь голый парк, мимо деревьев и изгородей предместья, вниз по течению в кирпич и бетон города, где в ручей впадают стоки канализации; а потом понесут вдаль, через большую метрополию, где ласковые волны сливаются с мраком Готема и где звезды уже не блещут.

Так коляска путешествовала сквозь темноту, окруженная отвратительными зловониями и криками существ, привыкших жить без света. Но каждый путь должен иметь своей конец — и коляска переплывала от одной трубы к другой, пока ручей не выбросил клетку на колесах на большой ледяной остров.

Когда волны толкнули коляску на ледяной берег, малыш услышал голоса и понял, что он не одинок. Из темноты шагнули четыре птицы, самые царственные, из тех, что вам когда-либо доводилось видеть — четыре императорских пингвина. Они взяли под стражу свое только что обретенное сокровище.

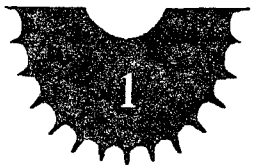
* * *

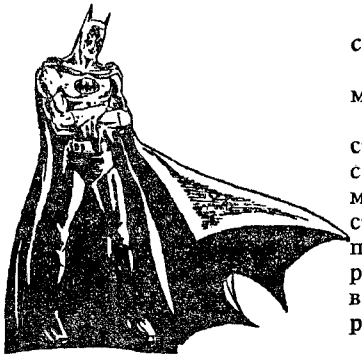
Довольно душевная история, не правда ли?

Но это случилось так давно! Теперь ребенок вырос, стал совсем взрослым.

В Готем-Сити нынче небезопасно. Боль и смерть слишком долго выжидали своего часа на улицах города.

Верьте мне. Ведь я — как раз та птица, что поможет им вырваться на просторы Готема.

И вот снова Рождество. Это случается каждый год.

Но на этот раз все по-особенному. Ведь у них есть Бэтмэн.

Достопочтенный глава семейства показывает жене покупку — снегокат с эмблемой летучей мыши. Ай-ай, приближается их старшенький — куда бы спрятать подарок? И отец, бегством спасая рождественский сюрприз, ныряет в толпу на Готем-Плаза, центральной площади Готем-Сити.

А вот маленькая прелестная девочка раскрывает свой драгоценнейший кошелек и вытягивает доллар — целый доллар! — на пожертвования Санта-Клаусу для Армии Спасения.

Очень мило, не правда ли? Люди напевая и улыбаясь толкутся по магазинам и даже катаются с ледяной горки, специально устроенной к сезону.

А взгляните сюда: прямо перед нами молодой человек преподносит девушке веточку спаржи. А какой нежный поцелуй он получает взамен! И повсюду рождественское веселье, верно? Чертовски мило.

Не переживайте так: райское удовольствие не может продолжаться вечно. Очень скоро все станет иначе — намного лучше.

Ух-ты, а это что еще за снежный кролик? Ну очень щедро одаренная молодая леди, одетая наподобие эльфа, за исключением диадемы и ленты с надписью «Ледяная Принцесса». Просто красотка. Ее улыбка потрясающе ослепительна, когда она говорит в микрофон:

— Минутку внимания, Готем-Сити!

И тут же весь Готем-Сити — покупающие, поющие, улыбающиеся и целующиеся — все устремили на нее взгляды. Она снова улыбнулась — а может, она никогда не прекращала улыбаться, — и посмотрела на изящные часы, свисавшие с фонарного столба, неплохой копии произведения искусства. Стрелки застыли на без пятнадцати семь.

Она взволнованно защебетала в микрофон:

— Настало время зажечь нашу елку. Как вы думаете?

Она нажала большую разноцветную кнопку перед собой. Но что произошло? Огромная рождественская елка посреди Готем-Плаза вспыхнула разноцветными огнями. Никаких неожиданностей.

Во всяком случае, пока никаких.

«Ах!» — Готем-Сити был восхищен. — «О-о».

Но сюрприз скоро будет.

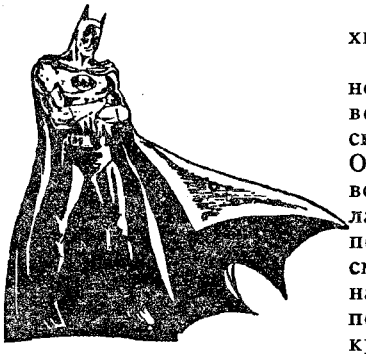
Подождите... Вы спросите, кто вам это говорит? Кто там притаился в темноте? Когда он подсматривал за ними через канализационную решетку, не вспомнилось ли ему, как много лет назад, будучи еще ребенком, он выглядывал из-за решеток детского манежа на яркие рождественские фонарики и как потом любовался на них из прогулочной коляски, и река окружала его.

Но того малыша уже нет. Он вырос и повзрослел. И он получил от жизни пару уроков. Первое, что он выучил, — коротенький веселый мотивчик. Если позволите, я напою его:

Я знаю, когда вы спите, я знаю, когда вы проснетесь.

Скоро. Теперь уже очень скоро.

Хлопот у дворецкого всегда хватает.

Альфред, с ловкостью испытанного бойца, увернулся от столкновения и продолжил свой путь сквозь толпившихся покупателей. Он выполнял подобные поручения вот уже больше сорока лет. Сначала для Томаса Уэйна и его жены, а потом, после их трагической смерти, для их подрастающего сына — Брюса. В эти последние дни перед Рождеством ему предстоит купить гуся к столу, несколько новых украшений для елки и, может быть, небольшие подарки для друзей и знакомых хозяина.

Во всяком случае, рассуждал он, взяв на себя эти мелочи, он немного облегчит жизнь господину Брюсу. В последние месяцы хозяин думал совсем о другом.

— Новости! — закричал разносчик газет, словно из-под

земли возникнув перед Альфредом. — Последние новости! Обнаружение Пингвина! Читайте в газетах: потерянное звено между птицей и человеком? Покупайте газеты!

Альфред одним взглядом окинул сенсационный заголовок в «Готем Геральд»:

ПИНГВИН:
ЧЕЛОВЕК ИЛИ МИФ,
ИЛИ НЕЧТО УЖАСНЕЕ?

— Газету, мистер? — разносчик держал ее перед дворецким.

— Мой мальчик, — ответил Альфред, — чтение подобного рода вздора иногда развлекает. — Он нахмурился. — Но в большинстве случаев — это просто потеря времени.

Мальчишка с газетами давно исчез, но Альфред был по-прежнему мрачен. Он готов был поклясться, что заметил какое-то движение за решеткой водостока у себя под ногами.

Без сомнения, это не что иное, как отблеск огней.

А ведь он чуть ли не надеялся, что кто-то там прячется в тени. Альфред ухмыльнулся. Если он не будет следить за собой, то скоро станет таким же подозрительным, как господин Брюс.

Да за кого мэр меня принимает, думал Макс, за обыкновенного горожанина?

Макс Шрек заставил себя успокоиться. В конце концов, мэр явился к нему, в офисы корпорации Шрека, пусть даже после нескольких часов ожидания. Макс напомнил себе, что должен быть полюбезнее с политиком-пустозвоном, по крайней мере, до тех пор, пока не получит от него то, что ему нужно.

Мэр кивнул на сияющую за окном огнями рождественскую елку, установленную посреди Готем-Плаза.

— Будем надеяться, что в Готеме будет первое веселое Рождество за долгое время. — Он постучал костяшками пальцев по крышке стола, словно боясь сглазить.

А Его Честь становится сентиментальным. Макс почувствовал, что с мэром нужно быть помягче. — Я ощущаю себя грубияном, совершающим святотатство, — он улыбнулся, — упоминая в Рождество о новой энергетической станции. — Он сделал паузу и хлопнул кулаком по раскрытой ладони. — Но если мы собираемся рыть котлован — а нам придется его рыть, так или иначе, — то мне необходимы разрешения, постановления мэрии, освобождение от налогов... — Он передернул плечами, вспоминая остальное. — Ну, всю эту чепуху.

Мэр непонимающе уставился на Макса, как будто никогда не слышал об энергостанции. И он действительно никогда о ней не слышал. Но Макс Шрек не позволял подобным мелочам вставать на своем пути.

— Энергостанция? — резонно возразил мэр. — Макс, наши расчеты показали, что в Готеме достаточно электроэнергии, даже чтобы выдержать рост населения в следующем столе...

Шрек оборвал его раскатистым хохотом.

— Ваши специалисты принимают прирост за один процент в год. Да разве это рост? Это даже не назовешь временным повышением рождаемости. В будущем я намерен возродить Готем-Сити! — Он сделал красивый жест на мерцавшие по ту сторону огромного зеркального окна огни. — Да в будущем мы сможем залить светом всю эту площадь, не экономя на неоновых вывесках и витринах! Или вы без ума от слова «экономия»? — Макс неодобрительно рассматривал мэра.

На какое-то мгновение, когда дверь офиса отворилась, пропуская его сына Чипа и секретаршу Селину Кайл, он оторвал взгляд от политика. Настал тот момент, когда необходимо с ходу завершить это дело.

Макс раскрыл обе ладони перед лицом мэра.

— Представьте Готем-Сити будущего, сияющий как звездное небо. — Он сжал кулаки, разжал и сжал их снова. — И к тому же мерцающий — то погрузится в темноту, а то вспыхнет всеми цветами радуги! — Он тряхнул головой. — И вся эта роскошь — по низкой до смешного цене! Честно говоря, я склоняюсь перед величием картины, господин мэр!

Чип быстро, но тихо двинулся через комнату к отцу. Уважение, которое он выказывал старику, скрывало в молодом человеке прежнюю футбольную звезду колледжа. Однако Максу нравилось такое единство — звездное прошлое и уважение. В действительности, он даже требовал, чтобы было именно так.

— Отец, — Чип прервал их, указывая на огромных размеров панельные часы на стене. — Господин мэр, настало время спуститься вниз и раздать ежегодные рождественские подарки горожанам.

О, вспомнил Шрек. Уговаривая мэра, он совсем позабыл об этом. Наверное, он немного выбился из графика. Но Макс не даст Его Чести так просто уйти от дела. Он повернулся к мэру с самой лучшей из своих улыбок.

— Извините, — решительно отказал мэр прежде, чем Макс успел что-либо добавить. — Сперва вы должны представить на рассмотрение отчеты, планы и проекты в низшие инстанции, через обычные каналы.

Улыбка слетела с лица Макса. За кого он, этот второсортный политикан, его принимает? Он не мог позволить мэру уйти сейчас, когда был так близко к успеху. Должен же быть какой-то метод заставить идиота признать свои ошибки!

Селина поставила на стол поднос с серебряным кофейником и парой изящных чашечек китайского фарфора.

— Гммм, — промычала она в нерешительности, — у меня к вам предложение. Ну, даже чуточку больше, чем вопрос...

Макс свирепо посмотрел на нее, моментально заставив замолчать. Он вынужден любезничать с мэром, но любезничать с Селиной — нет уж! О чем она думала, встревая в их разговор? Или она забыла, где место секретаря?

— Боюсь, мы еще не привили мисс Кайл хорошие манеры, — извинился перед мэром бизнесмен. Он, улыбаясь, махнул на поднос. — С другой стороны, она дьявольски здорово варит кофе.

Но, если уж он решил загнать мышку в угол, не стоит прерываться. Макс подтолкнул мэра из офиса, даже не притронувшись к кофейнику и чашкам.

Селина посмотрела вслед удаляющемуся боссу. Что она такого сделала?

Глупая овца!

Чип улыбнулся ей той улыбкой, от которой, наверное, таяли, растекаясь по полу, его сокурсницы в колледже, и которая была такой же фиктивной, как и его почасовая работа в фирме отца.

— Благодарю, — сказал он, галантно поведя рукой на кофейный поднос. — Во всяком случае, не твой кофе, а повиновение заставляет нас крутиться здесь целый день.

Он одарил ее очередной улыбкой, прежде чем повернулся и поспешил вслед за отцом.

Селина подождала, пока он скроется за дверью, а потом ответила:

— Пошел ты, Чип...

С секунду она пристально смотрела на поднос, затем с досадой шлепнула себя по лбу.

— Ну, даже чуточку больше, чем вопрос! Глупая овца!

Ей всегда хотелось продвинуться по службе и доказать мистеру Шреку, что она достойна должности административного помощника. Но за что бы она ни бралась — каждый раз раскрывая рот, попадала впросак. Она прекрасно поняла, что стояло за взглядом босса. Ей крупно повезет, если после сегодняшней выходки она сохранит работу.

— Овца. — Она снова хлопнула себя с изрядной силой. — Ну, какая же я овца!

Может она хоть раз сделать что-нибудь как следует?

Как только Чип догнал их, они на лифте для служащих спустились вниз, и Макс повел мэра по первому этажу Универмага Шрека, который был так важен для экономики Готема. Если Шрек преуспевал — процветал и город. Мэр, конечно, знал это, но напомнить — не повредит, решил Макс. Они втроем вышли через главный вход, мимо громадной вывески, изображавшей счастливого шрековского котенка, которого обожал

весь Готем. Весь Готем! И это знал мэр. Это было символом всего, на что опирался Макс Шрек, и намного большего — в будущем.

В ту же минуту, как только они вышли из магазина, их окружила толпа журналистов. Фотовспышки слепили им глаза, десятки вопросов оглушали, а телевизионные камеры, поворачиваясь, следили за каждым их шагом. Такова цена славы! Народу собралось так много, что казалось, весь Готем был здесь. Макс приветливо кивнул толпе, мэр — помахал рукой, а Чип — просто улыбнулся.

Когда процессия пересекала площадь, Макс заметил сборщика пожертвований для Армии Спасения, наряженного Санта-Клаусом. Удачная получится фотография! Пора составлять себе имидж милосердия и добродетели. Макс остановился и будто потянулся за бумажником. Он выудил две купюры и протянул их Санта-Клаусу. Та, что сверху, была на пятьдесят «баксов». Вспышки фотокорреспондентов весело замерцали.

Парень из Армии Спасения нахмурился, потому что вторая купюра была всего лишь на один доллар. Смышленный попался Санта-Клаус! Однако это уже не имело значения — ведь телекамеры передвинулись вслед за Максом, Чипом и мэром. Армия Спасения уже перестала быть им интересной.

Чип тронул отца за рукав.

— Гляди, куда наступаешь. Ты выглядишь довольно нелепо.

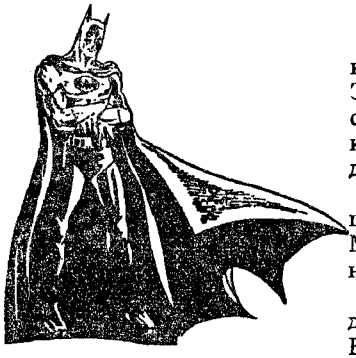
Макс посмотрел на ручеек тающей слякоти под ногами, на которую указывал Чип. Сын прав, в этом городе невероятно грязно. Макс шагнул на сухой островок на краю решетки водостока.

Шрек нахмурился. Когда он провожал взглядом дорожку грязи в водосток, ему что-то почудилось там, внизу. Нет, не крыса, которую он ожидал бы увидеть. По размеру это существо выглядело намного большим, нежели крыса. Как будто кто-то стоял там под зонтиком.

Под зонтиком?

Макса передернуло от этой мысли. Он был на вершине мира. Какое ему дело до того, что, или кто, живет в его дни в канализации?

Овца!

Селина изучала прилаженные к компьютеру листки с заметками. Эти памятки помогут ей приспособиться, отличиться в конкурирующем мире «Шрек Индастрис».

«Делай вид, что не понимаешь шуток», — гласила одна из них. Макс не любил когда Селина становилась слишком умной.

«Оставь печаль для своего дневника», — наставляла другая. Высший эшелон власти Шрека не желал слышать о ее проблемах. И правда, они вообще ни о чем другом, кроме как об идеях по приумножению капитала, слышать не желали.

Но ни одна из памяток, находившихся перед ней, не отвечала на главный вопрос: почему она до сих пор здесь крутится? Если б она только знала, чего ей не хватает! Будь у нее это золотое правило, Макс и его друзья улыбнулись бы ей в следующий раз, и повышения затем следовали бы одно за другим.

Но чего же Макс от нее хочет? Как только Селина задала себе этот вопрос, она уже знала ответ. Он был таким простым: одно-единственное слово.

Повинуйся.

Она написала его на листочке отрывного блокнота и прикрепила поверх других.

За окном слышался гомон веселой толпы, ожидающей речи Макса. Зазвонил телефон. Ну и пусть. Сегодня такой неудачный день, что она не хочет никого слышать.

Ее ведь могло и не быть на месте, верно? Она могла бы быть внизу. Но зачем? Она помрачнела. Неужели она опять о чем-то забыла? Ее взгляд пробежал по столу и остановился на блокноте, лежавшем рядом с трезвонящим телефоном.

На ярко-желтом листке блокнота большими печатными буквами было выведено: «РЕЧЬ». Речь Макса. Речь, которую она сама же написала, а потом забыла передать боссу.

О, нет. На этот раз она влипла по-настоящему.

— Проклятие. — В который раз за день она хлопнула себя по лбу.

Ну, кто здесь самая большая овца?

Макс не мог этого так оставить. Он был не тем человеком, чтобы ждать. Ему нужно было одобрение мэра, и он хотел получить его именно сейчас. А если мэр не даст согласия по-хорошему, Макс возьмет его сам, любым доступным ему способом.

— Подписей только моих служащих уже достаточно для того, чтобы поставить вопрос об отзыве не выполняющего своих обязанностей мэра, — по-прежнему с улыбкой на лице произнес Макс. Он снисходительным жестом позволил мэру первым подняться на трибуну. — Это не угроза, — добавил он, — а лишь элементарная математика.

Мэр пошел впереди и, обернувшись, улыбнулся.

— Может, и так, но ведь у вас нет результатов голосования, Макс, да и новой кандидатуры тоже нет.

Макс последовал за Его Честью наверх. Оба, прежде чем занять свои места в обязательном порядке, получили по поцелую от Ледяной Принцессы.

Часы позади подиума показывали без пяти семь. Пора было начинать представление.

Профессиональным движением, а он, в сущности, и был профессионалом, мэр сгреб микрофон.

— Здесь, чтобы творить добро и впредь, человек, который столько уже сделал для нашего города! — объявил Его Честь толпе. — Добро пожаловать, Санта-Клаус Готема — Макс Шрек!

Макс подумал, что мэр, пожалуй, немного переиграл. Санта-Клаус Готема? Слишком откровенно. Впрочем, во всем Готеме нет такой толпы, которую глава «Шрек Индастриес» не смог бы завоевать.

Он раскрыл свою папку. Но там было пусто.

Чип заглянул ему через плечо. На его лице застыл немой вопрос: «Что-нибудь не так, отец?»

— Забыл... — сквозь крепко стиснутые зубы процедил Макс сыну.

— ...свою... — продолжил он.

— ...речь, — заключил Шрек. — Напомни потом, уж я отыграюсь на Селине. — Хорошая мысль никогда не приходит вовремя.

Что ж, он бывал и в не таких переделках, выберется и из этой. Главное — быстрее отделаться.

Он повернулся лицом к толпе, и плотно сжатые губы превратились в великолепную улыбку.

— Санта-Клаус? Боюсь, что нет. Я всего лишь бедный маленький чудак, которому перепало немного удачи. И не судите меня строго, коль скоро я хочу поделиться ею.

Он указал на груду ярких коробок, расположенных между

ним и сыном, в которых все те же не стоящие ничего сувениры, ежегодно присылаемые в его Универмаг. Он даже не знал точно, что именно было в коробках на этот раз. Ему было известно только то, что там находятся товары, в избытке запасенные Универмагом.

— Мне бы хотелось дать вам больше, чем просто дорогие безделушки, — неудержимо продолжал он. — В день рождения нашего Спасителя я бы хотел протянуть вам Безграничную Любовь и Всеобщий Мир, перетянутые огромным розовым бантом.

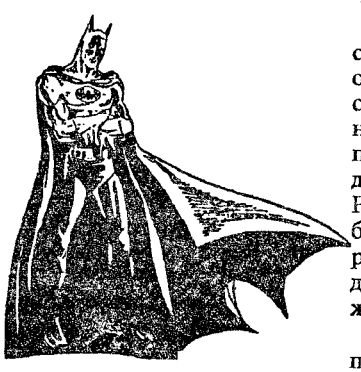
Макс хочет дать каждому подарок, перетянутый большим бантом?

— Чтож, ты можешь, — пробормотал приземистый человечек, стоявший под зонтом. — И ты это сделаешь! — Он раскрыл слегка проржавевшие, но все еще элегантные, богато украшенные карманные часы. Главное — часы шли всегда точно.

Время? Осталась одна минута.

Пора закрывать зонтик.

4

Пока Макс Шрек произносил свою речь, Альфред умудрился обогнать двух последних счастливых покупателей. Макс нес абсолютную чушь, а толпа приветствовала это. О, да, думал дворецкий, сама жизнь меняет дух Рождества. Наверное, он должен быть более милосердным. Он был рад покинуть этот сумасшедший дом, пока здесь не стало слишком жарко.

Он остановился и поставил покупки, чтобы отпереть дверь ролс-ройса. В этот момент на лобовом стекле он заметил квитанцию о штрафе. Неужто надо обязательно испортить ему рождественское настроение? Конечно, для дорожной полиции — это лишь работа. Но все же, полезнее было бы выслеживать разгулявшихся преступников, а не развлекаться, раздаривая штрафы за стоянку в неположенном месте.

Рев толпы стал раза в два громче. Несмотря на свою рассудительность, Альфред бросил последний взгляд на толчею.

Там, поверх голов, виднелось нечто вроде громадной коробки, упакованной словно исполинский рождественский подарок в яркую бумагу и разноцветные ленточки. Ее появление было встречено оглушительными возгласами.

Большие часы посреди площади пробили семь. Фактически, все часы в городе отбивали семь, еще больше увеличивая шум.

Альфред сорвал квитанцию со стекла и обошел машину, направляясь к двери водителя. Через минуту он будет уже выбираться отсюда.

Макс был потрясен видом коробки. Подарок был размером с дом, да и не самый маленький.

— Потрясающая идея, — заметил мэр. В первый раз за вечер Макс услышал нотки неподдельного восхищения в голосе политика.

— Но не моя, — вынужден был признать Макс. Он должен продолжить свою речь! Но он сомневался, что они услышат хоть слово. Он посмотрел на край помоста, где его сын начинал раздавать толпе подарки. Первая же упаковка выскользнула из руки сына и упала на решетку водостока перед подиумом. Чип стоял, завороженно глядя на гигантский подарок, продвигавшийся на них через площадь.

* * *

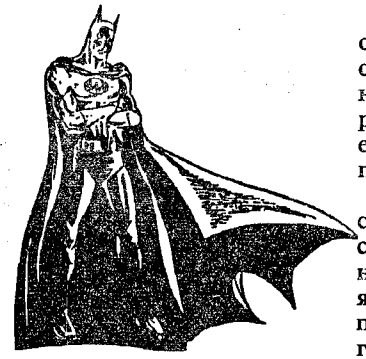
Что это? Маленький сувенир в яркой упаковке упал на прутья как раз над его пунктом наблюдения.

Маленький человечек закудахтал.

— Украшайте мой вестибюль, — прошептал он.

Как великодушно с их стороны! И как это гармонирует с тем, что он сам преподносит подарок всему Готем-Сити.

5

Это часть его работы, убеждал себя комиссар Гордон, но он не стал от этого счастливее. Особенно, когда толпа выросла до таких размеров, устремившись за ежегодными рождественскими подарками Шрека.

Если такое количество людей скапливается в ограниченном пространстве — уже потенциальное несчастье. А тут еще Шрек настоял, чтобы его сын раздавал бесплатные подарки. Неужели и этого мало?! Нет, этот помешанный на славе владелец универмага прибегнул к уловке с громадным сюрпризом, даже не поставив предварительно в известность полицию.

Наверное, есть закон, рассуждал Гордон, по которому для острастки можно привлечь Шрека к ответственности. Но мэр никогда не пойдет на это. В конце концов, Шрек был основным спонсором на его выборах.

Ну, да ладно, Гордон недовольно посмотрел на яркий бок коробки. Через несколько минут все это кончится. До сих пор еще никто не погиб. Во всяком случае, сам он сидит в своей патрульной машине, в стороне от давки и бесконечной речи Макса Шрека.

Гордон внимательно осматривал огромный ящик, который вкатывали на площадь. Тот был выполнен, как некоторые платформы на рождественских карнавалах. Глядя на основание платформы, он различил колеса на каждом из углов. Они-то и двигали ее вперед. Однако колеса не от грузовика, слишком тонкие и близко расположенные друг к другу. Гордон догадался, что платформу тянут четыре мотоцикла, а между ними комиссар разглядел множество ног. Интересно, неужели еще будет и вторая часть презентации?

Гордон тряхнул головой. Похоже, проблем будет чертовски много, даже для акулы средних размеров, какой является Шрек. Комиссар прикинул: не лучше ли будет связаться с другими машинами, расположенными вокруг площади? Кто знает, смогут ли они контролировать толпу, когда этот сюрприз раскроется?

Овца!

Она бы никогда не попала впросак, если бы сидела только на месте и ни во что не вмешивалась. Если Макс забыл свою речь, то это ее забота — отнести ему блокнот. Селина схватила конверт с тщательно подобранными словами поздравлений и поспешила к лифту.

Она надеялась, что не опоздает.

* * *

Гордон отключился от полицейской волны.

Готем-Плаза сходила с ума.

Огромный сверток с хлопком раскрылся. Три мотоцикла с ревом выскочили наружу, прямо в толпу. Люди пытались бежать, пронзительно крича, в безумстве шарахаясь от рычащих машин.

Четвертый мотоциклист рванулся из угла коробки, перелетел через ограждение вокруг площади и приземлился в самую гущу людей, столпившихся вокруг елки.

Некоторые вовсе не пытались спастись и были задавлены или отброшены в сторону хищными машинами. Из укрытия появился пятый мотоцикл и последовал за первыми тремя. Толпа была слишком плотной, и некуда было ускользнуть.

А в коробке было еще полно сюрпризов.

Верх раскрылся. Оттуда выпрыгнули пять акробатов. Кубарем влетев в обезумевшую толпу, они сбили с ног тех, кто еще стоял. Один из них нокаутировал возвышавшегося постового. Другой, сделав сальто в воздухе, перепрыгнул ближайших зрителей и приземлился у передвижной кухни, которую Шрек установил для бездомных. Повара, пока кулаки и ноги акробата крушили все на своем пути, не стесняясь спасались бегством.

У других акробатов, видимо, была иная цель. Они устремились прямо к сцене с рождественской елкой!

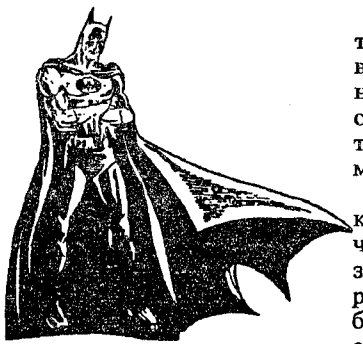
Кругом все было в смятении. Вызовы соседних патрулей так и сыпались на комиссара Гордона: все требовали директивы. Ополоумевшая толпа волной сливалась с площади, угрожая окружить машину комиссара. Пытаясь спастись, люди карабкались друг на друга. Наверняка кого-то затопчут. Детский снегокат с грохотом ударился в лобовое стекло автомобиля Гордона.

Необходимо что-нибудь предпринять. И был только один человек, способный на это.

Голос вернулся к комиссару полиции.

— Чего вы ждете? — рявкнул он в радиопередатчик. — Сигнал!

Брюс Уэйн одиноко сидел в темноте. Альфред ушел с рождественскими поручениями и пока еще не вернулся. Брюс был совсем один в Уэйн Манор, в темноте и тишине, один на один со своими мыслями.

Брюс не очень-то любил толкаться на улицах по вечерам. Это часто напоминало ему о другом зимнем вечере, когда он был еще ребенком. Родители взяли его с собой в предместья Готем-Сити, и они долго гуляли после наступления темноты. Они втроем чудесно провели тогда время: походили по магазинам, ужинали и зашли в кино. Он не мог припомнить, что б еще когда-нибудь у них был такой замечательный вечер. Весь тот день они только и делали, что смеялись.

А потом...

Брюс закрыл глаза, но он по-прежнему как наяву видел человека с револьвером, который шагнул из тени, чтобы ограбить их. Он по-прежнему видел как отец защищался, а мать звала на помощь. Он видел вспышки выстрелов и то как две пули сразили обоих — и отца и мать.

Они отняли у него родителей.

Теперь он заставит их заплатить.

Брюс открыл глаза и увидел в окне сигнал: его символ — силуэт летучей мыши в озере желтого света.

Брюс улыбнулся.

Он кому-то понадобился.

* * *

Все идет превосходно. Сначала мотоциклисты, потом акробаты, а теперь и вся остальная развеселая банда. Здесь будет как в настоящем цирке.

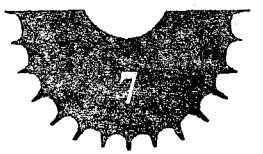
Факир — повелитель огня — размолотил витрину магазина игрушек. Затем он вставил в рот свою трубочку и дыхнул потоком пламени. Изысканно одетая Ледяная Принцесса бежала прочь, оттолкнув пожилую женщину, так что та грохнулась на

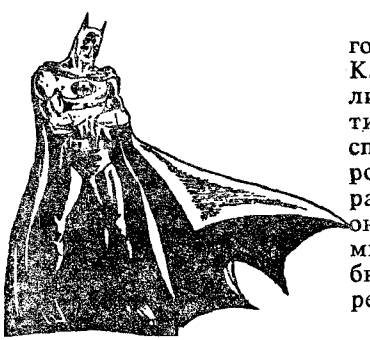
землю. О, дорогая, обернись к старушке: та упала и не может подняться. Через минуту-другую ее наверняка затопчут!

Горбатое существо хохотало в своем наблюдательном пункте из-за канализационной решетки. Если все пойдет по плану, — это будет последняя ночь, когда он смотрит на мир отсюда. Скоро он снова будет там, наверху, вместе со всеми жирными котами, а все эти собственники будут пялиться на него снизу вверх, потому что у него всего будет больше, чем у них всех, вместе взятых.

Он увидел, как сноп света расколол темноту неба. Он узнал бы этот черно-желтый сигнал где угодно. Он развеселился пуще прежнего.

— О-о, Бэтмэн, — сказал он своим странным скрежещущим голосом. — Я трепещу!

Пока лифт добрался до верхнего этажа, прошла целая вечность. Как только дверь открылась, Селина запрыгнула внутрь и заколотила по кнопке спуска, надеясь спасти хоть часть речи босса. Хорошо еще никто другой не собирался спускаться в это время, и она оказалась внизу менее чем за минуту. Пробежав через вестибюль, она выскочила на улицу через главный вход Универмага.

Ух ты, ну и шумно же здесь. На секунду она была почти счастлива — босс никогда не просил ее присутствовать на подобных мероприятиях. Как теперь его разыскать среди всех этих людей?

Три мотоциклиста вырвались из толпы и устремились прямо на нее. Она отпрыгнула с их пути. Мотоциклы прорычали мимо, все же слегка зацепив ее одежду.

Не отскочи она вовремя, ее бы размазали по асфальту. Что ж, промелькнуло у нее в голове, тренировки в гимнастическом зале и вправду принесли ей немного пользы.

Но какого черта эти ребята не смотрят куда едут? Они могут задеть кого-нибудь! Судя по пронзительным крикам, здесь творится что-то неладное.

Настоящий сумасшедший дом!

Шарманщик с большой красной шарманкой и усами, загнутыми как руль велосипеда, первым вышел на сцену. У него на плече сидела обыкновенная обезьянка, только вот у нее был пистолет.

Макс надеялся, что он заряжен пистонами.

Шарманщик усмехнулся в усы и направил шарманку на рождественскую елку. Он крутанул ручку. Инструмент изрыгнул короткую очередь. Ба! Да это ж пулемет! Украшение и цветные лампочки разрывались под перекличку пуль.

— Получи свое, елочка! — воскликнул музыкант.

На сцене теперь появились и другие вновь прибывшие: неприятный толстый клоун, какой-то парень в лохмотьях, то и дело засовывающий шпагу себе в глотку, и пестро разодетая женщина. Первый раз в жизни Макса не заинтересовали естественные округлости под ее одеждой, наверное, потому, что большую часть ее костюма составляли многие ряды ножей.

Мэр и Чип двинулись к краю платформы. Макс хотел было присоединиться к ним, но куда им бежать?

— Расслабьтесь, — сказала Леди с ножами. — Мы охотимся лишь за тем приятелем, что ведет это представление.

Мэр шагнул вперед.

Макс был поражен. Он всегда считал, что у мэра кишка тонка.

— Что вам от меня надо?! — с вызовом спросил мэр.

Шпагоглотатель рассмеялся и столкнул его Честь с платформы.

— Не от тебя, — не вынимая шпаги изо рта умудрился как-то произнести он. — Нам нужен Шрек.

Я? Макс лихорадочно соображал: куда бежать? Куда спрятаться? Славный старина Чип встал между ними. Макс выиграл еще секунду на отработку планов спасения.

— Ох уж эта храбрость! — пошутил клоун. — Идиотский городок!

В этот момент Леди-нож выхватила один из своих клинков и, метнув его в Чипа, рассекла тому ухо. О, Господи, подумал Макс, они оба в опасности.

— Сын! — воскликнул Макс.

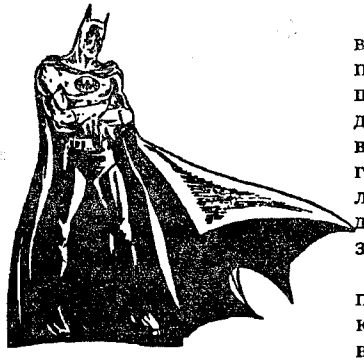
— Отец! — откликнулся Чип. — Спасайся!

Но Макс уже соскочил с платформы и в смертельном рывке устремился в толпу.

Чип окинул взором площадь и понял, что скоро это идиотское представление станет еще безумнее.

Там, на дальнем конце толпы, он увидел Бэтмобиль.

8

Нахлынувшая толпа подхватила Альфреда, когда он был почти в безопасности — в двух шагах от Ролса. В ту минуту, когда он уже собирался забраться внутрь, на площади раскрылся громадный сверток, и люди бросились в панике прочь, оттеснив дворецкого на несколько футов от заветной цели.

Автомобиль был совсем рядом, пуленепробиваемый, с небьющимися стеклами и телефоном внутри, по которому можно дозвониться господину Брюсу и вызвать подмогу. Но не было никакой возможности до него добраться. Все визжали и тщетно толкали друг друга: стадо, охваченное паникой и тупостью, двигалось без всякого направления.

А негодяи этого и добивались. Головорез на мотоцикле на полном ходу влетел в теснившихся людей и пропахал колесами несколько футов, в то время как с противоположной стороны напирали трое его друзей на ходулях. Заваруха, затеянная ряженными провокаторами, была кошмарной пародией на цирк.

Альфреду послышалось урчание двигателя, но на этот раз не мотоциклов, а более низкое и глубокое. Он надеялся, что узнал его.

Дворецкий вытянул шею и оглядел площадь. Он улыбался.

Альфред не ошибся: Бэтмобиль был здесь.

С двух сторон Бэтмобиля вылетело по лезвию, они раскрошили жерди ходуль, и пара мерзавцев уткнулась лицами в асфальт.

Но опасность еще не миновала. Альфред увидел циркового силача, чьи бугры мышц выпирали под облегающим костюмом. Громила бросился в атаку на беззащитных людей. В таком же порыве дворецкий бросился бы на помощь маленькой девочке. Силач надвигался на них.

Альфред бросил взгляд поверх голов на Бэтмобиль, расстреливавший свой арсенал на всю катушку — небольшие черные Бэт-диски со свистом резали воздух, поражая террористов. Бэтмобиль развернулся к дворецкому.

Ну, сейчас.

Альфред пригнулся, и очередной диск пропел над его головой и трахнул здоровяка по черепу. Татуированный медведь растянулся без сознания. Альфред выпрямился и улыбнулся, когда Бэтмобиль прокатил мимо.

Отличная работа!

Макс не верил своей удаче. Это лишь доказывало, что могут сделать пара все еще быстрых ног и всепоглощающий страх. Правда, и один только страх перенес бы его на это расстояние. Ему пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание и обдумать следующий шаг. Он помчался стрелой по одной из боковых улиц, вырвавшись наконец из орущей толпы — рядом осталось всего лишь несколько человек.

Макс замедлил шаги. Он почувствовал, как у него из-под ног, из канализационного люка, поднимается горячий воздух. Странное тепло, но в то же время оно успокаивающе отличалось от зимней стужи, особенно сейчас, когда его потные лицо и руки мерзли под ветром Готема. Наверное, он постоит здесь минуту-другую и попытается понять, что же происходит вокруг. В конце концов, он только что избежал смерти, ушел от погони и неминуемого плена.

Впервые за вечер Макс задумался, не сможет ли он обернуть эти беспорядки в свою пользу.

Активные действия всегда эффективны.

Он уже позаботился о мерзавцах в центре площади. Теперь он должен разделаться с оставшимся на периферии сбродом. Он развернул Бэтмобиль на трех гангстеров, похоже, пытавшихся разгромить соседние магазины.

Эта троица была разодета клоунами. Бэтмэн признал наряды особенно подходящими. Он слегка накренил Бэтмобиль, так что вся троица оказалась у него на пути, и вдавил акселератор. Клоуны обернулись и открыли стрельбу. Пули отскакивали от корпуса, не причиняя ему никакого вреда, и Бэтмобиль продолжал нестись за своей добычей.

Одному из клоунов удалось отпрыгнуть, но два других получили хороший удар бампером. Через минуту он вернется и за третьим. Бэтмэн развернул машину на факира, дышащем огнем на демонстрационную витрину магазина игрушек.

Минутку: парочка тех клоунов все же умудрилась зацепиться за бампер. Один из них, взобравшись на капот, выпустил обойму в лобовое стекло. А тот, третий, которого он упустил, поливал его свинцом позади. Иногда дети просто не знают, когда следует остановиться.

Бэтмэн ударил по тормозам.

Бэтмобиль резко остановился, и сила инерции сбросила обоих клоунов на факира. Все трое влетели в разбитую витрину.

Остался последний.

Нажав на клавишу, Бэтмэн включил гидравлический домкрат. В течение нескольких секунд стальной каркас домкрата полностью раскрылся под днищем машины, оторвал Бэтмобиль от земли и затем развернул его на сто восемьдесят градусов, так что лавка игрушек оказалась в тылу.

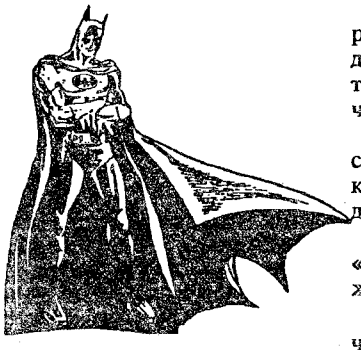
Запуская заново двигатель, Бэтмэн уловил позади себя какой-то звук. Странно, но факир опять был на ногах: он выпрыгнул из витрины, собираясь плеснуть огнем на Бэтмобиль.

Бэтмэн вдавил акселератор в пол. Факира окутало выхлопными газами. Сквозь дым Бэтмэн разглядел в зеркале заднего вида пылающего фокусника: бедняга сам стал жертвой своего искусства, полыхает как рождественская елка, подумал Бэтмэн.

Так, где там последний клоун?

Бэтмэн задаст и ему жару.

9

Селина подозревала, что с речью Макса она уже опоздала. В действительности, судя по смятению толпы, было поздно вообще что-либо предпринимать.

А тут еще этот клоун схватил ее сзади. Парень, одетый в костюм клоуна, сгреб ее в охапку и ткнул дулом пистолета в шею.

Он пробормотал что-то вроде: «Никогда им не взять меня живым».

Селине почему-то показалось, что он не склонен к беседе. Когда клоун обхватил ее, она услышала, как что-то хрустнуло под ногами. Ей удалось взглянуть вниз: новенький каблучок отломился от ее сверхмодной туфельки.

Вот, пожалуйста, рассердилась Селина. Эти «лодочки» стоили ей немалых денег.

Теперь она разошлась не на шутку.

— Я бы не стала возмущаться, — многозначительно сказала она разъяренному клоуну, — но вы испортили мои лучшие туфли!

Загнанный в угол клоун недоуменно уставился на нее.

— Неужели, будучи королем, вы бы сломали мне челюсть? — продолжала она. — Тело-то заживет, но в магазине это была последняя пара моего размера!

— Вокруг полно нормальных людей, но какого же черта я выбрал именно тебя? — взорвался циркач.

Селина открыла было рот...

— Заткнись! — прошипел клоун.

Да, подумала Селина, кто-то определенно встал сегодня не с той ноги. Эта гадина теперь приставила дуло к ее лицу. Может быть, рассуждала она, ей стоит побеспокоиться о чем-то более важном, нежели туфельке?

Перед ними с визгом затормозил Бэтмобиль. Дверь распахнулась, и наружу выпрыгнул человек, одетый во все черное. Это был Бэтмэн. Он шел прямо на них.

Какой-то акробат отделился от толпы и, кувыркаясь колесом, направился к человеку в черном. Эти циркачи повсюду! Облегающее мускулы трико дополняла очень приличная на вид накидка. Бэтмэн одним хорошо поставленным ударом отбросил его в сторону.

Клоун, взявший девушку в заложницы, учел это. Он махнул пистолетом в сторону Бэтмэна, но сразу же перевел дуло обратно на Селину.

— Послушайте, мистер Человек-Летучая мышь, — его голос гремел в ушах Селины. — Еще один шаг и я...

Бэтмэн с улыбкой повернулся к ним.

— Не сомневаюсь, — бросил он.

Он выхватил из набедренной кобуры что-то вроде пистолета и выстрелил в клоуна дротиком. Клоун отдернул голову лишь когда стрела намертво вонзилась в стену позади них.

— О, отличный выстрел, мистер... — перепуганный клоун залился смехом.

Бэтмэн не дослушал. Он резко потянул за тонкий трос, соединенный с дротиком. Кусок стены откололся вместе с маленьким копьем и угодил точно в голову клоуна. Тот пошатнулся. Селина не упустила свой шанс.

— Вам не следовало оставлять мне второй каблучок. — Она больно ударила острием каблука клоуну по колену, окончательно лишив того равновесия.

Он неуклюже повалился на землю. Бэтмэн шагнул и склонился над противником. Рука в перчатке потянулась вниз и вывела темно-красный треугольник татуировки над левым глазом клоуна.

Селина не могла оторвать взгляда. Вот это да! Бэтмэн, герой миллионов и, между прочим, отлично сложенный, был в нескольких дюймах от нее. Ну, Селина, вперед! Такой шанс выпадает раз в жизни. Скажи же что-нибудь!

— О-о,— начала она. — Бэтмэн... или просто Бэтмэн?

Он не ответил. Она попыталась улыбнуться.

— Впрочем, — с сожалением добавила она, — это ваше дело.

Бэтмэн посмотрел на нее, и на мгновение их глаза встретились. У него были прекрасные глаза. Ей даже показалось, что она угадала слабый намек на улыбку под черной маской.

— Я должен идти, — сказал он.

И пошел. Пройдя с полквартала, он остановился переговорить с комиссаром города. Вокруг них собирались люди, радостно приветствуя избавителя.

И это все? Ее большая встреча с Бэтмэном? Ей не за что было его винить. Неудивительно, что он не стал ждать пока она неуклюже пыталась завязать разговор.

— Да, не очень-то продолжительное знакомство, — пробормотала она. — Как впрочем и со всеми мужчинами в моей жизни. — Селина язвительно усмехнулась. — С *какими* мужчинами?

Она посмотрела на лежащего без сознания клоуна у нее под ногами.

— Ну, вот ты. Тебе нужен хороший уход и терапия. — Она наклонилась и подняла его пистолет. Ей не удалось хорошенько рассмотреть оружие, когда то упиралось ей в горло. Оно не было похоже на обычный пистолет, скорее на оружие будущего, стреляющее электричеством или чем-нибудь еще.

Она прицелилась в клоуна. Ой, неужто она нажала на спусковой крючок? Клоун передернулся и неестественно напрягся, словно его тряхнуло током из пистолета. Она еще раз решительно потянула за курок.

— Электрошоковая терапия, — заверила она по-прежнему бессознательное тело. — Выгодная сделка. Теперь мы оба чувствуем себя гораздо лучше.

До Макса донеслись торжественные крики. Быть может, резня закончилась? Наверное, ему стоит вернуться и присоединиться к празднованию победы?

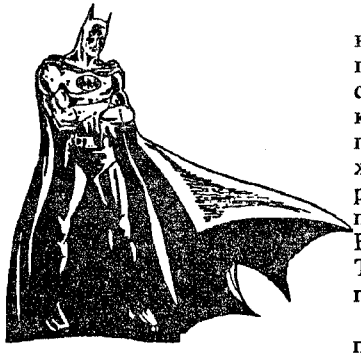
Канализационная решетка, на которой он стоял, неожиданно ушла у него из-под ног. Не успев даже как следует вскрикнуть, Макс провалился вниз. Падая, он заметил, как решетка с грохотом встала на место у него над головой.

Он приземлился на что-то мягкое. Но на этом его путешествие не закончилось.

Что-то обхватило его за лодыжки. И это *что-то* потащило его в темноту.

Ради приличия Макс закричал по-настоящему.

10

— Спасибо, Бэтмэн, вы спасли нам праздник, — откровенно признался комиссар Гордон. — И спасибо, что выставили нас кучкой болванов. — Он захохотал с примесью зависти в голосе, но все же с чувством пожал Бэтмэну руку, наблюдая как его люди подбирали раненых гангстеров. — Боюсь, Цирковая Банда «Красный Треугольник» снова вернулась в город.

Бэтмэн обвел взглядом место побоища.

— Посмотрим. — Вот и все, что он ответил.

Гордон хотел выяснить, что тот подразумевал под этим. Но, прежде чем он успел вымолвить слово, откуда ни возьмись появился мэр.

— Крестоносец в плаще! — прожурчал мэр. — Мы вас не заслужили! — Он улыбнулся, когда репортер из «Новостей» щелкнул фотоаппаратом. — Они чуть было не прихватили нашего инициатора и спонсора Макса Шрека. Но... — Его Честь осекся и нахмурился, глядя на уничтоженную елку и трибуну спикера. Понизив голос, он добавил: — И где же этот невыносимый сукин сын?

Он вопросительно посмотрел на то место, где только что стоял Бэтмэн, но там уже никого не было. Гордон лишь улыбнулся — он ничем не мог помочь растерявшемуся мэру. Бэтмэну ни к чему было стоять и слушать возомнивших о себе невесть что политиков.

Гордон завидовал сейчас Бэтмэну как никогда раньше.

Селина распахнула дверь в свою квартиру.

— Милый, я дома! — крикнула она и, подождав пока тишина не ответила ей закончила шутку: — Ой, я и забыла. Я ведь не замужем.

Старая шутка, зато ее собственная. С чувством исполненного долга она рассмеялась и оглядела свою берлогу: розовый ковер от стены до стены, который так хорошо гармонировал со светлой мебелью, полностью оборудованный кукольный домик, который она надеялась когда-нибудь доделать,

значительная коллекция мягких зверушек и неоновая вывеска «HELLO THERE»[1], за неимением мужчины здоровавшаяся с нею, и, конечно, рождественская елка. С ней квартирка выглядела еще веселее. Только бы работа позволила выкраивать побольше времени, чтобы наслаждаться этим уютом. О да, работающая женщина не может позволить себе всего.

Она открыла стенной шкаф и повесила свое длинное зимнее пальто. По глухому удару о стену она догадалась, что отобранный у клоуна пистолет до сих пор лежит в кармане. Неплохо, подумала она. Селина вытащила оружие и осмотрела его. У женщины никогда не бывает слишком много протекции.

Разоблачающее «мяу» заставило ее обернуться к полураскрытому окну. Ее киска вовремя вернулась к еде из вечерних скитаний.

— Мисс Китти! — поздоровалась Селина с любимицей, проходя в кухню. — Вернулась? Что, отказалась разделить сексуальные оргии? — Она отложила пистолет, достала из шкафа плошечку и открыла холодильник. — Не то, чтобы я всегда любопытна...

Она нахмурилась. Опять кончилась кошачья еда. А, есть еще молоко. Она плеснула немного в плошечку и поставила на пол.

— Вот твой ужин.

Мисс Китти царственно приблизилась, как будто ужин был всего лишь не больше чем наградой за возвращение домой. Измученная за день Селина прислонилась к кухонному столу. иногда она мечтала о беззаботном, как у кошки, существовании.

Она смотрела, как Мисс Китти умилительно лакала молоко.

— Что ты сейчас промурлыкала? — Селина изменила голос, чтобы он звучал по-кошачьи. — Как можно быть такой трогательной?

Селина кивнула в смирении. Ее голос стал прежним.

— Да, тебе я кажусь трогательной. Но я работающая женщина. Я должна выплачивать ренту. Если бы ты, вместо того чтобы развлекаться, входила в долю... — Фраза повисла в воздухе, а Селина пошла к телефону, взгроможденному посреди ее фотографий — свидетельств более счастливых и спокойных времен: вот она, ребенком, на трамплине, а вот — в свой пятнадцатый день рождения на лошади — тогда она лазила по горам во время школьных каникул. Она любила отдыхать, занималась спортом. Теперь же она бывала счастлива, если успевала вскочить в поезд метро.

Она нажала кнопку воспроизведения записи телефонного автоответчика, затем опустила старомодную кровать из ниши в стене.

1 Привет (*англ.*).

«Селина, дорогая». — Первое сообщение было от матери. В ее голосе всегда слышалось «это-для-твоей-же-собственной-пользы».

«Это мама, я звоню просто так...»

— О, конечно, — пробормотала Селина, предчувствуя, что за этим последует «но...»

«...но, — продолжала ее мать в соответствии с предвкушениями дочери, — я была удивлена, что ты не приехала домой на Рождество. Мне просто не понятно, почему ты предпочитаешь изнывать в Готем-Сити в качестве секретарши, когда ты...»

— Ассистента! — поправила Селина и нажала на перемотку. — Спасибо.

Она убрала палец, как только прозвучал сигнал начала новой записи.

«Селина, я насчет нашего совместного рождественского побега...» — Это был Пол, ее приятель. Его голос был еще занудней, чем обычно. — «Я еду один. — Он помолчал, будто не решаясь продолжить. — Доктор Шоу говорит, я должен быть самостоятельным человеком, а не приложением к кому-ли...»

— Посредственным приложением, — уныло отметила Селина, снова перематывая пленку. — Вечеринки никогда не прекращаются на автоответчике Селины Кайл. — Она вздохнула. — Наверное, я должна была дать ему выиграть в теннис в тот раз.

Еще гудок — еще одна запись.

«Селина, — начал грубый женский голос, — ты пропустила прошлое занятие по предотвращению изнасилований. — Голос подходил для нотаций не меньше, чем материнский. — Заниматься только боевыми искусствами — недостаточно. Ты психологически не должна видеть себя в качестве жерт...»

Она промотала дальше.

«Привет, Селина. — На этот раз голос был слишком знакомым. — Это звонишь ты сама. Хочу напомнить, что ты должна вернуться в офис, пока не забыла, и принести домой досье Брюса Уэйна. Встреча назначена на среду, и Макс-Рабовладелец желает, чтобы каждый факт был отпечатан твоими хорошенькими пальчиками!»

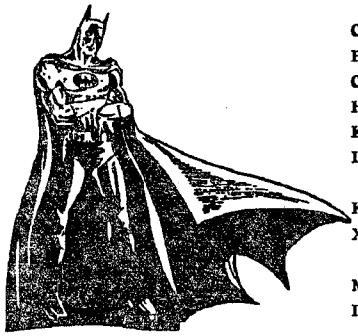
О, нет! Как она могла забыть. Впрочем, она знала как. Из-за того клоуна и вообще... Но все же! Селина схватила пистолет со стола и, всадив электрический заряд в бубнящий автоответчик, заставила аппарат заткнуться.

— Досье! — процедила она. — Ты, глупая овца! Дура! Набитая дура!

Она пошла обратно к стенному шкафу и достала пальто. Если бы не досье, она бы упала на кровать и уснула без задних ног. Почему нельзя жить проще, как ей мечталось, и делать все одновременно?

Мисс Китти мяукнула ей на прощание.

11

Макс раскрыл глаза. Ему не сразу удалось сфокусировать взгляд. Он не помнил, когда заснул. По правде говоря, он вообще немногое помнил с того момента, как удрал из компании сумасшедших циркачей.

Он не смог ясно представить и как попал сюда, где бы он ни находился.

Шрек повернул голову. В дюйме от него сидел пингвин и пристально смотрел в его сторону.

Пингвин?

Макс взвизгнул.

Пингвин тоже взвизгнул в ответ и захлопал крыльями.

Макс был шокирован. Он перевернулся на стуле и заорал во весь голос.

Перед ним, улыбаясь, стояли все те же придурковатые циркачи. Впереди всех стоял шарманщик с обезьянкой, за ним татуированный тяжеловес и Леди с ножами, и тот парень, что глотал шпаги, и женщина с удавом, обвившем ее руку и талию, и крысоподобная леди с крысоподобным пуделем, не говоря уже об акробатах, клоунах и людей на ходулях.

Все они разглядывали Макса. Более того, они потешались над ним. Вдруг смех оборвался и воцарилась тишина, словно они с почтением ожидали кого-то.

До Макса донеслось жужжание огромного электрогенератора и кондиционера на другом конце зала. Ни тот, ни другой не выглядели особенно новыми: кондиционер был залеплен грязью, а основной блок генератора порядочно искрил.

А вокруг кондиционера и генератора были пингвины.

Много пингвинов.

Сотни этих созданий. Большие и маленькие, они прогуливались, сидели на льду, хлопая крыльями и резвясь. Пингвины были повсюду!

Макс уловил где-то рядом с генератором другой звук — громкий звон капель.

Кап. Кап. Кап.

Макс посмотрел влево. Там, среди общей массы пингвинов, выделялся особенно большой. Он держал раскрытый зонтик. Макс смотрел, как капли воды шлепались на черную материю со зловещим постоянством.

Кап. Кап. Кап.

Зонтик?

Кап. Кап. Кап.

Пингвин под зонтиком в перевалочку шел по льду, недоступный для льющейся сверху воды. Мало того, что птица была такой большой, Макс мог бы поклясться, что на ней был комбинезон!

Комбинезон?

Да, поношенный и грязный, но все же комбинезон. А лапы птицы были обуты в потертые, но теплые ботинки. Наверно, подумал Макс, он просто сошел с ума. Это было бы самым простым объяснением.

Час от часу не легче. Птица сложила зонтик. Это был не просто пингвин.

А Пингвин.

Маленький толстенький человечек с клювоподобным носом и бусинками глаз, которые внимательно смотрели на Макса. Он как две капли воды был похож на птиц, от которых унаследовал свое имя. Пингвин. Звезда бульварных газет. Легендарная прица-монстр из подземелий города.

Пингвин усмехнулся.

— Привет, — бросил он Шреку.

Максу захотелось закричать опять, но из раскрытого рта не вылетело ни звука.

— Мне кажется, я знаю слово, которое ты ищешь, — Пингвин остановился, чтобы набрать в легкие воздух. — ААА-АУУУГГГХХХ!

Макс по-прежнему не произнес ни звука и сомневался, что у него это когда-нибудь выйдет.

— На самом деле, — весело заверил его Пингвин, — все это только плохой сон. Ты дома, в постели. Очень устал. Устраивайся поудобней, отдыхай и медленно умирай от канцерогенов, которыми сам блевал всю свою жизнь, спекулируя иронией судьбы и политическим правосудием.

Макс вспомнил, что неплохо было бы вздохнуть. Это помогло.

— Мой бог! — Шрек обрел голос. — Значит это правда. Пингвин. Человек из канализации. Пожалуйста, не убивайте...

— Заткнись, Макс! — Голос Пингвина щелкал словно хлыст. — Или ты думаешь, мы с тобой просто беседуем?

Макс затих. Пингвин перевернул зонтик другим концом к себе и нажал что-то на рукоятке. Наконечник зонта выплюнул

сгусток пламени. Пингвин счастливо улыбнулся; удовлетворенный эффектом, он опять посмотрел на Шрека.

— Странно, Макс, но мне кажется, мы в чем-то похожи. Нас обоих считают монстрами. Но ты — почему-то высокоуважаемый монстр. А я... — он скромно опустил взгляд на свой грязный костюм, — ...нет.

С этими словами Пингвин наклонился. Макс заметил, что у того под ногами была целая груда зонтиков. Интересно, все остальные тоже являлись тем или иным оружием? Пингвин поднял новый зонт. Впервые бизнесмену удалось разглядеть руки человека-птицы. Они были похожи на человеческие руки, но и не были плавниками пингвина. Заметив интерес в глазах Макса, Пингвин улыбнулся. Он прицелился зонтиком, как будто тот мог чем-нибудь выстрелить.

Макса передернуло. У ног Пингвина была не куча зонтов, а целый арсенал.

Но Макс до сих пор не знал, где находится. Он знал только, что провалился под землю и сейчас стоит лицом к лицу со своими врагами. Если он хочет выбраться отсюда, он должен говорить с Пингвином как с равным. Пускай даже, как монстр с монстром.

— Откровенно говоря, — начал он твердо, — я думаю, репутация монстра — подстроенное обвинение. Я — бизнесмен. Грубый? Да? Жесткий? О'кей! Но это еще не делает меня монстром...

— Не смущайся, Макс, — прервал его Пингвин. — Я знаю о тебе все! То, что ты прячешь, я нахожу. То, что ты кладешь на свой туалетный столик, я ставлю у себя над камином. — Он улыбнулся и похлопал свой круглый животик. — Входишь в курс дела?

У него есть то, что Макс держит на туалетном столике? Макс подумал, что это одно из преимуществ жизни в канализации. Однако, как же ему перехитрить этого парня?

Пингвин подобрал другой зонтик, который раскрылся, обнажая яркий спиральный рисунок на натянутой материи. Он напоминал «гипнодиски», которые Макс видел в детстве в комиксах и газетах.

Макс забеспокоился, как этот чудак собирается использовать диковину? Максу ничего не оставалось, как снизойти до вопроса:

— Вы что, собираетесь загипнотизировать меня этой штукой?

— Нет, — весело ответил Пингвин, — всего лишь подарить тебе сильнейшую головную боль.

— Ну, — ответил Макс с возвращающейся самоуверенностью, — этот фокус не пройдет.

Пингвин усмехнулся, направляя наконечник зонта на

бизнесмена. Раздался оглушительный взрыв, и Макс увидел струю пламени, ударившую из жерла зонта.

Выстрел! Макс схватился за грудь. Он не ранен?

— Ты просто большой ребенок, — проворчал Пингвин и отвел оружие в сторону. — Это только холостой. Неужели я бы пошел на все неприятности этого вечера только ради того, чтобы прикончить тебя? Нет, у меня совершенно другие цели.

С последней фразой веселость исчезла с лица Пингвина. Он выглядел серьезным, важным, почти респектабельным.

— Я готов, Макс. — Его голос стал не таким самоуверенным как раньше. — Я задержался здесь, под землей, слишком долго. — Он вздохнул. — Мне даже начал нравиться этот запах. А это плохой знак.

Они посмотрели друг другу в глаза.

— Это лучшее время для меня, чтобы подняться. Всплыть на поверхность. С твоей помощью, Макс. Тебе, с твоими проницательностью и здравым смыслом, лучше знать, каким именно образом.

Пингвин сделал паузу и посмотрел на своих близких друзей, приблизившихся по мановению его руки.

— Если хочешь знать, я не был рожден в канализации. Я пришел сюда... — Он посмотрел куда-то вверх, пытаясь мысленно перенестись далеко на поверхность. — ...как и ты...

— И, как и ты, я хочу некоторого уважения, признания моей человеческой природы. Согласись, не так уж много, — убеждающе продолжал Пингвин.

Двое циркачей, казалось, чуть не плакали.

— Но больше всего, — голос Пингвина почти срывался, — я хочу узнать, кто я такой. Найти моих родителей. Узнать мое человеческое имя. Простое право, оно официально предоставлено всем добрым жителям Готема.

Но одну вещь Макс все же не мог понять.

— А почему ты думаешь, что я стану помогать тебе?

Пингвин протянул руку. Один из его друзей вложил в нее то, что когда-то было ярко-красными рождественскими чулками, покрытыми сейчас какой-то зеленоватой гадостью. Довольно странно, но эти чулки были точно такого же размера и формы, как и те, что связала Максу в подарок его старенькая бабушка.

Нет, подумал Шрек. Это просто совпадение, хотя чулки кажутся такими знакомыми. На его чулках было вышито имя. Ему пришлось сощуриться, чтобы разобрать среди липкой грязи: «Макс».

— Ну, что ж, — взялся объяснять Пингвин, — начнем с токсических выбросов с твоего «экологически чистого» текстильного завода. — Он вытащил из чулка ржавый термос и отвинтил крышку. — Там, на задворках, целая лагуна такого дерьма...

Он вылил из термоса что-то неприятно тягучее прямо на ледяной стол. Отвратительная масса пенилась и шипела, растекаясь по холодной поверхности.

Этот приятель хоть понимает, кого он собирается шантажировать?

— Аааа, — без интереса протянул Макс. — Это может взяться откуда угодно.

— А как насчет документов, подтверждающих, что половина зданий, которыми ты владеешь в Готеме, небезопасна в пожарном отношении?

Макс приподнял бровь.

— Если даже такие документы и существовали — хоть я и не допускаю такой возможности, — я бы видел, как их порвали в клочья.

Пингвин опять вытянул руку. На этот раз один из его подручных тупиц подал что-то блестящее. Макс присмотрелся. Не больше чем обрывки бумаг, сложенных друг с другом и склеенных невероятным количеством скотча.

— Много скотча и чуть-чуть терпения — вот и вся разница, — гордо ответил Пингвин. — Между прочим, как поживает Фред Адкинс, твой старый партнер?

Макс чувствовал, как хладнокровие покидает его.

— Фред, — пробормотал он. Дьявол. Никто не мог ничего разнюхать про химическийы завод!

— Фред? — спросил он безразлично.

Очевидно, этот парень сумел раскопать пару компрометирующих фактов. Но как он узнал о Фреде?

— Он... гм... — Макс наконец собрался с мыслями. — Фактически, он занимал пустовавшее долгое время место и...

Пингвин удовлетворенно кивнул и наклонился под ледяной стол. Когда он поднялся, он держал отсеченную по кисть человеческую руку.

— Привет, Макс! — Пингвин заговорил через уголок рта как плохой чревовещатель. — Помнишь меня? Я рука Фреда!

Но откуда у него это? От руки должны были избавиться!

Макс сдержался. Ведь так же и химические отходы должны были быть смыты, а изорванные в клочья бумаги — сожжены. Похоже Пингвин, имел власть над решением Макса — принять или отвергнуть сделку. Впрочем, так же, как и над вопросом о его жизни и смерти. Пингвин наклонился к бизнесмену.

— Хочешь поздороваться с остальными частями тела? Или прогуляться по лугам памяти с изорванными и смытыми фотографиями? С несделанными анализами мочи? Запомни, Макс, то, что ты смываешь в унитаз, я выставляю на всеобщее обозрение.

Здесь, под землей было холодно, но Макс чувствовал, как

пот ручейками струился под рубашкой. Он попытался улыбнуться.

— Знаете что, мистер Пингвин... сэр? — сказал он своим лучшим деловым голосом. — Думаю, я наверное, смогу помочь вам с оркестровкой небольшого чествования по поводу вашего возвращения домой. А когда мы оба будем дома, то быть может дружески похлопаем друг друга по плечу.

Возможно, это очень понравилось человеку-птице.

— Вы не пожалеете, мистер Шрек. — Пингвин протянул ему руку.

Макс сжал и затряс ее, стараясь казаться откровенным. Рука Пингвина была на ощупь страннотестообразной и к тому же холодной как смерть.

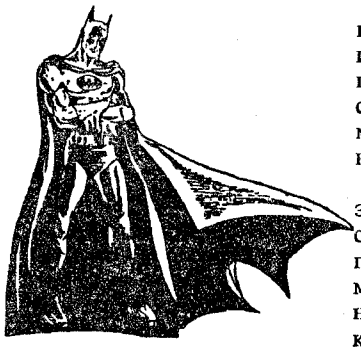
Пингвин отступил назад, но Макс продолжал ощущать его пальцы в своих. Он посмотрел на то, что держал.

Это была рука не Пингвина, а Фреда.

Банда циркачей покатывалась с хохоту, будто это была лучшая в мире шутка. Макс осторожно разжал пальцы, и рука покатилась по ледяному столу.

Через минуту Макс смеялся вместе с ними, словно от этого зависела его жизнь.

12

Макс снова был на поверхности, посреди Готем-Плаза, как и днем прежде. Но теперь все было по-другому. Бизнесмен улыбнулся и помахал прохожим. Он молился, чтоб все прошло по плану.

На этот раз народу было значительно меньше, только несколько любопытных. Многочисленные лавки и маленькие магазинчики были выпотрошены наизнанку. Даже Универмаг Шрека пострадал от вчерашнего вандализма. Теперь продавцам придется перебраться в другое место. Зато аккуратно подстриженные и подтянутые телекорреспонденты были на своих местах.

И мэр был здесь. Уж в этом случае на мэра можно было положиться — он никогда не пропускал счастливой возможности сфотографироваться для прессы. Макс предложил мэру

взять с собой жену и годовалого сына, чтобы продемонстрировать уверенность в безопасности города. Политик сразу ухватился за эту идею. Итак, Макс торжественно шел подле мэра с семьей — все четверо под прицелом телевизионных камер. Мэр бесконечно долго что-то втолковывал корреспондентам, а Макс ждал запланированной минуты, чтобы увидеть, как все сработает. Они остановились перед трибуной.

— Вот что я вам скажу, — заметил мэр как бы между прочим, — не как официальное лицо, но как отец и муж. — Он многозначительно погрозил пальцем в небо и продолжил свою мысль: — Вчерашнего извержения беззакония никогда бы не случи...

Из-под потрепанной рождественской елки выскочил акробат и помчался прямо к жене мэра. Одним сильным, но осторожным движением он вырвал младенца из ее рук. Через секунду он запрыгнул на трибуну и поднял ребенка над головой, как завоеванную награду.

— Я не люблю много говорить, — он расплылся в широкой улыбке, — поэтому скажу просто — спасибо!

Мэр бросился к акробату, но тот мягко ударил его в грудь. Его Честь рухнул на землю, а акробат спрыгнул с трибуны и побежал сквозь обескураженную толпу, пока...

Он спрыгнул в открытый люк.

Люди сгрудились вокруг черного провала посреди улицы, и Максу пришлось усиленно работать локтями, пробивая себе дорогу. На какое-то мгновение воцарилась тишина, но вдруг из глубины подземелья послышался шум борьбы.

— Эй! — кто-то кричал внизу. — Ой, отпустите! Ой! — Крики боли сопровождались шлепками и глухими ударами, будто кого-то хорошенько колотили.

Толпа ахнула, когда основательно побитый похититель, в синяках и ушибах, в изорванной одежде выполз из люка и нетвердо, но достаточно быстро пошел прочь.

Никто даже не подумал его остановить. Ребенка с ним уже не было. А во тьме канализации был кто-то еще.

— Сдайте назад! — крикнул кто-то в толпе.

— Боже, посмотрите! — взвизгнул другой голос.

Ребенок мэра поднимался из темноты к дневному свету. У всех перехватило дыхание. Что происходит? Это было почти чудо. Но нет, кто-то держал его над головой. А может быть, что-то.

Из люка появилась рука, а за ней — торжественное лицо Пингвина.

Народ зааплодировал.

Пингвин улыбнулся.

Макс вынужден был признать — сыграть лучше было невозможно, даже если бы он был режиссером.

Впрочем, он им и был.

Альфред даже перестал развешивать игрушки на елке. Он не верил своим глазам, и, наверно, это было написано у него на лице. Но тогда и Брюс Уэйн этому тоже не верил.

—.Готем никогда не забудет, — торжественно сообщил с экрана диктор, — свершившегося сегодня чуда.

На экране проплывали сцены похищения ребенка и спасение его Пингвином, поднимавшимся из канализации, возвышаясь на странном хитроумном приспособлении, походившем на громадную резиновую утку. Телевизионные камеры задирали объективы вслед за спасителем.

— Вот он, — продолжал комментатор, словно видел огромных механических уток каждый день, — человек-пингвин, загадочный обитатель подземелий, чье существование рожало сплетни и споры. До сих пор он был мифом из мелких газет, наравне с отвратительным снежным человеком и Лохнесским чудовищем.

Слезы благодарности и счастья катились по щекам мэрши, когда ребенок снова оказался у нее в руках. Ком застрял у нее в горле, но она заставила себя обнять человека, или кто он там был, по имени Пингвин. Судя по внешнему виду он, несомненно, провел всю свою жизнь в канализации. И запах от него исходил соответствующий. А Пингвин беспомощно моргал — его глаза не привыкли к такому яркому свету.

— Но теперь, — слышалось из телевизора, — этот застенчивый человек-зверь может гордо занять положенное ему место рядом с нашим легендарным Бэтмэном.

Мэр направился к Пингвину, протягивая ему руку. Но тут, откуда ни возьмись, у него на пути возник Макс Шрек. Он стоял рядом с Пингвином, улыбаясь и радостно хлопая того по плечу.

— Первый человек Готема — Макс Шрек, — бубнил комментатор, — лично участвовал в расследовании на Готем-Плаза.

Шрек наклонился и зашептал что-то ободряющее на ухо Пингвину. Пингвин смутился и сделал легкий поклон. Толпа яростно зааплодировала, а динамики на площади заиграли «Радость Миру всему».

На экране возникла другая картинка — началось прямое интервью с новым героем. Пингвин говорил смущенным, запинающимся голосом, маленьким видавшим виды зонтиком прикрывая от света глаза .

— Все, что я хочу взамен, — он сморгнул в камеру, — это возможность найти своих родителей. Узнать, кто они и, таким образом, кто я. А затем вместе с ними просто попытаться понять, почему... — Он остановился, чтобы успокоить дыхание. — ...почему они поступили так? Я предполагаю, что они вынуждены были так поступить... Но с кем... с ребенком, который родился... немного необычным. С ребенком, который праздновал первое свое Рождество, да и множество других после, в подземельях канализации.

Его родители, думал Брюс.

Мать. Отец. Крики. Выстрел. Потерянные для него навсегда.

— Мистер Уэйн, — мягко тронул его Альфред. — Что-нибудь не так?

Брюс рассеянно смотрел, как дворецкий снова начал наряжать елку. Он покачал головой, больше для того чтобы прочистить мозги, нежели отрицательно ответить.

— Нет, ничего,— сказал он. — Гм... его родители... я... — он глубоко вздохнул. — Я надеюсь, он их найдет.

Альфред добродушно согласился и занялся своими обязанностями. Он умел наряжать елку. А Брюс вернулся к телевизору. Значит, Пингвин потерял своих мать и отца. А может, это родители потеряли его?

Макс стоял в вестибюле Зала регистраций Готема и почти благосклонно улыбался. Гул шагов и голосов; кордон полицейских удерживал газетчиков, жаждущих сенсаций.

— Как вы думаете, что он сделает со своими папочкой и мамочкой, когда найдет их? — поинтересовался репортер у дверей.

— А что ты бы сделал со своими? — саркастически ответил другой. — Если б они спустили тебя в унитаз?

Какому-то репортеру удалось каким-то образом обойти полицейских и он тихонько поднимался по ступенькам. Макс шевельнул пальцем, и двое телохранителей из его личной гвардии выступили на захват назойливого нарушителя.

Они подхватили репортера под руки.

— Мистера Пингвина не следует беспокоить, — назидательно объяснили телохранители, разворачивая репортера на сто восемьдесят градусов и провожая обратно вниз.

— Зал регистраций — общественное место, — сопротивлялся грубому нарушению своих профессиональных прав репортер. — Вы нарушаете Первую поправку к Конституции, ограничивая свободу прессы...

Это слишком далеко зашло. Макс махнул фаланге газетчиков, приглашая следовать за собой. Сейчас он преподнесет им историю, которую обещал.

Спускаясь по лестнице мимо разгневанного репортера, Макс жестом приказал охране остановиться.

— А как насчет свободы возвращения к своим корням? — спросил Макс оскорбленного писаку, в то время как остальные записывали каждое его слово.

Газетчик улыбнулся. Он предчувствовал сенсацию.

— А в чем дело, мистер Шрек? — Он протянул свой диктофон поближе к Максу. — Пингвин — ваш личный друг?

— Да, — рассудительно ответил Макс, — он личный друг... всего города. Поэтому имей совесть, приятель. — Он подался вперед и шлепнул пальцем по кнопке, остановив пленку. — И оставь Конституцию в покое. Ладно? Сегодня Рождество.

* * *

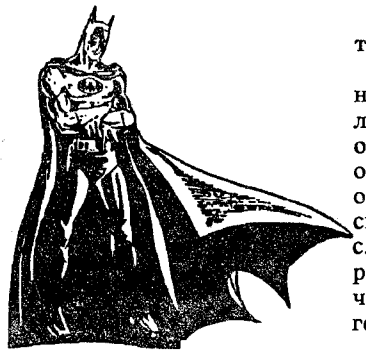
Здесь так много записей! Так много! Пингвин сидел за большим столом в главном зале регистраций, напоминавшем пещеру громадных размеров. Вокруг были разложены сотни тысяч свидетельств о рождении. Пингвин должен был просмотреть каждое из них.

Натыкаясь на то, что искал, он заносил данные в блокнот. Пингвин смутно различал шум снаружи и жужжание репортеров, выкрикивавших вопросы и его имя. Его работа была слишком важной, чтобы отвлекаться по таким пустякам.

День клонился к вечеру, и, когда на город спустилась ночь, журналисты понемногу разошлись. Но Пингвин по-прежнему корпел над бумагами при свете одинокой лампы. Он просматривал сертификаты и уже выписал в блокнот длинный столбец имен,имен мальчиков, но до конца было еще далеко.

Это было только начало задуманного Пингвином плана отмщения.

В городе было подозрительно тихо.

Он гнал Бэтмобиль по пустынным улицам Готем-Сити. За последние два дня не случилось ни одного тяжкого преступления, ни одного налета на банк, только одна вялая попытка ограбления склада, даже ни одного убийства, словно преступники Готем-Сити разом покинули улицы, ожидая чего-то по-настоящему серьезного.

На приборной панели вспыхнула лампочка. Вызывал Альфред. Бэтмэн нажал клавишу, и на маленьком видеоэкране под штурвалом появилось лицо дворецкого.

— В городе заметно тише со дня неудавшегося похищения ребенка, но вы продолжаете патрулировать, — заявил Альфред с присущим ему неодобрительным тоном. — Вы собираетесь есть, спать? Вы не сможете принести особой пользы, если не будете следить за собой.

— Цирковая банда «Красный Треугольник», — немногословно напомнил Бэтмэн. — Это шакалы, Альфред. Они охотятся стаями в темноте...

Он посмотрел сквозь лобовое стекло. Он почти добрался до места назначения.

— Вы озабочены появлением этой странной героической персоны — Пингвина? — спросил Альфред в сухой британской манере.

Бэтмэн рассмеялся. Он остановил Бэтмобиль перед фасадом Зала регистраций Готема. Два человека — полицейский и телохранитель из охраны Шрека — стояли по обе стороны подъезда. Точнее говоря, они устало привалились к перилам и мирно подремывали.

Бэтмэн посмотрел вверх на единственное горящее окно. Почему Пингвин до сих пор там?

— Забавно, что ты спросил об этом Альфред, — сказал он дворецкому. — Может статься, я действительно немного обеспокоен.

Ну, теперь у него был настоящий экскорт. Не только пресса — корреспонденты последние дни следовали за ним неотступно, — но и обычная публика, включая небольшую группу молодых женщин, одетых в черное. Кто они такие? Фанатичные поклонницы? Кабы знать, что все пойдет именно так, он вышел бы из канализации намного раньше А сейчас! Если бы он только знал, как отделаться от назойливой прессы, он смог бы доказать свою признательность этим прекрасным юным созданиям. Ну, да ладно. Всему свое время. Сегодня он охотится на другую рыбу.

Полицейские снова образовали живую цепь, чтобы удержать любопытных, пока Пингвин шагал к крошечному частному кладбищенскому участку в заброшенной части Готема. Хорошо отполированное надгробие, которое он искал, было непосредственно перед ним с отдельными надписями — «Такер» и «Эстер Кобблепот» — его похороненные некогда с любовью отец и мать. Досадно, что они оба умерли такими молодыми. И так загадочно.

Пингвин встал на колени перед мемориальной плитой. Спрятав руку в поношенный рукав, он возложил две розы, которые, откровенно говоря, имели не очень хороший вид. Но ведь это не так уж важно. Во внимание принимались только чувства. Пингвин знал, что, по крайней мере, дюжина теле- и кинокамер следят сейчас за ним и запечатлят его чувства. Никто и никогда не может сказать, сколько объективов направлено на него в данный момент.

Пингвин видел, как двое его поклонниц грохнулись в обморок от переизбытка чувств, от его скорбного и торжественного вида. О да, он хотел бы побыть наедине с парочкой таких маленьких птенчиков. Но не здесь. И не сейчас. Вопреки своим желаниям, он пошел обратно к группе журналистов. Один неприятный экземпляр прорвался вперед.

— Итак, — начал он — мистер Пингвин...

Пингвин поднял зонт в знак протеста.

— Пингвин — это птица, которая не умеет летать, — с примесью грусти сурово заметил он. — Я — человек. И у меня есть имя. Освальд Кобблепот. — Во всяком случае, сейчас это его имя: неважно, носил ли он его когда-нибудь.

— Мистер Кобблепот, — поправился ничуть не обескураженный репортер. Он указал в сторону могилы родителей Пингвина. — Вам ведь не довелось жить вместе с ними, да?

Все замерли, пораженные наглостью газетчика. Однако, подумал Пингвин, очень удачно, что массы на моей стороне. Он задумчиво повертел зонтик, прежде чем ответил.

— Действительно, я был их первенцем, — он печально оглянулся на надгробия-близнецы, — но они относились ко мне как ко второму ребенку. Но это в человеческой природе — бояться

всего необычного, даже с их образованием и привилегиями. Мой отец — окружной прокурор, мать — активистка «Дочерей Американской Революции». Возможно, когда я держал детскую погремушку блестящими плавниками, они теряли самообладание. — Он помедлил, затем повернулся к толпе, для которой продолжил: — Но я простил их.

Толпа снова радостно зашумела. Все они были у него в кулаке.

Или, лучше сказать, в плавнике?

Весь Готем-Сити только и говорил что о Пингвине.

— Пингвин простил родителей! — выкрикивал мальчишка-газетчик — Читайте наши статьи! «Я в полной гармонии с собой и с миром!» Покупайте газету!

И Готем-Сити, падкий на рекламу, разбирал свежеотпечатанные выпуски, как только перевязанные тесьмой пачки сбрасывали к ларькам с грузовиков. Готемцы забывали о своих делах и останавливались ознакомиться с чарующими новостями.

— «Вам не нужны руки, если у вас есть сердце», — цитировала одна из газет.

— «Мое сердце полно любви, — надрывалась другая. — Я чувствую в себе пять футов росту».

— «Он как лягушка, — восклицала третья, — которая превратилась в принца!»

— «Нет, он больше похож на Пингвина», — парировал очередной теплый заголовок.

Мимо прошла парочка, оживленно щебеча в унисон остальным: «Покинутые пингвины Древнего Мира воспитали его!»

— Помните настоящее значение праздника, — присоединилась к разговору одинокая женщина. — «Любовь, подаяние...»

Макс усмехнулся. Он побывал в том Древнем Мире, в том забытом выставочном павильоне технических достижений или мирской справедливости. Он даже полистал бы газеты, чтобы вспомнить в каком именно. Раньше, когда люди жили в достатке, вокруг Готем-Сити было много подобных заведений.

А сегодня там было пристанище Пингвина. Там же он прятал свою цирковую банду «Красный Треугольник». В память о том месте Максу остался главным образом запах.

Пока готемцы разбирали газеты, план Макса работал. Он лишь надеялся, что, когда придет время, Пингвин будет достаточно благодарен ему.

Макс, конечно, богат, но ему никогда не помешает стать еще богаче.

Брюс Уэйн просматривал материалы прошлых лет. Он изу-

чал спроецированную на экран дисплея передовицу газеты. Страница была старой и выцветшей, но слова еще можно было разобрать. Он давно установил в Бэткейве компьютерный проектор специально для быстрого выхода на историческую информацию подобного рода.

Он нажал кнопку на панели управления. На экране появилась следующая страница.

— «Вчера вечером цирк «Красный Треугольник» дал шикарное представление с разъяренными львами», — читал он вслух с экрана. Нет, в этой статье не было ничего ценного.

Он быстро пробежал пальцами по клавиатуре, и на дисплее выплыла надпись: «ПРОДОЛЖАТЬ ПОИСК: КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК».

Он подождал несколько секунд, пока новая газета тенью легла на предыдущую и изображение сфокусировалось.

— «Треугольник» вновь вернулся спустя две недели, — прочитал Брюс. — ...детям понравится...».

Это было в начале карьеры цирковой труппы, еще до того, как она стала на стезю порока, точнее до того, как полицейские разоблачили их.

Он снова нажал клавишу поиска. В комнату, неся на подносе ужин, вошел Альфред.

— Спасибо, Альфред, — не отрываясь от экрана пробурчал Брюс, когда слуга поставил поднос рядом с ним. Альфред улыбнулся и кивнул вместо ответа.

Брюс подобрал ложку и сделал небольшой глоток. Он зажмурился от удивления.

— Суп холодный,— сказал он Альфреду.

Дворецкий снова кивнул, словно эта новость не была для него неожиданностью.

— Это виши-соус, сэр.

Брюс уставился на тарелку.

— Виши-соус... Наверное, он и должен быть холодным, да? — Глупо с его стороны подозревать, что Альфред что-нибудь напутал. Однако, он должен вернуться к поиску.

— Мистер Уэйн, — мягко заметил Альфред, — фраза «Рождественские праздники» что-нибудь означает для вас?

Брюс захохотал. Он схватил один из компакт-дисков со стола и высоко подбросил дворецкому. Диск пробуравил воздух как бумеранг.

— Послушай сам себя, Альфред, — посоветовал он. — Как ты бранил меня вчера в машине.

Альфред послушно вставил диск в прорезь проигрывателя. Секундой позже он услышал свой голос: «Вы собираетесь есть, спать? Вы не сможете принести особой пользы, если...»

Брюс подхватил блок дистанционного управления и остановил воспроизведение.

— Я научился жить без матери много лет назад, благодарю, — добавил он. Альфред не ответил, только вскинул брови.

Ну и прекрасно, думал Брюс. Если он не может заставить старика прислушаться к голосу разума, он просто будет игнорировать его. Брюс повернулся к компьютеру и продолжил работу.

— «Цирк "Треугольник" возвращается, — читал он вслух, — с необычным представлением, которое скорей всего не подойдет для детишек. Вы увидите бородатую леди, самого толстого человека в мире и водоплавающего мальчика-птицу».

Он победно обернулся к Альфреду. Вот оно. Как раз то, что он искал.

Но дворецкий по-прежнему оставался бесстрастным.

— Зачем вы пытаетесь доказать, что этот Пингвин... гм, мистер Кобблепот — не тот, кто он есть на самом деле? Или вы хотите быть единственным человекозверем в городе?

Вместо ответа Брюс зачитал выборочно отрывок из следующей статьи:

«...Цирк сложил вчера шатры, возможно, теперь навсегда. После многочисленных заявление о пропавших детях в нескольких городах, полиции пришлось закрыть ярмарку "Красного Треугольника". Во всяком случае, один маленький уродец успел исчезнуть до того как его допросили».

Вот. Теперь-то Альфред должен заметить связь. Брюс посмотрел на него с триумфом.

— Полагаю, теперь вы чувствуете себя лучше, — сухо заявил Альфред.

Так ли это? Брюс пытался разобраться в себе. Получил ли он удовлетворение, узнав, что, возможно, Пингвин — порочный преступник, замышлявший что-то против Готем-Сити? Конечно, это было неубедительно.

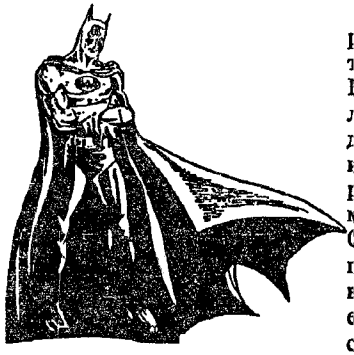
— Нет, — признался Брюс. — Скорее, я чувствую себя еще хуже.

Двое долго смотрели в тишине друг на друга. В конце концов, что еще можно было добавить?

Альфред хмуро взглянул на хозяина.

— Ешьте ваш виши-соус, — посоветовал дворецкий.

14

Так или иначе, но уж с этой работой Селина справится. Если только та не прикончит ее первой. Ее авторучка быстро бегала по листу блонота. Двенадцать предыдущих лежали рядом, мелко исписанные значками стенографии. Селина привычно просматривала компьютерные файлы. Она почти закончила. Остался последний файл, и можно будет вернуться в начало и взглянуть, есть ли в ее писанине хоть капля смысла.

Неожиданно ей на плечо легла чья-то рука. Авторучка замерла, не дописав слово, а сердце упало в неизведанные глубины. Селина запрокинула голову — над ней, улыбаясь, склонился босс. В такой поздний час? Очевидно, что-то случилось. Макс-Рабовладелец никогда не задерживался после шести.

— Работаешь по ночам? — заботливо спросил Макс. — Я тронут.

— Нет. — Селина с трудом овладела дыханием. — Да, — быстро добавила она официально-исполнительным тоном. — Я собираю материалы для вашей встречи с Брюсом Уэйном на завтрашнее утро.

Однако в Максе не чувствовалось восторга. Он никогда не задумывался, как много она работает. Но теперь уж она выдаст ему, со всеми кровавыми подробностями.

— Я перечитала все файлы по проектам новой энергостанции, — продолжала она, указывая на страницы скорописи. — Будем надеяться, мистер Уэйн предоставит инвестиции... Я изучила каждый факт, даже раскрыла защищенные файлы и...

Наконец-то Макс был потрясен.

— Вот это да! Какое трудолюбие! — с улыбкой заметил он. — А как ты сумела рассекретить защищенные файлы, могу я узнать?

— Ну, — Селина радовалась хорошему расположению босса, — я догадалась, что пароль — Финстер — ваш чихуахуа. И он действительно подошел. — Люди всегда пользуются именами своих детей или любимцев для такого рода вещей. Это

первое, что узнаешь, работая секретарем. — Она провела рукой по листкам. — Это очень интересно, несмотря на технические тонкости... Я имею в виду, что энергостанция является таковой только на бумаге, а на самом деле будет гигантским... Как его там? — Селина взглянула на Макса, ожидая подсказки, но он только одобряюще кивнул. — Гигантским накопителем, — продолжила она, разобравшись в скорописи. — И, вместо того, чтобы генерировать энергию, он будет чем-то, вроде... — проклятие, ну и почерк, сконфузилась она — ...высасывать электричество из Готем-Сити и запасать ...накапливать. Так что-ли. Я не знаю, как лучше сказать...

— А кому, — вкрадчиво спросил Макс, — вы хотите об этом сказать?

С этими словами он, не торопясь, чиркнул спичкой и поджег записи.

Селина нервно сглотнула. Возможно, она переступила свои полномочия?

— Ну... — промычала она, подыскивая правильный ответ. — Гм, никому?

Макс бросил пылающие листки в корзину для бумаг. Селине не понравилась улыбка, пробежавшая по лицу босса.

— Что произошло с той чересчур любопытной кошкой? — слишком мягко спросил он и шагнул к ней.

— Но я не кошка, — быстро отпарировала Селина, хотя на секунду ей захотелось стать такой же маленькой и юркой. — Я всего лишь ассистент, — добавила она. — Я не имею абсолютно никакого значения. Не обращайте на малышку внимания. Всего лишь секретарша.

— И очень-очень исполнительная, — согласился Макс, продолжая приближаться.

— Слишком исполнительная? — догадалась Селина.

Макс поспешно кивнул, как будто ожидал вопроса. Почему так случилось, что после всех многочисленных промахов она оказалась права именно сейчас?

Селина сделала шаг назад.

— Это наш общий секрет, правда! — забеспокоившись она тараторила без остановки. — Как вы можете так плохо думать о ничего не значащем человеке?

— Энергостанция будет вершиной моей пирамиды, — перебил ее Макс с холодной уверенностью, — моим храмом, моим наследством Чипу. И никто не сможет остановить меня!

Селина уперлась спиной в стекло огромного, от потолка до пола, окна. Кроме как наружу, в пустоту, деться было некуда. Но Макс упрямо приближался.

Это уже слишком, решила Селина. Она наполовину была

охвачена страхом. В конце концов, что этот Шрек о себе думает?

— О'кей, — согласилась она, стараясь чтобы голос звучал тверже. — Продолжайте! Запугивайте меня, угрожайте, если это поможет вам вырасти в своих глазах. Непохоже, что вы сможете так просто меня убить!

Макс печально покачал головой.

— На самом деле, даже очень похоже.

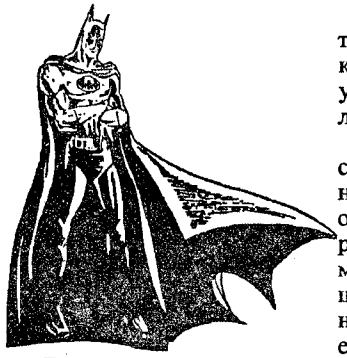
Селина смотрела на него в упор широко раскрытыми глазами. Что он хочет этим сказать?

Макс улыбнулся. Какое облегчение!

— Секунду! — выдохнула она, — сейчас вы напуганы...

Макс схватил ее и беспощадно швырнул сквозь хрупкую плоскость стекла.

Она падала вниз, сквозь темноту и кружащийся снег. Было так красиво. Если вам придется умирать, наверное, это самый лучший способ.

Она лишь услышала, как рвется брезент, когда пролетела сквозь навес. Больше она ничего не ощутила. А потом был удар о второй навес, третий... Судя по всему, она пересчитала все раскрашенные тенты Универмага Шрека на Готем-Плаза. Они замедлили ее падение, но...

Ее окружали жгучий холод и непривычная белизна. Должно быть, она упала в сугроб. Ей не хватало воздуха.

— Помогите!.. — прошептала она. — Кто-нибудь... Кто-нибудь любящий и теплый.

— Мисс Китти... — Она никогда не узнает, позвала она или только подумала.

Мир из белого стал черным.

* * *

Что он натворил?

Конечно, энергостанция важна для него и его будущих планов. Чтобы выбить почву из под ног его конкурентов, особенно,

когда иностранные инвестиции поставят всю страну на колени, ему понадобится бесплатная электроэнергия. Неважно, кто выиграет битву, главное — Шрек выживет!

Может быть, его жажда жизни была слишком сильной, если он пошел на убийство? Макс поежился, выглядывая за торчащие осколки. Придется состряпать подходящую версию. И, конечно, пусть вставят новое стекло.

Он отвернулся от окна и увидел Чипа, стоящего в дверном проеме. Макс не рассчитывал, что версия понадобится так скоро.

— Это ужасно... Все произошло так быстро.. Я наклонился и случайно вытолкнул ее наружу...

Чип сочувственно кивнул.

— Она сама выпрыгнула, — поправил он отца.

Секунду Макс пристально смотрел на сына, прежде чем понял, что происходит.

— Да, да, — искренне согласился он. — В точности так и было. Неприятности с мужчиной?

Чип отрицательно покачал головой.

— Параноидально-маниакальный синдром, — со значением дела посоветовал он. Чип резко повернулся и вышел из комнаты.

Макс восхищенно смотрел ему вслед. Вот это сын!

Есть вещи, неподвластные логическому объяснению. Одна из них — связь, протягивающаяся между двумя душами. Возлюбленные, разделенные пространством, могут ощущать мысли друг друга. Или мать всегда узнает, что с ребенком беда, даже если они находятся на разных концах света. Но переплетение душ свойственно не одному только человеку.

Иногда, в момент опасности и экстремальных напряжений, они возникают даже между человеком и животным. Хозяином и домашним любимцем, если хотите. Хотя настоящая духовная связь намного сложнее и полноценней.

Женщина, звавшаяся раньше Селиной Кайл, будет размышлять об этом позже, после своего чудесного спасения.

А сейчас она лежала в сугробе снега, без сознания, сильно побитая, помятая, со множеством синяков и замерзшая почти до смерти. Это будет так легко, думала она. Провалиться в сон и уснуть навсегда.

Но что-то удержало ее от последнего падения в бесконечный сон. Она слышала звуки, звуки животных. Звуки кошек.

Мисс Китти?

Но зверьков было значительно больше. Мурлыканье, мяуканье и шипение наполняли собою воздух. Казалось, целая армия кошек — вся кошачья популяция Готем-Сити собралась во имя ее спасения.

Ужасно любезно с их стороны. Она всегда любила кошек. А сейчас пусть они ее немного погреют. Тогда она сможет ненадолго заснуть.

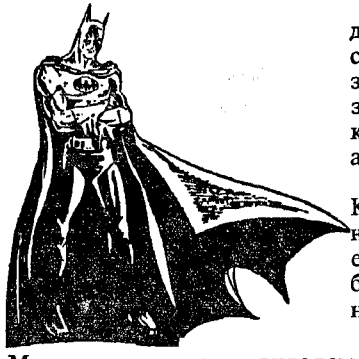
Но кошки не оставили ее в покое. Мисс Китти вспрыгнула ей на грудь и задышала в рот. Сиамский кот многозначительно замурлыкал над ухом. Другие терлись о ее руки и ноги.

Старый кот покусывал ей палец.

Ее глаза открылись.

И она все поняла. Она больше не Селина Кайл. Она родилась заново.

16

Минула целая вечность, прежде чем она добралась домой. Ни синяки, ни кровопотеря, ни холод зимнего вечера теперь не имели значения. Она больше не будет кротким, осуждающим саму себя административным ассистентом.

Она вошла в квартиру с Мисс Китти на руках, но это место уже не соответствовало ее настроению, не отвечало духу ее пробуждения. В этом месте многое нужно изменить.

И она приступила к делу. Манипулируя распылителем с краской, она сменила белый и розовый цвета декоративных панелей, плинтусов и кушетки на черный. Она сбросила мягких зверюшек на пол; маленьких она тут же скормила вечно голодной пасти мусоропровода. Больших сначала пришлось распотрошить ножом. А вязальная спица начисто разрушила идеальный порядок кукольного домика.

После этого она разыскала несколько черных лоскутов и сшила очень необычный костюм. И когти, ей необходимы когти! Почему бы их не сделать из обычной домашней утвари? Просто поразительно, как легко рядовые кухонные принадлежности превращаются в опасное оружие.

Мисс Китти, возбужденно урча и властно мурлыкая, слонялась по квартире, одобряя каждую перемену.

Все было готово, только одна вещь не давала ей покоя. Голыми руками она сорвала с веселой неоновой вывески две, ставшие теперь лишними, буквы. Светящиеся раньше «HELLO THERE» превратилось теперь в более подходящее: «HELL HERE».[1]

Потому что для всех, кто причинил ей зло, жизнь станет адом.

Удовлетворенная, она сидела на полу в своем новом одеянии кошки и наблюдала за восходом солнца — перемены в доме и одежде заняли весь остаток ночи. Мисс Китти тихонько мурлыкала у ног бывшей Селины. Она подумала, что ее подруга заслужила небольшую награду после трудной работы, и налила ей полную миску молока. Она поставила миску перед своим маленьким спасителем и впервые попыталась выразиться новым для нее голосом, исполненным силы и грации, которых никогда не признавала в своей прежней жизни.

— Не знаю, как ты, Мисс Китти, — мягко, но решительно сказала она, — но я чувствую себя намного приятнее.

И она потянулась навстречу восходящему солнцу, совсем как кошка.

Брюс Уэйн быстро двигался через Готем-Плаза. Там по-прежнему был беспорядок. Группа рабочих безнадежно пыталась восстановить изрешеченную пулями рождественскую елку, которая казалась окончательно погибшей для праздника. Другие в это время ремонтировали витрины выжженных магазинов. Он слышал, некоторые из них намеревались открыть к Рождеству. Но сегодня эта затея казалась неосуществимой.

Брюс обменялся со Шреком рукопожатием. Он воспользовался случаем, чтобы повнимательнее осмотреть окно.

— Гм... — промычал он. — Примитивная вентиляция.

— Черт бы побрал этих подлиз-большевиков, что швырялись булыжниками этой ночью, — объяснил Макс.

— Да нет, — возразил Брюс, указывая на улики на ковре, а точнее, на отсутствие таковых, — здесь нет осколков.

Макс хмуро уставился на ковер, чувствуя себя не совсем уютно.

— Странно, да? — наконец сказал он. — Почему бы нам не пройти в конференц-зал?

— Он, правда, несколько хуже вентилируется, — подоспел на выручку Чип.

Брюс согласился и пропустил Макса вперед. Они прошли через другую дверь в комнату, почти полностью занятую большим круглым столом. Макс жестом предложил Брюсу сесть. Когда гость уселся, Макс расположился по другую сторону стола.

— Я с удовольствием предложил бы вам кофе, — торопливо объяснил он, — но у моей секретарши сейчас рождественский отпуск.

---

1 «ЗДЕСЬ АД»

— И она весело проведет его, — согласился Брюс. И поджал губы, добавив: — Похоже, все, кроме преступников, будут бездельничать до Нового года.

Макс внимательно посмотрел на Брюса.

— Я не уверен, что люблю предположения, — с улыбкой сказал он.

— Я проталкиваю проект энергостанции сегодня, потому что он окупится намного позже. — Он назидательно погрозил пальцем Брюсу. — Время — деньги, жизнь — коротка, а сэкономленный миллион — заработанный миллион.

Брюс шумно раскрыл дипломат, покоящийся рядом на столе.

— Я составил этот отчет, — заявил он как бы между прочим. — Думаю, вам стоит посмотреть.

Он протянул папку Максу, и тот без интереса начал листать ее. Брюс был сыт по горло этой игрой.

— Там есть пункт, Макс, — сказал он прямо. — В Готем-Сити и так излишки энергии. Я уверен, вы знаете об этом. Вопрос в том, как вы на это смотрите.

Макс вскочил на ноги.

— Энергетические излишки? — воскликнул он, словно это было ругательством. — Брюс, как вам не стыдно — таких вещей не существует. Слишком много энергии не бывает!

Чип, стоявший позади отца, молча кивнул в знак согласия.

— Если в моей жизни есть какой-то смысл, — настаивал Макс, — так в этом проекте!

— Макс, — решительно заявил Брюс, — я буду бороться с вами. Вчера я переговорил с мэром, а сегодня здесь с вами «с глазу на глаз», поэтому...

— Мэры приходят и уходят, — возразил Макс. — А их последователи быстро устают. — Он сжал кулаки и послал удар в воздух. — Неужели вы думаете, что боксер-легковес, как вы, выстоит 15 раундов с Мохаметом Шреком[1]?

— Время покажет, Макс, — уклончиво ответил Брюс. — Конечно, я не держу за углом главаря мафии типа Кобблепота.

Он захлопнул кейс и поднялся.

— «Главаря мафии»? — взорвался Шрек и грубо захохотал. — Да что вы знаете, мистер Родившийся-в-поместье-с-серебряной-ложкой-в-руках? Освальд — золотой новорожденный Готема!

— Освальд контролирует банду «Красный Треугольник», — не сдержался Уэйн. — Я не могу это доказать, но мы оба знаем, что это правда!

— Уэйн, — оборвал его Макс. — В моем офисе я не позволю обливать грязью честных людей. Если бы моя секретарша была здесь, она бы уже проводила вас вон, к...

1 Шрек намекает на чемпиона мира по боксу в супертяжелой категории Мохамета Али (*прим. ред.*).

— Куда бы он ни попросил, — прервал его женский голос.

Брюс обернулся и на порое комнаты увидел женщину. И какую женщину! Она была потрясающе одета, волосы золотым ореолом обрамляли ее лицо. И только бинт на руке не вписывался в эту прекрасную картину. Она была очень привлекательна и к тому же чем-то знакома.

— Предпочтительно в ночной ресторан, одинокий грот или уединенное место на шоссе, — продолжала она, проскальзывая в комнату. Она улыбнулась Брюсу:

— Хороший костюм.

Ну, конечно, вспомнил Брюс. Они уже встречались на Готем-Плаза. Она — та самая женщина, которую клоун взял в заложницы. Тогда она выглядела такой нерешительной по сравнению с тем, как уверенно смотрела на него сегодня.

В тот день их глаза встретились. Она была очаровательна. Сейчас их взгляды встретились снова. Она стала еще прекрасней.

Брюс улыбнулся в ответ.

— Селина? — Макс словно увидел привидение. — Селина, Селина, — повторял он, как заезженная пластинка.

— Да, это мое имя, Максимилиан, — подтвердила Селина с легким намеком на улыбку. — Смотри же не протри его, а то я заставлю тебя купить мне новое.

Макс зажмурился и потряс головой, пытаясь привести мысли в порядок.

— Гм... Селина, познакомься... гм... это — Брюс Уэйн.

— Мы уже встречались, — учтиво ответил Брюс.

Селина немного смутилась.

— Правда?

Улыбка слетела с лица Брюса, когда он понял, что они и правда, никогда не виделись. Она встречалась с Бэтмэном.

— Извините, — быстро сказал он. — Я спутал себя с кем-то другим.

— Вы хотели сказать, спутали меня? — поправила Селина.

— Разве я сказал не так? — спросил Брюс.

— И да и нет, — уклончиво ответила она и подарила ему еще одну сказочную улыбку. Но ее рука была забинтована. Брюс шагнул к ней и слегка взял ее руку в свою.

— Что с вами случилось? — спросил он.

— Да, что?.. — вмешался Макс поспешно. — Вы, наверное, ушиблись на ледяной горке? Так поэтому вы прервали отпуск и вернулись? — Он улыбнулся. Брюсу эта улыбка почему-то не показалась доброжелательной.

Селина пожала плечами и немножко насупилась.

— Может, с разбитым окном следует что-нибудь сделать? А может быть, и нет. Стекло такое пыльное.

Она чуть-чуть закусила губку. Брюс подумал, что так она выглядит даже лучше.

— Я имею ввиду, — продолжила она после недолгой паузы, — у меня частичная потеря памяти. — Она сдвинула брови и начала объяснять. — Я помню, как Сестру Мери — Маргарет вырвало в церкви, а Бекки Райли сказала, что это от утреннего головокружения. — Она снова заулыбалась. — И помню, как однажды забыла надеть нижнюю юбку, собираясь в школу, и имя того парня, который это заметил — Рикки Фрейдберг! — Ее улыбка превратилась в саркастическую усмешку. — Он уже мертв. — Она посмотрела на Макса. — Но прошлая ночь..? — она покачала головой. — Всеобъемлющее и полное затемнение.

Макс по-прежнему улыбался, но теперь в его улыбке угадывался страх.

— Селина, — сказал он, бросив взгляд на сына. — Пожалуйста, покажи мистеру Уэйну дорогу.

Селина улыбнулась Брюсу и повела его к лифту. Брюс подумал, что последует за ней хоть на край света. Но лифты находились всего через две небольшие комнаты от них. Слишком короткий путь для сколько-нибудь значительного разговора.

Селина обернулась, когда они оба вышли в коридор.

— Вы не похожи на тех людей, которые ведут дела с мистером Шреком, — откровенно сказала она.

— Верно, — согласился Брюс. — А вы не похожи на тех людей, которые исполняют его приказания!

И опять эта улыбка.

— Ну, это долгая история.

— Что ж, — решился Брюс, — я мог бы выкроить немного времени.

Селина пристально посмотрела ему в глаза.

— У меня плотное расписание.

Брюс тоже посмотрел ей в глаза.

— А я искушен.

Селина шагнула назад к конференц-залу:

— Я на работе.

Брюс шагнул к лифту:

— Я ухожу.

Она исчезла по направлению к офисам Макса Шрека и Компании. Брюс повернулся к лифту.

— Се-ли-на, — бормотал он, на каждый слог нажимая на кнопку вызова.

Двери кабины открылись. Значит у нее плотное расписание? Он шагнул внуть. Он ей потом позвонит, если только...

Он прыгнул назад и раздвинул автоматические двери в стороны, прежде чем они полностью сомкнулись.

Он же упускает самую важную информацию!

Майкл Китон в роли Бэтмэна, таинственного рыцаря ночи, поклявшегося очистить Готэм-Сити от преступников.

ВВЕРХУ *Брюс Уэйн (Майкл Китон) обеспокоен тем, что роман с очаровательной девушкой, фотокорреспонденткой Вики Вэйл (Ким Бэсинджер) может помешать его ночной войне с преступниками.*

ВНИЗУ *Вики Вэйл (Ким Бэсинджер) в опасности, и Бэтмэн, расправляющийся с бандитами на улицах города, не может прийти ей на помощь.*

ВВЕРХУ *Главарь мафии Карл Гриссом (Джек Паланс), мило улыбаясь, предлагаетсвоему честолюбивому помощнику Джеку Нейпиру (Джек Николсон) лично возглавить диверсию на одной из принадлежащих преступному синдикату фабрик.*

ВНИЗУ *Честолюбивый гангстер Джек Нейпир (Джек Николсон) — законченный негодяй. Он не только строит далеко идущие планы крупных махинаций, но и «позаимствовал» любовницу своего босса Алисию, лучшую манекенщицу Готэма (Джерри Холл).*

ВВЕРХУ *Однажды семья Уэйн — отец, мать и сын — оказались ночью на одной из улиц Готэма. В живых из них после этой прогулки остался лишь малыш Брюс, выросший в беспощадного борца с преступниками.*

ВНИЗУ *Мы видим занимающегося благотворительностью мультимиллионера Брюса Уэйна (Майкл Китон) перед его роскошным особняком, расположенным неподалеку от Готэма. Но всегда ли то, что мы видим, совпадает с тем, что есть на самом деле?*

ВВЕРХУ *Несмотря на благие намерения, власти Готэма не в состоянии провести в жизнь свои предвыборные обещания, установить в городе закон и порядок.*

ВНИЗУ *Специалист по убийствам Джокер (Джек Николсон) созывает руководителей преступного мира города Готэма на совещание. Пришла пора перемен. Джокер уже отправил на тот свет своего босса, главу мафии Карла Гриссома.*

Искусный грим помогает Джокеру (Джек Николсон) скрыть обезображенное лицо и позволяет ему свободно передвигаться по Готэму, творя свои гнусные дела.

ВСТАВКА *Поединок Бэтмэна (Майкл Китон) и его заклятого врага Джокера (Джек Николсон) на колокольне полуразрушенного собора, возвышающегося на 800 футов.*

Джокер (Джек Николсон) возмущен тем, что Бэтмэну удалось привлечь прессу на свою сторону и стать угрозой его новой империи. «В каком мире мы живем, если человек в костюме Летучей мыши завладевает страницами прессы?».

Во время схватки с бандитами Джека Нейпира и полицией Готэма в помещении компнии «Эксис Кемикэл» Бэтмэн пользуется новейшими изобретениями в области вооружения.

MICHAEL KEATON
BATMAN
RETURNS

MICHELLE PFEIFFER
BATMAN
RETURNS

DANNY DEVITO
BATMAN
RETURNS

17

Женщина, звавшаяся ранее Селиной, сняла повязку и медленно, методично выдавливала кровь из пальца в фильтрованный кофе.

Так. Значит, Макс жаждет моей крови?

Она подняла голову и увидела, что Брюс наблюдает за ней.

Она слабо улыбнулась.

— Всю себя отдаю работе, — объяснила она.

Брюс тоже улыбнулся.

— Я... м-м-м... не разобрал вашей фамилии.

Только и всего. Как будто он каждый день видел, как люди капают в кофе кровь.

— О, — удивилась она. — Кайл. — Она прижала левую руку к уху, а правым указательным пальцем покрутила в воздухе как заправская телефонистка. — Номер сочините сами.

Вместо ответа Брюс поднял большой палец вверх и исчез.

В этом мужчине что-то есть, подумала она. Что-то, что почти заставило ее вернуться к скромной старушке Селине Кайл. Она по-кошачьи замурлыкала. Почти, но не достаточно.

Эта штучка Селина нагнала на него страху, вынужден был признать Макс. Умри она, и все было бы намного проще. Но он не мог позволить этой загвоздке разрушить секретность его планов.

Настало время позвонить Пингвину и нанести визит в его новый дом. Нельзя сказать, чтобы Освальд Кобблепот знал о настоящем предназначении резиденции. Пока...

Чип увидел, как отец потянулся к телефону.

— Ты думаешь, с ней не будет проблем? — спросил сын.

— Кто знает этих женщин, — ответил Макс, набирая номер. Он посмотрел на сына и набрал последнюю цифру. На другом конце провода зазвонил телефон.

В трубке послышался грубый голос.

— Алло, — сказал Макс в микрофон. — Освальда, пожалуйста.

Сын махнул рукой и вышел, а Макс остался дожидаться Пингвина.

Это отлично сработает.

В складском помещении Пингвина зазвонил телефон.

Освальд Кобблепот был удовлетворен — на этот раз Макс превзошел себя. Новый штаб был превосходен. В распоряжении Пингвина было два этажа. Нижний — обширный и хорошо освещенный, находился на ремонте, словно Макс планировал предоставить Пингвину что-то вроде офиса. Без сомнения, это будет подобающее место для приема публики, если только Пингвин захочет когда-нибудь заниматься подобными вещами.

Верхний этаж — совсем другое дело: грязный, пыльный, загроможденный разным хламом — настоящее рабочее место. Парни из «Красного Треугольника» околачивались здесь целыми днями, отрабатывая свои фокусы и совместные буйные представления. Они распотрошили решетку просторного вентиляционного лабиринта, который заканчивался на задней стороне здания. Теперь гангстеры могли свободно входить и выходить, не смущаясь при встрече с приторно-правильными посетителями нижнего этажа.

Перед Пингвином кипой лежали списки имен на желтых блокнотных листах. Он отыскивал каждое имя в телефонных книгах Готема и выписывал адреса. Довольно нудная работа.

А телефон продолжал надрываться.

Шарманщик согнал с плеча обезьянку и снял трубку.

— Да? — рявкнул он и через секунду протянул трубку Пингвину. — Вас, босс.

— Кто там еще? — Пингвин вырвал трубку и почти заорал: — Да? Что там? Я занят.

— Отлично, — успокоил его слишком веселый голос Макса. — Продолжай заниматься делами. У меня есть внизу кое-какие дела.

Что он имел в виду? На нижнем этаже его апартаментов? С тех пор как Пингвин заключил сделку, он знал, что придется примириться с существованием Макса. Но он и не предполагал, как это будет мешать его работе.

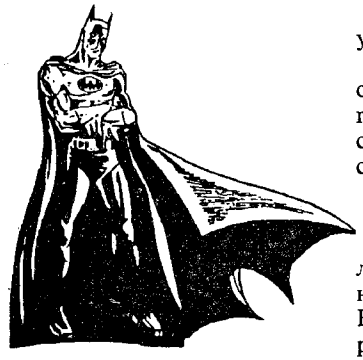
— Планы, — неохотно повторил он. — Превосходно, только позже.

Пингвин отшвырнул трубку. Он займется Максом в другое время. А теперь он должен закончить с телефонной книгой и списком.

Работы было много, зато финальная месть станет еще слаще. Он вернулся к работе, подбирая адреса под каждое имя.

В конце концов, постоянные развлечения без работы делают Пингвина скучным.

18

Самое время побродить по улицам.

Она была не в силах дольше оставаться в своем логове, даже после его преобразования. Кошки существуют для того, чтобы скитаться в темноте ночи.

И она пошла побродить.

Что у нас здесь?

Грязные улицы Готема, казалось отхаркивали каждый день новых ублюдков. Кто это сегодня? Всего лишь посредственная огородная разновидность грабителя. Он схватил хорошенькую молодую женщину и тащил ее в безлюдную аллею.

— На помощь, Бэтме... — закричала было женщина.

Бэтмэн? Неужели это все, о чем только могут думать женщины?

— Сейчас, сейчас, — ухмыльнулся бандит — погоди, малышка, хорошенько и легко...

Жертва съежилась и вытащила кошелек.

— Пожалуйста. Не делайте мне больно. Я сделаю все!..

Но для другой женщины этого было вполне достаточно. Она спрыгнула с пожарной летницы и приземлилась точно на спину грабителя. Он полетел на землю.

— Мне нравятся большие сильные мужчины, которые не боятся продемонстрировать свою силу, — объяснила она, в то время как бандит катился по земле, — на ком-нибудь в два раза слабее.

Грабителю удалось перевернуться на спину. Он удивленно уставился на нее.

— Какого черта... — начал было он.

— Повежливее, — пригрозила она. — Это мой первый выход на сцену!

Но, видимо, он не слушал. Он прыгнул с рычанием — прыгнул, намереваясь схватить ее.

Она отскочила с его пути и нанесла сильнейший удар ногой. У него перехватило дыхание и он зашатался.

Ха, неплохо получилось, подумала она. Но прежде, чем он оклемается, она оставит ему кое-что на память.

Она прыгнула на него и расцарапала когтями лицо.

Бандит закричал и повалился на асфальт.

— Так-так, — пробурчала она с триумфом.

Жертва грабителя бросилась к ней.

— Спасибо вам, — выдохнула она. — Спасибо, я была так напугана...

Но ее защитница была сыта сценой по горло. Она легонько оттолкнула одним из своих когтей опешившую жертву к стене.

— Для вас это так легко, не правда ли? — спросила та с отвращением.

— Ты, хорошенькая, трогательная, молоденькая сучка, всегда ждешь какого-то Бэтмэна, чтоб он спас тебя?

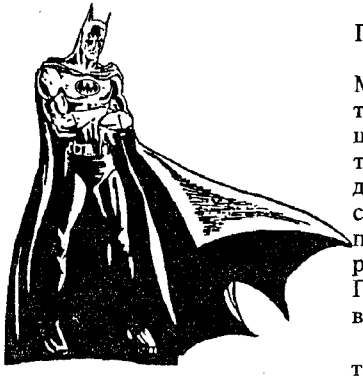
Жертва опять съежилась и задрожала от страха, ожидая чего-то еще более худшего.

«Спасительница» наклонилась и прошептала на ухо жертве:

— Я — Кэтвумэн, женщина-кошка. Тебе нравится мое урчание?

С этими словами Кэтвумэн, кувыркаясь «колесом», понеслась прочь, к концу аллеи и исчезла во мраке ночных улиц.

19

Ему постоянно мешают, так Пингвин никогда не закончит!

Он поднял глаза и увидел, как Макс Шрек пробирается сквозь толпу циркачей мимо разукрашенного тяжеловеса, чьи вытатуированные пузатые танцоры в диком танце струились по бицепсам. Бизнесмен остановился и пропустил шагавшего на руках акробата. Шрек улыбнулся Пингвину. Он выглядел слишком веселым для делового человека.

Макс взглянул в сторону труппы.

— Ха, — заметил он, — твоя большая семья.

Пингвин вздохнул. Похоже, Макс клонит к чему-то. Его спискам придется немного подождать.

— Давай спустимся вниз, Освальд. У меня есть для тебя небольшой сюрприз, — настоятельно упрашивал Макс.

Пингвин сердито посмотрел на Макса.

— Я не люблю сюрпризов. — Пингвину до сих пор иногда

приходили мысли, что решение выбраться из канализации было ошибочным.

Но Макс настаивал. Он увлек Пингвина за собой из-за стола по спиральной лестнице.

Пингвин нехотя плелся за Шреком. Значит, у Макса появились новые идеи. Главное, чтобы он помнил, случись что-нибудь с Пингвином, и его друзья-циркачи будут скоры на расправу.

Следовательно, сюрприз будет приятным.

И все же Пингвин с сожалением вспоминал о холодной воде.

Макс попытался положить ладонь на глаза Пингвину.

— Не хочу отравлять тебе сюрприз!

Пингвин заворчал. Доверять людям — одно дело, но некоторые — просто напрашиваются. Макс быстро отдернул руку.

— Тогда закрой глаза, — приставал Макс.

Ох, хорошо. Пингвин послушно закрыл глаза и не открывал их всю дорогу, пока Макс вел его вниз по лестнице. Лучше бы сюрприз был приятным, иначе он разрешит своим ребяткам немного поупражняться на Максе. Пусть чуть раньше срока.

Они сошли с лестницы на бетон, и Пингвин открыл глаза.

— Ну как тебе? — воскликнул Макс.

Пингвин оглядел нижний этаж. Он был переделан из старой аптеки во что-то суетливое и веселое, полное новых письменных столов, современных компьютеров и улыбающихся школьников. Вся мебель сверкала белизной, а стены были затянуты красной, белой и синей материей. Но самым удивительным здесь были вывески и плакаты, самый большой из которых гласил:

«Кобблепота — в мэры!»

Словно этого было недостаточно — повсюду были развешаны афиши с изображением Пингвина вместе с надписью:

«Оззи против консерваторов!»

Каждый из Пингвинов на них радовался и аплодировал. Улыбка Макса стала еще шире.

Пингвин был изумлен.

— Но... — начал он. — Что... Я хочу сказать... — вновь попытался объяснить Пингвин.

Он не знал, что хочет сказать.

Что здесь происходит?

— Да, — сказал Макс несдержанно. — Лесть — противоположность грубости. Бог знает, что я знаю. Но кто-то должен занять место нашего преграждающего путь к прогрессу мэра, и не отрицайте этого, мистер Кобблепот, ваш гений больше наших с ним двоих вместе взятых!

— Мэром? — переспросил Пингвин.

— Да, в мэры, — улыбнулся Макс.

Но птицеподобный маленький человечек, проведший боль-

шую часть жизни в канализации, не видел в этом никакого смысла.

— Макс,— напомнил он, — выборы происходят в ноябре, а сейчас-то конец декабря!

Макс подозвал прилично одетую пару, одетую так прилично, что казалось они пахли деньгами, успехом и силой. Мужчина и женщина. Оба в одинаковых темных костюмах, оба с одинаковыми сияющими белозубыми улыбками. Они нервировали Пингвина.

Мужчина неодобрительно осмотрел Пингвина, прежде чем улыбка вернулась на место.

— Держите зонтик, — посоветовал он. — Он идет вам. Я — Джош. Вот так лучше! — С этими словами он вставил что-то Пингвину в рот. — Рекламируйте свое право на рождение.

Пингвин свирепо уставился на новый объект между губами. Это был черный как смоль мундштук. Теперь женщина вертела его во все стороны. Пингвину очень хотелось вернуться к своим желтым листкам.

— Я — Джейн, — сказала она, схватив его за рукав. — Постойте минутку спокойно, а я натяну на вас эти маленькие перчатки, или как их там...

Перчатки? Пингвин наблюдал, как она ловко работала пальцами. Она была очень привлекательна в этом строгом костюме, и он был бы непрочь забраться под него. Она случайно коснулась плавников, и ее улыбка превратилась в гримасу. Вот так всегда, по-особенному, — думал Пингвин, — складываются его отношения с женщинами.

— Наши исследования показали, что избиратели предпочитают пальцы, — объяснила Джейн, натягивая черный материал.

Пингвин критически оглядел обновку. Ладно, если женщинам пальцы нравятся больше плавников...

А этот тип Джош зачем-то ощупывал одежду Пингвина. Какие у этого парня проблемы? Конечно, комбинезон был поношенным; конечно, он пообтрепался и прослужил так долго, что стал немного лосниться. Но Пингвин твердо верил — комбинезон был частью его самого.

— А в канализации, похоже, мало отражающих поверхностей, — заметил Джош.

Отражающих поверхностей? А, он имеет в виду зеркала! Джейн весело рассмеялась. Пингвину понравился ее смех, и он тоже засмеялся. И все окружающие присоединились к ним.

— А знаете, — Пингвин стал серьезным, — ведь могло быть намного хуже. У меня из носа могла хлестать кровь.

Джош не понял.

Из носа — кровь? Что вы хотите сказать?

Пингвин ударил, быстро, зло, точно в нос. Давайте смейтесь

теперь над ним. Пингвины, вскормившие его, обучили Освальда паре трюков.

— Достаточно, — сказал Макс, растаскивая дерущихся в стороны. — Оба хороши...

Он махнул толпе, чтобы все вернулись к работе. На минуту все забыли о Джоше. Тот, не теряя времени, грохнулся без сознания. Парень совсем потерял жизненные силы. Придется Максу найти консультанта уровнем повыше, чтобы и дальше иметь дело с Пингвином!

Макс отвел Пингвина в укромный уголок.

— Ты прав, — признал Макс, когда их не могли услышать. — Мы упустили традиционное время выборов. Но официальным лицам могут выразить недоверие, они могут быть отозваны избирателями и получить пинка под зад. Вспомни Никсона, Мичема, Барри... — Он сделал паузу и затем указал на плакат над головой. — Теперь подумай о себе, Освальде Кобблепоте, заполняющем пустоту.

Но Освальд Кобблепот по-прежнему созерцал Джейн.

— Я бы лучше заполнил ее пустоту, — пробурчал он.

— Нам необходимо собрать подписи, — настаивал Макс, — чтобы заново провести выборы. И я могу набрать их для тебя, Освальд.

— И научить ее моему трюку «французский плавник», — твердил свое Пингвин. Удивительно, каким только чудесам не научишься, работая в цирке.

— Освальд, — упорно добивался своего Макс. — Нам необходима еще одна вещь.

Пингвин прищурился. Ага, кабинет мэра — вот о чем они говорили, не так ли?

— Избирательная платформа? — догадался он. — Дайте подумать. «Остановить глобальное потепление! Начать глобальное оледенение!» Превратить мир в огромный ледяной шар...

— Идет, Освальд, — с готовностью согласился Макс. — Но, чтобы добиться отзыва мэра, нам нужен катализатор, толчок, инцидент.

Да, думал Пингвин, мэр. Теперь, когда он привык к этой мысли, она стала ему нравиться. Даже более того. «Ваш стол готов, мэр Кобблепот». А как насчет женщин? Женщин типа Джейн? Э, раз уж он мэр, у него будут отборные женщины.

— Ты нужен мне, Освальд. Ты нужен мне сейчас. Это самый большой «зонтик», какой я когда-либо...

— ...Как пожар рейхстага, — продолжал Макс настойчиво. — «Как Тонкинский залив»[1].

О чем толкует Макс? Наверное, что Пингвин еще не стал мэром. О'кей, он получит это место. В конце концов, он привык

1 Территория северного Вьетнама (*прим. пер.*)

давать по двенадцать представлений на дню... Он выдержит все что угодно.

Но прежде мэрства была работа. Грязная работа. Впрочем, Пингвин знал, кто с ней может справиться.

— А, понимаю, — догадался он, — ты хочешь, чтобы мои друзья — те, что наверху, — заставили мэра лопнуть от бешенства.

Макс усмехнулся шутке.

— Именно, — согласился он. — Но они всегда должны приходить и уходить отсюда только через вентиляционный ход, чтобы не вызвать подозрений.

Значит, Макс предлагает подпольный саботаж?

— Звучит забавно, — согласился Пингвин. — Но я...

Он колебался. События развивались так быстро, что он почти позабыл о своих истинных стремлениях.

Макс вопрошающе смотрел на него.

— Я не должен двигаться в объезд, — обьяснил Пингвин. — У меня свои собственные...

— «В объезд»? — прервал его Макс. Он раскрыл объятия, словно хотел обхватить не только окружающие здания, но весь Готем-Сити. — Освальд, это твой шанс вернуть свою судьбу, в которой твои родители неосторожно тебе отказали...

Тут Макс прав. Что там говорил этот противный слюнтяй Джош?

— Рекламировать мое право на рождение, это ты имел в виду? — спросил Пингвин. Сейчас, когда он все обдумал, фраза звучала очень неплохо.

Макс кивнул. Он стоял по-прежнему с распростертыми объятиями.

— Представь, — он опустил одну руку, — к тебе будут прислушиваться массы. — Он опустил другую. — И у тебя будет доступ к управлению промышленностью. — Он раскрыл обе ладони и собрал их в чашу. — Неограниченные возможности!

Пингвин был впечатлен.

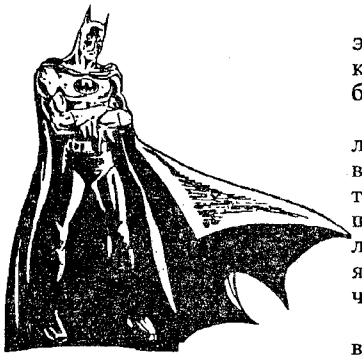
— Ты предлагаешь нелегкую махинацию, Макс. — Он сделал паузу, достаточную чтобы осознать, каков его выбор. — Хорошо. Я буду мэром.

Он подошел к выходящему на улицу окну, забранному тяжелыми жалюзями. Просунув плавник в новенькой перчатке между планками, Пингвин посмотрел на вечерний Готем-Сити — город, который скоро станет его собственностью. Он сможет забрать себе все: сначала офис мэра, а потом, когда весь Готем будет у его ног, свершит свою сладкую месть.

Пингвин улыбнулся и пробормотал всего три слова:

— Жги, малыш, жги.

20

Нет ничего забавнее цирка. И это было вдвойне справедливо, когда тон представлению задавала банда циркачей.

Шарманщик наигрывал веселый мотивчик, а обезьянка танцевала и смешила остальную труппу. Музыкант нажал на поршень и из инструмента послышалось жужжание и скрежет. Обезьянка протанцевала к публике, чтобы собрать наличные.

— Ох уж эти деньги! — воскликнул шарманщик. — Они прожигают такую дыру в моем кармане!

Первый акт представления закончился. Во втором вышел толстый клоун и принялся рассказывать о разных злоключениях Пингвина.

— Ледяной каток был залит светом факелов. — Что бы он ни говорил, в его словах всегда чувствовались сарказм и ирония. И потом, почти без паузы, он продолжал: — Рапорты двенадцатого полицейского округа порицают граффити на стенах зданий и ... ограбление аптек со взломом!

Пингвин сжал кулак в новенькой перчатке.

— Мне нравится пачкать плавники! — закричал он с триумфом. Пингвин выбросил кулак вперед и закусил губу. — Двинуть кому-нибудь по шее. Съесть чью-нибудь любимую собачноку...

Тут он сообразил, что такое поведение не подобает мэру.

— Но ваши бесчинства в городе должны гармонировать с осторожностью, — заметил он. Ох-ох, тяготы власти. По крайней мере, они, эта банда, не будут вмешиваться в другие его дела.

Пингвин вернулся к телефонным книгам и блокнотным листам. Он должен добавить еще несколько адресов к списку.

Готем-Сити засыпал.

Селина выглянула в окно. Откуда-то бежали люди, где-то завывали три или четыре полицейские сирены. Вдалеке бушевал пожар. Она услышала выстрелы — так близко, словно из-за угла.

Мисс Китти недвусмысленно мяукнула.

А почему бы и нет?

Селина быстро переоделась.

— Оргия секса и силы? — спросила она кошку. — Что ж, тогда, Мисс Китти, включи и меня.

Она выбралась на пожарную лестницу. Берегись, Готем-Сити!

Кэтвумэн вышла поточить когти.

Опоясанная ножами леди поигрывала топором, примериваясь к запертой двери магазинчика. Остальная шайка стояла вокруг, довольствуясь избиением беззащитных прохожих.

Из тени аллеи шагнул Бэтмэн.

Бандиты обернулись к нему в дьявольском приветствии.

Он потянулся к поясу и извлек маленькое электронное приспособление, идеально подходившее к данной ситуации. Держа коробку в руках, он нажал на четыре белые кнопки, а затем на красную.

Женщина с ножами метнула клинок в грудь Бэтмэна. Лезвие застряло в эмблеме его армированного костюма. Бэтмэн вытащит его потом, когда выдастся свободная минутка. Он ввел вторую программу в свое устройство.

Бандиты с боевым кличем всем скопом бросились на него. Бэтмэн нажал последнюю кнопку, и два крылышка выскочили по бокам коробки. Компьютерный Бэтеранг был готов заняться нападающими.

Бэтеранг вырвался из рук Бэтмэна и срекошетив о голову ближайшего гангстера, устремился к слдующему. Один-двое-трое-четверо нападающих и Леди с ножами рухнули под мощными ударами миниатюрного истребителя. Бэтмэн шагнул вперед, Бэтеранг просвистел за спиной и достал пятого, который подкрадывался с тыла.

Потративший большую часть энергии Бэтеранг на бреющем полете возвращался к Бэтмэну. Неожиданно из ближайшей подворотни выскочил пудель и, схватив Бэтеранг зубами, запрыгал обратно. Через секунду воришка и женщина в изодранном цирковом костюме уже бежали прочь по аллее.

Надо бы вернуть свою собственность, подумал Бэтмэн. Он рванулся вслед за удаляющейся парой.

Какой-то человек преградил ему дорогу и начал выуживать из горла шпагу. Не теряя времени, Бэтмэн ударил его под ребра локтем. Шпагоглотатель согнулся пополам. Бэтмэн оказал ему первую помощь, вытащив из его пасти шпагу.

Он переступил через обмякшее тело, но тут же столкнулся с тощим клоуном, чей костюм украшали динамитные шашки и белеющее личико тикающих часов. Очень похоже на человека-бомбу.

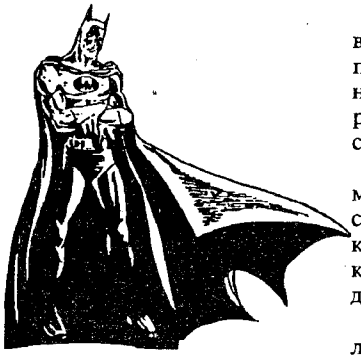
— Я взорву здесь все к... — начал было циркач.

Бэтмэн ударом шпаги рассек ремешки, поддерживающие динамит. Затем, подцепив бомбу острием, перебросил ее в свободную руку. Он трахнул клоуна рукоятью шпаги по голове.

Не дожидаясь, пока клоун рухнет на асфальт, он зашвырнул шпагу между деревьев и пошел по аллее.

Бэтмэн взвесил бомбу в руке. Никогда заранее не знаешь, когда такая вещь окажется под рукой.

21

Кэтвумэн не обращала внимания на выстрелы, сирены и пронзительные крики. Сейчас ее не интересовали подобного рода разрушения. Она предвкушала свои собственные.

Она подошла к главным дверям магазина Шрека — к универмагу своей мечты. Или это был ночной кошмар? Она была уверена, что у кое-кого кошмары начнутся еще до наступления ночи.

На дверях красовалась вытравленная на стекле шрековская эмблема, изображавшая хорошенького котенка.

Как это соответствует образу Кэтвумэн.

Одним ударом когтей она разнесла стеклянного котенка. Осколки двери посыпались ей под ноги.

Так даже лучше. Котенок все равно уже вырос.

Осторожно просунув руку сквозь торчащие куски стекла, она открыла дверь изнутри. Теперь магазин был в ее распоряжении. Она радовалась близкой расплате. Макс Шрек ей за все заплатит!

Она выпустила когти и принялась за дело. Нежный шелк блузок и оригинальный дизайн целого ряда манекенов с треском разлетались в клочья. Но ей этого было недостаточно. Что ей было необходимо — так это музыка. На полу стояла стереосистема, пробуждавшая у покупателей днем рождественское настроение. Она быстро просмотрела пленки, отбрасывая в сторону все, связанное с Фрости-Снеговиком и маленькими барабанщиками. Ага... Вот это более или менее подходит. Спокойный джаз. Мелодии кошачьих прогулок. Она включила музыку и огляделась, соображая, что бы еще такого

разломать. Вон тот стеклянный колпак с драгоценностями выглядит многообещающе. Она запрыгнула на его вершину, переместив весь вес своего тела на шпильки туфель.

— О, это все мне! — воскликнула она, когда стеклянная сфера, разбрасывая золото и серебро, разлетелась под сильным ударом. — Ну, зачем вы так? Право же, не стоило.

Может, ей вернуться перед уходом и соединить отдельные куски стеклянного контейнера? Но прежде она должна распотрошить что-нибудь еще. Кэтвумэн жаждала мести.

Она задержалась у секции спортивных товаров. Э, да здесь есть батуты! Она так обожает батуты! Черт, с погромом Универмага можно подождать. Она только прыгнет разок-другой.

Да, у нее появилась компания. В то время как два охранника осторожно приближались к ней, она по энерции продолжала взлетать и опускаться.

— Кто это? — спросил один из них и сеундой позже добавил: — Я имел ввиду, что это?

У второго отвисла челюсть, и он просто кивнул.

— Я и сам не знаю, что делать — то ли открыть огонь, то ли влюбиться.

— Несчастные мальчики, — огорченно ответила им Кэтвумэн, — вечно вы путаете пушки со своими членами.

Оба выхватили пистолеты, словно все это время только ждали чьей-то подсказки. Спрыгнув с батута, Кэтвумэн выбила пистолет из руки ближайшего к ней охранника, а затем, вывернув руку второму, шлепком разоружила и его. Оба они не изъявляли никакого желания ввязываться в более серьезную драку. Она прокрутилась колесом к противоположной стене, отколов по дороге изрядный кусок облицовочного кафеля. Ух ты, смотрите-ка, что тут у нас есть. Цистерна с пропаном! Как босс рассчитывает на надежного робкого административного ассистента, так и Кэтвумэн рассчитывала на что-то вроде этого.

Не мешкая, она выпустила когти и пробила в баке несколько дырок. Газ с шумом начал вырываться наружу.

— Не убивайте нас! — в ужасе взмолился охранник.

— Наш чистый заработок ниже трех сотен! — подхватил его напарник.

— Вам переплатили, — согласилась Кэтвумэн. Она указала когтем большого пальца на главный вход. — Убирайтесь!

Охранники бросились прочь, а Кэтвумэн перешла к автомобильной секции. Вот эти жестянки с аэрозолем справятся с работой просто великолепно. Следующая остановка — «Современная кухня» с ее любимыми микроволновыми печами. Дюжину банок с аэрозолем в печку — и останется лишь подождать радующего душу сигнала «би-и-п», как только печки начнут работать, а потом...

В Универмаге Шрека будет шумная вечеринка!

* * *

Бэтмэн покачнулся и чуть было не упал на колени. Кто-то уж больно сильно обрушился на него сзади; он даже почувствовал удар через защитную броню костюма. Он с трудом сделал несколько шагов и обернулся. За спиной стоял огромный как скала циркач-громила.

— Перед тем, как я тебя укокошу, можешь меня ударить. — Тяжеловес рассмеялся. Он напряг мышцы, и нарисованные танцоры заструились по его телу. — Ну, давай. Ударь меня! Вмажь со всей силы! Мне необходимо хорошенько посмеяться!

Бэтмэн толкнул здоровяка в живот обоими кулаками. Тот даже зарычал от смеха.

— Ты называешь это...

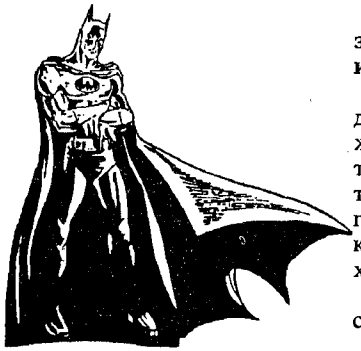
Смех оборвался, когда силач обнаружил, что Бэтмэн вовсе не толкнул его руками, а прицепил бомбу к его леопардовой коже.

Громила не успел даже вскрикнуть — Бэтмэн сильно оттолкнул его ногой к зиявшему в двух шагах канализационному люку. Просто удивительно, как это вокруг негодяев Пингвина всегда полно открытых канализационных люков!

Взрыв резко оборвал крик падения тяжеловеса. Из мрака подземелья заструился дымок. Бэтмэн не питал симпатии к канализации — он поежился и повернулся прочь.

Там, на другой стороне улицы, стоял Пингвин.

22

Пингвин стряхнул обломки с зонтика. Дьявол, дела сегодня идут из рук вон плохо.

Он посмотрел на Бэтмэна. Каждый его мускул трепетал от напряжения. Влюбой момент он был готов пустить в ход один из своих трюков с зонтиком. Но вместо того, чтобы нападать, человек в маске махнул на творившийся вокруг хаос.

— Восхищаешься делом рук своих? — спросил Бэтмэн.

Пингвин энергично потряс головой. Как заблуждается эта бдительная маска. Разве Бэтмэн не слышал о его новом имидже?

— Оцениваю размеры разрушений, — рассудительно объяснил он. — Прикидываю размеры убытка, что входит в прямые обязанности мэра.

— Ты не мэр, — Бэтмэн покачал головой.

Пингвин пожал плечами.

— Времена меняются.

Ну почему они относятся друг к другу как враги? Два таких экстраординарных человека, два отшельника — они могли добиться намного большего, если бы работали рука об руку. Пингвин протянул свою новенькую, доказывающую-обновленный-имидж, перчатку для рукопожатия.

— Эй, рад был познакомиться! — сказал он своим лучшим из голосов будущего мэра. — Мы оба будем работать в перчатках в близком и гордом будущем Готема.

Но Бэтмэн не подал руки. Он задумчиво смотрел на плясавшие по всей площади желтые язычки пламени.

— Когда-то ты был их забавой, — как бы между прочим заметил Бэтмэн, — а теперь клоуны работают на тебя самого. Наверное, чувствуешь удовлетворение?

Ладно, хватит дипломатичности, решил Пингвин.

— В большей степени, чем ты, Бэт-малыш, можешь себе представить! — В его голосе звучали зло и обида.

— Чего ты хочешь? — сурово потребовал Бэтмэн.

Это прозвучало как вызов, и Пингвин улыбнулся.

— Вопрос в лоб. Я восхищен этим качеством человека в маске. — Он ткнул зонтиком в сторону Бэтмэна. — Надеюсь, ты не рассчитываешь на выигрыш?

— Времена меняются, — улыбнулся человек в маске.

Да-да-да, как смешно, подумал Пингвин. Интересно, как весело станет Бэтмэну, когда Освальд Кобблепот запустит свой дьявольский план в действие? Как бы это выразить словами?

Внезапно его внимание привлек звон разбитого стекла. Оба, и Пингвин и Бэтмэн, повернулись в сторону шума. Кто отважился напасть на Универмаг Шрека? И тут они увидели женщину в черном: она проделала серию прыжков через спину, направляясь к ним через площадь. В заключение она исполнила сальто и приземлилась к ним лицом.

Черный костюм, плотный и облегающий, делал ее похожей на кошку, на тот тип кошки, с которой Пингвину хотелось бы познакомиться поближе.

— Мяу-у, — поздоровалась она.

В этот момент Универмаг Шрека взлетел на воздух.

Пингвин выглянул из-под зонтика. Дождь из осколков стекла, похоже, прекратился. К его огорчению, женщина-кошка тоже исчезла.

Он посмотрел на соперника.

— Я раньше ее заметил, — поспешил застолбить свое первенство Пингвин.

Судя по тому, как Бэтмэн изучал близлежащие здания, он отнюдь не был удивлен происходящим. Кажется, вежливая беседа подошла к концу. И для Пингвина лучше всего убираться отсюда.

— Извини, дела. Должен улетать. — Попрощавшись, он нажал на соответствующую кнопку на рукоятке зонтика. Стальные стержни, поддерживавшие ткань, начали вращаться. Черный материал разлетелся в клочья, и теперь лопасти вращались свободно. Компактный ротор — на случай необходимости быстро подняться в небо. Другими словами — зонтиколет.

Умно придумано, ведь так, Бэтмэн? И этот гений ума приведет Пингвина к победе. Но куда же подевался этот чудак в маске? Даже не попрощался.

Пингвин, придерживая шляпу, уплывал от опасностьи прочь, навстречу своей судьбе.

* * *

Она должна быть где-то здесь, наверху. Бэтмэн воспользовался лебедкой из незаменимого пояса с принадлежностями, чтобы преодолеть болтшую часть пути. Однако последние два этажа ему пришлось подниматься по пожарной лестнице. На-

конец он выбрался на крышу дома, где минуту назад заметил Кэтвумэн.

— Где это горит? — раздался голос у него за спиной.

— У Шрека, — просто ответил Бэтмэн. Обернувшись, он увидел, как она спускается с конька крыши. Теперь он разглядел ее — черный костюм был изорван осколками в полудюжине мест, обнажая бледные «заплатки» тела и пару царапин.

— Вы...— начал было он.

Она ударила его в лицо. Бэтмэн отшатнулся, но тут же отбросил ее ударом в подбородок.

Она упала, жалобно захныкав.

— Как вы могли... — простонала она, съежившись на крыше. — Я ведь женщина...

О чем она говорит? Может, он ударил ее слишком сильно? Но он привык драться исключительно с мужчинами...

— Прошу прощения... — он все еще колебался. — ...Я...

Кэтвумэн молниеносно выбросила оба каблука вперед, оттолкнув его ногами в грудь. Удар был таким сильным, что он перелетел через парапет крыши. Бэтмэн выставил руки, пытаясь за что-нибудь ухватиться и остановить смертельный полет.

Вдруг он услышал свист хлыста, а в следующий момент бич кольцом захлестнулся вокруг его руки. Его сильно дернуло, и падение остановилось. Кэтвумэн подтягивала его обратно на крышу.

Она привязала свой конец хлыста к флюгеру и оставила Бэтмэна болтаться за краем на убийственной высоте.

— Как я уже говорила, — томно заметила Кэтвумэн, — я — женщина, и мне нельзя доверять. Слышишь, ты, Бэтмэн?

Она что, смеется над ним? Он сгримасничал.

— А цепляться за каждое слово?

— Хорошая шутка, — согласилась она. — Хочешь услышать еще одну?

Бэтмэн осторожно кивнул. Он понятия не имел, как его слова подействуют на нее.

— Жизнь заставляет мальчиков завоевывать мир, а девочек — носить чистые трусики, — объяснила она. — Мужчина, одетый как летучая мышь, — настоящий мужчина, а женщина в костюме кошки — женщина-дьявол! — Она провела когтями по натянутому хлысту, державшему Бэтмэна. — Но я слишком увлеклась объяснениями. Жизнь — порядочная сука, и поэтому я — тоже.

Казалось, разговор был окончен. Бэтмэн тихонько забрался свободной рукой в пояс с принадлежностями и выудил оттуда красно-синюю капсулу.

— Настоящий мужчина? — сухо рассмеялся он. — Конечно. Они включают свой дурацкий сигнальный маяк, а потом удивляются, из какой дыры я вылез!

— Ха, достойный ответ. И ты даже не пытаешься забраться ко мне под колготки! — Она подцепила хлыст коготком и слегка дернула. — Но объясни мне, если ты имеешь на них зуб, почему ты защищаешь их, подставляя под удар свою Бэтзадницу?

Бэтмэн покачал головой.

— Я просто не могу заснуть по ночам. Взрывающиеся универмаги постоянно меня будят. — Он сжал капсулу в руке, протолкнув ее красную часть в синюю. *Раз...*

— Я тоже не могу заснуть, вот и вся хрупкая связь между нами. Но связь через глубокую пропасть: ты живешь, чтобы сохранить мир, а я — жажду его разрушить! — Она протянула когти, собираясь перерезать хлыст. — Это может внести напряжение в наши отношения.

... четыре, пять, — сосчитал Бэтмэн. Труба в его руке стала ярко-пурпурной и начала пузыриться. Он швырнул капсулу в руку Кэтвумэн, когда та была уже готова перерезать хлыст.

Смесь взорвалась на ее предплечье. Кэтвумэн вскрикнула и потеряла равновесие. Она не удержалась на краю крыши и, сорвавшись вниз, пролетела в дюйме от Бэтмэна. Ей удалось зацепиться за выступ стены парой метров ниже. Пытаясь нащупать когтями трещину или неровность, она неистово скребла по бетону.

Бэтмэн высвободил руку из обвивавшего его хлыста и скользнул вниз, на выступ, за который она держалась. Он захватил запястья Кэтвумэн. Бэтмэн постепенно подтягивал ее вверх, перехватив за подмышки, а потом вокруг талии. Выступ был таким узким, что ему пришлось довольно крепко прижать ее к себе. Со стороны казалось, что они нежно обнимаются.

— Кто ты? — прошептала Кэтвумэн, заглядывая ему в глаза. — Что за человек прячется под маской летучей мыши? — Она грустно улыбнулась. — Может, он поможет мне открыть женщину под вуалью кошки? — Она поглаживала пальцами по его панцирю. — Это не он. А, вот ты где!

Ее рука остановилась в том месте над его талией, где соединялись две основные части брони. Без лишних слов Кэтвумэн глубоко вонзила когти сквозь тонкую материю.

Бэтмэн вскрикнул от боли и оттолкнул ее прочь.

Беспомощно кувыркаясь в воздухе, она полетела в пропасть между домами.

— Нет!.. — прошептал Бэтмэн.

Она упала в кузов проезжавшего внизу грузовика, груженного песком.

Кэтвумэн вскочила на ноги и помахала удивленному Бэтмэну.

— Меня спасла подстилка Китти, — закричала она. — До скорого!..

Она разорвала рукав и осмотрела в мелькающем свете проносящихся мимо уличных фонарей красный рубец на предплечье.

— Значит, это была не пуля, — пробурчала она. Но ожог довольно сильный! Таков уж этот Бэтмэн, думала она.

— Ублюдок, — добавила Кэтвумэн.

— Сука, — выругался Бэтмэн, осматривая рану — четыре аккуратные дырочки в нижней части живота. И болели они намного серьезней, чем выглядели. Только сейчас, в безопасности Бэт-пещеры, он смог обстоятельно обследовать их.

Бэтмэн подошел к пульту связи и щелкнул тумблером, затем нажал на клавишу.

— Альфред, — позвал он. — Ты не принесешь мне немного ассептической мази? Пожалуйста.

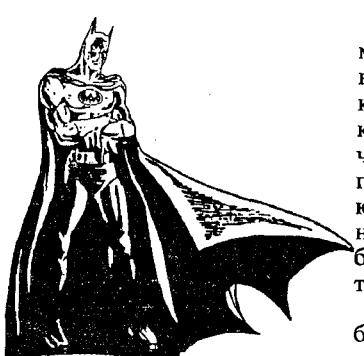
— Иду, — участливо отозвался голос дворецкого. — Вас не ранили, сэр?

— Да, — признался Бэтмэн, — немного. — Он потянулся к тумблеру и прервал связь.

— Но я не очень-то и жалею об этом, — мягко добавил он. Бэтмэн осторожно потер ноющий живот, размышляя, что же все-таки произошло, и с кем.

— Мяу... — передразнил он.

23

Рабочий стол стал теперь намного уютнее. Она выбросила в ведро старые занудные записки, которыми Селина залепила весь компьютер и которые та часто читала сама себе. Вместо них появились новые, более подобающие напоминания: «Игнорировать авторитеты», «Не брать пленных», «Ужасать». Да, так ей нравится намного больше.

Муха прожужжала слишком близко над ее ухом. Она поймала насекомое на лету и раздавила, даже не взглянув. Это только первая жертва, которую она раздавит сегодня.

Наступило время полуденного кофе.

Селина схватила молочницу и сделала последние, но самые важные приготовления.

С подносом в руках она постучалась к Максу. Чип был поглощен разговором с отцом: очевидно, взорванного универмага было достаточно, чтобы привлечь их внимание.

— Доброе утро, Макс, — сказала она боссу. — Болтаете о магазине? Вы сумеете покрыть расходы?

— Уж лучше бы покрыть, черт бы меня побрал! — вскипел Шрек-старший. — Кстати, я хочу, чтобы ты позвонила в «Страхование Готема» и сказала им...

— Я что, должна раздвоиться? — на этот раз негодовала Селина. — Вообще, я непрочь взять отгул, — добавила она небрежно. — Вы возражаете? Макс, вы самый лучший босс на свете!

Макс кивнул. После ее загадочного появления, он позволял ей заниматься почти всем, что угодно. Поразительно, что появление с того света может сделать для карьеры.

Макс тихонько потягивал кофе. Вот, наконец, тот момент, которого она ждала.

Чуть не подавившись, Макс выплюнул на стол живого таракана. А потом добрых полминуты кашлял и отплевывался.

Чип отвернулся к окну, а таракан медленно пополз восвояси, оставляя на деловых бумагах Шрека кофейный след.

— О, проклятые истребляющие механизмы, — посетовала Селина. — А агент клялся, что машинка в полном порядке.

Она повернулась и вышла из офиса вон, прислушиваясь к тому, как Макс продолжал фыркать и плеваться — сладкая музыка для ее чувствительных ушей. Что ж, день начался вполне удачно. Но все еще впереди.

Его звездный час пробил. После вчерашней ночи стыда и преступлений разве мог Пингвин, то есть Освальд Кобблепот, поступить иначе как не объявить о выставлении своей кандидатуры на пост мэра? Они сняли жалюзи, выставляя напоказ штаб-квартиру его избирательной компании. Они пригласили прессу, ТВ и радио; даже отпечатали пару новых плакатов: «Освальд — означает порядок» висел на стене справа, а «Кобблепот вычистит город» — слева.

Пингвин стоял, окруженный корреспондентами и сотней своих сторонников. Что другое могло стать апогеем, как не его речь?

— Может, я и спас младенца мэра, но я отказываюсь спасать самого мэра, — говорил Пингвин, размахивая зонтиком, — который стоит в стороне, беспомощный, как ребенок, в то время как Готем охвачен опустошительной болезнью, превратившей

его орлов-бойскаутов в сумасшедших клоунов, а счастливых домохозяек — в женщин-кошек!

Пингвин и сам смутно понимал, о чем именно говорит, но был полностью уверен, что это звучало хорошо.

Его обожатели устроили овацию. А на заднем плане репортеры звонили в редакцию, пытаясь докричаться сквозь гомон на площади: «Освальд Коббепот — загадочный человекозверь, украшение Готема выставил сегодня свою кандидатуру на пост...»

Ах, ни одна мелодия не была для него так гармонична! Что может быть прекраснее?

Хорошенькая почитательница с фигурой Венеры стояла прямо перед ним.

— Мистер Кобблепот, — пропела она, с обожанием глядя на него сверху вниз, — вы — идеал хладнокровия, о котором только может мечтать молодая девушка.

Да, думал Пингвин, уединиться с ней в его комнате было бы еще приятнее.

— А вы — самая горячая молодая девушка, о которой только может мечтать идеал, — произнес он вслух. Он наклонился и продолжил, понизив голос: — О, да на твоей блузке кнопочки!

Оттягивать кнопочки на дерзкой молодой груди — тоже станет его личной обязанностью. Он сгорал от нетерпения увидеть свою почитательницу целиком, не говоря о дерзкой молодой груди, и как можно скорее.

Но вокруг по-прежнему было полно прессы: политик вынужден быть осторожным в такое трудное время. Наверное, лучше подняться к себе и остыть.

— Я действительно могу занять место мэра, — пробурчал Пингвин себе под нос, а это сулит не только власть, но и возможность приблизиться к людям. Трогать людей. — Он вспомнил о своей обожательнице. — Ощупывать людей.

Он взобрался наверх и очутился в штабе №2. Шарманщик осматривал конструкцию нового вооружения, специально подготовленного для очередного «выступления». Здесь тоже все выглядело в полном порядке.

Тощий клоун приблизился к Пингвину.

— Эй, Пингвин, — начал он,— там... а...

Пингвин топнул ногой.

— Мое имя не Пингвин, — рявкнул он, — а Освальд Кобблепот! — Особенно, если это имя привлекает хорошеньких девочек. — Он чувствовал, как внутри у него все поет. А почему бы и нет? — Я наберу не мало попок за время избирательной компании...

— Освальд, — вмешалась Леди с ножами, — здесь кто-то хочет тебя видеть. — Она указала в сторону кровати Пингвина в дальнем конце этажа. Там, свернувшись на матрасе, с хорошеньким маленьким котенком на коленях, сидела женщина его мечты —Кэтвумэн.

Пингвин закусил мундштук. Спокойнее, приказал он своему сердцу, не говоря уже о других частях тела. Он докажет этой красавице, что пушные и пернатые вполне способны общаться и спариваться.

Канарейка в клетке рядом с ложем Пингвина тревожно кричала, отнюдь не радуясь новым посетителям. Но что смыслят канарейки в женщинах? Возможно, Кэтвумэн и опасна, но это тот тип опасности, который всегда привлекал Пингвина.

Он шагнул к ней, чтобы поздороваться.

— А, вот та киска, которую я искал.

Кэтвумэн села, потирая плечи руками.

— Прохладно здесь...

Наверно, она говорила о кондиционерах на противоположной стороне его спальных апартаментов, поддерживающих температуру Арктического Мира. Каждый человек окружает себя комфортом и воспоминаниями детства. Но нет такой причины, по которой бедная женщина должна страдать из-за привычек Пингвина. Во всяком случае до тех пор, пока одежда еще на них.

— Я согрею тебя! — в сердечном порыве отважился Пингвин.

— Остынь, Освальд, — предостерегла Кэтвумэн.

Он остановился. Уж больно не нравился ему вид ее коготков.

— Нам нужно поговорить, — продолжала тем временем женщина. — Знаешь, в нас есть нечто общее.

— Звучит знакомо, — согласился Пингвин. Ему нравилось иметь много общего с такой кошкой. — Аппетит к разрушениям? — предположил он, натягивая пиджак от костюма. — Презрение к королевам моды? Подожди, только не подсказывай... Гениальность обнаженного секса?

— Бэтмэн, — просто ответила Кэтвумэн. — Ветка терновника под нашими одеждами, муха в бутылке с бальзамом.

— Бальзам? — Пингвин хитро посмотрел на нее. Звучит неплохо. — С запахом или без?

Кэтвумэн вздохнула и поднялась.

— Я вернусь позже.

Пингвин мягко толкнул ее обратно на кровать. Возможно, он наступал слишком быстро. Быть может, им действительно необходимо поговорить минуту-другую, прежде чем откинуть все условности и предать себя переполнявшей их плотской страсти.

— Вы, случайно, не законный избиратель? — вежливо спросил он. — Знаете ли, я баллотируюсь в мэры.

Однако она не выглядела удивленной.

Пингвин продолжал бубнить, едва перекрывая галдящую прессу.

— Он должен доказать, что под его руководством мы можем без страха нести свои гордые традиции. Да что говорить о мэре, я просто молюсь, чтобы хоть Бэтмэн был там и сохранил порядок и спокойствие.

— Сэр, — Альфред отвлек его от экрана. — Не переключить ли нам телевизор на другой канал? С чем-нибудь благородным и классическим? На любовную связь, например?

Альфред был прав. Брюса не привлекали прихорашивания птицеподобного гангстера. Но этот плут бросил вызов Бэтмэну, и он ничего не мог поделать, как только принять. Брюс гадал, какое на этот раз представление приготовил Пингвин к празднику зажжения елки. Что бы там ни было, Бэтмэн должен быть готов ко всему.

Возможно, полагал он, есть шанс присутствовать на Готем-Плаза, в то время как Пингвин ничего не будет знать об этом.

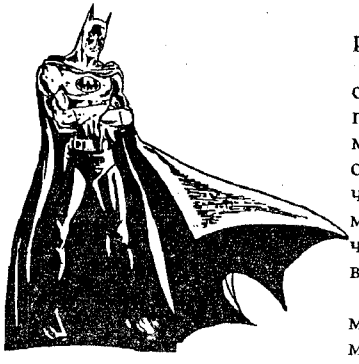
Он еще раз взглянул на Пингвина, болтающего с телеэкрана.

— Коварная лиса! — усмехнулся Брюс. Как кувыркающаяся в воздухе колотушка, подумал он про себя.

Уэйн дотянулся до блока дистанционного управления и выключил Пингвина.

Небольшая репетиция грандиозного действа, когда Бэтмэн, наконец, выключит Пингвина навсегда, подумал он.

24

Рождество уже стучалось у дверей.

Удивительно, но им удалось открыть несколько магазинов на площади, на скорую руку отремонтировав фасады зданий. Уходя отсюда прошлой ночью, он думал, что подобная реставрация невозможна. Но нет ничего сильнее, чем соблазн наличных к Рождеству.

Брюс задумчиво смотрел на мальчика, приплясывающего между мамой и папой. Они втроем направлялись к заново застекленной витрине магазина игрушек. Малыш выглядел таким счастливым! А почему бы ему и не быть таким? У него БЫЛИ родители. Они были втроем.

Мать закричала, отец пытался остановить их. Он услышал выстрелы.

Брюс открыл глаза. Опять Рождество.

Брюс не мог придумать более грустного времени года.

Он повернулся и уже собрался уходить, как вдруг увидел женщину, рассматривающую витрину одного из магазинчиков, женщину, которую сразу узнал, женщину, которую хотел бы знать намного лучше. Он пошел к ней. Возможно, ему наконец удастся придти в рождественское расположение духа.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она свое отражение. Судя по выражению ее лица, она тоже не была счастлива. Наверняка есть способ, думал Брюс, развеяться им обоим.

Уэйн дотронулся до ее плеча.

Она отпрыгнула.

— Селина, — мягко произнес он, когда она повернулась и удивленно уставилась на него. — Привет. Извини, я не хотел...

Женщина положила тонкую руку на волнующую грудь. Но, узнав Брюса, она оживилась и успокоилась. Это должно быть хорошим знаком.

— Напугать меня, да? — закончила она за него. — Нет, на самом деле, я сама себя испугала.

— Но я не понимаю как? — спросил Брюс, изо всех сил стараясь оживить разговор. — Во всяком случае — большое удовольствие встретить тебя в миру, вдалеке от Эбенизера Шрека.

— Удовольствие быть здесь, — смело ответила она, вздохнув так, будто до сих пор не могла об этом и подумать. Она шагнула от витрины.

— Что с вами? — спросил Брюс, пристраиваясь рядом с ней. — Праздничная меланхолия?

Селина указала на стенд с новостями, полный газет, с кипящими от гнева заголовками:

ЕГО БЭТМЭН ВЗОРВАЛ!
КОТ-АСТРОФИЧЕСКОЕ
МЯЯ-УУУ!

— Неважные новости в эти дни, — объяснила она. — Люди ищут супергероев, чтобы спасти мир в своих душах, и клеймят за свои проблемы вместо себя, или хотя бы своих супругов, суперзлодеев.

Да, признался себе Брюс, заголовки такого рода раздражали и его. Насколько качественно такое отображение вчерашней ночной битвы?

— И это не только не соответствует истине, но просто не этично, — выразил он свое недовольство. — Я подразумеваю, «Его взорвал Бэтмэн»! Так ли это? Парень, вероятно, предотвратил миллионные убытки!

Селина, соглашаясь, кивнула.

— А я слышала по ТВ, что Кэтвумэн, полагают, весит больше ста сорока фунтов! Как же тогда эти писаки *спят* по ночам?

Дальше проход был заблокирован приготовлениями к вечерней церемонии: полиция ставила кордоны, оцепив приличную часть площади под елкой. Двое рабочих укрепляли плакат, извещавший о начале праздника

ЗАЖЖЕНИЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЕЛКИ
СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ
В СЕМЬ

Селина посмотрела на плакат. Она казалась еще несчастнее, чем раньше.

— Вы ведь не придете сегодня, да? На церемонию зажжения елки?

— Я замерзну там до смерти, — согласился Брюс. — Впрочем, это только предположение, что я кончу именно таким образом,.. — он раздраженно вздохнул. — Мэр так глупо клюнул на приманку Кобблепота...

— ...И похоже, сегодня в ночном замерзшем городе будет довольно жарко, — саркастически добавила Селина.

Брюс посмотрел на нее. Первый раз он услышал в ее голосе нотки пробуждения от депрессии.

— Вы говорите это почти с энтузиазмом, — обратил он внимание.

Она пожала плечами.

— О, нет, я не терплю насилия, но.., — она сделала паузу, как будто ей было трудно выразить свои чувства словами. — Рождественское благодушие тоже угнетает.

Настала очередь Брюса усмехнуться:

— Да вы выбрали темную сторону, Селина. Гммм...

Она посмотрела на него проницательными голубыми глазами.

— Не темнее вашей, Брюс.

Он, конечно, не мог этого отрицать.

— Ну, я... отважнее по ночам, — продолжал он, — если это то, что вы имеете в виду.

— Да? — улыбнулась она ему. — Я — тоже.

Они пошли дальше вдоль желтой ленты полицейского ограждения, минуя сцену, где Ледяная Принцесса опять репетировала важную роль: нажимала кнопки, которые зажгут елку.

Он повернулся к Селине, его голос был мягким и тихим:

— Может быть, мы посмотрим это по телевизору?

— Мы? — Селина удивленно обернулась к нему. Она и впрямь улыбалась. — Вы и ...?

— ...Я, — закончил он ее мысль, только сейчас осознав, что пригласил эту красивую женщину в свою жизнь. Минутку,

что-то было не совсем верно во фразе, которую он только что сказал.

— Нет, — поправился он, — это означает «я и я», — он помедлил, роясь в потемках памяти. Разве у них не было подобного диалога раньше? — Неужто я так сказал?

— И да и нет, — рассмеявшись ответила Селина.

Они повернули к тротуару. Там виднелся стоявший у обочины его «ролс-ройс», готовый в любую минуту унести их прочь. Брюса иногда изумляла способность Альфреда появляться вовремя в такого типа делах.

Хорошо бы, подумал Брюс, Бэтмэну удалось пропустить празднество сегодняшним вечером.

Он взял Селину за руку. Она не возражала, и они вместе пошли к ожидавшей их машине.

Вечером все будет так, как он запланировал.

Пингвин вразвалочку вошел в смежный с костюмерной изящной Ледяной Принцессы шатер, откуда сегодня будут вести праздничную церемонию. Приближаясь, он слышал, как Принцесса разговаривает сама с собой.

— Три огонька зажигаются — я нажимаю кнопку, — размышляла она вслух. — Нет, подожди, сначала я нажимаю кнопку — и три ...

— Кто вы? — возмутилась Ледяная Принцесса, когда он вторгся в ее костюмерную.

— Разыскиваю таланты, — заверил ее Пингвин.

Фригидные манеры девушки исчезли за самой очаровательной улыбкой. Ох! Скаут, ищущий таланты? Ей нравятся такие люди.

— Входите же, — настаивала она. — Вы знаете, я никогда раньше не зажигала елок. Изучаю, как это делать. Описание прислали по почте, но...

Она остановилась, увидев, что за компанию с Пингвином был пудель, державший в зубах странно выглядящий предмет.

Теперь Пингвину оставалось лишь использовать эту штуку. Хороший песик. Пудель отчаянно зарычал. Пингвину пришлось несколько раз с силой дернуть, прежде чем собака отдала коробку.

— Что это? — мило спросила Принцесса. — Видеокамера или что-нибудь в этом роде?

Пингвин согласно кивнул: ей вовсе не обязательно знать, что это был Бэтеранг, который они стянули у Бэтмэна. Скоро она достаточно узнает об этой штуке.

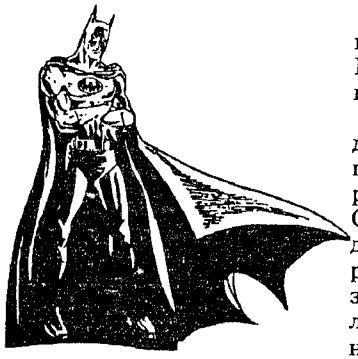
Он небрежно набрал серию команд.

— Скажите сы-ыр, — напомнил «охотник за талантами».

По краям Бэтеранга выскочили крылышки.

Она так никогда и не узнала, что ударило ее по голове.

25

Представьте, на открытом огне поджариваются каштаны, а Дед Мороз пощипывает вам стужей нос...

Селина, а сегодня она действительно ощущала себя прежней Селиной Кайл, сидела рядом с мистером Брюсом Уэйном. Они сидели очень близко друг к другу. В этом доме царила романтика: тихая медленная музыка доносилась из проигрывателя лазерных дисков, перед диваном потрескивающий камин — и, конечно, Альфред — дворецкий, настоящий дворецкий! Вот он снова появился, как всегда бесшумно и незаметно. Интересно, как это у него получается? А рядом — мистер Брюс Уэйн — красивый, умный и интересующийся ею. Почему они не встретились раньше, когда на сцене еще не появилась Кэтвумэн!

Она улыбнулась Альфреду. Он тоже улыбнулся ей в ответ, заново наполняя коктейли, и потом исчез так же беззвучно, как и появился.

Селина повернулась к Брюсу:

— Я уверена, он — прекрасная компания и все такое, но... не очень-то он свеж, этот луженый золотом холостяк.

Брюс улыбнулся. Представьте, мужчина, который улыбается на ее попытки шутить!

— Что-то вроде синдрома секретаря-одиночки, я полагаю.

Секретаря?

— Исполнительного ассистента, — автоматически поправила она. Но кого она подкалывала, особенно, если сама работала на такого человека как Макс Шрек?!

— Секретаря, — согласилась она. У нее был другой, более важный вопрос. — У Вас было много женщин? — Эта тема впервые возникла между ними.

Брюс посмотрел ей в глаза.

— Если серьезно, была одна. Не сработало. — Он глотнул коктейля.

— А что было не так? — поинтересовалась Селина. — Подожди, я, кажется, знаю. — В конце концов, что всегда было

камнем преткновения во всех ее связях? — Ты скрывал от нее что-нибудь?

— Нет, я рассказывал ей все, — покачал головой Брюс.

Вот как, подумала Селина, тогда это намного интересней.

— Твоя правда пугала ее? — спросила она.

Брюс поставил бокал на ночной столик. Его лицо стало серьезным и сосредоточенным. Ха, подумала она, девочка могла бы привыкнуть к этому.

— Ну... — начал он нерешительно, — как я мог все объяснить ей? На самом деле было две правды. — Он раскрыл обе ладони, как будто мог уместить по правде в каждой. — Ей было трудно согласовать их. — Он вздохнул, соединяя ладони. — Да и мне самому было трудно согласовать их. — Он опять вздохнул. — Так говорила Вики.

— Вики? — Селина не смогла справиться с собой и хихикнула. Вики... Идеальное имя для подружки холостяка-миллионера.

— Фигуристка или стюардесса? — предположила она.

— Не совсем. Фотокорреспондент.

— Ну, конечно, — согласилась Селина. Так же точно, как и она была исполнительным ассистентом.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

— Так что? — Селина попыталась стать серьезной. — Вики была права? Ну... когда говорила о твоих проблемах с раздвоением?

Брюс опять колебался. Он был таким искренним, когда колебался.

— Если я скажу «да», ты примешь меня за Нормана Бейтса или Теда Банди, — он нерешительно наклонился к ней, — и тогда ты, возможно, не позволишь мне поцеловать тебя.

Вот теперь самое время. Не дожидаясь, когда он приблизится, она подалась вперед и поцеловала его сама.

Кому нужны слова, если есть слияние губ? Объяснения приходят и уходят, а хороший поцелуй остается навсегда.

Наконец они оторвались друг от друга, чтобы глотнуть воздуха. Селина посмотрела на него очень серьезно. Такой поцелуй заслуживал ответа.

— С так называемыми нормальными парнями всегда все идет вкривь и вкось, — сказала она. — А сумасшедшие с раздвоением личности меня не пугают. По крайней мере, они на многое способны...

Он обнял ее и притянул к себе.

— Ага, — прошептал Брюс, — тогда ты правильно сделала, явившись в этот одинокий особняк.

Они вновь поцеловались, и этот поцелуй обещал, что впереди будет много интересного. Ее пальцы потянулись к пуговицам его рубашки и, поиграв с ними немного, начали рас-

стегивать одну за другой. Она начала с самого верха, постепенно опускаясь вниз.

На третьей по счету, руки Брюса легли поверх ее и нежно оттолкнули их. Она слишком спешит? Всегда трудно угадать, когда начинать подобные вещи. Если б только он не целовался так хорошо.

Они поменялись ролями, и теперь его пальцы заскользили по пуговицам ее блузки. Ох! Вот оно что, мужчина сам хочет вести это шоу? Почему бы ей не позволить ему? На этот раз.

Стоп. Если он снимет с нее блузку, как она объяснит ожог на руке? Похоже, ей самой придется повременить с любовью.

Она неохотно оттолкнула его углубившуюся в исследование руку.

Брюс выглядел довольно смущенным, когда она это сделала.

— Я, гм ... Я никогда не позволяю себе слишком многого на первом свидании, — он провел рукой по животу, словно проверял что-то под рубашкой. Во всяком случае, он достаточно порыцарски принял ее отказ.

— А я... на втором, — парировала Селина. Однако она сомневалась, как долго сможет сдерживать себя вблизи такого мужчины. Интересно, сколько времени понадобится, чтобы зажил ожог?

Брюс с улыбкой посмотрел на нее:

— Ну, а что ты делаешь на трех последующих свиданиях, начиная с сегодняшнего?

Селина резко встала и подошла к телевизору. Лучше не соблазняй меня, подумала она. Нет, соблазни, соблазни же меня!

Она ответила вопросом на вопрос:

— Разве мы не собирались смотреть зажжение рождественской елки? — Она щелкнула клавишей выключателя.

Вместо церемонии, экран заполняли знакомые картины хаоса на Готем-Плаза.

— Мы повторяем, — выкрикивал комментатор посреди волнующейся и орущей толпы. — Ледяная Принцесса похищена! Обстановка на площади все ухудшается!.. Комиссар Гордон...

Камера отыскала бледного и заметно дрожащего комиссара, который стоял перед палаткой где-то на Готем-Плаза.

— Вы можете подтвердить сообщение, о котором ходят слухи, что в соучастии в похищении подозревается Бэтмэн? — обратился к нему с вопросом комментатор.

— Улики чисто косвенные, — сердито ответил Гордон. — Мы нашли этот испачканный кровью предмет в костюмерной пропавшей девушки. — Он держал в руках какой-то ящичек с крылышками по бокам.

Было очевидным, что эта штука принадлежит Бэтмэну.

Селина посмотрела на Брюса. Пингвин приводил свои планы в действие. Кэтвумэн обещала участвовать в деле. А вместо этого, она находится в другой части города и почти позволила мужчине овладеть собой. Вот чего она достигла, пустив в свою жизнь прежнюю Селину Кайл. Возможно ли, что Пингвин будет доверять Кэтвумэн и впредь?

Брюс тоже выглядел расстроенным. Наверно, думает, как прекратить насилие на площади. Хотела бы она, чтобы ее проблемы были такими же простыми.

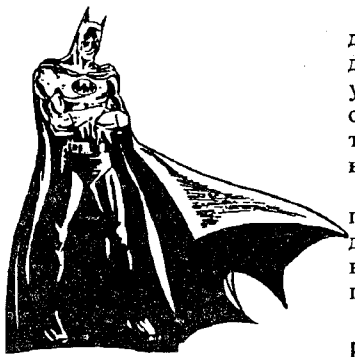
Он стоял и улыбался, словно извиняясь за что-то.

— Селина, — быстро проговорил он, — я только схожу проверю, готовы ли каштаны ... которые обжаривал Альфред.

У него нет причин извиняться по этому поводу. Уж кому здесь надо бы извиниться, так это Селине, ведь ей необходимо выбраться отсюда.

У Кэтвумэн назначено свидание.

Альфред спешил по фойе с блюдом поджаренных каштанов. Еще до того, как увидеть хозяина, он услышал его шаги и ловко отступил в сторону, предотвратив тем самым неизбежное столкновение.

— Извини, Альфред, — выпалил мистер Уэйн, едва отдышавшись. — Я должен мчаться в город. Ты слышал Пингвина? Он почти умолял меня показаться.

Альфред был действительно расстроен последними событиями.

— Надеюсь, вы охладите его пыл? — поддержал хозяина дворецкий.

Брюс сделал шаг, направляясь ко входу в секретную пещеру.

— Боюсь, я уже опоздал. Там произошло похищение. Скажи Селине, то есть мисс Кайл, что... возникли кое-какие дела... — Нет, не то. Он сильно тряхнул головой. Скажи ей, что провалилось одно важное дело, она посочувствует... — Брюс снова помотал головой. Нужные слова никогда не приходят вовремя. Он возвел взгляд к небесам в поисках вдохновения, а потом опустил себе под ноги, туда, где его ждала Бэткейв. — Нет-нет, вот что, просто скажи ей... дай ей понять, не в тупой только манере, мол, «будь хорошей девочкой», но...

Но Альфред уже совершенно определенно знал, что надо сказать.

— Я передам ваши извинения, — заверил он хозяина.

— Отлично, — поблагодарил Брюс. — Спасибо.

Он бегом помчался по лестнице.

А Альфред повернул к кабинету, чтобы выполнить свои обязанности. Но он не прошел и половину пути, как столкнулся с мисс Селиной Кайл, выскочившей из дверей.

— Альфред, — обрадовалась она. — Привет, я...

Дворецкий решил, что должен немедленно освободиться от извинений мистера Уэйна.

— Мисс Кайл, — беспристрастно начал он, — мистер Уэйн попросил меня заверить вас, что...

— Мистер Уэйн? — переспросила Селина. Она до сих пор не привыкла к этому имени. — Ах, Брюс. — Она глубоко вздохнула. — Да... вы не передадите ему, что мне пришлось кое-что изменить и... — Она покачала головой. — Нет, не говорите ему этого. — Она нахмурилась и через секунду продолжила. — Только... мой внезапный уход — это не отказ. Это... По правде говоря, он дал мне почувствовать себя такой, какая я есть на самом деле... — Нет, все не так. Селина беспомощно развела руками и рассмеялась. — Вы знаете какой-нибудь стишок, наподобие... — Она передернула плечами и опять засмеялась. — Может быть, из «черного юмора»?

— Один только что пришел мне на ум, — убедительно кивнул Альфред.

Мисс Кайл улыбнулась и отворила входную дверь.

Да, подумал Альфред, эта молодая женщина ему положительно нравится. Кажется, она и хозяин Брюс поистине созданы друг для друга. Он обязательно придумает для нее красивую фразу и передаст мистеру Уэйну.

У дворецкого всегда полно забот.

Все вышло ужасно неуклюже. А они были так близки.

Но Брюс не хотел, чтоб ему пришлось объяснять те рубцы на животе. Пока нет. Однажды, Бэтмэн пошел по пути Брюса Уэйна. Он понимал, что когда-нибудь придет время впустить свое второе я в отношения с Селиной, но прежде ему почему-то хотелось небольшого романа, до того, как его разобщенные *я* сольются.

Брюс быстро подготовил снаряжение.

А в следующий момент Бэтмэн запрыгнул в Бэтмобиль и с места набрав скорость направился в пригород Готем-Сити.

Селина была так рада, что решила поехать в своей машине в Уэйн-Мэнор.

Когда на площади Брюс подвел ее к сверкающему «ролс-

ройсу», он спросил, хочет ли она поехать в особняк сразу или подождать до вечера. Она выбрала вечер и спросила, как лучше добраться, несмотря на то, что Альфред предложил свои услуги.

Женщине, в конце концов, необходима независимость. Однако сейчас ей необходимо быть на Готем-Плаза. Селина притормозила у старых магазинчиков и автоматов с кока-колой, чтобы переодеться в костюм Кэтвумэн.

Их роман был прекрасен, но она жаждала действий.

Бэтмэн вел Бэтмобиль по пустынным аллеям позади Готем-Плаза.

На первый взгляд казалось, что полиции удалось навести порядок после недавнего похищения. Все же, он не должен возвращаться назад. Он был уверен — исчезновением Ледяной Принцессы Пингвин не ограничится. Это лишь фрагмент грандиозного и дьявольского плана. И Бэтмэн хотел быть на месте в тот момент, когда Пингвин вытащит нечто новенькое из запачканного рукава.

Он выскочил из машины, задержавшись ровно настолько, чтобы активировать защитные щиты Бэтмобиля. Предосторожность никогда не бывает лишней. Затем, он быстро и тихо направился к площади, и черный костюм делал его невидимым в тени деревьев.

Властолюбивые идиоты! Дайте, видите ли, им навести порядок.

Приказы здесь будут исходить только от Пингвина!

Но несмотря на безуспешность всех попыток, они продолжали щелкать выключателями и проверять электросеть, надеясь заставить работать прожектора и елочные гирлянды. Будто пульт управления был в полном порядке. И среди них был мэр; впрочем, в недалеком будущем — экс-мэр. Его Честь жалостливо взывал к спокойствию и благоразумию.

— Готемцы! — визжал он в микрофон. — Дорогие горожане! Нет никаких причин для паники! Праздник еще может состояться, и Готем еще долго будет вспоминать...

Что бы он ни собирался сказать дальше, его голос безвозвратно терялся среди интенсивных радиопомех. Какая досада! Как же это произошло? Неужели в этом виноват Пингвин, который как бы невзначай перебирал пальцами клавиши на панели управления динамиками и радиомикрофонами.

А пока Пингвин был занят в палатке, помогая мэру отрегулировать связь, его сообщники тоже не теряли времени зря. У них был свой объект для регулировки.

Даже из апартаментов Ледяной Принцессы, где он прятался, он мог бы сказать, что они сейчас делали.

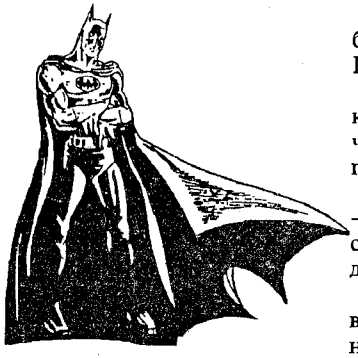
«Дама с собачкой» шла впереди — ее убогий пудель бежал рядом. Следом шагала остальная цирковая братия. Но никто не пришел на вечеринку с пустыми руками — каждый тащил с собой ящик с инструментами.

А название у вечеринки было — «Бэтмобиль».

Один из цирковой банды «Красный Треугольник» забрался на вершину предохраняющего щита и с помощью примитивного, но по-прежнему эффективного ручного лазера вывел из строя всю систему. Оп, и щиты упали. Циркачи гурьбой ринулись к машине. На голове каждого был специально оснащенный проектором шлем, в котором содержались детальнейшие чертежи Бэтмобиля. И каждый из них имел свое специфическое задание.

А раз уж они все работают вместе, они быстро разберут Бэтмобиль на части.

27

Бэтмэн из темноты парка наблюдал за событиями на Готэм-Плаза.

Мэр героически пытался успокоить людей, но значительная часть его речи тонула в шуме помех.

— ... ринцесса в сохранности... — безуспешно пытался пробиться сквозь шумы мэр. — ...этмен будет доставлен для допро...

Но у Бэтмэна не было времени восторгаться речью мэра. В окне напротив, на фоне желтого света голой лампочки, на него смотрел профиль Ледяной Принцессы, связанной и с кляпом во рту.

Сейчас нет времени на объяснения с мэром и комиссаром. Бэтмэн выстрелил, послав крюк с линем в нависающий над окном выступ. Через несколько минут его действия будут говорить намного убедительнее, чем любые слова.

* * *

Пальцы Пингвина непринужденно бегали по клавишам контрольной панели, будто он играл на громадном фортепиано. Пропустить пол этой фразы в эфир, пол той — ровно столько, чтобы дать мэру надежду, что его услышат. И в то же время полностью смутить аудиторию.

Его подручные циркачи, наверное, уже разобрали Бэтмобиль. Ха-ха, это только начало веселья! Теперь они добавят несколько проводков там, отломают пару сопротивлений здесь, и приборы не смогут работать как раньше. А вот и специальная антенна, которую они прикрепят к днищу машины, так что Бэтмобилем можно будет управлять сигналами снаружи — сигналами, которые будет посылать существо, которое так хорошо умеет нажимать кнопки.

Бэтмэн ввалился сквозь окно в комнату, в которой держали заложницу. В комнате было пусто: никого, за исключением девушки и стула, к которому ее прикрутили. Он быстро пересек комнату и помог ей освободиться от кляпа. Бэтмэн начал осматривать веревки, а Ледяная Принцесса обрушила на него безудержный поток благодарностей.

— Нам надо спешить, — прервал ее излияния Бэтмэн, — меня подставили и все выглядит, словно это я похитил тебя.

— Нет, милый, — заверила его женщина, — я расскажу полиции, что была похищена тем неприятным птицей-человеком с рыбьим запахом.

Ее перебил другой женский голос:

— Кто здесь сказал «рыба»?

Откуда-то сверху к ним спрыгнула Кэтвумэн.

— Превосходно, — заметила она, — меня не кормили целый день.

С грациозностью кошки, она прыгнула на Бэтмэна, занося в прыжке ногу для удара. Он шарахнулся в сторону и ухватил ее за пятку, предоставив энерции завершить дело — Кэтвумэн растянулась на полу.

— Полижи пол, — посоветовал ей Бэтмэн, — он очень волокнистый.

Но та легко вскочила.

— Эй, старый развратник, — она надула губки, — я думала, нам это на двоих!

— На двоих, — согласился Бэтмэн, быстро шагнув и ударив ее лоб в лоб. Конечно, его голова была защищена броней костюма.

У Кэтвумэн голова пошла кругом, но через секунду она уже стряхнула с себя оцепенение. С каждой схваткой Бэтмэн все больше восхищался ею. Она отпрыгнула от него через спину, прямо к Ледяной Принцессе. Они взмах когтей — и путы несчастной женщины упали на пол.

— Нам надо идти, — извинилась Кэтвумэн. — Девичий разговор, так что мальчики остаются в стороне. — Она швырнула

в Бэтмэна стул и потащила визжащую женщину из комнаты. Дверь за ними с грохотом захлопнулась.

Бэтмэн пересек комнату в три больших шага. Дверь была заперта, намертво заперта.

Он отступил немного назад и выбил ее ногой.

На лестнице никого не было.

До него донесся крик Принцессы. Наверное, звук шел из открытого окна в дальнем конце коридора. Кэтвумэн уводила девушку по пожарной лестнице.

Бэтмэн карабкался за ними быстро как мог. Женщины исчезли из виду, когда он был в полпути до крыши.

Теперь он не мог медлить: он еле сдерживал дыхание, перемахивая через две, а то и три металлические ступеньки за раз. Оно ему еще пригодится, когда он выберется на крышу. Что там его ждет?

Наверху было тихо. Ни шума борьбы, ни шорохов, ни криков. Бэтмэн поднялся на конек крыши, готовый спрятаться или драться.

Кэтвумэн нигде не было видно. Вместо нее он увидел на дальнем крае крыши Ледяную Принцессу, одиноко дрожащую в своем скудном наряде.

— Она отпустила меня, — объяснила девушка. — Я убедила ее, что так будет лучше. Как женщина женщину.

Это было бы слишком просто. Бэтмэн опасался, что на этом комедия не окончена. Он сделал пробный шаг к Ледяной Принцессе.

— О'кей, — сказал он спокойно, — медленно иди ко мне, подальше от края.

Девушка слабо улыбнулась и шагнула вперед.

— Вы играли когда-нибудь в дартс на лужайке? — Пингвин вышел из-за старого дымохода. — Бэтмэн, полюбуйся, как это делается.

Он с силой метнул зонт в Принцессу. Его смертельное острие вонзилось в крышу, всего в дюйме от носка туфли девушки. Она отшагнула назад, к ожидающему жертву обрыву.

— Нет, — закричал Бэтмэн. — Не двигайся!

Зонтик раскрылся и в воздух взвилось облако крошечных, хлопающих крыльями летучих мышей. Принцесса вскрикнула, закрываясь руками от мельтешащих млекопитающих.

Бэтмэн бросился к ней. Но она была слишком далеко от него и слишком близко к краю. Внезапно прожектора с площади осветили край крыши, обрамляя ее черный силуэт ореолом белого света. Девушка потеряла равновесие и с трудом удержалась на краю крыши.

Бэтмэн прыгнул, надеясь схватить ее.

Его руки сжали пустоту. Ледяной Принцессы уже не было.

Она стремительно падала в сияние прожекторов, вниз — в объятия смерти.

28

Комиссар Гордон отчаялся восстановить порядок на улицах.

В его распоряжении была сотня полицейских на площади, еще двадцать следили за развитием событий с верхних этажей ближайших зданий. Гордон чувствовал, что рядом был Пингвин или кто-то из «Красного Треугольника». И как только они покажутся, поклялся комиссар, полиция будет готова к встрече.

Чей-то голос рявкал сквозь атмосферные помехи в автомобильном уоки-токи.

— Гордон слушает, — ответил он, нажав кнопку ответа. Его вызывал сержант из двенадцатого округа. Кто-то анонимно сообщил, что Ледяную Принцессу держат на крыше здания в противоположном конце площади.

Гордон разослал инструкции нескольким подразделениям встречать его около подиума, к которому он сам попытается пробраться сквозь толпу. Возможно, это как раз та передышка, на которую он рассчитывал.

Кто-то закричал и указал вверх, на крышу. Там, силуэтом в лучах прожекторов виднелся Бэтмэн, бежавший по коньку крыши с вытянутыми руками. Другой луч нащупал пропавшую Ледяную Принцессу на самом краю здания. Лучи на мгновение метнулись в сторону, а когда вернулись обратно, Бэтмэн уже стоял на месте молодой женщины, а та падала вниз на площадь!

— Бэтмэн? — завизжал кто-то в толпе. — Бэтмэн столкнул Принцессу!

Комиссар нахмурился. Так как прожекторы на секунду потеряли место действия, невозможно было сказать определенно, что произошло. Для Гордона было очевидно, что Бэтмэн, скорее, пытался спасти девушку . Но как объяснить это разгневанной ораве людей?

Он окликнул окружавших его полицейских. Придется подняться на крышу, а значит, ему необходимо подкрепление.

Пингвин продумал свой план тщательнейшим образом.

Принцесса беспомощно падала, кувыркаясь и крича. Никто не произнес ни звука, когда она шлепнулась на подмостки. Она ударилась с отвратительным хрустом.

Неожиданно до Пингвина донеслись новые звуки.

Кнопка, контролирующая зажжение елки, находилась на платформе. Тело девушки должно было ударить по ней в конце падения. В конце концов, она смогла выполнить свою задачу. Жаль, но это была последняя работа, которую она сможет когда-либо выполнить.

Так, что? От удара умирающего тела о кнопку зажглась рождественская елка? Нет, это было бы слишком просто. Вместо огоньков, Пингвин напичкал елку клетками, полными летучих мышей. А с нажатием кнопки, клетки раскрылись. Очень эффектно, подумал Пингвин, и заставляет задуматься. Люди закричали и бросились в панику, когда мыши заметались среди них.

— Крысы с крыльями, — раздраженно заметил Пингвин, — твои приятели ...

Он посмотрел туда, где только что был Бэтмэн. О, да, он по-прежнему был здесь. Ну, скоро о нем позаботятся.

Бэтмэн пошел на него, и по его виду можно было догадаться о его намерениях.

Пингвин услышал суматоху на лестнице. Он отступил назад, так, чтобы спрятаться за пожарную дверь, когда появится полиция.

Они поднялись на лифте до верхнего этажа и дальше по лестнице на крышу. Впереди Гордона была дюжина полицейских из спецподразделения и еще две дюжины сзади. Им под силу справиться с чем угодно!

Полицейские в арьергарде выломали дверь на крышу и быстро вернулись веером с оружием наготове. Гордон старался не отставать, насколько ему позволяли возраст и вес.

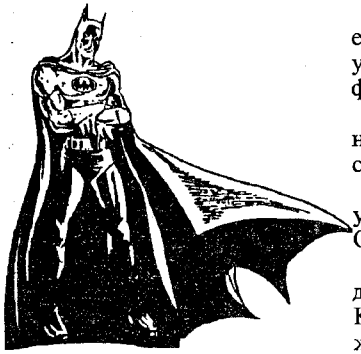
Выбравшись на крышу, он увидел высвеченный прожекторами силуэт Бэтмэна, на которого были направлены все револьверы.

— Подождите! — крикнул Бэтмэн.

— Не стрелять! — заорал Гордон.

Но его слова потонули в звуках выстрелов, и град пуль смел Бэтмэна с крыши.

Армированный костюм спас его. Костюм и тот факт, что он упал на навес террасы, в дюжине футов ниже.

Бэтмэн попытался было встать, но ботинок с высоким кублуком снова отбросил его на землю.

Над ним стояла Кэтвумэн, упираясь ботинком ему в грудь. Она улыбалась почти ласково.

— Ты — маленький мышонок для такой женщины, как я. Красивый, изумленный, ты должен умереть.

Она отступила назад и наклонилась, словно собиралась поцеловать его. Вместо этого она по-кошачьи лизнула его в губы. Бэтмэн заметил веточку омелы в ее руке.

— Поцелуй под омелой? — спросил он, еще не успев отдышаться. — Омела может быть смертельной, если съешь ее...

Лицо Кэтвумэн по-прежнему было всего лишь в нескольких дюймах от него и хитро улыбалось.

— Но поцелуй может быть еще смертельнее, если ты это имеешь в виду.

Взмахом когтей она расстегнула его пояс с принадлежностями. Затем ласково стянула с талии и сбросила с края навеса.

— Ты второй мужчина, который убивает меня на этой неделе, — грустно заметила она. — Но нет проблем. У меня осталось еще семь жизней.

Он убивал ее? Он догадался, что она, должно быть, говорила о своем собственном падении с той, другой крыши. Быть может, им удастся объясниться?

— Я пытался схватить тебя... спасти...

Она многозначительно посмотрела на край навеса.

— Похоже, все женщины, которых ты пытаешься спасти, кончают смертью, — она повернулась к Бэтмэну. — Или глубокой обидой.

Она подцепила когтями его броню и рывком поставила его на ноги.

— Возможно, — предположила она, — пришло время уйти в отставку? — Она ударила наотмашь его по маске когтями.

Добром это не кончится, надо уносить ноги. Бэтмэн прыгнул

в пропасть между домами, подальше от Кэтвумэн. Однако на этот раз он был готов к падению. Он нажал маленькую кнопку на талии и крылья-близнецы выпрыгнули по бокам армированного костюма, превратив его в планер, который мягко опустит его на землю.

Он медленно планировал вниз, окруженный стаями летучих мышей с рождественской елки. Судя по всему, это еще один из сюрпризов Пингвина. Бэтмэну придется лично его отблагодарить, как только подвернется удачный случай.

Он сделал вираж над площадью, направляясь в сторону аллеии и Бэтмобиля. Но он снижался слишком быстро. Едва не срезав крыльями головы людей, Бэтмэн задел ограждение парка. Несколько раз перекувырнувшись в снегу, он, наконец, остановился. Хорошо еще, что ему удалось отстегнуть крылья перед приземлением.

Аллея была не достаточно широка для крыльев. Сначала он пытался тянуть их за собой, но крылья были слишком неуклюжими для маневрирования в узком пространстве. Сбившись с шага, он перешел с бега на спотыкание. Прислонив крылья к кирпичной стене, он без сил упал на тротуар.

Бэтмэн тяжело дышал. Его сильно ударило о землю. Все кружилось перед глазами, но он должен встать. Спасение было всего в нескольких футах.

Он должен добраться до Бэтмобиля.

Кэтвумэн и Пингвин сидели на краю террасы, поглядывая на брошенные на аллее крылья Бэтмэна.

Трагедия, наполненная болью и страданием, думала она. Но само приземление закончилось для Бэтмэна вполне удачно.

Пингвин принес шампанское.

Он улыбаясь протянул ей бокал.

Она посмотрела на него. Как он может быть таким счастливым? Конечно, они полностью оклеветали и унизили Бэтмэна. Но кое-кто погиб в результате этого.

— Ты говорил, что собираешься *напугать* Ледяную Принцессу, — хмуро сказала она.

— Я сдержал слово! — ответил Пингвин, продолжая веселиться. — Леди выглядела напуганной до смерти!

Кэтвумэн сумрачно рассматривала бокал с шампанским. Она начинала думать, что Пингвин не принадлежит к людям ее типа.

Он полез внутрь одного из многочисленных карманов своей грязной куртки и вытащил то, что когда-то, должно быть, было коробочкой из-под чая. Она была слишком невзрачной, чтобы носить при себе — потертая и грязная одновременно, словно провела долгое время с Пингвином в канализации.

Он открыл коробочку, являя взору золотое кольцо, украшенное странными, безвкусными, даже омерзительными камнями. Отвратительно, почти как если бы кто-то забыл свой завтрак в ювелирной лавке. Она перевела взгляд на Пингвина. Что он пытается доказать?

— Так чего же мы ждем? — воскликнул Пингвин. — Давай заключим наш дьявольский союз!

Союз? Она помрачнела.

— О, пожалуйста, — Кэтвумэн содрогнулась. — Мне бы не хотелось тебя царапать.

Это явно был не тот ответ, которого он ждал.

Пингвин затрясся от ярости.

— Я должен был бы кастрировать тебя! — закричал он. — Ты же дала мне понять, что согласна!

Кэтвумэн молчала, размышляя об этом.

— Разве? — спросила она. И про себя ответила, что наверняка так и было. — Только потому, что моя мать воспитала меня... так обходиться с мужчиной... — О, да. Она помнила предупреждения матери. Небеса прочили Селину в старые девы! — ...с любым мужчиной..., — добавила она. — ...со всеми мужчинами...

И образ кошки только укрепил это предзнаменование. Почему она не следит за тем, что делает?

— Овца! — пробурчала она и хорошенько стукнула себя по лбу.

Но почему она опять винит себя? Она же обещала, что, однажды приняв внешность Кэтвумэн, она будет взваливать вину на тех, кому принадлежит — на мужчин! Она повернулась к Пингвину с готовым решением.

— Хотел меня одомашнить? — сердито спросила она. — Ты? Я сильно сомневаюсь. Ты — ужасный, омерзительный... — На мгновение она заколебалась, подыскивая достаточно оскорбительное слово. Но было только одно единственное слово, чтобы закончить фразу. — *...Пингвин!*

Смертельно оскорбленный Пингвин стиснул в руках зонтик.

— Мое имя — Освальд Кобблепот.

Клинок выскочил из наконечника. В ту же секунду копье полетело в Кэтвумэн. Она увернулась от лезвия, но загнутая крюком ручка обвилась вокруг ее шеи, сдавив горло. Ребра зонтика завертелись, и двигатель оторвал ее от веранды. Кэтвумэн почти не могла дышать.

Пингвин печально помахал рукой, когда зонтиколет поднял ее в воздух.

— И свадьба отменяется!

Он собирался повесить ее на своем зонте!

30

Зонт уносил Кэтвумэн все дальше от веранды и Пингвина, который унрюмо повернулся и пошел прочь.

Но она будет бороться. Должен быть какой-то способ освободить эту петлю. Она извернулась и царапала когтями по шнуру, затянутому сзади.

Наконец, шнур размочалился и порвался. Она свободно вздохнула.

Но теперь зонт больше не удерживал ее в небесах, и пока она падала, он, кружась, забирался все выше.

Городские огни стремительно приближались. Так же как и стеклянная мансарда, прямо под ней. Скорее всего — навес. Она пролетела сквозь стеклянное перекрытие.

Кэтвумэн открыла глаза. Она приземлилась на горку земли, окруженную цветами. Это был не просто навес, а оранжерея.

Кэтвумэн снова выжила. Но была ли она счастлива?

Она взвыла так громко, что сверху на нее посыпались остатки стеклянной кровли.

У нее стало еще на одну жизнь меньше.

Рекламные плакаты смотрели на него отовсюду — с окон, телеграфных столбов, даже с автобуса, специально нанятого для нужд избирательной кампании. И все на дюжину ладов призывали голосовать за Кобблепота.

Пингвин любил такие лозунги. Служащие Макса понимали толк в подобного рода вещах. Сторонницы Пингвина возбужденно теснились вокруг него. Почему же он не может стряхнуть с себя грусть? Наверное, он поторопился, прикончив вторую девушку вслед за первой. Это смахивало на расстрачивание добротной женской плоти. Особенно огорчало то, что он не успел хорошенько изучить плоть этих двоих. Он достал из кармана пригоршню избирательных значков и стал прикалывать их на грудь своих почитателей. Своих женщин-почитателей. Своих хорошо сложенных женщин-почитателей. Ага, он уже почувствовал себя намного лучше. Что означала смерть одной крошки или двух, когда вокруг было столько других?

Но все хорошо в свое время, а сейчас у него были и другие дела. Помахай общее «адью», адресованное прежде всего парочке блондинок в первом ряду, он вскочил на борт автобуса и поспешил к своему специально созданному фантому Бэтмобиля в миниатюре, снабженному переключателями, циферблатами, измерительными приборами, ручками, кнопками и мини-штурвалом. А что делало его Бэтмобиль еще замечательней, так это то, что каждая кнопка, рычажок и ручка на приборной доске контролировали какую-нибудь функцию настоящего Бэтмобиля.

Хей! Пингвин закудахтал. Эта игрушка куда больше развеселит его!

С его телом обошлись слишком жестоко. Слишком много пинков, ударов и пуль, да плюс еще падение в аллею. Броня приняла на себя часть удара. Но тело получило остальное.

Превозмогая боль, Бэтмэн встал на ноги и из последних сил добрался до Бэтмобиля. Он нажал кнопку под перчаткой и включил систему безопасности.

И вовремя, подумал он, услышав разгневанные голоса за спиной. Распахивая дверь Бэтмобиля, он расслышал достаточно выкриков, чтобы понять источник их гнева. Они хотели его, и не обязательно живым. Они решили, что это он убил Ледяную Принцессу. В их мыслях он уже был допрошен, признан виновным и готов к казни. Теперь, когда они нашли его, они не собирались давать ему возможность уйти. Целая толпа назначивших сами себя линчевателей.

Слово имело знакомый звон. Но чем они так отличаются от Бэтмэна?

Только тем, что у него есть деньги на суперсовременное снаряжение. И, возможно, он держит свой гнев под более строгим контролем.

Голоса приближались. Передние ряды были всего в нескольких ярдах.

Сейчас не время думать о различиях. Главное — побыстрее убраться отсюда.

Он запрыгнул на место водителя и захлопнул за собой дверь.

Теперь толпа не могла до него добраться. Он облегченно вздохнул, позволив себе минуту передышки, перед тем как повести Бэтмобиль домой.

Двери защелкнулись. Приборная доска засветилась. Двигатель взревел, возвращаясь к жизни.

Бэтмэн непонимающе смотрел на приборы. Он же ничего не трогал!

Маленький телемонитор рядом с рулем управления замерцал. Но вместо привычного лица Альфреда, Бэтмэн увидел злорадные черты Пингвина.

— Не переключайте канал, — позировал негодяй перед камерой, — добро пожаловать в школу водителей Освальда Кобблепота. Джентльмены, начинаем движение...

Бэтмобиль рванул с места так, как если бы Бэтмэн утопил в пол акселератор. Преследователи попрыгали в укрытие, когда машина понеслась по аллее и, визжа тормозами, свернула на улицы Готема.

Под рукой у Пингвина было все необходимое.

На него смотрели два экрана. Один показывал лицо Бэтмэна. Очень напряженное. Дефинитивный тип личности «А». Если Бэтмэн не будет осторожным, он заработает рак. Если, конечно, проживет достаточно долго. Но он не проживет.

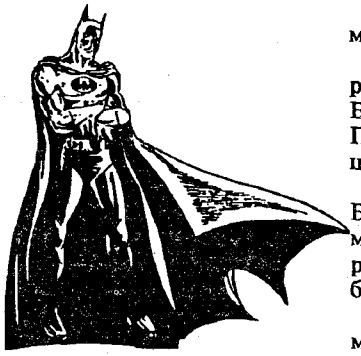
На втором экране был вид переднего обзора. Довольно важно, раз Пингвин собрался вести Бэтмобиль. А Пингвин, без сомнения, приведет его прямо в автокатастрофу. Но перед тем, как это случится, Бэтмобиль раздавит столько невинных готемцев, на сколько ему хватит топлива. В конце концов, к чему мелочиться и лишь пачкать репутацию героя, когда ее можно полностью разрушить с чуть большим усилием?

— Возможно, сейчас не время вспоминать об этом, — сказал Пингвин в свою персональную видеокамеру, сигналы с которой передавались в Бэтмобиль, — но время действия моей водительской лицензии истекло.

Он повернул Бэтмобиль к заполненной народом площади и снова нажал свой персональный акселератор.

— Впрочем, — со смешком добавил Пингвин, — так же как и твоей.

31

Бэтмэн был как в ночном кошмаре.

Он был заперт в машине, которая, увы, ему не подчинялась. Бэтмэн сорвал приборную панель. Похоже, половина электрической цепи была собрана заново.

Как им это удалось? Он оставил Бэтмобиль всего на несколько минут. Время и ловкость, с которыми они проделали эту работу, были ошеломляющими.

Они не только переделали Бэтмобиль, но и обезвредили систему защиты, которую он придумал для предупреждения такого рода вмешательств.

И, так как машиной управлял Пингвин, она наверняка понесется на предельной скорости прямо в рождественские толпы. Само собой разумеется, Пингвин будет удовлетворен только смертью Бэтмэна, но вместе с ним погибнут и невинные люди.

Бэтмэн недооценил своего противника. Он поплатился за это, во всяком случае, если не вернет контроль над Бэтмобилем.

Бэтмэн потрошил приборную панель, вытаскивая одну пригоршню проводов за другой. Машина неслась вперед. Один из рычажков слегка загудел, сменяя положение. Пингвин активизировал оружейные системы. Бэтмэн ухватился за рычаг и налег на него всем своим весом. Переключатель вернулся в исходное положение.

— Бэтмэн, — рявкнул Пингвин с монитора, — я знаю, у тебя сейчас не самые шикарные времена, но послушай, что я скажу. Управлять твоим аппаратом, прореживатьБэтмобилем рождественские толпы и обращать на тебя справедливый гнев готемцев — все это щекочет мне нервы!

Бэтмэн попал в ловушку.

Рычаг, активирующий Бэтдиски, снова скользнул вверх. И на этот раз, сколько ни старался, Бэтмэну не удалось опустить его обратно.

Пингвин взглянул на третий монитор, подсоединенный к кабельному ТВ.

— Бэтмэн вышел из-под контроля! — надрывался репортер. — Сначала он убил Ледяную Принцессу, а сейчас...

Его репортаж был прерван до милосердия быстро: один из Бэтдисков стукнул его сбоку по голове. Ах, подумал Пингвин. Ему всегда хотелось сделать нечто подобное — хорошенько взъерошить репортеру волосы.

Он вернулся к Бэтмобилю.

— Ха, — сказал он своей камере, — хрупчайшая улика, и все сорви-головы обернутся к тебе! Ты только расслабься, и я позабочусь о визжащих несчастных крошечных щенках Готема.

Он взглянул на монитор обзора водителя. Вопящие готемцы разлетались кто куда перед мародерствовавшим Бэтмобилем. Подождите, взгляните на ту беззащитную старушку, которую они бросили за спиной. Она взглядом, скованным страхом, вперилась в надвигающегося стального монстра. Как раз та жертва, которую Пингвин хотел видеть.

— Беспомощная старушенция ровно в двенадцать! — объявил он бенефис Бэтмэна.

Пингвин нажал на акселератор.

Что-то же должно управлять машиной, если только не сами колеса слушаются дистанционных сигналов. Бэтмэну оставалось только понять, что именно. Но делать это надо быстро, пока команды Пингвина не убили кого-нибудь.

Он распахнул панель на потолке кабины, обнажая подлинный центр управления Бэтмобилем — массу предохранителей. Но который? Он попытался мысленно представить те чертежи, что вырисовывал, помогая дизайнеру конструировать эту штуку. Третий слева должен сделать это. По крайней мере, Бэтмэн на это надеялся.

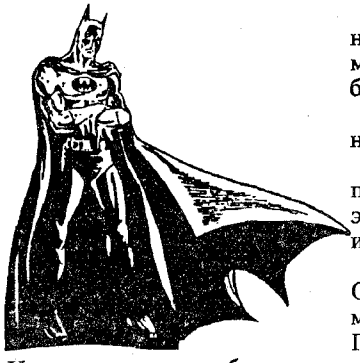
Он потянулся к предохранителю и выдернул его из цепи.

Бэтмобиль, визжа тормозами, остановился.

Пожилая леди, стоявшая всего в нескольких футах впереди внезапно остановившегося механического чудовища, стряхнула с себя оцепенение и засеменила прочь.

Одна спасена, с облегчением вздохнул Бэтмэн. Но сколько еще впереди?

С экрана зубоскалил Пингвин, но Бэтмэну было не до улыбок: он мечтал разнести монитор вдребезги.

Но это лишь спасет его его, но не жизнь.

— Согласись, дружище, — проквакал Пингвин, — я играю на этом вонючем городе, как на арфе из самого ада!

Бэтмэн недолго раздумывал. Он просунул кулак сквозь экран монитора, градом искр заставив Пингвина заткнуться. Вот так! Иногда просто необходимо накормить свое «Я».

Бэтмобиль снова рванул с места.

Должен быть еще один способ остановить Бэтмобиль. Он несколько раз ударил пяткой вниз, прежде чем панель пола отогнулась достаточно для того, чтобы он мог оторвать ее.

Он отбросил пластик в сторону, открыв кучу проводов и вращающиеся шестерни.

Натянув перчатку, чтобы не пораниться о механизмы, Бэтмэн быстро ударил кулаком и с треском разбил днище. Внизу стремительно пробегал асфальт площади. Бэтмэн выглянул через разорванную обшивку. Там, прикрепленное к днищу Бэтмобиля, было нечто вроде антенны — несомненно, сердце механизма управления Пингвина.

Бэтмэн дотянулся до нее и переломил пополам.

Вот теперь можно сматываться.

Он ударил по акселератору и, прошмыгнув меж двух патрульных машин, понесся с площади прочь.

Что?

Пингвин не мог поверить своим глазам.

— Вечер был таким идеальным! — страдальчески закричал он и заколотил по приборам. — Заморозил Ледяную Принцессу. Развеял в прах Бэтмэна. Почти женился. Убил суку. — Пингвин поднял в воздух два пальца в черной перчатке. — *Так* близко!

Но каким-то образом Бэтмэн все же ушел от него. Ушел! Этого было достаточно, чтобы отравить Пингвину весь день.

К счастью, у него есть другие дела, к которым он может вернуться. Во-первых избрание в мэры. А после этого — завершающий штрих, настолько великолепно-омерзительный, что он сможет забыть маленькие неудачи сегодняшнего вечера. Зато Готем-Сити вряд ли когда-нибудь забудет. Нет, он был уверен, когда его планы осуществятся, город запомнит Освальда Кобблепота навсегда!

Бэтмэну не удалось оторваться от преследователей.

Три патрульные машины увязались за ним следом. И из двух — полицейские стреляли по нему. Не то, чтобы это беспокоило. Даже поврежденный, Бэтмобиль был достаточно защищен от пуль, но он должен стряхнуть патруль с хвоста, чтобы не пострадал кто-нибудь на улицах.

Он порылся в оголенных проводах под приборной доской. В этом была вторая проблема — не обращать внимание на повреждения, причиненные Пингвином, какими бы они ни были. И заставить функционировать Бэтмобиль на том уровне, который поможет ему ускользнуть.

Он резко крутанул руль вправо. Полицейские тоже умудрились вписаться в поворот. Улица сужалась впереди до такого узкого пространства, что ее едва можно было бы назвать даже переулком. Слишком узкая для Бэтмобиля или полицейской машины. Подвернулся случай применить одно из приспособлений Бэтмобиля.

Бэтмэн щелкнул переключателем, но ничего не произошло. Переключатель не работал.

Но провода были здесь, позади приборного щитка. Бэтмэн отшвырнул в сторону оборванную наполовину панель и быстро вытянул два оторванных провода из беспорядочного сплетения множества других. Когда он соединил оба конца, во все стороны посыпались искры. Сейчас или никогда.

На ветровом стекле взад-вперед заползали дворники. Совсем не то, что он хотел.

— Веселенькое дельце, — промычал Бэтмэн. Интересно, сколько еще контактов перелопатили головорезы Пингвина.

Он хмуро оглядел монтажные щитки: где могут быть те провода, которые он ищет?

Переулок быстро приближался.

— Теперь я слегка обеспокоен... — протянул Бэтмэн. — О! Вот они.

На этот раз он соединил то, что нужно.

Боковая обшивка Бэтмобиля отсоединилась, а колеса передислоцировались ближе друг к другу, превращая автомобиль в вытянутый пулеподобный аппарат, достаточно узкий, чтобы проскочить сужение впереди. Он называл его Бэтторпедой.

Полицейские пытались его преследовать, но лишь заклинили патрульную машину между стенами домов. По грохоту сзади Бэтмэн догадался, что две другие машины врезались в первую.

Бэтмэн оторвался от погони. Он погнал Бэтторпеду в сторону особняка и исчез в темноте.

Он был просто не в духе.

Макс Шрек стоял рядом, пытаясь выглядеть веселым за двоих. Он проводил Пингвина к трибуне, с которой тот должен был выступать.

— ...так значит он выжил, — разочарованно произнес Макс. — Перестань, не падай духом... — Его голос угас, когда он заметил взгляд, каким его одарил Пингвин.

Наверное, Макс вспомнил, как в последний раз, будучи в плохом настроении, тот разбил кое-кому нос. К сожалению, хорошенькая Джейн с того инцедента тоже держала дистанцию. Некоторые женщины слишком эмоциональны.

Но сейчас Пингвин не мог думать о женщинах. Дела и впрямь были плохи. Все о чем он мог думать, — так это Бэтмэн — живой, дышащий, совершенно недосягаемый Бэтмэн.

— Он цел и невредим, он не лишился ни конечностей, ни глаза. — Пингвин вздохнул над неудачей. — Он даже не наделал в штаны!

Макс его не слушал. Он помахал веселящейся толпе и указал на новый лозунг на площади:

ОТОЗВАТЬ МЭРА

Своевременно и прямо в точку.

— Понимаешь, в чем секрет успеха, — Макс кивнул в сторону аудитории. — Нужно прислушиваться к ним. Они потеряли веру в старые символы. Они готовы связать себя с тобой — иконой будущего. — Он поощрительно улыбнулся. — Если это сработает, не теряй с ними связь...

Ну да, они восхищались им, разве нет? Он слышал пение, вырывающееся из толчеи: «Освальд, Освальд, Освальд». Освальд Кобблепот — герой миллионов. Не мэр. Не Бэтмэн. А Освальд Кобблепот. Он мрачно посмотрел на черный зонтик-люкс, который носил с собой на всякий случай.

— Мы отпразднуем это сегодня, — возбужденно продолжал Шрек, — на моем ежегодном бале-маскараде. Шрек и Кобблепот, воображаемый альянс!

А Пингвин смотрел на толпу. Они все радовались. Они все поддерживали его. И, что еще приятнее, многие из них были женщинами и тоже улыбались ему. Нет, не просто женщины, а куколки — дешевые, быть может, в большинстве своем безвкусные, но *его* куколки. Восхищающиеся сторонники Кобблепота. Только эта причина заставила его идти дальше. Он поду-

мал, что бедный мальчик, брошенный родителями, вскормленный посреди гниющей выставки на краю канализации императорскими и королевскими пингвинами, сможет получить всех этих куколок. Такова Америка — поистине страна контрастов.

Пингвин двинулся к микрофону, крики удвоились. Он чувствовал преклонение масс, и это придало ему силы. Когда он заговорил, его голос уже не был просто кваканьем. Теперь он был громоподобным кваканьем.

— Был ли у мэра план, когда пришло время обеспечить безопасность нашего города? — начал Пингвин. — Нет, он положился на человека... точнее на Летучую крысу! — Толпа стонала от восхищения. В восхищении к Пингвину, а не к Освальду Кобблепоту — брошенному ребенку и в прошлом — жулику. Хотя нет, они все же жаждали Освальда Кобблепота — высшего властителя Готема.

А Пингвин действительно мог стать им.

Селина Кайл стояла и наблюдала за этой шумихой и за этими чествованиями двух мужчин, которые пытались убить ее.

Макс Шрек.

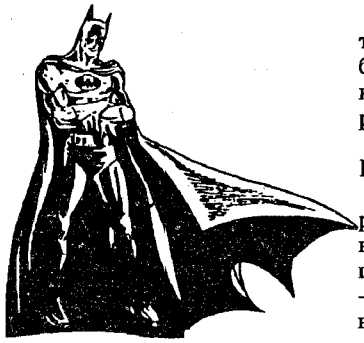
Освальд Кобблепот. Известный также как Пингвин.

Она не завидовала их мимолетным, жалким минутам славы. Она хотела, чтобы предвыборная кампания вознесла их так высоко, как это возможно.

Чем выше они поднимутся, тем эффектнее будет их падение.

Кэтвумэн больше не играла. Пришло ее время. Она точила когти.

33

Брюс Уэйн снова сидел перед телевизором и смотрел очередную бесконечную программу текущих новостей с Пингвином в главной роли.

На этот раз Пингвин говорил о Бэтмэне.

— Тикающая бомба в образе разряженного чудака, — выкрикивал в толпу разошедшийся не на шутку политик, — наконец-то взорвалась вчера вечером, поливая город шрапнелью стыда!

Пингвин был там. Горожане были там. Телевидение тоже было там. Теперь самое время.

Брюс подошел к аквариуму и опустил руку в воду, к макету Уэйн Манор, находившемуся среди экзотических рыб. Из окна верхней спальни он выловил маленький ключик.

Альфред хмурился, глядя на телевизор:

— Я меньше обеспокоен этим ужасным гротеском, нежели починкой Бэтмобиля. Мы ведь не можем просто отправить его в магазин Джо Боди? Ведь так, сэр?

Брюс взглянул на дворецкого. Посмотрите-ка, кто беспокоится о секретности!

— Эй, кто впустил Вики Вэйл в Бэткейв, а? — спросил он с улыбкой. — Я сижу, работаю; оборачиваюсь — и что же? А, Вики, привет. Заходи...

Дворецкий никак не отреагировал, лишь приподнял брови. Иногда Брюса интересовало: кто здесь был за старшего?

Но были и другие, более интригующие вещи, которые его интересовали.

— Селина, — задумчиво протянул Брюс, стряхивая капли воды с кисти. — Более многогранна, нежели Вики, а? — Он подошел к Железной Деве в противоположном углу комнаты. — Забавно, но что-то загадочное...

— Это ваше личное дело, сэр, — поспешил кивнуть Альфред.

Так ли это? Когда Альфред позволял своему господину иметь свое собственное мнение, а не комментировал его

ошибки, это означало, что на самом деле дворецкий просто одобрял интересы Брюса.

А Брюс Уэйн всегда принимал мнение Альфреда как высшее суждение.

— Дело, — пробормотал он. — Да, может быть ... если она...

Он позволил концу фразы повиснуть в воздухе, вставил ключ в замок статуи и повернул его. «Дева» раскрылась, обнажая свои смертельные шипы. Брюс ступил внутрь.

— Я думаю мне лучше воспользоваться лестницей, — сухо заметил Альфред. Шипы втянулись, и дно выскочило у Брюса из-под ног.

Он был на полпути к Бэтпещере.

А Пингвин был на полпути к сюрпризу.

Брюс спрыгнул с гладкого желоба, который доставил его из особняка наверху. Он вытащил звукозаписывающий компакт-диск, который предварительно достал из Бэтмобиля, и вставил его в специально модифицированный проигрыватель.

Позади появился запыхавшийся Альфред — лестница была довольно длинной. Широкий монитор, занимавший целую стену пещеры, транслировал Пингвина во всей его красе и величии. Он бубнил одну из своих бесконечных речей.

— Вы спросите, поднялся ли я на этот помост ради славы? — обратился Пингвин к толпе.

Давай, давай, подумал Брюс. Продолжай болтать, пока я не подготовлю оборудование, а Альфред не определит частоту. Он щелкнул целым рядом переключателей.

— Ха! — рявкнул Кобблепот. — Я многие годы напряженно работал в счастливой безызвестности под вашими бульварами.

Как раз в это время Альфред тоже напряженно работал. Он сидел за компьютером и набирал команду поиска частоты. Компьютеру понадобилось всего несколько секунд, чтобы ответить: «ЧАСТОТА НАЙДЕНА». Теперь все, что им предстояло сделать, — несколько небольших регулировок, — и те модификации, которые Бэтмэн ввел в систему массового оповещения на Готем-Плазе предстанут на суд общества.

— Нет! — продолжал Пингвин, не подозревая о предстоящем шоу. — Слава, которую я пытаюсь вернуть обратно, — это слава Готема!

Альфред набрал следующую команду: «ЗАГЛУШИТЬ ЧАСТОТУ».

— Как этого достигнуть? — величественно продолжал Пингвин. — Я знаю, вы все обеспокоены этим.

«ЧАСТОТАА ЗАГЛУШЕНА» — вывел компьютер на экран.

Пришло время повеселиться.

Пингвин был в ударе. Все птенчики и куколки Готема были на ладони его плавника!

— ...слава Готема! — выкрикнул он.

Все зааплодировали.

— Как этого достигнуть? — бросил он с помоста.

— Скажи нам! — ответил ему хор голосов. — Мы хотим знать, Освальд!

— Я знаю, вы все обеспокоены этим, — продолжал он, — я расскажу вам!

Но продолжения не последовало. Микрофон не работал.

Наверняка это секундная неполадка в системе связи. Парни Макса справятся с этим моментально. Пингвин решил повторить последнюю фразу, только для того, чтобы убедиться, что все в порядке.

— Я знаю.., — начал было он.

Но его оглушил свой собственный голос:

— Ты только расслабься, и я сам позабочусь о визжащих вертящихся крошечных щенках Готема!

Пингвин уставился на микрофон.

— Подождите сек.., — смутился он. — Я не говорил этого!

По крайней мере, он не повторял этих слов со вчерашнего вечера, когда издевался над Бэтмэном.

Вчерашний вечер? Бэтмэн?

Но никто уже не слышал его настоящего голоса. Записанный на компакт-диск голос Пингвина продолжал грохотать:

— Согласись дружище, я играю на этом вонючем городе, как на арфе из самого ада!

Но ведь эти слова звучат с магнитофонной записи! Не то, чтобы он их вовсе не говорил, но ведь не перед куколками!

Теперь толпа свистела, улюлюкала и швыряла в него разные предметы. Его помощники по избирательной кампании отступили вглубь сцены, оставив его наедине с толпой. Пингвин свирепо взглянул на Макса. Как он мог допустить, чтобы такое произошло?

Возможно, пришло время пересмотреть свою избирательную платформу?

Брюс Уэйн позволил себе улыбнуться.

Толпа, разозленная обманом Пингвина, реагировала именно так, как он предполагал. А Пингвин — не самый выдержанный из людей — злился на них в ответ.

Что оставалось сейчас Брюсу как не поднять свои ставки?

Он нажал серию клавиш и положил ладонь на компакт-диск, заставив компьютер выбирать одну особую фразу:

— ...этом вонючем городе... —

и опять:

...вонючем городе... вонючем городе... вонь-вонь-вонючем

городе... Почти как диск-жокей в одном из клубов пригорода. Пингвин, как тебе нравится такая пощечина?

— ...вонь-вонь...

Э, да в этом есть ритм! Кто там говорил, что Бэтмэн не современен?

Пингвин отпрянул от микрофона, вращаясь вокруг своей оси, и чуть не потерял равновесие.

— ...вонь-вонь... вонючем городе...

Кто-то швырнул в него снежком, салатом, помидором.

А шоу продолжалось.

— ... вонь-вонь... вонючем... вонь...

Этот ритм рождал музыку в ушах Брюса.

Пингвину нужно было убираться с площади.

Он сжал зонтик. Только бы ему удалось запустить двигатель в зонтиколете...

О, дьявол! Он прихватил с собой не тот зонтик! Но почему, в конце концов, он должен убегать от раболепствующей толпы? Пингвин горько квакнул. Стоит только сказать им что-нибудь неподобающее о Готеме, чуть-чуть принизить простой люд — и как быстро все меняется!

Побег не удался. Этот черный экземпляр, который держал Пингвин, имел совсем другое назначение.

А люди забрасывали сцену гнильем. Хуже того, некоторые снаряды попадали в Пингвина. Гнилые фрукты, овощи, тухлые яйца.

— Почему всегда находится идиот, приносящий на митинги яйца и помидоры? — негодовал Пингвин.

Всего лишь очередная грань американского образа жизни, с грустью подумал Пингвин. Что ж, у него в зонтике есть и другая сторона этой неотъемлемой мечты — право на ношение оружия.

Он вскинул свое автоматическое оружие и выпустил в толпу очередь.

Повернись ко мне, Готем-Сити.

Почему-то это еще больше раздосадовало толпу.

Судя по всему, Пингвину пора сменить климат на более холодный.

Он спрыгнул с трибуны, удаляясь с площади в сторону парка. Несколько добропорядочных горожан погнались следом.

О, дорогие. Пингвин не собирается поощрять массовки. Он перемахнул через невысокую изгородь парка, но готемцы настигали его. Он обернулся и, приподняв зонтик, дал им попробовать вкус инициативы.

Но его зонт не имел безграничного запаса боеприпасов. Да и полицейские начали показываться, отвечая на его огонь.

Ему необходимо выбраться отсюда.

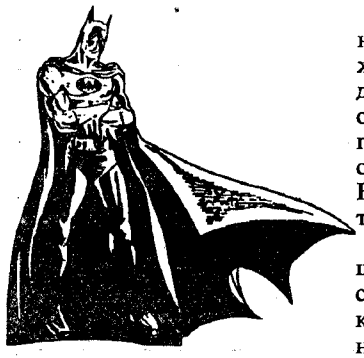
Мост впереди него выглядел очень знакомым, почти как сошедший со страниц сказки — причудливый каменный мост, перекинутый в дремучих лесах через бурлящий поток. Кроме того, подумал Пингвин, эта особенная история была очень личной: перед его глазами пронеслись кадры: детская коляска и то, другое падение, много лет назад.

Пингвин прыгнул. Через минуту он уже потерялся в ледяных водах реки в далекой канализации, которую он называл домом.

Хватит политики.

Пора спуститься с небес и заняться настоящим делом.

34

Пингвин выкарабкался из канализационной трубы. Униженный, мокрый, забрызганный дерьмом... Но он — дома. Он шел опустив голову, частично из-за подавленного настроения, но в основном — ради осторожности. Никогда не знаешь, на что наткнешься в канализации.

Он на что-то наступил. Пошарив глазами, он обнаружил свою старую резиновую утку-лодку. Да, это пригодится в его планах, в тех самых, от которых, из-за Макса и своей собственной глупости, ему пришлось отвлечься. Какого черта он мечтает о женщинах! Когда придет время, Пингвин возьмет всех, кого захочет, и никто не сможет его остановить!

Он запрыгнул в лодку и поспешил через канализационную лагуну к своему арктическому острову. Там, впереди, были пингвины, его пингвины, крякающие и играющие друг с другом.

Превозмогая боль, Пингвин улыбнулся.

— Крошки мои, — пробормотал он, — вы скучали без меня?

Ему показалось, пингвины заквакали в ответ. Он повел лодку к пристани, заметив как первые члены банды «Красный Треугольник» вошли в его пристанище через главный туннель. Он догадался, что после его речи и для них, наверху, стало

слишком жарко. Точнее, после речи, которую подготовил ему Бэтмэн.

Что ж, он не забудет о долгах, когда придет время платить.

Клоун махнул Пингвину и помог выбраться из лодки.

— Отличная работа, Освальд! — со смехом поздравил размалеванный шут. — Ты здорово объяснил им, что к чему!

Пингвин шлепнул клоуна зонтиком по голове.

— Меня зовут не Освальд, — пробасил он. — Пингвин! — Да, решил он, так лучше. — Я не человек, — продолжал он, — я — животное! Холоднокровное! Черт меня побери!

Он стянул с себя комбинезон и идиотские перчатки. Ах, как приятно ощупать плавники свободными! Нужно проморозить себя хорошенько.

— Где мои списки? — потребовал Пингвин. — Принесите мне имена!

Еще не замерло эхо, а Леди-с-ножами уже входила в берлогу, неся кипу желтых блокнотных листов. Здесь была вся информация, какую он собрал, инспектируя Зал Регистраций и телефонную книгу Готем-Сити.

— Время пришло, — он зафыркал от радости, переминаясь с ноги на ногу. Сегодня вечером всеобщий пир у Макса — массовое событие сезона, и все его жертвы будут беззащитны. Что правда, то правда. — Готем никогда не забудет!

Он оторвал страничку сверху и протянул первому своему подчиненному, затем следующую — второму.

— Эван Блак, — прочитал акробат, держа листок перед носом, — Шенардс-Лэйн, 181?

— Томас Франкел? — клоун тоже разглядывал свой листок, — Карлтон-авеню, 273?

Пингвин решил, что следует растолковать им все от начала до конца.

— Это сыны Готем-Сити, родившиеся первыми в своих семьях! — закричал он собравшейся банде. — Как и я в свое время! И также как меня страшная судьба ожидает их. Сегодня ночью, когда их родители будут веселиться на вечеринке у Макса, а они — видеть десятые сны в мягких постельках, мы выкрадем их, — он скрестил плавники, — и перенесем в канализацию... — Он весело пританцовывал на кромке льда. — ...и бросим их в глубокую, темную, мокрую могилу!

Некоторые из банды зароптали. Некоторые даже перекинулись неодобрительными взглядами. Акробат, державший первый листок, посмотрел на босса.

— Гм-м, Пингвин? — не решался начать он. — Я хочу сказать... дети? Спящие? Не будет ли это немного...

Пингвин вскинул узкий черный зонт и выпустил в акробата длинную очередь. Мертв. Точнее, от него вообще мало что осталось.

— Нет, — сухо закончил за него Пингвин, — будет даже слишком много.

Остальные бандиты поспешили согласиться и одобрить план Пингвина. Отлично. Очень показательно, что может сделать хорошо поставленная дисциплина.

Не говоря уже о метко посланных пулях.

Есть некоторые обязанности, которые дворецкий никогда не любил. Все же долг — есть долг, и о нем нельзя забывать, пока не исполнишь. Поэтому Альфред взял приглашение и спустился в Бэткейв, чтобы напомнить о нем хозяину.

Господин Брюс возился с днищем Бэтмобиля, который по-прежнему был еле жив. Альфред не удивится, если потребуются недели, чтобы привести все механизмы в надлежащий вид.

Дворецкий учтиво кашлянул. Брюс оторвался от работы и посмотрел на него снизу вверх. Альфред протянул ему приглашение. Он старался держать его как можно дальше от себя. Он предпочел бы вообще до него не дотрагиваться.

— Мистер Уэйн, — выдавил из себя Альфред. — Я обязан напомнить вам. Сегодня — отвратительный прием, который устраивает этот сноб — бизнесмен Макс Шрек. Можем ли мы отрицательно ответить на приглашение?

Хозяин, немного подумал, прежде чем ответить.

— Я прямо искушен, но..., — он нахмурился, — ну, это случай для празднества и... гм.., — его мрачный вид превратился в самую радостную из улыбок, — ...Селина, наверное, будет там.

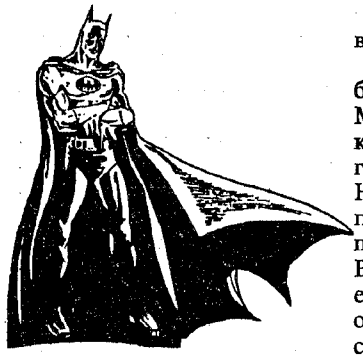
Все очень просто. Кроме сноба-бизнесмена были куда более важные дела.

— А-а, — промычал Альфред. Он никак не ожидал такого поворота дела. Дворецкий разглядывал хозяина некоторое время. — Могу я поинтересоваться, в качестве кого вы туда идете?

Но Брюс только загадочно улыбнулся:

— Ни за что не догадаешься.

35

Уж, по крайней мере, сегодня, все закончится хорошо.

Последние несколько дней не были среди самых удачных для Макса Шрека. Сначала та маленькая ссора с Селиной. К несчастью, гнев порой берет над ним верх. Но, к счастью, она выжила после падения с небоскреба; хотя удар, похоже, слегка повредил ее разум. Возможно, будет лучше удалить ее, когда пройдет сезон зимних отпусков. На продолжительный срок. Но на этот раз Макс воспользуется услугами профессионалов. Он слишком важная персона, чтобы лично принимать участие в такого рода делах.

А что Пингвин? Макс надеялся, что сумеет выбить почву из-под ног оппозиции при помощи маленького птицечеловека. Но по иронии судьбы, у избранного им кандидата в голове не хватало еще больше винтиков, чем у посредственного политика. Во всяком случае, сейчас, когда Пингвин впал в немилость и находится в широкомасштабном полицейском розыске, он и его угрозы надолго покинули жизнь Макса.

Поэтому сегодня — самое время для большой вечеринки и праздничного веселья, время позабыть прежних и обнимать новых. И время обновлений — в новый год он наконец-то начнет строительство своей специфической энергостанции.

Да, на его пути стояло немало ловушек и волчьих ям, но Макс успешно обошел их стороной. И он хотел показать, что он до сих пор здесь и способен бороться. Что он мог придумать лучше, нежели устроить ежегодный бал-маскарад в недавно разгромленном универмаге, залатанном на скорую руку и по этому случаю залитом ярким светом, как ночной клуб.

Иногда Макс бывал настолько умен, что сам себе удивлялся.

Одеваясь к балу, он облачился в заранее приготовленный тюрбан. Как всезнающий индуистский брамин. А гости валили табунами. Один был одет как «падающая башня» в Пизе, другой — как тонущий «Титаник».

Но при всем разнообразии костюмов, похоже, не было ни одного пингвина. Как переменчива публика в Готем-Сити!

Макс взобрался на возвышение. Пора было открывать вечеринку.

— Внимание, покупатели! — обратился бизнесмен в микрофон.

Гости засмеялись, по достоинству оценив шутку. Уж лучше бы они смеялись, потому что это определяло нынешнюю цену Максу. Кажется, он достиг их расположения, особенно среди некоторых бизнесменов и власть имущих Готем-Сити. Праздник всегда ценен, если при этом официальные лица меняют взгляд на вещи.

— Как этот шикарный универмаг, — продолжал Макс, — Готем может быстро забыть беспорядки, бурю и натиск минувших дней. — Он возвел руки над головой. — Проходите в залы универмага, веселитесь и развлекайтесь!

Оркестрик позади него заиграл мелодию с жестким ритмом, и несколько гостей любезно образовали пары на временно установленной танцплощадке.

Макс заметил мэра, облаченного в тогу Юлия Цезаря. Этот костюм дополняли торчащие во все стороны резиновые рукоятки кинжалов и потоки фальшивой крови. Макс поздоровался с ним издалека, приподняв бокал и улыбнувшись своей лучшей «прошу прощения» улыбкой. Мэр без энтузиазма кивнул в ответ. Однако, сам факт его присутствия означал, что он осознал свою необходимость в деньгах, силе и влиянии Макса Шрека.

Макс повернулся в сторону вновь прибывшего гостя, только что появившегося из общей толпы.

Это был Брюс Уэйн. Скорее всего, это был он. Потому что пришел одетый, как Брюс Уэйн.

Неважно, что задумал Уэйн, но Макс решил быть радушным хозяином, особенно учитывая деньги, силу и влияние Уэйна.

— Остроумный костюм, — заметил Макс, пожимая руку Брюса. — Дайте мне самому догадаться — «доверяйте благочестивому фонду»?

Но Уэйн не был в настроении шутить.

— Я вижу, вы в отличном расположении духа, — мрачно ответил он. — А ведь именно вы почти что возвели урода в мэры Готем-Сити.

О чем это толкует Брюс Уэйн? Неужели он еще не понял, что дело с Пингвином отошло в далекое прошлое?

Макс глубоко вздохнул.

— Я — луч света в этом городе. А значит — несчастная, обманутая душа. Ну не все ли равно, кто мэр?

— Знаете что? *Мне* это не все равно. — Уэйн холодно посмотрел на него.

— Вот как, — ответил Макс и пошел на поиски более интересного собеседника.

Во всем виновата позиция Макса Шрека о всепокупающей способности денег. Именно она заставила всплыть на поверхность инстинкт справедливости Брюса. Бизнесмен был ему крайне неприятен. На мгновение он даже подумал, что было ошибкой приходить сюда.

Но тут он увидел Селину.

Она тоже была без костюма, если не считать за костюм одежду Селины Кайл. Черт возьми, с таким личиком и фигурой, нет необходимости скрывать их!

Брюс быстро пересек танцплощадку, направляясь в ее сторону. Она болтала с Чипом Шреком, облаченным в доспехи воина Древнего Рима. А может, это Чип болтал с ней.

— Селина, — в голосе Чипа чувствовался почти трепет. — Мисс Кайл, могу я...

Стоило Брюсу подойти, Селина тут же повернулась к нему, словно Чипа Шрека просто не существовало.

Уэйн улыбнулся, и она улыбнулась в ответ. Оркестр заиграл что-то медленное. Сами не заметив как, в следующую минуту они уже держали друг друга в объятиях и танцевали.

— Прости меня за вчерашний вечер, — поспешил извиниться Брюс. — Удалось одно большое дело... — О нет, он просил Альфреда сказать совсем другое. — ...гм ...я хотел сказать — провалилось, и... — Это ли он просил дворецкого передать? Он не мог припомнить.

Селина ответила до того как он успел влипнуть в очередную неприятность:

— Все в порядке. — Она пожала плечами. — Я все равно должна была идти домой. Покормить свою кошку.

Но Брюс еще сомневался:

— И ни какого чувства обиды?

Она сильнее прижалась к нему и, подняв глаза, улыбнулась.

— Если откровенно... я бы сказала — обида не половину.

О, Брюс шагнул в сторону, неожиданно смутившись. Если бы только он не считал Селину Кайл такой привлекательной!

А он считал.

Селина потрясающе протанцевала перед ним медленный пируэт, одновременно грациозно и сексуально.

— Ты знаешь, в секции постельных принадлежностей стоит громадная удобная кровать «Калифорнийский король», что скажешь...

— Ты имеешь в виду, — спросил Брюс с долей иронии, — скинуть наши карнавальные костюмы?

В ответ Селина рассмеялась, скорее грустно, чем счастливо.

— Кажется, меня тошнит от масок.

— Меня тоже, — согласился Брюс. — Так почему ты пришла сегодня?

Но она покачала головой:

— Сначала ты.

Он снова притянул ее к себе.

— Чтобы увидеть тебя.

Она долго молчала. А когда заговорила, Брюс снова уловил нотки печали в ее голосе.

— Это так замечательно. И мне очень хотелось бы сказать то же самое, но... я пришла из-за Макса.

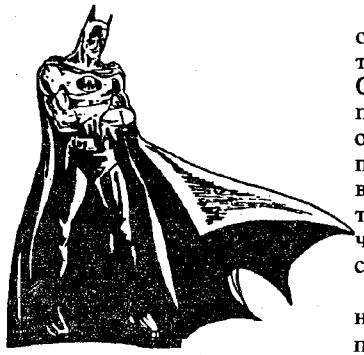
Брюс даже перестал танцевать. Макс Шрек? Неужели что-то происходило у него прямо перед носом, а он ничего не замечал? Служебный флирт или даже роман?

— Ты ведь не имеешь в виду... ты и Макс?.. — гипотетично спросил он.

На этот раз смех Селины означал, что его предположения не могли уйти от правды дальше, чем сейчас. Она покачала головой.

— *Это* и Макс, — объяснила она, раскрыв сумочку и вытащив оттуда короткоствольный крупнокалиберный револьвер.

36

Брюс затолкал револьвер обратно в сумочку и продолжал танцевать как ни в чем не бывало. Селина поражалась, как она могла показать ему оружие? Сначала она решает держать в секрете свое приобретение, а потом напрямую выкладывает об этом Брюсу. Что-то было в мистере Брюсе Уэйне, что-то загадочное, но и что-то, заставлявшее верить ему.

Она посмотрела на его удивленное лицо и решила объясниться, пока он что-либо не предпринял.

— Послушай, — начала она, — только не говори мне, что убийство-Макса-не-решит-чьих-либо-проблем, потому что оно решит. Ты не устал от этого лицемерного барона-грабителя, который всегда выходит сухим из воды? Хотя должен быть шестью футами ниже поверхности?

Брюс уныло покачал головой.

— Подожди, я уверен, у тебя есть множество причин ненавидеть своего босса, но... — Он развел руками, как будто сам

не знал ответа. — Господи, Селина, ты ведь не судья на заседании присяжных. Я только хочу спросить: ну кто ты, по-твоему, на самом деле?

Она задумчиво, немного с грустью посмотрела на него. До того, как погибла Ледяная Принцесса, она бы сказала ему. В ней было так много злости против стольких вещей; и эта злость вырывалась наружу в образе Кэтвумэн. Но сейчас?

— Я уже и сама не знаю, Брюс, — сказала она, уловив свое собственное отчаяние.

Они по-прежнему танцевали, кружась по бесконечному этажу универмага под медленную грустную мелодию. Она взглянула под потолок и увидела веточку омелы. Прильнув к Брюсу, она нежно поцеловала его. Впрочем, даже в поцелуе ощущался вкус грусти.

— Поцелуй под омелой, — сказала Селина, повторяя чужие слова. — Омела может быть смертельной, если съешь ее...

Брюс отсутствующе посмотрел на нее и процитировал другие слова, которые девушка тоже знала:

— Но поцелуй может быть еще смертельнее, если ты это имеешь... в виду.

На последнем слове он запнулся, как будто ему пришла та же мысль, что и Селине.

Они заговорили одновременно.

— Ты — это она?! — воскликнул он, в то время как она спросила:

— Ты — это он?

Ни ему, ни ей не требовались слова. Задав друг другу вопрос, они уже знали ответ.

Он и был Бэтмэном?

А она была Кэтвумэн. Но кто в это поверит?

Кроме них двоих?

Брюс очень нежно расстегнул манжет ее блузки и засучил рукав. Движения его пальцев превратились почти в ласку, когда они скользили по коже ее предплечья.

— Ожог, который ты получила от меня, — сказал он. Селина заметила сожаление в его голосе.

Но ей тоже необходимо подтверждение, подумала она, расстегивая нижнюю пуговицу его рубашки и забираясь пальчиками внутрь, вдоль мышц живота. Она нащупала рядок рубцов.

— Следы когтей, которые я оставила тебе, — сказала она и вздохнула. Слишком много неожиданностей за один вечер. — О, Боже, — прошептала Селина и испугалась, закончив свою мысль. — Не значит ли это, что мы должны начать драться прямо сейчас?

Брюс никак не ответил, лишь сильнее прижал ее к себе. А

Селина крепко обняла его. Она была так напугана! Да и он, как ей почудилось, тоже.

— Так что мы собираемся делать? — спросила она минутой позже.

— Не знаю, — ответил Брюс, — но пока мы не выяснили это, давай... давай просто потанцуем.

На мгновение Селина почувствовала себя по-настоящему счастливой.

Ну вот, это ему нравилось куда больше.

Пингвин закудахтал, когда пыль осела вокруг него, вместе с танцорами. Не больше, чем маленький взрыв, чтобы встряхнуть их хорошенько. Сегодня Пингвин заставит их заплатить за все!

Куски пола, кувыркаясь, опускались на землю.

Люди кричали.

Обломки потолка дождем выпадали вокруг них.

Люди теряли сознание.

Части каких-то иных предметов тоже сыпались им на головы. Некоторые из них были когда-то маскарадными костюмами, или тем, что находилось некогда внутри них.

Пингвин сделал небольшой поклон из своего уткомобиля.

— Вы не позвали меня, поэтому я явился без приглашения.

Четверо пингвинов, которых он взял с собой, подтверждающе заквакали.

Его Честь мэр выступил вперед. Пингвин вынужден был признать, что политик щеголевато одевался. Конечно, Пингвин всегда был молокососом, чтоб носить тогу.

— Что тебе надо, Пингвин? — потребовал Его Честь.

Пингвин оттолкнул его с дороги. У него больше не было времени для мэров. Он должен был объявить о более важных событиях. Он окинул взором сбившихся в кучу гостей Макса, чтобы убедиться в готовности всех присутствующих его слушать.

— Прямо сейчас отряды моих солдат рыщут по городу, охотясь за вашими детьми! — Он подождал, пока у аудитории не перехватило дыхание. — Да, за вашими перворожденными сыновьями. За теми, кого вы оставили дома одних, беззащитных, дабы, разодевшись как подонки, напиться сока и скверно потанцевать!

Он повернулся к, без сомнения, старшему среди перворожденных детей.

— Я собственноручно явился за любимым чадом Готема — мистером Чипом Шреком!

Теперь в толпе уже никто не дышал. Парочка даже вскрикнула.

О-о, ярость, угрозы, убийства. Зачем только Пингвин когда-то оставил эти дела, в которых ему не было равных?

Ничего, канализационные стоки под мостом отрезвили его. Потому что с дорогим Чипом и сотнями других чипов со всего города, Пингвин возвращался на большую дорогу убийств и насилия.

Эй, это даже лучше, чем мэрство!

Это было ужасно!

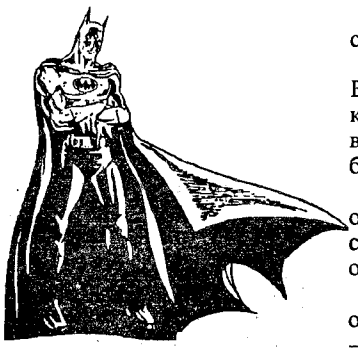
Когда пол взорвался, они оба полетели вниз. Брюс извернулся в воздухе, чтобы она упала на него, и, как подушка, смягчил ее падение. Но к тому времени, когда они поднялись на ноги, Пингвин уже взял в плен Чипа Шрека.

Селина отвернулась от Пингвина и его головорезов.

— Брюс, — позвала она, — мы должны что-нибудь предпринять!

Но Брюса уже не было рядом.

37

Макс в ужасе наблюдал, как его сына взяли в заложники.

— Ты пойдешь со мной, Великий Белый Болван, — декламировал Пингвин с порочным весельем, — чтобы умереть в глубоких лабиринтах канализации.

Макс чуть дышал. Насколько он помнил, в первый раз за всю свою жизнь он был по-настоящему охвачен страхом.

— Только не Чип! — закричал он, поражаясь силе своего голоса. — Пожалуйста, Пингвин... если в тебе хоть на йоту осталось человеческих чувств, возьми меня вместо него.

Пингвин повернулся к Максу с презрительной улыбкой.

— Нет, — рявкнул он. — Пока.

Но Макс знал, что должен спасти сына и бросился к громадной утке Пингвина.

— Я тот, кто тебе нужен! — настаивал бизнесмен. — Пингвин, пожалуйста. Спроси у самого себя! — Он ткнул пальцем себе в грудь. — Не Макс ли Шрек манипулировал тобой, а потом предал? Не Макса ли ты хочешь засунуть в мрачные и вонючие воды канализации по самые уши?

Пингвин остановился, обдумывая слова Макса.

— Ну, хорошо, в твоих словах есть смысл. К тому же истерики действуют мне на нервы.

— Пусть этот щеголь пока останется в живых. — Негодяй убрал пистолет от лица Чипа. Шрек-младший осторожно попятился. Он посмотрел на отца, словно был уверен, что у Макса есть план.

Облегчение, с которым Макс смотрел на освобожденного сына, вскоре сменилось на смятение и страх, когда дуло пистолета уперлось в его собственную голову.

Шрек-старший посмотрел на окружавших его птиц. Мало того, что у них на головах красовались до смешного странные шлемы, они были вооружены! И, судя по тому, как они держали свои винтовки, птички были готовы в любую минуту открыть пальбу по гостям бала.

Весь мир перекрасился в серый, когда одновременно взорвались четыре дымовые шашки.

Что он делает? Он не относился к тому типу людей, которые готовы пожертвовать собой. Да, но он пожертвовал собой ради сына. Это было для него шоком, но Макс гордился, что в нем осталась малая толика порядочности.

И эта порядочность обернется для него смертью.

— Отец! — Он услышал, как Чип зовет его откуда-то из толпы. Но дым уже окутал его, и он ничего не успел ответить.

Все, что мог Макс, — так это кашлять.

Замечательный план Пингвина постепенно приобретал задуманные очертания. Он видел, как его талантливые друзья по «Красному Треугольнику» врывались в дома перворожденных сыновей Готема.

Вот хорошенькая сцена в изысканной собственной ванной комнате сыночка. Стены украшают овечки, маргаритки и буквы алфавита — так миловидно, что даже тошнит. Недавно начавший ходить малыш — недавно начавший ходить первенец — как раз здесь, строит зеркалу рожицы. И просто покатывается со смеху. Это самое смешное, что он когда-либо видел.

Но ой-ой-ой, что это, как не суровый голос няни за дверью?

— Биляли, — говорит она, — если ты не почистишь зубы, я пожалуюсь твоей маме!

Кажется, у малыша неприятности.

Мальчик смотрит обратно в зеркало и видит, что он не один.

Гость — Леди-с-ножами — сгребла его в охапку и крепко зажала ладонью рот прежде, чем он успел вскрикнуть. А в следующее мгновение они оба исчезли.

Скоро у этого малыша уже никогда не будет неприятностей.

Что? Слишком трагично для вас? Хорошо, давайте посмотрим другую маленькую драму. Обожаемый родителями маленький мальчик сидит на подоконнике, с любопытством уставившись в ночное небо. Но кто появится в окне, если не веселый клоун?

Мальчуган в восхищении захлопал в ладоши.

— Наконец-то волшебство молочных зубов! — И теперь, когда чудо свершилось, он крепко берется за дело. — Что я получу?

Клоун, разглядев, что малыш и вправду потерял один из передних верхних зубов, улыбнулся еще шире.

— Ну, ...самое замечательное путешествие в твоей жизни, — пообещал клоун. — Эй, пошли, малыш...

Клоун протянул руку, и маленький мальчик принял ее, захваченный мыслями о предстоящих странствиях. Нет необходимости говорить ему, что это путешествие будет для него последним.

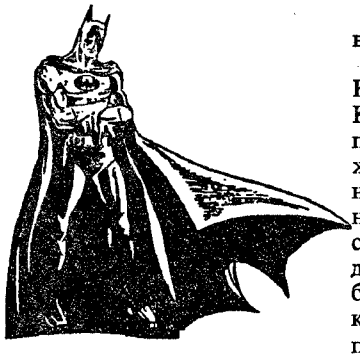
А загляните-ка сюда, в эту шикарную детскую. Младенец мирно посапывает в богатой детской кроватке, сделанной на заказ и, несомненно, из дорогих пород дерева. Но один из наших акробатов запрыгнул через окно и одним движением выхватил ребенка из кроватки. Акробат прыгнул обратно, а малыш даже не проснулся. Но ведь должна завыть сигнализация, скажете вы. Наверно, это так, но уже слишком поздно, уже слишком поздно для всего Готем-Сити.

Вот такие дела. Дом за домом. Первенец за первенцем.

О, скоро Великий Потоп! Все отпрыски, родившиеся первыми в семье, будут утоплены и удушены.

От Величия картины у Пингвина перехватило дыхание.

Макс никогда ранее не испытывал таких страданий.

Пингвин посадил его в клетку. Но не это было самым ужасным. Клетка была подвешена прямо над прудом с коричневой липкой жидкостью, источавшей острую нестерпимую вонь. Макс никогда не предполагал, что закончит свою жизнь, задохнувшись в смраде испарений! И к тому же здесь было жутко холодно! Громадный кондиционер, наверно, работал на полную мощность — вокруг все было покрыто льдом; а искры, снопом вылетавшие из электрогенератора поблизости, почему-то совсем не обогревали помещение. Макс не желал знать, что там предотвращает слизь от замерзания, но он был уверен, что эта гадость элементарно разъест его штаны, возможно, просто съест их.

Люди Пингвина дали ему потертое одеяло, чтобы он накинул его на плечи, но оно лишь до минимума уменьшило его дрожь. Он замерзнет до смерти, если только Пингвин не прикончит его раньше.

Но в таком случае он может быть совершенно уверен в намерениях Пингвина.

Пингвин с длинным черным зонтиком в руках надменно стоял перед клеткой.

— О-о-о, — пропел птицечеловек, — это будет здорово! — Он повернулся к Максу. — Скосить весь урожай самых многообещающих... еще до их первого... — Он указал зонтом в место позади Макса. Там пузырилось целое озеро какой-то жидкой гадости, даже более мерзкой, чем та, что окружала бизнесмена. — Ты спросишь, как я заманю их туда? — высокомерно продолжал Пингвин. Он раскрыл красно-белый зонтик. Макс отскочил в глубь клетки. Но вместо шквала пуль и ножей зонтик превратился в очаровательную миниатюрную карусель. Музыка была навязчиво знакомой. Наверно — колыбельная.

Пингвин держал чарующую миниатюру над головой, подзывая воображаемую толпу малышей.

— Маленькая акция разноцветного Пингвина, — объяснил он. — А ты будешь стоять и наблюдать, как они тонут один за

другим в глубокой луже твоих же производственных отбросов. — Он снова повернулся к Максу. — Потом и ты присоединишься к ним. Ирония судьбы или поэтическое правосудие? Ты сам мне скажешь.

Но Максу было слишком холодно, чтобы беспокоиться об этом.

Это был цирковой поезд из самого ада.

Странная коллекция цирковых вагончиков петляла по предрассветным улицам Готем-Сити. Яркие вагончики, раскрашенные голубым, красным и желтым — веселые цвета цирка.

Но каждый из этих стареньких, веселеньких вагончиков был клеткой — окна и двери были забраны металлическими прутьями. А за этими прутьями были дети: по четверо или пятеро в вагончике. Все мальчики, все первенцы Готема, приговоренные судьбой быть жертвами Пингвина. Во всяком случае, тот так задумал.

Изредка детский крик разовет тишину. Но большинство мальчиков слишком напуганы, чтобы говорить. Кто-то слабо позвал на помощь. Акробат наклонился и сказал ему: «Заткнись и наслаждайся путешествием на паровозике. Или ты пожалеешь».

Локомотив остановился, ожидая очередных поставок. У штурвала стоял шарманщик, он нетерпеливо смахнул обезьянку с плеча и посмотрел на столпившихся акробатов, жонглеров и клоунов, помогавших ему в работе.

— Может, вы, наконец, поспешите с загрузкой этих детишек? — зарычал он на них. Похоже, он начал уставать от всей этой поездки.

Тень упала на его лицо, пробуждая водителя от скуки. Обезьянка завизжала. Он поднял глаза и в это время Бэтмэн вышиб шарманщика с места водителя.

Он был уверен, что негодяю необходимо размяться. А после того как он его отделает, у него назначено короткое свидание с акробатами, жонглерами и клоунами.

Это, должно быть, они, подумал Пингвин. Нет смысла пугать маленьких детишек, пока они все не окажутся в вонючем болоте с токсичными отходами. Он пританцовывал с разукрашенным зонтиком, приготовившись встретить свои перворожденные жертвы и повести их в веселом танце к последнему приюту.

— Сюда, детишки, — позвал Пингвин с самой зазывающей интонацией, на которую только был способен. — Прыгайте вот туда!

Впрочем, если ребятки откажутся, он просто испепелит некоторых из своего зонта и заставит войти в липкую грязь.

Неожиданно из вестибюля его логова донесся пронзительный визг. Пингвин остановился и выключил музыку. По лестнице к нему семенила обезьянка шарманщика. Обезьяны — вонючие шумные создания, не то что королевские и императорские пингвины. Но почему обезьянка вернулась одна, без музыканта?

— Ну, где же малыши? — потребовал Пингвин ответа у зверушки. — Только не говори мне, что они остановились, чтобы позавтракать в Макдональдсе.

— Босс! — клоун показал на обезьянку. — У нее записка!

Действительно, маленькое отвратительное существо сжимало в пальцах клочок бумаги. Пингвин вырвал у нее послание и распрямил смятый листочек.

«Дорогой Пингвин, — читал он. — Дети очень расстроены, что не смогут присутствовать на твоем празднике. Сегодня сплошные разочарования. Бэтмэн.»

Что? Детишек не будет?

Пингвин не сразу понял, что произошло. А потом потребовалось больше минуты, прежде чем он утихомирил свой гнев. Если бы только Летучая мышь попался в прицел его зонтика! Как же, где может быть герой, когда вы хотите его пристрелить? Там, где его невозможно найти!

Ладно, тогда Пингвин убьет кого-нибудь другого. Он посмотрел на обезьянку. Зверек поглядывал на него, подскакивая и танцуя на ледяном полу.

— Ты всего лишь посланец, — сказал Пингвин, главным образом для себя. — Нет никакого смысла стрелять в посланца.

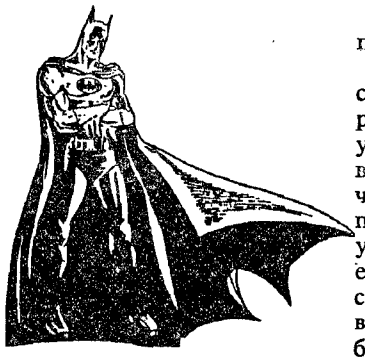
Он схватил другой зонтик, тот, что был приправлен пулями, и выпустил весь магазин, до последнего патрона, в толстого клоуна.

Вот так. Теперь Пингвин чувствовал себя лучше.

Но он еще не закончил. У него еще много планов. Грандиозных планов. Смертоносных планов.

Но на этот раз он использует кого-нибудь другого, кому он может доверять.

39

Почему он не занялся этим в первую очередь?

В конце концов, он планировал свою кампанию годами, конструируя необычное устройство для управления мозгом и переделывая винтовки и тяжелое вооружение, чтобы им могли манипулировать птицы. Но мечты о личной славе и узконаправленной мести повели его окружными путями. С другой стороны, эти мечты зависели от внешних факторов — людей и событий, на которые Пингвин не мог повлиять.

Он оглядел своих солдат — больше сотни крепких и выносливых. Пингвину и оставшимся циркачам из «Красного Треугольника» потребовался целый день, чтобы полностью экипировать их. Хуже того, они закончили прямо перед вечером под Рождество.

И что теперь? Пингвин долго и тщательно обдумывал свою речь, которая откроет ему двери к самому великому моменту его жизни.

— Мои пингвины! — торжественно начал он. — Мы стоим на пороге великих событий. Не страшно, если вы немного побаиваетесь. Многие из вас не вернутся назад.

Он умолк и смахнул накатившуюся слезу. Да, пришел день его славы или, как ему больше нравилось думать об этом, — Операции «Натиск Пингвинов». Он предполагал, что когда-нибудь неизбежно придет к этому моменту, особенно если учесть годы изнурительных исследований, позволивших открыть точные интенсивность и частоту сигналов, которые заставят пингвинов выполнить любую его команду. Вот одно из преимуществ жизни в канализации — у вас появляется масса времени для научных изысканий. Конечно, для радиосигналов Пингвина его солдаты будут чуть больше, нежели зомби, но именно это ему и было нужно. Не говоря уже о невероятной кровожадности.

Однако Пингвин должен был закончить свою волнующую речь.

— Благодаря Бэтмэну, пришло время наказать *всех* Гос-

подних детей, родившихся в семьях первыми, вторыми, третьими и четвертыми! Он громко захохотал. — К чему делать различия? Мальчики и девочки — дьявол — они станут одинакового пола, когда их эрогенные зоны взлетят высоко в небо!

Пингвин взглянул на центр управления. За пультом сидела «Дама-с-собачкой»; над ней нависал целый ряд мониторов, найденных в свое время на свалках обоих павильонов Древнего Мира в уйме других разнообразных источников. Они принимали изображение со множества видеокамер, вывинченных из некоторых автоматических камер слежения и из магазинов бытовых удобств со всего Готем-Сити. И эти мониторы показывали каждый уголок спящего города.

Но если сейчас город спал, то скоро он будет мертв.

— Вперёд, шагом марш! — скомандовал Пингвин. — Освобождение Готема началось!

Вся армия пингвинов повернулась через плечо, когда «Дама с собачкой» нажала соответствующую кнопку на пульте. Она щелкнула переключателем, и пингвины зашагали в ногу к широкой канализационной трубе, ведущей в город.

Пингвин смахнул очередную слезу.

— Тот Барсук ограничился лишь тем, что украл Рождество, — объявил он жалким немногочисленным представителям человеческой расы, которые еще оставались с ним. — Я убью его, посыплю перцем, порублю на мелкие кусочки и хорошенько перемолю кости зубами!

Да, думал Пингвин, облизывая губы.

Полнейшее жевательное удовлетворение.

Даже если Бэтмобиль поврежден, есть еще не один способ патрулировать Готем-Сити. Особенно если вашей добычей станет такое существо, как Пингвин.

Бэтмэн вел Бэтскибоат вниз по течению Готэм-Ривер к главному туннелю канализации. Это будет первое настоящее испытание его нового механизма — изящного компактного черного катера, с обводами как и у Бэтмобиля. Комбинация скоростного катера и реактивных лыж.

Лабиринт канализации был темным и бесконечным, а перемены в течение многих лет делали фактически невозможным составление плана коммуникаций по городским данным. Пингвин мог скрываться здесь годами. Но теперь Бэтмэн знал, где искать.

Альфред обнаружил в эфире сигнал, схожий с тем, что Пингвин использовал для управления Бэтмобилем. Судя по всему, птицечеловек опять пытался провести свои трюки с дистанционным управлением. Но Бэтмэн развернет эти трюки в обратную сторону, и тогда печальная участь Пингвина станет лишь вопросом времени.

Бэтмэн посмотрел на маленький экранчик перед собой. Мерцающая точка приближалась. Он поднял трубку радиотелефона, связанного с Бэтпещерой.

— Я приближаюсь к источнику сигналов, — объявил он в трубку.

— Буду готов, как только доберетесь, — ответил Альфред. Дворецкий снова отвечал за компьютерное обеспечение.

Мерцающая точка достигла центра экрана и засветилась с двойной интенсивностью. Пульт управления Пингвина был прямо по курсу.

— Я принял координаты, — добавил Бэтмэн. — Они...

Он повернул катер за угол по ходу канализационной трубы. Там, в свете его прожекторов было с полдюжины пингвинов.

Пингвины? Когда Бэтмэн просканировал всю группу, он заметил, что обмундирование птиц было не менее странно — у каждой на голове был необычно выглядящий шлем и впридачу миниатюрная базука.

Так вот что контролировал Пингвин с помощью дистанционного управления. Птицы вскинули оружие, целясь в приближающуюся лодку. Самое время для маневра-уклонения.

Бэтмэн включил реактивный двигатель и повел катер по кривой канализационного хода. Катер рванулся вперед и, поднявшись из воды, взбирался по кривой туннеля, пока Бэтмэн не перевернулся на мгновение вверх дном у потолка трубы.

Ракеты пингвинов взорвались позади, не причинив лодке вреда.

Бэтмэн продолжил вращение вдоль канализационного хода, опустив катер в воду по другую сторону противников. В этот момент пингвины были уже вне предела досягаемости, а в следующий — пропали из виду.

— Как я говорил... — продолжил Бэтмэн.

Он быстро передал дворецкому соответствующие координаты вместе с несколькими заключительными инструкциями.

Теперь-то они могут отстранить Пингвина от дел, от греха подальше.

Детишки мои, думал Пингвин, вы браво маршируете по улицам Готем-Сити, в любую секунду готовые взорвать город к чертову пеклу. Они дадут набожным горожанам один или два урока, по крайней мере, тем, кто еще остался в живых.

Он пробежал глазами по мониторам и увидел, что все отряды, кроме одного, уже заняли свои места. Последний задержался в туннелях канализации в результате небольшой путаницы, но и они уже выбирались из заранее предназначенных люков, чтобы занять позицию на Готем-Плаза.

«Дама с собачкой» посмотрела на большие часы. Действия разворачивались точно по графику.

— Десять, — начала она обратный отсчет, — девять...

Пингвин с трудом сдерживал энтузиазм.

— Рождественский Вечер Разрушений! — сдавленно засмеялся он. Таким образом он даст понять Готему, как он относится к божьим праздникам!

— Восемь, — отсчитывала его помощница, — семь.

Пингвин ничего не мог с собой поделать. Его так и подмывало запеть.

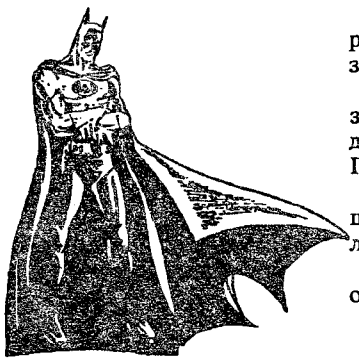
— Тихая ночь, дикая ночь, — начал он.

— Все вопят, — подхватила «Дама с собачкой», — взорван Готем-Град.

Пингвины заняли позицию. Ларри проинструктировал их, как поднять базуки на угол максимального разрушения магазинов и их последних покупателей.

На этот раз Пингвин задумал подарить Готему самый большой рождественский фейерверк!

40

Альфред сидел за пультом управления, ожидая инструкций хозяина.

— Двадцать восемь градусов западнее, — повторил Бэтмен, дважды проверив координаты. — Получится?

Альфред набрал соответствующую команду на пульте управления.

«ЧАСТОТА ЗАГРУЖЕНА», — ответил монитор.

Пингвин не мог оторвать взгляд от видеоэкранов. Это была та ТВ-программа, которая, действительно, завлекала. Еще одна, последняя команда, и в Готем-Сити станет как в «Сумерках богов» Вагнера!

— О, Готем, — радостно пропел он. — Ты бы не поставил меня на пьедестал, поэтому я втопчу тебя в грязь!

«Дама с собачкой» прокашлялась. Она щелкнула одним переключателем, другим, третьим. Она выглядела, словно у нее возникли кое-какие проблемы.

— Послушай, гм, странная вещь, — заметила она ос-

торожно, — твои пингвины... они не отвечают на стартовые команды. Фактически... — она запнулась и через секунду продолжила: — Они словно вертятся на одном месте... как-будто кто-то заглушил наш сигнал...

Пингвин уставился на нее: заглушил?

— Но кто мог... — Он остановился, подумав об очевидном ответе. — Нет, не говори так.

«Дама с собачкой» быстро кивнула, остановив взгляд на смертоносном зонтике Пингвина.

— Мои губы запечатаны, — согласилась она.

Подожди минутку. Тот небольшой беспорядок в лабиринте канализации. Могло такое быть? Пингвин подошел к пульту управления и пробежал пальцами по кнопкам. Не в этой трубе, нет.

Вот!

Он набрал другую последовательность клавиш, и на каждом экране перед ним возникли очертания нежданного гостя. Что-то вроде лодки!

— Я уже начинаю, — заметил Пингвин очень мягко, — пока только начинаю терять терпение.

Он схватил новый зонтик и поспешил к своему уткомобилю.

Макс не мог поверить.

Здесь, внизу, он провел часы, может быть, даже дни, подвешенный в клетке, время от времени подремывая, обхватив прутья руками. Он считал свое положение безнадежным. То, что его убьют вместе со многими другими, — это только вопрос времени.

Но вместо этого, он видел, как не то, чтобы один, а целых два плана Пингвина с блеском провалились. А сам Пингвин, такой уверенный ранее, теперь, казалось, забыл обо всем, кроме мести. И это *все* включало Макса.

Макс заставил себя выйти из оцепенения. Возможно, с уходом Пингвина, ему тоже удастся каким-то образом выбраться отсюда.

Пингвин запрыгнул в свою странную утколодку всего в нескольких футах от клетки Макса.

Пингвин повел свое хитроумное приспособление из канализации вверх по лестнице!

Но у Макса не было времени беспокоиться, как двигалась эта утка. Пингвин ушел, а ключ и свобода стали легкой добычей.

Макс наклонился и вырвал ключ у обезьянки шарманщика. Он быстро открыл замок.

Ему необходимо выбраться обратно на поверхность до того, как Пингвину придет мысль вернуться назад. Он шагнул к

лестнице, но вдруг почувствовал, как что-то оплелось вокруг его ноги.

Он посмотрел вниз.

Это был очень смешной хлыст — плетка-семихвостка.

Он потерял равновесие, но, падая в воду, умудрился схватить валявшийся неподалеку пистолет Толстого Клоуна.

Бэтмэн почти добрался до логова Пингвина.

Впереди что-то двигалось. Он увидел на экране новое пятно — инфракрасное изображение впереди лежащего объекта. Это была не совсем лодка. Это средство передвижения было похоже на громадную резиновую утку и она направлялась к поверхности. Его катер подплыл к развилке туннелей. Бэтмэн круто повернул, и вошел в главный ход, который под углом поднимался к поверхности.

Там, где пройдут Пингвины, следом полетят летучие мыши.

Он добрался до вершины Арктического Мира — в прошлом обширной и известной выставочной площадки, которая, что было намного важнее для Пингвина, имела выход наружу, за пределы канализации, где он мог затеряться в громадине Готем-Сити. Пингвин засмеялся, направляя свою Утку в озеро за выставочным залом. Сегодня он удирает, но только чтобы задумать другой день...

Его смех оборвался, когда он услышал звук бьющегося стекла. Что-то провалилось сквозь крышу Древнего Арктического Мира.

Что-то наподобие Бэтскибоата!

Машина пробуравила воздух прямо над его головой. И, похоже, собиралась приземлиться точно на его макушку.

Пингвину нужно сматываться отсюда.

Если только на это еще осталось время.

Бэтскибоат остановился. Он настиг свою цель, врезавшись в аппарат, на котором улепетывал Пингвин. Но что случилось с самим Пингвином?

Бэтмэн откинул колпак кабины и выбрался наружу. Он заглянул под свой катер в поисках признаков птицечеловека — возможно, обрывка грязной куртки или остатков зонтика.

Уголком глаза он заметил какое-то движение.

Пингвин был над ним!

Птицечеловек обхватил ногами шею Бэтмэна, колотя его по капюшону и тыкая наконечником зонта. Бэтмэн пошатнулся под навалившимся грузом.

— Я думаю, ты ревнуешь... — восклицал Пингвин между ударами, — что я — урод с рождения... а ты — вынужден носить маску!

Бэтмэн переносил вес в разные стороны, пытаясь сбросить с себя противника.

— Наверное, ты прав, — ответил он.

Пингвин любезно соскочил на землю.

— Но в конечном счете, — заметил птицечеловек, поднимая свое изящное черное оружие, — что идет в расчет, так это «Кто держит зонтик»?

Пингвин сжал рукоятку зонтика и с другого конца выскочило длинное лезвие, превращая его в шпагу.

Пришла пора и Бэтмэну вытащить собственное оружие. Маленькое черное, размером с ладонь, электронное устройство с одной единственной кнопкой.

Маленькие обычно глазки Пингвина сузились еще больше. Что это задумал Бэтмэн? Птицечеловек осторожно кружил вокруг Бэтмэна, сохраняя дистанцию.

Пингвин резко остановился, смотря куда-то за спину противника.

— Мои крошки... — прошептал он.

Бэтмэн рискнул обернуться и увидел целую армию пингвинов, вразвалочку топающих к Арктическому Миру. Выведенные из-под управления Пингвина, они вернулись в место, которое знали.

С боевым кличем Пингвин бросился вперед со своей шпагой. Бэтмэн легко уклонился от клинка, но, к своему удивлению, выронил собственное оружие.

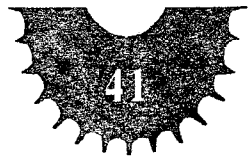
Пингвин закудахтал, поднимая с земли незнакомое устройство. Он усмехнулся, направляя оружие в сторону своего противника, и с силой нажал кнопку.

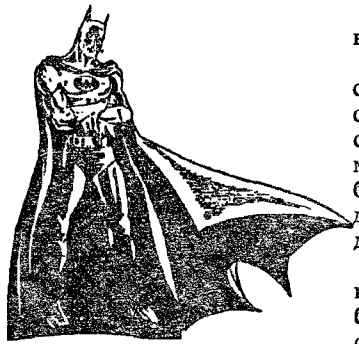
Две панели на катере Бэтмэна откинулись в сторону, освобождая стаи летучих мышей. Сбившиеся в кучу, возбужденные, слишком долго находившиеся в замкнутом пространстве. Они ринулись на Пингвина и на высокий интенсивный сигнал — устройство по-прежнему было в руках Пингвина.

— А! Ты привел с собой своих сводных братьев! — заметил Пингвин, отбиваясь от них зонтиком. — Уверен, когда-нибудь ты узнаешь их...

Но летучие мыши роем теснились вокруг него и сигнала, который притягивал их. Мышей было слишком много. Пингвин, пошатываясь, отступал назад, на дорожку, ведущую к выставке Арктического Мира, а потом побежал, пытаясь спастись от кружащихся млекопитающих.

Он вскрикнул, провалившись сквозь стекло, и упал обратно в свое логово.

Летучие мыши не оставляли его в покое.

Он пролетел сквозь старое смотровое окно. В добавление к сильной усталости, он порезался о стекло в дюжине мест. А летучие мыши были повсюду: они скопом бросались на него, наполняя воздух хлопаньем крыльев. Они были даже хуже обезьян!

Он глянул вниз. Ров с водой вокруг старого острова пингвинов быстро приближался. Наверное, он здорово ударится. Во всяком случае летучие мыши не смогут последовать за ним!

Пингвин с плеском бултыхнулся в ров, дав себе опуститься на самое дно.

Бэтмэн посмотрел на экспозицию Арктического Мира внизу. Пингвина нигде не было видно. Зато там дралась очередная парочка — Макс Шрек и... Кэтвумэн. Придется ему заняться этим. Но сначала он должен позаботиться об армии тяжело вооруженных пингвинов.

Он быстро вернулся к катеру и по телефону попросил Альфреда прекратить глушить сигналы.

Альфред подчинился.

Шлемы на головах пингвинов щелкнули и загудели. Они повернулись, поднимая вверх свои базуки, целясь на этот раз в гниющие останки старой выставки: разваливающиеся клетки из старого зоопарка, побитые непогодой арендные ларьки с местами сохранившейся яркой краски, пришедшие давным-давно в негодность скамейки и ограждения.

Со следующей командой пингвины дали залп. Снаряды взмыли высоко над головой, чтобы по длинной нависающей траектории опуститься на выставку. Экспозиция взорвалась, последний раз наполнившись звуками и ярким светом.

Наконец-то она заполучила Макса. Там, где и хотела. Один на один. Посреди разваливающейся выставки. Где-то снаружи взрывался мир, и жар, похоже, начал растапливать лед вокруг них. Уровень воды поднимался, а остров, который она делила с

Максом, уменьшался с каждой минутой. У него не осталось ни одной возможности удрать.

— Я не знаю, чего ты хочешь, — взмолился он, изо всех сил пытаясь улыбнуться, — но я знаю, что смогу достать тебе это с минимумом суеты.

Он ждал пока она что-нибудь предложит. Но она молчала.

— Деньги? — предположил он. Она никак не отреагировала.

— Драгоценности? — было его следующее предложение. Но ей не нужно было и этого.

— Неограниченный кредит? — отчаявшись спросил он.

Что ж, она решила, что может сказать ему:

— Твоей крови, Макс.

Он побледнел, даже сильнее, чем раньше.

— М-моей крови? — бессвязно забормотал он. — Я-я уже отдал тогда в офисе.

— Пол-пинты, — промурлыкала Кэтвумэн, — а я хочу галлоны. — Легким движением кисти она захлестнула свой бич вокруг шеи Макса. Пришла пора и Максу Шреку познакомиться с громадным жужжащим генератором.

Но он не горел желанием идти.

— Давай договоримся, — продолжал он с дрожью в голосе, в то время как она буквально тащила его за собой, — что я могу дать кроме моей крови...

— Извини Макс. — Она вспомнила небольшую прогулку из окна во время снегопада. Она надеялась, что он тоже не забыл об этом. — Смерть за смерть, — добавила она, подтаскивая его вперед, так, чтобы он не мог дотянуться до гудящего генератора. Да и тающий лед, похоже, тоже делал свое дело. Он определенно был на пользу, непрестанно выстреливая снопами искр.

— Ты либо подхватишь простуду, — ответил Макс, — либо и вправду собираешься убить меня.

Умный мальчик. Все что ей теперь было нужно, так это заземлить Макса должным образом — и тогда он тоже разразится искрами.

Невдалеке закачался канат, сброшенный с купола над ними, и секундой позже по нему соскользнул Бэтмэн.

Макс заскулил и пополз к нему.

— Ты спасаешь не одну жизнь, — взмолился Макс, — ты спасаешь целый город и его уклад жизни!

Бэтмэн подбросил его на генератор.

Макс взвизгнул, оказавшись под напряжением. Всего лишь маленький электрошок на этот раз. Еле ощутимый привкус того, что последует после.

Бэтмэн повернулся к Максу. Иногда, призналась себе Кэтвумэн, ей нравился его стиль.

— Во-первых, — сказал он бизнесмену, — ты заткнешься, а затем сам себя сдашь полиции.

Что? Вот чего она добилась, позволив вмешаться этому сентиментальному типу!

— Не будь столь наивным! — взорвалась она. — Закон не создан для таких людей, как он. — Она остановилась, заглянув Бэтмэну в глаза. — Или как мы.

Но Бэтмэн лишь покачал головой:

— Ты не права в обоих случаях. — Он двинулся, чтобы забрать Макса.

Нет. Кэтвумэн не позволит удрать этому перепуганному насмерть ублюдку. Она колесом прокувыркалась к Бэтмену и нанесла ему молниеносный удар в живот. Он в падении отлетел назад.

— Почему ты это сделала? — поднявшись спросил он. — Мы могли бы упечь его в городскую тюрьму, а потом вместе вернуться домой...

Если бы все было так просто! Неужели он не может понять?

— Я не домашняя кошка! — взорвалась Кэтвумэн.

Бэтмэн улыбнулся. Этого она не смогла вынести.

Неожиданно она бросилась на него, намереваясь расцарапать лицо когтями. Он увернулся от удара, отбросив ее кулаком за пределы досягаемости.

— Я не собираюсь лишать тебя коготков, — объяснил Бэтмэн, — только посмотреть, где ты точешь эти штуки.

Кэтвумэн пристально посмотрела на него. Если бы только ей не надо было свести счеты с Максом... Но ей нужно было сделать это, а Бэтмэн стоял у нее на пути.

— Неужели ты не понимаешь, — взмолился Бэтмэн. — Мы ведь похожи. Ниши жизни расколоты на две половины. — Он протянул к ней руку в черной перчатке.

— Прямо как в сказке, — согласилась она, — и я навсегда смогу остаться с тобой в твоем замке.

Если бы только не было другой вещи, подумала она, которую она должна сделать прежде.

Кэтвумэн подалась вперед. Она потянулась за нежностью его поцелуя.

Но вместо этого она боднула его головой.

Он отшатнулся назад.

— Я едва уживаюсь сама с собой, — призналась она.

— Селина? — воскликнул Макс, неожиданно пораженный простотой догадки. — Селина Кайл? Вы уволены! — Он посмотрел на приходящего в себя Бэтмэна. — Брюс... Брюс Уэйн? Зачем вы нарядились Бэтмэном?

Кэтвумэн ответила за него:

— Он и есть Бэтмэн, идиот.

Но Макс держал в руке пистолет.

— Был, — поправил он Селину.

Он выстрелил в поднимавшегося Бэтмэна, попав тому в

шею. Бэтмэн упал на колени, а Макс перевел оружие на Кэтвумэн.

Где он взял пистолет? Лучше бы она следила за Максом, а не спорила с Брюсом. Овца!..

Она заставила себя остановиться. Это был образ мыслей Селины Кайл. А это было у нее в прошлом. К счастью или несчастью, а в лицо Кэтвумэн смотрел пистолет.

Она неторопливо двинулась к Максу.

— Ты убивал меня, — скромно сказала она, — Бэтмэн убивал меня, Пингвин убивал меня. Три жизни долой. У тебя достаточно пуль, чтобы прикончить меня до конца?

— Есть только один путь проверить это, — ответил Макс. Он потянул за спусковой крючок.

Пуля ударила ей в руку. Другая распорола бедро.

Она продолжала идти, откинула с лица капюшон.

— Четыре, пять, — считала она, — и я по-прежнему жива.

Она истекала кровью, но не чувствовала этого.

Она вытащила свой электрошоковый пистолет. Она собиралась закончить это дело, даже если это последняя вещь, которую она когда-либо сделает.

Селина была ранена. Дважды.

Бэтмэн стянул с лица маску, пытаясь остановить кровь на раненой шее. Он убеждал себя, что это всего лишь поверхностная рана. Неважно, как глубоко его задело, но он должен остановить Макса, пока тот не убил Селину.

Он попытался подняться на ноги, но он был слишком слаб.

— Селина... — с трудом выдавил он, — пожалуйста, остановись.

Макс снова выстрелил, попав ей в другую ногу. Она продолжала наступать. Он выстрелил еще раз: пуля разорвала ствол ее оружия. А из того, что осталось в ее руке, посыпались искры.

Но она по-прежнему надвигалась, правда, теперь уже довольно нетвердо.

— Шесть, семь, — с трудом произнесла Кэтвумэн, — все хорошие девочки давно бы уже отправились к...

Макс прицелился ей в грудь и нажал на курок. Но магазин был пуст:

— Гмм, — небрежно заметила Селина, — осталось еще две жизни. Я думаю оставить одну до следующего Рождества. А пока, как насчет поцелуя, Санта-Клаус?

Когда-то исполненный силой Макс Шрек теперь скулил во весь голос. Он отступил назад, ударившись спиной о генератор.

Селина засунула электропистолет себе в рот, как какую-нибудь электронную пустышку, и вцепилась в Макса, притянув поближе к себе.

— Что ты... — закричал Макс.

Она наклонила голову, словно собираясь поцеловать его, и в этот момент вонзила когти в раскрытые предохранители генератора. Их тела подбросило в воздух, когда по ним пробежал электрический заряд.

Брюсу удалось подняться, в то время как двое других затерялись под дождем искр.

Комиссар Гордон оглядел Готем-Плаза. Счастливая картина для Рождественского вечера — ведь все похищенные дети вернулись к своим обеспокоенным родителям, с помощью полиции и некоторой поддержки мэра. И конечно же, благодаря участию Бэтмэна.

Странная ночь. Только несколько минут назад пришло сообщение о стаях пингвинов, бродивших поблизости в странных спортивных шлемах и несших оружие. Но патрульные машины не смогли обнаружить ни одного. Очевидно, это чья-то неудачная попытка пошутить. Поразительно, какие вещи Рождество выявляет в некоторых людях.

Огни потускнели повсюду вокруг. У них что, намечается временное отсутствие электроэнергии? По какой-то причине в небе на мгновение замерцал Бэтсигнал, но затем потух.

Свет вспыхнул с прежней силой, и на этот раз, огни рождественской елки тоже загорелись. Родители и дети радостно закричали.

Гордон нахмурился: они чуть было не остались без энергии по всему Готем-Сити.

Неужели Макс Шрек был прав насчет своего идиотского проекта новой энергостанции?

Гордон будет рад, когда эта Рождественская Ночь подойдет к концу.

* * *

Брюс уловил возглас радости из-за дождя искр. Крик был похож на кошачий.

Спотыкаясь он пошел вперед. На полу он увидел тело.

— Се-ли-на Кайл, — позвал он. Ответа не последовало.

Он двинулся дальше, пробираясь сквозь поднимающийся кверху туман. Здесь было только одно тело, и оно принадлежало Максу Шреку. Он был совершенно мертв.

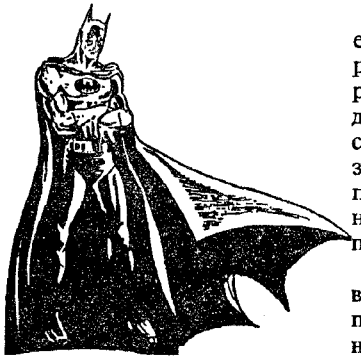
Бэтмэн шагнул прочь. Генератор умолк. Фонари почему-то еще горели, но кондиционер воздуха уже не работал. С каждой минутой здесь становилось все жарче.

Услышав голос за спиной, Брюс повернулся.

— Надо бы запустить переменный ток. Душновато здесь что-то.

Это был Пингвин, поднявшийся из канализации.

42

Вид у Пингвина был ужасный: его грязные одежды были мокрыми и изодранными, а лицо и руки кровоточили. Он опирался на два зонтика, используя их в качестве костылей. И, казалось, он здорово потел — так поспешно он пробирался к кондиционеру, даже не замечая постороннего присутствия.

Взрыв генератора воспламенил верхние части выставки. Сверху падал горящий бут. Пингвин увернулся от пылающего обломка и отшвырнул один зонтик, чтобы освободить плавник. Он повозился с циферблатом обгоревшего кондиционера воздуха. Никакого толка: он не работал, как и генератор.

Пингвин обернулся и увидел Бэтмэна.

— Без маски, — проквакал Пингвин, — ты чертовски красив. — Он хрюкнул, поднимая зонтик. — Так убирайся к черту!

Он нажал кнопку на ручке. Наконечник зонта превратился в вертящуюся карусель.

— Дерьмо, — проворчал Пингвин. — Я подобрал слишком миловидный экземпляр. Жара начинает действовать на меня.

Он пошарил по полу в поисках другого зонтика, того, что с пулями. Но его нигде не было. Пингвин снова поднял глаза на Бэтмэна.

И увидел, что его противник держит зонтик в одетой в перчатку руке.

Пингвин шагнул прочь.

— Эй, ты... ведь не разнесешь в прах птицу вымирающего биологического вида...

Бэтмэн приподнял зонт. Он прицелился точно промеж глаз Пингвина.

Птицечеловек подергал за воротничок. Его лицо принимало очень неприятный красный оттенок.

Он повернулся и, тяжело дыша, вразвалочку заковылял прочь.

— Ты ведь не выстрелишь мне в спину? — крикнул он из-за плеча. — Ведь не выстрелишь?!

Не опуская зонтика, Бэтмэн последовал за Пингвином, готовый в любую секунду открыть огонь.

Птицечеловек споткнулся, но снова пошел вперед к последним остаткам льда на краю рва с водой.

— Я перегрелся, все... — выдохнул Пингвин. — Я тотчас же убью тебя... — Он ухватился за воротник и рывком распахнул ворот. — Но сначала... глоток холодной...

Он сделал заключительный шаг и шлепнулся на брюхо всего в нескольких дюймах от последней глыбы сверкающего льда, покачивающейся на воде с краю.

— ...ледяной воды... — прошептал он и потянулся плавником ко льду, но расстояние было слишком велико.

Плавник упал.

Пингвин лежал без движений.

Бэтмэн отшвырнул смертоносный зонтик. Он остановился как вкопанный и уставился на четырех пингвинов, появившихся из теней. Они были больше своих собратьев по размеру и, как догадался Бэтмэн, назывались императорскими. Они окружили упавшего птицечеловека. С единой целеустремленностью они наклонились и ухватили Пингвина клювами. Все четверо задрали головы, поднимая Пингвина, словно несли гроб на похоронах, а затем повернулись и понесли его прочь, обратно в темноту.

Бэтмэн не смог бы никому рассказать об этом. Никто никогда бы ему не поверил.

И он даже не был уверен, поверил ли в это сам.

* * *

По всему Готем-Сити горели огни.

Рождественская елка весело мигала, и Бэтсигнал снова вспыхнул в небе.

Христославы пели рождественские гимны. Дети смеялись: Рождество почти наступило.

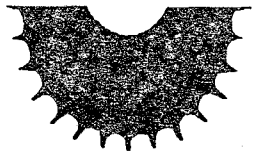
Комиссар Гордон вздохнул и посмотрел на мэра и его свиту. Он указал на вспыхнувшую в небе эмблему летучей мыши.

— Думаете, он когда-нибудь простит нас?

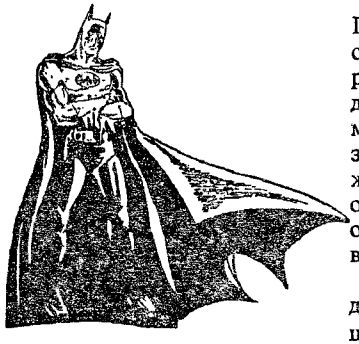
Мэр передернул плечами:

— Вероятно, нет. Но он всегда будет помогать нам.

Комиссар Гордон надеялся на это. Ради спасения всех, он надеялся на это.

ЭПИЛОГ

Альфред приехал за ним. Побитый и израненный Брюс Уэйн сидел на заднем сиденье «ролс-ройса». На мгновение он задумчиво посмотрел в окно, когда машина проезжала по Готем-Плаза, мимо счастливых семей, окруживших рождественскую елку. Но он не ощущал ни боли ран, ни окружавшего его рождественского веселья.

— Я... — сказал он после длительного молчания, — я не нашел ее тела. Может быть...

— Да, — ответил Альфред, — может быть.

Брюс посмотрел на своего дворецкого, на своего старого друга. Он знал, на самом деле Альфред не верил, что Селина выжила; просто он проявлял доброту к огорченному хозяину. Брюс знал Альфреда слишком давно, чтобы тот мог его одурачить. Но все же, был признателен ему за эту попытку.

Альфред нахмурился, когда гуляющие запрудили впереди дорогу. Он свернул на боковую аллею, рассчитывая по кратчайшему пути объехать толпы.

— Что ж, — продолжал Альфред. — Пришло то, что должно было прийти. Веселого Рождества, мистер Уэйн!

— Верно, — ответил Брюс, пытаясь как-нибудь ответить на добрые пожелания дворецкого. — Конечно. И на Земле Мир и человекам благоволение...

Что это было?

Ему показалось, что он услышал громкое «мяу».

Он обернулся, чтобы посмотреть в заднее стекло салона. И как раз вовремя, чтобы заметить, как с улицы на аллею промелькнула чья-то тень. Брюс выпрыгнул на ходу из машины и растворился в темноте аллеи. Он разыскал прятавшуюся среди консервных банок черную как смоль кошку.

— О, Мисс Китти, — подумал он, — что ты здесь делаешь так поздно? — Он бережно укрыл кошку у себя на руках и вернулся к «ролс-ройсу» и Альфреду.

Брюс вздрогнул, захлопывая за собой дверцу кабины. Как он там сказал: «и человекам благоволение»?

— И женщинам, — добавил он.

Альфред вел машину в тишине.

Уже поздняя Рождественская ночь, а может быть, очень раннее Рождественское утро.

Высоко над домами, раскинувшись на облаках, полыхает маяк — ярко-желтый овал с темным силуэтом летучей мыши посредине.

Он заполнил собой все ночное небо, а потом исчез.

Добро пожаловать в Готем-Сити!

САЙМОН ХОУК

БЭТМЭН:
ПО СЛЕДУ СПЕКТРА

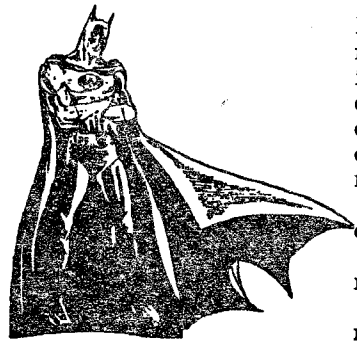

Перевод с английского — *В. Чиколини.*

Посвящается Кэс Маршалл, с благодарностью за дружбу и воодушевление

ПРОЛОГ

— Извините меня, господин Посол, — сказал метрдотель, приближаясь к столику. — Кто-то хочет поговорить с вами по телефону. Джентльмен не представился, но он сказал, что это очень важно. Вы ответите на звонок?

— Да, спасибо, Филипп. Я отвечу.

Метрдотель протянул ему трубку радиотелефона.

Посол повернулся к своим компаньонам по ланчу.

— Прошу меня извинить. Только один момент. — Он поднял к уху трубку и назвал свое имя.

— Вам требовались мои услуги. — Звонивший говорил с европейским акцентом. — На противоположной стороне улицы есть телефон-автомат. Подойдите сейчас туда, пожалуйста.

Связь внезапно прервалась, но посол сделал вид, что по-прежнему с кем-то разговаривает.

— Да, я вижу, — сказал он в трубку. — Нет, нет, я понимаю. Я должен взглянуть на это сам. Я приеду немедленно.

Он протянул трубку метродотелю и, повернувшись к своим компаньонам, сказал:

— Боюсь, в посольстве произошло что-то такое, что требует моего незамедлительного внимания.

Компаньоны заверили посла, что вполне его понимают, и он, извинившись, вышел из ресторана. С секунду постояв на тротуаре в ожидании передышки в интенсивном движении ланч-часа, он быстро пересек улицу и направился к телефону-автомату напротив ресторана. Подойдя к будке, посол быстро огляделся и стал ждать. Почти тотчас он услышал, как у него за спиной кто-то крикнул:

— Эй, какого черта ты не смотришь, куда прешь?

— Сам смотри, приятель.

— Что ты сказал?

— Ты слышал. Я сказал, сам смотри!

Это позади посла объяснялись два человека, принявшие боевую стойку, стоя лицом друг к другу.

В будке зазвонил телефон и посол сразу же поднял трубку.

— Это Спектр, — сказал голос с европейским акцентом.

Посол нервно огляделся вокруг. Двое парней позади него громко орали друг на друга и похоже, намеревались пустить в ход кулаки.

— Маленькая дискуссия неподалеку от вас — всего лишь отвлекающий маневр, чтобы замаскировать наш разговор от соседствующих микрофонов, — объяснил человек, назвавшийся Спектром. — Простите за тщательно продуманные предосторожности: просто известно, что вы часто бываете именно в этом ресторане, и эту линию могли прослушивать.

— Вы очень предусмотрительный человек, — сказал посол.

— Природа моей работы требует осторожности. Я решил принять ваш контракт.

А «ссора» позади посла все разгоралась, вокруг даже уже начала собираться толпа.

— Вознаграждение составит один миллион американских долларов, — сказал Спектр.

— Миллион долларов! — воскликнул посол с недоверием.

— Сумма окончательная и пересмотру не подлежит. Для оплаты с вами свяжутся в следующую пятницу на приеме в посольстве. Связным будет блондинка в черном вельветовом платье для коктейлей, с бриллиантовой брошью в форме звезды. Вы сделаете ей комплимент, восхитившись ее платьем, и спросите: «Скажите, это авторская работа?» Она ответит: «Хотите верьте, хотите нет, но я сшила его сама по выкройке из журнала», — и она подмигнет вам.

— Вы рассчитываете, что я передам ей один миллион долларов прямо на приеме? — спросил изумленный посол.

— Конечно нет. Все заметят, что вы заигрываете с ней. Благодаря девушке, это будет нетрудной задачей. Вы уйдете с приема вместе с ней, и она будет сопровождать вас до дома, где вы вручите ей деньги в пачках, стодолларовыми купюрами. Ради приличия, она останется с вами на несколько часов, а затем вы отправите ее домой на своей машине. Она сама проинструктирует водителя, где остановить машину. Так как это не является для вас необычным образом поведения, то ни у кого не возникнет подозрений, даже в том случае, если за вами будет слежка.

— Прошу прощения! — запротестовал посол. — Как вы узнаете... — Посол не успел договорить — на другом конце провода уже повесили трубку.

— Не ты ли это толкнул меня?

— Ну да, и что ты собираешься сделать поэтому поводу, тупица?

— Ты кого назвал тупицей?

— Я назвал тебя тупицей. Ты тупица!

— Убери от меня свои грязные руки! Только толкни меня еще раз и тогда я...

— Тогда ты что? Ну давай, хочешь мне вдарить? Ну давай, двинь хорошенько!

— Довольно, разойдитесь, разодитесь, — строго сказал полицейский, проталкиваясь сквозь толпу.

Посол повесил трубку и быстро направился к ожидавшей его на другой стороне посольской машине. Оба забияки в присутствии офицера полиции мгновенно поостыли и после нескольких укоризненных замечаний, разошлись в разные стороны. Толпа растворилась.

— Ты засек что-нибудь? — спросил федеральный агент в машине на противоположной стороне улицы.

Его напарник снял наушники, опустил от губ микрофон и покачал головой.

— Что ты, при таком шуме? Забудь об этом. Я не расслышал ни слова.

— Дрянь дело. Думаешь, это было подстроено?

— Нет. Он, наверное, звонил какой-нибудь шлюхе. И не хотел делать это из ресторана, где его могли подслушать. Черт, ведь так было не один раз.

— Но почему он просто не воспользовался телефоном в машине?

— Гммм. Хороший вопрос.

— А у тебя есть хороший ответ?

— Нет.

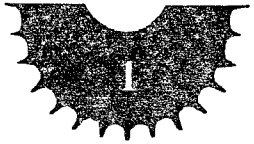
— И у меня тоже.

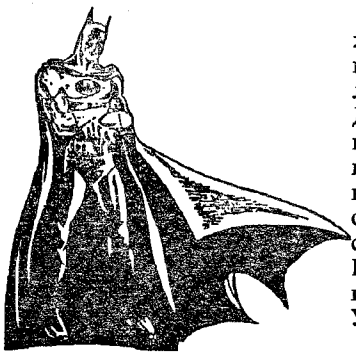
— Ты ведь не думаешь, что он засек нас?

— Не знаю. — Агент потянулся к радиотелефону.

— Мне это не нравится. Что-то здесь происходит.

— Думаешь, это связано с Гарсиа?
— Я просто не думаю, что речь идет о какой-нибудь девке.
Он проговорил в телефон:
— Это Джерниган. Соедините меня напрямую с Чэмберсом.

— Добрый вечер. С вами Роджер Грили, вы смотрите вечерние новости. Дебаты вокруг ареста латино-американского террориста Дезидерио Гарсиа по-прежнему не утихают. Сегодня после полудня состоялась пресс-конференция, на которой Белый дом дал первый официальный ответ на протесты, связанные с захватом генерала Гарсиа. За подробностями этой истории мы обратились к Конни Уильямс в Вашингтоне.

Камера переметнулась на привлекательную темноволосую, крайне ухоженную женщину, стоящую на лестнице перед зданием Федерального Департамента.

— Роджер, после дерзкого полуночного налета отборного отряда Дельта Форс коммандос и агентов ЦРУ на частную укрепленную виллу генерала Дезидерио Гарсиа, Белый дом впервые сделал заявление в ответ на поданные протесты нескольких иностранных правительств, касающиеся правомочности взятия под стражу генерала Гарсиа. Сегодня днем в четыре часа Пресс-Секретарь Белого дома Уолтер Дэвис сделал короткое заявление по поводу ареста генерала Гарсиа, а затем ответил на вопросы пресс-корпуса Белого дома...

Интервью оборвалось окончанием пресс-конференции. Пресс-секретарь Дэвис — грузный, лысеющий мужчина в темно-синем костюме — стоял на трибуне позади многочисленных микрофонов.

— Добрый вечер, леди и джентльмены, — сказал он. — Я зачитаю короткое заявление, а потом отвечу на ваши вопросы. «Позиция правительства Соединенных Штатов состоит в том, что арест генерала Гарсиа был проведен в соответствии с нашими законами и всецело оправдан. В добавление к незаконному аннулированию свободных и демократических выборов в своей стране, генерал Гарсиа является, и уже довольно продолжительное время, международным торговцем наркотиков. Известны его связи с некоторыми террористическими организациями, которые он снабжал не только оружием и средствами от прибылей кокаиновой контрабанды, но и обеспечивал базами для использования в качестве тренировочных лагерей. Его арест был произведен в согласии с федеральным судебным распоряжением, основанным на его контрабанде наркотиками и террористической деятельности, так же как и на прямом участии в заговоре, включающем запланированные попытки политических убийств ряда членов Организации Объединенных Наций. В течение слушания дела в федеральном суде Готем-Сити[1], генералу Гарсиа будут предоставлены те же самые права и законные представительства, как и любому гражданину Америки, под должным соблюдением законов». В этом заключается заявление. А теперь я отвечу на ваши вопросы.

— Мистер Дэвис, послал ли Президент какой-либо ответ на протесты от Советского Союза, Кубы и ряда стран Среднего Востока?

— Позиция Президента по этому вопросу отражена в заявлении, которое я только что зачитал, — ответил Дэвис.

— А как насчет тех претензий, что генерал Гарсиа был незаконно схвачен и похищен в своей собственной стране?

— Наши законы дают нам право приводить в исполнение решения федерального суда на территории иностранных государств, когда это касается террористов, подвергающих угрозе безопасность людей и правительства Соединенных Штатов, — сказал Дэвис.

— А какова точка зрения Мирового Суда?

— Это и есть, Сэм, его мнение. Наши действия не ограничены законом.

— Имеет ли правительство какие-либо документы, подтверждающие причастность генерала Гарсиа к контрабанде наркотиками?

— Мы полагаем, что имеем достаточно показаний, которые будут представлены в суде, — ответил Дэвис.

— Что вы можете сказать по поводу предполагаемого заговора с целью политических убийств? Не могли бы вы рассказать нам более подробно? Кто конкретно был мишенью, и кого генерал Гарсиа втянул в это дело?

— На этот момент я не уполномочен вдаваться в детали, — сказал Дэвис.

— Но вы сказали, что он был непосредственным участником.

— Это верно. Мы имеем доказательства этого.

— Какого рода доказательства?

1 Нью-Йорк (слэнг.) — Город дураков (*англ.*).

— Я не уполномочен говорить.

— Есть ли у правительства свидетели?

— Уверен, я уже ответил на этот вопрос.

— Какова международная точка зрения?

— Великобритания выразила поддержку нашим действиям, — ответил Дэвис, — объявив, что они были полностью справедливы, и мы получили декларации о поддержке от правительств Канады, Австралии, Франции, а также ряда других стран. Должен также добавить, что нас поддерживает большинство американских граждан.

— Мистер Дэвис, не думаете ли вы, что, в свете протеста Советского Союза, арест Гарсиа может повлиять на предстоящие переговоры и развивающиеся отношения с этой страной?

— В основном это будет зависеть от них; но нет, я действительно не верю в это.

— А как насчет заявления генерала, переданное его адвокатом, что он, как и любой другой человек, не являющийся гражданином Соединенных Штатов, не подвластен действию наших законов?

— Генерал Гарсиа имеет право заявлять все, что пожелает, — сказал Дэвис. — Его прошение будет передано в суд для рассмотрения. Всем спасибо. На сегодня это все.

Кто-то выкрикнул еще несколько вопросов, но Дэвис проигнорировал их и покинул трибуну. Камера вернулась к Конни Уильямс.

— Пресс-секретарь Дэвис оставил без ответа несколько ключевых вопросов, — сказала она, — такие, как подробности предполагаемого заговора с целью политических убийств членов ООН и основа свидетельств против генерала Гарсиа, которые имеются у правительства. Было бы логичным сделать вывод, что у правительства есть, по крайней мере, один свидетель, который может доказать эти предположения. Мистер Дэвис не подтвердил, но и не отверг это. Что касается поддержки граждан, к которым аппелировал Пресс-секретарь Дэвис, то, по нашим собственным социологическим исследованиям, эта поддержка на самом подавляющая. На вопрос, поддерживают ли они действия правительства по аресту генерала Гарсиа, шестьдесят восемь процентов опрошенных сказали «да», десять процентов ответили «нет» и двадцать два процента не имели определенного мнения. Это был репортаж Конни Уильямс из здания Федерального Департамента.

Камера перескочила на ведущего новостей.

— Среди других сегодняшних вестей: вскрытие тела Джона Масловица — защитника сборной страны и победителя Кубка Хейсмана — подтвердило смерть в результате передозировки наркотиками...

Брюс Уэйн нажал на кнопку дистанционного управления и телевизор замолчал. Он откинулся в кресле и вздохнул. Куда ушли те дни честных студентов-спортсменов, которые, в худшем случае, могли выпить лишнюю пару кружек пива на дружеской вечеринке? Дети умирают от злоупотребления наркотиками, и вот один из бесчестных королей наркобизнеса в мире — притом террорист — предстанет вскоре перед судом, и все же двадцать два процента опрошенных граждан не имеют мнения на этот счет. Поразительно. Как можно быть безразличным в таким ситуациях?

— Обед готов, мистер Брюс, — сказал Альфред Пенниворт.

— Спасибо Альфред, я не голоден.

— Что-то не так, сэр?

Бэтмэн взглянул на дворецкого и криво улыбнулся.

— Всегда что-то где-нибудь да не так, Альфред. В последнее время, впрочем, это случается все чаще и чаще.

— Да, сэр. Вполне вас понимаю. Но вам все же стоит перекусить, сэр. Я бы не советовал качаться между крышами домов на пустой желудок.

Бэтмэн невольно улыбнулся. Он не переставал удивляться обилию оттенков в речи Альфреда. Сколько он знал его, а это, значит, всю его жизнь, Альфред Пенниворт был воплощением британского дворецкого. Элегантно-формальный, всегда точный и уместный — анахронизм, наследие ушедшей изысканной эпохи. Ни при каких обстоятельствах он не мог представить Альфреда без смокинга, с растегнутой рубашкой, развалившемся перед телевизором с задранными ногами и потягивающем пиво прямо из жестянки, пусть даже в уединении в его собственной комнате.

Большую часть времени лицо Альфреда оставалось невыразительным, не считая легкого оттенка превосходства. Но временами, обычно в стрессовых ситуациях, а жизнь Брюса Уэйна была наполнена ими с избытком, оно могло выражать заботу, беспокойство, гнев, печаль, всю палитру эмоций, доступных рядовому человеку. Однако Альфред едва ли был обычным человеком. Как и его отец, прежде чем Альфред Пенниворт стал тем, что англичане неопределенно называют «джентльменом джентльмена», он до того он жил совсем другой жизнью. В Британских ВВС он служил в отборных частях коммандос, позже изучал военную медицину. Он мог бы стать врачом. Он также мог стать актером, что было его давней мечтой. Он обучался в Королевской Академии Театральных Искусств, добился замечательных успехов в качестве драматического актера. Одаренный мим, Альфред был способен передать любой голос, акцент или диалект, услышав его лишь однажды, а как театральный гример он был настоящим кудесником. Он обладал широчайшей эрудицией и высочайшим интеллектом. Он мог бы стать всем, кем бы ни пожелал, но он предпочел стать

дворецким, учителем и другом трагически осиротевшему мальчугану по имени Брюс Уэйн. Это решение, которое в корне изменило его жизнь самым неожиданным образом.

И теперь, на закате своих дней, Альфред уже никогда не станет никем иным как дворецким. Да у него и не было желания быть кем-то еще. В прошлом Брюс часто интересовался, не чувствовал ли Альфред себя обделенным, но тот заверял его, что он находит удовлетворение в своих обязанностях и их дружбе. Брюс знал, что это было правдой. Хотя для всех остальных Альфред казался не более чем слугой, Брюс радовался своему удивительному счастью иметь Альфреда в качестве друга.

Однако это была странная дружба. Немного более близкая, чем среди большинства, но все равно странная. Чаще всего они были так близки, как только могут быть двое мужчин. Но все же между ними всегда была непонятная дистанция, как будто невидимая стена едва разделяла их. Границы их взаимоотношений определял сердечный формализм. Никогда не называя его Брюсом, — всегда мистером Уэйн, или сэром, или хозяином. Последнее было самым фамильярным из того, что он мог себе позволить. Несмотря на все свои усилия, Брюсу так и не удалось заставить его отказаться от этой утонченной строгости. Альфред на самом деле был «джентльменом джентльмена» до мозга костей. Это была его жизненная роль, и Альфред играл ее как превосходный актер; впрочем он и был им.

Для окружающих, по крайней мере для тех, кто его не знал, Альфред часто казался вышколенным, надменным, бесстрастным как робот. Классический стереотип английского дворецкого. Альфред крайне хорошо разбирался в психологии стереотипов. Он без труда умел растворяться на общем фоне, как хамелеон, так что люди часто даже забывали о его присутствии. Альфред знал, как использовать свои способности на пользу дела. С годами Брюс научился распознавать неуловимые оттенки в манерах своего друга. Альфред «передавал» ему любые новости среди толпы гостей, но никто, кроме Брюса, не смог бы ни о чем догадаться. У него было сухое, ироничное чувство юмора. Он слегка поднимал бровь, едва заметно изгибал губы, меняя интонации. Все это совершенно ускользало от случайного слушателя, но многое говорило Брюсу Уэйну.

Несмотря на преклонные годы, он по-прежнему оставался в хорошей физической форме, хотя стал более колким и неуживчивым, но никто, кроме Брюса, не замечал эти манеры. Его чувство юмора, и так всегда горьковатое и острое, как скальпель, становилось все более едким и саркастическим. Как тот совет не качаться между крышами домов на пустой желудок

— сам по себе забавный, а манера, с которой он его преподнес гарантировала успех на девяносто девять процентов.

— Очень хорошо, Альфред, — смягчился Брюс, — я съем что-нибудь попозже. Но сейчас мне необходимо побыть одному.

— Очень хорошо, сэр. Я буду рядом, если понадоблюсь вам.

«Интересно, — подумал Брюс, — сколько раз за минувшие годы он говорил эти слова своему старому другу? Наверное чаще, чем можно было бы сосчитать. Он был человеком, которому требовалось очень много «времени для одиночества». Намного больше, чем большинство людей смогли бы понять. В душе он всегда был одинок. Всегда, начиная с того рокового дня, когда два выстрела из полуавтоматического пистолета 45-го калибра навеки изменили его жизнь».

Двадцать шестое июня. День выстрелов. Эта дата — как ноющее клеймо, выжженое в его памяти каленым железом. Двадцать шестое июня. Тогда ему было восемь лет. Его родители, доктор Томас и Марта Уэйн, пошли вместе с ним в кино посмотреть «Знак Зорро» с Тироном Пауером в главной роли. Ирония судьбы! Почему они выбрали именно этот фильм? Он по-сей день помнил каждый кадр этого фильма, и хотя купил видеокассету, больше ни разу не смотрел его. Однажды, правда, он попробовал, но сердце сжалось от боли: слишком много воспоминаний. Воспоминания, которые никогда не оставляли его. Они всегда были свежи в его памяти.

Психолог, если бы знал все детали, узнал бы больше о влиянии этой картины на Брюса. Это была история о Доне Диего Де Ля Вега, сыне богатого и влиятельного землевладельца Лос-Анжелеса — испанской колонии Нового Мира. Получив образование в Испании, он вернулся взрослым мужчиной, хорошо сложенным и хорошо образованным, — чемпионом среди фехтовальщиков, чье тело и реакции достигли совершенства. Но земля, на которую он вернулся, изменилась. Она пала под деспотизмом развращенного офицерства Испанской короны. Народ угнетали, втаптывали в грязь и обременяли непосильными налогами.

Диего не смог оставаться в стороне и безразлично наблюдать, с какой жестокостью приносят в жертву простой люд. Но он рано понял, что действовать в открытую небезопасно. Если узнают, что он сопротивляется угнетению и борется за людей, он станет человеком, отмеченным обществом. И тогда его семья и те, о ком он заботился, станут уязвимы. Поэтому он решил хитрить. Он превратился в Зорро, облаченным в черное крестоносцем в накидке и с маской на лице, сражающимся с несправедливостью. В качестве Диего он играл роль щеголя-неудачника, богатого и развращенного, праздного молодого человека, погруженного в поверхностные гедонистические удо-

вольствия пустой жизни. А в качестве Зорро он был безжалостным мстителем, который боролся с преступлениями, совершенными против людей. Его загадочная натура и зловещая внешность вселяли ужас в сердца его врагов.

Брюс помнил, как, покидая кинотеатр, он мечтал стать таким, как Зорро. Он больше ни о чем не мог говорить, пока вместе с родителями шел по погруженным в темноту улицам города. Потом, по решению отца, которое имело роковые последствия, они свернули на аллею, чтобы сократить путь. И вот они очутились в районе, который со временем приобретет позорную известность как самая криминогенная часть города. Аллея Преступлений. А преступление, которое произошло там ночью двадцать шестого июня, было убийство.

Его звали Джо Чилл. Он был никем. Просто панк. Мелкий хулиган. С пистолетом в руке, он верил в могущество своего оружия и что способен нагнать страху на любую жертву. Но доктор Томас Уэйн не испугался и оказал сопротивление. Прогремели два выстрела. Первый унес жизнь доктора Томаса Уэйна. Второй покончил с его женой, которая при виде застреленного мужа с истерическим криком бросилась на убийцу. А восьмилетний мальчик по имени Брюс остался один-одинешенек в этом мире, жестоко обиженный судьбой. Наверное, негодяй по имени Джо Чилл пощадил его, заметив в его глазах что-то такое, что пробуравило его внутренности и дернуло за ничтожные остатки того, что когда-то называлось душой. Как будто холод пробежал по всему его телу и пробрал до самых костей.

Ее имя было Лесли Томпкинс — терапевт и патронажный работник. По ночам она часто гуляла по улицам города в районе трущоб в поисках тех, кто отвернулся от жизни, или, если поразмыслить, от которых отвернулась жизнь. Она выискивала тех, кто нуждался в ее помощи, потому что она была из тех немногих мягких и сочувствующих душ, кто заботился о близких и кто не мог помочь ничем иным кроме своей заботы. Она и нашла его сжавшимся в комочек над телами своих родителей, с широко раскрытыми, ничего не видящими глазами; слезы текли по его щекам и он раскачивался взад и вперед, издавая низкие, жалобные монотонные звуки. В этом протяжном стоне чувствовалась боль целого мира, заключенная в невинном маленьком мальчике, боль того мира, чья хрупкая реальность вдребезги разлетелась, как изящная хрустальная скульптура, рассыпавшись на сотни осколков ранящей жестокости прямо у него перед глазами.

Она раскрыла ему свое сердце и приняла к себе. Она подмазала колеса правительственной бюрократии и добилась опекунства, устроив дела таким образом, чтобы Брюс мог воспитываться дома, в Уэйн Манор; ведь он отчаянно нуждался в чем-

нибудь родном и знакомом, чтобы не потерять себя и не свалиться в пропасть пугающей неизвестности. Лесли Томпкинс потребовалось немало времени, чтобы пробиться к его сердцу и залечить его раны. Но у нее появился помощник — человек по имени Альфред Пенниворт, который ради маленького мальчика, познавшего слишком много человеческой жестокости в свои юные годы, отказался от своих мечтаний о жизни на сцене.

Брюс долго сидел в своем любимом кресле, в тишине и спокойствии, погрузившись в воспоминания.

Некоторые жизненные раны никогда не заживают. Пришло время, когда он обнаружил, что опекунство Лесли стало раздражать его. Жизнь текла легко и приятно, но он должен был внести в нее какой-то смысл. Брюс знал, что должен делать. Он также знал, что это будет нелегко. У него были деньги, его родители были очень состоятельными. Но ему не хватало знаний. Он сел на корабль, уходящий в Европу, и отправился в одиссею по лучшим университетам мира. Но он так и не окончил ни одного из них. Окружающим он казался безразличным к обучению, избалованным диллетантом, который ничего не принимает всерьез. Таким сложился внешний облик Брюса Уэйна — имидж, который знал остальной мир, хотя он по-прежнему оставался самим собой. В своих чувствах Брюс Уэйн не существовал. Он умер в ту тихую летнюю ночь двадцать шестого июня в Аллее Преступлений. Тот Брюс Уэйн, который был у всех на виду, являлся не более чем маской. А под ней жил другой человек. Человек, одержимый идеей.

Когда он получал знания, необходимые знания, которые помогут в его поисках, он перескакивал на другой предмет. Он изучал законы, методы криминалистики и сокровенные переплетения человеческих мыслей. Он старался приобретать практический опыт, при каждом удобном случае работая шестеркой у подвернувшихся детективов. Он тренировал свое тело с жестоким упорством, проводя многие часы в гимнастическом зале, овладевая техникой медитации, бокса и другими, более тайными стилями боевых искусств. Безжалостно изматывая себя, Брюс перенапрягал мозг, наказывал свои мышцы таким режимом, от которого менее выносливый человек угодил бы в больницу. Его вела одна-единственная, все затмевающая идея, которая зародилась в темную ночь на безлюдной аллее Готем-Сити.

Далее его пути лежали к святилищу в далеких горах Кореи. Учитель по имени Кириги, который взял Брюса в ученики, поразился его искренностью и приверженностью делу. Он развил его таланты и возвысил физическое мастерство до того уровня, которого смогут достигнуть только единицы. Благодаря неистощимому терпению и непоколебимому упорству Брюс

Уэйн наконец-то достиг своей цели и стал тем человеком, которым мечтал стать.

Он вернулся в Готем-Сити взрослым мужчиной, сильно изменившись. Но сила, которая вела его все это время, ни на минуту не ослабевала. Брюс думал, что был готов. Но этот вывод оказался преждевременным. Первая попытка выполнить возложенную на себя задачу окончилась полнейшей неудачей. Он поспешил на помощь проститутке, которую избивал ее сутенер. Но они оба напали на него, а потом и другие присоединились к драке. Брюс был ранен и к тому же чуть не угодил за решетку. С грехом пополам он добрался до дома.

Он помнил, как сидел в своем кресле, ощущая дрожь во всем теле. Эта стычка ошеломила его. Он не мог понять: почему... что он сделал не так? Долгие годы подготовки... Неужели все было напрасно? Или он был обречен на провал с самого начала? Неужели он обманывал себя, заставив поверить, что может стать тем, о ком даже боялся мечтать. Он ощущал себя опустошенным, смущенным, брошенным на произвол судьбы. Если бы он только мог понять, в чем он был неправ! Если бы только он осознал смысл произошедшего, смог докопаться до того, что же еще не сделал из должного был сделать? Увидеть хотя бы символ того...

И это произошло.

Брюс встал с кресла и повернулся к окну, пытаясь вспомнить. Да, это было именно то окно. Тогда он услышал глухой удар, треск: что-то влетело сквозь разлетевшееся вдребезги стекло. Что-то черное и зловещее шлепнулось и затрепыхалось у его ног.

Летучая мышь.

И в этот момент он вспомнил. Когда Брюс был ребенком, он часто играл на территории вокруг Уэйн Манор. Родители предупреждали его, чтобы он не бегал в тех частях поместья, где почва может быть неустойчивой. Но он не особенно задумывался об этом. А однажды, в пылу игры, он неожиданно провалился под землю. Он пролетел сквозь туннель и здорово ударился при падении, даже не мог двинуться некоторое время. Он очутился в каком-то темном, страшном месте, где было холодно и сыро, а со всех сторон доносилось чириканье. Чириканье летучих мышей. Его падение в пещеру всполошило их, и они кружились, сбившись в кучу, вокруг него и били крыльями по лицу. Он закричал ... Он и сейчас ощущал тот язвный, неподдельный ужас, который охватил его в ту минуту. А когда отец услышал крики и прибежал, чтобы вытащить его на поверхность, он спросил с дрожью в голосе: «Папочка, это был ад?»

Да. Как раз вот сюда шлепнулась в тот день летучая мышь. Он вспомнил, как присел на корточки и склонился над ней. А она пристально смотрела на него умирающими глазами, ее движения становились все слабее, пока совсем не прекратились. А когда жизнь покинула маленькое создание... произошло что-то странное и непостижимое.

Возможно, это было лишь плодом его перевозбужденного воображения, но на секунду, только на секунду, он почувствовал, будто летучая мышь связана каким-то образом с ним. Словно отказавшись от жизни, ее душа перелетела к нему. Он почувствовал стеснение в груди, а потом странный порыв, непонятное ощущение — неожиданное чувство всеобъемлющей ясности и веселья. Подобное ощущение китайские Зен-мастера называют сатори — неожиданное озарение. И в этот момент он догадался, что он упустил.

Это случилось так давно, но он по-прежнему помнил все в мельчайших подробностях, как если бы это произошло только вчера. Он вышел из кабинета и через холл спустился в изысканно обставленную прихожую. Он подошел к дедовским напольным витиевато украшенным часам — ценному антиквариату времен войны за независимость. Инкрустированные жемчугом стрелки застыли на 6:25. Отодвинув защелку, он открыл дверцу часов и передвинул стрелки так, что они замерли на 10:47.

Это то самое время, которое показывали стрелки золотых швейцарских часов отца, которые хранились теперь в бархатной коробочке в верхнем ящике письменного стола. Когда Томас Уэйн упал на тротуар, сраженный пулей убийцы, стекло на часах разбилось и они остановились , навсегда зафиксировав время его смерти. Брюс захлопнул дверцу циферблата и открыл длинную, узкую стеклянную крышку часового механизма. Он просунул руку вовнутрь и дернул за одну из цепей. Послышался тихий щелчок, и часы целиком отодвинулись от стены, открывая чернеющий узкий вход и ведущие вниз ступеньки.

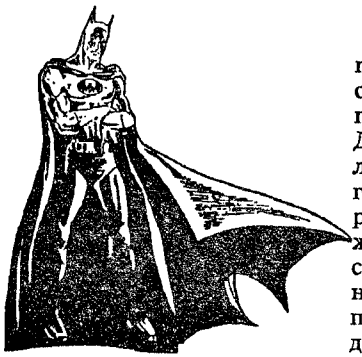
За последние годы он много раз ступал по этим ступеням и сейчас вполне обходился без света. В этой темноте было даже что-то приятное. По мере того как он спускался вниз, температура воздуха падала, а влажность увеличивалась. Звуки его шагов эхом отдавались в узком пассаже, когда деревянные ступени сменились на каменные, высеченные в естественной глыбе скалы, на которой возвышался особняк. Он спустился ниже фундамента здания, и лестничный проход начал постепенно расширяться. Стены вокруг были из неотесанного камня — холодные, серые и шероховатые. Вдалеке он услышал звуки... слабые звуки чириканья. Он спускался, и звуки становились громче. И хотя когда-то они наводили на него ужас, теперь этого не было. Сейчас, когда он узнал и понял этих постоянно злословящих созданий, этот звук стал голосом друзей.

Он добрался до конца лестницы и шагнул в широкую пещ-

еру, которая была лишь частью лабиринта, изрезавшего своими галереями утес под особняком. Огромный иной мир. Его мир. Роскошный дворец над головой представлялся расплывчатым и неосязаемым.

Вот место, в котором он жил на самом деле.

Давление сверху. Комиссар полиции Джим Гордон привык ощущать давление сверху. Это пришло вместе с назначением. Давление кабинета мэра, давление городского совета, давление гражданских групп, особо заинтересованных агитаторов и, конечно же, давление прессы. Он часто тосковал по добрым старым временам, когда он был простым полицейским в Чикаго и думать не думал о трудностях управления большим городским полицейским отделением. Но даже тогда, много лет назад, все было не так просто.

Не так легко быть полицейским в большом и густонаселенном городе. Гордон часто думал, что это был тот род работы, который никогда не выполнить до конца. Все, что полиция могла в лучшем случае делать, так это бороться с уже происшедшими правонарушениями. Почти всегда их превосходили количеством. Каждый день исполняя свои обязанности, они всегда рисковали своей шкурой. И всегда их усилия оставались без признания.

Тогда, в Чикаго, ему приходилось иметь дело не только с напряженной работой, но и с коррупцией, свирепствующей в участке. Он рос в те дни, когда офицер полиции был уважаемой фигурой в обществе. Но к тому времени, как он получил свой собственный полицейский значок, многое изменилось. Возможно, думал он, так случилось, потому что люди просто перестали уважать полицию. А возможно потому, что работа становилась все более и более трудной и в то же время все более и более безнадежной; и цинизм начал расползаться по полицейским департаментам больших городов. Может быть, что-то произошло с национальными ценностями и идеалы служения народу заменились корыстными устремлениями, алчностью и нравственностью по ситуации. Наверное, это был результат наложения всех этих факторов. Но что бы то ни было, а вещи изменились. Полицейский превратился из уважаемого человека в попрошайку с протянутой рукой.

Начиная с малого — самой безобидно выглядящей дармовщинки, такой, как бесплатные пончики с кофе у местной грязной забегаловки, — и кончая привычным взятничеством от вереницы контрабандистов, сводников, торговцев наркотиками и королей организованной преступности — полицейский, постоянно берущий взятки, становится универсальным стереотипом большого города. И коррупция часто простирается до наивысшего уровня городских политиков. Было бы очень удобно свалить всю вину на людей, для которых не существует морали, на людей, которым «наплевать» на всех, кроме себя. Но опять же, все было не так просто.

Что было делать новобранцу-полицейскому, впервые вышедшему на службу юному идеалисту прямо со скамьи академии, когда он сталкивался с системой, где все его друзья офицеры наживались на взятках? Как он мог плыть против течения? Он был новеньким — зеленым юнцом. Поднимать волну, за которой последует перевод в другое отделение, увольнение из полиции или даже смерть, было бы неразумно. Как правило, у него была семья, которую надо было кормить, но часто зарплата была слишком мизерной. Но никому до него и дела не было. Он был солдатом передовой в войне с преступностью, но люди, которым он давал клятву «Служить и защищать» обращались с ним как с парией.

Бесплатные пончики и чашечка кофе кажутся совершенно безобидными подарками, проявлением признания от местного торговца. Не такое уж большое дело. Но помогает сэкономить немного денег. Однако приходит день, когда малышу нужны новые ботинки. Или необходимо заплатить по счетам доктору. Или дом, в квартире которого вы живете, продают в собственность жильцам, и вам придется либо раскошелиться по нелегким закладным, либо подыскать другое место для жизни, а ведь рента в городе все время растет. Поэтому вы позволяете одной или двум проституткам ускользнуть из-под ареста. Почему бы и нет? Что тут такого? Стоит только их задержать, как через полчаса они снова на улице! К тому же проституция не такое уж серьезное преступление, по сравнению с кражей со взломом, нападением, изнасилованием или убийством. Зачем обременять систему суда бессмысленными арестами проституток, когда настоящие преступники гуляют на свободе? И если своднику повезет сберечь на этом доходы, что в этом плохого? В конце концов, горожане, на которых он делает деньги, платят вам слишком мало, не обращают на вас никакого внимания

и относятся как к головорезу и убийце. Так что на самом деле — это всего лишь налог на развлечения. Какая разница, если никому нет до этого дела? А лишние деньги еще никому не мешали! Поэтому вы кладете их себе в карман и продаете очередную порцию своей души.

Где провести черту, если вы однажды уже переступили ее? Черт возьми, все так поступают — это жизненный факт. А как вы предполагаете жить? Наподобие сэра Галаада[1] и не признавать реальности? Что сотворило вас таким чертовски чистеньким? Чем вы отличаетесь от любого другого в полиции, да и в городском совете, и в кабинете комиссара, и в кабинете мэра, и в штате исполнительной власти, и в конгрессе, и в Белом доме, и — кто знает, может быть, — даже от самого Президента? И наконец, последняя проклятая причина — если вы откажетесь взять деньги, то уже никогда не будете «своим парнем», не будете одним из «своих», и вам уже нельзя будет доверять. Кто сможет выстоять против всего этого?

Джим Гордон выстоял. В Чикаго он накрыл плутовавшего полицейского, и это стоило ему должности. Его молодая жена была беременна их первым ребенком. Скоро им пришлось бы платить врачу, а он остался без работы. Он должен был выкарабкаться. Он нашел вакансию детектива по самоубийствам в полиции Готем-Сити, но прошло совсем немного времени, как он понял, что это была та же старая песня. Незаконные доходы. Коррупция. Взятки. Половина полицейского департамента существовала на «грязные» деньги. Многие в его положении выучили бы этот урок. Держи рот закрытым. Не гони волну. Но Джим Гордон был честным малым, а честные люди не идут на компромисс. И было еще кое-что, чем Готем-Сити отличался от других мест.

В Готем-Сити был Бэтмэн.

В первый раз, когда он появился, Джим Гордон даже не знал, что и думать. Разряженный линчеватель, одетый в костюм летучей мыши? Пресса заливалась в полный голос. Но поначалу они решили, что Бэтмэн — это шутка, история с гуманистическим уклоном. Так, ради смеха. Только вот Бэтмэн был не очень смешным. Он больше смахивал на лунатика в маскарадном костюме. Чертовски смахивал.

Кем бы ни был Бэтмэн, но он не был обыкновенным человеком. Его таланты были разнообразны и уникальны, а доходы — значительны. И настроен он был серьезно. Он вовсе не был сумасшедшим, ищущим известности. Как раз наоборот... Телевизионные компании, журналы и газеты рассыпались в пух и прах, пытаясь взять у него интервью. Они заходили так далеко, что даже назначали возмутительные денежные вознагражде-

1 Персонаж из средневековой легенды Мэллори о короле Артуре и рыцарях круглого стола. Образ бескорыстного, благородного человека (англ.).

ния. Ничего не вышло. Кем бы ни был Бэтмэн, деньги не были его приоритетом. Своими действиями он создавал заголовки статей, но сам старательно избегал известности. Следовательно, им руководили не эгоистические стремления. Похоже, оставалась всего одна возможность. Он был что-то вроде параноидного шизофреника который, просмотрев слишком много остросюжетных фильмов, принялся осуществлять свои нездоровые фантазии. В Готем-Си ти не было недостатка в психиатрах, социологах и других так называемых «экспертах», которые были бы, счастливы появиться на телевидении и поставить свое, скоропалительное, психологическое объяснение такому явлению, как Бэтмэн.

А пока все шло своим чередом, полиция Готем-Сити выглядела далеко не лучшим образом. Какой-то парень шатается по городу в костюме громадной летучей мыши и повсюду оставляет для полиции связанных преступников. А полиция не может даже задержать его. Поэтому вышел негласный приказ: взять Бэтмэна.

— Схватите этого сукина сына, — приказал комиссар, — и уберите его с улиц города, прежде чем все горожане станут думать, что мы всего лишь сборище идиотов. Но опять-таки все было не так просто. В повестке дня были скрытые пункты.

Поступки Бэтмэна имели эффект. К чему давать взятки, если они не в состоянии защитить преступников Готем-Сити от «Рыцаря в маске», который как тень следует за ними? Черные доходы полицейских начали падать. Хуже того, они обнаружили, что и за ними следит глаз Бэтмэна. По всем каналам шептали одно — шлепните этого психа, если не можете арестовать. Только это было легче сказать, чем сделать.

Джим Гордон пережил все это на собственной шкуре. С ним это тоже было. Вскоре, после того как он стал полицейским в Готем-Сити, прошел слушок, что Джиму Гордону нельзя доверять. Он не берет денег, а вы не можете доверять полицейскому, который не берет денег. И остальные полицейские стали посматривать на него косо, с подозрением. Но не все. И хороших полицейских было немало. Хороших, которые тоже брали деньги. Брали не потому, что хотели, а просто чувствовали, что у них нет выбора. Существующую систему не сломаешь, хотя система была гнилой. Большинство из них восхищались Гордоном и уважали его. Однако все же держались в стороне. Никто не хотел оказаться рядом, когда до него доберутся.

Говорили, что Джим Гордон не только не подкупный, он попросту чума для полиции, как Фрэнк Серпико в Нью-Йорке. Все хорошо знали, что случилось с Фрэнком Серпико. Так Джим Гордон обнаружил себя в необычной роли одного из двух

людей, отмеченных коррумпированной частью полиции как серьезная угроза. Второго он должен был арестовать.

Поначалу у Гордона с этим не было сложностей. Его главной задачей были купленные чиновники в полицейском управлении, которые запятнали всех остальных, и он собирал материалы против них, в то же время прикрыв свою спину. Бэтмэн был добровольным линчевателем, который взял закон в свои руки. Получив распоряжение арестовать Бэтмэна, Гордон не колебался. Но снова все было не так просто.

Насколько безответственно Бэтмэн «взял закон в свои руки»? Закон не запрещает носить маскарадный костюм. Гражданин имеет право на самовыражение. Нет закона, запрещающего скрывать свою личность, если только она не скрывается в преступных целях. Гражданин имеет право на частную жизнь и уединение, если он или она того желают. Не возбраняется патрулирование городских улиц, если гражданин не выдает себя за полицейского и не носит оружия. Уличные комитеты наблюдения и Ассоциации защиты граждан круглосуточно заняты этим. Гражданин облечен властью арестовывать других граждан, но в рамках, очерченных уголовным кодексом. Такое же право на арест дается частным службам безопасности и частным детективам. Насколько это касается Бэтмэна, думал Гордон, он, по существу, не нарушает законы.

Он всегда патрулировал безоружным. Правда, он пользуется разными необычными приспособлениями, но никто ни разу не видел его с огнестрельным оружием. Насколько известно, он никогда не выдавал себя за полицейского. Он вмешивался и предотвращал преступления, но формально он никого ни разу не арестовал. Он оставлял преступников связанными или бессознания, но в каждом случае хороший адвокат легко мог бы показать, что он не превышал прав гражданина на совершение ареста. Он скрывал свою личность, но и в этом случае не в целях мошенничества или свершения иных преступлений. Впрочем, не все случаи были однозначны.

Если полиция бывала настроена найти повод для ареста, то это ей обычно удавалось. Возможно, в суде собранные улики не были бы приняты всерьез, но они могли по крайней мере считаться веским основанием для ареста. В случае же Бэтмэна у полицейского департамента не было бы затруднений в поисках причин, чтобы упечь его за решетку. Хотя бы нападение на государственного служащего, или неоказание помощи полиции, желающей допросить его, а это включало сопротивление представителю закона при аресте, уклонение от вызовов в суд, вмешательство в полицейское расследование. Полицейский департамент без труда нашел бы обвинения против Бэтмэна. К тому же совершенно справедливые и веские обвинения. В этом Джим Гордон не видел противоречий.

Противоречия возникли позже, когда Гордон, наконец, впервые встретился с Бэтмэном.

Все началось достаточно невинно. Угнанный грузовик. Бездомная женщина на его пути. Гордон не смог вовремя остановить грузовик, но из ниоткуда появился ОН, в последний момент отшвырнув женщину в сторону. Напарник Гордона бросился за ним, вызвал по радио подмогу, но Бэтмэн ускользнул и укрылся в заброшенном доме. Тут-то и началось сумасшествие.

Вызвали группу захвата. Вызвали вертолеты. Вызвали флот патрульных судов. Они преследовали его, используя все имеющиеся у них средства, словно в разрушенном доме засела группа хорошо вооруженнх террористов. Гордон стоял в стороне и наблюдал, как разворачивается третья мировая война. Дюжины пулеметов строчили по мелькающим теням, разрывались гранаты со слезоточивым газом, они даже бомбили чертово здание, но Бэтмэн все же ускользнул, не поранив серьезно ни одного полицейского. А что еще более удивительно, он избежал ареста благодаря слетевшейся по его зову громадной стае летучих мышей, которая привела его преследователей в полное замешательство. Это напоминало кадры из научно-фантастических фильмов. Джим Гордон не имел ни малейшего понятия, как Бэтмэн провернул этот фокус. Он даже не понимал, как к этому относиться. Зато он вполне отчетливо ощущал два впечатления. Первое — Бэтмэн определенно был неординарным человеком. И второе — их полицейское отделение безумно переборщило. Частным владениям был нанесен ущерб. Завязалась непостижимая перестрелка, и кто-нибудь из невинных посторонних запросто мог быть убит. А ради чего? Бэтмэн спас жизнь незадачливой старушке, а в благодарность, отделение предприняло все возможное, чтобы он взлетел на воздух. Джим Гордон уже чувствовал, как его раздирают противоречия.

Конец этим противоречиям положило похищение его новорожденного сына. Это было сделано по распоряжению «Римлянина» — самого большого босса организованной преступности в Готем-Сити. Гордон знал: «Римлянин» не был заинтересован в выкупе от простого уличного полицейского Но Гордон был слишком близко к разгадке тайных связей между высшим эшелоном власти Готема и элементами организованной преступности. У «Римлянина» были свои способы проталкивать дела и идеи. Бэтмэн спас ребенка Джима Гордона, и благодаря его вмешательству Гордону удалось схватить похитителя, который на допросе запел как канарейка. Разразился самый большой скандал, с тех пор как комиссия по похищениям «чистила» Нью-Йорк-Сити. Была создана новая администрация, а Гордона повысили до капитана. Своим повы-

шением он был обязан Бэтмэну, да и жизнью своего новорожденного сына тоже.

Однако, как и прежняя коррумпированная, новая администрация была также заинтересована убрать Бэтмэна с улиц. Для них Бэтмэн являлся угрозой обществу, стоящим вне закона линчевателем. Поэтому снова пришел приказ: Бэтмэна арестовать, выставить из города. Только многое значительно изменилось с тех пор, как Бэтмэн появился в первый раз.

Когда средства массовой информации перестали воспринимать Бэтмэна как шутку, а для этого не понадобилось много времени, они присоединились к травле, требуя освободить улицы от Бэтмэна. По крайней мере они занимали эту позицию, пока не выяснили, что значительный процент жителей города — очень значительный процент — симпатизируют Бэтмэну и поддерживают его. Для многих Бэтмэн был героем, и им не нравилось, когда пресса пыталась изображать его как преступника. Журналисты поняли и еще кое-что. Со дня появления Бэтмэна статистика преступлений пошла на убыль. Но и это еще не все. Оказалось, что, в то время как городская и полицейская верхушка лезла из кожи вон, чтобы избавиться от Летучей мыши, рядовые патрульные полицейские придерживались совсем другого мнения.

Ни одного из них невозможно было уговорить высказать его или ее мнение перед камерой или на пленку магнитофона. Но многие говорили примерно следующее: «Хорошо, если точно следовать букве закона, он нарушает установленные порядки. Но насколько это касается меня, Бэтмэн на нашей стороне. По мне, так он отличный парень. Гражданин, которому не наплевать на то, что творится в городе. Ему нравится шататься одетым летучей мышью? Что ж, это его дело. Но позвольте мне вам кое-что объяснить это работает. Бэтмэн вышел на улицы, и уровень преступлений резко снизился. В тот день, когда он станет носить оружие и палить по людям, о'кей, я буду первым, кто попытается доставить его в зал суда. Но до того дня я не собираюсь ломать себе челюсть, понимаете, о чем я говорю?»

Джим Гордон был как раз из тех, кто не собирался ломать себе челость, чтобы арестовать Бэтмэна. Он был перед ним в долгу. За спасение сына и множество других вещей. За долгие годы, с тех пор как Гордон впервые приехал в Готем-Сити, многое изменилось. Полицейские силы уже не были коррумпированны. И часть заслуги в том принадлежала Бэтмэну. Берущий взятки полицейский стал теперь исключением, а не правилом. И Джим Гордон, — когда-то воспринимаемый как смутьян, из-за принципа не брать денег, — сегодня был комиссаром полиции. Это звучало как «счастливый конец», но опять, как и прежде, дела шли не слишком гладко.

Давление. Теперь Гордон привык к постоянному давлению.

Человек с характером мог сжиться с этим, но это было непросто. Во многом все оставалось по-прежнему. Мэр все еще требовал избавить город от Бэтмэна. Губернатор штата тоже не был его поклонником. Большая часть городского совета относилась к Бэтмэну с сомнением, как и некоторые члены Торговой палаты. «Он вредит репутации города, — говорили они. — Из-за него все выглядит так, как будто мэрия, городской совет и полиция не могут выполнять свою работу без помощи какого-то балаганного ночного сторожа. Он подает плохой пример. Что будет, если и другие граждане вобьют в себе в головы что-нибудь подобное? Во что превратится наш город?» «Не знаю», часто хотелось сказать Гордону, «может, наконец, в нем воцарит закон и порядок?» Но он этого не говорил, по крайней мере, не говорил громко. Давление. Что случилось бы, если эти люди узнали, что он активно сотрудничает с Бэтмэном, даже не пытаясь выследить его. Как бы они поступили, узнав, что Бэтмэн стал его другом. Его терзал вопрос, что станет с городом, если что-то произойдет с его другом. С его другом, личность которого оставалась для него загадкой.

В прошлом он не раз пытался решить эту головоломку. Он даже составил список возможных кандидатов. Судя по его возможностям, Бэтмэн или сказочно богат, или за ним стоит кто-то с большим кошельком. Бэтмэн должен быть достаточно молодым и физически хорошо подготовленным. Он должен быть умен и обладать хорошей реакцией в сложных ситуациях. Одно время Гордон считал, что это Брюс Уэйн.

Уэйн был прекрасным спортсменом, молод и сказочно богат. Он превратил деньги, оставленные ему отцом, в одно из самых крупных состояний в стране. Но, познакомившись с Уэйном, он перестал подозревать его. Менее подходящей натуры на роль Бэтмэна он не мог себе и представить. Уэйн оказался беспутным прожигателем жизни, чуждый всему кроме своих развлечений и удовольствий. Он, правда, жертвовал кое-что на благотворительные цели, основал Фонд Уэйна, но, без сомнения, с единственной целью сократить налоги. Нет, Брюс Уэйн не мог быть Бэтмэном. Он был приятным и обворожительным, но при этом весьма поверхностным, и он не показался Гордону достаточно яркой личностью. Имея такие деньги , он вполне мог нанять других управлять его состоянием и думать за него.

Одно время Гордон подумывал, не подходит ли для роли Летучей мыши Дэвид Джекс — биржевой магнат, занимающийся размещением ценных бумаг. Он владел некоторыми из самых ценных коммерческих структур в Готем-Сити. Джекс был подходящего возраста и, казалось, вполне годился. Он был энергичным, даже слишком, умным и сильным противником. Гордон был неодинок в своих предположениях, что Джек мог

быть Бэтмэном. Да и сам Джекс не отрицал этого; похоже, сама идея забавляла его. Впрочем, и эта версия не выдерживала критики. Гордон мог бы насчитать несколько случаев, когда Бэтмэна и Джекса видели в одно и то же время в разных местах. В некоторых из них сам Гордон был вместе с Бэтмэном.

Он так же рассматривал и несколько других кандидатур. Но, как с Джексом и Уэйном, в каждом из этих вариантов можно было определить их местонахождение в тот момент, когда Бэтмэна видели в совершенно другом месте. Кончилось тем, что он сдался и решил, что будет чувствовать себя намного лучше, если так и не узнает, кто же такой Бэтмэн. Эта истина была бы помехой для них обоих. Главное — Гордон знал, что представляет из себя Бэтмэн. Он был честным человеком во всех отношениях — человеком, который в этом плане не отличался от него самого. И человеком, который не пойдет на компромисс со своей порядочностью и убеждениями. Он был другом для всех честных горожан, другом для полиции и заклятым врагом для тех, кто выступит против добропорядочных граждан. Это был человек, которого волновало, что творится вокруг него. По крайней мере, настолько, чтобы посвятить свою жизнь служению справедливости. Его не могли остановить ничтожество провокаций и обстоятельств. Короче говоря, — герой. Старомодно? Может быть. Но Джим Гордон так не считал. Однако многие влиятельные люди не разделяли его точку зрения. Хуже того, они были в состоянии оказывать давление. Одним из них был Риз Чэмберс.

— Ваши люди работают спустя рукава, комиссар, — бросил Чэмберс, без стука заходя в кабинет Гордона.

— Я что-то не слышал, как вы постучали, мистер Чэмберс, — спокойно заметил Гордон, подняв взгляд из-за стола.

Чэмберс оперся кулаками о стол и слегка наклонился к Гордону.

— Послушайте, комиссар, давайте начистоту, — сказал он. — Ваши люди могут подпрыгивать всякий раз, когда вы щелкаете пальцами, но я не принадлежу к числу ваших служащих.

— Ваше счастье, — мягко согласился Гордон.

Их глаза встретились.

— Вы имеете что-нибудь против Бюро, а, комиссар?

— Нет, мистер Чэмберс, я ничего не имею против ФБР. Но мне не нравитесь лично вы.

— Вот как? Понимаю, — холодно сказал Чэмберс, выпрямляясь. — Наверное, нам стоит объясниться. Если у вас накопились претензии непосредственно ко мне, я бы хотел их услышать.

— В Бюро у вас отличный послужной список, Чэмберс, — сказал Гордон. — Знаю. Я проверил. Но ваши манеры оставляют желать много лучшего. С того самого дня, как вы здесь появились, вы держитесь слишком заносчиво и ведете себя, словно полиция Готем-Сити — всего лишь кучка шпионов на автомобилях, гоняющихся за агентами ФБР. Поверьте, это не лучший способ завоевывать друзей и влиять на окружающих. Особенно, если вы собираетесь бок о бок с ними работать.

Чэмберс сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух обратно.

— Хорошо, комиссар. Ваши притензии принимаются.

— Неужели.

— Да, сэр. Видите ли, все это время я был в постоянном напряжении. Я должен извиниться... я обращался с вашими людьми в недопустимо повелительной манере. Но у меня было трудное задание, а около сотни умников дышали мне в спину, пытаясь объяснить, что и как я должен делать. Прошу прощения, если я наступил кому-то на пятки. Просто у меня не было времени думать о разборчивости и щепетильности.

— Я понимаю ваше положение, мистер Чэмберс, — сказал Гордон. — И принимаю ваше извинение. Почему бы нам не попробовать начать разговор сначала? Присаживайтесь.

Он кивнул Чэмберсу на кресло, и агент ФБР сел.

— Могу я предложить вам чашечку кофе? — спросил Гордон.

— Да, спасибо, это как раз то, что мне сейчас нужно, — сказал Чамберс. — Я на ногах почти сорок восемь часов подряд.

Гордон поднял трубку и нажал на кнопку.

— Сержант Капилетти, не будете ли вы так добры принести пару чашек кофе?

Он взглянул на Чэмберса и вопросительно вскинул брови.

— Черный, если можно, — попросил Чэмберс.

— Один черный и один черный с сахаром, — передал Гордон. — Спасибо. — Он повесил трубку. — Ну, а теперь, что вы говорили насчет того, что мои ребята работают спустя рукава?

— Все дело в этом мифическом персонаже — Бэтмэне, — объяснил Чамберс.

— Так что с ним?

— Мне не нравится, что он без стеснения носится по улицам, в то время как мы попали с эту передрягу с Гарсиа, — сказал Чэмберс. — Не похоже, что ваши люди в состоянии арестовать его. И это не все. У меня складывается впечатление, что у них даже нет особого желания попытаться.

— Чэмберс, честное слово, если речь идет о Бэтмэне, вам не о чем беспокоиться, — сказал Гордон.

— Вы так думаете? Но откуда такая уверенность?

В дверь постучали, и через секунду появился сержант с кофе.

— Спасибо сержант, — поблагодарил Гордон. — Кстати, Капилетти, пока вы не ушли...

— Да, сэр?

— Агент Чэмберс, похоже, считает, что Бэтмэн может представлять угрозу для безопасности его операции в нашем городе. Может быть, вы будете столь любезны высказать свое мнение по этому поводу?

— Бэтмэн? — переспросил Капилетти. Он посмотрел на Чэмберса. — Вы идете по ложному следу, мистер Чэмберс.

— Что вас заставляет так думать, сержант? — поинтересовался Чамберс.

— Вы когда-нибудь встречались с Бэтмэном, сэр? — спросил Капилетти.

Чэмберс скривил рожу.

— Нет. Уверен, мне не доводилось испытывать такого удовольствия, — ответил он с сарказмом.

— Ну, что ж, а мне доводилось.

Чэмберс нахмурился.

— Вы действительно видели его? И говорили с ним?

— Да, сэр, именно так. Это случилось давно, еще когда я был новичком, патрулирующим улицы. Он спас мне жизнь. Это длинная история, поэтому я не буду надоедать вам долгим повествованием. Но если Бюро беспокоится по поводу Бэтмэна, то оно просто раздувает из мухи слона...

— Только потому, что он спас вам жизнь? — засомневался Чэмберс.

— Это часть дела, — признался Капилетти, — но это далеко не все. Отнюдь нет. Вы не из Готем-Сити, сэр, поэтому, конечно, вы не можете знать всей подоплеки. Но в нашем городе много людей, как полицейских, так и обычных горожан, которые думают, что Бэтмэн занимается нужной работой.

— Спасибо, сержант, — сказал Гордон. — Пока все.

— Да, сэр, - сказал Капилетти.

— Это примерно та позиция, о которой я вам толковал, — сказал Чэмберс, когда Капулетти вышел. — Этот чудаковатый «линчеватель», кажется завладел воображением множества людей в этом городе, включая полицию. Откровенно говоря, я не нахожу это очень успокаивающим. Мне кажется, если человек нарушает закон — он опасен и непредсказуем.

— Как раз в этом вы не правы, Чэмберс, — возразил Гордон. — В Бэтмэне нет ничего не предсказуемого. Сегодня ночью он будет на улицах, как почти каждую ночь. И опасность будет угрожать исключительно преступникам. На сегодня генерал Гарсиа самый прославленный преступник в Готем-Сити, но он уже за решеткой. А Бэтмэн не интересуется негодяями, которые уже в тюрьме. Но тем, кто еще на свободе, придется поволноваться.

— Вы так говорите, словно на самом деле одобряете его, — недоверчиво сказал Чэмберс.

— Что я одобряю, а что нет, не относится к делу, — отрезал Гордон. — Я только даю факты вам в руки. Даже если Бэтмэну придет в голову предпринять что-нибудь по поводу генерала Гарсиа, а я не могу представить, зачем ему это может понадобиться, как вы думаете, что он сделает? Ворвется в тюрьму Готем-Сити и выкрадет Гарсиа из-под максимально возможной охраны?

— Гарсиа — не единственная моя забота, — сказал Чэмберс.

— О, кажется, я догадываюсь, — протянул Гордон. — Вы беспокоитесь о своем свидетеле.

— Вот именно, — подтвердил Чэмберс. — Есть некоторые люди, которые готовы заплатить сумасшедшие деньги, чтобы избавиться от свидетеля и его показаний.

Гордон хмыкнул.

— Что тут смешного?

— О, я вовсе не смеюсь над вами, Чэмберс, — сказал Гордон. — Только над невысказанным предположением, что Бэтмэн мог бы взяться за это дело.

— По-вашему, это смешно? Мы говорим об очень могущественных людях, комиссар. Людях, владеющих безумно громадными состояниями.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, — сказал Гордон. — Можете быть уверены, Бэтмэна нельзя купить за деньги.

— Похоже, вы глубоко убеждены в этом.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Гордон. — Бэтмэна невозможно купить. Вы можете принять это за аксиому. И вот еще что. Бэтмэн — не убийца. Он никогда никого не лишал жизни. Он даже не носит при себе оружия.

— Суд Линча без насилия? — усомнился Чэмберс.

— Я не говорю «без насилия», — ответил Гордон. — Я сказал, он никогда никого не лишал жизни.

— Все начинается с первого раза.

Гордон покачал головой.

— Но не в этом случае. Если я хоть что-нибудь знаю о Бэтмэне, так это то, что он преклоняется перед человеческой жизнью. Частично это объясняет его поведение. Он также верит в справедливость. Это одна из причин, почему он пользуется такой популярностью.. Он не убийца. Это противоречило бы всему, во что он верит. Бэтмэн даже не носит при себе револьвера. Возможно поэтому он завладел умами наших граждан, как вы говорите. Если б он носил револьвер, каждый полицейский моего отдела сделал бы все возможное, чтобы засадить его за решетку. Включая меня самого. И большинство жителей Готем-Сити поддерживало бы нас на сто процентов. Но, видите ли, именно это делает Бэтмэна необычным и уникальным. Он знает, что если станет применять оружие

смерти, то поставит себя на одну ступень с уголовниками, которых ненавидит. Это тот шаг, который он никогда не сделает.

— Хотел бы я быть таким уверенным, как вы, комиссар, — сказал Чамберс. — Правда, хотел бы. Во всяком случае, у меня стало бы на одну загвоздку меньше. У меня хватает проблем для головной боли.

— Будьте спокойны, Бэтмэн не относится к их числу, — сказал Гордон. — Верьте мне.

— Вы восхищаетесь им, не так ли? — с удивлением спросил Чэмберс.

— В каком-то смысле, я думаю, да, — согласился Гордон, — хотя, если вы сошлетесь на меня, я буду все отрицать.

Чэмберс улыбнулся.

— Ваш секрет в надежных руках, комиссар. Но, скажите, не кажется ли вам немного странным, когда взрослый мужчина одевается как летучая мышь и патрулирует по ночам улицы?

— Именно так я думал сначала, — сказал Гордон. — Я не знаю почему он выбрал такой облик, однако забавно, что это работает. Впрочем, не все так весело. Некоторые очень уважаемые психологи считают, что ход его мыслей очень логичен, не считаясь с его побуждениями. Поставьте себя на место злоумышленника. Начать с того, что многие преступники очень суеверны. Образ силы — это то, перед чем они преклоняются, пусть даже подсознательно. Летучая мышь — существо, живущее в темноте. Вобщем так же как и преступник, но радар летучей мыши позволяет ей «видеть» во мраке. Поэтому ночь — ее родная стихия. И есть что-то зловещее в ее внешности. На самом деле летучая мышь — совершенно безобидное создание, но люди всегда относились к этим млекопитающим с предубежденным страхом. Они всегда ассоциировались с чем-то сверхъестественным, какими-нибудь вампирами... и тому подобное. Пока мы сидим и пьем кофе в ярко освещенном офисе, мысль о взрослом мужчине, одетом как летучая мышь, показалась бы нам с вами забавной, «немного странной«, как вы выразились. Но, если б мы были здесь совсем одни, ночью и с погашенным светом, держу пари, вы бы не на шутку перепугались, появись Бэтмэн прямо перед нами. А может, даже пришли бы в ужас.

— Значит, вы думаете, он одевается так, чтобы иметь психологическое преимущество? — спросил Чэмберс.

Гордон утвердительно кивнул.

— Интересная концепция. — продолжил Чэмберс. — Допустим, он сам пришел к этому выводу. Ну, а что если он просто сумасшедший?

— Я подумывал об этом, — сказал Гордон, — но факты не свидетельствуют в пользу этой теории. Я имею в виду его поступки. Он действует очень логично, рассудительно и расчетливо.

— Подобным образом можно описать и социопата, — сказал Чэмберс

— Вы правы, — ответил Гордон, — но Бэтмэн не социопат. Человеку, который не в ладах с обществом, незнакомо чувство сострадания, а это не характерно для Бэтмэна. Люди, которые сталкивались с ним, особенно те, кому он помогал, утверждают, что он показался им очень доброжелательным. Похоже, его мотивы крепко связаны со справедливостью. Социопат не подошел бы под такое описание.

Чэмберс кивнул.

— О'кей. Я согласен с этим, по крайней мере, на данный момент. Хотя я бы чувствовал себя намного лучше, если бы он не показывался в городе. У меня и так заняты руки, чтобы беспокоиться о лишних картах во время серьезной игры.

— Ведь это не просто привычная осмотрительность, не так ли? — сказал Гордон. — Что-нибудь случилось? Что именно?

Чэмберс тяжело вздохнул.

— Я не вполне уверен. До нас дошли кое-какие слухи. По этой причине мы просто пытаемся прикрыть все тылы. Мы держим под наблюдением ключевые личности, и один из них начал действовать немного странно в последнее время.

— Вы не собираетесь сказать мне кто? — спросил Гордон.

Чэмберс мотнул головой.

— Дело не в том, что я не доверяю вам, комиссар. Честно. В данном случае, чем меньше вы знаете, тем безопаснее для вас. На политическом языке — это очень деликатная ситуация. Могут возникнуть неблагоприятные последствия.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил Гордон.

Чэмберс покачал головой.

— Нет, не сейчас. — Он передернул плечами. — Возможно, все это ерунда. А может быть, мы все немного становимся параноиками. Но вот что я вам скажу. Я буду на седьмом небе от счастья, когда суд подойдет к концу и все утрясется. Мы и так сидим как на иголках, а адвокаты Гарсиа не упрощают дела. — Он вздохнул и поднялся. — Извините, что оторвал вас от дел, комиссар.

— Ничего страшного, — успокоил его Гордон, — всегда рад сотрудничать с Бюро.

— И мы ценим это, — сказал Чэмберс. Сделав паузу, он добавил: — Что случится, если вам удастся арестовать его?

— Вы имеете в виду Бэтмэна? — спросил Гордон, улыбнувшись. — Даже не знаю. Но будет наверняка интересно.

Чэмберс усмехнулся.

— Вы знаете, в некотором роде я ему завидую, — сказал он.

— Неужели? Как это? — удивился Гордон.

— Ему не приходится иметь дело с адвокатами, бюрокра-

тами и федеральными свидетелями, — сказал Чэмберс с горькой улыбкой.

— Я где-то слышал об этом, — рассмеялся Гордон.

— Я помню ваши слова и постараюсь ступать немного помягче, — сказал Чэмберс. — Какого дьявола, мы все в одной упряжке, не так ли? И спасибо за кофе.

— В любое время, — сказал Гордон на прощание.

Может статься, он слишком жестоко осуждал Чэмберса, думал Гордон, потягивая кофе. На парня наверняка здорово давили сверху. И это только цветочки, а ягодки созреют очень скоро. Только что купленную землю трудно возделывать — на ней всегда полным-полно камней. Чэмберс не единственный, кто свободно вздохнет, когда с делом Гарсиа будет покончено. Правительство делало все возможное, чтобы приблизить день суда. Адвокаты пойдут на любые ухищрения, чтобы вытянуть Гарсиа, но его, без сомнения, признают виновным и переведут в федеральную тюрьму. Естественно, решение суда будет обжаловано, и весь процесс затянется на долгие годы. По крайней мере это будет уже не его головной болью. На них перестанут давить. Как было бы прекрасно вернуться к привычной спокойной работе.

— Какое красивое платье, — сказал посол. — Скажите, это авторская работа?

Ее улыбка была ослепительной.

— Хотите верьте, хотите нет, но я сшила его сама по выкройке из журнала, — ответила она и подмигнула

Она действительно подыгрывала ему, и флиртовать с ней было парой пустяков. На протяжении всего приема они постоянно встречались глазами. Она понимала толк в мужчинах и, казалось, очаровывала каждого, с кем говорила. Но каждый раз она неизменно возвращалась к нему. Когда они вместе собрались уходить, ее рука скользнула под его, словно это была самая естественная вещь на свете. Они поехали к нему домой. А когда вышли из машины, она нежно прильнула к нему и они в обнимку пошли к подъезду. Пока они стояли в холле, ожидая лифта, она потянулась к нему губами и поцеловала. Через него словно пропустили электричество высокого напряжения. Поднимаясь в лифте на нужный этаж, они продолжали целоваться, но как только вошли в квартиру, ее манеры неожиданно переменились.

Она прижала палец к его губам и прошептала на ухо:

— Много не болтай, говори о пустяках. Спроси, не хочу ли я выпить.

Он нахмурился, слегка озадаченный переменой, но сделал как она просила. Она выбрала «скотч» со льдом, слегка разбавленный содовой. Пока он готовил у бара напитки, она расхаживала по квартире, восхищаясь его прекрасным вкусом и болтая о пустяках. Но в руке она сжимала маленькое электронное устройство, которое извлекла из сумочки. К его громадному удивлению, она обнаружила несколько скрытых микрофонов. Один на телефоне, другой — под кофейным столиком, рядом с диваном, третий — в спальне, четвертый — на кухне, и даже в ванной. Он не мог поверить. Они насажали «жучков» по всей квартире!

Она оставила «жучков» на своих местах, взяла маленький клочок бумаги и написала ему записку: «Давай деньги».

— Я сейчас вернусь, милая, — сказал он. — Устраивайся поудобней.

Он прошел в спальню и открыл сейф позади секретной панели в кабинете. Неожиданно его охватила боязнь ареста. Хотя сейф устанавливали рабочие посольства, американцы могли держать его под наблюдением. Кроме них — больше некому. Успели они обнаружить это? Знали ли они про деньги? В квартиру он принес их только после полудня. Его люди заверяли, что это проследить невозможно, но теперь он уже ни в чем не был уверен. Как долго он находится под наблюдением? Он отчаянно пытался вспомнить, говорил ли он что-нибудь в квартире или по телефону, что могло бы втянуть его в неприятности. Черт бы их побрал, почему они возложили это дело именно на него?

Он вернулся в гостиную с кейсом в руках. Женщина раскрыла его и, мельком оглядев пачки денег, бросила на диван.

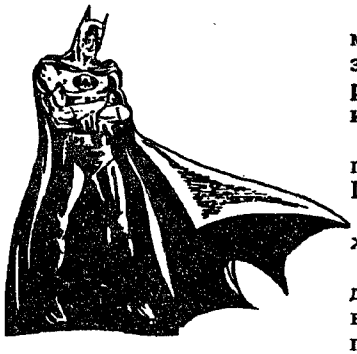
— Гммм... дорогой.., — сказала она, перекладывая пачки банкнот в потайные карманы, хитроумно пришитые к подкладке пиджака.

Кто бы ни подслушивал их сейчас, у любого создалось бы впечатление, что они попросту занимаются любовью. Закончив с плотно упакованными купюрами, она села рядом с послом и медленно допила бокал с виски. Он даже не знал, что сказать.

Она улыбнулась и поцеловала его в губы.

— Почему бы нам не перейти в спальню? — кокетливо предложила она.

3

— Вот она, — сказал агент Палмер, наблюдавший за фасадом здания. Он отснял несколько скоростных фотографий незнакомки и, взглянув на часы, усмехнулся.

— Целых четыре часа. Похоже, посол неплохо провел время. Проследим за ней или останемся?

Джерниган смотрел, как женщина садится в машину посла.

— Сомневаюсь, чтоб он шел куда-нибудь сегодня вечером. А если все-таки отправится или позвонит по телефону, мы так или иначе узнаем об этом. Возможно, игра не стоит свеч, но хуже не будет, если мы проверим эту красотку.

Палмер отложил фотокамеру и повернул ключ зажигания. Тронувшись с обочины, они последовали за посольским автомобилем на благоразумной дистанции. Был уже поздний вечер, поток машин уменьшился, так что они без труда повисли на хвосте. Проследовав за машиной до Отеля на Готем-Плаза, они увидели, как подружка посла выпорхнула из лимузина и вошла в вестибюль гостиницы.

— Ну кто бы она ни была, но живет она в первом классе, — заметил Джерниган. — Дадим ей несколько минут, чтобы она поднялась в номер, а потом выясним у портье, кто она такая.

Однако, не успел посольский автомобиль отъехать от дверей гостиницы, как незнакомка снова появилась на улице.

— Подожди-ка, — сказал Джерниган, — что происходит? Ты что-нибудь понимаешь?

Швейцар подозвал для нее кэб, и она вскочила в него.

— Это становится интересным, — сказал Палмер, выруливая следом.

— Быть может, мы хоть здесь на что-нибудь наткнемся.

Сопровождая такси, они углубились в смешанный квартал — невзрачные кирпичные здания и частные склады, вдоль примыкающих к воде доков и сексбаров. Кэб свернул к обочине. Женщина вышла и, расплатившись с водителем, дальше пошла пешком.

— Странное местечко она выбрала для ночной прогулки в такой час, — заметил Палмер,

— Особенно, в одиночестве, — добавил Джерниган. Оба напряженно вглядывались в едва различимый силуэт женщины, которая перешла на другую сторону улицы и направлялась в сторону пустынного темнеющего пространства под эстакадой шоссе.

— Сдай немного назад, — сказал Джерниган, — если мы не хотим, чтобы она засекла нас.

— А ты сможешь ее увидеть? — спросил Палмер, отгоняя машину к тротуару. Он покосился на ночные тени за ветровым стеклом.

— Подожди минутку, — ответил Джерниган, доставая бинокль ночного видения. — Да. Она как раз стоит под эстакадой шоссе.

— Должно быть, у нее назначена там встреча, — сказал Палмер.

— Это я и пытаюсь выяснить, — отозвался Джерниган, осматривая в бинокуляры окрестности. — Если ты только спросишь меня, какого лешего можно поджидать на этом пусты...

Заднее стекло неожиданно разлетелось на куски, а Джерниган уткнулся лицом в приборную доску, когда пуля ударила ему в затылок и вылетела по другую сторону черепа. По лобовому стеклу растекалась отвратительная смесь крови, мозгов и осколков кости.

— Господи! — воскликнул Палмер, но продолжения фразы не последовало. Второй выстрел из бесшумного мощного полуавтоматического пистолета последовал почти сразу же за первым, швырнув Палмера на руль управления.

До женщины, прятавшейся в тени под эстакадой, донесся гудок машины. Высокий пронзительный звук разорвал тишину ночи, дрожью пробежав по ее телу, а через секунду-другую также неожиданно оборвался. Она нервозно смотрела по сторонам, покусывая нижнюю губу. Раскрыв сумочку, она положила ладонь на рукоятку небольшого револьвера 38-го калибра с укороченным дулом. Присутствие оружия вернуло ей немного уверенности, но только немного.

Черт возьми, думала она, этого мне только не хватало. Мысли о том, что она в этом квартале совсем одна, с такой кучей денег в пиджаке и о невероятном шансе, который ей представился... Но сотня тысяч долларов, чистыми, стоила этого. Ну, не то чтобы у нее был выбор. Слишком глубоко она сидела в этом дерьме. И слишком многим была с ними повязана. Как соблазнительно было убраться подальше с целым миллионом. Вот только она сомневалась, что сможет далеко уйти. Но даже если бы все удалось, у нее не было ни малейшего желания провести остаток дней своей жизни, постоянно оглядываясь через плечо. Нет, хватит, думала она, это было в пос-

ледний раз. Она передаст деньги, получит свою сотню тысяч, запрыгнет в первый самолет на Каймановы острова, очистит свой счет в банке и растворится где-нибудь в Аргентине, Мексике или Коста-Рике. А там отложенные ею на черный день деньги вырученные от торговли информацией, обеспечат для нее очень приятный образ жизни.

Она услышала, как сзади зашуршали колеса автомобиля, и быстро обернулась с револьвером наготове. Черный «мерседес» неторопливо подбирался к ней по гравийной дороге. Она подняла руку, закрывая глаза от слепящего света фар. Машина остановилась рядом с ней и водитель опустил боковое стекло.

— Ты принесла деньги? — спросил он с европейским акцентом.

— Они в пиджаке, который ты мне дал, я сделала все как ты говорил, — ответила она.

— Превосходно. Забирайся.

Она убрала револьвер обратно в сумочку и обогнула автомобиль, намереваясь сесть на переднее сиденье. Устроившись рядом с водителем, она захлопнула за собой дверь. Через секунду послышался приглушенный грубый звук, и дверца «мерседеса» снова отворилась. Красивое женское тело неуклюже выпало из кабины. Но пиджака на нем уже не было. Черный «мерседес» плавно тронулся и через мгновение растворился в темноте.

Кийотеро Сато, как обычно, проснулся в четыре утра, не дожидаясь милости будильника. Он спал не в постели, а на плетеном татами с маленьким деревянным чурбаком вместо подушки. Его дом представлял собой маленький закуток арендованного чердака над рестораном «Сцечуань». Одно время, когда стремление к роскоши затопило Готем-Вилледж[1] и начало распространяться в Чайна-Таун[2], некоторые старые чердаки были вычищены и восстановлены, а затем переоборудованны в новомодные резиденции с отполированными деревянными полами, современными ванными и кухнями со встроенными в стены и мебель холодильниками, плитами, комбайнами, моющими машинами и т.д. Но охотникам за комфортом не удалось покорить Чайна-Таун, и они перебрались на более зеленые пастбища соседних кварталов, таких как Ковентри, и Манчестер. Чайна-Таун оставался таким же, как всегда — маленький кусочек другого мира, чужая культура в сердце Готем-Сити.

Чердак, который Сато снимал у владельцев здания, был одним из немногих отреставрированных, причем, без сомнения, очень артистично одаренной личностью. Пол был вы-

1 Прототипом Готем-Вилледж послужил район Вилледж в Нью-Йорке.
2 Китайский район.

стлан красивым паркетом, а стены являли собой грубую кирпичную кладку, все, за исключением одной, которая во всю длину была отделана панелями красного дерева. Застекленная крыша осталась нетронутой — дизайнер чердака предпочел атмосферу неба глухой покатой стене. А чтобы попасть на свой чердак, Сато пользовался большим грузовым лифтом.

С тех пор как Сато въехал в помещение, он мало что изменил в своем жилище. Чердак идеально подходил для его целей, да и плата была приемлемой. Владельцы здания, которым также принадлежал и расположенный внизу ресторан, сдали ему мансарду очень дешево, Во-первых, из-за уважения к его положению в обществе, а во-вторых, он взялся обучить их детей и персонал ресторана боевому искусству.

За исключением маленького уголка, отделенного ширмой, где он спал, чердак превратили в спортивный зал — додзе[1]. На отделанной деревом стене висели американский и японский флаги, которые разделяла большая картина Бодхидкармы[2] в раме. Ровными рядами расположилось на стене боевое оружие: боккены[3], сай[4], нунчаки[5], сурикен[6], копья и другое тайное оружие боевых искусств. Доспехи Кендо и подшитые войлоком парусиновые шлемы со стальными прутьями забрал были аккуратно сложены у стены. Сато использовал их не только для обучения искусству Кендо, но и для достижения безопасности при спарринге в полном контакте. Он не признавал такие западные нововведения, как перчатки и бутцы из пенистой резины. С такими «защитными костюмами« можно было серьезно пострадать на тренировках, в то время как сорок фунтов доспехов Кендо и легкие войлочные перчатки не только обеспечивали надежную защиту, но и повышали боевые возможности учеников.

Сато легко, с гибкостью, скрывающей его истинный возраст, поднялся на ноги. Никто в точности не знал, сколько ему лет, а сам он не стремился говорить об этом. Он вообще избегал говорить о своем прошлом. Те немногие сведения, которые были известны о нем его ученикам и соседям были в лучшем случае отрывочны. Он был родом из Окинавы, но жил в Китае. Это все, что было о нем известно. Слухов ходило много, но ни один из них не был достоверным. Уверяли, что он был важным чиновником в одной из провинций, или что он воевал на стороне Японии и сдался в плен одним из последних, или что его нашли на отдаленном Тихоокеанском острове через много лет

1 Додзе — место борьбы в школах боевых искусств.
2 Буддийский монах, основавший в V веке нашей эры первую школу восточных единоборств в монастыре Шаолинь.
3 Боккен — деревянный меч для тренировок.
4 Сай — боевые металлические «спицы».
5 Нунчаки — две короткие палки, соединенные веревкой или цепью.
6 Сурикен — маленькое метательное лезвие в виде звезды.

после окончания войны, или что он был монахом-буддистом, пострадавшим от китайских коммунистов. Но все это были лишь предположения, а Сенсэй Сато, как его звали в квартале, не считал нужным раскрывать свое прошлое.

В действительности, только одно нужно было знать о нем и лишь одно имело значение — он был мастером. Никто правда, не знал, какого ранга, поскольку Сато не носил цветных поясов. Он также не присуждал их своим ученикам. Черные пояса, коричневые пояса, желтые, красные и голубые пояса различных оттенков, — все это ничего не значило для Сато. «Назначение пояса в том, — говорил он часто, — чтобы поддерживать штаны».

Из-за его нетрадиционного подхода к боевому искусству, его не признавала часть так называемых мастеров, а некоторые из них посещали его занятия с целью проверить его искусство. Но как только он догадывался об их намерении, Сато просил их удалиться. В отличие от остальных, он предпочитал не называть себя мастером, ему больше нравилось простое обращение «Сенсэй» — учитель. Он не стремился что-либо доказать и не поощрял к этому своих учеников. Он не разрешал им участвовать в турнирах. «Мы занимаемся боевыми искусствами, — постоянно разъяснял он, — а не боевым спортом. Если вы хотите соревноваться, играйте в баскетбол».

В его зале никогда не было досок, он считал бессмысленным ломать доски руками. «За всю мою жизнь, — говорил он, — я не слышал, чтобы на кого-нибудь нападали с доской». Однажды, глядя на здоровенный кулачище своего ученика — владельца черных поясов в нескольких стилях, Сато заметил: «Это не руки джентльмена. Если уж вы решили дробить кирпичи, я рекомендую кирку. Она намного эффективней». Когда его спрашивали, не стоит ли огрубить руки и ноги для боев, Сато обычно отвечал: «Достаточно усилия в три фунта, чтобы сломать человеческое колено. Если вы собираетесь ломать колени слонам, я вам не помощник. Мне нравятся слоны».

Однажды новичок спросил Сато, сколько времени потребуется, чтобы заработать черный пояс. Сенсэй тут же протянул ему черный пояс. «Вот, — сказал он ученику, — теперь у вас есть черный пояс. Если вам этого достаточно, то вы сэкономили на стоимости обучения».

Ученик не понял его. Ему хотелось знать, когда он приобретет достаточно знаний и умений, которые дадут ему право носить черный пояс. «А вы оцениваете знания по цвету своих носков? — спросил Сато. Цена знания заключена в нем самом. Вам следует стремиться к знанию не для того, чтобы показать другим, как многому вы научились. Я не могу оценить ваши знания. Вы должны это сделать сами».

Кто-то из учеников как-то спросил Сато, когда он начнет их обучать обращению с оружием, развешанным на стенах. «Когда вы будете готовы!» — отвечал он. Но он ни разу не сказал, что они уже готовы. Лучшему из учеников потребовался целый год, чтобы добиться своего. В один прекрасный день он просто подошел к Сато и сказал: «Сенсэй, я готов изучать боккен». Не сказав ни слова, Сато снял со стены боккен и принялся объяснять, как с ним обращаться.

Иногда новички спрашивали, не собирается ли он преподавать им философию. Он посоветовал смотреть по телевизору вечера философии с Опрой Уинфри. Такой ответ был для них полной неожиданностью. Через несколько недель они пришли сказать, что так и не поняли, в чем заключается ее философия. «Я тоже», — признался Сато с совершенно серьезным лицом.

У школы Сато не было названия. Она не значилась в телефонной книге, потому что у него не было телефона. Его ученики не носили эмблем, потому что у него их не было. И он не учил их какому-то определенному стилю. Он хорошо разбирался в технике карате, таэквандо, хапкиндо, кунг фу, дзюдо, айкидо, хуа ранг до, кендо и нинджицу и пытался дать максимум полезного от всех стилей. Когда его спрашивали, какой стиль самый лучший, он, как правило, отвечал: «Тот, что работает».

Своеобразные манеры Сато смущали многих учеников, и те из них, кто приходили к нему с ожиданием от уроков чего-то особенного и определенного, обычно долго не задерживались, если только им не удавалось приспособиться. Те, кто оставались, вскоре обнаруживали в себе перемены. Все они неизменно становились более зрелыми и выдержанными. Житейские неприятности доставляли им меньше хлопот. Их сон стал глубоким и спокойным, а по продолжительности требовался значительно меньше. В них стало больше жизненной силы, даже в самых глубоких пессимистах просыпалось чувство юмора, и они находили удовлетворение в привычных, повседневных делах. Они забывали о своих прежних ожиданиях и постепенно становились обычными смертными. Их объединяли крепкие узы дружбы, и друг для друга они были словно братья. Один за всех, и все за одного. Но этот один не был учеником, если говорить откровенно.

Сато знал, когда тот появлялся.

— Доброе утро, — крикнул ему Сенсэй из-за ширмы. — Могу я угостить вас чаем?

Бэтмэн усмехнулся. Он был абсолютно уверен, что спустился в додзе через застекленную крышу без малейшего шума. Для них это стало как бы ритуалом. Каждый раз Бэтмэн пытался застать Сато врасплох своим появлением, и каждый раз он терпел неудачу.

— Спасибо, Сенсэй, — ответил он с середины громадного

гимнастического мата. — С удовольствием выпью с вами чашечку.

Сато вышел из-за перегородки с маленьким чайничком чая и двумя тонкими китайскими чашечками на лакированном подносе. Бэтмэн склонился в уважительном поклоне. В ответ Сато слегка кивнул головой. Поставив поднос на низкий столик у стены, он преклонил колени и опустился на татами. Жестом руки он пригласил Бэтмэна присоединиться.

— Что же выдало меня на этот раз? — спросил Бэтмэн.

— Все, — сказал Сато, — Вы двигаетесь как буйвол.

— Так неуклюже?

— Ну, как ловкий буйвол, — уступил Сато.

Бэтмэн усмехнулся.

— Тогда мне еще долго придется совершенствоваться.

Сато улыбнулся и наполнил его чашку.

— *Domo arrigato*[1], — сказал Бэтмэн на безупречном японском.

— De nada[2] — неуместно ответил Сато по испански. — Очевидно, город остался цел и невредим еще на один день.

— Эта ночь прошла спокойно, — ответил Бэтмэн, не замечая легкий сарказм в голосе учителя.

— Ни одна ночь не проходит спокойно, — сказал Сато.

— Признаю свою ошибку. Я хотел сказать, что эта ночь прошла спокойно для меня.

— И это вас разочаровало?

— Единственно в том смысле, что, если сегодня ночью произошло преступление, я не был в нужном месте, чтобы предотвратить зло.

— О...о, — промычал Сато. — Тогда эта ночь разочаровала вас одного.

— Не совсем так, — задумчиво проговорил Бэтмэн, — я знаю, что не могу быть повсюду в одно и то же время, но мне хотелось бы думать, что мое присутствие имеет по крайней мере сдерживающий эффект. Кроме того, я люблю ночь. Она меня успокаивает. И каждая ночь, когда я могу навестить вас, никогда не приносит мне разочарования.

Сато слегка улыбнулся ему.

— Я тоже всегда с нетерпением жду вашего прихода. Вы всегда интересуете меня.

— И вы ни разу не спросили меня, кто я?

— Вы — «Грызун в маске», — сказал Сато.

— Я серьезно, — не отставал Бэтмэн.

— Вы что, не «Грызун в маске?» — спросил Сато, вскидывая брови в поддельном недоумении.

— Вытянуть из вас ответ на прямой вопрос, все равно что

1 Большое спасибо.
2 Пожалуйста

выжать из камня каплю крови, — сказал Бэтмэн. Порой своеобразное чувство юмора Сато просто выводило из себя. Он никогда не называл его Бэтмэном, но всегда настаивал на прозвище «Грызун в маске». Это раздражало. Поэтому-то Сато и звал его так.

Сато поставил чашку.

— Очень хорошо, — сказал он — сегодня вечером я не буду увиливать от ответов. Что вы хотели бы узнать?

— Вы никогда не спрашивали обо мне. Никогда не пытались преследовать меня, или выяснить кто я, или как я нашел вас, или где я обучался восточным единоборствам. Я часто спрашиваю себя почему?

— А если бы я попросил вас рассказать, что б вы мне ответили?

— Нет.

Сато передернул плечами.

— Тогда зачем спрашивать?

— Но вам даже не интересно..?

— Этого я не говорил. Но если бы вы захотели открыть мне свои тайны, вы бы сам все рассказали. А то, что вы не хотите раскрыть их, не мое дело. Ваши причины — они ваши собственные, и я уважаю их.

— Я благодарен вам за это, Сенсэй, — сказал Бэтмэн, — и за ваше согласие принимать меня на таких необычных условиях.

— Ну... это не совсем бескорыстно с моей стороны, — признался Сато. — Минуло немало лет с тех пор, как я знавал равных себе по мастерству. И как я уже говорил, вы будите мое любопытство.

— Будь я свободен от моей тайны, я бы удовлетворил ваше любопытство, — заверил его Бэтмэн.

— Но вы и так его удовлетворяете, — сказал Сато. — С каждым разом, когда вы приходите, я узнаю о вас немного больше. Каждый раз, когда мы разговариваем с глазу на глаз, вы приоткрываете нечто новое о себе. Не только словами, которые говорите, но и тем, чего вы не говорите, даже тем, как вы это не говорите.

— Вот теперь проснулось мое любопытство, — сказал Бэтмэн, пригубя ароматный чай. — Что вам удалось про меня выяснить?

— Довольно много, — ответил Сато. — Я понял, что вы глубоко раненная личность.

— Благодарю покорно. — Бэтмэн скривил губы.

— Я не имею в виду, что считаю вас несбалансированным, хотя было бы нетрудно затеять спор на эту тему, — объяснил Сато — Однако есть вещи, которые причиняют вам много страданий. Когда-то в своей жизни вы попробовали вкус большого

горя. Опустошившая душу потеря, от которой вы так до конца и не оправились. Можно было предположить, что эта потеря связана с женщиной — с женой, например, или с женщиной, которая не была вам женой, но которую вы глубоко любили. И все же абсолютно ясно, что природа этой потери сыграла свою роль в формировании вашего характера; следовательно, это, должно быть, случилось, когда вы был очень молоды. Я подозреваю, что это касается ваших родителей. Не исключено, что они пали жертвой преступления. По-видимому, вы были с ними в момент их смерти. Та сцена сильно повлияла на вас, так сильно, что вы решили посвятить свою жизнь борьбе со злом. Ваша семья была очень обеспеченной, а возможно, вы сам став взрослым сколотили немалое состояние. Но накопление богатства всегда определялось для вас одной целью. Главной целью всей вашей жизни — месть.

— Месть? — произнес с удивлением Бэтмэн. — Вы думаете именно это лежит в основе моих поступков?

— А вы не согласны?

— Мне всегда казалось, что моим важнейшим устремлением было... правосудие.

Сато пожал плечами.

— Разве это не одно и то же?

— Я бы так не сказал, — ответил Бэтмэн.

— В чем же разница? — не уступал Сато. — Дело правосудия — наказание дурных поступков. Наказание — это возмездие. А возмездие — это месть, разве не так?

— Я никогда не думал об этом с таких позиций.

— Это потому, что в наше время месть не в моде, — сказал Сато. — Правосудие — это всего-лишь либеральный термин в одной из самых консервативных теорий. Я предпочитаю называть вещи своими именами.

— Но если месть и провосудие — одно и то же, — рассуждал Бэтмэн, — тогда я должен был бы убивать убийц, но я так не делаю.

— Это потому, что *вы* не убийца, — просто ответил Сато. — Месть, или правосудие, в зависимости от названия, эта штука может принимать различную форму. Не в вашей природе убивать, хотя вы, безусловно, владеете этим искусством. Это относится к тем вещам, которые меня больше всего в вас интересуют. Во мне нет места для раскаяния в убийстве. В случае крайней необходимости я сделаю это, и моя совесть не будет меня беспокоить. Такая необходимость возникает не часто, и все же я без труда смогу представить различные ситуации, когда от этого никуда не денешься. Однако для вас таких ситуаций, похоже, не существует...

Бэтмэн кивнул.

— Верно. Я не смогу лишить кого-нибудь жизни.

— Почему?

— Тогда я ничем не буду отличаться от бандитов, за которыми охочусь на улицах.

Сато кивнул.

— И в этом едином ваша великая немощность, и ваша великая сила. Вы человек, слишком хорошо знакомый с насилием, но в вас глубокое благоговение перед жизнью. Одной ногой вы стоите на нашей суетной земле, а другой утопаете в бесконечных просторах человеческого духа. Ни в том мире, и не в этом. Вы поистине обладаете натурой Будды. Не так много людей могут достичь этого, а вы — единственный человек Запада, кому это удалось, из всех встреченных мною. Когда-то я тоже стремился к высшим ценностям, но я не обладаю необходимыми качествами, чтобы идти этой тропой. Многие ищут ее, но мало кто достигает цели. Вы никогда не искали ее — она сама легла вам под ноги. Однако вместо всеобъемлющего счастья она мучает вас.

— И вы можете все это видеть? — тихо спросил Бэтмэн.

— Смотреть можно не только глазами, — ответил Сато. — Вот почему я не стремлюсь разглядеть ваше лицо под маской летучего грызуна, я достаточно ясно вижу вашу душу. Я бы хотел, друг мой, внести мир в ваше сердце, но, боюсь, вы никогда не сможете обрести его.

— Никогда? — переспросил Бэтмэн, еле слышно.

— Вы взвалили на свои плечи бремя целого мира, — сказал Сато. — По правде говоря, дурацкая мысль, но это благородная глупость.

Бэтмэн улыбнулся.

— Но тогда и натура Будды тоже дурацкая вещь. Это вы хотите сказать?

— Конечно, это дурацкая штука, сплошная глупость. Это непрактично, давно не модно. В ней нет логики, и она не управляется этичностью ситуаций. Но глупая вещь иногда может быть хорошей вещью. Я и сам толком не понимаю, что только что сказал, но подозреваю, что это мудрая мысль.

— Вы могли бы стать великим философом или потрясающим комиком, — рассмеявшись сказал Бэтмэн.

Сато пожал плечами.

— А какая между ними разница? — Он мягко поднялся на ноги. — Раз уж мы заговорили о комедии, — сказал он, повернувшись к Бэтмэну, — достоин ли ваш спарринг хотя бы одной из них?

Вслед за Сато Бэтмэн вышел на середину додзе. Они отвесили поклон флагам, затем друг другу и приняли боевую стойку. Вернее, только Бэтмэн принял боевую стойку. Сато же просто стоял со свободно опущенными руками. Неожиданно его правая нога мелькнула в воздухе — четыре молниеносных уда-

ра в одном плавном гибком движении: — прямой удар в грудь, затем круговой удар по голове, круговой с разворота в противоположный висок и боковой удар в подбородок. Казалось, что это одно быстрое, энергичное движение сметает все на своем пути. Бэтмэну удалось отвести первые три удара, но четвертый достался в подбородок. Он отшатнулся назад и крякнул. Неудача Бэтмэна отнюдь не остудила пыл Сато.

— Печально, — съязвил он.

— Неплохо для пожилого человека, — парировал Бэтмэн, потирая ушибленный подбородок.

— Никакого уважения к старику! — в шутку возмутился Сато.

С этими словами он прыгнул на противника, а его стопа яростно описала стремительный полумесяц в дюйме от головы Бэтмэна.

Бэтмэн остановил рукой удар, перехватил ногу Сато и резко крутанул вокруг оси. Это должно было свалить старика на спину. А Сато, вместо того, чтобы сопротивляться выворачивающей ногу силе, подпрыгнул и перекувырнулся в воздухе, высвободив ступню из захвата. Падая на татами, он извернулся и подсек Бэтмэна. Тот тоже грохнулся на пол, но быстро перекатился и вскочил на ноги. И как раз вовремя, чтобы встретить новую бешеную атаку — серию смерчеподобных ударов, надвигавшихся на него словно циркулярная пила. Бэтмэн отступал назад, быстро отбиваясь от мелькающих ног. Неожиданно он изменил тактику — бросился вперед, подставляя под удар спину. Крепко обхватив Сато за ногу, он швырнул его на пол. Однако Сато, падая, увлек его за собой. Бэтмэн сделал в прыжке сальто и приземлился на ноги. Словно из ниоткуда Сато вытащил сурикен и метнул в Бэтмэна. В последний момент тот резко отдернул голову, и смертоносная «звездочка» просвистела мимо. Острые, как бритвы, лучи сурикена глубоко вонзились в стену. В ответ Бэтмэн метнул бэтаранг. Сато поймал его одной рукой и метнул обратно. Бэтмэн выбросил перед собой руку и схватил на лету свое оружие.

В ход пошло тяжелое вооружение. Сато потянулся и извлек из-за спины пару нунчаков. Со свистом разрезая воздух, они завертелись в его руках с умопомрачительной скоростью. Вслед за первыми нунчаками появились и вторые. Бэтмэн швырнул на пол дымовой шарик. Сато бросился в середину облака, но Бэтмэна там уже не было. Когда мелькающие нунчаки разорвали облако и дым понемногу рассеялся, Сато обнаружил, что стоит в центре додзе, а вокруг никого нет.

Секунду-другую он стоял в полной растерянности, озираясь по сторонам, а потом резко задрал голову вверх. Его же собственный плащ лавиной обрушился на голову Сато! — Бэтмэн сбросил его с потолка. Пара нунчаков пролетела через весь зал

и с грохотом опустилась в дальнем углу чердака. Бэтмэн спрыгнул с потолка на татами. Приземлившись, он перекатился через голову и вскочил на ноги, метнув одновременно четыре тонких дротика. Маленькие снаряды один за другим разлетелись в стороны, наткнувшись на непробиваемый щит вращающихся нунчаков Сенсэя.

То, что происходило в школе Сато, не было обыкновенным спарингом, и если бы кто-нибудь из учеников мог это видеть, у него бы перехватило дыхание от изумления. Два великих мастера старались изо всех сил, испытывая себя на пределе своих возможностей. Только абсолютно уверенные в искусстве и реакций друг друга соперники, могли отважиться на такую необузданную схватку. Малейшая ошибка любого из них могла закончиться пожизненной инвалидностью или даже смертью, но каждый знал возможности и доверял боевому искусству противника. Только таким образом эти двое, в совершенстве овладевшие боевыми искусствами, могли подвергнуть истинным испытаниям свое мастерство. В мире было всего несколько человек, достигших такого уровня. Это была непостижимо стремительная, жестокая и каждую секунду граничащая со смертью форма тренировки, которая определяла подлинную природу отношений учителя и ученика. В этой смертельной поэзии молниеносных движений они находили счастье и свободу. Они наслаждались своим мастерством, вступая в неистовый спарринг, за который любой кинопродюсер заплатил бы целое состояние. Но каждый бой был только для них двоих. Если бы кто-нибудь заснял их борьбу на пленку, все равно ни один зритель не поверил бы в подлинность сцены, он был бы убежден, что это всего лишь замедленная съемка и специальные эффекты. Наконец Сато воскликнул: «Хватит!»

Оба стояли, тяжело дыша, почти в полном изнеможении. Бэтмэн поклонился. Сато ответил легким поклоном.

— Не... плохо... для... пожилого человека, — с улыбкой заметил Бэтмен, пытаясь овладеть дыханием.

— Будь я моложе... вы бы... быстро уразумели... как опасно быть... таким наглым.

— А все-таки... сколько вам... лет? — спросил Бэтмэн.

— Я уже достаточно стар, чтобы сидеть на пенсии, — ответил Сато, — но по-прежнему молод, чтобы быть вам достойным соперником.

— Это верно, — признался Бэтмэн. Он покачал головой, как всегда удивленный искусством и выносливостью старика. — Каким бы непобедимым борцом со злом могли бы вы стать!

— В другое время... и в другом месте, — сказал Сато, — впрочем, и в другой жизни, — закончил он с жестом разочарования. — Я становлюсь старым и медлительным.

режим добрыми старыми методами. И на некоторых повлияли окончательно. Судя по всему, Горби сам еле унес ноги.

Просматривая записи, Гордон присвистнул.

— А чтение впечатляет, не правда ли? — сказал Чэмберс. Он покачал головой. — А я то подозревал во всем этом Бэтмэна.

— Здесь не так много, — заметил Гордон, постучав по серой картонке скоросшивателя, — за исключением информации о террористических акциях, в которых предполагается авторство Спектра.

— Я могу лишь сказать, что ублюдок знает свое дело, — сказал Чэмберс. — Большинство своих дел он проворачивал за границей. Насколько нам известно, он никогда не работал в Штатах. — Чэмберс пожал плечами. — Опять же насколько нам известно. Но русские знают о нем. Он убрал трех их самых лучших агентов. Упомяни о Спектре в Моссад[1], и у них пена пойдет изо рта. Британцы из-за какой-то мокрой работы, которую он сделал для ИРА[2] назначили за его голову щедрое вознаграждение, с которым вы спокойно можете уходить в отставку и жить припеваючи. Сукин сын был связан с Бадер-Мейнхоф[3], Красными Бригадами[4], ФОП[5] и нашими добрыми друзьями в Колумбии, которые, в свою очередь связали его сами знаете с кем.

— Дезидерио Гарсиа, — сказал Гордон.

— Вы уже поняли, в чем дело? Я услышал все это полчаса назад от ЦРУ. Один из оперативных работников ЦРУ перехватил слух, что Спектр взялся за работу в Штатах. Вы помните деликатную политическую слежку, о которой я вам говорил в тот день? Видите ли, мисс Дэвенпорт видели прошлым вечером, когда она покидала прием в посольстве под руку с одним дипломатом ООН. А через пять часов она простилась с жизнью под эстакадой ночного шоссе. Меня не покидает ощущение, что ее сфотографировали, когда она посреди ночи выходила из дома дипломата, но пленка почему-то оказалась засвеченной. Конечно, если вас спросят, вы ничего об этом не знаете. Не возражаете, если я закурю?

— Нет. Продолжайте — сказал Гордон.

Чэмберс достал пачку сигарет и закурил.

— Я бросил десять лет назад, — он скривил губы, — а сегодня утром снова потянуло.

— Наверное, об этом не стоит и говорить, у нас нет права допросить дипломата из-за статуса неприкосновенности, — сказал Гордон, горько усмехнувшись. — Вы думаете, она была связным для переправки гонорара?

1 Служба разведки Израиля.
2 Ирландская республиканская армия.
3 Левая немецкая террористическая группа.
4 Террористическая группа в Италии
5 Фронт освобождения Палестины.

— Я бы не удивился. Те, кому она продавала информацию, относятся к тому же типу людей, которые наняли бы кого-нибудь вроде Спектра. А Спектр любит большое, мощное оружие. Особенно Гризли Вин Маг.

— Должен признаться, я мало знаком с этим пистолетом, — сказал Гордон. — Я хорошо разбираюсь в большинстве револьверов и 9 миллиметровых полуавтоматических пистолетов. В мое время мы все носили на улицах 38-калиберные револьверы. Редко когда кто-нибудь из нас ходил с армейским.45.

— Гризли как раз сделан на его основе, — сказал Чэмберс. — Он выполнен по образцу армейского пистолета тысяча девятьсот одинадцатого года, только улучшен разными штучками-дрючками, да более широкой и толстой рукояткой для использования магазинов с более мощными патронами. К нему подходят многие калибры: .45, .357, .357/45, 10 мм и, наконец, .45 Винчестер Магнум. Калибры взаимозаменяемы. Это не тот дешевый револьвер, который мелкий воришка может выкинуть в реку после «дела». Многие серьезные стрелки платят хорошие деньги мастерским, чтобы улучшить свои пистолеты для соревнований. А Гризли выходит таким уже с завода. К нему можно добавить компенсатор и глушитель, да и вообще он очень хорошо сделан. Прямо здесь, в добрых старых США.

— Это фирменное оружие Спектра?

— Да, — сказал Чэмберс, выдыхая длинную струю дыма. — И он очень любит патроны к большому 45 Магнуму. Такая пушка запросто свалит медведя, поэтому-то, как мне кажется, этот пистолет получил свое имя. Спектр не любит оставлять даже малейшей возможности для ошибки.

Гордон тяжело вздохнул.

— Только этого-то нам и не хватало, — сказал он. — Террорист, свободно разгуливающий по Готем Сити.

— Но Спектр — незаурядный террорист, — сказал Чэмберс. — Обычные территористы — фанатики своей идеи. У Спектра же нет дурацких идей. Он профи. А цена его статуса в игре — более шестидесяти крупных террористических актов, причем никто даже понятия не имеет, как он выглядит.

— Но хоть кто-нибудь должен знать, — сказал Гордон. — Иначе, как же он делает бизнес?

— Он действует через посредников, — ответил Чэмберс, — Вы хотите кого-нибудь убрать и пускаете словечко по нужным каналам. Я не имею в виду мелких сошек. Я говорю о крупных торговцах оружием, боссах школ, обучающих наемников, и международных картелей торговцев наркотиками. Спектр связывается с вами и просит вас назначить связного — или связную, — который будет посредником в вашем соглашении. И если вы знаете что-либо о методах Спектра, вы выберете того, без кого потом можно будет обойтись.

— По вашему описанию, он очаровательный парень, — сухо заметил Гордон. — Но как он собирается отыскать засекреченного свидетеля в лабиринтах укрепленной федеральной тюрьмы?

— Плохие новости, — сказал Чэмберс.

— Вы хотите сказать, что все, что вы мне до этого говорили, — хорошие новости?

Чэмберс ухмыльнулся.

— Похищение Гарсиа разработало Управление, — объяснил он. — Мы подключились на завершающем этапе, чтобы обеспечить проведение судебного процесса и переселить свидетеля по программе, т.е. в строжайшей секретности изменить ему имя, место жительства, место работы... Естественно, это означает, что Управление в курсе всех деталей операции.

— И начальство дышит вам в затылок, — сказал Гордон, вспоминая прежний разговор.

— Точно, — поддакнул Чзмберс. — А Дэвенпорт работала на Управление в качестве аналитика. Другими словами, у нее был допуск к информации, доступ к компьютерным файлам и всем сообщениям между департаментами.

— Черт, — выругался Гордон.

— Именно черт, — сказал Чэмберс. — Наша секретность полностью разлетается на куски. И там, где была одна утечка...

— Могут быть и другие, — закончил за него Гордон. Он улыбнулся. — Чем я могу помочь?

— Я надеялся, что вы зададите мне этот вопрос, — сказал Чэмберс. — Мне бы хотелось, чтобы вы взяли на себя ответственность за свидетеля.

— Вы имеете в виду ответственность за безопасность? — спросил Гордон.

— Нет, я имею в виду самого свидетеля, — сказал Чэмберс. — Ваш департамент намного надежнее, чем в любом другом крупном городе. У вас чертовски хорошая репутация, и, честно говоря, комиссар, я вам доверяю. А сегодня я знаю не так много людей, кому я могу доверять.

— Я вижу к чему вы клоните, — сказал Гордон, — Но, если я возьмусь за это дело, Чэмберс, я буду вынужден пользоваться своими методами.

— Отлично. Я согласен...

— Выслушайте меня сначала, — оборвал его Гордон. — Ваши собственные агенты уже подвергались опасности, я не собираюсь рисковать своими людьми. Вы передадите нам свидетеля на моих условиях. И я выделю моих лучших офицеров на эту операцию. Но ни Бюро, ни ЦРУ не узнают, где будет содержаться свидетель. И это также касается любого в моем отделении, кто не будет связан с этой работой вплотную. И это касается вас.

— Меня? Эй, давайте ...

— Я знаю, что говорю, — спокойно сказал Гордон, — Помните, как-то вы мне сами сказали: «Чем меньше вы знаете, тем безопаснее для вас». Вас не смогут заставить открыть место нахождения свидетеля, если вы не знаете, где оно. Вот мои условия. Принимайте их или забудем об этом.

Чэмберс глубоко вздохнул и медленно выпустил воздух.

— Хорошо. Я принимаю их. Мне это не нравится, но я все равно принимаю. Слишком многое поставлено на карту, чтобы сказать нет. Но, если что-нибудь случится с моим свидетелем... Я думаю, мне не нужно вам это объяснять... обе наши задницы хорошенько поджарят.

— Я это понимаю, — сказал Гордон, — Дайте мне несколько часов, чтобы отработать детали, и я сам найду вас.

— Отлично, — согласился Чэмберс, раздавив в пепельнице сигарету. — Не тяните слишком долго, о'кей? Если мое начальство разнюхает о нашей сделке, оно попытается остановить нас.

— Два часа, — сказал Гордон.

Чэмберс кивнул.

— Хорошо, — он тяжело вздохнул, — но мне бы не хотелось испытывать судьбу. Я просто надеюсь, что не совершаю ошибки. Возможно, мне не поздоровится за это дело.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

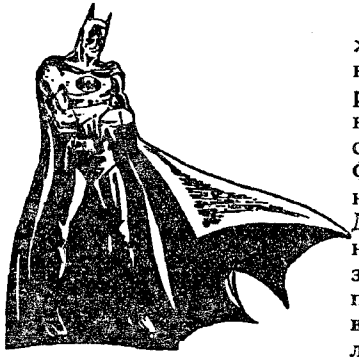
— Я тоже надеюсь, — мягко сказал Гордон.

Он поднял телефонную трубку.

— Капилетти, разыщите лейтенанта Кармана. Пусть он бросит все свои дела и немедленно явится ко мне. То же самое передайте детективам: Хайнцельману и Крузу, а также сержантам Мэллори и Ронделлу. Они должны быть у меня через двадцать минут в полной готовности.

Он опустил трубку, и его взгляд упал на угол стола, где Чэмберс по рассеянности оставил свои сигареты. Он протянул руку, взял пачку в задумчивости, подержал ее, а затем опустил к себе в карман.

— Добрый вечер. С вами Роджер Грили. Вы смотрите вечерние новости. Сегодня рано утром, в районе порта, у эстакады Западного шоссе в своей машине были обнаружены тела двух агентов ФБР. При опознании установлено, что они принадлежат Джеффри Дэвису Палмеру и Рональду М. Джернигану. Оба были застрелены, несомненно, профессиональным убийцей, во время слежки по одному из расследований, тесно связанных с делом Гарсиа. За подробностями мы обратились к Джерри Доунинг, находящейся сейчас в Главном Полицейском Департаменте. — Джерри?

На экране появилась хорошенькая блондинка с пышной прической и с внешностью современной фотомодели.

— Роджер, детали убийства в прошлую ночь двух федеральных агентов чрезвычайно отрывочны, а представители власти стараются держать рот на замке. Нам удалось узнать, что рядом с местом убийства агентов обнаружили третье тело... — она пробежала глазами по своим запискам, — женщины по имени Марсия Дэвенпорт, по рабочей гипотезе — государственной служащей. В точности ее связь с делом Гарсиа, если допустить, что такая связь существует, пока не установлена. Шеф отдела ФБР в Готем-Сити Рис Чэмберс отказался дать интервью, но репортерам удалось расспросить комиссара Джима Гордона, который выходил из полицейского департамента сегодня вечером.

На экране пошла видеозапись Гордона, который спускался по лестнице здания департамента и неожиданно был окружен толпой репортеров, держащих микрофоны словно револьверы.

— Комиссар Гордон! Комиссар! — кричали они во весь голос, пытаясь одновременно задать все свои вопросы. — Комиссар, что вы можете сказать об убийстве прошлой ночью двух агентов ФБР.

— Все, что я могу сказать по этому пункту... в этом расследовании наш отдел в полной мере сотрудничает с ФБР, — ответил Гордон. — Мы намерены оказывать Бюро любую посильную помощь.

— Комиссар, как вы думаете, почему эти двое были убиты? Не связано ли это с делом Гарсиа?

— Мне бы не хотелось строить догадки по этому поводу, — сказал Гордон. — Эти люди были агентами ФБР, а не офицерами полиции Готем-Сити. А раз так, я понятия не имею, были ли они задействованы в каком-либо расследовании в момент своей смерти.

— А если бы были, ФБР сообщило бы вам об этом?

— Я не в том положении, чтобы размышлять, что ФБР сделало бы, а что нет. Я имею в виду любое расследование, которое они ведут, — сказал Гордон.

— Комиссар Гордон, есть ли какая-нибудь связь между убийством двух агентов и смертью мисс Дэвенпорт, ведь и то и другое произошло в одном районе?

— В обоих случаях есть определенное сходство, — ответил Гордон, — но на этот час у нас еще нет результатов баллистической экспертизы и поэтому мы не можем окончательно сказать, что убийства связаны друг с другом. Однако мы, конечно же, не исключаем такой возможности.

— Комиссар, были ли связаны убитые агенты с мисс Дэвенпорт? Известно, что она была государственной служащей, но это не очень-то конкретно. Вы можете к этому что-нибудь добавить? В каком качестве она работала на правительство?

— Я не могу ответить на этот вопрос, — отрезал Гордон. — Я не вовлечен непосредственно в расследование, впрочем, не собираюсь отставать от развития событий.

— Комиссар, из полученной информации об этих убийствах можно сделать вывод, что на лицо все признаки профессиональной работы. Не указывает ли это на серьезную возможность наличия связи между тремя трупами и делом Гарсиа?

— Ну, все возможно, — согласился Гордон, — но, как я уже говорил, я не собираюсь вдаваться в бессмысленные рассуждения. Я думаю, это приведет лишь к обратным результатам.

— Сэр, до нас дошли слухи, что мафия подписала контракт на убийство нашего свидетеля против генерала Гарсиа. В свете вчерашних, судя по всему, профессиональных убийств и того факта, что жертвами стали агенты из личного состава правительства, возможно ли, что мы рискуем безопасностью свидетеля?

Гордон нахмурился.

— Боюсь, я не в состоянии ответить на этот вопрос. Я не осведомлен о деталях каких-либо мероприятий по обеспечению безопасности, которые ФБР рассматривало, а может быть, и не рассматривало в отношении не известного мне

свидетеля по делу Гарсиа. Этот пункт касается ФБР, и я не могу говорить за них.

— Комиссар, есть ли у вас данные, что погибшая женщина — мисс Дэвенпорт — работала на ФБР или ЦРУ?

— Я не могу прокомментировать это.

— Но ведь вы не сказали, что она не работала.

— Все, что я сказал, — так это то что я не уполномочен отвечать на вопрос тем или иным образом.

— Комиссар, известно ли вам доподлинно, что государственный свидетель против генерала Гарсиа по-прежнему невредим и находится под опекой ФБР где-то в Готем-Сити?

— Я уже много раз повторял, что не в праве отвечать за ФБР. Я не осведомлен о нюансах каких-либо мероприятий или расследования, которые оно ведет или не ведет по делу Гарсиа. Дело генерала Гарсиа входит в юрисдикцию федерального правительства, и все, что касается этого процесса, относится к федеральным инстанциям, а не к департаменту полиции Готем-Сити.

— Комиссар, есть ли доля правды в слухах, что в связи с вероятностью утечки информации Департамент полиции Готем-Сити, особенно ваш отдел и лично вас, просили взять на себя обеспечение безопасности свидетеля против генерала Гарсиа.

Камера показала Гордона крупным планом — недовольный, с плотно сжатыми губами.

— Повторяю, я не уполномочен ни подтверждать, ни отрицать слухи, имеющие отношение к Гарсиа, — ответил он. — ФБР запретило нам раскрывать какую-либо информацию или любым образом комментировать все, что относится к делу Гарсиа. А вы знаете, что политикой департамента полиции всегда было сотрудничество с федеральными службами.

— Но это верно, комиссар? — настаивал репортер.

— У вас по-прежнему хороший слух? — с издевкой спросил Гордон.

— Значит, вы не отрицаете, что ФБР попросило вашей помощи в защите свидетеля? — выкрикнул кто-то.

— Я вам советую обратиться к ФБР, — сказал Гордон, пытаясь пробиться сквозь толпу репортеров. — А теперь, если вы меня извините...

— Минуту, комиссар! У меня есть нечто такое, что вам следует услышать.

Общим планом камера показала Энрике Васкеса, репортера конкурентной телесети, стоящего на пути Гордона у подножия лестницы.

— Да, мистер Васкес, — сказал Гордон явно недовольным тоном. — Что это?

— Некоторое время назад, комиссар, мне позвонили в отдел новостей, и я считаю, вы должны знать, что я услышал в телефонную трубку. Звонивший сказал, я цитирую: «Говорит Спектр. Государственные органы смогут объяснить вам, кто я такой, и поручиться за мою профессиональную репутацию. Я уже убрал несколько ваших агентов, которые встали на моем пути. Я предупреждаю федеральные власти и жителей Готем-Сити, что если генерал Дезидерио Гарсиа не будет освобожден в течение двадцати четырех часов и ему не будет предоставлен самолет, который отвезет его на Кубу, я приступлю к террористическим акциям против жителей Готем-Сити. Одна жизнь против многих. Выбор за вами». Сказав это, звонивший повесил трубку. Не могли бы вы прокомментировать этот звонок, комиссар?

Хотя такое случается редко, все репортеры до единого замолчали в ожидании ответа Гордона. Уголок рта комиссара полиции задрожал. Он достал из кармана брюк забытую Чэмберсом пачку сигарет, взял из нее одну и сунул в рот.

Брюс Уэйн неожиданно выпрямился в кресле. Он сосредоточенно вглядывался в экран телевизора.

— Единственное, что я могу сказать, мистер Васкес, — процедил Гордон, закуривая сигарету, — так это то, что вы продемонстрировали сейчас всего лишь недостаток журналистской этики и безответственность, которые достигли нового уровня, даже для вас. — Его рука слегка дрожала, когда он вынул изо рта сигарету и злым, резким движением выдохнул облако дыма, очевидно, даже не позаботившись прежде вдохнуть его в легкие. — Какой-то маньяк звонит вам в отдел новостей, а вы, даже не потрудившись проинформировать полицию или подтвердить доказательствами ваш, в высшей степени сомнительный источник информации, выходите в прямой эфир с подобной безответственной чепухой, рискуя перепугать жителей всего города и создать панику. Откровенно говоря, я поражен вашей бессердечностью и наглостью.

— Но, что, если это не чепуха, комиссар? — настаивал Васкес, по-видимому, немного успокоенный полученной головомойкой. — А если этот звонок от человека, назвавшегося Спектром, обернется трагической реальностью. Что вы скажете жителям Готем-Сити?

— Я не имею дела с недоказанной информацией, мистер Васкес, — ответил Гордон. — Я занимаюсь фактами.

— Факт в том, комиссар, — продолжал Васкес, стараясь загородить ему дорогу, — что сразу после этого звонка я связался со штаб-квартирой ФБР и спросил, кто такой «Спектр». Их ответ был таков: «никаких комментариев». Не тот, что они да-

же никогда не слышали о ком-либо по кличке «Спектр», а — «никаких комментариев». А что вы можете ответить?

— В последний раз повторяю, я не могу говорить за ФБР, мистер Васкес, — устало произнес Гордон. — И мне нечего ответить на ваши драматические интерпретации того, что они вам скозали. А теперь, если вы меня извините, мне больше нечего сказать.

Он отшвырнул окурок в сторону и, расталкивая репортеров, пошел прочь.

Брюс Уэйн выключил телевизор и поднялся с кресла. Джим Гордон не курил сигарет. Он курил трубку.

Сигареты были сигналом, точнее одним из сигналов, которые они выработали между собой. Другим был полицейский радиовызов, гласивший «Машина 13». В полицейском департаменте Готем-Сити не было ни одной патрульной машины под номером 13. По той же причине, почему в многих гостиницах не было тринадцатого этажа. Рядовому составу никогда не давалось никаких объяснений по поводу возникающего время от времени в эфире мифического «Машина 13». Многие считали, что это было нечто вроде личного сигнала для кого-то, но никто из них никогда даже не подозревал, кем был этот *кто-то* на самом деле.

Кроме того, что радио в Бэтмобиле было постоянно настроено на полицейскую волну, в Бэткейве стояло аналогичное устройство, которое перехватывало все радиопереговоры и передавало в компьютер, который в свою очередь моментально поднимал тревогу и записывал время и дату любого сообщения, содержащего «Машина 13».

Он вошел на кухню, где Альфред готовил ужин.

— Что-то случилось, Альфред, — сказал Брюс. — Я должен спуститься вниз.

— Мне не торопиться с ужином, хозяин? — спросил Альфред.

— Не знаю, я позвоню тебе снизу, — ответил он.

— Очень хорошо, сэр, — вздохнул Альфред. Брюс тем временем подошел к громадному стальному холодильнику, облицованному деревянными панелями, и открыл его дверцу.

— Вы никогда не задумывались, сэр, установить кухонный лифт, чтобы я мог бы послать вам вниз пару бутербродов, а вы бы не зачахли от голода?

— Неплохая идея, Альфред, — сказал Брюс, запустив руку в холодильник и вращая регулятор температуры, словно это замок с цифровым кодом. Впрочем, он и был им. — Почему бы тебе не заняться этим?

Альфред поднял глаза к потолку и вздохнул.

— Сам не знаю почему, но я предчувствовал, что вы так ответите. Еще один проект по совершенствованию особняка! Интересно, осталось ли у нас достаточно взрывчатки с прошлого раза?

— Только подумай, что это спасет тебя от всех спусков и подъемов по лестнице, — сказал Брюс, закончив хитроумные манипуляции с регулятором температуры и закрыв дверцу холодильника.

Послышалось мягкое гудение серводвигателей, а вслед за ним приглушенный щелчок, и холодильник начал отодвигаться в глубь стены, скользя по стальным рельсам, утопленным в пол. Он отъехал футов на пять и остановился. Брюс шагнул в открывшийся проем. Справа от него, позади встроенных в стену полок, было что-то вроде небольшого шкафчика без дверок. Он шагнул в него и нажал нижнюю из двух черных кнопок на маленьком щитке управления. Лифт начал спускаться по шахте с шершавыми, необработанными каменными стенами. Через секунду он вышел в узкий, застеленный ковром коридор, с несколькими дверями по бокам, ведущими куда-то вглубь.

Это могло бы быть холлом административного здания, но проход был слишком узким и слишком коротким. Вдвоем по нему можно было передвигаться лишь гуськом. Стены коридора, который на дальнем конце заканчивался дверью, были отделаны темным деревом, а скрытые за панелями лампы дневного света давали мягкое, неяркое освещение. Несколько дверей вели в небольшие удобные комнаты без окон.

Одна из них была библиотекой, изолированной от сырости Бэткейва. Здесь Брюс Уэйн хранил те книги, которые не мог держать наверху.

Другая служила арсеналом. Широкое разнообразие миниатюрного оружия было развешано на стенах; на подставках разместились армейские автоматические штурмовые винтовки, карабины и пулеметы, не говоря уже о револьверах полуавтоматических и крупнокалиберных пистолетах. Бэтмэн был экспертом в каждом виде этих вооружений, хотя сам никогда не использовал их, кроме как в целях изучения. Дверь в конце коридора вела в комнату центрального управления к главному компьютеру Бэткейва.

В ней функционировала термостатическая регуляция, а стеклянные стены позволяли обозревать каждый уголок Бэткейва. Каркас из стекла и стали возвышался высоко над полом пещеры, куда открывалась маленькая дверь в правой стене. Она вела на длинный пролет высеченных в камне ступенек, вьющихся узкой тропинкой по нагромождению скал, на которых стоял фундамент аппаратной комнаты. Через прозрачные стены была видна вся основная пещера подземного лабиринта, где Бэтмэн устроил свой дом.

Немногие из людей бывали в Бэткейве, но те, кто ее видел,

запоминали навсегда. Сооружение потайного убежища впечатляло своим размахом, тем более, если подумать, что большую часть работы проделали всего два человека — сам Бэтмэн и Альфред Пенниворт. Некоторые части проекта были слишком сложны и объемны дл реализации силами двоих людей, например такие, как массивные взрывоупорные ворота, которые открывались в длинный туннель, позволявший Бэтмобилю въезжать и выезжать незамеченным; потайные двери ангара, замаскированные в склоне холма неподалеку от Уэйн Манор; тяжелые гидравлические лифты и широкие автоматические переворотные столы для Бэтмобилей, Бэткоптера и Бэтоплана. Для строительства подобных элементов конструкции необходимо было нанять дополнительную рабочую силу. Поэтому для сохранения секретов Бэткейва, Брюс и Альфред выработали такие изощренные меры предосторожности, с какими могли бы соперничать лишь ухищрения фараонов при возведении знаменитых гробниц.

Рабочих вербовали на Дальнем Востоке из строительных компаний, которыми владело предприятие УэйнТек Ентерпрайзес, через подставные корпорации. Найм рабочих был так ловко организован, что докопаться до сути дела было практически невозможно, даже если бы кто-то знал, откуда начать. Каждый претендент подвергался изнурительным проверкам на пригодность с точки зрения безопасности, никто из них не говорил по-английски. Их набирали на Востоке и переправляли за границу на частных самолетах, взлетавших с укромных аэродромов. Никто из претендентов даже смутно не догадывался о месте назначения, но каждому заплатили целое состояние за работу и за молчание. Но даже если бы они нарушили данное обещание держать язык за зубами, рассказать они смогли бы очень мало.

По условию контракта, на который они безоговорочно согласились, все рабочие находились под действием седативных препаратов на протяжении всего путешествия, поэтому они даже не имели представления, сколько длится перелет. Всю дорогу Альфред тщательно следил за их состоянием. Самолет, на котором они прибыли, приземлился на уединенном частном аэродроме. В ту же минуту его загнали в ангар, где усыпленную рабочую силу бережно перенесли в два полностью закрытых фургона. Альфред сел за руль первого, а Брюс — второго грузовика. Так нанятых рабочих переправили в Бэткейв. Они очутились в пещере, не имея ни малейшего представления, где находятся. Они не знали ни в какую страну их привезли, ни в какой части света она находилась, ни даже был ли снаружи день или ночь.

Никто из них ни разу не видел Бэтмэна. Во время строительных работ за ними присматривали Альфред Пенниворт, до неузнаваемости изменивший свое лицо, и Брюс Уэйн, загримированный под «Мэтчез» Малоне — известного гангстера; его кличку и внешность Брюс принял после того, как настоящий Малоне был убит. Все необходимое оборудование и продовольствие было приобретено заранее через компании, принадлежащие УэйнТек, и на время строительства рабочих разместили со всеми необходимыми удобствами прямо в Бэткейве. На поверхность они выходили только два раза, когда устанавливали двери ангара и взрывоупорные ворота туннеля. В обоих случаях работы проводились ночью, с освещением лишь места строительства, так что завербованные на работу практически ничего не смогли бы рассказать об окрестностях поместья. Когда работы были закончены, рабочих отправили на родину тем же путем, каким их доставили в Уэйн Манор. Многие были убеждены, что участвовали в каком-то секретном военном проекте. Впрочем, им заплатили более чем достаточно, чтобы утолить их любопытство.

Когда основная часть проектной работы была завершена, Брюсу Уэйну и Альфреду Пенниворту оставалось лишь нанести последние штрихи. Вдвоем они установили и отладили современную компьютерную систему, построили ремонтную мастерскую и лабораторию с новейшими сложными приборами, закупленными через Уэйн Тек и его филиалы; а также оборудовали гимнастический зал со спортивными снарядами, штангами и комплексами для работы с весом, которые должны были помогать Бэтмэну всегда быть в хорошей форме. На все это ушло много времени и потом, с течением лет, структура и оборудование Бэткейва постоянно модернизировалось в целях приведения его в соответствовиь потребностям хозяина.

В конце концов осталась последняя проблема, которую необходимо было решить. Само существование пещеры и того, что в ней находилось, должно было оставаться в тайне. Брюс помнил, как отец рассказывал ему, что о пещерах под Уэйн Манор знали очень немногие. Томас Уэйн, хотя и преуспевал в качестве блестящего хирурга, отнюдь не себе был обязан высоким положением в обществе и семейным благосостоянием. Род Уэйнов по официальным спискам переписи населения относился к одному из самых древних. Его происхождение можно было проследить вплоть до Отцов-Пилигримов «Мейфлауэра»[1]. Уэйны собирали свое состояние в течение многих лет. Их имение передавалось по наследству из поколения в поколение. И из поколения в поколение Уэйны тщательно охраняли свою частную собственность.

Очевидно, кто-то из первых членов семьи обнаружил пещ-

1 «Майский цветок» — корабль, на котором группа английских переселенцев-пуритан прибыла в 1620 году в Северную Америку и основала поселение Новый Плимут

еру и впоследствии исследовал ее. Но молодой Эндрю Уэйн IY, потомок «Дикого Антони» — известного генерала Войны за освобождение — погиб во время осмотра нижних проходов подземного лабиринта. Случайно споткнувшись, он провалился в глубокую трещину. Запись этой истории сохранилась в фамильных архивах. Как объяснил Томас Уэйн своему сыну, с тех давних пор семья держала в секрете существование пещеры, опасаясь, что широкая известность катакомб привлечет не только геологов-специалистов, но спелеологов-любителей, не говоря уже о местных ребятишках, и кого-нибудь из них может постигнуть трагическая судьба Эндрю Уэйна.

— Пещеры очень опасны, Брюс, — говорил ему отец, — и мы должны быть уверены, что никто не знает о них, для того чтобы никто другой не пострадал или даже не погиб, лазая по подземельям.

Но что, если где-то существуют записи об открытии системы подземных туннелей? Что, если когда-то, в прошлом, было произведено геологическое исследование? Брюсу Уэйну необходимо было знать доподлинно, что нигде не сохранилось информации, могущей рассекретить существование Бэткейва. Кропотливо перерыв с помощью двух своих компьютерных систем публичные, правительственные и университетские библиотеки, он наконец убедился, что записей о пещерах под Уэйн Манор нигде не существует.

Сейчас, когда он вошел в комнату центрального управления, он был в нерушимой безопасности своих владений. Как только он спустился в Бэткейв, его манеры моментально изменились. Небрежно-безразличная вялая походка Брюса Уэйна превратилась в прямую, совершенную осадку Бэтмэна, который двигался с гибкой грацией и пружинистым напряжением атлета. Это не было сознательным изменением, но в чем-то что стало его второй натурой. Брюс Уэйн и Бэтмэн были абсолютно разными личностями; одна — тщательно отделанный фасад, другая — внутренне убежденный в своей правоте человек, которого очень немногие когда-либо узнают до конца.

Он проверил оборудование, перехватывающее радиопереговоры полиции, и убедился, что позывные «Машина 13» уже выходили в эфир. «Машина 13» в комбинации с сигналом сигаретой, который использовал Гордон, зная, что Бэтмэн всегда смотрит новости, могла означать только одно. Пользуясь случаем, Гордон подал свой сигнал сразу после едкого выступления Энрике Васкеса, объявившего о телефонном разговоре со Спектром, которому приписывали убийство агентов ФБР и, возможно, смерть Марсии Дэвенпорт, «государственной служащей», являющейся, судя по всему, агентом либо ФБР, либо ЦРУ, как и утверждали газетчики. Вызов «Машины 13» также последовал вскоре после событий у полицейского департамента. Для Бэтмэна это значило, что Гордон, вероятно, уже знал о Спектре, когда Энрике Васкес заявил во всеуслышание об этой загадочной личности. Другими словами, существование Спектра было правдой.

Бэтмэн сел за клавиатуру компьютера. Отсюда он мог получить доступ к любым банкам данных почти во всех частях света. И у него самого была значительная картотека. Уэйн Тек производило электронное оборудование и программное обеспечение к ним для одной из самых многонациональных корпораций в мире. Компьютерные хэкеры[1] с каждым годом становились все более и более изощренными, и компьютерные преступления давно стали всемирной проблемой. УэйнТек создавало современные защитные программы, которые фактически были недоступны для компьютерных пиратов. Секретные коды, глубоко запрятанные в системе, давали Бэтмэну доступ в недра банков данных. А пробраться во все остальные хранилища информации, не защищенные специальными программами УэйнТек, было для Бэтмэна сущим пустяком. Имей он на то желание, и он стал бы величайшим компьютерным преступником во всем мире, но его глубокие знания подкреплялись сильным чувством ответственности и строгостью моральных убеждений.

Для начала он проверил собственный банк данных в поисках любого упоминания «Спектр», но, как и следовало ожидать, он вышел с пустыми руками. Ничего удивительного, поскольку он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь слышал о ком-то, кто называл бы себя Спектром, и поэтому Брюс никогда не вводил в свою систему подобной информации. Затем он набрал серию команд и ввел программу поиска данных в архивах ФБР, ЦРУ, УНБ[2], Британской MI-6, Израильского Моссада и Интерпола, где, наиболее вероятно, хранилась информация о международных террористах и наемных убийцах. Единственное, что его огорчало, — это невозможность добраться до архивов КГБ, и не потому, что русские были слишком умные, а потому, что их системы хранения подобных материалов были безнадежно устарелыми. Самые изощренные компьютерные программы в мире не смогут открыть ящик письменного стола.

Команды были введены, а программа запущена, и теперь ничего не оставалось, кроме как откинуться на спинку кресла и терпеливо ждать. Чтобы получить ответ, требовалось некоторое время. В ближайшем будущем Брюс надеялся поднять свое оснащение на более высокий уровень, установив оптическую компьютерную систему, основанную не на электронах, а на фотонах. Поиск информации проходил бы со скоростью света.

1 Специалисты высокого уровня по компьютерным системам, способные пробираться сквозь защитные программы и добывать секретную информацию.

2 Управление Национальной Безопасности.

В данный момент УэйнТек как раз работало над прототипом подобной системы, но до тех пор, пока технология не получит широкого распространения, даже Брюсу Уэйну придется тратить время на ожидание результатов поиска, с трудом продвигающегося по сильно разветвленным хранилищам информации. Пройдет, по крайней мере, несколько часов, прежде чем Бэтмэн сможет встретиться с Джимом Гордоном.

Если Спектр на самом деле существовал, а все указывало, что так и было, тогда, кто бы он ни был, он был либо хорошо осведомлен о событиях и знаменитостях в Готем-Сити; либо знал кого-то, кто мог снабдить его необходимыми данными. Если он хотел заявить о себе через средства массовой информации, он не нашел бы лучшего посланника, нежели Энрике Васкес. Самоуверенно дерзкий, петушиного склада характера человек, Васкес начинал репортером криминальных новостей. Он в значительной степени сделал часть карьеры «на улицах» и на своем знании преступного мира. Он вносил в свои репортажи уличный аромат, а свою смелость — некоторые называли это безрассудством — в порой опасные поиски сюжетов, что в сочетании с его красивым смуглым лицом вскоре сделало его хорошо известной фигурой. Он выбрал для себя узкую тематику, но его главной специализацией, похоже, был вопрос личной славы и поэтому никогда не упускал счастливой случайности сорвать хороший куш на сенсации, которая продвинет его по службе, часто не обращая внимания на обстоятельства. Ответственный журналист, получив подобный звонок, в первую очередь связался бы с полицией и попытался проверить, существует ли реальная угроза или просто какой-то идиот добивается широкой известности. А Васкес, не задумываясь, выступил перед камерой, в той характерной для него манере, которая принесет максимум славы. Кем бы ни был Спектр, он играл с репортером, словно кошка с рыбкой.

Из всех преступлений от терроризма защититься сложнее всего. Действовал ли Спектр один или он был частью какой-то организации? Бэтмэн ни разу не слышал об организации, известной как Спектр. Похожее название упоминалось в романе Яна Флеминга, но то было фантастикой. А этот Спектр звучал даже слишком реально. Послание же, зачитанное Васкесом, говорило в пользу того, что Спектр был одиночкой. Однако Бэтмэн не собирался черпать информацию от кого-либо, как Энрике Васкес.

Пока он ожидал поступления данных, он пересел за клавиатуру другого компьютера и начал вводить команды. Хуже не будет, если он точно выяснит, в какой именно ветви государственных служб работала Марсия Дэвенпорт. Из-за раскинувшей длинные щупальца государственной бюрократии, на решение этой задачи ушла бы уйма времени. Но Бэтмэн положился на интуицию. ФБР, за исключением случаев особых секретных заданий, не утруждало себя сокрытием личности своих агентов. Это было больше похоже на ЦРУ. Добраться до документации личного состава было относительно простым делом. Бинго, Дэвенпорт, Марсия Анна. Номер социального страхования, фотография, личные данные. Аналитик разведки. Допуск к шестому уровню секретной информации.

Интересно. Совсем не тот тип людей, кого ЦРУ использовало для выездных работ. С другой стороны, человек с доступом к такой информации, с какой она работала каждый день, предположительно мог решиться подзаработать немного денег на стороне, продавая эти данные. А если Марсию Дэвенпорт подозревали в разбазаривании секретов, вполне понятно, что ею заинтересовалось ФБР. Но что она делала в Готем-Сити? Ведь основным местом ее службы был Вашингтон. Зачем приезжать в Готем-Сити, когда для тайных встреч с персоналом иностранных посольств и передачи шпионской информации вполне годилась национальная столица? Если только ее присутствие в Готеме было связано далеко не с продажей информации.

На дисплее другого компьютера начали поступать новые данные, запрошенные ранее. В течение секунд Бэтмэн располагал, в сущности, той же самой информацией, что содержалась в рапорте, который Чэмберс показывал Джиму Гордону. И кое-что в придачу. Активность Спектра была хорошо известна Британской MI-6. А также Моссаду, Интерполу, французской разведке и, конечно, ЦРУ. Кем бы он ни был, Спектр, похоже, ограничивал свою деятельность в основном территорией Европейского континента, Британских островов и Среднего Востока. И кто-бы он ни был, он определенно относился к профи. Профи, который так хорошо разбирался в своей работе, что о нем практически ничего не было известно. Он часто менял имена. Он был словно привидение. Где бы он ни появлялся, везде начинались смерть и разрушения, а потом он бесследно исчезал.

Очевидно, это был его первый визит в Америку. И, судя по результатам его пребывания в других частях света, месть скоро объявит о его появлении.

Это была маленькая квартирка на четвертом этаже дома без лифта. То, что называется «железнодорожные апартаменты» — все комнаты располагались в один ряд, от внутреннего коридора до наружной стены. Холл из прихожей вел на кухню. Сводчатые двери раскрывались в гостиную, к которой примыкала ванная комната. А из гостиной можно было пройти в спальню, оба окна которой выходили на пожарную лестницу.

Попасть на крышу было очень легко — либо взобравшись по пожарной лестнице, либо поднявшись на один пролет по лестнице внутри здания. А там можно без труда перебраться на крыши примыкающих домов. Конечно, с точки зрения безопасности, не самое лучшее место в мире, но вполне пригодное на первое время.

Он ответил на объявление в «Голосе Готема» и переснял у парочки музыкантов небольшую квартиру в Вилладж, которую те арендовали на двоих у владельца дома. Их группа отправлялась в турне на ближайшие шесть месяцев, и, так как у них было мало времени, они были рады найти квартиросъемщика, особенно если бы он согласился заплатить наличными за ренту на шесть месяцев вперед и за возможный ущерб имуществу.

Он сказал им, что работает в Лондоне ассистентом у независимого кинопродюсера и для фильма, который они готовят к прокату, понадобятся несколько съемок в Штатах. Он приехал в город заранее, чтобы все приготовить: осмотреть имеющиеся съемочные площадки, получить разрешение на фильм и т.д. У него было много работы, и он не хотел бы, чтобы ему досаждали бесконечными визитами мечтающие о карьере кинозвезды и выпрашивали роль в фильме. Поэтому он намекнул им, что если они воздержатся от упоминания о нем в разговорах, то когда они вернутся с гастролей, у него, возможно, найдется для них небольшая работа и они смогут записать часть музыки к фильму.

Музыканты заверили его, что будут самим благоразумием. А если они до отъезда могут что-нибудь сделать для него, чтобы облегчить ему жизнь — подыскать подходящую женскую компанию, например, или свести с порядочным торговцем наркотиков, — ему нужно только намекнуть. Он вежливо отказался, сказав, что, может быть, когда они вернутся... А сейчас у него много хлопот и крайне мало времени будет для себя самого. Но когда они приедут с гастролей, а он закончит со всеми приготовлениями к съемкам, вот тогда наступит самое подходящее время для вечеринки.

Первое, что он сделал, оставшись один, — врезал новые замки. Музыканты были беззаботными парнями, и кто его знает, кому они могли давать ключи. Затем он для пущей убедительности проверил, отключен ли телефон. Он не собирался звонить в телефонную компанию и возобновлять заказ на номер. Все звонки он будет делать исключительно из уличных телефонов-автоматов, причем никогда из одного и того же места. После этого он начал подбирать все, что ему требовалось. Большую часть необходимого он приобрел в разных крупных универмагах Готем-Сити, тщательно распределяя покупки таким образом, чтобы они выглядели совершенно безобидными. А остальное он раздобыл, взламывая по ночам

двери магазинов строительных компаний, которые заранее отыскал по телефонной книге. Он старательно и методично обдумывал все детали, ни разу не допуская промахов. Когда все нужное было под рукой, он позвонил репортеру в редакцию ТВ-новостей. К тому времени он уже выбрал мишень своей первой акции и сделал все приготовления.

Он не сомневался, что постепенно они уступят его требованиям и освободят генерала Гарсиа. В конце концов, это американцы, а не израильтяне или британцы, которые в таких делах были куда более принципиальны. Американцы — мягкотелы. Они шумные, задиристые и любят демонстрировать крутые мышцы. Они хороши, когда нанимают других, если дело доходит до драки, или когда захватывают население мелких островов, но как только их собственному комфорту и безопасности угрожает домоклов меч, они становятся бесхребетными. Они будут вести переговоры и тянуть время, надеясь, что кризис как-нибудь разрешится сам по себе. И под конец, если не смогут добиться желаемого результата, они уступят. В этом деле его самым опасным оружием будут сами американцы и в первую очередь их средства массовой информации. Но сначала он даст им почувствовать свое присутствие.

Первый акт станет демонстрацией серьезности его намерений. А затем последует второй, и третий, и четвертый, назначенные и исполненные таким образом, чтобы обеспечить максимальное воздействие. И вскоре население будет громко требовать освобождения Гарсиа. А между тем облеченные властью будут визжать, топать ногами, как штурмовики ботфортами, — много шума и никакого эффекта, а в ответных мерах они будут непоследовательны и делать ошибки. Ошибки, которые он превратит в свое преимущество. На самом деле, он еще даже не приступил к выполнению своего плана, а они уже совершили одну очень большую оплошность.

Он смотрел новости, чтобы убедиться в оглашении своего заявления. Репортер, которого порекомендовал посол, будет очень полезным. Тщеславие превратит его в идеальную пешку.

Он рассчитывал спровоцировать давление на ФБР, позволив им обнаружить тело Марсии. Как он и предполагал, это раскрыло им глаза на то, что их секретность была под сомнением. Теперь они запаникуют и моментально начнут менять все приготовления. Немного везения, и в спешке они наверняка допустят хоть какую-то ошибку, которая выдаст их с головой, потому что Марсия, к сожалению, не смогла выяснить, где содержится государственный свидетель.

Она лишь убедилась, что действительно существует свидетель, которого ФБР довольно смутно упоминало под псевдонимом «Сонгберд»[1]. Ей также удалось выяснить, какого рода

1 Певчая птичка (*англ.*).

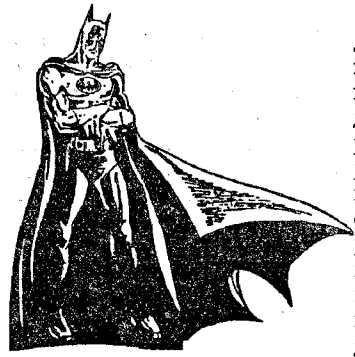
показания он согласился дать взамен на помилование и переселение по федеральной программе защиты свидетеля. Но, ступая по этой опасной тропинке, она где-то споткнулась и выдала свое руководство до того, как успела узнать, где прячут свидетеля. Она была напугана, и он знал, что Марсия чуть ли не собиралась исчезнуть. Она перестала быть полезной и превратилась в обузу. Было необходимо ее убрать, впрочем, он с самого начала предвидел это, но из-за того, что она не смогла собрать всю необходимую информацию, возникли некоторые затруднения. Зато американская пресса чуть ли не протянула ему необходимые данные прямо на блюдечке.

Комиссар полиции Гордон мог быть превосходным администратором, но лжец из него вышел никудышный. Когда репортеры засыпали его вопросами, собирается ли полиция взять на себя опеку над свидетелем, жесты и выражение лица мгновенно его выдали. Скорее всего, кто-нибудь из ФБР или полицейского департамента сболтнул лишнего. Или газетчики сами догадались о такой возможности. Так или иначе, но реакция Гордона на этот вопрос была абсолютно ясной. Он попытался это скрыть, но из этого не вышло ничего хорошего.

В этом был здравый смысл. Американское ЦРУ всегда одолевали навязчивые идеи секретности, особенно, учитывая открытую природу здешнего общества. И было общеизвестно, что не в их привычках рассказывать ФБР, чем они занимаются. Два агентства всегда соперничали. Между ними никогда не было теплых отношений. Узнав, что двуличность ЦРУ поставила операцию под угрозу, для ФБР было бы логично предпринять шаги по обеспечению безопасности свидетеля, который был под их протекцией. А что может быть лучше, как позволить полиции Готем-Сити взять на себя опеку над свидетелем? В конце концов, это их город, и с их опытом борьбы против организованной преступности, и системой помилования в обмен на информацию, у них наверняка имелись засекреченные, безопасные явки. Явки, о которых ни ЦРУ, ни ФБР ничего не знали. Это было эффектным способом избежать утечки информации, в том числе из своей собственной организации. А если со свидетелем что-нибудь случится, вина падет не на них, а на полицию Готема. Да, в этом был здравый смысл.

И это было ему на руку. Одновременно он заставит американское правительство освободить Гарсиа и избавить генерала от опасного свидетеля. Это будет аккуратным и выгодным дельцем, которое безмерно повысит его состояние. А сейчас он сфокусирует все свое внимание на комиссаре полиции Джиме Гордоне.

Уже была почти полночь, когда Джим Гордон въехал на обзорную площадку неподалеку от поворота к Приюту Аркхама. Это было в двух минутах езды от города — через мост, а потом по шоссе вдоль реки. За мостом кирпич и бетон громады Готем-Сити уступили место лесистым окрестностям. В утренние и вечерние часы пик иногородние, получившие работу в городе, буквально душили трассу, но во все остальное время движение было слабым, а в этот поздний час и подавно — машин почти не было. Свернув с Северного шоссе, он проехал несколько миль вперед, оставив за спиной ночное движение. Дорога тянулась вдоль поросших лесом крутых берегов Готем-Ривер и вливалась в живописную смотровую площадку, с которой как на ладони был виден Готем-Бридж[1], а за ним, через реку — мерцание городских огней.

Порой здесь можно было встретить парочку молодых влюбленных, ищущих уединения, но нет ничего проще, чем сверкнуть полицейской бляхой и попросить их поискать другое место. Впрочем, на этот раз усыпанная щебнем обзорная площадка оказалась безлюдной. Примерно в миле дальше по дороге был поворот налево, к Приюту Аркхама. Эта лечебница для умалишенных преступников располагалась на территории старого поместья, а присутствие подобного учреждения предотвратило развитие жилищного строительства в этом районе. Никто не желал селиться по соседству. Это было одно из самых уединенных мест, какое только можно найти.

Он припарковал машину, вылез на свежий воздух и раскурил трубку. Затянувшись, он озабоченно посмотрел на далекий город за рекой. Где-то там, думал он, разгуливает на свободе международный террорист, безжалостный наемный убийца, оставивший за собой цепочку кровавых следов по всей Европе. Как бы ему хотелось, чтобы эта цепочка оборвалась здесь, в Готем-Сити. Но для того, чтобы действительность соответствовала желаниям, ему необходима помощь.

Через некоторое время он услышал шум приближающейся

1 Название моста через реку Готем-Ривер на окраине Готем-Сити.

автомашины. Только это была не просто автомашина. Глухой, высокий вой ее двигателей не имел ничего общего с ревом автомобилей, когда-либо покидавших сборочные линии Хамаматцу или Детройта. Это мог быть только Бэтмобиль.

Гордон обернулся и увидел, как он въезжает на площадку. Это было последнее воплощением Бэтмобиля: узкий и черный, как все предыдущие, но меньший по габаритам и с аэродинамически-обтекаемой формой. Кузов представлял собой смесь Феррари F 40 и Ламборгини Дьяболо — двух самых экзотических моделей в мире, но Бэтмобиль дал бы им сто очков вперед. К тому же он был оборудован «дополнительными удобствами», о каких фанатичные поклонники Феррари могут только мечтать. Даже оставаясь на месте, он казался космической ракетой, а когда ее водитель утапливал акселератор в пол, ускорение вдавливало тело в эргономическое сиденье, как будто вы космонавт, взлетающий с мыса Канаверал.

Дверь распахнулась и Рыцарь в накидке вышел из машины, растворившись в темноте словно тень. Гордон не мог его ясно разглядеть, пока тот не подошел почти вплотную.

— Вы хотели видеть меня, Джим, — сказал низкий знакомый голос.

Как всегда Гордон терялся в присутствии этого человека. В Бэтмэне было шесть футов, два дюйма росту, и весил он около двухсот сорока фунтов, из которых ни унции жира. По комплекции он походил на чемпиона по бодибилдингу. Но дело было не только в размерах, но и в том, как он держал себя, как двигался и как говорил. Все связанное с ним производило впечатление повелительной уверенности в себе, которая еще больше подчеркивалась его театральным костюмом. Его голос обладал звучностью и тембром. Он двигался с предельной скупостью движений, без ерзанья и неуклюжести, которые свойственны большинству людей. Глядя на него, можно было представить идеал полного самообладания. И было почти невозможно находиться с ним рядом и не чувствовать некое подобие ужаса.

— Я боялся, что вы не придете, — сказал Гордон.

— Я когда-нибудь подводил вас?

— Нет, — ответил Гордон, — ни разу. Но каждый раз я говорю себе, что если на этот раз он не придет?

— Ради вас, Джим, я всегда приду. И вы это знаете. Вы хотели поговорить о Спектре, не так ли?

— Вы знаете о нем?

— Еще несколько часов назад я о нем даже не слышал, — ответил Бэтмэн, — но мне пришлось пройти интенсивный курс обучения. И то, что я узнал, очень меня встревожило.

— Как много вы знаете? — спросил Гордон.

— По крайней мере не меньше вашего, а может быть, и больше, — ответил Бэтмэн. — К сожалению, все это бесполезно. Кто бы ни был этот Спектр, он хорошо заметает следы. Похоже, он непревзойденный профессионал. Холодный, расчетливый и крайне безжалостный.

— Таково было и мое впечатление, когда я увидел документы ЦРУ по его делу, — сказал Гордон. — Мы должны остановить его. Любыми средствами. Я надеялся, что смогу рассчитывать на вашу помощь.

— Считайте, что мое согласие у вас в кармане, — сказал Бэтмэн. — Но боюсь, на данный момент мы мало что можем изменить. — Он тяжело вздохнул и посмотрел на виднеющийся вдали город. — Погибнут невинные люди, Джим.

— Я организовал спецгруппу, — сказал Гордон, — консультантом которой будет агент Чэмберс. Он один из тех, кому поручено обеспечивать секретность по делу Гарсиа.

—Да, я знаю, — сказал Бэтмэн. — Я думаю, вам стоит связаться с разведывательными управлениями тех стран, в которых Спектр действовал ранее. Возможно, у них есть более компетентные в этой области специалисты. Я ничего не имею против Чэмберса, я просто его не знаю, но у него нет никакого опыта со Спектром. Может быть, кто-нибудь из MI-6 или Моссада...

— Я уже предпринял такие шаги, — сказал Гордон, — но бюрократическая волокита и все такое... на это уйдет много времени. А время — это как раз то, чего у нас нет. Он дал правительству двадцать четыре часа... это крайний срок, чтобы освободить Гарсиа, а потом... ну, что последует в противном случае и так понятно.

Бэтмэн кивнул.

— Он попытается устроить театральное представление, что-то такое, что вселит ужас в жителей Готем-Сити, и силой заставит их понять, насколько они уязвимы. Скорее всего это будет бомба.

— Да, но где?! — беспомощно воскликнул Гордон.

— Где угодно, но там, где взрыв принесет максимальный ущерб, — с уверенностью сказал Бэтмэн, — и унесет значительное количество жизней. К несчастью, это может случиться в любом месте Готема. Вот, черт возьми, что делает терроризм терроризмом. От него практически невозможно защититься.

— Я знаю, — поникнув головой сказал Гордон. — Эта мысль, что менее чем через двадцать четыре часа... — голос его оборвался. — Скорее всего он уже заложил первую бомбу. И она может быть где угодно. Где угодно...

— Но это еще не все, что меня беспокоит, — сказал Бэтмэн. — Вы сами в опасности, Джим.

— Я?

— Если вы возьмете на себя опеку над государственным свидетелем, — сказал Бэтмэн, — Спектр начнет охоту на вас.

— Пусть попробует, — сказал Гордон с твердой решимостью в голосе.

— Дело не только в вас самом, Джим, — объяснил Бэтмэн. — У вас есть семья. Возможно, Спектр попытается добраться до вас через них.

Гордон побледнел.

— Боже мой. Я не подумал об этом, — простонал он.

— У меня есть одна идея, — сказал Бэтмэн. — Идея, которая отведет от вас опасность и, кто знает, может быть, отобьет у Спектра охоту стараться. Отдайте свидетеля мне.

— Вам? — удивленно переспросил Гордон.

— Верно. Вам не удастся найти более надежного места, чем Бэткейв, чтобы спрятать государственного свидетеля.

— Это невозможно, — сказал Гордон, качая головой. — Чэмберс никогда на это не согласится. Он и так многим рискует, отдавая нам свидетеля. Он, вероятно, получит строгий выговор от своего шефа в Бюро, и он знает об этом. Но его прижали к стене. Он не может рисковать свидетелем. Его даже беспокоило ваше присутствие в городе! И если я возьму все на себя и передам вам свидетеля, это будет стоить мне работы. Моя карьера закончится, если кто-нибудь просто заподозрит, что мы работаем вместе, не то что...

— Вы не должны передавать мне свидетеля, Джим, — прервал его Бэтмэн. — Никто не просит у вас официального разрешения.

— Не понимаю...

— Поправьте, если я ошибусь, — начал Бэтмэн, — но без этого свидетеля правительство не сможет обвинить Гарсиа в заговоре против членов ООН, и дело против него примет другой оборот. По-видимому, его все равно осудят, но без солидных доказательств, и правительство окажется на шаткой почве. Поэтому, если Спектру удастся убрать свидетеля, а террористическими акциями надавить на правительство, требуя освобождения Гарсиа, возможно, у них не останется выбора.

— Вероятно, так и будет, — сказал Гордон. — Но как вы...

— Выслушайте меня до конца, — остановил его Бэтмэн. — Вам придется перевозить свидетеля на другую конспиративную квартиру, но вы заранее сообщите мне место и дату. Я инсценирую нападение и похищу свидетеля.

— Нет, ни в коем случае! — воскликнул Гордон. — Я не могу этого допустить. Вы совершите похищение государственного свидетеля! И по вашему следу пойдет не только полиция, но и ФБР! Кроме того, проводить операцию будут мои самые лучшие люди. Если мы не посвятим их в наш план, риск для вас будет очень высоким.

— Нет, мы не будем искушать судьбу, — сказал Бэтмэн. — Когда ваших людей будут допрашивать федеральные власти — а вы можете быть уверены, что их будут допрашивать, а возможно, даже подвергнут испытанию детектором лжи - они должны правдиво отвечать, что не причастны к похищению. А это, естественно, означает риск, но я не вижу другого выхода. Я, конечно, прослежу, чтобы никто из них не пострадал, и сделаю все возможное, чтобы они не смогли мне помешать. Необходимо все тщательно продумать и правильно рассчитать время; но если мне удастся застать их врасплох, дело может выгореть.

Гордон покачал головой.

— Ничего не выйдет, — сказал он. — Мои парни знают свою работу. Кроме того, что вы рискуете собой, есть еще кое-что... Ведь я-то знаю о нашем уговоре, и меня тоже будут допрашивать. А если мне предложат пройти детектор лжи и я откажусь...

— Но вы не откажетесь, — сказал Бэтмэн. — Правда, вы будете даже настаивать.

Гордон непонимающе уставился на него.

— Должно быть, вы шутите. Каким образом, черт возьми, я могу перехитрить детектор лжи?

— Очень просто. Вы будете говорить правду. Я дам вам постгипнотическое внушение забыть наш разговор после того, как вы расскажете мне детали плана перевода свидетеля, — объяснил Бэтмэн. — Я похищу свидетеля, а потом свяжусь со средствами массовой информации и объясню, почему я так поступил. Они напечатают мои слова на первой полосе, а это как раз то, что нам нужно.

— Но почему?

— Из того, что я знаю о Спектре, — сказал Бэтмэн, — легко предположить, что он убийца, который гордится своим профессионализмом. Его modus operandi[1], его театральное имя, фирменное оружие для выполнения «контрактов», заявление о своих намерениях через прессу и телевидение, все это говорит о высокой степени тщеславия. Похитив государственного свидетеля, и публично приняв на себя ответственность, я кину ему в лицо перчатку. Я хочу приманить его, Джим, и заставить сфокусировать на мне всю его деятельность. Скорее всего это не предотвратит террористические акции против населения города. Но мы столкнем Спектра с выбранного пути. Это заставит его включить меня в уравнение. А между тем я сделаю все, что в моих силах, чтобы отыскать его.

Гордон облизнул пересохшие губы.

1 Образ действия (*лат.*).

— Черт, это может сработать, — сказал он. — Но до сих пор вы пользовались массовой поддержкой в этом городе. Похищение может все изменить. Вы совершите государственное преступление, а возвращения назад уже не будет.

— Возможно, так — сказал Бэтмэн, — а может быть, и нет. Я собираюсь вовремя доставить свидетеля в зал суда. А с осужденным Гарсиа и арестованным Спектром есть шанс, что ФБР откажется от обвинения против меня. Я полагаю, все зависит от того, сработает наш план или нет, не так ли? Кроме того, у вас есть идеи получше?

Гордон усмехнулся.

— Нет. Мне грустно в этом признаваться, но мне ничего не приходит в голову. — Он глубоко вздохнул. — Ну, хорошо. Я только надеюсь, что вы знаете, на что идете. Я молю бога, чтобы это сработало, потому что времени у нас слишком мало. Мы повезем свидетеля рано утром. Вот как мы рассчитывали это сделать...

Рассвет не взошел над Готем-Сити как обычно. Он тихо подкрался. Как усталый путник посреди ночи, новый день, казалось, колебался в нерешительности перед тем, как осмелился озарить город лучами, словно посматривая, чист ли горизонт. Небо снаружи только начало сереть, когда сержанты Дик Мэллори и Рик Ронделл спустились по внутренней лестнице в подземный гараж и тщательно проверили каждый уголок. Внешне они выглядели как обычные бизнесмены из Готем-Сити, но если знать, что имелось у каждого под пиджаком, их можно было смело назвать ходячим арсеналом.

У того и другого под мышкой оттопыривалась облегченная нейлоновая кобура, у Ронделла в ней покоился австрийский полуавтоматический пистолет, сконструированный из пластика и стали, с обоймой на семнадцать 9 мм патронов, а Мэллори предпочитал американский полуавтоматический четырнадцатизарядный. С другой стороны кобуры свисали маленькие кармашки на две запасные обоймы. Сзади, в пристегнутой к поясу кобуре, у каждого лежал дополнительный резервный пистолет. Оба были мастерами боевых искусств, каждый имел при себе буковые нунчаки, соединенные прочной металлической цепочкой. Одну деревянную часть восточного оружия они пропустили в рукав пиджака, а другая — свободно болталась под мышкой, так что их в любой момент можно было выхватить и быстро пустить в ход. Ронделл, так же как и Мэллори, в одной руке держал рацию двусторонней связи, а в другой сжимал 45 калиберный мини-автомат. Они были готовы встретиться с кем угодно или с чем угодно.

Ронделл поднес к губам рацию.

— О'кей, — сказал он, — похоже, все чисто. Мы сейчас подгоним фургон. Будьте готовы.

— Понял, — послышался ответ.

Он занял позицию у лифта, стоя с автоматом наготове — с взведенным затвором, досланным патроном и снятым предохранителем. Мэллори прошел в центр подземного гаража к темно-зеленому фургону грузовика, бока которого были разрисованы фиалками с именем торговца цветами. С мини-автоматом в руке Мэллори пошел не к двери водителя, а прежде осмотрел задние дверцы фургона. Повернув ключом в замке, он рывком распахнул двери и отступил назад, чтобы лучше оглядеть кузов. Убедившись, что фургон пуст, он махнул Ронделлу. Когда Ронделл подошел, и приготовился прикрывать его, Мэллори опустился на четвереньки, затем перевернулся на спину и проскользнул под грузовик, тщательно обследовав днище. Выбравшись из-под фургона, он подошел к радиатору. Мэллори поднял капот и проверил двигатель. Удостоверившись, что за ночь никто не оставил им сюрпризов, он под прикрытием Ронделла методично осмотрел кабину. Убедившись в безопасности, он высунул голову и кивнул Ронделлу. Тот вернулся к лифту. Пока Мэллори выезжал задом со стоянки, Ронделл проговорил в рацию...

— О'кей, мы готовы.

— Понял. Мы спускаемся, ждите.

Пока Мэллори подгонял грузовик к дверям лифта, Ронделл стоял с автоматом в руках, каждую секунду готовый открыть огонь.

Наверху, на пятнадцатом этаже шикарного, тщательно охраняемого здания, детектив-лейтенант Стив Кармен повернулся к Чэмберсу.

— О'кей, самое время двигаться.

Детектив сержант Росс Хайнцельман первым вышел из апартаментов, прошелся по коридору в обоих направлениях, а потом направился к лифту. Его полуавтоматический .45 покачивался на бедре. В этот час жильцы дома еще крепко спали в своих удобных постелях. Ни один из них не догадывался, что в номере посреди коридора расположилась группа агентов ФБР с государственным свидетелем. Насколько они знали, апартаменты принадлежали крупной корпорации Готем-Сити, которая арендовала их для размещения важных посетителей.

Кармен следил из-за двери, как Хайнцельман подошел к лифту. Вызывать лифт не было никакой необходимости. Ронделл и Мэллори уже сделали это, перед тем как спустились вниз по бесконечной лестнице небоскреба. Лифт ожидал их, двери были раскрыты. Кабину также обследовали. Ронделл даже взобрался на крышу лифта через люк в потолке и убедился, что за ночь там не появилось ничего лишнего, а трос в полном

порядке. Они не оставляли никакой возможности для покушения.

— Вы, ребята, кажется знаете свое дело, — восхищенно сказал Чэмберс Кармену.

— У нас достаточно опыта в такого рода мероприятиях, сэр, — ответил лейтенант Кармен. — Мафия очень активна в нашем городе. В свое время мы немало понянчились со свидетелями против крупных мафиози.

— Ну, с этой я вам не позавидую, — сказал Чэмберс. — Она — настоящее наказание.

Кармен криво улыбнулся.

— Нам и с такими приходилось справляться. О'кей. Пора трогаться.

— Приведите ее, — сказал Чэмберс.

Двое его подчиненных вышли из спальни с государственным свидетелем посредине. Судя по ее виду, не скажешь, что с ней будет так уж много неприятностей, думал Кармен. Хотя он уже видел достаточно признаков вспыльчивости ее характера, чтобы понять, какой «королевской колючкой» в заднице она может для них обернуться. Уж лучше бы она была мужчиной. С мужчинами всегда проще, их можно слегка поприжать, не очень сильно, но достаточно, чтобы припугнуть и поставить на свое место. С женщиной — все по-другому. С ней надо быть мягким и вежливым или на следующий же день за вас возьмется Департамент внутренних дел.

Выходя в гостиную, настроена она была не самым лучшим образом. Она упрямо дула губки и посмотривала на них вызывающе. Ей было лет двадцать шесть или двадцать семь. Хорошенькая девчушка, хотя она и не выбивалась из сил, чтобы подчеркнуть свою естественную красоту. Черные по плечи волосы были распущены, она почти не пользовалась косметикой. Ее наряд состоял из узких потертых джинс и невзрачной красной водолазки, а все это дополняли рокерская черная кожаная куртка и высокие ботинки. Другими словами, обычная маленькая хулиганка, каких часто встретишь в рок-клубах в Вилладж; днем они шатаются без дела, а каждую ночь толкутся под шумную музыку. Кармену с трудом верилось, что эта девчонка сможет в одиночку уложит на лопатки такого могущественного человека, как Дезидерио Гарсиа.

Впрочем, теперь Гарсиа больше не был таким могущественным. В своем тюремном комбинезоне он выглядел как любой другой зек. Снимите с него эту дурацкую униформу и «нацистскую» тюремную кепку с высокой тульей, да разные пестрые побрякушки — и что останется? Напуганный, маленький пятидесятивосьмилетний старик, одиноко томящийся под умопомрачительной охраной и проводящий время в размышлениях о своем грустном будущем в качестве трехсотфунтового татуированного сокамерника с пожизненным заключением по имени «Мэри». Незавидная участь для старого негодяя, подумал Кармен.

— Ладно, милая, пошли, — сказал он.

— Не называй меня милой, свинья, — огрызнулась девушка.

— Прошу прощения, мадам. Я не хотел вас обидеть.

— Ладно, уговорил. Прощаю.

— Не пройдете ли с нами?

— А у меня есть выбор?

— Я думаю, что нет. Буду вам очень признателен, если вы встанете между мной и детективом Крузом. Это для вашей же собственной безопасности.

— Как хотите, — сказала она, передернув плечами.

— Подождите, — остановил их Чэмберс, — вы уверены, что мне лучше... что мне не следует...

— Этот вопрос уже исчерпан, сэр, — сказал Кармен. — Комиссар дал нам строгое указание.

Чэмберс вздохнул.

— Хорошо. Но ради бога, будьте осторожней. Я только надеюсь, что не пожалею об этой затее.

— Мы хорошо о ней позаботимся, сэр, — он кивнул детективу Билли Крузу, и они вышли в коридор. Быстро пройдя по коридору под прикрытием Хайнцельмана, они вошли в лифт.

— О'кей, мы спускаемся в лифте, — сказал Кармен в рацию.

— Понял. У нас все готово.

Лифт начал спускаться.

Ронделл оставался у дверей с автоматом наготове, в то время как Мэллори сидел в фургоне с заведенным мотором. Мелодичный перезвон колокольчиков возвестил о прибытии лифта. Его двери открылись. Первое, что увидел Ронделл — распростертые на полу кабины тела Кармена, Хайнцельмана и Крузо. А свидетеля и след простыл.

— Боже мой! — воскликнул Ронделл. Он рванулся в лифт и склонился над телами трех офицеров, нащупывая пульс. Они были живы. Он ощутил легкий запах какого-то газа. И люк в потолке кабины лифта был открыт.

Мэллори, обогнув фургон, подбежал к лифту.

— Какого черта, что случилось?

— Нас обставили! — ответил Ронделл. — Быстро, подсади меня!

Мэллори соединил руки в замок и энергично помог Ронделлу протиснуться сквозь отверстие в потолке кабины. Ронделл забрался на крышу лифта и посмотрел вверх. Высоко над головой он заметил какое-то движение... развивающийся плащ...

— Не верю своим глазам! — выдохнул Ронделл. Он крикнул

вниз через люк: — Это Бэтмэн! Подними эту штуку вверх и свяжись с Чэмберсом!

Мэллори ударил по кнопке верхнего этажа. Когда лифт плавно тронулся, Ронделл поднял оружие вверх. Они были высоко над ним и быстро поднимались. Казалось, будто они взлетали вверх по шахте. Потом он разглядел, что их тянуло вверх некое подобие троса. Он не мог стрелять, опасаясь задеть свидетеля. Девушка свисала из-за плеча Бэтмэна. Под ним, в кабине лифта, Мэллори переговаривался с Чэмберсом, который по-прежнему оставался со своей бригадой на пятнадцатом этаже. Если агенты поднимутся на крышу вовремя, есть шанс, что они успеют перехватить похитителя.

Бэтмэн добрался до конца шахты и мельком посмотрел вниз. Лифт стремительно поднимался следом. Он разглядел человека, стоящего на крыше лифта с оружием в руках, но он знал, что тот вряд ли рискнет открыть огонь. Люди Гордона никогда не отличались любовью к пустой пальбе, к тому же их главной заботой был свидетель.

Легкая, как пушинка, девушка без сознания лежала у него на плече, в то время как они поднимались вверх на автоматической лебедке. До сих пор, все шло как по маслу, но он понимал, что действовать нужно быстро. Наверное, они уже связались с Чэмберсом и его агентами на пятнадцатом этаже. И те сейчас спешат на крышу. Он все рассчитал точно. У него оставалось всего несколько минут и для ошибок не было времени.

Двадцатью минутами раньше Бэтмэн незаметно посадил Бэткоптер на крышу — приглушенный рокот его двигателей едва слышался на расстоянии в несколько метров. Это был изящный, футуристический на вид летательный аппарат. По идее конструктора, у него отсутствовал хвостовой винт, а его роль выполняла самостоятельная хвостовая турбина. Он был необычайно маневренным, легким и в то же время прочным: сконструированный из графита, он мог вертикально взлетать и садиться как обыкновенный вертолет. Однако на большой скорости лопасти стопорились и защелкивались в неподвижном положении, превращая Бэткоптер в маленький реактивный самолет с крыльями в форме буквы «Х«, а хвостовая турбина позволяла развивать скорость звука. Это был замечательный образец легкого штурмовика, лишь с той разницей, что на его подвески вместо боевых ракет были установлены безвредные дымовые головки.

Бэтмэн отстегнул от пояса трос, поднимавший его вверх по шахте. Автоматическая катушка, укрепленная под плащом поверх облегченных металлических пластин на груди и плечах под плащем, моментально всосала в себя остаток металлического линя. Бэтмэн предпочел не задерживаться и не кидать еще одну газовую шашку на крышу поднимающегося лифта — это

означало бы потерю драгоценных секунд. Не обращая внимания на Ронделла, он бросился на крышу. Девушка по-прежнему была без сознания. Он легко перекинул ее на другое плечо и поспешил к ожидавшему Бэткоптеру. Пристегнув ценного свидетеля ремнями безопасности к сиденью вертолета, он нажал на кнопку стартера — турбины мгновенно заработали и начали вращаться. Затем он переключил ряд контактов на своей грудной пластине и фиксирующие тонкие стропы с щелчком освободились, в ту же секунду втянувшись в нагрудную пластину и корпус автоматической катушки. Лебедка соскользнула с плечей. Бэтмэн подхватил ее и прицепил к поясу. Он быстро проверил приборы и в последний раз выглянул наружу. В этот момент дверь чердачного выхода с грохотом распахнулась и агенты ФБР во главе с Чэмберсом высыпали на крышу.

— Ты стал бы хорошим спринтером, приятель, но приза тебе не видать, — пробурчал Бэтмэн.

Бэткоптер взмыл в воздух и вскоре исчез вдали, оставив агентов ФБР беспомощно стоять на крыше высотного дома и смотреть, как первые розовые лучи рассвета коснулись холодного утреннего неба.

Обычно Гордон вставал рано, но сейчас он еще спал, когда телефон, стоящий на столике рядом с кроватью, залился неприятным звонком. В прошлом он привык быстро хватать трубку, чтобы звонок не разбудил его жену, но вот уже много лет, как он спал один. Он по-прежнему ладил с Барбарой, но, как и у большинства полицейских, их брак стал жертвой его круглосуточной работы. Первый же звонок телефона вырвал его из сна, но Гордон не сразу снял трубку. Он взглянул на часы, с раздражением заворчал и лишь после третьего звонка потянулся к телефону.

— Надеюсь, это очень важно, — прорычал он в трубку, — иначе...

— Ваши люди упустили моего свидетеля, — сказал Чэмберс с ледяной яростью. — По-вашему, это достаточно важно?

Гордон мгновенно сел в постели.

— Что?

— Она оставалась на их попечении всего лишь пять минут, прежде чем они ее проворонили! — взорвался Чэмберс. — И знаете, кто ее похитил? Ваш дружок Бэтмэн! Помните, тот, которым вы восхищались и о котором говорили, что его нечего опасаться?

Гордон был потрясен. Он ничего не помнил о плане, который они составили на пару с Бэтмэном. После того как они обсудили все детали предстоящей операции, Бэтмэн устроил сеанс гипноза и ввел Гордону постгипнотическое внушение. После этого комиссар отправился домой и лег спать. В два часа

ночи у Гордона зазвонил телефон, он поднял трубку. Бэтмэн сказал только три слова: «Певчая птичка улетела». Комиссар повторил то, что услышал, положил трубку и спокойно уснул. Проснувшись наутро, он ничего не помнил о вчерашней встрече.

— Гордон? Гордон!

— Да, я... я слушаю, — ошарашенно промычал он, все еще переваривая услышанную новость. Он потер лоб. Голова невыносимо кружилась.

— Какого черта нам теперь делать?

— Послушайте, — начал Гордон, все еще сомневаясь. — Вы уверены, что это Бэтмэн? Тут не может быть ошибки?

— Я видел его собственными глазами, — негодовал Чэмберс. — Он усыпил ваших ребят каким-то газом, когда они спускались в лифте, затем схватил свидетеля и поднялся вверх по шахте на какой-то автоматической лебедке. На крыше его ждал вертолет. Черт бы побрал эту дьявольскую летающую мясорубку! Она смотрится как какая-нибудь штука из научно-фантастических фильмов. Он взлетел в воздух как на ракете и практически бесшумно. Я стоял рядом, когда это произошло. Он увел свидетеля прямо у нас из-под носа!

— Не понимаю, — растерянно проговорил Гордон, — зачем ему это нужно?

— Зачем? — воскликнул Чэмберс. — А вы как думаете? Его попросту купили! Что меня интересует, так это, как он узнал, где мы прячем свидетеля? И как он узнал, что мы будем перевозить ее именно сегодня утром?

— Я... я не имею представления... — ответил Гордон. — Я все еще не могу поверить. Кто-нибудь пострадал?

— Нет. Он провернул операцию как по часам. Внешне все выглядело очень просто. Он улетел, а я остался на крыше морозить задницу под порывами холодного ветра. Я вам советую немедленно явиться к себе в офис. Сейчас начнется такая суматоха... и нам обоим придется ответить на непростые вопросы.

— Да. Конечно. Я скоро буду, — сказал Гордон.

— И еще кое-что, — добавил Чэмберс. — По-видимому, намечается полное расследование. Кто-то же выложил все Бэтмэну. И я докопаюсь кто. Я не хочу, чтобы с меня сняли голову за провал. И я не собираюсь расплачиваться в одиночку. Будь я проклят, если предстоящая порка коснется только моей задницы!

Он грохнул трубкой телефона до того, как Гордон успел что-нибудь ответить.

В Бэткоптере девушка постепенно стала приходить в себя и поначалу не поняла, где находится. Она попыталась встать, но

обнаружила, что ремень безопасности, перекинутый через грудь, крепко держит ее на сиденье.

— Какого черта..? — промямлила она, находясь в наполовину бессознательном состоянии, поскольку газ, которого она наглоталась в лифте, еще действовал.

— Пожалуйста, сидите спокойно, — сказал глубокий убедительный голос где-то совсем рядом. — Нет никаких причин волноваться. Вы в надежных руках, уверяю вас.

Она дернулась и затрепыхалась. В ее пробуждающемся сознании замелькали разрозненные кадры последних событий, абстрактных образов и чувственных ощущений. Неожиданно она осознала, что летит высоко над облаками в каком-то летательном аппарате. А рядом с ней сидел...

— Бэтмэн!

Он мельком взглянул на нее и кивнул.

— Да, мадам. Не тревожьтесь, пожалуйста, я не причиню вам вреда.

— Что... что случилось? Как я... куда вы меня везете?

— Туда, где вы будете в полной безопасности, — ответил Бэтмэн. — Но, боюсь, остальным вашим вопросам придется немного подождать. Скоро мы пойдем на посадку. Пожалуйста, не отстегивайте ремень.

Они опускались в плотные, густые облака. В течение нескольких секунд девушка ничего не могла разглядеть сквозь фонарь — за широким обзорным стеклом лишь клубились водовороты тумана. Казалось, они падали с головокружительной быстротой прямо вниз. Слишком быстро, думала она, слишком быстро. Но Бэтмэн выглядел абсолютно спокойным и уверенно пилотировал свой НЛО. Неожиданно туман рассеялся, зато теперь их окутывал непроницаемый мрак. Полная, всепоглощающая темнота. Она почувствовала еле ощутимый толчок, когда лыжи вертолета коснулись земли. Бэтмэн манипулировал кнопками на панели управления и щелкал переключателями. Она услышала, как вой турбин становился все более низким, в то время как винт над головой крутился все медленнее и медленнее, пока совсем не остановился. Впрочем, она не могла это сказать наверняка, так как вокруг по-прежнему было темно. Она ничего не могла разглядеть, кроме мягкого мерцания шкал на приборной доске.

— Можете расстегнуть рамень, — сказал Бэтмэн.

Она повозилась с замком ремня безопасности, но он не поддавался. Она еще чувствовала слабое головокружение, мысли ее путались. Потом неожиданно зажегся свет. Она даже открыла рот от удивления. Оказывается, они спустились в какой-то ангар. Ангар, судя по всему, был вырублен в коренных породах, и стены, нависая, образовывали купол; в самой верхней его точке она заметила две тяжелые стальные двери, похожие

на громадный люк, скрывающий вход в ангар. Мощные прожектора, установленные в два ряда, под потолком и посредине стен, заливали ангар ярким светом. Вертолет мягко качнулся, и девушка догадалась, что они движутся.

Они находились на чем-то вроде гигантского поворотного стола, который медленно вращался, позволяя осмотреть все внутреннее устройство подземного аэродрома. Вдоль стен тянулись ряды приборов, штабели листовой стали и тяжелые инструменты, оборудованные места для стоянки самолетов и ремонтные подмостки, многие другие специфические приспособления, с которыми столкнешься разве что в ангарах крупных коммерческих авиалиний.

Но пока они поворачивались, она увидела то, что невозможно встретить в ангарах даже крупнейших авиакомпаний. Это — Бэтоплан.

Она, конечно, слышала о нем, но никогда не видела. Это было впечатляющее зрелище. Она немного разбиралась в самолетах, поскольку довольно часто на них летала, и поняла, что этот самолет далеко не ординарный. Он был таким же уникальным, как и вертолет, на котором они сюда прилетели. Сконструированный для вертикального взлета и посадки, как британские истребители Харриер, Бэтоплан был компактным, узким, как торпеда, и матово-черным. Чувствовалось, что он создан для скорости, сверхзвуковой скорости. Его очертания наводили на мысль о гибриде бомбардировщика Стелс и истребителя F-18. Обшивка казалась совсем гладкой, без швов и резких изломов. Для максимального аэродинамического эффекта кабина Бэтоплана плавно переходила в крылья. Девушке пришло в голову неожиданное сравнение этого летательного аппарата с гигантским бумерангом или дельта-крылом. Новейшие истребители национальных ВВС казались антикварнатом по сравнению с ним.

Поворотный стол остановился, а девушка зачарованно наблюдала, как в их сторону движется что-то вроде тележки-робота. Должно быть, Бэтмэн управлял ею из кабины Бэткоптера. Когда очень приземистая тележка-робот проскользнула под вертолет, гостья Бэтмэна услышала два щелчка, словно внизу сначала что-то раскрылось, а потом защелкнулось. Вертолет приподнялся на полметра, как на лифте, и мягко двинулся вперед. Она почувствовала, что тележка-робот медленно откатывается вместе с вертолетом в сторону от поворотного стола. Через мгновение они остановились и транспортная тележка опустила вертолет на грунт ангара.

— Можно выходить, — сказал Бэтмэн. — Позвольте мне...

Он протянул руку и быстрым движением пальцев расстегнул замок ее ремня безопасности. Открыв фонарь, Бэтмэн выбрался наружу, потом помог спуститься девушке.

— Вай! — воскликнула она, с удивлением оглядываясь вокруг. — Это и есть Бэткейв?

— Ну... нет. Не совсем, — ответил Бэтмэн. — Это только ангар. А Бэткейв находится прямо у нас под ногами. Идемте за мной, если не возражаете.

Он подвел ее к центру ангара, чуть в стороне от гигантского поворотного стола. Но там ничего не было, кроме небольшой панели управления, смонтированной на уровне пояса на тонкой металлической стойке.

— Вы не боитесь высоты? — некстати спросил Бэтмэн, опустив руки на панель управления.

— Ау?

— Если хотите, держитесь за меня, — сказал он, предложив свою руку.

— Это еще зачем?

Он нажал кнопку на панели, и они начали опускаться. Внезапно девушка обнаружила, что стоит рядом с Бэтмэном на круглой платформе, не больше метра в диаметре, а вокруг ничего нет, кроме пустого пространства. Инстинктивно она ухватилась за его крепкую руку.

Они спускались на гидравлическом лифте в огромную пещеру с исполинскими сталактитами, свешивающимися сверху вниз, и паутиной мерцающих кристаллов на стенах. Как будто они погружались в иной мир. Девушка вздрогнула и вся напряглась, когда что-то неясное пролетело мимо и она услышала странное щебетание.

— Не обращайте внимания на моих маленьких друзей, — сказал Бэтмэн. — Они не причинят нам вреда.

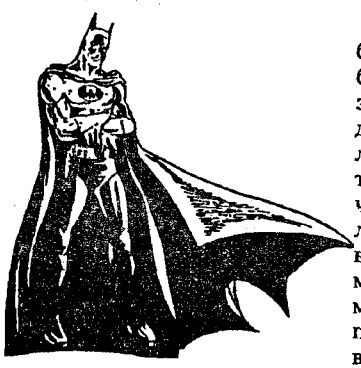
Уцепившись за Бэтмэна, она невольно почувствовала под пальцами огромные, твердые, как камень, мускулы его руки. Бицепсы были размером с медбол, а подковообразная форма внушительных трицепсов отчетливо выделялась под одеждой. Однако все ее внимание было захвачено пещерой, в которую они опускались. Ничего подобного она никогда не видела. Таинственная пещера представлялась ей смесью научно-фантастического триллера и подземной секретной военной базы.

Сначала она думала, что пол пещеры залит хорошо обработанным бетоном, но вскоре поняла, что это скорее напоминает сверхмягкую эпоксидную резину. Другие участки пещеры были совсем не обжиты — нагромождения коренных скал и выходы нетронутой породы являлись взору в естественной красоте подземелья. Когда они опустились пониже, она увидела небольшой флот Бэтмобилей — по крайней мере, дюжина как смоль черных машин стояла словно экспонаты в автосалоне. От самых ранних моделей — с хвостовыми плавниками и декоративными головами летучих мышей на решетках радиаторов — до самых последних вариантов — более компактных, обтека-

емых, словно созданных для скоростных гонок. Капот одного из автомобилей был открыт, под ним виднелся сверхсовременный двигатель, который, очевидно, капитально реконструировали. Общее впечатление было такое, как будто павильон военной техники NORAD[1] перенесли в громадную пещеру. Лифт остановился.

— Добро пожаловать в Бэткейв, — сказал Бэтмэн.

6

Было время ланча, и улицы были переполнены. Для большинства магазинов в городе это было самое оживленное время дня, когда, наскоро перекусив в любимом ресторанчике, люди растекались по магазинам, чтобы что-нибудь купить, или отправлялись просто поглазеть на витрины. Многоэтажный Универмаг Баррингтона был одним из самых популярных в городе; в нем продавались товары на любой вкус и на любой кошелек, — от одежды в развалах до фасонов известных модельеров, от дешевых духов до изысканной парфюмерии. Была пятница, и горожане беззаботно тратили получку попав в плен бесчисленных прилавков.

Когда в половине первого в универмаге прогремел взрыв, он словно смерч, произвел опустошительную жатву человеческих жизней.

В толпе на тротуарах, за полицейскими кордонами, стоял высокий, бледный, приятный мужчина с белыми как снег волосами и резко очерченным лицом и спокойно курил французскую сигарету, наблюдая за работой на пожарников, сражающихся с неистовым пламенем. Докурив сигарету и затоптав ее носком дорогого итальянского ботинка, мужчина повернулся и зашагал вдоль квартала к телефонной будке на углу. Опустив четверть доллара, он быстро набрал номер.

— Редакция новостей, — ответил голос в трубке.

— Попросите Энрике Васкеса, пожалуйста.

— Могу ли я узнать, кто спрашивает, сэр?

1 Объединенная система воздушной обороны североамериканского континента

— Спектр. Если он не подойдет через двадцать секунд, я вешаю трубку.

— Один момент, сэр.

Васкес взял трубку ровно через десять секунд.

— Энрике Васкес. Это вы, Спектр?

— Добрый день, мистер Васкес. Я только что взорвал Универмаг Баррингтона. Это должно показать серьезность моих намерений. Передайте жителям Готем-Сити — это только начало; каждый день, пока генерал Гарсиа остается в тюрьме, в городе будут происходить такие инциденты... и погибнет много людей. Я скоро позвоню вам снова.

И прежде чем Васкес успел задать Спектру вопрос, он повесил трубку.

2BODY TEXT+ = День Джима Гордона начался с раннего злого звонка Чэмберса, а в дальнейшем обстановка менялась только к худшему. Уставших, расстроенных детективов, назначенных охранять государственного свидетеля, без конца допрашивали Чэмберс и его люди, позже за дело взялись ребята из Департамента внутренних дел. Каждого полицейского проверили на детекторе лжи, и в каждом случае — безрезультатно. Гордон настоял на том, чтобы и его проверили вместе с его людьми, и он уверенно прошел это испытание. Чэмберс не знал, что и делать.

Измученный, он сидел в кресле в кабинете Гордона, прикуривая одну сигарету от другой. Его галстук был распущен, две верхние пуговицы мятой рубашки растегнуты, круги под глазами стали глубже и темнее, а волосы взлохмачены — в отчаянии он поминутно запускал в них руки.

— Не могу понять, — говорил он устало, — мы дважды повторили тесты, и все ваши люди уверенно их прошли. Но ведь никто кроме них не знал о перемещении свидетеля. Никто из них даже не говорил ни с кем об этом. Моих людей я сам проверил на машине. Сам я и подавно не раскрывал рта. Так как же, Бог мой, об том узнал Бэтмэн?

Гордон тяжело вздохнул.

— Обычно Бэтмэну все удается совершенно необъяснимым образом.

— Вот как! Он что, ясновидящий? Или прослушивает ваш телефон? — Чэмберс внезапно щелкнул пальцами. — Черт побери! Вот в чем, должно быть, дело!

— Я должен вас разочаровать, — ответил Гордон, — но дело не в этом. Мы каждый день тщательно осматриваем весь офис в поисках возможных «жучков». Как видите, вы не единственный параноик.

Чэмберс поморщился.

— Послушайте, не хочу вас обидеть, однако вы разрешите

моим людям провести независимую проверку ваших помещений?

— Конечно, — согласился Гордон, — только вы ничего не найдете. Это я могу вам обещать.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Гордон.

— Комиссар, — обратился вошедший сержант Капилетти, — сэр, скоро час дня, а я знаю, что вы здесь уже с пяти часов утра. Вы еще ничего не ели, как и мистер Чэмберс, я думаю, может, вам принести чего-нибудь?

— Сэндвич был бы кстати, — устало ответил Гордон. — А вам, Чэмберс?

— Нет, не могу даже думать о еде, — скривился Чэмберс, — я весь как клубок нервов. Принесите просто черный кофе, Капилетти. Много кофе. И еще, спасибо.

— Зачем он это сделал, вот чего я не понимаю, — размышлял Гордон вслух. Прежде Бэтмэн всегда сотрудничал с полицией.

— Я уже говорил вам, комиссар, его, без сомнения, купили. Возможно, девушка скоро всплывет в Ист-Ривер лицом вниз.

Гордон покачал головой.

— Нет, в это я никогда не поверю.

— Бог мой, вы все еще защищаете его? — спросил Чэмберс с недоумением.

— У него должна быть веская причина, — сказал Гордон. — Чтобы вы ни думали, Бэтмэн не убийца. Он похитил свидетеля, но сделал это, никому не причинив вреда. Хотя, мог бы. Нет, я просто не могу поверить, что Бэтмэна могли купить. Он не преступник.

— Да он просто шут, Гордон, — сказал Чэмберс. — Проснитесь наконец, и вы сами это поймете.

На столе Гордона зазвонил телефон, он поднял трубку. Пока он слушал, его лицо совершенно побелело.

— О, мой Бог, — простонал он.

— Что еще случилось? — спросил Чэмберс.

Гордон повесил трубку.

— Спектр только что взорвал Универмаг Баррингтона. Бригады с телевидения уже там. — Он встал, подошел к телевизору, стоящему на шкафу с картотекой, и включил его.

На экране полыхали картины опустошительной бойни. Пламя рвалось из окон универмага, и пожарники отчаянно пытались усмирить бушующий огонь. С воем сирен подъезжали полицейские и санитарные машины; на тротуарах толпились прохожие, они переходили с места на место, пытаясь все увидеть. Это была сущая преисподняя.

— Повторяем специальный выпуск. Вы смотрите прямую трансляцию из Универмага Баррингтона, где сегодня

приблизительно в двенадцать тридцать произошел сильнейший взрыв. Свидетели сообщают об ужасном грохоте в глубине здания. Предполагают, что была подложена бомба, может быть не одна, но пока мы не можем сказать ничего определенного. К настоящему моменту три пожарных отряда прибыли по вызову. Сейчас еще невозможно определить, сколько человек убито и ранено, однако, с уверенностью можно сказать, число жертв значительно. Пожарники непрерывно выносят тела пострадавших, но большинство их все еще остается внутри здания универмага. Мы не знаем, уцелел ли кто-нибудь из них. Стоя здесь и глядя на весь этот ужас, немыслимо поверить, что там еще могут быть живые. И вот теперь...

— Джон, — вступил ведущий, — мы получили свежий материал. Похоже, кто-то берет на себя ответственность за взрыв. Мы на минуту переключимся на другую камеру. Пожалуйста, будь наготове.

Репортер кивнул, придерживая рукой наушники, и добавил в микрофон:

— Отлично, Том, переключайте.

— Вы слышали, — продолжал ведущий, — я повторю для вновь подключившихся телезрителей, в Универмаге Баррингтона взорвана бомба, и только что мы получили сообщение о том, что в редакцию позвонил некий человек, имеющий отношение к этом ужасному акту. Мы возвращаемся в редакцию к Энрике Васкесу из отдела новостей. Энрике, вы на месте?

На экране появился Васкес, без пиджака и с развязавшимся галстуком. С наушниками на голове и микрофоном в руке, он выглядел изможденным.

— Том, несколько мгновений назад мне сюда позвонил некто, представившийся Спектром и заявивший, что он берет на себя ответственность за взрыв. Я уже разговаривал прежде со Спектром, поэтому я узнал его голос. Тот же акцент образованного европейца. К тому же он подозвал меня лично.

— Бог ты мой! — сказал Чэмберс.

— Спектр передал мне следующее, — Васкес продолжал, подняв лист бумаги, — я цитирую: «Я только что взорвал Универмаг Баррингтона. Это должно показать серьезность моих намерений. Передайте жителям Готем-Сити — это только начало; каждый день, пока генерал Гарсиа остается в тюрьме, в городе будут происходить такие инциденты и погибнет много людей. Я скоро позвоню вам снова». И он тут же повесил трубку.

— Энрике, — сказал ведущий, вы уже сообщили в полицию об этом звонке?

— Я полагаю, они слышат об этом сейчас, Том, — ответил Васкес. — Разговор произошел минуту назад, как я уже го-

ворил, позже я передам им отпечатанный текст всего разговора. Вы видите, Спектр осуществляет свои угрозы против жителей нашего города, и я надеюсь, что комиссар Джим Гордон слушает нас сейчас. Еще вчера, когда я сообщил ему о первом разговоре со Спектром и его угрозе приступить к террористическим актам, комиссар ответил, что он оперирует фактами, а не слухами. Что ж, теперь перед вами факт, комиссар, — ужасный, трагический факт, и, по словам Спектра, нас ждут не менее ужасные новые подобные факты.

— Большое спасибо, мистер Васкес, — процедил Гордон сквозь зубы.

— Энрике, — обратился ведущий к Васкесу, — в сообщении, которое вы зачитали, Спектр говорит, что вскоре свяжется с вами. Как вы думаете, что это означает?

— Том, я пока не знаю, — ответил Васкес, — можно только догадываться, что он имел в виду. Разговор прервался, прежде чем я успел задать хоть один вопрос. Однако по звукам в трубке — а я отчетливо слышал крики — предполагаю, что он звонил из автомата вблизи от места взрыва. Возможно, он хотел сказать, что мы снова вспомним о нем, как сегодня, после нового дикого террористического акта, но, может быть, он просто позвонит мне в частном порядке. Точнее я не могу ответить, это лишь мое впечатление, которое, как я уже сказал, не больше, чем предположение. Однако, если по какой-то причине, Спектр избрал меня вестником рока — видит Бог, Том, я не просил этого, — то моей обязанностью журналиста и долгом гражданина будет информировать о всем том, что он мне сообщит, и как бы я ни хотел, я не могу отказаться.

— Не могу отказаться, черт возьми, — передразнил Гордон Васкеса с отвращением. — Он восхищен каждой секундой своего шоу.

Гордон сердито выключил телевизор и поднял телефонную трубку.

— Свяжитесь с Васкесом и передайте ему, что я хочу видеть его в моем кабинете немедленно, иначе я арестую его за сокрытие вещественных доказательств. — Гордон бросил трубку. — Мерзавец. Что нам теперь делать? — обратился он к Чэмберсу.

Чэмберс беспомощно покачал головой.

— Не знаю. Прикроем все объекты, какие сможем, и попытаемся схватить этого подонка, прежде чем он успеет повторить эту бойню. Сколько людей вы сможете отрядить?

— Я передам вам всех, кого смогу, — ответил Гордон.

— Я не уверен, будет ли от всего этого польза, — сказал Чэмберс. — На нас начнут давить, чтобы мы уступили и отправили Гарсиа на Кубу. Без нашего суперсвидетеля дело не имеет шансов на успех в суде. У нас попросту не будет выбора.

Телефон на столе Гордона зазвонил, и он поднял трубку.

— Гордон у аппарата. — Некоторое время он внимательно слушал. — Да, сэр... Да, господин Мэр, я знаю, я смотрел новости... Мы делаем, что можем... Нет, сэр, я действительно не знаю, это не моя сфера. Я советую обратиться к федеральным властям по этому вопросу... Да, сэр... Да, сэр, немедленно сделаю... Да, сэр, прекрасно понимаю и разделяю вашу озабоченность... Непременно.

Он положил трубку.

— Ну вот, — со вздохом сказал он Чэмберсу, — уже началось.

С убитым выражением лица Бэтмэн сидел в Бэткейве за стеклянными стенами комнаты центрального управления и смотрел специальный выпуск теленовостей, посвященный взрыву в универмаге. Все эти люди... Спектр просто стер их с лица земли. Так же равнодушно, как наступают на муху.

Его мучили картины, которых он не видел на экране, но которые отчетливо и живо представали перед его глазами, такие ужасающе-достоверные, как будто он сам был там. Он видел бизнесменов, покупающих в обеденный перерыв подарки женам. Молодых клерков и студентов, подыскивающих что-нибудь для своих подружек, с которыми назначены встречи этим вечером. Он видел секретарш, банковских служащих и продавщиц, выбирающих себе новые платья, для покупки которых они давно откладывали деньги. Видел домохозяек на дешевых распродажах, которые пытались удержать детей от беготни между прилавками... Дети. Боже! Дети...

Он думал о страшном взрыве, рвущем на части всех этих людей, он думал о зажатых среди обломков изувеченных и истекающих кровью, в то время как пламя сжигало их заживо...

Он сидел, оцепенев от ужаса, непереносимая тяжесть сжимала ему грудь, когда он представлял, нет, чувствовал, эту человеческую агонию, и одинокая слеза упала на его плащ. Неосознанно, он начал медленно раскачиваться в кресле вперед и назад, повторяя движение, которое в прошлом было вызвано шоком, испытанным им, когда ребенком он стоял на коленях над телами своих родителей, стоял в крови отца и мамы, застывший и потерявший чувствительность от внезапности и жестокости их смерти. Разве мог человек сделать такое?

Почти все утро Бэтмэн провел с девушкой. Ему было непросто думать о ней как о женщине, хотя в двадцать семь лет она определенно была женщиной. Во многих отношениях она представлялась совсем молоденькой, намного моложе своих лет, а в чем-то казалась даже значительно старше. Сначала она выглядела испуганной и смущенной, как заблудившийся ребенок, но

когда Бэтмэн объяснил ей причину ее похищения и она почувствовала, что нет оснований его бояться, в ней проснулись дерзость и вызывающая грубость уличной девчонки, подчеркнутые резко обжигающим характером, который она намеренно культивировала в себе, чтобы скрыть свою внутреннюю ранимость.

Он мог бы попасться на эту уловку, если бы раньше не видел ее первую реакцию, когда она вышла из вертолета (Бэткоптера) в Бэткейв. То, как она держалась за него, когда лифт опускался из ангара; то, как ее глаза расширились от страха и неуверенности — все это говорило ему, что, несмотря на внешнюю жесткость, перед ним была маленькая испуганная девочка, у которой украли детство.

Все это он уже видел раньше, и много чаще, чем он мог сосчитать. Он видел это в глазах детей, сбежавших из дому от оскорблений и нищеты, чья суровая и неопределенная уличная жизнь казалась им неизмеримо предпочтительнее того, что они пережили дома. Иногда, если их ловили вовремя, их можно было еще спасти. Если кому-то они были небезразличны, если их могли отвести, например, в дом доктора Лесли Томпкинс, где они могли получить и приют, и образование, и, что самое важное, — заботу и поддержку, которые помогли бы им обрести чувство самоуважения и убедили, что жизнь лучше, чем просто существование, — тогда, может быть, всего лишь, может быть, у них могло появиться преимущество, достающееся немногим, — второй шанс.

Но время, в течение которого они еще не потеряны, — не более чем крошечное окошко вероятности, которое если захлопывается, то почти всегда, за редким исключением никогда снова не открывается. Жестокая реальность уличной жизни в большом городе, где твое тело лишь дешевый одноразовый товар, подобна взгляду медузы. Эта реальность обращает сердце в камень. Закрывшееся окошко отрезает их от детства, они превращаются в одичавших жителей ночи.

Они становятся изможденными проститутками, позволяя использовать свое тело для мимолетного удовлетворения клиентов, для которых безликий секс стал суррогатом любви. Они становятся наркоманами, способными клянчить, воровать, калечить и даже убивать; наркотиками они притупляют свои чувства в поисках временного забытья, но оно слишком быстро становится постоянным. Они становятся беспомощными алкоголиками, заполняя пустоту своих душ остатками виски из бутылок, выуженных из грязных мусорных баков; они спят и в подъездах, и на вентиляционных решетках метро, и на тротуарах в лужах собственной мочи, навсегда лишившись человеческой сущности и став бродячими живыми мертвецами.

Наряду с жертвами, душераздирающими и пугающими, были и выжившие, кто не загнал свою боль внутрь себя, а стал хищником большого города. Хулиганы и рецидивисты, убийцы и насильники, грабители и ростовщики, гангстеры, — все они, лишенные совести и сострадания, не могли не только ни чувствовать чужую боль, ни хотя бы понимать ее. А быть может, она была им просто безразлична. Эти были потеряны навсегда.

Можно было бы возразить, что в их участи повинно общество, или что они сами позволили эгоизму и алчности растоптать свои ценности и достоинство, или, что они родились «плохими». И в некоторых, патологических случаях это было справедливо. Но одно непреложно: они были раньше чьими-то детьми. Легко осуждать тех детей, которых любили и о которых заботились, для которых делали все необходимое, которых кормили и одевали и которые знали разницу между добром и злом, но все же сделали роковой выбор в силу каких-то обстоятельств. Но что сказать о рожденных ненужными, о брошенных, о жертвах безобразного обращения? О тех, кто никогда не знал радости детского смеха, кому было отказано в родительской любви, кто в нелегких условиях, все более частых в нашем перенаселенном и безучастном мире, попросту лишен шансов?

Бэтмэн мало знал об этой девушке, этой молодой женщине, занимающей теперь спальню в дальней части Бэткейва. Он знал только ее имя. Рэчел. Рэчел Моррисон, или Рэй, как она называла себя, стремясь даже в этом проявить мужскую жесткость, словно отвергая рядовое американское происхождение и обеспеченную жизнь в пригороде большого города. Все то немногое, что Бэтмэн узнал о ней, сообщил ему Гордон, изучивший ее дело. Она родилась в Дориене, штат Коннектикут. Отец, биржевик, развелся с матерью Рэчел, когда ей, ребенку, было всего четыре года. Развод родителей — травма для любого ребенка, особенно для такой малютки. Отец, будучи опытным бизнесменом, подготовил все так быстро и продуманно, что адвокатам матери не было за что зацепиться. Он перевел ценные бумаги в наличные, аннулировал страховку за дом и пропал из виду. Без алиментов и пособия на ребенка, мать вынуждена была переехать в маленькую квартирку в Нью-Йорке и устроилась на работу в большом универмаге кладовщицей. Небольшой зарплаты едва хватало на оплату квартиры и приобретение самого необходимого. Их жизнь стала испытанием, особенно тягостным, когда ее мать узнала, что женщина, нанятая в няньки к Рэчел, постоянно издевалась над девочкой.

Рэчел выросла «трудным» ребенком и, хотя в школе получала хорошие отметки, была сразу признана непокорным смутьяном и одиночкой. Она поступила в колледж при Университете штата — скорее для спокойствия матери, чем по собственному желанию. В колледже она как-то присутствовала на противо-

речивой лекции представителя Фронта освобождения Палестины. Аудиторию пикетировали, во время лекции лектора забрасывали вопросами и освистывали, и, возможно, это поначалу пробудило в Рэчел симпатию к выступавшему. После лекции они разговорились, затем несколько раз встречались, от него она услышала о тяжелой участи палестинского народа. Очевидно, они быстро стали любовниками. Рэчел побывала за границей, где смогла увидеть и пережить то, о чем он рассказывал ей. Через своего друга, а может его более радикальных товарищей Рэчел вскоре была вовлечена в деятельность наиболее экстремистского крыла организации, руководимой Арафатом.

Рэчел фанатично окунулась в Палестинское движение. Средство стало целью, и она оказалась связанной с десятком террористических организаций, проводящих свои операции не только в Израиле, но и в Западной Германии, Италии, Великобритании и Франции. Затем был тренировочный лагерь в Латинской Америке, действующий под покровительством генерала Дезидерио Гарсиа. О генерале было известно, что он имеет слабость к женщинам. Рэчел стала его любовницей, а он, очевидно, не мог не прихвастнуть в постели о своих подвигах, делах, связях с иностранными разведками, террористическими группами и с гнусным картелем «Макро», занимающимся наркотиками.

Она жила в изысканной роскоши, но эту жизнь ей обеспечивало положение любовницы властного диктатора, человека жестокого и нетерпимого, поклонника оккультных обрядов, который смотрел на свой народ как на рабов. И вот однажды что-то случилось, последняя соломинка переломила хребет верблюда, и Рэчел решила, что с нее довольно. Во время поездки по магазинам она улизнула от своих телохранителей и попросила убежища в посольстве США. В обмен на возвращение в Штаты, освобождение от уголовной ответственности и обещание новой жизни она согласилась дать показания против Гарсиа.

И Гарсиа, и тот, кто стоял за ним, — несомненно, могущественный картель «Макро», которому грозили огромные потери, если генерал заговорил бы в суде, — знали о существовании свидетеля, но не подозревали, что это Рэчел. Был разыгран изощренный спектакль, чтобы скрыть ее личность. ЦРУ представило исчезновение Рэчел как похищение, обставленное посланием письма генералу с требованием выкупа и, для убедительности, кое-каких украшений и личных вещей Рэчел. Как и ожидалось, Гарсиа игнорировал требования «похитителей». Он попросту нашел себе другую любовницу, к тому же намного моложе.

ЦРУ заверило Рэчел, что она в безопасности. Но Рэчел понимала, что пока Гарсиа не окажется за решеткой, пока картель «Макро» не будет сокрушен, она не может быть в безопасности. Она слишком много знала. «Макро» хотел добиться, чтобы Гарсиа отпустили из тюрьмы, а государственный свидетель был бы ликвидирован. Однако, и без генерала, ущерб, который Рэчел могла нанести картелю, грозил ей такой местью, что ей пришлось бы до конца жизни с опаской оглядываться назад. Жить с такой перспективой никому не под силу.

Сидя в комнате Рэчел, Бэтмэн беседовал с ней, объяснял, что здесь о ней всегда позаботятся, и что ей не придется проводить все время в своей комнате, и что она имеет полную свободу в пределах Бэткейва, по крайней мере в сопровождении его или Альфреда. Конечно, он не называл его Альфредом, да и сам Альфред был неузнаваем — в парике, с бородой и в гриме.

Зазвонил телефон внутренней связи. Это Альфред просил Бэтмэна немедленно включить телевизор — передавали новости.

Бэтмэна, увидевшего результаты злодейского творения Спектра, захлестнуло море эмоций: и скорбь по беспомощным жертвам, и ужас от невероятной жестокости и невыразимой дикости подобного акта, и холодная ярость, и ненависть к убийце по имени Спектр. Бэтмэн поклялся, что перевернет землю, но отыщет этого беспощадного изверга и отдаст его в руки правосудия. Он освободит мир от Спектра, даже если для этого потребуются все его состояние и вся его жизнь. Он никогда не испытывал желания убить, но сейчас он был близок к этому, хотя знал, что не может опуститься до убийства. Это прямой путь к проклятию; если он поддастся искушению, пусть даже справедливому, он встанет в один ряд с теми, за кем охотился. Рядом с Джо Чиллом — убийцей своих родителей. Сенсэй Сато был прав: акт убийства для него непостижим. Впрочем, смерть слишком легкое наказание для таких, как Спектр. Жизнь в тюрьме, в максимальной безопасности, но наедине сам с собой в тесной камере, где он сможет подумать о последствиях своих преступлений, — вот чего он заслуживает. Если действительно существует ад, то Спектр с лихвой оплатил перевоз через реку Стикс. И если осталась в мире хоть крупица справедливости, он будет гореть вечно.

Бэтмэн повернулся к Альфреду.

— Вы уже подготовились к съемке?

— Да, сэр. — В руках у него была портативная видеокамера. — Мы можем начать, как только вы захотите.

— Пожалуй, выйдем отсюда, — сказал Бэтмэн. — Мы будем снимать у каменных стен. Темный фон необходим для моего послания Спектру. Я думаю отснять его сейчас, пока я чувствую тот гнев, что сжигает меня изнутри. Я хочу, чтобы Спектр видел мой гнев, чувствовал его и знал, что на этой земле ничто не помешает мне разыскать его.

Возвращаясь в свою квартиру, он обычно шел окольным путем, чтобы убедиться, что за ним нет слежки. Он не сразу входил в подъезд, а сначала пристально осматривался, один-два раза обходил вокруг здания, обращая внимание на автомашины на улице, на окна и крыши соседних домов. За долгие годы осторожность стала его второй натурой. Он не упускал мелочей и не притуплял бдительность ни на мгновение. Он был профессионалом и гордился своей компетенцией. И никогда не надеялся на случай. Никогда.

Войдя в вестибюль, он застыл на месте и некоторое время напряженно прислушивался к происходящему в доме. В глубине холла плакал ребенок. Где-то наверху — семейная ссора. Рок-музыка по радио. Ничего необычного. Ничего подозрительного. И все же он поднимался по лестнице предельно осторожно, ощущая успокоительную тяжесть Гризли в кобуре под мышкой. Его пиджак был сшит так, чтобы скрыть многозначительное оттопыривание под левой рукой, и сейчас под плащом и подавно оружие было совершенно незаметно. Гризли был на месте, с привернутым глушителем, готовый к неприятным сюрпризам. На непредвиденный случай в другой части города его ждала еще одна квартира. Это были издержки ремесла, но он не жалел денег на накладные расходы. За свою работу он получал исключительно высокую плату и потому мог позволить себе дополнительный запас безопасности.

Поднявшись на свой этаж, он остановился перед холлом. Слушая. Принюхиваясь. Почти со сверхъестественным чутьем осматривая коридор. Годы слежки и контрслежки обострили его чувства до звериного инстинкта, и теперь от него не ускользало то, что большинство людей вовсе не замечало вследствие обычности и безопасности своей жизни. Пожилая пара снова готовила китайские блюда. Молодая секретарша, которая каждый вечер бродила по окрестным барам в поисках настоящего мужчины, только недавно вернулась домой: легкий запах сирени от ее духов еще можно было уловить в холле. С первых же дней она обратила на него свое хищное внимание, но он с легкостью отделался от нее определенной манерностью поведения, и она быстро потеряла интерес к нему. На лестничной площадке и в холле все казалось нормальным.

Он подошел к двери своей квартиры и осмотрел неприметные тончайшие ниточки, уложенные им между дверью и косяком — наверху, снизу и сбоку, почти невидимые, если не знаешь, где смотреть. Все они были на месте. Удовлетворенный осмотром, он открыл дверь и вошел.

Сняв плащ и пиджак, он закурил. Он курил малоизвестный сорт французских сигарет без фильтра, которые по бросовым ценам продавались только в редких табачных лавках. Он не выносил американские сигареты с их добавками, якобы улучшающими аромат, но, по существу, только ускоряющими горение. Во французских сигаретах не было ничего кроме табака, и потому они казались резкими на вкус американцам, привыкшим к такой примитивной пище, как гамбургеры с жареной картошкой и сладенькими напитками или водянистым пивом. Только у англичан, думал он, пища хуже, чем у американцев.

Он откинул назад свои густые белые волосы и развязал шелковый галстук. Но кобура осталась на месте. По многолетней привычке он не расставался с оружием даже во сне. Единственными уступками комфорту были развязанный галстук и отстегнутые с левой руки легкие нейлоновые ножны, в которых лежал узкий и острый, как бритва, трехгранный стилет.

Он включил плиту, чтобы подогреть воды, и подготовил чайник, скрупулезно отмерив индийского чаю. Затем вымыл руки и плеснул воды на лицо, включил телевизор и уселся в кресло, чтобы просмотреть газету, пока закипает вода. Из телестудии передавали бессодержательную беседу, ведущий притворно улыбался, с хитрыми намеками интервьюируя группу мужчин-нудистов. С гримасой отвращения он убавил звук.

Он с удовольствием отметил, что делу Гарсиа, а в особенности его угрозе по-прежнему отводилось много времени. Но еще не так много, как это будет очень скоро, улыбнулся он про себя. Вода наконец закипела, и он отправился на кухню заварить чай. Когда он вернулся, телевизионная беседа уже закончилась, начинались вечерние новости. Он прибавил звук.

— Добрый вечер. С вами Роджер Грили. Вы смотрите Новости дня. Центр Готем-Сити стал сегодня местом бойни и разрушений после того, как в Универмаге Баррингтона вскоре после полудня была взорвана бомба. Подробности передает Конни Уильямс...

Он смотрел видеозапись событий и прислушивался к уточненной информации, увидел интервью с командиром пожарников и старшим офицером полиции. Дальше шли разговоры с санитарами, рядовыми пожарниками и с несколькими свидетелями взрыва. Потом были интервью с группой людей, ждущих сведений о своих близких, которые, предположительно, были в универмаге во время взрыва. Американская пресса любит окунуться в катастрофу. Превосходно, подумал он. Превосходно.

Началась пресс-конференция Энрике Васкеса, играющего роль мученика, которому невольно выпала участь посланника Спектра. Он заверял в своем полном сотрудничестве с полицией и федеральными властями, клялся, что не боится, что это его обязанность, что это серьезная ответственность, и так далее, при этом он выжимал из ситуации сто процентов успеха. О, да, Васкес — идеальное орудие в его руках, он обес-

печит максимум популярности. Однако следующий сюжет застал Спектра врасплох.

— Перед нашим выходом в эфир, — объявил ведущий, — мы получили видеокассету, анонимно доставленную в студию. На конверте не было никаких отметок, кроме одной — стилизованного изображения летучей мыши, символа Бэтмэна. Нечего и говорить, содержание кассеты нас заинтриговало. Сейчас мы прокрутим для вас эту пленку.

Спектр подался вперед в кресле, когда Бэтмэн появился на экране, снятый крупным планом на темном скалистом фоне.

— Говорит Бэтмэн. Сегодня рано утром я выкрал у властей государственного свидетеля обвинения против генерала Гарсиа. Этот свидетель находится сейчас под моей защитой, целый и невредимый. Я сделал это для того, чтобы свидетель и в дальнейшем оставался невредимым и смог дать показания против генерала в предстоящем процессе. Я обещаю властям, что в нужное время я доставлю свидетеля в нужное место, но до тех пор нет более надежного места, чем Бэткейв. Я свободен от общественного и политического давления, мне не грозит давление со стороны прессы и адвокатов Гарсиа. Свидетель останется под моей опекой, а тот дегенерат и психопат-убийца, который называет себя Спектром, потерпит крах в попытке выполнить свои обязательства по контракту. Я даю в этом торжественное обещание.

— Мне остается добавить лишь одно. Я знаю, что Спектр в данную минуту смотрит передачу, он как свихнувшийся изверг не может оторваться от зрелища содеянного им злодеяния, и к нему я обращаю эти слова.

Камера придвинулась ближе, пока лицо Бэтмэна в маске не заполнило весь экран.

— Ты считаешь себя профессионалом, экспертом смертоносного ремесла, но то, что ты совершил сегодня, было не искусство, а бойня. Ты показал свою сущность заурядного душегуба, стоящего на одной доске с сумасшедшим поджигателем, сеющим смерть без разбора. Нет нужды в профессионализме, чтобы убивать беззащитных женщин и детей. К чему мастерство, если ты даже не видишь лица своей жертвы. Ты ничем не лучше бесчисленных террористов, которые действовали до тебя — трусливых людишек, в безопасности вынашивающих свои планы и затем беспричинно убивающих и разрушающих в болезненном заблуждении, что они борются за правое дело и сделают мир лучше. Ты такой же, как они. Ты не выше их. Ты просто еще один мясник в длинной шеренге больных людишек с перекошенной психикой, пытающихся безумными акциями компенсировать свою несостоятельность. И как вредное насекомое ты будешь раздавлен.

Запомни! Кем бы ты ни был и где бы ни скрывался, я найду тебя. Я вытащу тебя на свет и передам властям, чтобы ты провел в камере остаток своей жалкой жизни. Я избавлю этот город от тебя, Спектр. Ты можешь убежать, трусливый убийца, но на земле нет места, где ты сможешь спрятаться от меня!

Пленка кончилась и в кадре снова был ведущий.

— Мы узнали, что полиция и остальные телекомпании получили копии этой записи. Смысл послания Бэтмэна однозначен — перчатка брошена. Когда мы обратились за комментариями к комиссару полиции Джиму Гордону...

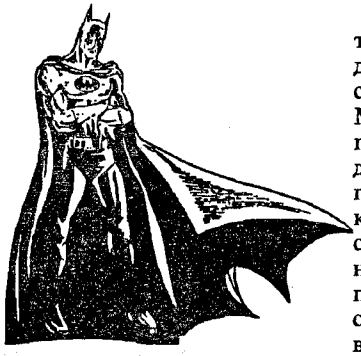
Экран телевизора с грохотом взорвался от удара чайником, и в воздух взметнулись искры, дым, осколки стекла и керамики. Спектр побагровел от ярости. Такое оскорбление по национальному телевидению и от какого-то клоуна в маскарадном костюме, опереточного шута, осмелившегося встать у него на пути. Он стоял, тяжело дыша, сжимая и разжимая кулаки и смотрел на изуродованный телевизор, словно по-прежнему видел лицо Бэтмэна.

— Значит, я насекомое, — сказал он, пытаясь прийти в себя, — которое можно раздавить? Хорошо, мой ряженый друг, посмотрим, кто из нас будет уничтожен!

Он надел плащ, выскочил из квартиры и направился к телефонной будке на углу. Опустив монету, он быстро набрал номер отдела новостей. На этот раз он даже не стал вызывать Энрике Васкеса. Когда на звонок ответили, он попросту сказал:

— Говорит Спектр. Передайте Бэтмэну, что завтра будет не одна, а две демонстрации — одна для генерала Гарсиа и одна специально для него. Скажите ему, что Спектр принял вызов.

Он бросил трубку на рычаг, затем снова снял, оторвал от провода и выбросил ее на улицу. Еще до того, как он покончит с этим делом, горожане начнут добиваться освобождения Гарсиа. И шумно требовать головы Бэтмэна. Он охотно отдаст им ее, упакованную в подарочную коробку и доставленную в офис комиссара Джима Гордона.

Здесь было единственное место, где репортеры не могли до них добраться, потому что клиенты сами позаботились об этом. У Мактаггерта был бар для полицейских, за два квартала от департамента, размещенный в полуподвале элегантного старого кирпичного особняка. Здесь не свешивался папоротник со стен, не было экстравагантных блюд, просто старомодный кабачок со своим стилем, в котором подавали виски и пиво и где музыкальный автомат играл старые песни Торма, Беннета и Синатра. Комиссар Джим Гордон и агент ФБР Рис Чэмберс сидели в темной угловой кабинке, а между ними стоял кувшин с пивом и несколько пустых стаканчиков для виски, выстроившихся в ряд, словно оловянные солдатики.

— Получается так, — сказал Чэмберс, — что ваш друг Бэтмэн только усугубил ситуацию.

Незадолго перед этим им позвонили с телевидения и сообщили о зловещем звонке Спектра и о том, что он принимает вызов.

— Бэтмэн не отвечает за действия Спектра, — заметил Гордон, он просто хочет помочь. Поверьте мне, сейчас нам очень нужна помощь.

— Да, конечно, — вяло ответил Чэмберс. — Представляете, что будет, если каждый житель города вобьет себе в голову, будто ФБР и полиция не в состоянии делать свое дело самостоятельно и нуждаются в помощи. Мы все окажемся в зоне боевых действий.

— Бэтмэн не рядовой житель, — возразил Гордон. — Он отлично подготовленный и очень способный человек, в распоряжении которого огромные ресурсы. И что бы вы ни думали, Рис, он на нашей стороне.

Чэмберс вздохнул.

— Полагаюсь на ваше слово. Пока же у нас нет свидетеля, и, несмотря на обещание Бэтмэна доставить его в нужное время и место, у нас нет гарантии, что он сдержит слово или что он сможет сохранить свидетеля в безопасности.

— Никто не знает, где находится эта пещера Бэткейв, — сказал Гордон, — и Спектр никогда не найдет ее. Но если даже найдет, то Бэтмэн будет ждать его там.

Чэмберс задумчиво посмотрел на него.

— Вы так говорите о нем, Джим, как будто хорошо его знаете. Вы действительно его знаете, верно?

Гордон покачал головой.

— Я не знаю, кто такой Бэтмэн. И это святая правда.

— Я вам верю, — продолжал Чэмберс, — но это не ответ на мой вопрос. Послушайте, мы с вами в одной упряжке. Между нами... не скрывайте, Джим.

Гордон пристально посмотрел на Чэмберса, глубоко вздохнул и медленно выпустил воздух.

— Вы правы, я знаю его. В некотором смысле. Я не знаю, кто он, но что он представляет из себя, я знаю. Несколько раз мы встречались с ним. Первый раз это случилось, когда он спас жизнь моему сыну. Я его должник, Рис. И за многое другое я ему обязан. Оглянитесь вокруг — здесь полно полицейских. Спросите любого, и они вам скажут, что, по их мнению, Бэтмэн — один из них. О, официально они этого не скажут, но таково их мнение. И мое тоже. Впрочем, если вы расскажете об этом, мне придется все отрицать. Если, конечно, вы не опутаны проводами и не записали все на пленку.

Чэмберс улыбнулся.

— Вы же знаете, что нет.

Гордон тоже улыбнулся в ответ.

— Пожалуй, знаю, иначе я никогда не рассказал бы вам этого. Мы начинали с вами не очень дружелюбно, но вы хороший парень, Рис, и если в конечном итоге вы потеряете вашу работу в Бюро, то золотой значок детектива Готем-Сити будет ждать вас в любое время. — Он мрачно улыбнулся. — Предполагаю, что до того они не выставят за дверь меня.

— Вы думаете, это возможно?

Гордон пожал плечами.

— Почему нет? Правда, сомневаюсь, ведь я удобный козел отпущения. Кроме того, я знаю всю подноготную этого города.

Чэмберс ухмыльнулся.

— Не сомневаюсь. Я изучил ваше досье и знаю, что случилось в Чикаго. Вот это и есть настоящее мужество! И я докопался до того, что у вас было здесь. Вы сокрушили продажную политическую машину и очистили город фактически единолично.

— Нет, — возразил Гордон, — мне помогали. Неофициально помогали.

— Бэтмэн?

— Бэтмэн.

Чэмберс кивнул.

— Кажется, я начинаю понимать. Это своего рода ваше секретное оружие, верно?

— Отчасти, — ответил Гордон. — Но Бэтмэн не орудие в чужих руках. Если бы я начал играть не чисто, он и со мной не стал бы церемониться.

— Он действительно настолько силен?

— Действительно.

— В последнее время я часто о нем думаю, — начал Чэмберс. — В Бюро знают о нем, естественно, но не принимают его всерьез. Возможно, это ошибка. Он намного значительнее, чем одинокий борец за справедливость. Я видел тот вертолет, на котором он удрал от нас. Он похож на какую-нибудь летающую посудину из «Звездных войн». Подобные вертолеты до сих пор находятся на стадии разработок. Это совсем не та штука, которую можно просто попросить в любом крупном универмаге. Если бы я не разбирался в этом вопросе, я бы решил, что Бэтмэн — один из особых государственных агентов. Только я не могу представить себе ни одного государственного агентства, способного провернуть подобную непостижимую операцию. Такое может случиться лишь на страницах дешевых романов в мягкой обложке. Хотя, некоторое из того, что делает ЦРУ, не так уж отстает от Бэтмэна.

Гордон покачал головой.

— В свое время я обдумывал такую версию,— сказал он, — но в ней много слабых мест. ЦРУ проводит много тайных операций, и некоторые из них довольно дерзкие, но, черт возьми, как вы можете скрыть существование такого человека, как Бэтмэн? Широкая сеть поддержки, от которой никуда не денешься, комплекс материально-технического обеспечения, и многое другое... Рано или поздно, но что-нибудь где-нибудь всплыло бы на поверхность. Слишком много людей было бы привлечено к этой работе. А чем больше посвященных, тем вероятнее утечки информации.

Чэмберс снова кивнул.

— Да, я вижу, куда вы клоните. Значит, Бэтмэн действует в одиночку. Но, дьявол, как ему это удается? Откуда он черпает ресурсы? Вы полагаете, за ним стоит какой-то фанатичный энтузиаст-миллионер? Кто-то наподобие Росса Перо?

Гордон улыбнулся.

— Мне пришлось отказаться от попыток выяснить это, — сказал он. — Прошли те времена, когда я чувствовал то же, что вы сейчас. Я даже составил тогда лист подозреваемых, но никто из них не соответствовал образу Бэтмэна. Иногда мне кажется, что если бы кто-то хорошо осведомленный о действиях Бэтмэна начал глубоко и усердно копать, быть может, ему удалось бы узнать, кто эта Летучая мышь на самом деле, но я не этот кто-то. Я не хочу знать. Мое знание сделало бы его уязвимым и снизило эффективность его присутствия. И это сделало бы уязвимым меня самого, с точки зрения давления, которое и вы, и я испытываем сейчас. Просто... я не могу выдать того, чего не знаю. Я редко занимаю такую позицию, но, я думаю, в данном случае мне лучше оставаться вне игры.

Чэмберс задумчиво поджал губы.

— Что вы ответите, если я скажу, что хотел бы с ним встретиться? Только вы и я, на любых условиях. Вы сможете это устроить?

С минуту Гордон внимательно рассматривал его.

— Может быть.

— Вы действительно постараетесь?

— Если вы рассчитываете взять его, Рис, то это вам не по зубам. Только без обиды.

— Никаких арестов. Обещаю, я буду хорошо себя вести. Как скажете. Если хотите, заберите мой пистолет и проверьте, нет ли на мне микрофона. Все, что хотите. Я не собираюсь играть грязно. Я только хочу поговорить с этим парнем. Просто понять, откуда у него такая настойчивость. В конце концов, моя карьера, что ужаснее всего, в каком-то смысле — в его руках.

Гордон кивнул.

— Посмотрим, что я смогу сделать. Но я ничего не обещаю.

— Мне достаточно вашего слова. — Он потянулся за чеком.

— Позвольте мне заплатить, — сказал Гордон.

— Нет, все в порядке, — запротестовал Чэмберс. — На этот раз платит Бюро. Какого черта, может статься, мне больше не выплатят ни цента на служебные расходы.

— Как себя чувствует наша гостья? — спросил Брюс Альфреда, который сегодня отнюдь не выглядел как Альфред. Он сменил привычный для себя элегантный темный костюм на монотонно-коричневую твидовую куртку, застегнутую на все пуговицы, белую рубашку с широким шелковым галстуком, серые фланелевые слаксы и кожаные домашние тапочки. Волосы он прикрыл темно-каштановым париком, обильно сдобренным сединой, к нему подобрал густую бороду, которая спрятала аккуратно подстриженные седеющие усы. Он добавил искусно наложенный грим и очки в роговой оправе и стал совершенно неузнаваем. Он мог бы предстать кем угодно, принять любую внешность, но Альфред предпочел выглядеть как дядюшка-университетский-профессор, безобидный, но все же с намеком на неуловимую строгость. Это был тот выбор, который много говорил о знании дворецким человеческого характера.

Альфред вздохнул.

— Иногда она становится поистине несносной молодой особой, хозяин.

— Несносной? В каком смысле?

— Она очень противоречива и крайне раздражительна, а ее метод завоевания власти над окружающими заключается в демонстрации вызывающего, задиристого, и, в совокупности, довольно неприятного внешнего облика. Похоже, это ее способ держать людей на расстоянии, пытаться показать свою уверенность и самонадеянность, но внутри она просто до смерти запуганная молодая женщина.

— Я знаю, Альфред, — сказал Брюс. — Постарайся быть с ней терпеливым. Ее жизнь была нелегкой.

— Мне тоже пришло это в голову, — ответил Альфред. — Кажется, она особенно разволновалась, посмотрев по телевизору вечерние новости.

— Ее не за что винить, — сказал Брюс, — это действительно был очень волнующий репортаж.

Он тяжело вздохнул. В последних новостях передали ответ Спектра на его видеопослание. В вечернем выпуске также прозвучала прискорбная статистика взрыва. Погибло более двухсот шестидесяти человек. Около сотни тяжелораненых. И неопределенное число жертв до сих пор остается под развалинами. Его словно охватило оцепенение. Единственное чувство, которое он мог ощущать, — холодная ярость, и ему требовалась вся сила воли, чтобы сдержать ее в себе. Ему еще потребуется эта ярость, она поможет ему, но он должен держать ее под контролем, иначе даже страшно представить, к чему это может привести.

— Возможно, я совершил непростительную ошибку, выманив его на поединок, — сказал Бэтмэн. — Судя по всему, он не остановится и террористические акты против невинных людей еще не раз потрясут город. Он не пойдет ко мне в руки сам, как мы рассчитывали.

— Если вы и дальше будете относиться к его угрозам совершить повторные теракты, как к намерению унизить и осрамить вас лично, — сказал Альфред, — тогда вы рискуете попасть в западню, которую он для вас приготовил.

Брюс нахмурился.

— Как это, Альфред?

— Я кое-что знаю о психологии террористов, — ответил дворецкий, — со дней моей службы в воздушных войсках особого назначения. Террорист добивается власти. Он стремится манипулировать своими жертвами через страх, чувство вины и неуверенность. Хозяин, если Спектру удастся убедить вас, что часть ответственности за его акции лежит на ваших плечах, тогда он выиграет половину сражения. Не вы создали его. И вы не отвечаете ни за него, ни за его поступки. Он взял на себя эту миссию и заключил этот ужасный контракт по своей собственной воле, и, как я предполагаю, ему заплатили за это кругленькую сумму. Но вы не принимали в этом участия. Даже если бы вы полностью оставались в стороне от всего происходящего, это ничего бы не изменило.

— Может быть, — сказал Брюс. — Но, боюсь, люди станут винить меня за то, что я побудил его к еще большей жестокости.

— Возможно, — согласился Альфред. — Кое-кто из горожан, без сомнения, будет винить именно вас, но только те, кто и раньше не одобрял ваших поступков. Но, я думаю, вы недооцениваете жителей Готем-Сити. Они знают, во имя чего боретесь вы, и во имя чего действует Спектр.

— Надеюсь, вы правы, Альфред, — сказал Брюс. — Но я уже не помню, когда чувствовал себя таким беспомощным. Наверное, ни разу с того дня, когда убили моих родителей. Спектру удалось ускользнуть от самых лучших разведслужб и правоохранительных органов во всем мире. Как я смогу отыскать такого человека в городе с населением более двух миллионов?

— Боюсь, у меня нет ответа на этот вопрос, хозяин, — с сожалением сказал Альфред. — Поэтому-то террорист — самый отвратительный и опасный из созданий. Он всегда наносит удар из тени, не делая различий, и он всегда остается безликим и неузнанным. Если только его предаст кто-нибудь из его же организации или если вам удастся проникнуть в эту организацию, тогда его можно сокрушить. Иначе, единственный способ остановить его — ждать, пока он допустит какую-то ошибку, или как-то предвидеть его шаги.

— Спектр не похож на человека, который делает ошибки, — возразил Брюс. — Об этом свидетельствует длинный список его удавшихся покушений, которые он организовывал по всему миру. И если речь заходит о предвидении его шагов, то возможно ли это? В Готем-Сити бесчисленное количество объектов, которые он при удобном случае может выбрать в качестве цели. А я — всего лишь человек. И я — один.

— Небольшая поправка, хозяин, — сказал дворецкий. — Вы — не один. У вас много друзей среди жителей этого города. Таких, как комиссар Гордон, кто признателен вам и кто в долгу перед вами. Не кажется ли вам, что теперь пришло время платить эти долги?

Последняя группа учеников закончила тренировку несколько часов назад, и Сато только завершил медитацию, как вдруг он почувствовал присутствие кого-то знакомого в додзе.

— Вы сегодня рановато, Грызун в маске, — крикнул он из-за ширмы, которая отделяла его закуток от остального чердака.

— Сенсэй, мне нужна ваша помощь, — сказал Бэтмэн.

Сато появился из-за ширмы босиком и в длинном черном шелковом кимоно, ниспадающем свободными складками.

— Это связано с человеком, который называет себя Спектром, не так ли?

— Да.

Сато кивнул.

— Проходите. Садитесь. Я как раз заварил себе немного чаю.

Они уселись в излюбленном уголке на подушки, разложенные вокруг низкого черного лакированного столика.

— А я все размышлял, когда же вы придете спросить об этом человеке, — сказал Сато, разливая чай по чашкам.

— Мне не хотелось навязывать другим свои проблемы, — объяснил Бэтмэн.

— Человек, о котором идет речь, — для всех нас проблема, — сказал старик. — Он объявил войну всем жителям этого города, войну, которую ведет нечестными средствами. Такого человека нельзя терпеть.

— О нем почти ничего не известно, — сказал Бэтмэн. — Я должен найти его, только так я смогу его остановить, но я не знаю даже откуда начать. Я никогда не сталкивался с таким противником. Его действия не подходят под существующие стереотипы. И нет никакой возможности предвидеть, куда он ударит в следующий раз. Против него я чувствую себя беспомощным. Я...

Сато остановил его резким взмахом руки.

— Ни один человек не станет беспомощным, если он сохранит способность мыслить, — сказал он. — Вы должны отделить себя от своих эмоций. Думайте вот этим, — Сато постучал указательным пальцем по голове, — а не этим, — он приложил руку к сердцу.

— Трудно не чувствовать боль, которую доставляет этот человек, — сказал Бэтмэн.

Сато кивнул.

— Да. В этом его самое опасное оружие. Вы чувствуете боль, которую он принес в наш мир. Вы чувствуете насилие и вы чувствуете гнев, а эти эмоции заставляют чувствовать себя беспомощным. Когда два противника сталкиваются в схватке, проигрывает тот, кого первым охватывает ярость.

— Но разве это возможно, не чувствовать гнев?

— Это невозможно, — ответил старик.

— Сенсэй, пожалуйста! — взмолился Бэтмэн. — Я не нуждаюсь сегодня в ваших загадках.

— Никаких загадок, — возразил Сато. — Существует гнев, который придает силу действиям и управляет поступками, и есть гнев, который зависит от сознания. Мы должны поговорить о последнем. Гнев, который управляет, — это гнев, который мешает ясно мыслить. А гнев, являющийся частью сознания, может стать мощной, мотивирующей силой, энергию которой можно направить во благо. Но только в том случае, если человек сам руководит этой энергией, вместо того чтобы позволить ей руководить собой. Это требует силы воли. Силы духа, которой вы полностью обладаете. Однако в вашем гневе вы позволили своей силе воли ослабнуть. Внутри вас бушует гнев, но для него нет направления, нет выхода, и это порождает беспомощность. Вы проиграли сражение еще до того, как оно началось.

— Тогда как я могу выиграть? — спросил Бэтмэн.

— Не пытайтесь распалять свой гнев, — сказал старик. — Лучше постарайтесь сдерживать его, как часть своего сознания. Это напомнит вам, почему вы делаете то, что должны сделать. Ваш враг ждет, чтобы вас охватила ярость. Он знает, что она подтолкнет вас на ошибки или разожжет в вас бессилие. В осознании своего гнева к врагу не забывайте, что эмоции — тот инструмент, который может использовать каждый из вас. Не дайте ему почувствовать удовлетворение от использования против вас этого орудия. Умерьте свой гнев холодной осмотрительностью. Разберитесь в своем противнике, узнайте его повадки и оружие, которым он владеет. Чтобы победить его, вы должны научиться мыслить так, как он.

— Вы хотите сказать: чтобы победить Спектра, я должен стать похожим на него, как две капли воды? — спросил Бэтмэн. — Но это то, чему я сопротивлялся всю свою жизнь.

— Нет, — ответил Сато, качая головой. — Вы не должны быть лишь в точности похожим на своего врага, вы должны стать своим врагом. Вы должны заставить себя думать как он. Предвидеть, как он может ответить. Представить, как бы вы поступили на его месте.

— Рассуждать как террорист, как наемный убийца? — уточнил Бэтмэн.

— Точно. Как человек, не способный испытывать ни угрызения совести, ни жалость к своим жертвам. То, что он делает, — результат не душевных порывов, а холодного расчета. Он смотрит на жизни, которые отбирает, лишь как на средство достижения цели. Он отделил эмоции от своего разума. Если, бросив ему вызов, вам удалось пробудить в нем чувства и эмоции, значит, вы сможете выбить привычную почву из-под его ног, изменить условия, при которых он работает лучше всего.

— Так вы не думаете, что это было ошибкой? — спросил Бэтмэн.

— Я смотрел сегодня вечерние новости, — ответил Сато. — Сообщили, что Спектр звонил в телекомпанию и принял ваш вызов. Ему не обязательно было это делать.

— Но я украл его мишень! — ответил Бэтмэн. — У меня есть кое-что, за чем он охотится.

— Разве? Насколько я понимаю ситуацию, его первостепенная задача — оказать давление на правительство для освобождения генерала Гарсиа. И посеять в городе страх и панику, чтобы запустить в ход это давление. Ему вовсе не обязательно контактировать с вами, чтобы провернуть это дело. Если вторая его задача — убрать свидетеля, чтобы предотвратить дачу разоблачительных показаний преподать поучительный урок остальным, искушенным повернуть против своих боссов — то не будет ли для него намного проще нанести удар, когда свидетель явится непосредственно перед судом? Это единственный момент, когда он безоговорочно может быть в том же месте, где и наш свидетель. А если он сомневается по поводу внешности свидетеля, почему бы ему не заложить бомбу где-нибудь в здании зала суда? Он уже продемонстрировал свое бессердечное пренебрежение к человеческой жизни. Какая ему разница, если заодно погибнут и другие?

— Ну, если взять на себя роль защитника дьявола, — рассуждал Бэтмэн, — то для начала, здание суда будет усердно охраняться. Каждый входящий и выходящий будет тщательно проверен, и все, что он принесет с собой, пройдет через детекторы.

— Это не остановит умного парня, — заметил Сато.

— Может статься, не остановит, — уступил Бэтмэн, — но, взрывая здание суда, он рискует жизнью самого Гарсиа.

— Предположим, ему это безразлично, — нашелся Сато. — Предположим, если ему не удастся добиться освобождения Гарсиа, то у него не останется выбора, кроме убийства генерала.

— Возможно, — согласился Бэтмэн.

— Будь я наемным убийцей, — сказал Сато, — а вы спрятали бы от меня персону, которую я хотел бы отправить к праотцам, — и во мне было бы не больше уважения к человеческой жизни, чем у Спектра, — я взял бы заложника и потребовал бы выдачи моей жертвы в обмен на жизнь заложника. В случае невыполнения моих условий я бы убил моего заложника, к тому же в такой манере, что это вызвало бы бурю ужаса и отвращения. А потом взял бы другого заложника. Может быть, двух. Если б вы опять не согласились с моими требованиями, в следующий раз я бы увеличил число несчастных и продолжал бы в том же духе, пока не вынудил бы вас подчиниться моей воле. Одна жизнь за жизни многих. Не то ли это уравнение, которым руководствуется Спектр в своих действиях в случае с генералом Гарсиа?

— Да, бьюсь это как раз то, что он собирается предпринять, — сказал Бэтмэн. — Он уже пообещал взорвать в следующий раз не один, а два объекта. Один — исключительно ради меня.

— Тогда мы докопались до хода его мыслей, — подвел итог Сато, — и его решение не лежит на вашей ответственности. Он сделал этот выбор. Подозреваю, он не раздумывая, поступил бы точно так же, будь свидетель под вашей опекой, или в руках полиции. Поступив так, как считали благоразумным, вы никого не осудили на смерть, мой друг. Наоборот, вы спасли одну жизнь. Жизнь свидетеля. А теперь вы должны попытаться спасти остальных. Возможно, вы потерпите неудачу. Но предпринять попытку — дело чести. Помните одну вещь. Главное различие между вами и этим убийцей-профи в том, что у вас мысль о кровопролитии вызывает отвращение. Пока вы продолжаете защищать свидетеля, вы боритесь во имя спасения жизни. Он — тот, кто совершает смертоубийство, не вы. Однако, если вы спасуете перед его требованиями и отдадите свидетеля ему на милость, тогда вы не только прекратите борьбу во имя спасения жизни, но и станете соучастником убийства. Такова холодная логика, но это должно поддерживать вас в решении, которое вы выбрали. Принимаете?

Бэтмэн кивнул.

— Да, Сенсэй. Я принимаю это.

— Хорошо. Тогда мы сейчас начнем рассуждать как наемные убийцы, вы и я. У меня в таких делах чуть побольше опыта, поэтому я попробую стать на время вашим гидом. Мы уже знаем и его цели, и то, что в его действиях существует стереотип. Вы ошибались, утверждая, что такого стереотипа нет. Это не требует доказательств. Он будет стремиться ввергнуть в ужас жителей этого города, ударить по заметным целям и добиться впечатляющего результата — как говорится, много смертей в одно мгновение. И каждую акцию он преподнесет как захватывающее зрелище, таким образом, чтобы разбудить сильные эмоции. Давайте думать, как он, и выберем оптимальные мишени в нашем городе, так много, насколько хватит фантазии. И тогда постараемся держать ухо востро и следить в оба глаза за этими объектами.

— В нашем городе недостаточно полицейских, чтобы наблюдать за каждой предполагаемой мишенью, — сказал Бэтмэн.

— А мы будем наблюдать не только глазами полицейских, но и тех, кого наш наемник выбрал себе в противники. Глазами горожан. Охотник, идущий по следу добычи в одиночку, имеет меньше шансов на успех, чем тот, кому помогают загонщики, колотя по кустам палками и выгоняя зверя на стрелка.

— Один... один мой друг говорил почти то же самое, — сказал Бэтмэн.

— Значит, ваш друг мудр, и вы поступите правильно, прислушавшись к его совету. У меня много учеников, а у каж-

дого из них много друзей. А у их друзей тоже есть друзья. Вот вам начало. У вас есть друзья, к кому вы могли бы обратиться?

Бэтмэн кивнул.

— Да. Я думаю, найдется несколько человек.

— Тот, у кого есть несколько друзей — богаче, чем можно измерить, — многозначительно заметил Сато. — Пусть каждый вытряхнет из карманов свое богатство, и все вместе мы купим Спектру поражение. А пока давайте пораскинем мозгами, куда мы заложим наши бомбы, если хотим прикончить побольше людей в одно мгновение...

Он заказал лимузин к отелю «Готем-Плаза», представившись как «мистер Дэвон Стюарт из Бладстар рекордз» и сказал, что заплатит шоферу наличными. Он объяснил, что будет на совещании в баре отеля и попросил позвонить ему туда, когда прибудет машина.

Когда водитель увидел, как он выходит из дверей отеля, перед ним предстал человек с черными, ниже плеч волосами, в модных солнцезащитных очках, дорогой черной кожаной куртке, надетой поверх белой шелковой сорочки, и с белым шелковым шарфом, повязанным вокруг шеи; в узких черных кожаных штанах, стянутых витым серебряным ремешком, и высоких ботинках, один из которых словно змея обвивала золотая цепочка. Также у него был в руках также атташе-кейс.

«Мистер Стюарт» забрался на заднее сиденье и дал указание отвезти его к Клубу 34 — самому известному злачному местечку в Готем-Сити, где красивые люди назначают свидания, куда приходят потанцевать, посмотреть на других и показать себя. Швейцар на дверях, чья работа была решать, кого впускать из выстроившейся снаружи очереди, — чей выбор часто зависел от внешности гостя, или супермодного костюма, или сложенной двадцатидолларовой банкноты, незаметно скользнувшей из ладони в ладонь, — неожиданно увидел плавно подкативший длинный белый лимузин, шофера, услужливо открывающего заднюю дверцу для кого-то, на ком со всех сторон так и сияла надпись «рок-звезда» или «музыкальный продюсер» и прикинул, что это должно быть важная персона, а потому сразу же пропустил внутрь.

Очутившись в клубе, Спектр немного помедлил, привыкая к атмосфере: громкая рок-музыка, доносящаяся из концертного зала в сопровождении чуть ли не землетрясения от ритма лихого ударника, разноцветные вспышки цветомузыки, смешанный аромат человеческого пота, парфюмерии и одеколона; и, конечно же, беззаботные парочки — одни кружились на танцплощадке, другие сидели за стойкой бара, соревнуясь в способностях очаровывать, а те, кто уже преуспел в искусстве обольщения, — целовались и ласкали друг друга за столиками и в

темных уголках. Дорогие наряды, дорогая выпивка и дешевые трепет и возбуждение. Он протолкался к бару и привлек внимание бармена, небрежно достав купюру в пятьдесят долларов.

— Да сэр, что приготовить для вас сегодня?

— Только стакан воды, спасибо, но сдачи не надо, если вы будете так добры и посмотрите за моим кейсом. Мне бы не хотелось рисковать потеряв его в толкотне, а я не решаюсь сдать его в гардероб.

— Понятное дело, сэр, никаких проблем. Я поставлю его вот сюда, за стойку, где смогу приглядывать за ним.

— Огромное спасибо.

— Нет проблем. Ух ты, а эта штучка тяжеленькая. Что вы в нем носите?

— Он набит взрывчаткой.

— Да, точно. — Бармен улыбнулся. — Не беспокойтесь, я перенесу его очень осторожно.

— Спасибо. Я ценю это.

— Всегда пожалуйста, сэр. — Он убрал купюру в карман.

Спектр закурил французскую сигарету и немного отпил из своего стакана.

— Привет.

Он обернулся и увидел молодую женщину. Длинные, светломедовые волосы, надутые губки, хорошенькое личико и исключительно облегающее и короткое платье с таким глубоким вырезом, который почти ничего не оставлял для воображения.

— Привет.

— Меня зовут Линда. А вас?

— Девон.

— Девон. Какое красивое имя. Судя по акценту — вы англичанин.

Он улыбнулся.

— Раньше я вас здесь не видела. Чем вы занимаетесь?

— Я профессиональный убийца.

Она захихикала.

— И много людей вы отправили на тот свет?

— О, очень много. А чем вы занимаетесь?

— О, это зависит от того, что вам больше нравится. Потанцуем?

Они перешли на танцплощадку. Она хорошо танцевала.

Не упуская глазами его взгляд, она постепенно уменьшала расстояние между ними и позволяла их телам часто соприкасаться. Через минуту они уже двигались в объятиях друг друга. Она кокетливо запрокинула назад голову, так чтобы он смог поцеловать ее.

— Ммм... — пропела она ему на ухо, — ты просто потрясаю-

ще целуешься. Мне кажется, мы неплохо проведем с тобой этот вечер.

— Да, я в этом уверен. Извини, мне надо на минутку оставить тебя, хорошо? Мне необходимо найти комнатку для маленьких мальчиков. Будь хорошей маленькой девочкой. Подожди меня у бара. Договорились?

— Ладно, малыш. Возвращайся побыстрей.

Он пробрался сквозь толпу танцующих и выскользнул через пожарную дверь. Здесь он сорвал с себя парик и очки, швырнул их в мусорный бак и спокойно пошел к углу здания. Завернув за угол, он остановился у телефона-автомата и взглянул на часы.

— Прощай, Линда, — сказал он.

Взрыв был достаточно сильным, чтобы разнести вдребезги весь фасад здания и смести с тротуара гомонящую толпу, терпеливо ожидавшую своей очереди повеселиться в клубе. В это же время вторая бомба, в похожем атташе-кейсе взорвалась в Отеле Готем-Плаза. Спектр поднял трубку телефона и набрал номер. Ему ответила запись автоответчика:

— Привет, это Энрике. Меня сейчас нет дома, но если вы оставите свое имя и номер или краткое сообщение после сигнального гудка, я свяжусь с вами как только смогу.

В трубке послышался гудок.

— Говорит Спектр. Да, я знаю, где вы живете. Но в этом нет повода для беспокойства. Мы ведь старые друзья, вы и я. Наверное, вы уже знаете, что я подложил бомбу в Отеле Готем-Плаза. Это для того, чтобы напомнить всем о генерале Гарсиа. Я также только что взорвал Клуб 34. Это за вмешательство Бэтмэна в мои дела. Передайте ему мои самые теплые пожелания, ладно? Хорошего настроения.

Он повесил трубку и, насвистывая, пошел прочь по улице.

— Привет, это Пол Сантоне...

— ...а я — Джоди Деннис. Добро пожаловать в «Доброе утро, Готем».

— Обычно в это время, — объявил Сантоне, — мы представляем вам круг наших гостей, а потом немного болтаем, прежде чем передать слово Биллу Йохансену с утренними новостями и прогнозом погоды. Но в свете ужасных происшествий вчерашней ночи, нам кажется очень трудным, даже невозможным вести нашу утреннюю программу как обычно весело и беззаботно. Для тех из вас, кто еще не знает о двойной трагедии, которая потрясла город прошлой ночью, мы сразу перейдем к Биллу Йохансену в отдел новостей. Билл?

Кадр резко оборвался, и на экране появился средних лет человек в сером костюме и красном галстуке, сидящий за столом в комнате отдела новостей.

— Да, это поистине ужасные события, Пол. Прошлой ночью, примерно через час после полуночи, Спектр снова нанес удар. И не один, а два, с трагическими, разрушительными последствиями. Готем еще не оправился от взрыва Универмага Баррингтона, когда Спектр снова осуществил свои угрозы, сея ужас среди населения города. Приблизительно в одно время две бомбы взорвались в Отеле Готем-Плаза и шикарном ночном Клубе 34. К этому часу пожарным, после непрерывной ночной работы, удалось потушить пламя в Клубе 34, но Отель Готем-Плаза — все еще охвачен пожаром. За подробностями мы обратимся к Рону Мэтьюзу, разместившему свою съемочную группу на Готем Плаза. Рон? Вы меня слышите?

Камера показала молодого репортера в свободном плаще, стоящего напротив полыхающего отеля, на другой стороне улицы. На заднем плане виднелось несколько пожарных машин, с которых пожарные направляли потоки пены из брандспойтов. Темное небо раннего утра озаряли мигалки патрульных полицейских машин и автомобилей скорой помощи. А в нижнем углу экрана светилась графическая эмблемка телевизионной станции и надпись «Прямая передача».

— Да, я вас слышу, Билл, — отозвался Рон Мэтьюз, плотнее прижимая наушники, — но это не так-то просто из-за шума. Я слышу вой сирен с того самого момента, как мы сюда приехали. Да еще душераздирающие крики людей. Пока не всех удалось спасти из этого ужасного ада. Я стою на дальнем краю площади — ближе к отелю полиция никого не подпускает. Но и отсюда хорошо виден хаос и полнейшее разрушение. Несмотря на ранний час, тротуары по эту сторону заграждений запружены людьми. Как и мне, им трудно отвести взгляд от шокирующих, невероятных последствий ночной бойни.

Похоже, никто не знает в точности, как это произошло. Я не знаю, видно ли вам на экранах, но мне видно, что весь фасад левого крыла Отеля Готем-Плаза — слева от вас и справа от меня, — просто полностью отсутствует, словно туда попала управляемая ракета. Часть здания обрушилась, а остальное — охвачено пожаром. К тому времени, когда подоспели первые пожарные команды, огонь уже вышел из-под контроля и распространился по всему зданию по внутренним переборкам. Это была долгая и тяжелая ночь для пожарного департамента Готем-Сити, да и для полиции тоже. Рядом со мной стоит пожарник из команды Готем-Сити, Дэн Замбровски. Несмотря на очевидную усталость, он согласился дать нам короткое интервью, пока выдалась так необходимая для него передышка в работе...

Кадр расширился и показал усталого пожарника, шагнувшего ближе к камере.

— Дэн, я вижу, вы, должно быть, сильно устали. И я за-

метил, как несколько минут назад вы дышали кислородом из баллонов... Для вас это была тяжелая ночь. Как идут дела у пожарных?

— Настолько успешно, как только можно было ожидать, Рон. Через пару минут, как только немного отдышусь, я снова должен вернуться в пекло... Господи, там, внутри — настоящая преисподняя. Мы делаем все возможное, чтобы вызволить людей из огненной западни. Внутри все еще остается много людей. Пламя оттеснило их на верхние этажи... С помощью вертолетов мы сняли с крыши некоторых из них, тех кому удалось туда выбраться, но... это еще далеко не все...

— У вас есть предположения, какого типа бомба взорвалась на этот раз?

— Откуда мне знать... я не специалист. Мы только выяснили, что ее, скорее всего, заложили где-то на первом этаже. Но какой бы она не была, это чертовски мощная зажигательная штука. Взрывной волной, словно ветром, сдуло целый фасад дома, а интерьер и стены вспыхнули, будто кто-то обмазал их напалмом.

— Как вы думаете, сколько еще пройдет времени, прежде чем удастся сбить огонь?

— Не знаю... надеемся, что час или около того. Но ручаться трудно... Наша главная задача сейчас — спасти людей.

— Судя по всему, зданию причинен значительный ущерб.

— С ним полностью покончено. Я хочу сказать, не знаю... Я могу ошибиться, но я не вижу никакой возможности уберечь отель от разрушений.

— Вы можете назвать примерное количество погибших?

Пожарник покачал головой.

— О, Боже, не спрашивайте. Я даже не хочу думать об этом. Я работаю пожарником пятнадцать лет, и это худшая ночь за всю мою жизнь, Извините, я должен идти ...

— Конечно, я понимаю. Спасибо, что уделили нам время из своего перерыва. Будьте там поосторожнее, Дэн.

— Да, спасибо.

— Что ж, вы слышали его. Он в пожарной службе уже пятнадцать лет, и это — худшая ночь за всю его жизнь. Это доходчиво говорит о том, что здесь творится. Пока все, Билл.

— Спасибо, Рон. Будь поблизости и держи нас в курсе дела.

— Да, хорошо.

— А если этот сюжет был недостаточно зловещим, мы обратимся к Сюзан Шапиро и событиям у Клуба 34. Сюзан?

На экране появилась симпатичная молоденькая брюнетка в черной кожаной куртке. Она стояла на тротуаре, подругую сторону улицы от мрачных развалин, которые недавно были Клубом 34.

— Билл, за моей спиной — то, что осталось от шикарнейшего ночного притона Готем-Сити! Известного когда-то как ночной Клуб 34. Я даже не знаю, как начать... как описать вам эту сцену... Мы просто подкатим камеру поближе, и вы сами все увидите.

— Мой Бог, — отозвался из-за кадра голос Билла Йохансена.

— У меня просто нет слов, — продолжала Сюзан Шапиро. — Только недавно пожарным удалось потушить огонь, и вы можете ясно увидеть, что оставшееся от некогда популярнейшего местечка — не более, чем дымящиеся руины. Это напоминает зону военных действий. Это мог быть Бейрут, или Дрезден времен второй мировой войны после бомбардировки. Полиция и пожарные разбирают дымящиеся обломки, пытаясь освободить тела погибших и возможных уцелевших. Хотя трудно представить, что кто-нибудь мог выжить. Это... это просто непостижимо.

— Сюзан, — прервал ее Йохансен, — можно как-нибудь установить, сколько людей находилось внутри?

— Билл, об этом тяжело рассуждать. Клуб был забит до отказа. Ведь была субботняя ночь. В этот день недели сюда всегда стекается море народа. А многие стояли в очереди у дверей. Из них почти никто не уцелел. Рядом со мной находится выживший очевидец взрыва. Сэр, подойдите, пожалуйста, поближе.

В кадр шагнул молодой человек в модной, «крутой» одежде, но его кожаную куртку покрывал слой пыли, белая сорочка с расстегнутым воротником была грязной, а беспорядок на голове никак нельзя было назвать прической.

— Ваше имя ...

— Романелли. Тони Романелли.

— Мистер Романелли, чтобы объяснить телезрителям ваш внешний вид, я сразу же скажу, что вы оставались здесь на протяжении всей ночи, помогая вести спасательные работы.

— Да, верно. Я хочу сказать... знаете, я просто не мог уйти. Боже, я должен был сделать что-нибудь.

— Это правда, что вы на самом деле стояли в очереди около клуба за минуту до того, как произошел взрыв?

— Да, верно. Я отошел за сигаретами и попросил парня, который стоял за мной, чтобы он сохранил для меня место, пока я сбегаю в бар на противоположной стороне улицы.

— И это спасло вам жизнь?

— Да. Вы можете поверить? Я ведь собирался бросить курить. Почти все, кто стоял в этой очереди погибли. Просто невероятно. Меня все еще пробирает дрожь.

— Значит, вы были в баре напротив, когда рванула бомба?

— Да, я как раз вошел внутрь, чтобы воспользоваться автоматом с сигаретами. Я не пробыл там и пяти секунд, когда все

взлетело на воздух. Бар находится в полуподвале, поэтому там только одно небольшое окошко около двери. Его выбило, а осколки разлетелись по всему бару. Взрыв ощущался даже там. Зеркало на задней стене разбилось, бутылки разбились, а тех, кто сидел у двери, швырнуло со стульев на пол.

— Эта забегаловка прямо через дорогу?

— Да, верно.

— А был ли с вами кто-нибудь в очереди? Я имею в виду, вы пришли в клуб один?

— Со мной была пара друзей с работы. Я не знаю, что сейчас с ними. Мне кажется, они погибли. Вы знаете, странно, я даже не думал об этом. Я был словно в оцепенении. Я не мог уйти домой. Я хочу сказать: если б я ушел, то не перенес бы напряжения, я уверен. Я не могу думать сейчас об этом. Я, не хочу больше говорить, о'кей?

— Конечно. Спасибо, мистер Романелли. Вам крупно повезло.

— Да, я тоже так думаю. Забавно, но я не чувствую себя таким счастливым.

— Тебе слово, Билл.

— Спасибо, Сюзан. Мы отыскали Росса Карнера у Центральной Больницы Готем-Сити...

Не сказав ни слова, Альфред подошел к телевизору и выключил его.

— Оставьте, — сказал Брюс.

— Нет, хозяин, — мягко возразил дворецкий. — Вы уже достаточно видели. Не изводите себя. Вы бодрствовали всю ночь напролет. Вам необходим отдых.

Брюс Уэйн поднял голову.

— Как, Альфред? — спросил он хрипло. — Как я могу спать, когда этот монстр разгуливает по улицам города? И в любой момент может ударить снова? Как? Объясни мне!

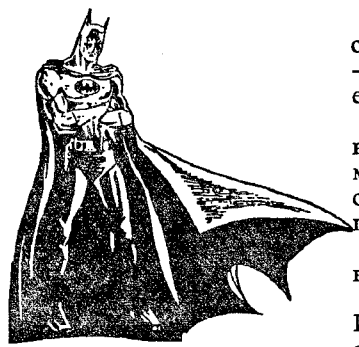
— Вам еще понадобятся силы, — ответил Альфред. — Вам еще понадобятся все ваши способности, быть может, как никогда раньше. Я знаю, вам заснуть будет нелегко. Я могу дать вам легкое успокоительное...

— Мне будет это сниться, Альфред. Реальность и так достаточно ужасна. Я не хочу окунуться в ночной кошмар.

— Вы должны отдохнуть, хозяин. Вы должны.

— Для меня нет отдыха, Альфред. До тех пор, пока он на свободе. — Брюс поднялся с кресла. — Я иду в Бэткейв. Мне надо многое сделать.

8

— Я не думал, что вам удастся организовать встречу так быстро, — сказал Чэмберс, когда они переезжали мост в машине Гордона.

— Но я ничего не организовывал, — возразил Гордон. — Бэтмэн сам попросил о встрече. И он особо настаивал на вашем присутствии.

— Вы не шутите? Как же он с вами связался?

— По телефону, — ответил Гордон. — И если вы думаете спросить меня, нельзя ли его выследить, то лучше забудьте об этом. Мы уже пробовали.

— И?

— Мы мотались по всему городу, и как оказалось, за своим же собственным хвостом. Не знаю каким образом, но он умудрился подключиться к компьютерным линиям телефонной компании и устроил изрядную неразбериху во всей системе. В Готем-Бэлл до крови кусали локти, пытаясь докопаться, что он напортачил и как. Они так и не разобрались, в чем дело.

— Значит, в добавление ко всему остальному он еще и компьютерный хэкер?

— Бэтмэн — понятие широкое и разностороннее, — сказал Гордон.

— Знаете, мне неловко признаваться в этом, но в каком-то смысле я начинаю ощущать раболепное восхищение перед этим парнем. Представляете?

— Это не так уж трудно представить, — отозвался Гордон. — Я — полицейский, вы — агент ФБР. Каждый из нас мог бы зарабатывать куда больше, занимаясь каким-нибудь другим делом, вот только мы упрямо занимаемся своим. Почему? Возможно, потому что наши отцы служили в системе правопорядка. А может быть потому, что Мэгг Диллон сильно повлиял на нас в детстве или Том Микс, Ред Райдер или Дюк.

Чэмберс усмехнулся.

— Это не мое поколение, — сказал он. — Для меня это был Боб Конрад в «Диком, диком западе».

— Государственный агент, всегда в костюме и никогда не

улыбается, — вспомнил Гордон. — Да. Понимаю, почему вы поступили в ФБР.

Чэмберс загоготал.

— Неужели вы и вправду думаете, что все так просто?

— Конечно нет, — признал Гордон, — но это важный фактор. Герои детства формируют наши ценности. Быть может мы не воспринимаем это сознательно, но тем не менее это так.

— Кто же был для вас таким героем? — поинтересовался Чэмберс.

— Только не смейтесь.

— Хорошо, я обещаю.

— Зеленый Шершень.

— Зеленый Шершень?

— Вы обещали не смеяться.

— Я не смеюсь. Но... Зеленый Шершень? Но почему этот герой, из старого радиошоу?

— Полагаю, что для меня, маленького мальчика, Зеленый Шершень символизировал добродетель. Он был чистым. В нем не было места для серого, неясного. Он принимал людей либо как плохих, либо как хороших. А хороший человек не знал ситуаций, в которых позволительно быть плохим или даже чуть-чуть плохим. Компромиссов не существовало.

— Другими словами, никакой ситуационной этики, — поддакнул Чэмберс.

— Верно. Хотя, будучи маленьким мальчиком, что я мог понимать в ситуационной этике? Я знал: если ты хороший человек — ты и поступаешь хорошо, помогаешь другим людям. А ближе всех к идеалу Зеленого Шершня был мой старик.

— Который был полицейским.

— Обыкновенным патрульным в Чикаго, — подтвердил Гордон. — И в те времена, когда многие полицейские в Чикаго были коррумпированы. Но только не мой отец. Каждый в округе знал, на чем он стоял. Люди снимали перед ним шляпы, когда он шел по улице. Он заботился о людях и пытался помочь им. Он был большим человеком и сильным, и хорошим, и казалось, нет такой вещи, с какой он не смог бы справиться. Для меня мой отец был совсем как Зеленый Шершень.

— Так вы стали полицейским, — заключил, кивнув, Чэмберс. — Да, звучит логично. — Он вздохнул. — Но быть полицейским в наши дни — совсем другое дело. Вы когда-нибудь жалели о своем выборе?

— Ни секунды.

— Правда?

— Правда. А вы?

— Иногда, — признался Чэмберс. — Были времена, когда нужно было стать юристом, чтобы вступить в ФБР. Теперь это положение, конечно, изменилось, но иногда я спрашиваю себя: не лучше ли мне было стать юристом?

— И, конечно же, прокурором, — предположил Гордон.

— Конечно. Я разоблачал бы нехороших людей, а может быть, стал бы писателем.

— Писателем?

— Да. Тогда я бы писал красивые истории и всегда с хорошим концом. Романы, в которых хорошие ребята всегда побеждают. Романы, в которых не страдают невинные люди, а наш мир — лучшее место для жизни.

— Вы бы разорились, — сказал Гордон.

— Да, наверное, вы правы.

Они выехали на лужайку для пикников, хорошо укрытую от дороги небольшой рощицей.

— Это то самое место? — спросил Чэмберс.

— Нет, мы просто остановились на пикник, — пошутил Гордон.

— Забавно.

Они выбрались из машины.

Чэмберс огляделся вокруг.

— Укромное местечко, но не похоже, что это самая безопасная лужайка на свете. Он не боится попасть в западню?

— Нет, не боится, — произнес глубокий голос из тени деревьев.

Рука Чэмберса инстинктивно рванулась к пистолету, но Гордон заранее освободил его от этой тяжелой обузы. Он настоял на своем и запер оружие в бардачке машины.

Бэтмэн вышел из тени. Чэмберс был готов увидеть необычный костюм Летучей мыши, но не был готов к такому облику. В нем было больше шести футов росту, а по комплекции он походил на Мистера Олимпия. Под костюмом был не набивочный материал, а груда твердых мускулов. И что-то еще было в этом человеке. Что-то невероятное в самом его образе. Не только в том, как он выглядел, но и как он держал себя, как двигался... Он притягивал внимание. Чэмберс медленно вытащил руку из-под пиджака, где была лишь пустая кобура.

— Здравствуйте, комиссар. А вы, должно быть, мистер Чэмберс?

Он шагнул вперед и протянул Чэмберсу руку. Рукопожатие у него было крепким.

— Разве вы не рискуете, встречаясь со мной? — спросил агент ФБР. — Что, если бы я вытащил пистолет и ткнул вам в лицо?

— Я бы отобрал его у вас, — сказал Бэтмэн. Он сказал это так мягко, просто и как бы между прочим, что у Чэмберса не осталось никаких сомнений, что он без труда именно так бы и

сделал. — Кроме того, — продолжил Бэтмэн, — вам нужен не я, а Спектр.

— Можете повторите эти слова, — согласился Чэмберс. — Сейчас, вы — та проблема, которая меня волнует меньше всего. Вы знаете, что этот ублюдок сделал прошлым вечером?

— Да, — мягко сказал Бэтмэн, — я знаю. Вот почему я искал встречи с вами. Его необходимо остановить.

— В этом пункте наши точки зрения совпадают, — сказал Чэмберс. — Кстати, как там мой свидетель?

— Мисс Моррисон в полном порядке, и ей у меня очень уютно. Вы можете не беспокоиться на ее счет. Уверяю вас, она будет присутствовать на суде, чтобы свидетельствовать против Гарсиа.

— Вы не находите ее несколько несносной? — спросил Чэмберс.

— У нее была непростая жизнь, — ответил Бэтмэн. — Это нужно принимать во внимание. По крайней мере, попытаться.

— Объясните мне одну вещь, — сказал Чэмберс. — Как вам удалось провернуть это дело?

— У меня свои методы, — ответил Бэтмэн.

Он повернулся к Гордону.

— Я прошу прощения, комиссар, за то, что пришлось нокаутировать ваших людей, но я не хотел подвергать их риску ранения. Будьте добры, передайте им мои извинения.

— Я передам, — заверил Гордон.

— Мистер Чэмберс, я должен извиниться и перед вами. В мои намерения не входило мешать ни вам, ни комиссару, но я очень беспокоился о безопасности всех сторон, вовлеченных в это дело. Я опасался, что Спектр может попытаться давить на комиссара, угрожая его семье. Я же не восприимчив к таким угрозам, так же, как невосприимчив к политическому давлению, и для меня невозможны утечки информации.

— Я ценю ваши побуждения, — сказал Чэмберс, — но вы отдаете себе отчет, что стали виновны в похищении и ряде других преступлений? По закону я должен был бы арестовать вас.

— Я понимаю это, — сказал Бэтмэн. — Однако мы все вынуждены согласиться, что это — экстраординарная ситуация и, если мы преуспеем, тогда, подозреваю, для властей будет не так уж трудно отказаться от обвинения в похищении. Что касается других обвинений, ...что ж... наверное, мне придется жить вместе с ними.

— Только объясните мне одну вещь, — попросил Чэмберс. — Вы, без сомнения, высокоинтеллигентный и состоятельный человек. Тот, кто может устроить свою жизнь как ему вздумается. Так почему вы выбрали такой путь в жизни?

— Что заставляет вас думать, что у меня был выбор? — сказал Бэтмэн. — Почему вы делаете то, что вы делаете?

— Со мной другая история, — возразил Чэмберс. — Я работаю внутри системы. Вы могли бы выбрать то же самое.

Бэтмэн покачал головой.

— Я даже близко не был бы столь эффективен. Система имеет определенные ограничения. Я уверен, вы это знаете. Преступники не боятся системы. Они научились манипулировать ею. Они боятся меня, потому что знают, что меня система не сдерживает.

— Но хорошо известно, что вы не убиваете, — сказал Чэмберс, — или, по крайней мере, стараетесь.

— Нет, я не убиваю, — согласился Бэтмэн. — Сама мысль об убийстве вызывает во мне отвращение. Но я могу подвергнуть преступников наказанию. Я могу унизить их среди им равных. Я могу заставить их бояться. И это то, чего не может полиция. Впрочем, я просил вас прийти сюда не для того, чтобы оправдывать себя или разъяснять вам мои методы. Мы должны остановить Спектра, и время очень дорого.

— О'кей, — сказал Чэмберс. — Я слушаю.

— Спец-группы, которую вы собрали, не достаточно для задания, — отметил Бэтмэн. — Мы должны предупреждать его акции. Это единственная возможность его остановить. Во всяком случае до тех пор, пока он не проглотит мою наживку и не начнет охотиться непосредственно на меня. Я собираюсь привести его в бешенство и очень надеюсь, что это сработает.

— Что вы можете предложить?

— Я организовал свою соответственную спецгруппу, — сообщил Бэтмэн, — состоящую из жителей Готем-Сити.

— Гм... подождите минутку... — начал Чэмберс, но Бэтмэн поднятием руки попросил его замолчать.

— Выслушайте меня. Всех этих людей строго проинструктировали избегать прямого вмешательства. Их первостепенная задача — наблюдение.

— Кто эти люди? — спросил Гордон.

— Некоторые из них вам знакомы, комиссар. Зеленые Драконы, например.

— Зеленые Драконы? — удивился Чэмберс. — Кто они, уличная банда?

— Не совсем, — ответил Гордон. — Зеленые Драконы — это группа молодых людей, главным образом восточного происхождения, которые действуют как некая районная ассоциация по защите граждан в Чайна-Таун. Самым младшим — по восемнадцать. Это минимальный возраст, когда вас могут принять; старшим — далеко за двадцать, а некоторым членам их совета даже по тридцать. Все они — прекрасно тренированные мастера боевых искусств, они не носят оружия. В сущ-

ности, они патрулируют по ночам улицы, а днем помогают проводить различные общественные мероприятия.

— Как Ангелы-Хранители в Нью-Йорке? — спросил Чэмберс.

— По своей сути они похожи, — сказал Бэтмэн. — Зеленые Драконы добровольно предложили свои услуги, так же как и таксисты Готем-Сити, и все остальные, кто единодушно отдал часть своего свободного времени этому заданию.

— И что это за задание? — поинтересовался Чэмберс.

— Мы должны попытаться представить себе действия Спектра, — сказал Бэтмэн. — Основываясь на том, что я знаю о нем и что сумел логически вычислить, я составил перечень возможных мишеней, по которым он предположительно решится ударит. Вот копия списка. — Он протянул Чэмберсу компьютерную распечатку. — Наиболее вероятные цели отмечены звездочкой. Ко всем объектам должны быть назначены наблюдатели. Я приготовил для них все необходимое, включая рации двусторонней связи. Это позволит им постоянно держать контакт с вашей спецгруппой. Чтобы избежать путаницы в эфире, они не будут пользоваться стандартной полицейской волной. Выбранная оптимальная частота отмечена в распечатке.

— Но как, черт возьми, они узнают, что Спектр покажется в одном из этих мест? — спросил Чэмберс. — Там всегда полным-полно народу. Люди толпами входят и выходят. И он может быть любым из них.

— Не совсем любым, — возразил Бэтмэн. — Мы знаем, что он мужчина, по-видимому, европеец. К тому же тип взрывчатки, которым он пользуется, и ее количество, необходимое для желаемого эффекта, требуют слишком много места, чтобы ему без хлопот удалось пронести бомбу на себе. Конечно, он может разобрать свое устройство и распределить отдельные компоненты под одеждой. А потом, попытаться собрать их в единое целое в непосредственной близости от выбранной им мишени. Но это займет слишком много времени и к тому же слишком рискованно. Вместо этого, он, скорее всего, пронесет уже собранную бомбу в атташе-кейсе или в наплечной сумке. И то, и другое выглядит совершенно естественно и не вызовет ни у кого подозрений. Команды гражданских наблюдателей получат особые информационные распечатки с четкими инструкциями, на что обращать внимание и как действовать. Если они заметят что-либо необычное, то сразу свяжутся по радио с полицейскими подразделениями или спецгруппой.

— Потрясающе! Так, значит, мы ищем мужчину с дипломатом или сумкой через плечо! Вы можете себе представить, сколько человек нам придется преследовать и проверять по ложным наводкам?

— Это лучше, чем вообще не иметь наводок, — ответил Бэтмэн. — Но мы можем сделать больше. Когда Спектр въезжал в страну, ему пришлось проходить таможню. Проникнуть в страну нелегально означает дополнительный риск и Спектр был бы вынужден вовлекать лишних людей, которым вряд ли доверяет. Совершенно ясно, что он въехал в страну либо по туристической визе, либо по дипломатическому паспорту. Липовые они или подлинные — для нас несущественно. Главное — должна остаться регистрация въезда.

— Да вы только подумайте, сколько уйдет времени, чтобы просмотреть все записи! — сказал Чэмберс. — Даже если мы начнем с момента прибытия в город Гарсиа, на это уйдут недели!

— Вероятно, для вас, но не для меня, — возразил Бэтмэн. — Мое компьютерное оборудование позволит намного быстрее справиться с этим заданием. Откровенно говоря, я его уже почти выполнил. Но и это не все, что в наших силах. У Спектра должна быть своя база в городе. Сомневаюсь, чтобы он выбрал посольство, где его легко выследит контрразведка. И он едва ли остановил свой выбор на гостинице. Там его вычислят тоже достаточно просто.

— Знаю, — сказал Чэмберс. — Мы уже проверяли.

— Поэтому остаются только две возможности, — продолжил Бэтмэн. — Сначала я предполагал, что он остановился в апартаментах, арендованных его нанимателями. Но в этом случае слишком высок риск, что на него выйдут по цепочке. У него другой modus operandi. Спектр очень предусмотрительный человек. Значит, он нашел, у кого остановиться, либо снял квартиру через вторые руки — то есть у того, кто сам снимает жилье у владельцев дома. Держу пари, он выбрал последнее. Вовлечено меньше людей, и, таким образом, риск становится минимальным. Я уже занимаюсь проверкой всех объявлений в готемских газетах за период, с которым мы имеем дело. То же самое касается регистрации абонентских услуг телефонных компаний.

— Телефонные компании! — воскликнул Гордон. — Ну, конечно! Если он переснимет квартиру, обязательно будут изменения в регистрации абонентских номеров. У кого бы он не переснимал квартиру, они откажутся от услуг телефонной компании. А ему придется восстановить телефон.

— Нет, как раз наоборот, — возразил Бэтмэн. — Современная технология допускает почти мгновенное определение номера телефона звонящего. Мистер Чэмберс это подтвердит.

— Да, он прав, — кивнул Чэмберс.

— А большинство остальных съемщиков будут поступать именно так, как вы только что описали, комиссар, — добавил Бэтмэн. — Точнее говоря, мы ищем человека, который переснял квартиру, в которой прежние жильцы сняли абонентский

номер, а новый жилец его не возобновил. Спектр будет пользоваться исключительно общественными телефонами-автоматами, причем каждый раз новым. И он не решится «оживить» телефон на своей базе из-за страха перед передатчиком с бесконечной нагрузкой.

— Передатчик с бесконечной нагрузкой? — переспросил Гордон. — Что это такое?

— Это метод использования обычного телефона в качестве подслушивающего устройства, — объяснил Чэмберс. — Вы можете повесить трубку на рычаг, но телефон по-прежнему подключен к сети и передает любой звук в радиусе возможного приема. Но предположим, Спектр возобновил абонентский заказ, а потом просто выдернул штепсель из розетки?

— Возможно, — согласился Бэтмэн, — но готов спорить, он так не поступил. Заключение нового контракта с Готем-Бэлл может обернуться рядом осложнений. Не думаю, чтобы он стал связываться с этим.

— В этом есть смысл, — сказал Чэмберс. — Все же это рассчитано на чертовски длительный срок.

— Видимо, вы правы, — ответил Бэтмэн, — но для нас это самый логичный и методически верный путь из всех возможных. Эту часть работы я беру на себя. Вашей задачей остается поддерживать связь с гражданскими наблюдателями и проверять каждую возможную наводку. Ведь вы не можете позволить себе проигнорировать ни одной из них. И у вас должно быть наготове столько специалистов по разминированию бомб, сколько в ваших силах собрать.

— Этим мы уже занимаемся, — сказал Чэмберс. — В нашем распоряжении команда саперов полицейского департамента Готем-Сити, плюс кое-кто из людей Бюро и несколько подразделений армии.

— Хорошо, — сказал Бэтмэн. — И последнее, комиссар. Поставьте на улицы как можно больше полицейских, особенно вокруг объектов, перечень которых я вам дал. Наша первостепенная задача — сделать работу Спектра настолько сложной, насколько это вообще возможно. Сначала предотвращение преступления, а уж потом задержание.

— Это мы устроим, — согласился Гордон. — Я отменю все отпуска и увольнительные и расставлю по городу весь наличный состав.

— Как насчет политической ситуации? — спросил Бэтмэн. — Есть шанс, что вас заставят уступить требованиям Спектра и освободить генерала Гарсиа?

— Только через мой труп, — сказал Чэмберс.

— Звучит реалистично, — заметил Бэтмэн.

— Реалистично, а? — кисло сказал Чэмберс. — Да, мне кажется такой шанс существует. Тем более после того, что произошло прошлым вечером. — Он устало потер лоб. И так было видно, что он мало отдыхал в последнее время. — На нас обоих, на Джима и на меня, давят со всех сторон.

— Кабинет мэра настроен резко против нас, — сказал Гордон. — Как и городской совет. И газеты. И я уже выслушал точку зрения губернатора. Подозреваю, будет еще хуже.

— Уже сейчас оказывают большое давление, чтобы переправить Гарсиа в другой город, — посетовал Чэмберс, — но кто, если он в здравом уме, примет генерала после всего, что здесь произошло? Гарсиа — федеральный заключенный, но если общественное давление станет невыносимым, — а оно с каждым днем становится все заметнее, — много шансов за то, что они сдадут позиции и отправят генерала самолетом на Кубу.

— Этого-то я и боялся, — сказал Бэтмэн. — Впрочем, как вы знаете, есть альтернатива.

— И не помышляйте об этом, — отрезал Чэмберс. — Мы не можем передать вам Гарсиа. Даже, если мы инсценируем похищение, что в точности, как мне думается, произошло с нашим свидетелем, — добавил он, косо поглядев на Гордона. — Моя служба висит на волоске, это именно так. И не только моя, поверьте. Если б дело было исключительно в этом, вам бы удалось меня уговорить. Но если Гарсиа попадет к вам в руки, средства массовой информации и его проклятые адвокаты придут в бешенство. Нет, Гарсиа останется в максимальной безопасности в федеральной тюрьме, и давайте забудем об этом.

— В таком случае, у нас не так много времени, — подвел итог Бэтмэн. — Полагаю, нам всем пора трогаться. Было приятно поговорить с вами, мистер Чэмберс. Спасибо, что пришли. Комиссар, ...

Брюс повернулся и шагнул к деревьям, растворившись среди теней.

— Как вы думаете, черт возьми, куда он пошел? — спросил Чэмберс.

Минутой позже на его вопрос ответило наполнившее воздух высокое по звуку жужжание, и Чэмберс с Гордоном увидели взлетающий Верлбэт — складной одноместный вертолетик, состоящий не больше чем из сиденья, пропеллера и двигателя, притянутого к пилоту ремешками.

— Будь я проклят, — процедил Чэмберс. — Вы только взгляните! У этого парня технических безделушек больше, чем в фильмах про Джеймса Бонда!

— Благодарите Бога, что он на нашей стороне, — сказал Гордон.

— Слышу, — сказал Чэмберс. Он с изумлением покачал головой. — Мне кажется, что я наконец-то начинаю понимать, какие чувства вы к нему испытываете. Он действительно... —

Его голос оборвался, пока он подыскивал слова, чтобы поточнее выразить свои мысли.

— Нечто особенное? — предложил Гордон.

— Да, — согласился Чэмберс, кивая. — Он на самом деле нечто особенное. Только... сделайте мне одолжение, комиссар. Никому не рассказывайте обо всем этом. Хорошо? Сомневаюсь, что мое начальство могло понять.

— А вы думаете, мое сможет? — спросил Гордон.

Чэмберс улыбнулся.

— И долго мне придется торчать в этом забытом Богом месте? — спросила Рэчел Моррисон, откинувшись на спинку кровати. Не считая полинявшей красной водолазки и пары черных ажурных колготок, на ней практически ничего не было. Она возлежала на постели в одной из тех нарочито рассчитанных соблазнительных поз, которые с первого взгляда кажутся случайными — одна нога вытянута вперед, другая — согнута в колене, а рука покоилась на нем с незажженной сигаретой. Ее волосы раскинулись в привлекательном беспорядке, падая на плечи и закрывая часть лица. Она выглядывала из-под темной вуали волос с видом изощренной распутницы; но если она рассчитывала обольстить таким способом Альфреда, то она очень глубоко ошибалась.

В конце концов, Альфред многое взял от жизни, прежде чем Уэйн Манор стал его постоянным домом. В те далекие, прекрасные дни своего обучения у «Кати», как британские актеры часто называли между собой Королевскую академию театральных искусств, он повидал более чем достаточно привлекательных и чуть одетых молодых женщин. А в молодости он обладал не меньшим обаянием, чем сейчас, и в свое время, пользовался потрясающим успехом у слабого пола. Шокировать Альфреда было не просто, да он и не относился к тому сорту людей, чьи гормоны непременно одерживают верх. Кроме всего прочего, он был достаточно стар, чтобы годиться этой молодой женщине в дедушки, и к тому же, он был принципиальным и порядочным человеком. Он абсолютно не реагировал на ее полуобнаженный вид, и просто достал зажигалку и поднес ее девушке.

— Вы вовсе не обязаны торчать здесь, мисс, — ответил он, когда она наклонилась с сигаретой к огоньку зажигалки. — Как вы уже знаете, если вам хочется выйти отсюда в Бэткейв, вам стоит только позвонить по телефону, как вы только что сделали.

Она раздраженно вздохнула.

— Это я знаю, — сказала она. — Я имею в виду, как долго я обязана оставаться здесь? Кроме того, от этих чертовых летучих мышей у меня мурашки бегут по коже.

— На самом деле они совершенно безобидны, мисс, — сказал

Альфред, которого она знала только как «мистера Джонса». Под этим псевдонимом он скрывал свое настоящее имя. Он также изменял свой истинный голос, разговаривая с ней с безупречным бостонским акцентом. — Они очень полезные создания. А что касается продолжительности вашего пребывания здесь, насколько я понимаю, это зависит от того, когда назначат суд над генералом Гарсиа. Вы здесь для вашей собственной безопасности, как вы знаете.

— Почему вы это делаете? — неожиданно спросила она, и Альфред даже слегка опешил от ее очевидной непоследовательности.

— Простите, делаю что, мисс?

— Во-первых, зовете меня «мисс». Во-вторых, подносите мне зажигалку, когда у меня самой есть зажигалка, и вы это знаете.

— Ну, если забыть, что курение — крайне вредная для здоровья привычка, хотя я стараюсь не навязывать другим свою точку зрения, меня всегда учили, что поднести леди зажигалку — это просто признак хорошего тона, так же как пододвинуть для нее стул или открыть дверь... такого сорта вещи.

— Но зачем? Вы думаете, женщины такие беспомощные?

— Совсем нет. Я просто верю, что к женщине подобает относиться с уважением.

— Вы верите? И сделали бы тоже самое для мужчины?

— Почему бы и нет? Мир становится намного приятнее, когда люди вежливы друг к другу.

Она фыркнула, выпустив облачко дыма.

— Боже, мистер Джонс, вы поистине нечто необычное, вы знаете об этом?

— И в чем это, по-вашему, заключается? — вежливо спросил он.

— Я хочу сказать... вы входите, а я почти раздета... но вы даже не пялитесь на меня. Вы всего лишь подносите мне зажигалку и, стоя рядом, спокойно болтаете со мной, словно ничего не произошло.

— Я не того типа человек, чтобы выкатывать глаза при виде привлекательной молодой особы в нижнем белье. Кроме того, я сильно сомневаюсь, что вы серьезно намерены соблазнить меня. Мне кажется, вам просто нравится иногда шокировать людей или демонстрировать свое неприятие общепринятого.

— Вот как? Но почему вы так уверены, что мне не интересно окрутить вас?

— Ну, мне думается, что вам по силам очаровывать мужчин, которые намного моложе и намного интересиее.

Она подняла брови.

— Что вы скажете, если у меня влечение к более зрелым мужчинам?

— Это всецело ваши проблемы, — ответил Альфред. — Я, однако, не испытываю влечения к менее зрелым женщинам. Но даже если бы я был к этому склонен, я бы никогда не воспользовался своим преимуществом перед женщиной, которая находится в уязвимой ситуации.

— Вы думаете, я уязвима? Я кажусь вам уязвимой?

— Вы очень стараетесь не казаться, — заверил ее Альфред, — но, наблюдая за вашими усилиями, можно задаться вопросом, как писал Шекспир, «не слишком ли настойчиво возражает» леди?

Она нахмурилась.

— Что, черт возьми, это означает?

— О, перестаньте! Вы прекрасно понимаете, что это означает. Вы удивительно интеллигентная и образованная молодая женщина, несмотря на все ваши попытки это скрыть. Волею судьбы я знаю, что вы изучали Шекспира в колледже и очень хорошо знаете этот предмет.

— Вы видели мою студенческую карточку?! — спросила она в изумлении.

— О, да. Раз уж мы должны были провести некоторое время вместе, знаете, мне захотелось изучить вас получше. Я знаю о вас намного больше, чем вы можете предположить.

Она усмехнулась и выпустила дым через ноздри.

— Ужасно. Судя по всему, вы знаете все о моем грязном прошлом. Ну и что вы о нем думаете? Я не очень похожа на леди, верно? — сказала она с преувеличенным сарказмом.

— Очень многие молодые люди делают неправильные шаги в юности, — ответил Альфред. — Если откровенно, то вы сделали их куда больше, чем многие другие, но несмотря на вашу причастность к крайне неприятным личностям и событиям, мне кажется, вы не такая загрубевшая и циничная, как хотите казаться.

— О, да! — сказала она.

— О, да, — передразнил ее Альфред.

Сама того не желая, она улыбнулась.

— Почему вы мне нравитесь, мистер Джонс? Если это ваше настоящее имя, в чем я глубоко сомневаюсь. На свете не так много людей, которые мне нравятся.

— Может быть, потому что вы мне нравитесь, — ответил Альфред. — У меня такое ощущение, что на свете не так много людей, которым вы нравитесь. Возможно, вы сами делаете это для них непростой задачей?

Она вздохнула.

— Послушайте,.. это звучит по-детски глупо, но ... можно вас попросить отвернуться на минуту? Я неожиданно почувствовала себя довольно нелепо в своем нижнем белье и хотела бы снова надеть брюки.

Альфред улыбнулся. — Конечно. — Он отвернулся.

Секундой позже она сказала.

— О'кей, можете повернуться.

Он повернулся к ней лицом.

— Догадываюсь: вы думаете, что я совсем глупая, — невесело произнесла девушка.

— Совсем нет, — возразил Альфред. — Возможно, немного смущенная, но не глупая. В своей жизни вы наделали много вздорных вещей, но то, что вы делаете теперь, искупает прошлое.

— Вы так считаете? — Она хмыкнула и покачала головой. — Не знаю. Я видела новости по ТВ... те бомбы вчера вечером... — Она помолчала, словно собиралась с мыслями. — Я не могу отделаться от ощущения, что это моя вина...

Альфред присел рядом на край кровати.

— Вы не должны винить себя, — сказал он. — Вы пытаетесь совершить правильный шаг. Возможно, ради искупления всех неправильных, какие вы делали раньше. То, как вы собираетесь поступить, навсегда выбьет генерала Гарсиа из игры, и, если удастся, также тех, кто стоит за ним и по чьим приказам взорвались эти ужасные бомбы.

Она задумчиво покачала головой.

— Вы не знаете этих людей, мистер Джонс, — сказала она. — А я знаю.

— Вы не знаете Бэтмэна, — ответил Альфред. — А я знаю.

— Вы сильно верите в него, не так ли? — спросила она.

— Я знаю его уже очень давно, — ответил Альфред. — И я знаю, что если он берется за какое-то дело, то доводит его до конца, и неважно, что или кто стоит у него на пути.

— Что это с ним? — спросила Рэчел. — Я хочу сказать, очевидно, у него куча денег. Это можно сказать, только взглянув на Бэткейв и все это... ну, разное оборудование. Я хочу сказать, он богат, правда?

— Ну, просто скажем, что деньги никогда не были для него настоящей проблемой, — ответил Альфред.

— Но тогда почему он это делает? Я хочу сказать, кого он из себя строит? В нем засело какое-то детское геройство или что?

— Ну, не знаю, я бы не стал называть это «геройством», — сказал Альфред с улыбкой, — но нет ничего недостойного в том, чтобы быть героем. Хотите верьте, хотите нет, но вы тоже поступили героически, избрав свою судьбу, и, мне кажется, это замечательно. Что касается Бэтмэна, им руководит стремление к справедливости. А в эти дни ее так мало в нашем мире. Он всего лишь человек, но он делает то, что в его силах.

— Почему?

— Ну, у него есть на то глубоко личные причины, — ответил Альфред, — но, пожалуй, в большей мере, чем все остальное..,

он делает то, что делает из-за желания сделать мир хоть немного другим.

— Он думает, что сможет изменить мир? — спросила она с усмешкой. — Удачи ему.

— С одной удачей много не сделаешь, — ответил Альфред. — В первую очередь, это настойчивость и желание посвятить себя идее. Если хотите, он вполне реалистичен. Он понимает, что один человек, как бы уникален он ни был, не сможет перевернуть мир. Но он может хоть что-то изменить. А если вы можете что-то изменить, пусть немного, то это уже не пустяк. Возьмите для примера себя. Ваше решение тоже приведет к переменам. Вы собираетесь свидетельствовать против генерала Гарсиа, и результатом станет его осуждение. Что в свою очередь положит конец его широкой торговле наркотиками, и больше некому будет «выращивать террористов», оказывать им поддержку и угнетать народ его страны. А при удачном стечении обстоятельств, если он пойдет на сделку с прокурором взамен на смягчение приговора, то это поможет избавить людей от тех, кто стоит за его спиной. Насколько я могу судить, это принесет перемены. Ни один поступок, каким бы малозначительным он ни был, не остается без последствий. Каждый мужчина и каждая женщина способны сделать что-то такое, что изменит положение дел, даже если эти изменения будут очень незначительны. Однако в сумме эти незначительные изменения могут обернуться ощутимым результатом. А если даже это не в состоянии изменить мир, тогда уж я не знаю что.

Рэчел печально улыбнулась.

— Вы идеалист, мистер Джонс. Как и Бэтмэн, вы живете в мире иллюзий.

— Я открыто признаю себя идеалистом, — сказал Альфред. — И я не думаю, что быть идеалистом так уж плохо. Что касается мира мечтаний... а почему бы не окунуться в иллюзии с головой, хотя бы ненадолго? Если внутри вас нет мечты, она никогда не сможет стать реальностью, разве не так?

— Но мир — это не мечта, мистер Джонс! — грустно сказала девушка, — а проклятый Богом ночной кошмар. Особенно с такими людьми, как Спектр.

В дверь постучали.

— Ха, хотела бы я знать, кто это, — проговорила Рэчел, криво улыбнувшись.

— Входите, — попросил Альфред.

Дверь отворилась и на пороге появился Бэтмэн.

— Я пришел проведать, как поживает наша гостья, — сказал он.

— У нашей гостьи такое ощущение, словно ее посадили на насест в курятнике, — сказал Альфред. — И, боюсь, она слегка пала духом.

— Мне кажется, я хорошо понимаю ее чувства, — сказал Бэтмэн и повернулся к Рэчел. — Не вешайте нос. Похоже, наши дела пошли в гору.

— Против Спектра? — скептически спросила девушка. — Вам никогда не поймать его. Но рано или поздно он сам до вас доберется.

— Что ж, это не совсем то, что я бы назвал вотумом доверия, — укоризненно сказал Бэтмэн.

— Послушайте, не принимайте мои слова близко к сердцу, в них нет ничего личного, — сказала она, — но вы его не знаете.

Бэтмэн и Альфред быстро переглянулись.

— Вы хотите сказать... вы знаете? — недоверчиво спросил Бэтмэн.

Она подняла на него глаза, удивленная, захваченная врасплох своими собственным признанием. Секунду или две она смотрела на него, словно собиралась отрицать свои слова, но потом передернула плечами и просто сказала:

— Мы были любовниками.

— Что?! — разом воскликнули Бэтмэн и Альфред.

— Почему вы не сказали об этом раньше? — спросил Бэтмэн, до глубины души пораженный ее исповедью.

— Какая разница? — Рэчел снова пожала плечами.

— «Какая разница»? — вскричал Бэтмэн, подражая ее интонации. — Мой Бог, да это все на свете изменило бы! Ради всего святого, как вы можете держать нечто подобное в себе, зная, что поставлено на карту!

— Говорю же вам, это ни на йоту ничего бы не изменило, — с горечью сказала девушка. — Даже, если бы он узнал, что государственный свидетель — это я, он все равно взялся бы за этот контракт. Он — профи. И он гордится этим.

— Это все, о чем вы способны думать? О себе? — взорвался Бэтмэн. — А вспомните тех, кто погиб от его руки! Они для вас ничего не значат?

Она снова подняла на него глаза. Но на этот раз в них горел вызов.

— Нет, они мне не безразличны, черт бы вас побрал! Думаете, я смогла вчера заснуть после того, как увидела в новостях, что он натворил в городе? Как вы думаете, черт возьми, что я должна чувствовать, если человек, которого я любила, способен на подобные поступки? И если он способен точно так же убить и меня, растоптав все, что когда-то было между нами? А как бы вы себя чувствовали, если б руки женщины, которую вы обожали и боготворили, оказались в крови сотен людей?

— Но... мой Бог, — сказал Бэтмэн, уже спокойнее, — мы почти ничего не знаем о нем. Вы могли нам помочь!

Она покачала головой.

— Вы не понимаете. Все, что я могла бы или могу вас ска-

зать, ни капли вам не поможет. Я ничего не знаю о методах его работы. Даже если я расскажу, как он выглядит, это не принесет ничего хорошего. Он не станет рисковать и ходить таким же лицом, как прежде. Он постоянно меняет внешность, и не только с помощью грима, но и благодаря пластической хирургии. Мужчины, которого я знала и, как думала, любила, просто не существует. — Она замолчала и, казалось, погрузилась в свои собственные мысли. — Кроме того, если б я признала, что мужчина, как этот, был моим любовником... — Ее голос замер, предоставив двум мужчинам самим догадываться о конце фразы.

Она боролась со слезами, еле сдерживая себя, стараясь не заплакать, но ей это плохо удавалось.

— Сначала Эрик, потом Гарсиа, не считая тех, кто был между ними... Возможно, Эрик — даже его ненастоящее имя...

Она подняла голову. Из ее глаз тоненькими струйками бежали слезы. Она злилась на себя за то, что разревелась, и в то же время ее переполняли чувства вины и собственного ничтожества.

— Вы... вы оба были так... чертовски добры, — призналась она всхлипывая. — Я уже не могу вспомнить, когда кто-нибудь был добр ко мне. А теперь вы ненавидите меня, как все остальные!

— Тише, тише, — попытался успокоить ее Альфред, подходя к ней, чтобы потрепать по плечу. Но она резко отодвинулась в сторону от него.

— Не прикасайтесь ко мне! — Девушка бросилась на постель и повернулась к ним спиной. — О, Боже, как я хочу умереть!

Альфред остановился и озабоченно взглянул на Бэтмэна. Он покачал головой.

— Рэчел, — позвал Бэтмэн, присев на корточки у края кровати. — Рэчел, посмотри на меня.

— Нет! Оставьте меня в покое!

— Рэчел Моррисон, посмотрите на меня!

Она не могла сопротивляться этому повелительному тону. С испугом она повернула к нему лицо.

— А теперь слушайте меня, — сказал Бэтмэн твердо. — Вы прошли по своей жизни, чувствуя лишь горечь, злость и негодование. И взгляните, к чему это вас привело. Я не собираюсь сидеть около вас, держать за вас руку и убеждать, что все будет хорошо, потому что все зависит от вас одной. Если вы хотите изменить свою жизнь, значит, должны взять на себя ответственность. Вам выпала нелегкая доля, Рэчел, но вы не единственная, кому было тяжело. Многих людей ломала судьба. Поверьте мне, я знаю. Я был с ними. Вы можете купаться в своих слезах и в угрызениях совести, и в жалости к себе, и вы можете возненавидеть мир за то зло, что он принес вам. Но вы

можете подняться на ноги и сказать себе, что хотите все изменить и начать сначала. Потому что кроме вас никто не сможет это сделать. Вы можете помочь мне, возможно, даже не представляя, каким образом. И во имя Бога, вы поможете мне! Ведь если нет, то вы ничем не лучше Спектра, и не важно, ненавижу ли я вас или нет, боитесь ли вы или нет. — Он взял ее за плечи. — А важно то, что там умирают люди. Поэтому перестаньте жалеть себя и помогите мне! Пожалуйста!

Она смахнула слезы и посмотрела ему в глаза. В них не было ничего, кроме горячей мольбы. Тяжело вздохнув, девушка кивнула.

— Хорошо, — сказала она почти шепотом. — Я... я постараюсь

— Спасибо, — сказал Бэтмэн и отпустил ее. — Давайте начнем с самого начала. Когда и как вы познакомились?

Она снова глубоко вздохнула и закурила очередную сигарету, пытаясь успокоиться.

— Это случилось около восьми лет назад, в Восточном Берлине...

9

Первой целью должен был стать сегодняшний рок-концерт на «Арене», где выступала популярная группа тяжелого металла. К сожалению, в последнюю минуту организаторы отменили концерт. На мрачной обложке альбома группы оживали неистовые сатанинские образы. Хриплыми голосами они пели о смерти и разрушении. И вот теперь, столкнувшись с реальной возможностью наяву воплотить эти ужасы, они отказываются от сотрудничества. Жаль, подумал он, концертный зал, битком набитый вопящими тинейджерами... это была бы потрясающе эффектная демонстрация, а ликвидация самой группы — попросту услуга обществу.

После уничтожения Клуба 34 ночная жизнь в Готем-Сити естественно замрет. К этому он готов. Незачем взрывать еще один ночной клуб, кроме того, это слишком просто. В городе

достаточно других объектов. Он уже подготовил два взрывных устройства, и у него осталось еще несколько часов в запасе, прежде чем он отправится их устанавливать. Это время он твердо решил использовать результативно.

Сидя по-турецки на ковре гостиной в своей квартире, он разложил вокруг себя копии журнальных статей и подробные заметки, которые он сделал, просматривая микрокопии городских газет. Почти весь день он провел в городской библиотеке, выбирая следующую цель. Но сейчас он выбирает не по контракту, а лишь для себя.

Он внимательно изучил все, что смог найти в печати о Бэтмэне. Он не надеялся немедленно найти нужный ответ. Над ответом ему еще предстоит поломать голову, но среди собранного материала он, возможно, найдет ключ к разгадке. В конце концов, он был экспертом в охоте на людей.

Он мельком просмотрел статьи в сенсационных газетах того сорта, что лежат стопками около касс в супермаркетах. В Штатах, как и в Англии, существует два типа газет. Одни могут совершенно законно утверждать, что они печатают новости, другие лишь угождают вкусам обывателей. Большую часть публикаций в таких газетах можно отбросить как выдумки. «Я была тайной любовницей Бэтмэна» гласил заголовок рассказа молоденькой манекенщицы о том, что Бэтмэн якобы завлек ее в Бэткейв, где они долгими часами предавались любви в уединенном гроте. В другой статье автомобильный конструктор из Теннесси утверждал, что он является создателем Бэтмобиля, и рассказывая, что клиент в капюшоне надул его при расчете. «Бэтмэн — инопланетянин», утверждал другой заголовок, сопровождаемый свидетельствами очевидца — домохозяйки из Тинек, штат Нью-Джерси, которая видела Бэтмэна без маски. По ее словам, она успела разглядеть странную паутину вен на его лысой голове с рогами под ушами маски. Рядом помещалось изображение Бэтмэна в интерпретации художника газеты. Ну, и прочие статьи в том же стиле. Во всех чистый вздор, или домыслы журналистов, или трогательный бред людей, готовых на все ради популярности. Тем не менее, он просмотрел все без исключения, чтобы не упустить что-нибудь важное.

В умеренных газетах и отдельных журнальных статьях информация была солидней. Часть из них смотрела на Бэтмэна весьма критически, как, например, газета, претендующая на статус представителя контркультуры, с портретами новоиспеченных знаменитостей на первой странице. Другая часть газет стояла за Бэтмэна горой, и только одна или две из них стремились к объективности. Было совершенно ясно, что Бэтмэн не принимал участия во всей этой печатной деятельности, и почти весь материал о нем был не более чем спекуляцией.

Все-таки кое-какие факты удалось выудить и постепенно, общая картина прояснилась.

Одно совершенно бесспорно: кем бы Бэтмэн ни был, он имеет доступ к огромному капиталу. Он или сам исключительно богат, или его финансирует мультимиллионер. Ни та, ни другая версия не подтверждалась вескими доводами, но он больше склонялся к первой. Бэтмэн — одиночка. Одержимая личность. И сильная личность, которой для полноценной деятельности необходима независимость, полный контроль над событиями, а это нереально, если кошелек лежит в чужом кармане. Следовательно, Бэтмэн очень богат, и круг поиска существенно уменьшается.

В высшей степени сомнительно, что у него есть семья. Он во всем руководствуется неким рыцарским кодом, такой человек не может пренебречь ответственностью за близких. Бэтмэн постоянно подвержен опасности, что грозит его семье потерей поддержки, а угроза разоблачения означает для семьи уязвимость перед обществом. Если близкие люди посвящены в его дела, то в их доме всегда царят беспокойство и стресс, если нет — то Бэтмэн вынужден вести тайную жизнь, скрывая от них свою ночную деятельность. Все это безмерно усложнило бы его существование. Нет, в сердце такого целеустремленного человека не может быть места для семейной привязанности и сопутствующей ответственности. Это только бы отвлекало его от главного. Итак, Бэтмэн неизбежно одинок.

Богат. Одинок. Живет в Готем-Сити или вблизи него. Для деятельности необходима база, существование которой может быть скрыто от чужих глаз. Бэткейв. По слухам, убежище Бэтмэна расположено в пещере. Это исключает городскую территорию. Вся земля под городом изрыта метрополитеном, туннелями и трубопроводами, испещрена скважинами водоснабжения для нужд непрерывно растущего населения города. Система пещер могла бы существовать еще глубже, однако это маловероятно как с геологической точки зрения, так и исходя из того факта, что непрерывное городское строительство влечет за собой слишком большой риск случайного обнаружения. Итак, Бэткейв находится за городом.

Самому же Бэтмэну совершенно не обязательно при этом жить за городом. Его резиденция может находиться в Готем-Сити, а Бэткейв где-то в другом месте. Но и такой вариант подразумевает осложнения: частые поездки из городской резиденции в Бэткейв могут быть замечены. И такой человек как Бэтмэн, одержимый, целеустремленный и организованный, должен стремиться к бдительности и эффективности, что заставляет предположить, что его резиденция расположена в непосредственной близости от Бэткейва.

Итак. Богат. Одинок. Живет в пригороде, но не далеко от

города. Достаточно молод и физически исключительно хорошо подготовлен. Телосложение чемпиона, много лет посвятившего тренировкам с тяжестями. Эксперт в гимнастике и боевых искусствах. Такое сочетание исключает большинство обеспеченных граждан Готем-Сити и окрестностей. Выбор еще более сузился.

Быть может, он скрывает свое богатство? Возможно. Находчивому человеку всегда удастся отыскать способ. Вот он, например, отыскал такой способ. Впрочем, источник благосостояния и его размеры легко можно скрывать, если не имеешь постоянного пристанища, Бэтмэн же ограничивает свою активность городской чертой Готем-Сити. Тайный счет в швейцарском банке, на Каймановых островах или в Латинской Америке? Маловероятно. Слишком сложно, большой риск разоблачения. Необходимо скрытно переводить большие суммы денег, потянутся следы, и налоговое управление немедленно возьмет за горло. С помощью изощренных уловок можно все-таки это осуществить, но намного проще и эффективней действовать, например, будучи общеизвестным миллионером, чье богатство имеет легальное происхождение.

Он сидел и думал, просматривая свои заметки, и пытался поставить себя на место Бэтмэна. Пытался представить его сущность, образ мыслей и понять, как ему удается скрывать свои следы. Богатый, одинокий, молодой атлет... и неизбежно всем хорошо известный. Лакомый кусок для незамужних женщин. Новые осложнения. Бэтмэн не может позволить себе каких-либо романтических отношений. Лишняя потеря времени и ненужный риск. Какова же альтернатива? Если он станет откровенно уклоняться от личной жизни, возникнет вопрос, в чем причина. Ответ будет очевидным. Значит, вместо этого он должен вести яркую общественную жизнь, которая все же не влечет серьезных осложнений. Постоянно появляться на людях с разными женщинами, открыто наслаждаться их обществом, но наслаждаться жизнью и разнообразием слишком широко, чтобы удовлетвориться прочными отношениями с одной из них.

В Готем-Сити немало очень богатых холостых людей, молодых и атлетичных, которые всегда на виду. С недавних пор почти все кажется, усиленно занялись тренировками, и подтянутое мускулистое тело уже не редкость. Но уровень физической подготовки Бэтмэна намного выше среднего. Беда в том, что даже Мистер Вселенная не выглядит в костюме как Мистер Вселенная. Среди теперешних пиджаков с подкладными плечами и современной просторной одежды Бэтмэн легко мог скрыть свою мускулатуру. В хорошо сшитом свободном пиджаке без плечей Бэтмэн мог выглядеть хотя и атлетичным, но не более, чем сотни других физически развитых людей. И тем не

менее критерии физического развития еще заметнее ограничивали выбор.

Он составил список молодых людей Готем-Сити, отвечающих всем характеристикам. В следующий раз он просмотрит в библиотеке рубрики сплетен о высшем обществе и узнает больше об этих людях. Тогда он сможет сравнить их стиль и образ жизни. Он просмотрел составленный список. Одно из этих имен скрывает Бэтмэна. В этом он был абсолютно уверен.

— Вам стоит с этим ознакомиться, сэр, — сказал Капилетти, входя в офис Гордона и вручая ему торопливо исписанный лист бумаги. — Только что поступило по радио в адрес группы «Спектр».

Гордон взял лист и начал читать.

«Группе «Спектр» от Бэтмэна. Новая информация о Спектре. Физические данные. Рост: приблизительно метр восемьдесят. Вес: приблизительно восемьдесят кг. Волосы: чисто-белые. Лицо: белая кожа (альбинос), острые черты. Особые приметы: очень светлые глаза, почти розовые или бесцветные. Цвет глаз может быть изменен контактными линзами. Легкая хромота на левую ногу, результат старого осколочного ранения. Нос с горбинкой — последствие перелома (Замечание: возможно изменен пластической операцией). Цвет кожи может скрываться гримом. Обращайте внимание на кожу рук или использование перчаток. Правша. Обычно говорит с европейским акцентом, предположительно немецкого происхождения. Хорошо владеет английским, немецким, русским, французским, испанским и арабским языками. Известен под именами: Эрик Вайс; Ганс Штерн, Девон Стюарт, Филипп Дюваль, Андрэ Шале. Одно из них возможно подлинное. Всегда вооружен и крайне опасен. Отлично стреляет, эксперт по ликвидации. Специалист по электронике и боевым искусствам. Предпочитает полуавтоматический Гризли Вин Маг. К левому предплечью пристегнут стилет в ножнах.»

Гордон нахмурился.

— Дьявол, где он раздобыл это?

— Он не сказал, — ответил Капилетти. — Это было передано всей спецгруппе, включая гражданских наблюдателей.

— Чэмберс уже ознакомился с этим?

— Думаю, еще нет. Он прилег вздремнуть в кабинете у капитана.

— Хорошо, пока не будите его. Ему нужно отдохнуть. Но когда он проснется, пусть сразу же прочтет. Тем временем разошлите текст в качестве словесного портрета.

— Считайте, что уже сделано.

— Ты не уйдешь от нас, Спектр, — проговорил Гордон, ког-

да Капилетти вышел, чтобы передать описание по полицейскому каналу. — Ты не уйдешь от нас.

Вечерние часы пик только начинались, когда Луис Дельгадо подъезжал к Центральному туннелю. Он пока опережал общий поток, но ехать уже становилось тяжелее. Скоро начнется «всеобщий исход» из города в пригороды, и тогда движение на магистралях замедлится, машины будут едва тащиться, почти уткнувшись друг другу в бамперы, а он этого терпеть не мог. Обычно он оставлял кеб в таксопарке, садился в свою машину и за двадцать минут, через мост, доезжал домой. Если сейчас он попадет в пробку, то потеряет в три-четыре раза больше времени. Дома он мог бы поужинать с женой, она как раз вернется из ресторана, где работает официанткой, а затем они весь вечер могли бы спокойно сидеть у телевизора. Или он мог бы отдохнуть часок-другой и, поскольку вечно не хватало денег, снова выехать в центр и поработать еще одну смену. Но сегодня он вернется домой только чтобы поужинать с Марией, а в свободное время будет помогать Бэтмэну как общественный наблюдатель спецгруппы.

Он все объяснил Марии, она поняла его и дала свое согласие. Она предпочла бы провести с ним вечер дома вдвоем, но она не жаловалась. Она горда тем, что он сможет чем-то помочь, чтобы поймать этого Спектра; когда же она услышала, что это просьба Бэтмэна, то прямо заявила.

— Послушай, малыш, если это для Бэтмэна, то я еду с тобой.

Но уж такого он допустить не мог. Все дело было в том, что как только речь заходила о Бэтмэне, Мария была готова отложить в сторону любое дело. Даже если бы Бэтмэн попросил ее уехать и провести с ним уик-энд в каком-нибудь мотеле — чего он, правда, никогда себе не позволит — она бы согласилась, не задав ни одного вопроса.

Если бы не Бэтмэн, сейчас ее не было бы в живых. Тогда, только недавно поженившись, они еще жили в городе и она часто возвращалась домой после ночной смены в баре. Обычно Луис заезжал за ней, чтобы ей не приходилось идти одной поздно вечером, но в тот день ему пришлось заменить заболевшего напарника и выехать вместо него. К тому же им тогда были очень нужны деньги. Поэтому Мария отправилась домой одна, и это случилось по дороге к метро. На нее набросились три парня. Она пыталась отбиваться, но у них были ножи, и они затащили ее на пустынную аллею, сорвали с нее блузку и юбку и собрались было изнасиловать, но тут из ниоткуда на них свалился Бэтмэн.

Все трое обернулись к Летучей мыши, но напрасно они надеялись на свои ножи. Позже Мария рассказывала Луису, что все произошло так быстро, что она даже не поняла, как это ему

удалось. Мелькнули руки, ноги и через минуту трое насильников лежали без сознания на аллее, а Бэтмэн помог ей встать и одеться и спросил, все ли в порядке. Он связал эту троицу для полиции, ее же отвез к доктору по имени Лесли Томпкинс, где ей оказали врачебную помощь и необходимый уход. Те мерзавцы получили пожизненные заключения, — оказалось, что они изнасиловали и убили больше дюжины женщин — и Мария с тех пор была готова для Бэтмэна на все, а Луис Дельгадо считал себя попросту вдвойне обязанным Бэтмэну.

Луис въехал в туннель и, проехав его наполовину, увидел в левом ряду стоящую машину с поднятым капотом и включенной аварийной сигнализацией. Задние машины пытались объехать ее, замедляя движение на соседней полосе. В часы пик это грозило настоящей пробкой. Луис объехал стоящую машину, остановился перед ней и вылез из-за руля. Высокий, бледный, хорошо одетый мужчина с белыми как снег волосами приближался к нему.

— Что-то не в порядке? — спросил Луис.

— Боюсь, что так, — ответил с акцентом мужчина. — Спасибо, что вы остановились.

— А в чем дело? — поинтересовался Луис, направляясь к открытому капоту. Он нахмурился. Какая-то мысль заныла у него в затылке.

— Не представляю, — сказал мужчина. — Я совсем не разбираюсь в механике. И здесь совершенно некуда убрать машину с дороги. Не могли бы вы подбросить меня до выезда из туннеля, там я смог бы вызвать помощь, чтобы меня отбуксировали отсюда?

Луис осмотрел отсек двигателя, но не обнаружил явных неисправностей. Он снова нахмурился. В чем дело? Что-то его угнетало, он должен что-то вспомнить ...

— Конечно, я вас подброшу, о чем говорить, — сказал Луис.

— Огромное спасибо, — мужчина направился к кебу. Он шел, слегка прихрамывая. — Вы очень добры.

Луис заглянул в салон и на переднем сиденье увидел объемистый дипломат.

— Эй, мистер! Вы забыли свой чемоданчик!

Мужчина открыл в кебе дверь водителя, забрался за руль и повернул ключ зажигания.

— Эй! — закричал Луис.

Кеб тронулся и стал быстро удаляться.

— Эй! Эй, это мой кэб! Какого... — внезапно Луис замер. Из дипломата на переднем сиденье доносилось равномерное пощелкивание. — Божья Матерь!

Луис распахнул дверь машины, вытащил дипломат и выскочил с ним на дорогу. Машины перед ним остановились, он

бросился к водителю ближайшей. Тот недоуменно опускал стекло.

— Быстро вылезай! — крикнул Луис.

— Что?

— Вылезай из машины! — заорал Луис, открыл дверь водителя и свободной рукой потащил его из машины. — У меня здесь бомба!

— Господи!

Луис прыгнул за руль, вдавил педаль в пол и, не отпуская клаксона, понесся по туннелю. Временами он невольно поворачивался к чемодану на соседнем сиденье.

— Не взрывайся, пожалуйста, не взрывайся! Ну, давайте же! Давайте, прочь с дороги!

Он продирался сквозь заторы, расталкивая в стороны другие автомобили, сказывался его большой опыт таксиста, когда на сумасшедшей скорости он рвался вперед. Всю дорогу он молился по-испански, думал о Марии, их будущем ребенке, умоляя Пресвятую Деву не дать ему погибнуть...

Выскочив из туннеля, он с визгом покрышек и воем сигнала повернул к реке. Полицейская машина, стоящая у тротуара, с ревом устремилась в погоню за ним.

— О, Боже, не помешай мне! — взмолился Луис, давя на педаль газа. Он должен пробиться к реке! Должен!

Еще одна патрульная машина включилась в преследование, когда он приближался к мосту. К счастью, в этом направлении дорога была почти пуста. С юзом остановившись на середине моста, Луис выскочил из машины с дипломатом в руке. Две полицейские машины с визгом остановились перед ним.

— Отлично, парень, теперь не двигайся! — крикнул ему полицейский.

— У меня бомба! — Луис подбежал к парапету и что было сил бросил чемодан через ограждение. Кувыркаясь в воздухе, он полетел вниз, но не долетев до воды, бомба разорвалась с оглушающим грохотом.

— Святые небеса! — воскликнул полицейский, опуская револьвер.

Стоя на коленях, Луис перекрестился, он дрожал как лист на ветру и благодарил Господа за свою спасенную душу. Полиция записала его показания о бомбе, о Спектре, об угнанном кебе, который был вскоре найден, и ему сказали, что он герой. Поздно вечером они с Марией смотрели новости. Луис увидел свое интервью о случившемся, и Мария, вся в слезах, поцеловала его и сказала, что гордится им.

— Но если ты сделаешь что-нибудь подобное еще раз, — сказала она, — я убью тебя собственными руками!

Зазвонил телефон и Мария подошла к аппарату. Ее глаза расширились и она раскрыла рот, передавая трубку Луису.

— Говорит Бэтмэн, Луис. Я только хотел сказать, что сегодня ты совершил акт беспримерного мужества. Ты герой, я поздравляю тебя. Ты уже совершил более чем достаточно для одного человека. Теперь оставайся дома. Ты не должен больше рисковать. Оставайся дома с Марией и знай, что и я, и жители города благодарят тебя. Храни тебя Бог.

— Спасибо, — произнес Луис, — большое спасибо.

Ошеломленный, он повесил трубку.

— Он помнит мое имя! — воскликнула Мария. — Он действительно помнит мое имя!

— Будь я проклят! — сказал Луис. — Он позвонил мне! Бэтмэн позвонил мне!

— Это потому, что ты герой, бэби, — Мария обняла его за шею и поцеловала в губы. Она улыбнулась ему, — Пойдем, герой. Пора в кроватку.

Он выключил маленький переносный телевизор, купленный утром взамен того, который он разбил в приступе ярости. Он сидел, размышляя и глядя на погасший экран. Этот идиот, таксист, все испортил. Как можно было ждать от него такого геройства? Ему повезло. Повезло, что бомба не разорвала его на куски. Она взорвалась, не причинив никакого вреда. Если бы она взорвалась в туннеле, в часы пик... Черт возьми. Теперь у них есть к тому же его описание. Они составили удивительно точный фоторобот и показали его по телевидению. Он действовал неосмотрительно. Нужно было изменить внешность, но кто бы подумал, что таксист проживет достаточно долго, чтобы дать его описание. Да и бомба должна была сработать раньше. Возможно, виноват часовой механизм. Радиоуправляемый детонатор был бы надежней, но внутри туннеля от него никакой пользы. Но ведь этот таксист никогда бы не вмешался, если бы не Бэтмэн.

Снова Бэтмэн. Он становится серьезным препятствием. Таксист ни за что не выбрался бы из туннеля живым, если бы не узнал его. То, что его узнали, было самым ужасным. Таксист сказал репортерам, что узнал его по описанию, которое распространил Бэтмэн. Меньше всего он ждал, что кто-то мог его узнать. Из-за нелепого героизма таксиста, из-за дефекта часового механизма, сработавшего с опозданием, — проклятая американская продукция, — все пошло насмарку. Снова придется изменить лицо... Он ударил кулаком о подлокотник кресла.

Как у Бэтмэна могло оказаться его описание? Где он его распространил? Среди кого? В полиции? Это очевидно. А может, и среди таксистов. Где еще? Среди водителей автобусов? Дорожной полиции? Персонала отелей и ресторанов? Впрочем, это уже неимело значения. Благодаря таксисту, его описание

теперь известно всему городу. Но Бэтмэну-то откуда оно стало известно?

Не стоило ему соглашаться на эту работу. Америка ему не нравится, как и неопределенность в использовании бомб. Он же не террорист, а наемный убийца. В оптовой бойне отсутствует изящество. Ему она не приносила удовлетворения. Подложить бомбу может любой недоумок. Выследить жертву и выполнить контракт чисто, методично, умело и эффектно — это больше отвечает его вкусу. Все так некстати.

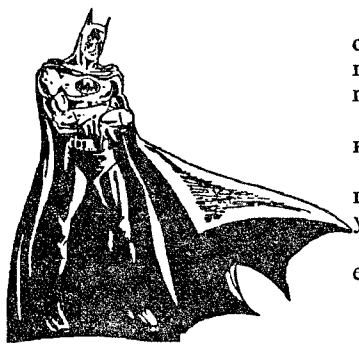
Он чувствовал себя расстроенным. Вмешательство Бэтмэна прямо-таки раздражает. И унижает. Он же профессионал, притом один из лучших, а этот нелепый клоун в балахоне вечно встает у него на пути. Да, он действительно стал помехой. Давно пора с ним разделаться.

Сегодня нужно еще успеть установить вторую бомбу, но это может потерпеть несколько часов. Он по-прежнему сильно раздражен, необходимо немного остыть. Так не годится. Он всегда гордился своей холодной бесстрастной расчетливостью в работе, поэтому его нынешний гнев и раздражение совершенно необычны. Он должен уничтожить источник всех своих неприятностей и навсегда проучить Бэтмэна. Это не только восстановит его уверенность в себе, но и покажет всему городу, кто хозяин положения. В Готем-Сити на Бэтмэна молятся как на икону. Он разобьет эту икону и тем самым деморализует жителей.

Он взялся за собранные публикации, свои заметки из библиотеки, вырезки из газетных и журнальных статей. Он искал все, что относится к богатым молодым мужчинам Готем-Сити, отвечающих образу Бэтмэна. Некоторых было легко вычеркнуть из списка, других сложнее. Несколько часов кряду он трудился, пытаясь сделать точный выбор. В итоге перед ним осталось только два имени. Миллиардер Дэвид Джекс и плейбой-промышленник Брюс Уэйн.

Один из этих двоих, бесспорно, Бэтмэн. В этом он был уверен. Но который? Он отбросил в сторону свои заметки и закурил французскую сигарету. Не имеет значения. Он убьет их обоих.

— Вы даже не притронулись к обеду, — сказала она, глядя на поднос, который Альфред оставил перед ним.

Бэтмэн оторвал взгляд от экрана компьютера.

— Извините, Рэчел, я не слышал, как вы вошли. Я несколько увлекся работой.

— Я сказала, что вы ничего не ели, — повторила девушка.

— Я был слишком занят.

— Поисками Эрика.?

— Да. Или как там еще его зовут. В данный момент мне, впрочем безразлично. Я только хочу найти и остановить его,Рэчел. Помешать ему причинить еще больше вреда. — Он вновь повернулся к экрану.

— Он звал меня так же.

— Что?

— Эрик. Спектр. Он звал меня Рэчел. Все остальные звали меня Рэй. Он говорил, что в этом мало женственного. — Она поморщилась. — Вы тоже зовете меня Рэчел.

— Это хорошее имя, Рэчел.

— Может быть. Но я ведь не очень хороший человек.

— Вас ничто не связывает. Вы вольны все изменить.

— Что можно изменить, если я была террористкой?

— Если вы ждете отпущения грехов, то я не тот, кто вам нужен, — сказал он, глядя на экран. — Я не священник.

— У меня нет потребности в священнике, — ответила она, — и вообще в официальной религии.

— Это ваше личное дело. Я не хотел превратить наш разговор в религиозную дискуссию. Я просто считаю, что нельзя избежать ответственности за то, как вы прожили свою жизнь, по крайней мере, если вы порядочный человек. Это, однако, не означает, что вы навсегда в плену своих прежних поступков. Вы сказали, что никого не убивали, и я вам верю. Одно дело участвовать в тренировочных покушениях с боевым оружием или принимать участие во вспомогательных операциях, и совсем другое самому убивать. Я не извиняю вашу прошлую деятельность, ваша вина останется с вами. Но вы можете, по крайней мере, признать свою вину и измениться.

— Вы думаете могу? Мне так хотелось бы вам верить.

— Верьте. История полна людей, совершивших преступления страшнее ваших и все же сумевших измениться к лучшему. Преступник может исправиться. Одного только тюремного срока для этого недостаточно. Тюрьма может изолировать вас от общества, чтобы вы не угрожали обществу и дальше; она даст вам время, чтобы подумать. Как вы распорядитесь этим временем, зависит от вас. Одни преступники накапливают озлобленность и повышают уголовную квалификацию. Другие анализируют свою жизнь в поисках способа прожить ее созидательно. Вам повезло — вы не попадете в тюрьму, у вас есть шанс начать сначала, под новым именем, как другой человек. Но даже это еще не искупляет ваших прежних поступков. Это всего лишь второй шанс. Шанс измениться. В ваших руках использовать его или нет.

— Вы говорите со мной так деликатно, просто чтобы пощадить мое самолюбие.

— Зачем мне это? С теми, кого уважаю, Рэчел, я говорю откровенно.

— Вы можете уважать меня?

— То, что вы сейчас делаете, заслуживает уважения.

Она нахмурилась.

— Так ли это? Я сделала это только для того, чтобы скрыться от Гарсиа, а не потому, что захотела сделать доброе дело. Я просто устала быть игрушкой воинственных экстремистов. Мне просто захотелось домой.

— Мотивы добрых дел не так важны, как тот факт, что они совершены, — сказал Бэтмэн. — Если вы руководствовались только чувством самосохранения, в этом нет ничего плохого; главное, что в результате будет сделано доброе дело. И этот опыт не пройдет для вас бесследно.

— Я бы никогда не подумала, что вы человек, не осуждающий поступки других.

— Напротив, — возразил Бэтмэн, — никто не может уклониться от оценки окружающих его людей. Но от меня не ждите осуждения. Вы сами осуждаете себя — это часть самоочищения. Прежде чем вы преодолеете чувство вины, вы должны ее признать. Только после этого вы сможете простить себя, потому что никто другой за вас этого не сделает. Но уже сам факт, что вы чувствуете свою вину, означает для вас надежду. Когда вас особенно сильно будут мучить угрызения совести, помните об этом.

— Вы необыкновенный человек, — сказала она и мягко положила руку ему на плечо.

Бэтмэн улыбнулся.

— Мне это уже говорили.

— Мне бы так хотелось увидеть, какой вы без маски.

— Боюсь, такую возможность я не могу вам предоставить, — ответил он.

— А вы предоставляли ее другим женщинам?

— В том смысле, что вы думаете, нет.

— Значит... у вас никогда не было... кого-то особенного?

— Меня окружает много особенных людей.

— Вы же знаете, о чем я говорю, — Ее пальцы скользнули по его руке.

Он нажал клавишу компьютера, остановив вывод данных, и взглянул на нее.

— Да, я знаю, о чем вы говорите. И я вам отвечаю — нет. Не потому, что я так хочу, а потому, что так должно быть.

— Вы никогда не чувствуете себя одиноко?

— Случается, конечно, ведь я всего лишь человек.

— У людей есть физические потребности.

— Физические потребности можно сублимировать, направить их по другому направлению, — ответил он. — Эмоциональные потребности контролировать сложнее, но я, в основном, удовлетворяю их моей работой.

— Но не все?

— Нет, не все.

— Так не должно быть всегда.

Их глаза встретились.

— Должно, Рэчел.

— Я хочу сказать, — она неуверенно облизала губы, — я имею в виду, что если вы меня находите привлекательной...

— Я понимаю, что вы хотите сказать. — Он улыбнулся. — И я ценю это. Я не отвергаю вас, но не могу себе позволить увлечься кем-то, если я не в состоянии предложить в ответ каких-либо моральных обязательств. Вы уже испытали на себе влечение к человеку, который не мог или не хотел дать вам таких обязательств. Я не могу согласиться на то, что вы предлагаете, потому что это свяжет меня морально, а я не имею на это права. Кроме того, вы абсолютно ничего не знаете обо мне.

— Я знаю все, что мне нужно знать.

— Нет, — сказал он мягко, — совсем не знаете.

Она отвернулась.

— Из-за того, кто я такая?

— Нет, из-за того, кто я такой.

Она невесело улыбнулась.

— Давно уже меня не отвергали.

— Я не отвергаю вас, — сказал Бэтмэн, — я себя отвергаю. Это потеря для меня, поверьте.

Она сжала губы и медленно покачала головой.

— Нет, не только для вас, — она вздохнула, — Простите, я не хотела отрывать вас от работы.

— Пустяки, — сказал он, повернувшись к экрану. Он нажал клавишу и поток данных возобновился.

— Я вам мешаю?

— Совсем нет.

— Что это у вас на экране?

— Список заявок телефонной станции, — ответил он. — Я пытаюсь... Подождите минуту...

Он снова остановил вывод данных, разделил экран пополам и сравнил информацию в двух частях экрана.

— Что это? — спросила Рэчел.

— Данные об одной квартире, — ответил он. — Из списка объявлений о кратковременной сдаче в субаренду. Телефон в этой квартире отключили две недели назад и пока не восстановили, но, по сведениям жилищной службы, съемщик по-прежнему пользуется газом и электричеством. Объявление о сдаче этой квартиры публиковалось в «Голосе«, но было аннулировано за неделю до окончания срока публикации. Это означает, что квартиру сняли.

— Может быть, они просто не платили за телефон, — предположила она.

— Нет, тут есть заявление с просьбой отключить его и отметка о том, что через шесть месяцев телефон следует снова подключить. Это означает, что прежние съемщики вернутся через шесть месяцев и что они хотят сохранить свой старый номер. Телефон они отключили для того, чтобы субсъемщик не пользовался им за их счет, но мог временно его восстановить с новым номером и новым счетом. Однако он этого не сделал. Стоимость остальных услуг, очевидно, вошла в оплату аренды.

— Что же это означает?

— Что новому съемщику не нужен телефон, — сказал Бэтмэн. — И хотя такое случается, все же это достаточно необычно. Посмотрим, что можно узнать о прежних жильцах. Здесь в списке значатся двое...

Он просмотрел сведения о них в записях телефонной компании, жилищной службы, нашел номера социального страхования.

— Профессиональные музыканты, — сказал он, — А если они музыканты и живут в Вилладже, то они без сомнения делают покупки в Музыкальном Центре Балларди. — Он посмотрел на часы. Почти половина десятого. Обычно Джин закрывает поздно, еще есть шанс...

Он схватил телефон, нашел в компьютерном справочнике Центр Балларди и набрал номер.

Ворчливый голос ответил.

— Балларди. Мы закрываемся.

Бэтмэн улыбнулся. Во многих магазинах не отвечают на звонки после закрытия, но Джин, если был на месте, всегда брал трубку в надежде на богатого рок-певца, которому срочно нужна гитара.

— Джин, здесь Бэтмэн.

— Без шуток?

— Да, это я. Как твое плечо?

— Уже зажило. А те, что стреляли в меня, по-прежнему в тюрьме, спасибо тебе. Теперь я узнал твой голос. Я уже собрался закрывать. Чем-нибудь могу помочь, старина?

— Не знаю, Джин. Я ищу пару музыкантов, живущих в твоем районе.

— Подавай.

— Их имена Дэвид Стоунер и Ричард Ли.

— Да, конечно, я знаю этих ребят. Они играют в группе «Догс». Что-нибудь натворили?

— Нет, нет, мне нужно узнать, нельзя ли с ними как-нибудь связаться. Это очень важно.

— Черт, не знаю, они ведь на гастролях. Подожди, дай подумать, что тут можно сделать. Секунду... — Бэтмэн слышал, как шелестели бумаги на другом конце провода, пока Джин разбирался в обычной свалке на своем столе. — Вот, нашел. Их офис уже закрыт, но я, может быть, разыщу Шелли... Позвонить ему домой?

— Да, пожалуйста,Джин, если можешь, — сказал Бэтмэн. — Мне нужно поговорить с ними сегодня же, если это возможно.

— О'кей, я попробую. Дай мне пять минут, а потом снова позвони мне.

— Отлично, — ответил Бэтмэн. — Спасибо, Джин, я тебе очень признателен.

— Хэй, нет проблем. Я перед тобой в долгу. Поговорим позже.

Он повесил трубку.

— Я потрясена, — сказала Рэчел. — Мне бы не хотелось скрываться от вас.

— Пока это только догадка, — сказал Бэтмэн, — но мой инстинкт подсказывает мне, что мы на верном пути. Только бы добраться до этих музыкантов.

— Через пять с небольшим минут он позвонил в Музыкальный Центр.

— О'кей, — сказал Джин, — они выступают в Денвере. Сейчас в Колорадо восемь часов, а они раньше девяти не начнут играть, попробуй застать их в отеле. Записывай номер...

Через минуту он говорил с ошеломленным Дэвидом Стоунером, гитаристом группы Догс.

— Это что, шутка? — спросил Стоунер. — В самом деле, кто говорит?

— Я не шучу, мистер Стоунер, уверяю вас, — сказал Бэт-

мэн. Он объяснил о Джине и как он смог разыскать их. — То, что вы мне скажете, может иметь решающее значение, мистер Стоунер, в поиске безжалостного преступника. Что вы можете сказать о человеке, снявшем вашу квартиру?

— Девон Стюарт? Он из какой-то английской киностудии. Так он сказал. Он сказал, что он...

— Вы сказали, Девон Стюарт?

— Ну да, точно.

— Вы можете его описать?

— Конечно. Около сорока лет, белые волосы, бледная кожа, как называется, альбинос. Пижон, очень модно одет, говорит с акцентом, хромает.

— Большое спасибо, мистер Стоунер, — прервал его Бэтмэн. — Вы очень сильно мне помогли.

— Хэй, нет проблем, — сказал Стоунер. — А что он сделал?

Но телефон уже молчал.

Дэвид Джекс вышел из спальни в темно-синем шелковом халате, босиком, с взъерошенными волосам. Сзади, сквозь открытую дверь ванной, послышался женский голос.

— Дэвид?

— Сейчас вернусь, бэби, — крикнул он и подошел к бару, чтобы налить чего-нибудь выпить.

— Где же сегодня ваш костюм? — спросил голос с акцентом.

Джек с удивлением поднял глаза.

— Кто вы такой? Как вы здесь оказались?

Светловолосый человек покачал головой.

— Нет, не тот. Жаль.

— Что вы там плетете. Вы кто? — Джекс потянулся к телефону. — Я вызываю охрану.

— Думаю, что нет, мистер Джекс, — Гризли три раза кашлянул сквозь глушитель.

— Дэвид? Дэвид? С кем ты говоришь?

Красивая, хорошо сложенная блондинка подошла к двери ванной, завернувшись в простыню. Она увидела тело Джекса на полу, затем незнакомца с огромным пистолетом. Она открыла рот, чтобы закричать...

Спектр выстрелил.

Как нескладно, подумал он, спускаясь в вестибюль в личном лифте Джекса. В левой руке он держал дипломат. Ерунда, в любом случае это не имеет значения. По крайней мере он сейчас знает, кто есть Бэтмэн. Это не Джекс. Это Брюс Уэйн. Из всех кандидатов Уэйн казался наименее подходящим. Утомленный, вялый плэйбой-промышленник. Приятный, но поверхностный, не очень умный и довольно безответственный. Спихнувший всю ответственность за свою жизнь на других, чтобы без забот предаваться наслаждениям. Всегда в обществе молодой, подающей надежды кинозвезды, или актрисы, или певицы ночного клуба. Самый известный в Готем-Сити плэйбой. И все же, все сходится. Идеально сходится.

Лучшего прикрытия он не мог бы придумать. И живет совсем недалеко от города в уединенном поместье Уэйн Манор, под которым, без сомнения, располагается Бэткейв. Просто идеально. Почему он раньше не догадался. Потому что маскировка была очень достоверной, Брюс Уэйн был всегда на виду — классический представитель американского декадента-капиталиста, который фактически никогда не работал за всю свою изнеженную жизнь.

— Да, ты хорош, дружище, — говорил про себя Спектр, выходя из частного лифта, — ты действительно очень хорош. Только я лучше.

В конце-то концов, Бэтмэн всего лишь любитель. Исключительно одаренный, но тем не менее любитель. Он же — профессионал. Спектр бросил взгляд на тело охранника за конторкой в вестибюле и беспечно вышел из двери в ночную тьму.

Сначала он заложит бомбу, которая должна взорваться в утренние часы пик, а уж затем позаботится о ликвидации Брюса Уэйна. Утром город узнает о новом трагичном последствии своего упорства, а заодно узнает и о кончине своего знаменитого «рыцаря в капюшоне», узнает о гибели свидетеля, которого он охранял, и тогда американским властям останется только уступить и посадить Гарсиа на самолет до Кубы, где его без промедления расстреляют за провал. Но это уже не его дело. К тому времени он будет отдыхать на палубе яхты в Монте Карло, наслаждаясь плодами своих трудов. После этого контракта, он, возможно, отойдет от дел. А почему бы и нет. Он это заработал.

Они выглядели как современные пираты в их черных шелковых куртках, на спинах которых под китайскими иероглифами переплетались зеленые драконы. С платками, серьгами, длинными черными волосами и браслетами с шипами. Выцветшие джинсы обрезаны по колено, а высокие баскетбольные шузы не по моде крепко зашнурованы — если придется бежать или наносить удары. Они выглядели как члены банды, и в некотором смысле они действительно были членами банды, если не упомянуть, что их банду жители Готем-Сити давно перестали бояться. Они называли себя Зеленые Драконы, и честным гражданам Готем-Сити было незачем их бояться. Наоборот, они могли спокойно дышать, если в вагоне метро видели Зеленых Драконов, потому что в таком вагоне не бывает грабежей и нападений.

Они стояли, прислонясь к стене Центрального вокзала, и проходящий мимо сержант транспортной полиции кисло посмотрел на них. Городское управление транспортной полиции

недолюбливало Драконов, их считали нарушителями спокойствия. А по существу, Зеленые Драконы намного успешней боролись с преступностью на транспорте, чем полиция. Они не сходили с поезда и не пересаживались в другой вагон, если рядом оказывались хулиганы. Они оставались на месте и прямым настойчивым взглядом ясно давали понять свои намерения. Едешь на метро, отлично. Начнешь хамить, мы наступим тебе на мозоль. Решительного взгляда обычно хватало, чтобы эти типы вылезали на ближайшей станции.

Зеленым Драконам не приходилось часто подтверждать свою репутацию, как это было в начале, когда Драконов создал Дэвид Чан, американец китайского происхождения, обеспокоенный преступностью и решивший ей что-нибудь противопоставить. Он заботился о том, чтобы Драконы были готовы к испытаниям. Каждый Дракон обучался в школе Сато и был знатоком рукопашного боя и оружия Востока, хотя выходя на патрулирование, они никогда не брали его с собой. Большая часть оружия боевых искусств была официально запрещена в Готем-Сити, поэтому наказание за его ношение и ношение огнестрельного оружия было одинаковым. Соблюдая городские законы, Зеленые Драконы неизменно подвергали себя повышенному риску, так как их противники обычно не обременяли себя юридическими нормами.

В нынешнем задании их инструкции, полученные от самого Учителя, были простыми и четкими. Они не должны вступать в какие-либо действия. Они должны только наблюдать и сообщать обо всем подозрительном спец-группе «Спектр» в полицейском управлении. Такая постановка задачи не все пришлась по душе, особенно Бобби Уингу и Рико Мартинесу. Как большинство Драконов, Бобби был китайского происхождения. Родители Рико переселились из Сан-Хуана. Обоим по девятнадцать лет. Оба стройные и проворные, подвижные как газель, и гибкие как змея. Уверенные в себе, но без дерзости. Дерзкие новички, попадая к Сато, быстро остывали. Сенсэй Сато знал как вернуть им реальный взгляд на жизнь.

Все же этим двум парням не нравилось играть откровенно пассивную роль. С настоящим удовольствием они взялись бы за Спектра и поработали с ним, как с тренировочным мешком. Привалившись теперь к стене и оглядывая всех проходящих, Рико взял губами сигарету. Он не курил, и никто из Драконов не курил, но ему нравилось держать сигарету во рту. Нравился вид, какой она придавала ему. В сочетании с темными очками он выглядел действительно опасным. Он кивнул появившейся Шейле, молодой черной девушке, на которой был одет зеленый берет с кокардой командос, джинсы, короткие сапожки на низком каблуке и черная майка с эмблемой Драконов.

— Что нового? — спросила она, похлопав по бедру портативным радиопередатчиком.

— А..., одно и тоже, — ответил Рико.

— А вы случаем здесь не заснули?

— Нет, — сказал Рико с хитрой улыбкой, — мы просто стоим и ставим оценки всем пролетающим птичкам. Ты получаешь пять.

— Пять.

— Да... Это проходной балл. Почти.

— А что бы ты сказал о круговом ударе пяткой в голову?

— Вы воркуете, как старая супружеская пара, — сказал Бобби с усмешкой.

— Не скажу ничего о супружеской части, но против медового месяца я бы не возражал, — ответил Рико.

— Что, с жалкой пятеркой? — Спросила Шейла.

— Ладно, шесть.

— Шесть! — протянула Шейла. — Чистая десятка, если ты еще не умеешь считать так высоко.

— Который час? — Спросил Бобби.

Рико взглянул на свои часы.

— Почти одиннадцать.

— Так медленно время тянется, — сказал Бобби. — Может пройдемся вокруг. Осмотрим платформы. Или ты хочешь сначала докурить свою сигарету?

— Очень смешно.

— Смотри, кто-нибудь зажжет ее тебе и ты за неделю не прокашляешься.

— Послушайте, мы просто тратим время. Спектр здесь не появится. Здесь же некого взрывать бомбой в такое время. От нас тут никакого проку.

— Это наш пост, и мы тут останемся, пока нас не сменят, — сказал Бобби. — Ты хочешь поспорить с Учителем. Или с Бэтмэном.

— Я не знал, что Сенсэй и Бэтмэн друзья, — сказала Шейла. — Вот бы их увидеть вдвоем на ковре. Как вы думаете, кто бы победил.

— Ясно, — сказал Рико. — Сенсэй сотрет его в порошок.

— Ну, не знаю, — возразил Бобби. — Я слышал, что Бэтмэн очень хорош.

— И лучше, чем Сенсэй? — Спросил Рико. — Исключено. Учитель уже забыл больше приемов, чем Бэтмэн выучил.

— Но посмотреть стоило бы.

—Эй, ребята, — позвала Шейла, — сразу не оглядывайтесь, но мы кажется высматриваем типа, который хромает.

Они сразу встрепенулись. Мимо них плелся опустившийся бездомный человек, одетый в длинное обтрепанное пальто, по виду подобранное на свалке. На нем была мятая старая шляпа,

и седые нечесанные волосы выбивались из-под нее. Нижняя часть лица была замотана в длинный грязный шарф. Казалось, что он держит что-то под пальто, прижимая это обеими руками к груди.

— Да это просто доходяга, — презрительно сказал Рико.

— Как же, — возразил Бобби, — ты видел его туфли.

— Туфли.

— Да, туфли. С каких это пор доходяги носят итальянские туфли за двести долларов, а?

— Итальянские туфли за двести долларов. С чего ты взял?

— Я знаю свой гардероб, — ответил Бобби. — Не все же одеваются у старьевщиков, как ты. Я за квартал узнаю костюм Армани, а уж туфли Гуччи ни с чем не спутаешь.

— Может кто-то просто выбросил их на свалку.

— Никто не выбрасывает Гуччи. Кроме того, мне показалось, что они совсем новые. И блеск, как из магазина. И лицо у доходяги довольно бледное, насколько я заметил. В описании говорится, что он альбинос.

— Да, — задумалась Шейла, — действительно, и он что-то держал под пальто.

— Пожалуй, нам стоит проверить, — сказал Бобби, оттолкнувшись от стены.

— Не подходите слишком близко, — предупредила Шейла.

— А если это не он? — Спросил Рико и отбросил свою незажженную сигарету.

— Мы просто прогуляемся рядом с бродягой в хороших ботинках, — ответил Бобби.

— А если это он? — Спросила Шейла, поеживаясь.

— Тогда мы поступим, в точности, как просил Сенсэй, — ответил Бобби. — Мы следим за его действиями, и сообщаем в полицию, если заметим что-то необычное.

— Оборванец в туфлях за двести долларов — довольно необычно, что скажете? — Заметил Рико.

— Это точно, — подтвердил Бобби.

Доходяга обернулся к ним через плечо.Бобби толкнул Рико, засмеялся и обнял Шейлу. Вдвоем с Рико они весело заговорили. Бродяга отвернулся.

— Держимся на расстоянии, — предупредил Бобби. — Если это тот парень, то это профи, мы с ним в разных категориях.

— Хотел бы я посмотреть, насколько он хорош. — Сказал Рико.

— Если ты не будешь осторожен, то скоро увидишь, — тихо ответил Бобби. — Держись поскромнее. Шейла, спрячь чертов передатчик в карман, пока он не заметил.

— Зачем, собственно. Он выглядит как обыкновенный радиоприемник.

— Тогда сделай вид, что слушаешь. И не смотри на него так открыто.

Они спускались за бродягой по эскалатору к одной из центральных платформ. Эскалатор в такой поздний час не работал и они отпустили его довольно далеко.

— Не потерять бы, — сказал Рико.

- Спокойно, куда он денется? Отсюда есть еще только один выход — на другом конце платформы.

Они спустились на платформу и встали у колонны, шутили и разговаривали, словно в ожидании поезда. Бродяга подходил уже к противоположному концу платформы. На мгновение он пропал из виду, затем они увидели его снова. Он быстро шел к дальнему выходу.

— Вон он, — воскликнул Рико.

— Потише! — сказал Бобби.

— Быстрее! Мы упустим его!

Они устремились в конец платформы, поднялись по лестнице и осмотрелись. Ни души.

— Проклятье! Мы потеряли его! — застонал Рико.

— Подождите, я его вижу, — показала Шейла.

— Не показывай пальцем, — упрекнул ее Бобби. — Пошли!

Они снова бросились в погоню, но бродяга как сквозь землю провалился. Они побежали быстрее. Вдруг, на лестнице у входа они увидели брошенное старое пальто и рядом мятую шляпу.

— Что за ерунда? — удивился Рико.

— Подождите-ка минуту, — остановился Бобби.

— Не отставайте, он далеко не ушел, — торопил Рико.

— Я же просил подождать, — крикнул ему Бобби. Рико замедлил шаг.

— Что это с тобой?

— Зачем ему понадобилось спускаться на платформу и тут же снова подниматься?

Рико уставился на него.

— Ты думаешь, что...

— Ты знаешь, что здесь творится утром в час пик? спросил Бобби.

— Святая Дева... — сказала Шейла, — я вызываю полицию.

— Подожди немного, — попросил Бобби. — Идемте проверим получше.

Они побежали назад на платформу.

— Какого черта мы тут ищем? — спросил Рико.

— Что угодно, в чем может быть бомба, — ответил Бобби. — Портфель, сумку какую-нибудь, не знаю, просто давайте все здесь осмотрим...

Они обыскали всю платформу, заглянули во все мусорные контейнеры, поискали между торговыми автоматами и под скамейками — везде. Но ничего не нашли.

— Совершенно пусто, — сказал Рико.

— Где-то должна она быть, — настаивал Бобби.

— Мы все уже обшарили!

Бобби задумался, недовольно сжав губы.

— Он ведь профи. Он не засунет бомбу туда, где ее любой может увидеть.

— Если, конечно, это был он, — сказал Рико.

— Да, верно, — протянул Бобби. — Бездомный бродяга в туфлях за двести долларов, который выбрасывает свое пальто. Ты слышал о чем-нибудь подобном?

— Нет, пожалуй, не слышал.

— Пожалуй, не слышал. Тогда давай думать! Она точно где-то здесь. Если бы ты собирался подложить бомбу, куда бы ты ее спрятал, чтобы ее не нашли до утра?

Рико прикусил губу и задумался.

— На путях! — воскликнула Шейла.

Рико и Бобби посмотрели на нее.

— Бэби! — восхищенно сказал Бобби. — Забудь про десять баллов, ты получаешь пятьдесят!

Они спрыгнули на пути.

— Слушай, а если пойдет поезд? — спросил Рико.

— Тогда посмотрим, умеешь ли ты высоко прыгать, — ответил Бобби. — Проверьте то место, где он стоял, когда мы его потеряли из виду.

Они двинулись вдоль путей, осматривая все вокруг и прислушиваясь, не приближается ли поезд.

— Я ничего не вижу, — сказал Рико.

— Ищи, ищи, — подгонял Бобби.

На платформе было совершенно безлюдно и вокруг стояла жуткая тишина.

— Сюда! — позвала Шейла. — Смотрите, что там?

Она согнувшись заглядывала под платформу. Далеко в глубине, в тени среди мусора стоял чемодан-дипломат.

— Есть! — обрадовался Бобби.

— О, Бог мой... — сказал Рико.

— Вызывай спец-группу, радист, — решил Бобби, — Мы-таки нашли эту проклятую бомбу.

Он спустился с крыши по веревке, скользя вниз вдоль стены. Он сознательно отказался от пожарной лестницы, опасаясь неожиданного шума или скрипа, которые выдали бы его. В своем темном плаще он полностью сливался с темной стеной здания. Без звука он спускался вниз, двигаясь с изящной грацией кошки, пока не достиг окна квартиры, куда он должен был проникнуть. Стараясь не произвести ни малейшего шума, он зацепился одной ногой за перекладину лестницы и внимательно прислушался. За окном была гробовая тишина.

Оттянуть задвижку оказалось несложным делом. Он снял с пояса тюбик жидкой смазки и тонкой струйкой промазал по периметру все окно, затем не спеша тихо открыл его. С предельной собранностью Бэтмэн ступил в темноту квартиры.

В квартире, казалось, никого не было. Где-то в городе этим вечером Спектр установит еще одну дьявольскую бомбу. Снова погибнут люди, если только...

Бэтмэн осветил карманным фонариком спальню — ничего необычного. Он шагнул в другую комнату... и замер.

По всему полу лежали газеты, заметки и вырезки из журналов. Он опустился на пол и стал рассматривать. Ему хватило секунды, чтобы понять их назначение. Изучая материал, Спектр искал его, так же как он искал Спектра. Как охотник, Спектр шел по его следу. Пытаясь установить его личность. Бэтмэн быстро просмотрел заметки на полу и его взгляд упал на листок с выписанными именами. Без исключения богатые молодые мужчины Готем-Сити. Почти все имена в списке были перечеркнуты тонкой линией. Кроме двух. Два имени были подчеркнуты и обведены. Имена Дэвида Джекса и Бруса Уэйна.

— О, Боже... — прошептал Бэтмэн. Он снял с пояса радиопередатчик и вызвал спец-отряд. — Здесь Бэтмэн.

— Бэтмэн! — отозвался голос радиодиспетчера полиции. — Мы только что получили сообщение от Зеленых Драконов. Они видели его! И обнаружили бомбу на Центральном вокзале. Мы уже отправили к ним группу саперов. У вас есть что-нибудь для нас?

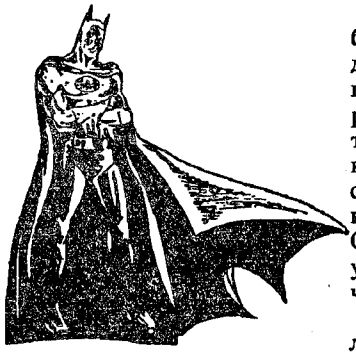
При других обстоятельствах Бэтмэн мог бы вздохнуть с облегчением, но сейчас было еще рано расслабляться.

— Есть. Внимательно слушайте. Я нашел квартиру Спектра. — Он продиктовал адрес. — Пришлите сюда людей, чтобы устроить засаду, на тот случай, если Спектр вернется. И отправьте группу захвата к резиденции Дэвида Джекса. У меня есть основания полагать, что он стал мишенью Спектра. Все ясно?

— Полный порядок. Где вы будете находиться?

— Здесь Бэтмэн. Конец связи, — он выключил передатчик и пристегнул его к поясу. Затем устремился к открытому окну. Времени было в обрез. Если ему повезет, то Спектра возьмут в резиденции Джекса. Если нет, то это значит, что Спектр направляется сейчас прямо в Уэйн Манор.

11

Охрана имения впечатляла. Он бросил угнанный автомобиль на дороге и остаток пути прошел пешком, тщательно обследуя рельеф местности. Вот такая работа ему по вкусу. Никаких капризных бомб, никаких звонков с драматическими угрозами, только он и жертва, один на один. Охотник и добыча. Это то, что он умел лучше всего остального. Он чувствовал родную стихию.

Ворота, судя по всему, управлялись автоматически, а над ними расположились камеры наблюдения. Рядом в стене было встроенное переговорное устройство. По периметру имения тянулось декоративное ограждение, но видеокамер он не приметил. По крайней мере в очевидных местах. Перелезть через ограду не представляло для него особого труда. Возможно, она опутана системой сигнализации. Или в грунте скрыты датчики давления. Впрочем, нет, они должны быть за оградой, а не снаружи. Но если грунт по периметру ограды усеян датчиками, то на дорожке, ведущей к дому, их быть не должно. Хотя в этом случае она находится под наблюдением камер. Очевидно, Брюс Уэйн очень серьезно относится к своей безопасности. Конечно, он и должен так относиться, если он является Бэтмэном.

По-видимому, ограда не под напряжением, но кто знает. Во всяком случае, Бэтмэну не пришло бы в голову по напрасну причинятькому-либо боль. Поэтому, скорее всего, имеется только система сигнализации. Вскоре тщательное обследование подтвердило его предположение. Провода сигнализации были хитроумно замаскированы, и никто, кроме профессионала, не смог бы их обнаружить. Перерезать проволоку и выключить секцию ограды из общей сети сигнализации было парой пустяков. Через минуту он уже перелезал через ограждение. Оказавшись по другую сторону, он держался ближе к ограде, двигаясь вдоль нее по направлению к главному подъезду к дому. Он засек скрытые в кустарнике видеокамеры, следящие за дорогой. Он улыбнулся. Как он и подозревал, Уэйн был дилетантом не лишенным таланта, но все же дилетантом. Кустарник вдоль дороги был идеальным прикрытием — черная

одежда сливалась с темнотой, а бледное лицо и белые волосы скрывались под маской из черного нейлонового трикотажа. Он, пригнувшись, крался прижимаясь к кустарнику, часто пробираясь сквозь него. Когда он приближался к камерам, старался держаться в стороне от их линии обзора. Это было медленное продвижение, но в конце концов он добрался до дома.

Все окна, вероятно, опутаны проводами сигнализации. Поэтому он воспользуется не окном. Он, как это принято, войдет через парадную дверь. Над дверью бликами светился объектив видеокамеры, и хотя ее ловко замаскировали, обнаружить ее не заняло у него много времени. Ладно, ему придется рискнуть. Сколько шансов за то, что в этот час кто-то наблюдает внутри за мониторами? Пустяки. У Уэйна небольшой штат прислуги. у него всего лишь один дворецкий — пожилой мужчина по имени Альфред Пенниворт, но и он не того типа человек, которого, не задумываясь, можно сбросить со счетов. Пенниворт, может быть, и старик, но он служил в Воздушных спецвойсках, а это означает, что он прошел тренировки командос. Возможно, Пенниворт стар, но его не следует недооценивать. Имея лишь одного человека в личном штате — Пенниворт, без, сомнения был посвящен в тайну истинной личности Бэтмэна, — Уэйну пришлось автоматизировать большую часть всей охранной системы, насколько до сих пор было видно. Автоматическую систему не так трудно вывести из строя или обойти. Если в особняке нет служащего, постоянно наблюдающего за экранами, тогда в случае опасности должна завыть какая-нибудь сирена — сигнал тревоги. Он тщательно изучил место около входной двери. Его взгляд упал на резиновый половичок для ног, прямо перед дверью. Очень простой резиновый коврик. Человек, подобный Уэйну, мог бы позволить себе более нарядный, более декоративный половичок, например с именем владельца. Именно из-за своей неприметности половичок заинтересовал его. Он осторожно наклонился и приподнял уголок коврика, обнажив пластину датчика давления. Он снова улыбнулся.

Избегая наступать на датчик давления под ковриком, он выбрал довольно неловкое положение, зато мог работать с замком входной двери. Он рисковал, сидя прямо на виду у видеокамеры, но он надеялся, что Пенниворт в это время занят чем-то другим. В считанные секунды он разобрал замок и сдвинул неподвижный болт, а потом толкнул дверь, очень мягко. Она беззвучно распахнулась. Конечно, так и должно быть. Настоящий английский дворецкий не допустит, чтобы парадная дверь скрипела. Очутившись в темноте прихожей, он внимательно прислушался. Дом был спокоен. Он стянул с головы трикотажную маску и снял куртку, освободив кабуру под мышкой поверх черной с высоким воротником рубашки. Он осто-

рожно повесил куртку на стойку для зонтиков и двинулся вглубь особняка, мягко и беззвучно ступая по коврам и паркету. Уэйн, конечно, живет безбедно, двух мнений быть не может. И у него утонченный вкус. Каждый предмет в доме говорил о «старых деньгах». Дедушкины часы в фойе были бесценным антиквариатом.

Крадучись пробираясь от комнаты к комнате, он увидел льющийся из кухни свет. Он осторожно приблизился. Заглянув за угол, он увидал бородатого мужчину в одной рубашке. Он готовил поднос с чаем и сдобными булочками и двигался по кухне со знанием дела. Очевидно, Пенниворт.

Он еще раз осторожно заглянул в кухню. Дворецкий, казалось, не замечал его присутствия. Закончив собирать поднос, он накинул твидовую куртку, вынул маленькое карманное зеркальце и тщательно осмотрел свою внешность, особенно волосы и бороду. Странно. Зачем он это делает? И вдруг его осенило. Ну, конечно. Свидетель. Пенниворт не хотел, чтобы свидетель узнал его, потому что это может вывести на Уэйна. Итак, он изменил внешность. И, между прочим, очень искусно.

Спектр извлек из кабуры Гризли. Но тут Пенниворт сделал странную вещь. Он открыл холодильник, повертел что-то внутри, закрыл дверцу и отступил назад, чтобы взять поднос. Послушался щелчок и холодильник с гулом начал уходить в стену.

Отлично, отлично, подумал Спектр. Что мы здесь имеем?

Это, очевидно, скрытый вход в Бэткейв. Какая удача! Теперь ему не придется пытать Пенниворта, чтобы тот показал ему потайной вход. Пенниворт сам любезно сделал это. И легкая закуска перед сном, конечно же, предназначалась свидетелю. Чай и сдобные булочки. Как мило! Интересно, где сейчас носит Уэйна, в то время как здесь течет спокойная домашняя жизнь? Наверное, преследует его. Преследует тени. Пытается поймать призрак. Спектра. Какой сюрприз будет ждать Бэтмэна, когда он вернется!

Пенниворт исчез с подносом в темноте открывшегося проема, шагнув вслед за отступившим холодильником. Держа пистолет наготове, Спектр двинулся на кухню. Он заглянул в глубину потайного хода. Узкая шахта лифта. Лифт опускался вниз. Спектр заглянул в шахту и увидел удаляющуюся кабину. На стене он обнаружил кнопки вызова. Он даст Пенниворту несколько минут, потом вернет лифт наверх. А затем спустится сам и осмотрит Бэткейв. Это будет определенно интересно. Какая досада, подумал он. Все получилось так легко. Сначала он избавится от Пенниворта, а потом от свидетеля. Или пока оставит Пенниворта и свидетеля живыми и подождет возвращения Уэйна. Да, так будет лучше. Это сделает его сговорчивее. А дело завершится очень изящно. Сначала он

прострелит Бэтмэну правую коленную чашечку, потом левую. И ему придется ползти. И беспомощно наблюдать, как он застрелит Пенниворта и вышибет мозги свидетелю. А после этого... впрочем, у них будет вся ночь впереди.

Он выждал уже достаточно долго. Спектр надавил на кнопку вызова.

— Я подумал, вы захотите перекусить, моя дорогая, — сказал Альфред.

Рэчел взглянула на него и улыбнулась.

— Как любезно с вашей стороны, мистер Джонс, но я совсем не голодна. Может быть, позже.

Она лежала, вытянувшись, на кровати и смотрела фильм по ТВ. Это был «День шакала». Она выключила телевизор дистанционным управлением.

— Я не хотел прервать ваш отдых, — сказал Альфред, опуская поднос на столик.

Она скривила губы.

— Этот фильм не в моем вкусе, — сказала она. - Слишком напоминает мое детство.

— А, ну что ж, тогда, возможно, мы прогуляемся?

— Я думала, что вы мне не предложите. Я здесь схожу с ума. Мы можем снова посмотреть комнату трофеев?

— Конечно, — ответил Альфред, улыбаясь. Он придержал для нее дверь. — После вас.

— О, благодарю, сэр, — сказала она и засмеялась. — Вы балуете меня, мистер Джонс. Я не привыкла, чтобы со мной обращались как с леди.

Альфред вышел за ней в коридор и вдруг ни с того, ни с сего нахмурился.

— Что такое? — спросила девушка. — Я сказала что-нибудь не так?

— Нет, дело не в этом, — ответил Альфред, по-прежнему хмурясь. Он смотрел в дальний конец коридора. — Лифт. Я уверен, что не отправлял лифт наверх.

— Может быть, Бэтмэн? — предположила она. — Похоже, он рано вернулся.—Она выглядела довольной этой перспективой.

— Нет, — сказал Альфред, — не так рано. Сегодня...

Лифт спускался вниз.

— Быстро, — сказал Альфред, — бегите в пещеру и спрячьтесь!

Он бросился к оружейной и толкнув плечом, распахнул дверь. Схватив со стены полуавтоматический Вальтер П38, он пересек комнату и остановился у сейфа с боеприпасами, в спешке перебирая ключи. Он нашел нужный, вставил в замок и распахнул дверцу огнеупорного шкафа. Достав коробку с 9

мм патронами, он вытащил магазин Вальтера и торопливо начал заполнять патронами.

— Мистер Пенниворт, я полагаю? — сказал голос из-за двери.

Альфред обернулся, в то же время пытаясь вогнать в рукоятку пистолета наполовину заполненный магазин.

Спектр выстрелил.

Пуля из Винчестер Магнума .45 вошла в его правое плечо и опрокинула на стену. Сползая на пол, он выронил из рук пистолет и обойму.

— Вот это да! — сказал Спектр, заходя в оружейную. — Какая у вас смертоносная коллекция. Прямо-таки арсенал, между прочим.

Он оглядел оружие на стенах.

— Я всегда хотел иметь что-нибудь из этого, — сказал он, снимая одну из самозаряжающихся винтовок.

Это была суперсовременная австрийская штурмовая винтовка с магазином на 42 патрона и необычным прикладом и ложем, отлитыми из пластика как единое целое. Над казенной частью крепилась лазерная система наведения.

— Здорово, — проговорил Спектр. — Отличный образец.

Он подошел к сейфу с боеприпасами и взял коробку патронов .223-го калибра. Опустив свой пистолет в кобуру, он начал заряжать магазин винтовки.

— Где свидетель, мистер Пенниворт? — спросил он, между делом загоняя патроны в магазин.

— Вы... идите к... дьяволу! — выдохнул Альфред.

Спектр зацокал языком.

— Ах, да. Старый воинский дух воздушных спецвойск. Отлично, но вы уже давно не в командос, мой друг. А я не просто заурядный ирландский террорист.

— Нет, вы хуже..., — с трудом выдавил Альфред. Вы... кровавый... мясник.

— Ну, это довольно невежливо. Не забывайте, я мог бы сразу убить вас, — сказал Спектр. — Правда, я все равно собираюсь вас убить. Но, если вы не будете доставлять мне беспокойств, я могу растянуть это удовольствие.

— Делайте худшее... будьте вы прокляты!

Спектр улыбнулся.

— Вы — грубый старикашка, не так ли? — сказал он. — Мне это нравится. Может быть, я убью вас быстро. Но только не сейчас. Подождем, когда придет ваш хозяин. Как он там говорил? Он выволочет меня из-под любой скалы, где бы я не спрятался? что-то вроде этого, да? Как я помню, очень яркая речь. Ну, похоже, я не единственный, кто прячется под скалами. А что вы скажите, если мы пока прогуляемся по вашей знаменитой Бэткейв? Мне давно хотелось на нее взглянуть.

— Поднимайтесь!

Но Альфред, не двигаясь лежал на полу.

— Я сказал, поднимайтесь! — повторопил Спектр, со злостью пнув ногой дворецкого. — Или вы предпочтете, чтобы я отстрелил вам ухо?

Он ткнул дулом винтовки в голову Альфреда.

— Вы... варвар, — сказал Альфред, с трудом пытаясь подняться.

Спектр и не думал ему помочь. Он молча наблюдал за мучениями Пенниворта.

— Да, боюсь, я не джентльмен, — проговорил он. — Жаль, если это оскорбляет ваши чувства, но что есть, то есть. И если вы рассчитываете на геройство с единственной здоровой рукой, пожалуйста, не надо. Мне так не хочется стрелять в вас снова. Вы весь истечете кровью еще до того, как вернется Уэйн. А это испортит весь сюрприз.

Он вытолкал Альфреда в коридор. Пуля большого Винчестера Магнума .45, посланная с такого близкого расстояния, глубоко вошла Альфреду в плечо. Хотя она не была разрывной, рана от нее все же была паршивой, и Альфред терял много крови. Спотыкаясь, он брел вперед, едва держась на ногах.

Спектр проверил остальные двери, а потом подтолкнул Альфреда к двери в дальнем конце коридора, ведущей в комнату центрального управления Бэткейв. Переступив порог, он присвистнул.

— Очень впечатляюще. Жаль, что у меня нет времени осмотреть все от начала до конца. Мне бы очень хотелось поближе познакомиться с некоторым оборудованием. — Он взглянул сквозь стеклянную стену аппаратной. — Действительно, очень впечатляюще. Просто удивительно, что вам удавалось держать все это в тайне. Мое восхищение вашим хозяином растет с каждой минутой. Поистине печально, что мне придется убить его. Вероятно, я смог бы очень многому у него научиться.

— Вы научитесь... многому... еще до того, как кончится ночь, — сказал Альфред, тяжело облокотившись на одну из панелей управления.

— Да, я уверен, один из нас научится, — согласился Спектр. — Ну, а теперь, где прячется наш свидетель?

— Я бы не сказал вам... даже, если бы знал, — выдохнул Альфред.

— А я и не надеялся на ваше откровение, — отозвался Спектр. — Вопрос чисто риторический. Это не важно. По крайней мере мы знаем, что здесь его нет. Значит, где-нибудь в пещере. Без сомнения, там полно трещин и укромных уголков, в которых легко спрятаться. Но я умею искать. — Держа Альфреда под прицелом, он распахнул стеклянную дверь, ве-

дущую в пещеру. — После вас, — сказал он, указывая дорогу дулом оружия.

Альфред поплелся к двери. Он ослабел от потери крови и перед глазами все расплывалось.

— Так, — протянул Спектр,— посмотрим, где наш неприметный гость. — Он шагнул на верхнюю ступеньку длинной лестницы, вырубленной в скале высоко над полом пещеры, и громко крикнул:

— Я знаю, что вы прячетесь где-то здесь. Если вы выйдете сами, я сделаю это быстро и относительно безболезненно. Но если я сам найду вас, я не буду столь милосердным.

Собрав остатки сил, Альфред крикнул в пещеру:

— Оставайтесь там, где спрятались, Рэчел! Не слушайте его!

Спектр резко повернулся к нему.

— Рэчел?

Девушка шагнула из-за громадного сталактита, причудливо растущего из основания пещеры.

— Оставь его, Эрик, — крикнула она ему. — Тебе нужна я.

Спектр с удивлением уставился на нее.

— Рэчел? Ты — свидетель против Гарсиа?

— Да, — сказала она, стоя в пятидесяти футах под ними. — Как насчет выстрела в голову?

— Я слышал, что ты мертва.

— Неверные слухи.

— Почему? — спросил он ее. — Почему ты это делаешь?

— Какая разница? — спросила Рэчел. — Тебе не все равно? Восточный Берлин далеко в прошлом.

— Да! — крикнул он в ответ. — Да, это правда. — Он вздохнул. — Какое-то чувство подсказывало мне, чтобы я не брался за эту работу.

— Но, как бы там ни было, ты собираешься сделать это, не так ли? — выкрикнула она снизу.

— Я подписал контракт, — ответил он. — У меня нет выбора.

— Об этом я и говорю, — сказала Рэчел. — Ты всегда был хладнокровным сукиным сыном.

— Так же, как и ты, — проговорил Спектр. — Вот как Бэтмэн получил такое прекрасное описание моей внешности.

— Ты изменил лицо, — сказала девушка. — Но ты всегда был без ума от своих чудесных белых волос. Белые как снег, холодные, чистые и непорочные. Вот таков ты и есть — до корней волос, не так ли, Эрик? Если только это твое настоящее имя.

— Между прочим, настоящее, — подтвердил он. — Мне очень жаль, но теперь ничего не изменишь. Ты мне очень нравилась.

— Нравилась? — с горечью спросила Рэчел. — Я любила тебя, ты, ублюдок. Я бы не задумываясь отдала за тебя жизнь.

— Боюсь, что так и будет, — сказал он.

— Рэчел, нет! — крикнул Альфред. — Бегите!

— Заткнись, старик, — оборвал его Спектр. — Ей некуда бежать и она это знает.

— Почему ты просто не нажмешь на курок, Эрик? — спросила Рэчел. — Ты однажды уже убил меня, когда бросил в Берлине. Так давай продолжи и закончи эту чертову работу.

— Я собираюсь подождать пока вернется твой защитник, — объяснил он. — Я хочу полюбоваться выражением его лица, когда потяну за спусковой крючок. Но в память былых времен, единственное, что я могу для тебя сделать, — покончить с этим быстро и милосердно.

— Хочешь, я подойду поближе, тогда тебе будет проще? — в ее голосе чувствовался злой сарказм.

— В этом нет необходимости, — ответил он холодно. — Мне не трудно выстрелить и отсюда. Просто стой спокойно. И я сделаю это по возможности безболезненно. Только один выстрел, точно промеж глаз. Все будет кончено еще до того как, ты успеешь об этом подумать. — Он поднял винтовку и луч лазерного прицела заплясал над ее переносицей.

— Прощай, Рэчел...

— Нет! — крикнул Альфред, бросившись на убийцу. Они оба упали и шальной выстрел чиркнул по скалам. Альфред метнулся вниз, кубарем скатившись по ступенькам лестницы к подножию скалы.

— Очень глупо, — сказал Спектр, поднимаясь на ноги. — Вы лишь отсрочили момент ее смерти.

— Нет, он дал мне необходимое время, — раздался глубокий, звучный голос, эхом отдаваясь под сводом пещеры.

Спектр резко повернулся на голос. На вершине скалы, по другую сторону пещеры, рядом с каменными ступенями, ведущими из потайного хода через дедушкины часы, стоял Бэтмэн. В струящемся черном плаще и зловещей маске, он сам был похож на призрак.

— Ты! — воскликнул Спектр. Он вскинул винтовку и выстрелил, но пуля застряла в кевларовых пластинах, вшитых в мантию Бэтмэна. Проворным, быстрым движением Бэтмэн метнул Бэтеранг. Черное оружие просвистело в воздухе, и Спектр едва успел закрыться прикладом винтовки. Бэтмэн скользнул за нагромождение скал и исчез из виду.

— Теперь ты на моей территории, Спектр, — крикнул он. — Между прочим, бомбу, которую ты сегодня заложил, уже обнаружили и обезвредили. Ты убил в последний раз.

— Думаю, что нет, — отозвался Спектр. Он спрыгнул на дно

пещеры и перекатился по полу, крепко сжимая в руках винтовку.

Альфред, стиснув от боли зубы, и, из последних сил, стараясь подполз к Рэчел, из последних сил стараясь не потерять сознания.

— Вы ранены! — воскликнула она.

— Ерунда... это не опасно, — выдавил он. — Мы должны... добраться до Бэтмобиля и... запереться внутри! Он неприступен. Бронированный корпус... пуленепробиваемые стекла...

— Поднимайтесь, — сказала девушка, — обопритесь на меня.

— Сейчас я займусь тобой, старик! — крикнул Спектр.

— Для начала ты займешься мной! — возразил Бэтмэн. И газовый шарик разорвался под ногами профессионального убийцы. Тот отпрыгнул в сторону, задержав дыхание, и несколько раз перекувырнулся через голову, стараясь откатиться подальше от выросшего облачка газа, которое быстро растворялось в пустоте пещеры.

— Неплохая попытка, — крикнул Спектр, украдкой перебегая по пещере и используя глыбы скал в качестве прикрытия. — Я думал, ты собираешься раздавить меня. Кинуть за решетку, не так ли ты говорил?

Альфред и Рэчел добрались до Бэтмобиля. Альфред опирался на Рэчел, обх- ватив ее за плечи.

— Внутрь... быстро! — приказал он.

— А как же вы?

— Не беспокойтесь... обо... мне, — выдохнул Альфред и захлопнул за ней дверь.

Теперь, когда Рэчел в безопасности Бэтмобиля, думал он, только бомба может причинить ей вред, а Спектр уже взорвал свою последнюю бомбу. Лишь бы добраться... Ему удалось сделать еще пять шагов, и он без сознания повалился на каменный пол.

Красный луч лазерного прицела скользнул по темным скалам задней стены основного зала пещеры.

— Где твоя храбрость, Уэйн? — крикнул Спектр.

— Ты жаждешь меня, — откликнулся Бэтмэн, — тогда приди и возьми меня. Если не боишься.

Он уводил Спектра в глубь подземного лабиринта, подальше от Альфреда и Рэчел. Его главной заботой была их безопасность. Он хотел быть уверенным, что они не окажутся случайно на линии огня.

Красная точка неожиданно наткнулась на плечо Бэтмэна, и он рванулся в сторону. В тот же миг пуля ударилась в скалы, там, где он только что стоял.

— Довольно близко, чтобы чувствовать себя уютно, не правда ли? — заметил Спектр.

— Тебе нужно почаще тренироваться в стрельбе, мясник, — отозвался Бэтмэн.

— Я просто наслаждаюсь, Уэйн, — сказал Спектр, следуя за Бэтмэном в глубь пещеры. — Ты меня слышишь?

— Я слышу лишь бесконечную болтовню.

Спектр захохотал.

— После того как я расправлюсь с тобой, я вернусь за теми двумя. А потом я отправлю по почте твою голову комиссару Джиму Гордону. В яркой коробке, обвязанной разноцветными ленточками.

Спектр выстрелил снова, дважды. Одна из пуль просвистела в дюйме от головы Бэтмэна, другая ударила в скалу, за которой он прятался, и дождь каменных осколков поранил ему щеку. Отголоски выстрелов и рикошетов гулким эхом отдавались в проходах лабиринта.

Они покинули освещенную часть пещеры и теперь оказались в полной темноте.

— Ты можешь видеть во мраке? Уэйн, как твои крылатые сородичи? — спросил его Спектр. — Я могу. Как мудро с твоей стороны снабдить меня прибором ночного видения.

Бэтмэн потянулся к поясу и вытащил миниатюрные складные инфракрасные очки. Он защелкнул шнурок и надел очки поверх маски. Наемника нигде не было видно. Но он знал, что тот неуклонно и осторожно приближается, прячась за естественные укрытия скал. Пользуясь исключительно прибором ночного видения, Спектр мог стрелять, не обнаруживая себя. Но если он снова включит лазерный прицел, с которым проще наводить оружие на цель, в какой-то момент тонкий красный луч выдаст его местонахождение. Убийца будет тихо подкрадываться, время от времени тщательно осматривая соседние скалы в ночной бинокль. А это можно использовать против него.

— Уэйн, как далеко простирается эта пещера? — спросил Спектр, и его голос эхом отозвался в темноте. — Кажется туннель сужается. Он оканчивается тупиком? Или слишком узкой расщелиной, сквозь которую не проскользнуть? Ты уже ощущаешь страх, Уэйн?

Бэтмэн остановился у широкой трещины в стене туннеля. Протиснувшись в нее, он начал подниматься вверх как по дымоходу, упираясь спиной и ногами в противоположные стены расщелины.

— Где ты, Уэйн? — позвал Спектр. — Что ты там делаешь? Шепчешь молитвы?

А над ними кружились и громко щебетали летучие мыши, потревоженные грохотом выстрелов, Бэтмэн поднялся так высоко над основанием туннеля, что дальше карабкаться было некуда. Щель стала слишком узкой. Он хорошенько уперся в стену ногами и потянулся к поясу. Бэтмэн вытащил узкую

трубку, напоминающую широкую и удлиненную медную гильзу. Но этот предмет был сделан из пластика, а на конце был зажат титановый оперенный дротик. Он вытянул тонкий трос из катушки на поясе и защелкнул карабин на головке металлической стрелы.

Туннель оканчивался не тупиком, а широким, глубоким провалом, трещиной в каменном полу пещеры, которая когда-то забрала жизнь одного из предков Брюса. Он оказался в ловушке — между Спектром и бездной пропасти. А магазин винтовки наемника еще не скоро окажется пустым. Оглядев сверху туннель, Бэтмен увидел Спектра, который осторожно пробирался по проходу и каждые несколько секунд приставлял к глазам ночной бинокль. Наемник осмотрел пространство слева от себя, где широкий выступ скалы нависал над дном туннеля. Он двинулся туда, рассчитывая оказаться над намеченной жертвой, не подозревая, что жертва сама притаилась над ним. Бэтмэн ждал, напрягая все мышцы, стараясь удержаться в расщелине.

— Давай, Спектр, — прошептал он, затаив дыхание. — Съязви еще что-нибудь.

— Тупик, Уэйн! — крикнул Спектр. — Теперь тебе некуда отступать.

Пока он говорил, Бэтмэн поднял трубку и, прицелившись в противоположную стену туннеля, с силой надавил большим пальцем на спусковой крючок. В темноте послышался тихий протяжный звук, заглушенный голосом Спектра и сумасшедшим чириканьем летучих мышей. Титановый дротик, тянущий за собой тонкий линь, вылетел из дула автоматического пневмоарбалета. Катушка внутри пояса бешено закрутилась, вытравливая трос вслед за стрелой, а в следующее мгновение дротик намертво вонзился в противоположную стену. Теперь Спектр карабкался на выступ скалы. Бэтмэн намотал трос вокруг ладони и, нажав на кнопку в автоматической катушке, обрезал остаток линя. Сильнее упершись в стены расщелины, он запустил руку в другую секцию пояса. Он достал несколько осветительных шариков.

Спектр успел забраться на вершину скального выступа. Он тихонько приютился на краю, стараясь ничем не выдать своей выгодной позиции. Во всяком случае, так думал он. Приставив к глазам ночной бинокль, он водил дулом винтовки, выискивая между камней своего противника.

Бэтмэн стянул с глаз очки ночного видения и оставил их болтаться на шее. Затем бросил вниз осветительные шарики.

Они разорвались с яркими вспышками, залив весь туннель белым светом. Летучие мыши в безумстве заметались под сводом. Спектр с воплем отпрянул от окуляров прибора. На мгновение он полностью ослеп и не заметил Бэтмэна, который

летел к нему на тросе в развевающемся за спиной плаще и с выставленными вперед ногами, чтобы увеличить момент движения. Он врезался ногами в грудь наемника, отшвырнув его на спину. Но Спектр крепко держал свое оружие и, падая, сумел не выронить винтовку. Летучие мыши носились по всей пещере, наполняя воздух возмущенными криками.

Спектр отлетел на землю, и хотя перед глазами у него все еще мелькали искры, быстро перекатился через спину и вскочил на ноги. Бэтмэн бросился на него. Спектр с размаху ударил его прикладом, но лишь слегка задел подбородок. Он тут же перевернул винтовку прикладом к себе и выстрелил. Бэтмэн метнулся в сторону и пули просвистели мимо. Он перекувырнулся через голову и не глядя метнул в противника маленький дротик. Но Спектр, обнаружив, что его выстрелы лишь поцарапали каменные стены, моментально изменил позицию. Он бросился головой в ноги Бэтмэну, перекувырнулся и, поднимаясь, снова нанес удар прикладом.

Бэтмэн остановил рукой удар и тут же мощным коротким движением послал свой кулак в солнечное сплетение наемника. Но Спектр резко опустил винтовку, используя ложе как обычную палку для боев, и отвел удар в сторону. В ту же секунду он почти без замаха выбросил перед собой приклад, целясь Бэтмэну в висок. А тот быстро пригнулся и с разворотом подсек убийцу, как бы выбив из-под него ноги. Спектр грохнулся на пол, но опять удержал в руках оружие. Лежа на спине, он сгруппировался, а потом, резко распрямившись одним прыжком, оказался на ногах. Дуло винтовки уперлось в грудь Бэтмэна. Молниеносным движением он вышиб оружие из рук Спектра. Винтовка, перевернувшись в воздухе, упала на краю каменного выступа, чуть свешиваясь над пропастью.

Спектр с разворотом ударил пяткой, и Бэтмэну снова пришлось прижаться к земле, уходя от удара. Но прежде, чем он успел ответить собственной атакой, Спектр взмахнул другой ногой, целясь Бэтмэну в пах. Одним из приемов айкидо, Бэтмен отклонил удар и захватил нападающего за пятку. Продолжая движение, Бэтмэн резко рванул вверх ногу Спектра, помогая себе тяжестью тела. Однако наемный убийца не шлепнулся на спину. Он сделал в воздухе сальто назад и приземлился на ноги. С момента начала их схватки прошло всего лишь несколько секунд, а вспышки осветительных шариков быстро угасли. Летучие мыши стаями носились вокруг них, сильно потревоженные ярким светом и борьбой. Энергично прогибаясь, Спектр несколько раз сделал «колесо» через спину и оказался в двух шагах от валявшейся на краю пропасти винтовки. Бэтмэн потянулся рукой к поясу, но Спектр вовремя заметил его попытку. Одним плавным, быст-

рым движением он выхватил из ножен стилет и метнул в противника. И тут же потянулся к кобуре пистолета.

В последнюю секунду Бэтмэн резко отдернул голову, и нож, не причинив ему вреда пролетел мимо. Но в ту же минуту Бэтмэн увидел, как на него неотвратимо поднимается дуло большого Гризли. Прежде тот чем выстрелил, Бэтмэну едва хватило времени запахнуться своим плащом, отделанным пластинами кевларового сплава. Пуля большого Магнума.45 врезалась в кевларовую отделку плаща, оказавшуюся недостаточно прочной, чтобы выдержать такой мощный обстрел. Свинец насквозь пробил плащ, но движение смертоносного металла достаточно замедлилось и он застрял в защитной эмблеме летучей мыши на груди у Бэтмэна. Однако, ничто не смогло предохранить Бэтмэна от прямого попадания. Пуля в 230 гранов[1], пропутешествовав со скоростью свыше 1600 футов[2] в секунду, с такой силой ударила ему в грудь, что сбила с ног и оглушила, отбросив на землю.

Спектр засунул пистолет в кобуру и поднял армейскую штурмовую скорострельную винтовку .223-го калибра с увеличенным магазином. Вспышка осветительного шарика почти погасла. Оглушенный Бэтмэн все еще лежал на земле, в то время как Спектр щелкнул активатором лазерного прицела и установил красную точку луча на животе распростертого противника.

— У меня осталось около тридцати патронов, — сказал он, холодно улыбаясь. — Посмотрим, много ли ты сможешь в себе уместить, прежде чем умрешь.

Но прежде чем он успел нажать на курок, ошалевшая летучая мышь ударилась в его лицо. Он вскрикнул и, выронив винтовку, непроизвольно отшатнулся назад и замахал руками, пытаясь сорвать с лица вцепившееся в кожу животное. Но он слишком близко стоял к краю. Спектр оступился и полетел в пропасть.

Последние искорки от вспышек осветительных шариков потухли на холодном каменном полу пещеры и полный мрак снова окутал подземный лабиринт. Бэтмэн сел, со стоном, а потом медленно поднялся на ноги. Он глубоко втянул в легкие воздух. Летучая мышь, ударившаяся в лицо Спектра, стрелой промчалась мимо него.

— Спасибо, друг, — сказал Бэтмэн.

Он опустил голову и натянул на глаза очки ночного видения. Потирая грудь, он подошел к краю выступа. Откуда-то снизу доносились слабые, едва различимые звуки. Бэтмэн наклонился над обрывом и заглянул в пропасть.

Спектр висел в двадцати футах под ним, уцепившись за выступ скалы, чуть раскачиваясь над трещиной в основании пещеры.

1 1 гран = 0,065 грамма
2 1фут = 0,3 м

— Держись, — крикнул ему Бэтмэн. — Я сейчас сброшу тебе веревку.

Он отмотал кусок крепкого нейлонового троса от автоматической лебедки на поясе, привязал к одному концу булыжник для веса и начал спускать трос Спектру. Наемник висел в полной темноте, и Бэтмэн знал, что тот ничего не видит.

— Я спускаю тебе веревку, ... на всякий случай предупредил он.

Не веря своим глазам, Бэтмэн увидел, как Спектр, повиснув на одной руке, потянулся к кобуре и вытащил Гризли. Подняв оружие над головой, наемник целился на голос.

— Не будь дураком! — крикнул Бэтмэн. — Брось пистолет и хватай трос.

Спектр выстрелил.

Словно злой шмель, пуля взвизгнула у виска Бэтмэна, а отдача большого Мага .45 сорвала Спектра с выступа. С диким, яростным воплем он полетел в пропасть, сжимая Гризли обеими руками и безумно стреляя в пустоту, опустошая магазин. Одна из пуль задела армированный плащ Бэтмэна, и он отпрянул за край скалы, не в силах понять поступок Спектра. Эхо замерло под сводами пещеры.

— Почему? — спросил себя ошеломленный Бэтмэн.

И вдруг ответ сам пришел к нему, когда он вспомнил одну из сказок из далекого детства. То была притча о лягушке и скорпионе. Скорпион хотел попасть на другую сторону пруда и попросил лягушку переправить его. Недоверчивая лягушка отказалась, опасаясь,что скорпион может ужалит.

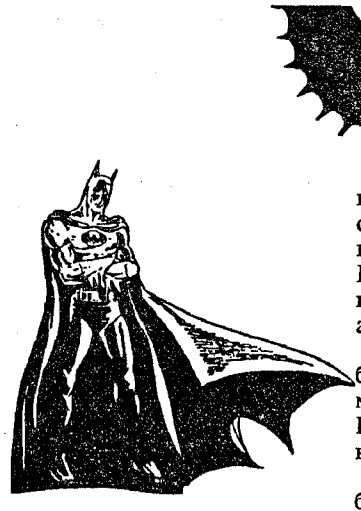
— Послушай, — возразил скорпион, — но если я ужалю тебя, мы утонем вместе.

Это показалось лягушке резонным, и она согласилась переправить скорпиона через пруд. Но на полпути к противоположному берегу, скорпион вонзил ей в спину смертоносное жало.

— Но почему? — воскликнула лягушка, когда гибельный яд начал растекаться по ее телу. — Ведь теперь ты тоже умрешь. Почему ты ужалил меня?

И за мгновение до того, как воды сомкнулись над ее головой, скорпион ответил:

— Это в моей натуре.

Бэтмобиль уже ждал их, когда комиссар Гордон и агент Чэмберс свернули с шоссе на обзорную площадку. За рекой мерцали огни Готем-Сити, а по Готем-Бридж изредко проносились запоздавшие автомобили.

Когда Гордон и Чэмберс выбрались из машины, двери Бэтмобиля распахнулись и Бэтмэн с Рэчел Моррисон вышли им навстречу.

— Как и обещал, мистер Чэмберс, — сказал Бэтмэн, — я возвращаю вам свидетеля целым и невредимым.

— Благодарю вас Бэтмэн, — ответил Чэмберс. — Мисс Моррисон, — добавил он, кивая девушке.

Она обернулась к Бэтмэну. Он кивнул.

— Удачи вам, Рэчел. У вас еще есть второй шанс, — сказал он.

Она закусила губку, потом снова обернулась и поцеловала его в щеку. А затем быстро пошла к машине Гордона и Чэмберса, ни разу не оглянувшись. Она боялась, что расплачется.

— Дело обещает быть интересным, — сказал Чэмберс, протягивая руку Бэтмэну.

Бэтмэн пожал ее.

— Кстати, — продолжил Чэмберс, — все обвинения забыты. Бюро вам благодарно.

— Спасибо, мистер Чэмберс. Только проследите, чтобы Гарсиа надолго упрятали за решетку.

— Не беспокойтесь, — сказал Чэмберс. — Он уже заливается соловьем в Департаменте Правосудия. А тем, что он нам расскажет, мы рассчитываем серьезно ударить по «Макрос». Возможно, даже пресечем их деятельность, по крайней мере, в этой стране.

— Рад это слышать.

— Берегите себя, Бэтмэн.

— И вы тоже, мистер Чэмберс.

Агент ФБР пошел к машине, а Гордон задержался.

— Как там Альфред Пенниворт? — спросил он.

— Он быстро поправляется, — ответил Бэтмэн. — Я звонил

днем в больницу, завтра его уже выпишут, хотя некоторое время ему придется заниматься лечебной гимнастикой.

— Ему повезло, что вы подоспели вовремя, — заметил Гордон. — Да и Брюсу Уэйну повезло, что его не было в это время дома. Я и не подозревал, что Спектр может выбрать для мишени единичных, богатых и влиятельных граждан Готем-Сити. Жаль, мы не успели вовремя добраться к Дэвиду Джексу. По крайней мере, Спектр заплатил жизнью за свои преступления.

— Да, — согласился Бэтмэн, — хотя я предпочел бы взять его живым.

— А он предпочел совершить самоубийство, чем сдаться, — сказал Гордон, покачав головой.

Так Бэтмэн, не вдаваясь в подробности,объяснил ему суть происшедшего. Впрочем, это было правдой.

— Мне кажется, это одно и то же. Не думаю, чтобы он провел в тюрьме много времени. Если только его не приговорили бы к пожизненному заключению. Когда я думаю о сотнях жизней, оборвавшихся по его вине...

— Да, я знаю, — сказал Бэтмэн. — Это причиняет мне столько боли. Пройдет много лет, прежде чем этот город залечит свои раны.

— Знаете, нашлись люди в средствах массовой информации, которые утверждают, что дела обстоят намного хуже, — сказал Гордон. — Кое-кто считает, что можно было спасти многие жизни, если бы мы просто освободили Гарсиа или если бы правительство вообще не совалось бы к нему в Латинской Америке.

— Поступи они так, — ответил Бэтмэн, — и мы бы навсегда отдали себя на милость любому головорезу с пистолетом или бомбой. С такими людьми нельзя вести переговоры и нельзя допускать победы их методов. Иначе цена в человеческих жизнях станет еще выше. А мы каждый раз будем платить. С такими, как Гарсиа нашей стране, надо расправляться как если бы они высадили армии на наши территории. Впрочем, в конечном итоге именно это они и сделали.

— Не надо убеждать меня в этом, — сказал Гордон. — Лучше объясните это прессе.

— Как бы то ни было, люди оценивают наши поступки, — сказал Бэтмэн. — Когда приходит беда, они встают плечо к плечу. Они знают, кто их враги.

— И кто их друзья тоже, — напомнил Гордон, протягивая на прощание руку. Бэтмэн пожал ее. — Берегите себя, друг мой.

— И вы тоже, Джим. Помните, когда я вам понадоблюсь, я буду рядом.

* * *

Энрике Васкес загнал свой ярко-красный «Порш» в подземный гараж шикарного многоквартирного дома. Рядом с ним сидела сногсшибательно воздушная, длинноногая блондинка, чей разум, по его мнению, ни разу не омрачило присутствие собственных мыслей. Но это его не беспокоило. Она была ослепительным созданием с хорошеньким, в форме сердечка личиком, и большими голубыми глазами. И если ее стиль беседы ограничивался лишь восклицаниями типа «как ужасно очаровательно!» или «Ах, вот это да!», то ему было абсолютно все равно, потому что он относился к тем, кого она находила «ужасно очаровательным», а все о чем он мог думать, уставившись на ее невероятно длинные ноги, было «Ах, вот это да!»

— Значит, милый, ты здесь живешь? — спросила она, когда он выключил двигатель.

— Да, на пятнадцатом этаже, — ответил он. — Я жду не дождусь показать тебе мою квартиру. Я украсил ее напоминаниями о моей карьере. Мои фотографии вместе со знаменитостями, у которых я брал интервью, призы, мой портрет, написанный Энди Уаролем, все такое.

— Как ужасно очаровательно!

— Я думаю, мы отыщем немного вина, включим приятную музыку, погасим повсюду свет и замечательно проведем время, узнавая друг друга поближе.

Она улыбнулась.

— Мне это нравится.

Да и мне тоже, думал Васкес, вылезая из машины. Он обошел автомобиль, чтобы открыть ей дверцу, а точнее, чтобы насладиться прекрасным зрелищем ее короткой юбки, которая обязательно задерется, обнажая эти длинные ноги, когда девушка будет выбираться из низкого «Порша». Да, думал Васкес, его машина стоила каждого пенни, который он заплатил, хотя бы из-за того, как женщины выходили и садились в нее.

Когда они обходили машину сзади, двойные лучи ослепительно ярких фар ударили им в глаза. Припарковав машину, Васкес не заметил, как вслед за ними бесшумно проскользнул изящный черный автомобиль и остановился в нескольких метрах позади. Пока Васкес беспомощно моргал и пытался прикрыть ладонью глаза, внушительная черная фигура шагнула в лучи фар и огромная тень легла на асфальт.

— Добрый вечер, мистер Васкес, — сказал глубокий сильный голос.

Васкес увидел развевающийся плащ и большие заостренные уши в черной маске. Непроизвольно он сделал несколько шагов назад.

— Бэтмэн! — выдавил он.

— Ах, вот это да! — воскликнула блондинка.

— Добрый вечер, мисс, — сказал Бэтмэн. — Вы мне не откажете, если я попрошу вас оставить нас на пару минут? Мне хотелось бы поговорить с мистером Васкесом с глазу на глаз.

— Стой рядом со мной, — прошипел Васкес, порываясь схватить ее за руку. Но она уже шла к Бэтмэну.

— Будьте добры, подождите в Бэтмобиле, хорошо? — сказал ей Бэтмэн. — Только ничего не трогайте. Это может быть опасным.

— Ах, вот это да!

— Что вам надо?! — нервно выкрикнул Васкес.

— Я думал, мы можем немного побеседовать, — сказал Бэтмэн, приближаясь. — О журналистской этике.

Васкес снова отступил.

— Не подходите ближе. — Его голос чуть ли не срывался. — Я... изучал боевые искусства.

— И по-прежнему ими владеете? — улыбаясь спросил Бэтмэн. Он продолжал приближаться.

— Послушайте, я... не хочу неприятностей, — сказал Васкес. Он пятился и его голос слегка дрожал.

— Для человека, не желающего неприятностей, вы натворили более чем достаточно, — ответил Бэтмэн, неуклонно наступая на Васкеса, который также неуклонно отступал.

— Эй! Я — репортер, — взмолился Васкес. — Я всего лишь репортер отдела новостей.

— Нет, Энрике, — возразил Бэтмэн, — вы намного больше заинтересованы в создании сенсаций, чем в их освещении. Знаете, в этом есть разница.

— Эй... не подходите ко мне, — предупредил Васкес, пятясь задом пока не уперся в стену. Он быстро посмотрел по сторонам, но путей к отступлению не было. — На моей стороне закон! Я с вами не ссорился.

— О, но боюсь, что я ссорился с вами, — ответил Бэтмэн. — Это я не в ладах с вашей манерой собственного продвижения по службу, за счет людей, которые пытаются поддерживать в этом городе закон и порядок. Это я не в ладах с тем, как вы прячетесь за Первой Поправкой к Конституции, ради того, чтобы покривляться перед камерой и превознести свое жалкое чувство собственной значимости. И мне не нравится, как вы пользуетесь средствами массовой информации, чтобы удовлетворить беспредельно раздутое эго, в то же время скрывая от полиции важные показания и содействуя безумным требованиям маньяка-убийцы...

— О'кей, послушайте, — сказал Васкес, с трудом проглотив комок в горле. — О'кей, возможно, я слишком далеко зашел, но

я просто выполнял свою работу. Подождите... мы сможем договориться.

— О! Что вы можете предложить?

— Я сделаю вас звездой,— быстро проговорил Васкес. — Я могу сделать серию репортажей. Мы подадим вас как героя, а не как опасного мстителя. Все, что хотите, только подскажите как это обыграть. Я не собираюсь подставить вас, честно, клянусь! Я сделаю это для вас, о'кей? Это пойдет на пользу нам обоим. Вы прикроете мою спину, а я — вашу. Все, что хотите, приятель. Только не делайте мне больно, пожалуйста!

— Вы записали это, мисс Уильямс? — спросил Бэтмэн.

— Да, — ответила Конни Уильямс, — выходя из тени со своим кинооператором.

Васкес непонимающе переводил взгляд с Бэтмэна на телерепортеров и обратно.

— Что, черт возьми, это означает? — спросил он.

— Настоящий Энрике Васкес, — с улыбкой ответила Конни. — Все тайники души.

— Вы записали все это на пленку! — воскликнул Васкес с отчаянием.

— Каждое льстивое слово и жест, — подтвердила она.

— Вы не можете это использовать! — закричал Энрике. — Вы не посмеете пустить это в эфир!

— И да, и нет, — уклончиво ответила Конни. — Но я могу наделать копий и разослать по всем ТВ- станциям города для личного развлечения настоящих репортеров. И мы можем прокручивать пленку на вечеринках, которыми ты обычно прельщаешь своих друзей-знаменитостей. «Я сделаю вас звездой», — передразнила Конни. — «Только не делайте мне больно, пожалуйста!»

— Конни, Конни, ты не можешь так поступить!

— Хочешь пари? Ладно, пока. Спасибо, Бэтмэн. Одна кассета за мной.

— Всегда рад помочь, мисс Уильямс. Спокойной ночи, мистер Васкес, — попрощался Бэтмэн.

— Конни, Конни, подожди!

— Куда-нибудь,я могу вас подбросить, мисс? — услышал Васкес как Бэтмэн предложил свои услуги блондинке.

— Прогулка в Бэтмобиле? Ах, вот это да!

СОДЕРЖАНИЕ

Крэйг Шоу Гарднер

БЭТМЭН 5

Крэйг Шоу Гарднер

БЭТМЭН ВОЗВРАЩАЕТСЯ 141

Саймон Хоук

БЭТМЭН: ПО СЛЕДУ СПЕКТРА 279

Редактор — *В. Соболев*
Составитель — *В. Чиколини*
Художники — *В. Суриков, В. Зорин*
Корректор — *Т. Сологуб*
Компьютерный набор — *Ф. Копонов, Ю. Акимкин*

Сдано в набор 15.05.93г. Подписано в печать 28.06.93г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Таймс». Печать высокая.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 150 000 экз. Заказ 1155. С14.

Издательство «Эрика», 115408, г. Москва, а/я 10.
Тираж изготовлен при участии НПО «Геолит».

Ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга», Мининформпечати РФ,
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Частный издательский дом «ВИДЕО-АСС» выпускает четыре журнала:

«Видео-асс», «Видео-асс» ЭКСПРЕСС, «Видео-асс» ПРЕМЬЕР, «Видео-асс» САТЕЛЛИТ.

«Видео-асс» **САТЕЛЛИТ** издается в сотрудничестве с французским журналом «Telesatellite».

«Видео-асс» **ПРЕМЬЕР** издается в сотрудничестве с французским журналом «Premiere».

Общий тираж периодических изданий — **1 миллион** экземпляров.

«Видео-асс» специализируется на кино– и видеопроблематике, выпуске справочников, каталогов, технической и прочей литературе.

«Видео-асс» вошел в международные структуры центров, архивов и фестивалей по проблемам кино и видео. Издательский дом «Видео-асс» представляет на территории России и стран Содружества интересы пресс-группы **АШЕТТ.**

Мы готовы:

связать Вас с нашими многочисленными зарубежными партнерами;

предоставить страницы наших изданий для Вашей рекламы;

отпустить оптовые партии наших изделий для реализации со значительной торговой скидкой.

Наш адрес:

Москва, 109280, Велозаводская, 6А.
Гл. редактор — Владимир Борев

Телефоны:
редакция — 128–66–14
для справок — 151–96–87
отдел реализации — 118–89–55, 118–89–47

